

24983

Юридический

Ученые о

наказаниях.

AL
1954. 12. X

У/15310

О НАКАЗАНИИ.

Наука уголовного права посвящается изслѣдованію двухъ взаимно себя дополняющихъ и другъ друга обусловливающихъ понятій: понятія о преступномъ дѣяніи и понятія о наказаніи. Та часть ея, которая занимается послѣднимъ, носитъ названіе пенологии или ученія о наказаніи. Содержаніе его образуютъ вопросы:

- 1) о правѣ наказанія,
- 2) о примѣненіи наказанія, и
- 3) о мѣрахъ наказанія.

Часть I. Право наказанія.

Право наказанія въ субъективномъ смыслѣ (*ius puniendi*) означаетъ власть запрещенія извѣстныхъ дѣйствій подъ угрозой наказанія, преслѣдованія нарушителей такихъ запретовъ и примѣненія къ нимъ уголовной угрозы. Оно распадается на право уголовного преслѣдованія, право опредѣленія наказанія и право исполненія его. Разсмотрѣніе первой его части принадлежитъ уголовному процессу; двѣ остальные входятъ въ область уголовного права матеріальнаго.

Въ одной только Европейской Россіи, окружными судами, палатами и мировыми судьями по дѣламъ важнѣйшимъ ¹⁾ приговаривается ежегодно къ наказаніямъ до 75.000 человѣкъ. Число это растетъ годъ отъ году: въ 1877 г. оно составляло лишь 55.787, въ 1879—64.139, въ 1880—69.739, въ 1881 г.—76.070 человѣкъ, что обнаруживаетъ ежегодную прибавку въ 5.000, свидѣтельствующую о постоянномъ и весьма быстромъ усиленіи у насъ преступности, заслуживающемъ самаго тщательнаго вниманія науки.

¹⁾ Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ за 1873—1881 годы; здѣсь нѣтъ указаній о числѣ приговоренныхъ мировыми установленіями къ наказаніямъ ниже тюремнаго заключенія.

35572 (54)

Но и эти цифры не полны, такъ какъ въ изданіе министерства юстиціи, откуда онѣ почерпнуты, не входятъ свѣдѣнія о приговоренныхъ къ наказаніямъ ни судами особенными по мѣсту (Царства Польскаго, сибирскими, финляндскими) и по сословіямъ (военными, сельскими), ни судами стараго устройства, ни даже мировыми судьями по дѣламъ меньшей важности, гдѣ законъ угрожаетъ наказаніемъ ниже тюремнаго заключенія. По изданію другого вѣдомства, главнаго тюремнаго управленія¹⁾, въ однихъ только мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства находилось заключенныхъ къ 1-му января 1885 г. 94.515 человекъ, къ 1-му января 1886 г.—99.973; погушило же въ нихъ въ теченіи 1884 г. 728.000 человекъ, въ теченіи 1885 г.—727.500, считая въ томъ числѣ, кромѣ приговоренныхъ къ наказаніямъ, добровольно слѣдующихъ за ними женъ и дѣтей, а также подслѣдственныхъ, пересыльныхъ и заключенныхъ административныхъ, слѣдовательно, все-таки, такъ сказать, прикосновенныхъ къ наказанію. Эти поражающе высокія цифры настойчиво останавливаютъ на себѣ вниманіе и вызываютъ вопросъ о томъ, насколько необходимо наказаніе и нѣтъ ли возможности достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются современнымъ наказаніемъ, иными мѣрами, болѣе производительными для общечитія, болѣе полезными и для подлежащаго наказанію.

По его основной идеѣ, наказаніе представляетъ собою принужденіе, примѣняемое къ учинившему преступное дѣяніе. Принужденіе это можетъ принимать различныя формы физическаго и психическаго воздѣйствія на личность; угроза его оказываетъ воздѣйствіе психическое, исполненіе—главнымъ образомъ воздѣйствіе физическое; но качество принужденія принадлежитъ каждому наказанію, какъ бы ни было оно незначительно. Принужденіе наказанія заключается въ причиненіи или обѣщаніи причинить наказываемому какое-нибудь лишеніе или страданіе; поэтому, всякое наказаніе направляется противъ какого-нибудь блага, принадлежащаго наказываемому—его имущества, свободы, чести, правоспособности, тѣлесной неприкосновенности, а иногда даже противъ его жизни.

На чемъ же основывается причиненіе такого страданія однимъ человекомъ другому? Почему такъ всеобще попирается евангельская заповѣдь любви и прощенія, замѣняясь противоположнымъ порядкомъ наказанія?

Институтъ наказанія мы встрѣчаемъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; такое историческое свидѣтельство нѣкоторые ученые, какъ,

¹⁾ Матеріалы по тюремной статистикѣ, изданіе главн. тюремн. управл. за 1884—1886 гг.

напр., у насъ покойный профессоръ Кистяковскій, признають вполне достаточнымъ его оправданіемъ. Но это только объясненіе. Есть предразсудки и суевѣрія, держащіеся вѣками и даже тысячелѣтіями; наука лишь послѣ долгихъ усилій разрушаетъ ихъ, и далеко не все еще суевѣрія разрушены. Не принадлежитъ ли наказаніе къ числу такихъ предразсудковъ? Историческія свидѣтельства, очевидно, дать отвѣта на этотъ вопросъ не могутъ и потому необходимо обратиться къ инымъ источникамъ.

Принужденіе, заключающееся въ каждомъ наказаніи, слѣдуетъ за учиненіемъ преступнаго дѣянія. Послѣднее есть нарушеніе, отрицаніе того порядка жизни, который установился между людьми. Каждый установившійся складъ жизни можетъ существовать только при условіи его охраненія отъ нарушенія; если нарушеніе произошло—а нарушенія неизбежны въ каждомъ складѣ общезитія—то порядокъ долженъ быть восстановленъ и охраненъ, иначе онъ разрушится. Положеніе это можетъ быть подтверждено на каждой формѣ общезитія—семьѣ, артели, общинѣ; его не избѣгаетъ и государство. Послѣднее, равнымъ образомъ, вынуждено охранять установившійся въ немъ порядокъ жизни, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, разрушиться. Въ этомъ смыслѣ наказаніе есть мѣра охраненія противъ преступныхъ дѣяній нарушаемаго ими склада, нарушаемыхъ имъ интересовъ или правъ, образующихъ систему правопорядка. Необходимость охраненія лежитъ въ существованіи самаго правопорядка: оно примѣняется независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ, побочныхъ цѣлей; оно неизбежно слѣдуетъ за преступнымъ посягательствомъ, составляя его необходимый результатъ,—необходимый въ силу существованія правопорядка. Хотя бы при этомъ не были достигнуты никакія побочныя цѣли, охраненіе нарушеннаго необходимо: иначе установившійся правопорядокъ распадется и замѣнится другимъ.

Но этимъ необходимость наказанія и основаніе права на него еще далеко не установлены. Охраненіе правопорядка можетъ быть достигнуто или мѣрами объективными, или мѣрами личнаго воздѣйствія, субъективными. Является неизбежный вопросъ: почему же для охраненія правопорядка не довольствоваться мѣрами объективными, которыя, притомъ, оказываются наиболѣе совершенными и дѣйствительными? Почему кражамъ нужно и можно противопоставлять тюрьму и, какъ думали, даже розги, а не устройство въ голодныя эпохи народныхъ столовыхъ, не раздачу съѣстныхъ припасовъ, улучшеніе путей сообщенія для подвоза ихъ и т. п. Исторія права уже во многихъ случаяхъ успѣла регистрировать переходъ отъ мѣръ субъективныхъ къ мѣрамъ объективнымъ, и такая смѣна есть одинъ изъ

крупныхъ признаковъ прогресса. Долгое время вся почти область гражданскаго права охранялась мѣрами личнаго воздѣйствія; когда цивилизація успѣла пріискать для этого мѣры объективныя, оказавшіяся несравненно болѣе дѣйствительными, то область гражданскаго права совершенно отдѣлилась отъ права уголовнаго, и нынѣ было бы анахронизмомъ побуждать должника къ уплатѣ долга отпращиваніемъ его въ каторжныя работы, какъ практиковалось еще при Петрѣ I. Изъ необходимости охраненія порядка вытекаетъ лишь необходимость мѣръ объективныхъ, къ этой цѣли направленныхъ; для объясненія наказанія нужно обратиться къ свойству тѣхъ отношеній, среди которыхъ оно примѣняется, поискать разрѣшеніе его въ природѣ субъекта и объекта карательнаго отношенія и цѣлей, наказаніемъ преслѣдуемыхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ наказанія распадается на вопросы о субъектѣ наказанія и объ объектѣ его; съ первымъ связанъ вопросъ объ основахъ права наказанія, со вторымъ — вопросъ о цѣляхъ и свойствахъ наказанія.

ГЛАВА I.

Субъектъ права наказанія и его основы ¹⁾.

I. Личная месть и наказаніе.

На первоначальныхъ ступеняхъ исторіи уголовнаго права карательная дѣятельность принадлежала частнымъ лицамъ, потерцѣвшимъ отъ преступныхъ дѣяній. Но человѣкъ молодой культуры отличается смѣшеніемъ субъективнаго съ объективнымъ, неумѣемъ отдѣлать свое „я“ отъ вишняго окружающаго его міра ²⁾). Въ области религіозныхъ вѣрованій это приводитъ къ фетишизму, въ области науки — къ отсутствію сознанія законовъ природы и постояннымъ олицетвореніямъ, въ области юридической — къ отсутствію понятія права, замѣняемаго понятіемъ односторонняго, не признаннаго другими интереса (право не объективировавшееся). Соответственно этому, нѣтъ и понятія неправды; его замѣняетъ субъективное понятіе обиды; нѣтъ

¹⁾ Rossi, *Traité de droit pénal*, изд. Hélie, 1863; Bar; *Handbuch des deutschen Strafrechts*, I, 1882; Holtzendorff, *Handbuch*, I; Jellinek, *die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe*, 1878; Liszt, *Lehrbuch*; Бернеръ, учебникъ въ пер. Неклюдова; Таганцевъ, *Карательная власть и ея границы* (Ж. гр. уг. пр. 1882 г. № 19); Liszt, *Lehrbuch des d. Strafrechts*, изд. 2-е.

²⁾ Фойницкій, *Русская карательная система* (Сборн. гос. знаній, т. I); Rost, *Bausteine für die allgemeine Rechtswissenschaft*, 1881.

наказанія, его замѣняетъ мѣсть. Мститель или отнимаетъ у виновника его блага, сообразуясь не съ важною его вины, а съ глупиною чувствуемой имъ обиды и отношеніемъ силъ своего противника къ своимъ собственнымъ силамъ, или получаетъ съ него выкупъ и прощаетъ ему обиду. Стремясь къ удовлетворенію интересовъ мстителя, месть не заботится объ интересахъ лица, противъ котораго она направляется.

Но уже самыя раннія извѣстія изображаютъ намъ человѣка въ состояніи общественномъ. На его отношеніяхъ къ другимъ людямъ вліяніе общежитія сказывается весьма явственно, опредѣляя его дѣятельность. Вѣрованія религіозныя, общественныя нравы и обычаи руководятъ и рукою мстителя. Существенныя интересы общежитія заставляютъ его въ извѣстныхъ, сперва важнѣйшихъ преступленіяхъ, требовать мести отъ потерпѣвшаго. Кто не мститъ за тяжкую обиду, ему или членамъ его семьи причиненную, тотъ признается позорнымъ, оскорбляющимъ божество и нарушающимъ свой долгъ по отношенію къ обществу. Въ свою очередь, общество помогаетъ потерпѣвшему осуществить дѣло мести, идя войной на обидчика и его родъ. Частныя войны въ первичномъ быту практиковались очень часто и замѣняли дѣло суда. Изъ войнъ образовались и мѣры наказанія: это были мѣры побѣдителя надъ побѣжденными.

Постепенно общественныя кружки сосредоточиваютъ власть наказанія всецѣло въ своихъ рукахъ и сами расправляются съ обидчиками. Местъ личная (*vindictum privatum*) смѣняется местью общественною (*vindictum publicum*), и личность потерпѣвшаго болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ. Каждый кружокъ общественный пріобрѣтаетъ власть наказанія надъ своими членами. Но при коллизіи съ другими кружками остается необходимою война. Местъ вызывала обратную месть, общества находились въ постоянной враждѣ, самыя существенныя интересы не были обезпечены. „И вѣта родъ на родъ“ — такъ характеризуетъ нашъ лѣтописецъ это хаотическое состояніе вещей.

Для того, чтобъ положить ему предѣлъ, нужна была сильная власть, которая способна была-бы объединить все общественныя кружки, все роды, и своею дѣятельностью сдѣлать излишними безпрерывныя частныя войны. Такая власть была власть государственная, такая дѣятельность была дѣятельность судебная вообще и карательная въ частности.

Въ современномъ правовомъ строѣ цивилизованныхъ народовъ объединеніе это уже вполне завершилось, и право наказанія принадлежитъ единственно и исключительно государству, какъ его

субъекту. Личность потерпѣвшаго отодвинулась на задній планъ; цѣлое государство, въ лицѣ представляющаго его правительства, выступаетъ истцемъ въ дѣлахъ уголовныхъ, заинтересованнымъ въ наказаніи виновныхъ. Какъ остатокъ прежняго порядка, за личностью по нѣкоторымъ дѣламъ сохранилось право требовать наказаніе и отказываться отъ него; но даже по этимъ дѣламъ наказаніе назначается не для удовлетворенія личнаго интереса обиженнаго, а въ видахъ интересовъ общегосударственныхъ; прежній личный, частный принципъ уступилъ мѣсто принципу публичному, государственному.

II. Карательная власть.

Представителемъ государства какъ субъекта этого права является верховная государственная власть. Отъ нея зависитъ установленіе законовъ, объявляющихъ тѣ или иныя дѣянія наказуемыми, выборъ самыхъ мѣръ наказанія и общее наблюденіе какъ за примѣненіемъ, такъ и за исполненіемъ ихъ. Въ прежнее время она выступала и непосредственно въ дѣлахъ уголовныхъ, притомъ и какъ истецъ, и какъ судья. „А не будетъ“, писалъ Котошихинъ о времени Алексѣя Михайловича, „въ смертномъ дѣлѣ челобитчика, и такимъ дѣломъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь“. Донинѣ въ Англии уголовныя дѣла формулируются, какъ „дѣло короля (или королевы) противъ подсудимаго“ (а *Queen against the prisoner*). Личное осуществленіе суда монархомъ продолжалось у насъ до судебныхъ уставовъ 20 ноября, да и нынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введена судебная реформа, на основаніи прежняго законодательства, уголовныя дѣла могутъ доходить до разрѣшенія монарха черезъ государственный совѣтъ. Нѣкоторые слѣды этого порядка вещей сохраняются даже по новому законодательству. Такъ, приговоры судебныхъ мѣстъ о лишеніи сословныхъ правъ лицъ привилегированныхъ состояній требуютъ непосредственнаго утвержденія императора и представляются ему для этого черезъ министра юстиціи (ст. 945 уст. уг. с.); возбужденіе уголовного преслѣдованія относительно членовъ царствующаго дома, по вѣсѣмъ преступленіямъ, зависитъ отъ усмотрѣнія царствующаго императора (ст. 202 основн. законовъ); дѣла о заочномъ оскорбленіи государя или членовъ царствующаго дома могутъ быть направлены къ суду не иначе, какъ по докладу о томъ министромъ юстиціи государю; высшіе чины первыхъ трехъ классовъ, за преступленія по должности, предаются суду по высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ государственнаго совѣта (ст. 1109 у. у. с.); прекращеніе слѣдствій по нѣкоторымъ политическимъ преступленіямъ требуетъ высочайшаго повелѣнія (ст. 1045 у. у. с.).

Такое непосредственное осуществленіе карательной дѣятельности главою государства болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія. Карательная дѣятельность должна быть подчинена закону, отправляться согласно его требованіямъ, и потому неправильно возлагать ее на органы, стоящіе выше закона. Пригодными для этого могутъ быть только органы подзаконные, закону подчиненные и передъ нимъ отвѣтственные. Таковы администрація и судъ, между которыми и распредѣляется карательная государственная дѣятельность ¹⁾. Верховная же власть сохраняетъ въ своихъ рукахъ общее ея направленіе путемъ законовъ и общее за нею наблюденіе путемъ ея организаціи. Ей же принадлежитъ исправленіе законовъ, оказавшихся несоотвѣтственно строгими для данного случая, путемъ помилованія.

Положеніе, согласно которому верховная власть, какъ представитель государства, въ то же время есть представитель власти карательной, означаетъ, что никакое дѣяніе не можетъ быть наказуемымъ безъ воли государственной власти, и всякое дѣяніе, признанное ею преступнымъ, подлежитъ наказанію. Такимъ образомъ, формальное основаніе наказанія есть воля государственной власти, являющейся его субъектомъ. Но иногда власть государственная передаетъ это право другимъ органамъ, ей подчиненнымъ и отъ нея зависящимъ. Такъ, по англійскому праву, судебнымъ мѣстамъ предоставляется не наказывать дѣянія, по закону наказаніями обложенныя, если въ данномъ случаѣ причиненный ими вредъ представляется ничтожнымъ, маловажнымъ, напр. согласно статуту 1861 г., при простомъ поврежденіи чужаго имущества. Такъ, по нашему праву, городскимъ и земскимъ учрежденіямъ предоставлено издавать обязательныя постановленія, ограждающія соблюденіе ихъ угрозою наказанія въ предѣлахъ, государственною властью установленныхъ. Это—производные субъекты карательной власти, располагающіе ею не самостоятельно, а на основаніи специальной уступки, имъ сдѣланной государствомъ, въ виду тѣхъ же общегосударственныхъ интересовъ.

Но государство, кромѣ своей общей жизни, живетъ еще жизнью отдѣльныхъ общественныхъ единицъ, въ которыя укладывается его населеніе. Такія единицы или старѣе, и по времени явились раньше государства, уже ихъ заставшаго и сплотившаго, какъ-то: семья, родъ, община, церковь; или учреждены волею государства для достиженія разныхъ задачъ, имъ преслѣдуемыхъ, какъ-то: сословія, корпораціи, вѣдомства. Членами этихъ единицъ могутъ быть совершаемы или нарушенія общаго уголовного закона, подпадающія

¹⁾ Распредѣленіе ея между ними излагается въ курсахъ уголовного судопроизводства, тюремновѣдѣнія и полицейскаго права.

карательной власти; или же нарушенія специальныхъ условій существованія той или иной общественной единицы, ихъ обнимающей. Противодѣйствіе нарушеніямъ послѣдняго рода важно не только въ интересахъ такихъ отдѣльныхъ единицъ, но и всего государства; однако, вторженіе послѣдняго со своими карательными мѣрами во внутреннюю жизнь общественной единицы было бы въ высшей степени нежелательно и даже невозможно. Нежелательно, такъ какъ это могло бы грозить самому существованію такихъ единицъ, крайне нужныхъ для государства. Невозможно потому, что средства государства оказались бы въ такомъ случаѣ недостаточными для служенія болѣе насущнымъ потребностямъ. Отсюда выдѣленіе изъ карательной власти понятія власти дисциплинарной, такимъ единицамъ предоставляемо.¹⁾ Различаясь по органамъ, онѣ различаются также по предмету и по мѣрамъ, къ которымъ прибѣгаютъ²⁾.

Сосредоточенная въ рукахъ государства, карательная дѣятельность имѣетъ общественный или публичный характеръ. Наказаніе назначается не частнымъ лицомъ или частнымъ учрежденіемъ, какъ его частное право, а государствомъ. Примѣняется оно не въ интересахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, подобно мѣрамъ гражданскаго взысканія, а въ интересахъ всего общества. Даже дѣянія, наказуемыя не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, по справедливому замѣчанію Таганцева, преслѣдуются и караются нынѣ не для удовлетворенія личнаго чувства обиды потерпѣвшаго, а въ виду общихъ интересовъ государства.

Право наказанія, принадлежащее государству, составляетъ его обязанность, отъ осуществленія которой оно не можетъ воздерживаться. Это—обязанность передъ частными лицами, потерпѣвшими отъ преступленія, и передъ всѣмъ обществомъ. Но отсюда не слѣдуетъ, какъ думаетъ Баръ, что субъектъ права наказанія есть общество: послѣднее контролируетъ также акты правленія, хотя послѣдніе есть несомнѣнная функція государственной власти.

III. Основы права наказанія.

Каждый правовой институтъ, каждая правовая мѣра имѣетъ свои ближайшія и отдаленныя основы. Ближайшія основы правовыхъ мѣръ носятъ правовой характеръ, коренясь въ какомъ-нибудь субъективномъ правѣ, основанномъ на правѣ объективномъ; такъ,

¹⁾ Первоначально, какъ замѣчено выше, эти общественныя единицы располагали самостоятельной карательною властью, которую унаслѣдовала власть государственная.

²⁾ Подробнѣе о дисциплинарной власти въ Россіи см. указ. ст. Таганцева.

приобрѣтеніе вещи покупкою основывается на передачѣ ея прежнимъ собственникомъ, въ силу принадлежащаго ему права распоряжаться вещью по своему усмотрѣнію. Но если мы, оставляя ближайшія основы, пожелаемъ узнать отдаленныя, то, въ концѣ-концовъ, приходимъ къ какому-нибудь факту, не имѣющему правоваго характера и производящему юридическія послѣдствія. Такъ, основаніемъ права собственности оказывается фактъ захвата, окупированія вещи первоначальнымъ владѣльцемъ, въ связи съ вызвавшей его потребностью. Отношенія, изъ такого захвата вытекающія, мало по малу получаютъ признаніе третьихъ лицъ и становятся въ силу этого отношеніями правовыми.

Подобно тому и наказаніе, какъ правовой институтъ, имѣетъ въ основаніи своемъ разнообразныя потребности человѣка, къ удовлетворенію которыхъ оно призывается и во имя которыхъ происходятъ простѣйшіе факты, мало по малу образующіе понятіе наказанія. Потребности эти лежатъ или въ человѣкѣ, какъ индивидъ, или же въ общежитіи людей. Онѣ могутъ быть разбиты на: 1) потребности матеріальнаго существованія; 2) потребности, лежащія въ чувственной, сенсуальной сторонѣ человѣческой природы; наконецъ 3) потребности, лежащія въ его сторонѣ умственной, интеллектуальной. Всѣ онѣ опредѣляли наказаніе, каждая изъ нихъ создавала въ этомъ институтѣ своеобразныя черты. Тѣмида, богиня юстиціи, по преимуществу уголовной, изображается въ формѣ женщины съ повязанными глазами; въ одной рукѣ она держитъ мечъ, въ другой вѣсы. Въ этой символической формѣ, мечъ — эмблема потребностей матеріальнаго существованія, женская фигура съ повязкой на глазахъ — эмблема потребностей сенсуальныхъ, вѣсы — эмблема потребностей интеллектуальныхъ.

1. Потребность матеріальнаго существованія вызвала первыя столкновенія между людьми. Исходъ ихъ зависѣлъ отъ величины опасности, угрожавшей существованію, и не останавливался передъ самыми насильственными мѣрами, направлявшимися противъ личности противника. Слѣды этого основанія замѣтны до сихъ поръ въ частномъ правѣ на вознагражденіе за вредъ, причиненный преступленіемъ, и въ правѣ обороны, оставшемся въ рукахъ частнаго лица. Вліяніе его проглядываетъ и на обрисовкѣ многихъ современныхъ наказаній; до сихъ поръ, преступниковъ стараются такъ или иначе отдѣлить отъ другихъ лицъ, т. е. гарантировать для послѣднихъ возможность безопаснаго существованія. Если при этомъ имѣется въ виду охраненіе существованія отдѣльныхъ частныхъ лицъ, то получаютъ теоріи защиты или необходимой обороны (Руссо, Монтескье, Шарль Люкасъ). Если наказаніе оправдывается какъ мѣра

охраненія государственнаго существованія, то можетъ быть при этомъ выдвинуть на первый планъ любой изъ институтовъ государства— власть или населеніе; въ первомъ случаѣ наказаніе защищается какъ мѣра поддержанія власти, во второмъ—какъ мѣра общественнаго самосохраненія.

Теоріи власти видятъ въ наказаніи институтъ, существующій для поддержанія силы и авторитета государственной власти. Смотри по тому, имѣютъ ли онѣ въ виду власть личныхъ представителей государства, или безличную власть закона, онѣ распадаются на двѣ группы. Виднѣйшимъ представителемъ первой былъ Гоббсезъ, который смотрѣлъ на наказаніе исключительно какъ на мѣру, существующую для обезпеченія монарху необходимаго господства надъ подданными, и оправданіе его находилъ въ томъ, что безъ него монархъ утратилъ бы свою власть. Ко второй группѣ относится большинство практическихъ юристовъ и комментаторовъ. У насъ на сторону этого направленія сталъ Лохвицкій. Законы физическіе, говоритъ онъ, безусловны, законы нравственные могутъ быть нарушаемы и потому для охраненія ихъ необходимо наказаніе. Если на мѣсто отдѣльныхъ положительныхъ законовъ поставить совокупность нормъ, образующихъ правопорядокъ, то наказаніе представляется мѣрою охраненія такихъ нормъ,—и мы получимъ современныя германскія такъ называемыя правовыя теоріи наказанія, съ теоріею Биндинга во главѣ.

Взглядъ на наказаніе, какъ на мѣру общественнаго самосохраненія, также высказывался неоднократно. По Фихте, государство, продуктъ свободнаго договора, имѣетъ задачей оградить общую безопасность, несуществовавшую во вѣгосударственномъ состояніи; каждый человекъ, входя въ государство, принимаетъ на себя обязанность уважать требованія такой безопасности, а въ противномъ случаѣ, быть изгнаннымъ изъ государства; поэтому, за всякое нарушеніе безопасности, за всякое преступленіе слѣдовало бы назначать изгнаніе; но такъ какъ мѣра эта слишкомъ тяжела и для огражденія безопасности могутъ быть достаточны иныя мѣры, болѣе легкія, то, по Фихте, при образованіи государства люди уговорились, что, при совершеніи преступленій, государство можетъ назначать и иныя мѣры, которымъ нарушитель обязанъ подчиняться. По Неклюдову, наказаніе есть общественная гарантія, примѣняемая къ опасному для общества лицу. Въ новѣйшее время мысль эта стала лозунгомъ италіанской антропологической школы ¹⁾, съ Ломброзо

¹⁾ Lombroso, L'uomo delinquente, 3 изд. 1884; Ferri, I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale, Bologna, 1884; Ziino, La fisio-

въ главѣ. Ея характеристическая черта—взглядъ на преступника какъ на ненормальный органическій типъ, недоразвившійся или вырождающійся, а на наказаніе какъ на мѣру общественнаго самосохраненія. Въ германской литературѣ къ ней примыкаетъ Крэтлинъ въ брошюрѣ *die Abschaffung des Strafmaszes*; по мнѣнію его, единственная цѣль наказанія—огражденіе общества отъ преступника, такъ что наказаніе представляется мѣрою такого огражденія (*Schutzmittel*); понятіе преступнаго дѣянія у него совершенно исчезаетъ, смѣняясь понятіемъ дѣянія, вреднаго или опаснаго для общегитія, такъ что субъектомъ его одинаково могутъ быть лица вмѣняемыя и невмѣняемыя—дѣти, помѣшанные; съ точки зрѣнія общества, замѣчаетъ онъ, лица невмѣняемыя одинаково опасны, какъ и лица вмѣняемыя, слѣдовательно, по отношенію къ тѣмъ и другимъ должны быть принимаемы одинаковыя мѣры самоогражденія. Эти мѣры должны продолжаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ опасность; опредѣляемый напередъ судомъ размѣръ наказанія есть нелѣпость. Имѣя своєю общею цѣлью огражденіе общества, ближайшею своєю задачею такія мѣры должны поставить себѣ возвратить обществу челоука, учинившаго вредное или опасное дѣяніе, полезнымъ или, по крайней мѣрѣ, не вреднымъ членомъ общества. Отсюда—возможность и даже необходимость индивидуализировать ихъ по особымъ свойствамъ каждой личности; больного отправятъ въ больницу для леченія, ребенка—въ воспитательное учрежденіе, прочихъ—въ одиночную тюрьму; противъ смертной казни Крѣпелинъ высказывается категорически. Но такое индивидуализированіе должно начинаться послѣ внимательнаго изученія каждой личности и, въ случаѣ необходимости замѣнить впослѣдствіи одну мѣру другою, замѣна эта должна быть вполне облегчена, что исключаетъ опасность судебныхъ ошибокъ. Затѣмъ какая бы изъ этихъ мѣръ примѣнена ни была, она должна быть отиѣняема полностью съ устраненіемъ опасности, которую данная личность представляла для общества.

Всѣ эти теоріи покоятся на одной изъ несомнѣнныхъ основъ наказанія; опасность, угрожающая отъ преступленія существованію личности и государства, вызываетъ реакцію, изъ которой создается наказаніе. Но эта основа не исключительная; сообщая ей такое значеніе и забывая прочія основы, всѣ построенія этой группы впадаютъ въ односторонность. Необходимостью огражденія существованія объясняется необходимость и правомѣрность реакціи, ею обусловливаемой, но ею не можетъ быть объяснено, почему эта реакція *patologia del delitto*, 1881; Дриль, *Молодые преступники*, Москва, 1885; Prins, *Criminalité et répression*, Bruxelles, 1886; Tarde, *la criminalité comparée*, Paris, 1886.

часть, между прочимъ, характеръ наказанія, почему угрожаемая личность и государство не дозволяются мѣрами объективными, не переходящими въ причиненіе личнаго страданія¹⁾. Притомъ, защита мыслима только въ моментъ нападенія и отпадаетъ съ окончаніемъ его; наказаніе же назначается послѣ преступнаго дѣянія.

2. Другую группу составляютъ чувственныя потребности. Обида, наносимая человѣку, чувствуется имъ какъ вторженіе въ сферу его личности, какъ оскорбленіе его полноправія, и это чувство вызываетъ рефлексъ въ видѣ отплаты за обиду. Періодъ личной мести вполне проникнуть этимъ основаніемъ. Мало по малу, его первоначальныя грубыя формы смягчаются и отплата перестаетъ быть дѣломъ непосредственнаго рефлекса, подчиняясь указаніямъ совѣсти, которая, какъ продуктъ чувственной стороны человѣческой природы, умѣренной общежитіемъ, создаетъ для человѣка правила дѣятельности; отсюда — нравственность, справедливость. Онѣ требуютъ, чтобы за добромъ слѣдовало добро, за зломъ — зло. Это — абсолютное требованіе совѣсти; абсолютное въ томъ смыслѣ, что оно не зависитъ отъ соображенія послѣдствій исполненія ихъ, точно такъ же, какъ и другія требованія, вытекающія изъ чувственной стороны человѣческой природы (любовь, ненависть). Такимъ образомъ, грубое чувство боли отъ обиды смѣняется моральными правилами совѣсти, требующей пропорціональности между обидой и отплатой. Въ эпоху, когда человѣчество склонно объяснять всѣ явленія вмѣшательствомъ высшихъ силъ, оно перенесло религіозную окраску и на требованія совѣсти: послѣднія стали требованіями божества. Философствующій умъ замѣняетъ бога личнаго богомъ безличнымъ, природою, стоящею отдѣльно отъ человѣка, какъ и богъ личный, обращающою къ нему свои предписанія; тогда-то требованія нравственности получаютъ космическій характеръ. Затѣмъ человѣческой умъ отрѣшается отъ этого абстрактнаго пониманія природы и сводитъ ея требованія къ указаніямъ человѣческаго духа, опредѣляемымъ совѣстью, какъ одною изъ его органическихъ способностей. Каждое изъ этихъ направленій выразилось въ рядѣ теорій, исходившихъ изъ сенсуальныхъ основаній, такъ что онѣ распадаются на 4 группы: 1) теоріи непосредственнаго чувственнаго возмездія (Спасовичъ); 2) теоріи религіознаго возмездія (Гохъ, Шталь); 3) теоріи наказанія, какъ космической необходимости нравственнаго порядка (Гуго-Гроцій, Вольфъ), и 4) теоріи наказанія, какъ нравственнаго воздаянія (Кантъ). Всѣ онѣ имѣютъ ту вѣрную черту, что указываютъ на сенсуальныя потребности и способности человѣка, какъ на одно изъ основаній кары.

¹⁾ См. выше стр. 3 и сл.

Возмездіе или воздаяніе, проповѣдываемое ими, имѣеть другую сторону—справедливость, или необходимость соотвѣтствія между карою и виною; въ этомъ смыслѣ онѣ стоятъ выше теорій самозащиты, требовавшихъ соотвѣтствія не между виною и карою, а между опасностью и мѣрами устраненія ея. Вліяніе этой основы видно и на современной карѣ; мы требуемъ, чтобы наказывался только виновный, т. е. только тотъ, кто, по взглядамъ нашей совѣсти, заслужилъ зло за сдѣланное имъ зло. Уголовное правосудіе уже изстари ставитъ вопросъ о критеріѣ, который бы помогъ найти законъ соотвѣтствія между карою и виною. Но невѣрность этихъ теорій состоитъ въ томъ, что личныя сенсуальныя потребности разсматриваются ими, какъ исключительныя основанія наказанія, съ игнорированіемъ всѣхъ прочихъ; вытекающая отсюда односторонность лишаетъ ихъ возможности дать правильное рѣшеніе вопросовъ, входящихъ въ область уголовного правосудія и, главнымъ образомъ, вопроса о соотвѣтствіи между карою и виною, который разрѣшается не только индивидуальными, но и социальными потребностями.

Изъ теорій, на это основаніе опирающихся, остановимся на теоріяхъ, не утратившихъ своего значенія до нынѣ.

Гуго Гроцій. Сама природа устанавливаетъ, чтобы тотъ, кто дѣлаетъ зло, самъ претерпѣвалъ зло. Наказаніе есть непріятное страданіе, слѣдующее за дурнымъ дѣйствіемъ: гражданское вознагражденіе можетъ смыть только матеріальное послѣдствіе преступленія, по уничтоженіи котораго остается еще внутренняя сторона дѣйствія, его порочность (*vitiositas*), для уничтоженія которой необходимо личное страданіе. Такъ какъ наказаніе есть институтъ, установленный самою природою, то наказывать имѣеть право всякій, кто въ состояніи примѣнить эту кару справедливо, согласно космическимъ законамъ правды; только для большаго обезпеченія справедливости его примѣненія прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ ограниченія частнаго произвола наказывающаго и передаютъ карательное право государству. Космическая, естественная справедливость не ставитъ никакихъ возраженій противъ самаго принципа наказанія, а только требуетъ соотвѣтствія его съ виною. Наказаніе не должно быть исключительно мѣрою мести, такъ какъ это противорѣчило бы общей обязанности каждаго желать другимъ блага, вытекающей изъ естественнаго равенства людей. Наказаніе вытекаетъ изъ мести, но отличается отъ мести тѣмъ, что обращаетъ вниманіе на интересы наказываемаго. Поэтому, выборъ мѣръ наказанія долженъ опираться на рacionales мотивы, а именно, кара должна имѣть своими задачами: пользу преступника (исправленіе, спасеніе его отъ мести), пользу лицъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы преступленіе не совершилось (возна-

граждене) и общую пользу всего государства (устрашеніе, предупрежденіе). Такъ какъ наказаніе есть мѣра внѣшняго юридическаго порядка, то порочность дѣйствія можетъ дать поводъ примѣненія его только въ такомъ случаѣ, если дѣйствіе выразилось внѣшними актами, если оно не было неизбѣжнымъ результатомъ человѣческой природы и если имъ прямо или посредственно нарушаются интересы другого человѣка, какъ индивида или какъ члена общества.

По Вольфу, всѣ наказанія сводятся къ идеѣ правоохраны, необходимой постольку, поскольку необходимо отвращеніе вреда, причиняемаго преступленіемъ.

Кантъ. Практическій разумъ человѣка (нравственное велѣніе совѣсти), направленный къ осуществленію во внѣшнемъ мірѣ того, что дознано его теоретическимъ разумомъ, ставить для воли законы дѣятельности, къ исполненію которыхъ она должна стремиться. Высшій законъ его — желать нравственное добро и осуществлять его; вотъ почему „практическій разумъ“ Канта имѣетъ значеніе внутренняго нравственнаго регулятора человѣческой дѣятельности. Этоть-то практическій разумъ, ставящій человѣку безусловно обязательныя требованія (категорическіе императивы, аксіомы, не подлежащіа провѣркѣ), съ одной стороны, дѣлаетъ всѣхъ людей существами самостоятельными, не могущими быть простыми орудіями въ рукахъ другихъ людей; съ другой — онъ безусловно требуетъ, чтобы зло преступленія смывалось наказаніемъ. Лицо, совершившее преступленіе, должно быть наказано сообразно своей винѣ и независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній: если даже государству предстоитъ завтра разойтись, оно должно казнить сегодня послѣдняго убійцу, оставшагося въ тюрьмѣ. Но за то никакія цѣли полезности не могутъ оправдывать наказанія: человѣкъ, какъ лицо, не долженъ служить вещью, не долженъ быть приносимъ въ жертву постороннимъ отъ его вины цѣлямъ. Величина кары опредѣляется тѣмъ же началомъ безусловной справедливости; кара должна соответствовать винѣ по началу таліона: за смерть — смерть, за личныя обиды — унижительныя наказанія, за изнасилованіе — кастрація, за имущественныя преступленія — отдача преступника въ рабство и работу на время или на всегда; совершая какое-либо нарушеніе, лицо тѣмъ самымъ изъявляетъ согласіе, чтобы и ему сдѣлали то же, что онъ сдѣлалъ другому; но на иныя послѣдствія онъ согласія не даетъ.

Цахарію, принимая исходную точку Канта, ставить себѣ задачею лишь теоретическое разрѣшеніе вопроса о соответствіи между карою и виною, который былъ самымъ слабымъ мѣстомъ Канта. Всякое преступленіе, говоритъ онъ, есть вторженіе въ сферу свободы другого лица; слѣд., по началу моральнаго возмездія, преступникъ

на столько же долженъ быть стѣсненъ въ своей свободѣ, на сколько онъ вторгнулся въ сферу чужой свободы. Величина этого вторженія можетъ быть измѣрена ариметически; убійство или продажа въ рабство есть полное лишеніе свободы, слѣд. виновные въ такихъ нарушеніяхъ должны быть лишены свободы на всегда; кража или поджогъ имущества есть вторженіе въ чужую свободу на такую величину, которую представляетъ цѣнность украденнаго или истребленнаго имущества, выраженнаго въ числѣ рабочихъ дней; на столько дней и долженъ быть лишень свободы преступникъ, съ употребленіемъ его на работы.

Генке задался тою же задачею, какъ и Цахарію; и онъ становится на сторону кантовской теоріи, и онъ ищетъ лишь теоретическое начало соотвѣтствія между карою и виною, но находитъ его не во внѣшней мѣркѣ, какъ Цахарію, а во внутреннихъ условіяхъ преступника. Такъ какъ кара направляется на личность преступника, то возмездіе, по Генке, до тѣхъ поръ не можетъ быть признано достигнутымъ, пока злая воля, противъ которой направлено наказаніе, не смѣнится доброю волей; другими словами: кара назначается за вину, но размѣры ея опредѣляются исправимостью преступника.

Къ кантовской теоріи весьма близка теорія Гербарта, которая, видя въ наказаніи мѣру нравственнаго возмездія, признаетъ его необходимымъ по эстетическимъ основаніямъ. Преступленіе вызываетъ неудовольствіе обиженнаго противъ преступника; это неудовольствіе нарушаетъ нравственную гармонію, которая необходима для общезжитія, и потому должно быть парализовано наказаніемъ. Наказаніе примиряетъ преступника съ обиженнымъ и съ цѣлымъ обществомъ и восстанавливаетъ гармонію, нарушенную неудовольствіемъ, которое вызвано преступленіемъ. Тѣ же идеи развиваются Гейеромъ. Искупленіе грѣха передъ божествомъ смѣнилось искупленіемъ вины передъ обиженнымъ при посредствѣ общественнаго вмѣшательства; тамъ и здѣсь цѣль наказанія одна—примиреніе съ обиженнымъ.

Согласно Бару (*Die Grundlagen des Strafrechts*, 1869), право принадлежитъ къ области нравственности, морали; оно есть человѣческая мораль въ общественныхъ отношеніяхъ. Но, по естественному ходу вещей, все согласное съ моралью вызываетъ нашу похвалу, все несогласное съ нею—порицаніе, неодобреніе. Порицаніе прежде всего относится къ нехорошему дѣлу; но дѣло неотдѣлимо отъ дѣятеля, оно захватываетъ и дѣятеля. Порицаніе имѣетъ чрезвычайно широкія рамки — отъ сужденія до полного уничтоженія (*Friedlosigkeit*); переходя къ государству, оно создаетъ право распорядиться участію виновнаго: *jus laesi infinitum*; по мѣрѣ цивилизаціи, это распоряженіе смягчается. Порицаніе есть дѣятельность внѣшняя, отдѣльная отъ преступника: чувствуетъ онъ ее или нѣтъ—безразлично. Мѣра пори-

панія и роды наказаній опредѣляются историческими факторами, не имѣя характера неизмѣнности и постепенно смягчаясь подъ вліяніемъ сознанія, что наказаніе есть зло не только для наказываемаго, но и для карающаго¹⁾.

Таковы теоріи моральнаго возмездія. Ихъ историческая заслуга очень велика. Въ государственной дѣятельности той эпохи, когда Кантъ выступилъ съ теоріей наказанія, какъ понятія нравственнаго, господствовало самое широкое владѣльческо-полицейское правленіе. Преступникъ разсматривался, какъ простое средство въ рукахъ государственной власти, кара — какъ одна изъ ступенекъ государственнаго абсолютизма. Горячій протестъ Канта и его школы противъ такого отношенія къ преступнику не остался напрасенъ; теоретическое выставленное имъ впервые начало, что кара имѣетъ свою мѣру въ преступленіи, а не въ интересахъ, связанныхъ съ примѣненіемъ наказанія, было принято съ благодарностью позднѣйшею наукой и легло краеугольнымъ камнемъ въ современное ученіе объ уголовно-юридическомъ вмѣненіи. Но, одушевленные борьбою съ крайностями государственнаго абсолютизма, пораженные отсутствіемъ нравственной идеи въ его тогдашней дѣятельности, представители теорій моральнаго возмездія сами вдалились въ крайность, выставивъ сенсуальное понятіе личной справедливости единственнымъ, исключительнымъ основаніемъ кары; вотъ почему онѣ и не могли разрѣшить всесторонне вопроса объ основахъ права наказанія. Такъ, прежде всего вниманіе наше останавливается на томъ, что эти теоріи не указываютъ, какимъ образомъ моральныя велѣнія совѣсти требуютъ матеріальныхъ мѣръ репрессіи, почему нужно наказаніе, а нельзя просто предоставить виновнаго угрызеніямъ его совѣсти. Выходя изъ начала этихъ теорій, Баръ видитъ въ наказаніи только порицаніе общества, замѣтимъ, что принудительный характеръ современныхъ мѣръ его есть не болѣе, какъ случайный результатъ исторической жизни человѣчества, несущественный для кары и могущій быть отброшеннымъ впослѣдствіи; но порицаніе принадлежитъ обществу, наказаніе — государству. Держась своей исходной точки, представители этихъ теорій должны бы были признать не только право государства назначать

¹⁾ Нѣкоторые русскіе криминалисты принимаютъ баровскую теорію порицанія, замѣняя его взглядъ на право, какъ на отрасль нравственности, взглядомъ на него, какъ на систему, стоящую отдѣльно отъ нравственности, что очевидно, непослѣдовательно; порицаніе понятно относительно дѣяній безнравственныхъ, необъяснимо относительно дѣяній, безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи. Притомъ, порицаніе есть функція общества, наказаніе — функція государства. Порицаніе указываетъ на мнѣніе порицающаго, ничего не указывая относительно судьбы порицаемаго; въ наказаніи совѣзмъ наоборотъ.

наказанія за морально-дурныя дѣла, но и обязанность давать награды за дѣла морально-добрыя: выводъ, отъ котораго всѣ они благоразумно удержались. вмѣстѣ съ тѣмъ, причиненіе зла безцѣльаго, какимъ является кара по этимъ теоріямъ, по меньшей мѣрѣ, на столько же противорѣчитъ индивидуальной совѣсти, какъ и оставленіе преступника безъ наказанія. Герbartъ пытается отклонить этотъ упрекъ, видя въ наказаніи средство возстановленія общественной гармоніи, нарушенной преступленіемъ. Въ основѣ эта мысль вѣрна: преступленіе дѣйствительно нарушаетъ гармонію въ личной и общественной сферѣ. Но онъ не доказываетъ, почему именно для возстановленія этой гармоніи необходимы принудительныя мѣры надъ личностью, почему недостаточны одна гражданская юстиція и голосъ общественнаго мнѣнія. Разрѣшеніе защитниками теорій моральнаго возмездія вопроса о соотвѣтствіи между карою и виною также не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Тальонъ Канта примѣнимъ далеко не ко всѣмъ случаямъ, а въ другихъ ведетъ къ жестокостямъ, расходящимся съ нашею совѣстью. Цахарію, разсматривая преступленіе, говоритъ о „свободѣ“ въ одномъ смыслѣ, а разсматривая кару, употребляетъ то же выраженіе въ другомъ смыслѣ, и прикрываетъ погрѣшности своихъ построеній игрою на созвучіяхъ. Генке, требуя соразмѣрять величину кары съ тѣмъ, исправился или не исправился преступникъ, расходится съ существеннымъ началомъ теорій возмездія, по которому кара должна опредѣляться прошедшимъ (*quia peccatum est*), а не будущимъ обстоятельствомъ.

3. Рядомъ съ основаніями сенсуальными, установленіе наказанія опредѣляется еще основами, вытекающими изъ свойства человѣческаго ума — сравнивать встрѣчающіяся ему явленія, и, найдя соотвѣтствіе между ними, уравнивать одно другимъ; отсюда взглядъ на наказаніе какъ на уравненіе, зачетъ преступленія. Какъ сенсуальныя основанія вызвали къ жизни мечь и ея болѣе развитыя формы, нашедшія выраженіе въ теоріяхъ религіознаго, космическаго и моральнаго возмездія, такъ эти интеллектуальныя основанія породили систему выкупа и талона, т. е. систему зачета (уравненія) обиды благомъ, которое обидчикъ предлагаетъ обиженному. Постоянныя попытки человѣческаго ума найти дѣйствительное соотвѣтствіе между карою и виною коренятся въ томъ же положительномъ основаніи.

Но къ опредѣленію уравненія между понятіями обиды и отплаты за нее, человѣческой интеллектъ можетъ придти тремя путями: или 1) путемъ математическимъ, причемъ сравниваемыя понятія разсматриваются, какъ отвлеченныя величины, подлежащія точному цифровому измѣренію; или 2) путемъ діалектическимъ, если разсматриваемыя понятія уравниваются на основаніи общихъ законовъ человѣ-

ческаго мышленія; или 3) путемъ экономическимъ, когда эти понятія разсматриваются какъ конкретныя цѣнности, подлежащія измѣренію и зачету одна другою. Каждый изъ этихъ путей имѣлъ въ уголовныхъ теоріяхъ своихъ особыхъ представителей.

1) Математическаго уравненія. По свѣдѣніямъ, оставшимся отъ Платона и его школы, существо справедливости состоитъ въ причиненіи одному человѣку точно того же, что онъ причинилъ другому; дѣло юстиціи должно покрывать дѣло обиды и быть математически соразмѣрно съ нимъ. Цицеронъ ставитъ верховнымъ закономъ уголовного правосудія, чтобы наказаніе было равно преступленію. Въ Дигестахъ, юстиція опредѣляется какъ искусство, при посредствѣ котораго каждый получаетъ должное ему. Въ новѣйшее время эту мысль подробно развиваетъ Литтре, знаменитый ученикъ Конта ¹⁾. Сущность его положеній состоитъ въ слѣдующемъ. Понятіе преступленія происходитъ изъ понятія причиненнаго вреда, понятіе наказанія — изъ понятія вознагражденія за вредъ, причиненный преступленіемъ. Эти послѣднія понятія — самыя простыя точки отправленія человѣческаго ума. Идея сопоставленія вреда и вознагражденія за него обязана своимъ происхожденіемъ тому же физическому элементу человѣка, который позволяетъ намъ утверждать, что А равно А, или что А не равно В. Такимъ образомъ, понятіе юстиціи есть понятіе чисто интеллектуальное, переносимое въ область дѣятельности и морали; перенесеніе же это вполнѣ естественно, такъ какъ извѣстно, что анатомически интеллектуальныя и общежительныя (нравственныя) способности человѣка имѣютъ одно помѣщеніе, и, слѣдовательно, оказываютъ взаимное вліяніе однѣ на другія. Но идея юстиціи, благодаря своему математическому происхожденію, навсегда удерживаетъ характеръ безпристрастія, холодности: *fiat justitia, ruat coelum*. Юстиція, такимъ образомъ, основана на томъ же исходномъ началѣ, какъ и наука; различіе состоитъ только въ томъ, что послѣдняя осталась въ области объективной, между тѣмъ какъ первая вошла въ область актовъ моральныхъ. Повинуясь юстиціи, мы повинуемся убѣжденію, очень сходному съ тѣмъ, которое производитъ въ насъ точная научная истина. Подчиненіе необходимо въ обоихъ случаяхъ; но въ первомъ основа его называется очевидностью (*démonstration*), во второмъ — обязанностью (*devoir*).

Въ частности, уголовное наказаніе объясняется слѣдующимъ образомъ: идея равенства двухъ величинъ вызываетъ идею зачета ихъ вознагражденіемъ; идея права на вознагражденіе вызываетъ идею права наказанія, и юстиція вознаграждающая (*justice indemnissante*)

¹⁾ Littré, *La science au point de vue philosophique*. Paris, 1873.

смѣняется юстиціей карающей (justice punissante). Но, въ концѣ концовъ, право наказанія вытекаетъ изъ права на вознагражденіе, такъ какъ юстиція требуетъ, чтобы всякій вредъ былъ вознагражденъ, даже если онъ причиненъ невольно.

Такова математическая теорія Литтре. Въ ней есть очень много вѣрнаго; опытъ вѣковъ убѣждаетъ насъ, что человѣкъ всегда стремится отплатить равнымъ за равное. Къ математическому началу примкнули и теоріи, видѣвшія въ карѣ мѣру моральнаго возмездія: достаточно указать тальонъ Канта. Оно сдерживаетъ чувство обиды въ объективныхъ предѣлахъ и такимъ образомъ даетъ наказываемому гарантію противъ произвола обиженнаго въ выборѣ мѣры наказанія. Но теоріи эти имѣютъ и слабую сторону. Истинны математическія неизмѣнны, характеръ же каръ съ теченіемъ времени до такой степени измѣняется, что напр. человѣкъ XV в., очутившись въ современномъ государствѣ, вынесъ бы твердое убѣжденіе, что въ немъ вовсе не существуетъ наказаній, а лишь слабыя мѣры дисциплинарныхъ взысканій. Вместе съ тѣмъ, эти теоріи не могутъ дать критерія для опредѣленія соотвѣтствія между карою и виною, такъ какъ, выходя изъ понятія вреда, какъ абстрактной математической величины, онѣ забываютъ другой элементъ вины—участіе индивидуальное въ причиненіи вреда. Эти недостатки объясняются односторонностью ихъ, такъ какъ кара въ дѣйствительности опирается на многія основанія, а не только на основанія интеллектуальныя, и притомъ въ частичной обрисовкѣ ихъ, предлагаемой теоріями математическаго уравненія.

2) Теоріи діалектическаго уравненія или кары какъ діалектической необходимости. Онѣ ведутъ свои рассужденія весьма сходно съ теоріями математическаго уравненія, отличаясь лишь тѣмъ, что видятъ въ преступленіи и наказаніи не абстрактныя величины, подлежащія цифровому измѣренію и взаимному уравненію, а крайніе моменты одной и той же логической идеи, изъ которыхъ одинъ долженъ быть покрытъ другимъ въ силу законовъ діалектики, т. е. въ силу органическихъ законовъ одной изъ сторонъ человѣческаго интеллекта. Во всей полнотѣ, это направленіе выразилось въ философіи Гегеля. Право есть воля общечеловѣческаго духа, воля абсолюта. Эта общая воля выражается въ разнообразныхъ велѣніяхъ, обращаемыхъ ею къ частнымъ волямъ. Воля частная должна согласоваться съ велѣніями воли абсолютной, такъ какъ послѣдняя есть лишь разумная эссенція частной воли. Поэтому, расходясь съ общею волею, частная воля отрицаетъ и себя, и волю общую, какъ свой прототипъ. Но это отрицаніе существовать не можетъ, оно ничтожно; поэтому, общая воля отрицаетъ наказаніемъ волю частную, отрицающую

ее, и возстановляетъ себя этимъ отрицаніемъ. Наказаніе и есть актъ общей воли, отрицающій ничтожную частную волю. Однако, не всякій видъ неправды требуетъ наказанія. Воля частная можетъ расходиться съ волей общей или 1) въ неправдѣ гражданской: здѣсь воля частная добросовѣстно, сама того не подозрѣвая, расходится съ волею абсолютною, она не отрицаетъ воли абсолютной и потому не требуетъ отрицанія себя наказаніемъ; или 2) путемъ обмана и лбедь (не частная чужая воля нарушена (обманута), а только общая); здѣсь воля частная недобросовѣстно, сознательно расходится съ волею абсолютною, но старается прикрыть себя внѣшнимъ согласіемъ съ нею, законностью; или 3) путемъ уголовного преступленія: здѣсь лице недобросовѣстно и открыто нарушаетъ общую волю, нарушаетъ право въ самомъ себѣ и въ его проявленіи въ опредѣленномъ лицѣ. Преступленіе есть полное отрицаніе права; но на этой ступени идея не можетъ остановиться, такъ какъ индивидуальная воля, отрицающая общую разумную волю, есть явленіе ничтожное, призрачное; оно и должно быть изобличено въ своемъ ничтожествѣ, что дѣлается наказаніемъ (нарушеніе нарушенія, т. е. возстановленіе права въ самомъ себѣ). Но наказаніе есть въ то же время право преступника, имѣющее основу въ его дѣйствительной волѣ; именно потому, что совершеніемъ преступленія, какъ неразумнаго дѣйствія, онъ признаетъ законъ, опредѣляющій наказаніе. Какъ уничтоженіе преступленія, наказаніе имѣетъ въ немъ свои количественную и качественную мѣрки, требующія, впрочемъ, не внѣшняго соответствія между карой и виной, а равной стоимости ихъ (внутр. соотв.), т. е. стоимость вреда, причиненнаго преступленіемъ, должна опредѣлять стоимость лишенія, производимаго наказаніемъ. Такъ, при убійствѣ должна назначаться смертная казнь; кража и разбой могутъ быть уравниваемы тюремнымъ заключеніемъ, представляющимъ одинаковую стоимость съ ними, и пр.

Послѣдователи Гегеля, принимая его исходную точку о наказаніи, какъ діалектическомъ уравненіи преступленія, старались точнѣе опредѣлить законъ соответствія между карой и виной.

Тренделленбургъ обращаетъ вниманіе на то, что преступленіе, по существу своему, есть продуктъ внутренней природы лица, и потому уничтоженіе его для возстановленія нарушеннаго преступникомъ идеальнаго содержанія права (такъ какъ матеріальное нарушеніе можетъ быть возстановлено) должно быть дано мѣрами, направленными на внутреннюю природу преступника, на его волю. Отсюда — наказаніе, какъ дисциплина, *Züchtigung*. Оно служитъ потребностямъ обиженнаго, но послѣднія удовлетворяются не непосредственно, а путемъ возстановленія общаго правосостоянія.

Гельшнеръ указываетъ на двойную природу преступленія: 1) какъ одна изъ формъ неправды, оно есть противорѣчіе объективному праву, на мѣсто нормъ котораго преступникъ силится поставить свои собственныя; кромѣ того, 2) преступленіе есть противорѣчіе субъективнаго произвола нравственному существу воли, такъ какъ оно есть результатъ воли преступника. Поэтому, наказаніе должно уравнивать, сгладить обѣ эти стороны преступленія, а именно: 1) наказаніемъ уничтожается преступленіе и восстанавливается мощь объективнаго права; 2) оно же должно уничтожить преступленіе въ его внутреннемъ основаніи, загладивъ ту внутреннюю нравственную вину, изъ которой произошло преступленіе. Преступленіе уничтожается не отрицаніемъ преступной воли, а восстановленіемъ права. Местъ ограничивается простымъ отрицаніемъ преступленія, наказаніе восстанавливаетъ право.

Таковы теоріи діалектическаго уравниенія. Онѣ вѣрны, на сколько указываютъ основу наказанія въ органическихъ потребностяхъ чело-вѣческаго интеллекта; онѣ впадаютъ въ односторонность, приписывая этой основѣ исключительное существованіе; онѣ впадаютъ въ ошибки и весьма близки къ пантеизму и деизму, какъ скоро отнимаютъ у выставляемыхъ ими интеллектуальныхъ основъ кары значеніе органическихъ потребностей недѣлимаго, или массы недѣлимыхъ, и распускаютъ ихъ въ безсодержательномъ понятіи абсолюта. Въ частности, противъ теоріи Гегеля слѣдуетъ замѣтить, что указываемое имъ основаніе наказанія—уничтоженіе уголовной неправды—не убѣдительно: матеріальный вредъ преступленія не уничтожается наказаніемъ. Тренделленбургъ пытается отвратить это замѣчаніе, говоря, что наказаніе восстанавливаетъ лишь идеальную мощь объективнаго права и тѣмъ самымъ сглаживаетъ неправду, наносимую потерпѣвшему; но это значеніе имѣютъ не только мѣры уголовного правосудія, но и мѣры гражданскаго правосудія (восстановленіе идеальной мощи права). Гельшнеръ вѣрно указываетъ на внутреннюю сторону преступленія; но, видя въ наказаніи средство уничтоженія внутренней нравственной вины, онъ впадаетъ въ непоследовательность, такъ какъ матеріальная покрываетъ у него понятіе нематеріальное. Вопросъ о соотвѣтствіи между карой и виной также разрѣшенъ односторонне теоріями діалектическаго уравниенія. Хотя Гегель и возстаётъ противъ кантовскаго тальона, но выставленное имъ начало уравниенія, по стоимости благъ, представляемыхъ наказаніемъ и преступленіемъ, въ практическомъ развитіи идетъ немногимъ дальше тальона: убійство безусловно карается смертю. Тренделленбургъ видитъ субъективную основу наказанія въ дисциплинированіи преступника и общества, т. е. ставитъ мѣру наказанія не въ самомъ дѣяніи, какъ бы слѣдовало по принимаемому имъ началу уравниенія, а въ достиженіи постороннихъ цѣлей.

3) Теоріи уравниня экономическаго. Въ экономіи потерпѣвшаго и общества преступленіе производитъ вредъ, который долженъ быть заглаженъ. Вредъ, приносимый имъ, можетъ быть разсматриваемъ или какъ нарушеніе интересовъ, или какъ нарушеніе правъ; въ первомъ случаѣ заглаженіе вреда производится вознагражденіемъ, во второмъ—удовлетвореніемъ, исполненіемъ обязанности, вытекающей изъ нарушенія права. Отсюда—два направленія въ области теорій экономическаго уравниня: а) экономическое въ тѣсн. см. и б) юридическое. Первое выразилось наглядно въ системѣ выкуповъ. Позднѣе, оно вылилось въ положеніе Монтескье и Беккариі, принятое и Екатериною II, по которому наказаніе должно опредѣляться св оймствомъ (а не только важностью) самаго преступленія, лишая преступника того самаго блага, которое онъ хотѣлъ отнять или отнял у потерпѣвшаго. Важнѣйшимъ представителемъ перваго направленія явился Велькеръ. Второе направленіе проводится наиболѣе обстоятельно Гейнце.

Велькеръ. Наказаніе предполагаетъ вину, какъ свою причину. Но не всякая вина подлежитъ наказанію, такъ какъ послѣднее, примѣняясь обществомъ, живущимъ земными интересами, должно преслѣдовать какую-либо разумную цѣль. Эта цѣль, вытекающая изъ требованій нашей интеллектуальной природы—заглаженіе вреда, нанесеннаго виной. Вина можетъ имѣть въ результатѣ вредъ двоякаго рода: матеріальный или интеллектуальный. Первый выражается въ нарушеніи какихъ либо матеріальныхъ цѣнностей; вознагражденіе его производится гражданскимъ правосудіемъ. Второй существенно различенъ отъ перваго по предмету: онъ состоитъ въ преобладаніи чувственности надъ разумностью и свидѣтельствуетъ о недостаткѣ у преступника воли, согласной съ требованіями права, о преобладаніи въ немъ чувственныхъ побужденій и отсутствіи гармоніи ихъ съ разумными. Всякое же преступленіе вызываетъ у другихъ гражданъ: 1) отсутствіе надлежащаго довѣрія и уваженія къ преступнику; 2) оскорбленіе ихъ правовой воли и соблазнъ умаленія достоинства установленнаго правового порядка, такъ какъ безнаказанно нарушаемая норма теряетъ всякое уваженіе; 3) для потерпѣвшаго преступленіе есть умаленіе его достоинства, какъ гражданина, оскорбленіе его гражданской чести; этимъ у оскорбленнаго также теряется уваженіе къ закону и создается соблазнъ идти преступнымъ путемъ. Вотъ въ чемъ состоитъ вредъ преступленія; такъ какъ онъ не можетъ быть заглаженъ гражданскимъ правосудіемъ, возстановляющимъ лишь матеріальныя нарушенія, то здѣсь необходимы мѣры другаго рода, именно, преступникъ долженъ отбыть личное наказаніе для вознагражденія за причиненный имъ вредъ.

Однако, наказаніе и вознагражденіе, имѣя общія черты, представляютъ и много различій, такъ что смѣшивать ихъ нельзя. Соотвѣтствіе между карой и виной опредѣлено неправильно. Выходя изъ понятія вреда отъ соблазна, Велькеръ лишаетъ себя возможности опредѣлить напередъ наказанія за разныя нарушенія, дѣлая необходимымъ разрѣшеніе этого вопроса лишь по соображеніи обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая; притомъ, для опредѣленія тяжести его слѣдовало бы справляться не съ виной, а съ направленіемъ побужденій преступника и другихъ лицъ, у которыхъ его преступленіе могло вызвать соблазнъ къ новымъ нарушеніямъ. Поэтому, если бы данное преступленіе долго оставалось безъ преслѣдованія, то его слѣдовало бы наказать строже, чѣмъ такое же преступленіе, немедленно вызвавшее уголовную реакцію, такъ какъ въ первомъ случаѣ соблазнъ отъ преступленія былъ гораздо больше.

Гейнце обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что наказаніе примѣняется не только государствомъ, но и другими общественными кружками; основа наказанія—нарушеніе ихъ *Lebensegestze*, ихъ условій существованія, выраженныхъ въ кодексѣ ихъ правилъ. Наказаніе не можетъ быть означаемо, какъ „зло“ или какъ „страданіе“, потому что это есть мѣра достиженія добра, нерѣдко составляющая благо для самаго преступника. Напротивъ, наказаніе просто есть удовлетвореніе (*Leistung*), доставляемое преступникомъ во исполненіе обязанности, вытекающей изъ его вины. Отношеніе между наказываемымъ и наказываемымъ то же, какъ между кредиторомъ и должникомъ: одинъ получаетъ удовлетвореніе за сдѣланное нарушеніе, другой доставляетъ удовлетвореніе. Существованіе каръ, шедшихъ дальше доставленія удовлетворенія и состоявшихъ въ выбрасываніи преступника за бортъ общества, объясняется тѣмъ, что должникомъ могло быть только лицо, пользовавшееся правоспособностью; въ случаяхъ изгнанія изъ общества, правоспособность терялась, такъ что оба рода кары, изгнаніе и удовлетвореніе, суть лишь различныя выраженія одной и той же основной идеи. Совершая преступленіе, лицо дѣлается должникомъ потерпѣвшаго и общества; этимъ умалывается его общественная полноправность; возстановить ее онъ можетъ только уплатою долга, т. е. отбытіемъ наказанія. Наказаніе есть другая, юридическая сторона преступленія, а не вознагражденіе за преступленіе, такъ какъ преступленіе, говоря юридически, не имѣетъ никакой цѣны, не есть стоимость. Въ наказаніи выражается лишь стоимость нарушенія, сдѣланнаго преступленіемъ, по взглядамъ даннаго общественно-юридическаго кружка, а не мѣра нравственной стоимости преступленія. Оно вручается государству, такъ какъ послѣднее есть высшій представи-

тель задачъ цивилизацій, преслѣдующій нарушение условій ея преступленіемъ. Гейнце обращаетъ вниманіе на то, что наказаніе начинается гораздо раньше исполненія приговора: голосъ личной совѣсти, голосъ общественнаго мнѣнія, постановленіе приговора уже выполняютъ значительную часть его, такъ что исполненіе приговора является лишь финальнымъ актомъ преступления. Вопросъ объ объемѣ примѣненія наказанія и соотвѣтствіи между карой и виной не можетъ быть разрѣшенъ принципно; это — дѣло даннаго историческаго періода, даннаго народа. Но въ самомъ понятіи наказанія заключается, что оно является или мѣрою воспитательною, или мѣрою чисто юридическою (удовлетвореніе); этими задачами должны ограничиваться и предѣлы его примѣненія.

Очевидно, тонкое и остроумное построеніе Гейнце свелось, въ концѣ концовъ, къ объясненію наказанія потребностями матеріальнаго существованія общества, раздѣляя односторонность теорій, на нихъ опирающихся.

Но весь порокъ разсмотрѣнныхъ теорій состоитъ въ томъ, что каждая изъ нихъ принимала одно изъ основаній наказанія за исключительное; каждая изъ нихъ вѣрна настолько, насколько ею признается приводимое въ ней основаніе, и ошибочна на столько, насколько ею забываются остальные.

И такъ, наказаніе покоится на потребностяхъ и способностяхъ матеріальнаго существованія, чувственныхъ и умственныхъ. Потребности матеріальнаго существованія вызываютъ реакцію, отпоръ противъ всего того, что вредитъ такому существованію личности и государства; способности чувственныя сообщаютъ этой реакціи характеръ нравственной необходимости, способности умственныя выдвигаютъ требованіе о соотвѣтствіи между вредомъ и репрессією. Но этимъ не рѣшается еще вопросъ, почему же репрессія эта носитъ личный характеръ, обращаясь къ причиненію страданія наказываемому. Этотъ вопросъ выяснится намъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о предметѣ наказанія. Теперь же обратимся къ важному положенію, полученному нами изъ предъидущаго изложенія, именно къ государственности наказанія.

IV. Государственность наказанія.

По современнымъ воззрѣніямъ, какъ мы видѣли, наказаніе примѣняется государствомъ и, притомъ, въ интересахъ общегосударственныхъ, составляя не только право, но и обязанность государственной власти. Въ области уголовной расправы, частному лицу нигдѣ принадлежитъ право обороны, обществу — право порицанія, государству — право наказанія. Изъ государственности наказанія вытекаютъ слѣ-

дующіе отрицательные и положительныя выводы, опредѣляющіе природу этого института.

Выводы отрицательныя состоятъ въ томъ, что наказаніе, какъ институтъ государственный, не должно быть смѣшиваемо:

- 1) съ возмездіемъ небеснымъ за грѣхи;
- 2) съ невыгодными послѣдствіями, наступающими по законамъ природы вслѣдствіе пренебреженія ихъ. Такъ, порочная и развратная жизнь обыкновенно сопровождается разстройствомъ здоровья и болѣзнями; жизнь на чужой счетъ, преступными способами, отлучая человѣка отъ честнаго труда, составляющаго единственную прочную опору благосостоянія, по законамъ экономическимъ, обыкновенно, приводитъ къ бѣдности и нищетѣ. Но съ наказаніемъ, государствомъ опредѣляемымъ, послѣдствія эти не имѣютъ ничего общаго;
- 3) съ угрызеніями совѣсти и внутреннимъ безпокойствомъ, слѣдующими за дурными поступками. Нерѣдко эти внутреннія мученія бывають въ высшей степени тяжелы; мастерскою рукою изобразилъ ихъ Достоевскій. Но съ наказаніемъ они не имѣютъ ничего общаго, такъ какъ не назначаются государствомъ и не зависятъ отъ него;
- 4) съ мѣрами обороны, предпринимаемыми частнымъ лицомъ въ видахъ самозащиты. Мѣры частной самообороны могутъ доходить до разрушенія самыхъ дорогихъ благъ посягателя; но такая оборона частными средствами и въ частныхъ интересахъ существенно отличается отъ наказанія, опредѣляемаго государствомъ въ его общихъ интересахъ;
- 5) съ иными мѣрами, принимаемыми для охраны и удовлетворенія частныхъ интересовъ, каковы мѣры гражданскаго взысканія, частныя штрафы (неустойка и т. под.);
- 6) съ общественнымъ порицаніемъ, которое складывается изъ воззрѣній отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ общезитіе. Такое порицаніе нерѣдко можетъ быть въ высшей степени тяжелымъ для личности; общество закрываетъ передъ нею все свои двери, лишаетъ ее своего довѣрія, преслѣдуетъ ее своимъ презрѣніемъ. Но оно не есть наказаніе, какъ потому, что исходитъ не отъ государства, такъ и потому, что не зависитъ отъ государства. Никакое правительство не въ силахъ принудить общество порицать такіе поступки, которые, по нравственнымъ убѣжденіямъ членовъ общезитія, того не заслуживають; лица, совершающія самыя тяжкія нарушенія закона положительнаго, продолжаютъ иногда пользоваться довѣріемъ и даже уваженіемъ со стороны общества. Порицаніе относится къ міру нравственному, наказаніе принадлежитъ области права. Въ понятіи наказанія содержится указаніе на обѣ стороны карательнаго

отношенія, оно означаетъ право наказывающаго примѣнить его и обязанность наказываемаго подчиниться ему. Порицаніе указываетъ только на дѣятельность одной стороны, порицающей; но указанія на другую сторону это понятіе въ себѣ не содержитъ, не видно, обязана ли она ему подчиняться и въ чемъ должно выразиться такое подчиненіе, что лишаетъ это понятіе всякаго юридическаго значенія;

наконецъ, 7) не слѣдуетъ видѣть въ наказаніи право наказываемаго. Конечно, переходъ отъ личной расправы за преступленія, отъ порядка мести, къ порядку наказанія, по справедливому замѣчанію Геринга, всего выгоднѣе для учинившаго преступленіе. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ можетъ требовать отъ государства наказанія, какъ своего права, какъ полагали нѣкоторые представители договорной школы (Фихте) и другихъ теорій (въ древности Платонъ, Аристотель, въ новое время Кантъ). Наказаніе есть самостоятельный актъ государства, опредѣляемый его собственными интересами; примѣняя наказанія, государственная власть осуществляетъ не только свое право, но и обязанность; однако, это обязанность не частнаго свойства, которую оно несетъ по отношенію къ отдѣльному лицу, но свойства публичнаго, опредѣляемая интересами общегитія.

Положительные выводы, вытекающіе изъ государственности наказанія и опредѣляющіе природу этого института, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

1) будучи учрежденіемъ государственнымъ, наказаніе назначается и выполняется во имя общихъ государственныхъ интересовъ, а не для удовлетворенія какихъ-нибудь отдѣльныхъ интересовъ—частнаго лица, сословія, вѣдомства или власти; въ противномъ случаѣ оно превращалось бы въ месть—частную, сословную или прavitельственную;

2) примѣненіе наказанія создаетъ между наказывающимъ государствомъ и наказываемымъ извѣстныя отношенія, принадлежащія къ сферѣ права публичнаго, а не частнаго;

3) въ соотвѣтствіе современному складу государства, наказаніе не знаетъ сословныхъ различій и стремится быть равнымъ для всѣхъ;

4) мѣрами наказанія могутъ быть такія лишь, которыя находятся въ зависимости отъ государства; если наказаніе обращается къ благамъ, распоряженіе которыми отъ государства не зависитъ, а также если угроза наказаніемъ остается втунѣ и виновники легко избѣгаютъ дѣйствія уголовного закона, то государственное значеніе наказанія существенно подрывается;

5) будучи лишеніемъ для наказываемаго, наказаніе въ то же время представляетъ извѣстную невыгоду для государства: примѣненіе его сопряжено съ матеріальными и личными затратами; вырывая наказываемаго изъ среды общества, оно сокращаетъ рабочія силы и производительность послѣдняго. Важно, чтобъ невыгода наказанія, какъ непосредственная, такъ и посредственная, была для государства наименьшая. Отсюда положеніе объ экономіи карательныхъ мѣръ, которая достигается: дешевизною исполненія наказанія; умѣренностью въ примѣненіи его; выборомъ для наказанія такихъ мѣръ, которыя давали бы возможность достигнуть преслѣдуемыхъ имъ цѣли при помощи наименьшихъ лишеній наказываемаго.

Какъ институтъ государственный, наказаніе складывается подъ непосредственнымъ вліяніемъ условій государственной жизни въ данный историческій періодъ. Государства теократическія примѣняли у себя иныя наказанія и въ иномъ объемѣ, чѣмъ государства полицейскаго уклада; карательная система и объемъ наказуемыхъ дѣяній въ послѣднихъ, въ свою очередь, существенно отличается отъ существующихъ въ государствахъ правоваго типа.

ГЛАВА II.

Предметъ наказанія ¹⁾.

I. Объективная сторона преступнаго дѣянія.

Наказаніе обусловливается преступнымъ дѣяніемъ и примѣняется къ преступнику, который, такимъ образомъ, есть предметъ карательнаго отношенія. Но самое понятіе преступнаго дѣянія имѣетъ двѣ стороны. Оно, во-первыхъ, есть посягательство на матеріальное или не матеріальное благо, стоящее подъ охраною правоваго порядка и составляющее одно изъ его жизненныхъ условій. Оно, во-вторыхъ, есть дѣяніе вмѣняемое, могущее быть отнесеннымъ на счетъ учинившей его личности.

На раннихъ ступеняхъ исторической жизни народовъ наказаніе, подобно мѣрамъ гражданскаго взыскація, опредѣлялось всецѣло и исключительно за фактъ нарушенія человекомъ опредѣленнаго блага. Не справляясь съ вмѣняемостью или невмѣняемостью

¹⁾ Карательное отношеніе, подобно инымъ юридическимъ отношеніямъ, складывается изъ субъекта его—государства, объекта—наказываемаго и дѣйствія, связующаго объектъ съ объектомъ—примѣненіе наказанія. Объектомъ права наказанія, слѣдовательно, представляется преступникъ; опредѣляемый ближайшимъ образомъ, объектъ наказанія есть, какъ излагается выше, личное состояніе преступности.

его, съ тѣмъ, дѣйствовалъ ли онъ сознательно или безсознательно, умысленно или неосторожно, первоначально оцѣнивали лишь матеріальный вредъ, причиненный нарушеніемъ, и согласно этой оцѣнкѣ, опредѣляли мѣру наказанія по правилу: око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь. Тотъ же принципъ практиковался въ эпоху выкуповъ или композицій. Даже значительно позже, вопросъ о вѣнненіи игралъ при опредѣленіи наказаній ничтожную роль, невыгодныя послѣдствія наказанія распространялись на невинную семью наказаннаго и передъ уголовные суды, въ качествѣ подсудимыхъ, привлекались не только люди, но и животные: процессы о животныхъ, доходящіе до XVII ст., представляютъ собою въ высшей степени любопытныя страницы исторіи уголовного права.

Безспорно, что и въ настоящее время объективный моментъ нарушенія для уголовного права сохраняетъ огромную важность, хотя онъ пополнился моментомъ субъективнымъ. Имъ намѣчаются *предѣлы* карательной дѣятельности, какъ дѣятельности государственной, служащей правопорядку и только имъ объясняемой. Поэтому, наказаніе современное примѣняется только къ объективированному во вѣн посягательству: *cogitationis poenam nemo patitur*; предложеніе, высказанное сначала Галлемъ, а нынѣ проскальзывающее у представителей антропологической школы, примѣнять наказаніе къ „преступному человѣку“, наклонному къ преступленіямъ, хотя бы не учинившему ни одного нарушенія уголовного закона, не можетъ быть принято. Потому же и максимальный¹⁾ размѣръ наказаній нынѣ ставится въ зависимость отъ важности нарушеннаго блага; нельзя назначать тяжкихъ наказаній за нарушеніе благъ, сравнительно маловажныхъ. Пренебреженіе этого объективнаго момента ведетъ или къ смѣшенію права съ нравственностью, или къ сообщенію карательной дѣятельности окраски полицейскаго государства.

Однако, объективный моментъ нарушенія не доказываетъ необходимости наказанія. Его можно понимать двояко: или въ смыслѣ конкретнаго правоваго блага, нарушеннаго преступленіемъ (*Rechtsgut*), или въ смыслѣ правовой нормы, объективно существующей и нарушенной виновнымъ (*Rechtsnorm*). Понимаемый въ первомъ смыслѣ, объективный моментъ нарушенія не объясняетъ наказанія, какъ потому, что наказаніе не возстановляетъ нарушеннаго блага, такъ и потому, что оно назначается послѣ нарушенія, не предупреждая таковаго. Понимая его во второмъ смыслѣ, говорятъ о погашеніи

¹⁾ Но не минимальный, который при нарушеніи благъ важныхъ можетъ быть ниже, чѣмъ при нарушеніи благъ неважныхъ (неосторожное убійство — кража).

наказаніемъ идеальной неправды, выразившейся въ нарушеніи нормы, и о возстановленіи наказаніемъ правопорядка; но преступленіе, разъ совершившееся, нельзя сдѣлать несуществовавшимъ; если же говорить о погашеніи преступленія въ переносномъ значеніи, то оно погашается не только наказаніемъ, но и прошеніемъ; наказаніе, поэтому, не возстановляетъ правопорядка и не сообщаетъ ему силы, свидѣтельствуя скорѣе о его слабости. Словомъ, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми же аргументами, которые намъ извѣстны уже изъ разсмотрѣнія теорій наказанія, опирающихся исключительно на потребности матеріальнаго существованія. Они доказываютъ возможность и необходимость самообороны, самоогражденія; но вопросъ, почему такое самоогражденіе обращается къ наказанію, оставляется ими открытымъ.

II. Субъективная сторона преступнаго дѣянія.

Остается, такимъ образомъ, искать рѣшеніе поставленнаго вопроса въ субъективной сторонѣ преступнаго дѣянія, т. е. въ индивидуальномъ самоопредѣленіи дѣятеля. Это обязываетъ насъ коснуться вѣчно юной проблемы: существуетъ ли такое самоопредѣленіе, свободенъ ли человѣкъ въ своей дѣятельности, или же ему принадлежитъ удѣлъ несвободы?

Ни одинъ вопросъ не тревожилъ настолько человѣческаго ума, ни одинъ не разбивалъ мыслителей на столь рѣзко противоположные лагеря, какъ именно вопросъ: свободенъ ли человѣкъ въ выборѣ своихъ дѣйствій, или не свободенъ? А между тѣмъ, ни одна сколько-нибудь общая философская система не могла выступить безъ попытки разрѣшенія его въ ту или иную сторону, и на почвѣ его не разъ теологъ ломалъ копые съ натуралистомъ, юристъ боролся съ сенсуалистомъ, человѣкъ практики поднималъ перчатку поэта-идеалиста. Какъ ни многообразны, однако, тѣ рѣшенія, которыя ему давалъ человѣческой умъ, они могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ направленіямъ.

а) Теорія абсолютной свободы.

Одно, беря на себя защиту индивидуальной самостоятельности, выходитъ изъ аксіомы абсолютной, ничѣмъ не сдерживаемой, ничѣмъ не ограничиваемой свободы воли. Человѣкъ свободенъ относительно внѣшней природы, стоя отдѣльно отъ нея и эксплуатируя ее по своему усмотрѣнію; свободенъ относительно другаго человѣка, который иногда въ силахъ отнять у него имущество, семью и даже самую жизнь, но никогда не въ силахъ сдѣлать изъ него

слѣпое орудіе своей воли: я свободенъ и въ цѣпяхъ, восклицалъ Кантъ; наконецъ, человѣкъ свободенъ и относительно самого себя, если только онъ не дѣлается рабомъ своихъ слабостей и страстей. Акты человѣка могутъ быть или согласны съ его свободною волею — и тогда мы говоримъ о человѣческомъ дѣйствіи, или несогласны съ нею, опредѣляясь чѣмъ-либо внѣшнимъ, ему постороннимъ — и тогда мы имѣемъ дѣло съ продуктомъ матеріальнымъ, физическимъ, не имѣющимъ никакого права на названіе человѣческаго дѣйствія. Возможна только эта альтернатива: или полная свобода, или полная несвобода. Первая есть исключительное состояніе человѣка, основа его моральной и правовой отвѣтственности; вторая свойственна остальному міру. Первая отвѣчаетъ на вопросъ: зачѣмъ, для чего? Вторая управляется вопросомъ: почему? Всѣ добродѣли и пороки, всѣ великія и ничтожныя дѣла человѣка, весь его характеръ, все внутреннее его духовное состояніе создается его личною свободой воли. За нихъ, какъ за *свои* продукты, онъ несетъ награды и наказанія, похвалы и порицанія, но кругомъ ихъ исчерпывается его отвѣтственность и его заслуга. Такова исходная точка этого направленія, знающаго только личную мораль, личную этику, и полагающаго исключительно въ ней основы человѣческой отвѣтственности передъ собою и передъ другими. Въ исторіи философіи оно выступало въ формахъ раціонализма, идеализма, спиритуализма и субъективизма; въ теологіи оно извѣстно подъ именемъ деизма; въ антропологіи оно получило названіе пелагеніанизма; наука уголовного права, примыкая къ общей философіи, знаетъ его въ формѣ теорій возмездія и воздаянія. Злая воля, противопоставляясь волѣ доброй, разсматривалась какъ единственная причина преступленій; человѣкъ, совершавшій какое-либо преступное дѣяніе, считался проникнутымъ злою волей, и мѣры наказанія старались дѣйствовать на него непосредственно, репрессивно. Наказаніе опредѣлялось и исчерпывалось понятіемъ зла, слѣдовавшаго за зломъ преступной воли, не задаваясь никакими иными задачами: fiat justitia, pereat mundus. Если, говоритъ Кантъ, въ тюрьмѣ находятся убійцы, а между тѣмъ, общество должно завтра распасться и всѣ члены его должны разойтись, то прежде чѣмъ разойтись, они должны казнить убійцъ.

Вглядываясь въ это направленіе, нельзя не замѣтить, что характеристическія черты его суть атомизмъ и субъективизмъ, имѣющіе въ результатъ совершенное безразличіе, теорію индифферентизма въ соціальной политикѣ.

Атомистическимъ направленіе это можетъ быть названо потому, что не только въ мірѣ физическомъ, но и въ этической области

историческаго развитія человѣчества, оно признаетъ массу отдѣльныхъ, хотя и оказывающихъ нѣкоторое вліяніе на другія, но самостоятельныхъ и независимыхъ по своему существу единицъ, складывающихся произвольно, произвольно же распадающихся и, вмѣстѣ одного цѣлага, образующихъ въ своей совокупности агрегатъ отдѣльныхъ атомовъ. Достаточно напомнить договорную школу государства, и мы получаемъ одинъ изъ видѣйшихъ примѣровъ этого направленія. Человѣчество и даже народъ, какъ понятія общія—ему неизвѣстны; оно знаетъ только массу отдѣльныхъ единицъ, составляющихъ ихъ, и опредѣляетъ ихъ функціи волею и дѣятельностью образующихъ ихъ атомовъ.

Субъективизмъ этого направленія очевиденъ. Выходя изъ идеи индивида, оно ставитъ его фокусомъ всего общечеловѣческаго развитія и общечеловѣческихъ задачъ. Удовлетвореніе личнымъ потребностямъ каждаго индивида въ отдѣльности (эгоизмъ)—его лозунгъ; зависимость судебъ человѣчества отъ воли и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ—его философское міровоззрѣніе. Исторія, съ его точки зрѣнія, есть не болѣе, какъ смѣна великихъ въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ людей, являющихся совершенно независимо отъ общаго строя, дѣйствующихъ не справляясь съ уровнемъ общественнаго развитія. Великіе люди создаютъ эпохи, а не эпохи создаютъ великихъ людей. Становясь театромъ индивидуальной дѣятельности, исторія перестаетъ быть выраженіемъ общихъ законовъ человѣческаго развитія, въ дѣйствительности сообщающихъ специфическія краски каждой изъ нихъ и опредѣляющихъ ихъ смѣну.

Эти основныя положенія разсматриваемаго направленія должны были имѣть въ своемъ результатѣ полнѣйшій индифферентизмъ его къ судьбамъ человѣчества. Разрушая законмѣрность его историческаго развитія, оно могло представлять себѣ исторію только въ смыслѣ хаотической смѣны отдѣльныхъ индивидуальныхъ воль, дѣйствующихъ совершенно самостоятельно и потому не допускающихъ никакого на себя вліянія. Случай, авось—ихъ единственный спасительный якорь. Ихъ Богъ есть богъ произвола и полного безразличія, ихъ свобода—пелаганская *libertas indifferentiae*. Въ результатѣ должно было получиться и опредѣленіе нравственнаго закона, какъ совокупности болѣе или менѣе измѣнчивыхъ и эфемерныхъ правилъ жизни, обязательныхъ настолько, насколько ихъ согласится признать каждая отдѣльная воля. Все здѣсь сводится къ произволу, не знающему никакихъ границъ. Свободенъ тотъ, кто ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ.

Перенесенное въ область уголовного права, направленіе это, до нынѣ здѣсь господствующее, сводитъ преступныя дѣянія къ сво-

бодной злой волѣ человѣка, которая и разсматривается, какъ единственная ихъ причина; поэтому, наказаніе получаетъ значеніе мѣры, реагирующей непосредственно на человѣческую волю. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самая воля есть результатъ множества причинъ; игнорируя ихъ, разсматриваемое направленіе грѣшить противъ истиннаго склада причинъ, человѣческую дѣятельность опредѣляющихъ, и обнаруживаетъ недостаточное пониманіе закона причинности. Съ другой стороны, реагируя непосредственно на волю, на личность преступника, наказаніе сохраняетъ тотъ грубый характеръ личной схватки, который былъ свойственнымъ для эпохи мести. Наконецъ, если человѣкъ вполнѣ и безусловно свободенъ, ничѣмъ не опредѣляемъ, то его не можетъ опредѣлять ни угроза наказанія, ни самое исполненіе наказанія: теорія крайняго субъективизма, при ихъ послѣдовательномъ развитіи, приводятъ, слѣдовательно, къ ненужности и безцѣльности наказаній.

б) Теорія нецессаризма.

Совершенно иную картину представляетъ другое направленіе, которое, въ противоположность изложенному и опирающемуся на субъективизмъ, можетъ быть названо воплощеніемъ крайняго нецессаризма. Отдѣльный человѣкъ для него есть ничтожная песчинка, вовсе не имѣющая собственныхъ опредѣлительныхъ силъ, а вполнѣ подчиненная дѣйствію законовъ физическихъ. Согласно ему, всякій такъ называемый актъ воли есть лишь необходимый членъ въ общей цѣпи причинъ и послѣдствій, всякая такъ называемая личность есть не болѣе, какъ необходимый продуктъ окружающихъ и условливающихъ ее обстоятельствъ. Добродѣтель и порокъ, добро и зло, заслуга и вина, согласно этому направленію, суть ничего не означающіе предрасудки, порожденные обольщеніями человѣческаго воображенія. Самоопредѣленіе—химера, сознаніе обязанности—иллюзія, угрызенія совѣсти и безпокойное чувство грѣха—результаты больного мозга, такъ какъ никто не въ силахъ произвести ни малѣйшаго измѣненія въ вѣчномъ и неизмѣнномъ потокѣ міроваго движенія. Это фаталистическое направленіе, какъ и первое, проникаетъ въ области человѣческой мысли. Исторія философіи знаетъ его въ формахъ натурализма, реализма, матеріализма и объективизма; теологіи оно извѣстно въ пантеистическихъ ученіяхъ; въ антропологію оно проникло подъ названіемъ манихеизма. Ему отдало дань и уголовное право въ теоріяхъ патологическаго возрѣвнія на преступленіе, распространяющихся съ особенною силою въ послѣднее время, хотя извѣстныхъ уже классической древности. Еще Платонъ видѣлъ въ преступленіи продуктъ

преходящаго болѣзненнаго состоянія души, а въ наказаніи—мѣру леченія; полезную не только для наказывающаго, но и для наказываемаго. Девятнадцатому вѣку принадлежитъ дальнѣйшая разработка этого взгляда, приче́мъ болѣзнь, опредѣляющая преступленія, предлагалось понимать или какъ болѣзнь организма, или какъ болѣзнь общественной; главнѣйшія направленія, къ первой группѣ относящіяся, суть:

а) теоріи органическихъ прирожденныхъ мозговыхъ аномалій, порождающихъ ненормальныя дѣянія и распознаваемыхъ частью по строенію черепа (Галль), частью по величинѣ лицеваго угла и измѣренію вѣса головного мозга;

б) теоріи преступнаго помѣшательства, состоящаго въ постоянномъ или проходящемъ болѣзненномъ разстройствѣ не столько сознательной, сколько волевой способности, и порождающей или непреодолимое желаніе совершить преступленіе (маніи), или неспособность къ глубокому воспріятію и устойчивому проведенію въ жизни нравственныхъ положеній. Главными представителями этого взгляда, обязаннаго высокому проценту упомѣняемыхъ среди преступниковъ, были Томсонъ, Гюи, частью Маудсли;

в) теоріи наслѣдственности, утверждающія передачу по наслѣдству не только физическихъ, но и нравственныхъ свойствъ личности; фактъ наслѣдственной преступности былъ замѣченъ пенитенціаристами и обобщенъ въ теоріи атавизма, предложенной представителемъ итальянской антропологической школы Ломброзо.

Этому взгляду на преступленіе, какъ на продуктъ болѣзненнаго состоянія индивида, противоплагается взглядъ на него, какъ на продуктъ и признакъ болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія общества; его высказывали:

а) Овенъ, утверждавшій, что характеръ человѣка, опредѣляющій родъ его дѣятельности, есть результатъ воспитанія, составляющагося изъ ряда вліяній общезитія на отдѣльную личность;

б) статистики школы Кэтле, утверждавшаго, что преступленія повторяются съ неизмѣнною правильностью, обнаруживающею ихъ общественную необходимость, и этотъ „бюджетъ преступленій“ каждымъ обществомъ долженъ быть выполненъ во что бы то ни стало.

Таковы главнѣйшія ученія о преступномъ дѣяніи, вылившіяся изъ нецессаризма. Обращаясь къ оцѣнкѣ послѣдняго, необходимо указать слѣдующія его погрѣшности.

Пораженное грандіозно-неизмѣннымъ порядкомъ міра физическаго и строгою правильностью причинности въ его явленіяхъ, устраняющихъ всякую мысль объ индивидуальномъ произволѣ, направленіе это становится отраженіемъ крайняго и совершенно невѣрнаго

фатализма, признавая человѣческую дѣятельность результатомъ слѣпой, разъ напередъ установленной необходимости, неизмѣнно и непре-ложно вызывающей опредѣленные акты, напередъ предустановленные въ книгахъ судебъ. Все въ мірѣ физическомъ и этическомъ напередъ предопредѣлено, все происходитъ по неизмѣннымъ предначертаніямъ, имѣющимъ свой источникъ или въ личномъ Богѣ, или въ безличныхъ метафизическихъ понятіяхъ судьбы и природы, натуры. Необходимая послѣдовательность соединяющихся между собою элементарныхъ силъ, дѣйствующихъ съ поразительною правильностью— вотъ опредѣленіе закона по этому направленію. Такими то законами причинности и управляется человѣчество. Исторія и соціологія доказываютъ, однако, что такой фаталистической, неизмѣнной и неизбѣжной зависимости человѣческихъ дѣйствій отъ внѣшней природы, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Напротивъ, прогрессъ человѣчества состоитъ именно въ измѣненіи силы различныхъ внѣшнихъ вліяній на человѣка, въ приспособленіи его къ внѣшней природѣ и въ устраненіи вреднаго дѣйствія ея. Фаталистическая окраска законовъ человѣческаго развитія и человѣческой исторіи опровергается также тѣмъ фактомъ, что условія, создаваемые по инициативѣ и силами самого человѣка, напримѣръ образованіе, новые политическіе и гражданскіе законы, культура, могутъ въ значительной степени измѣнять силу и даже направленіе прежнихъ вліяній.

Натуралистическимъ разсматриваемое возрѣніе можетъ быть названо потому, что признаваемые имъ на человѣческую дѣятельность вліянія ограничиваются вліяніями физическаго свойства и что, отрицая самостоятельность за міромъ психологическимъ, оно стремится свести его къ законамъ физиологическимъ. Въ этой системѣ нѣтъ, строго говоря, мѣста ничему, кромѣ механической причинности въ явленіяхъ міра. Она знаетъ только космическую и общечеловѣческую физику, но не знаетъ вовсе индивидуальной нравственности, и сводитъ человѣчество къ понятію механизма, или, самое большое, организма, для котораго существуетъ только физически необходимый ростъ. Въ этомъ также лежитъ его односторонность, какъ потому, что исторія человѣчества несомнѣнно опредѣляется, между прочимъ, и факторами этическими, которые подчинены своимъ законамъ, отдѣльнымъ отъ законовъ физическаго міра, такъ и потому, что многія измѣненія, производимыя по инициативѣ отдѣльнаго человѣка, могутъ имѣть вліяніе на исторію человѣчества. Субъективизмъ преувеличиваетъ значеніе великихъ людей; но утверждать обратное, что великіе люди не имѣютъ никакого вліянія на исторію, представляется совершенно невозможнымъ.

Подобно крайнему субъективизму, и разсматриваемое направ-

леніе осуждаетъ себя на полнѣйшее безразличіе, на совершенный индиферентизмъ къ судьбамъ человѣчества. Зная лишь рядъ неизмѣннѣхъ законовъ существованія и движенія, неизвѣстно къмъ поставленныхъ, служащихъ неизвѣстно какой цѣли, оно складываетъ передъ ними оружіе и предоставляетъ ихъ естественному теченію. Личная инициатива бесплодна, общественная дѣятельность безцѣльна. Никто не можетъ произвести ни малѣйшаго измѣненія въ вѣчномъ и неизмѣнномъ потокѣ міроваго движенія. Всѣ люди обезличены и превращены въ бездушныя пѣшки, невѣдомою рукою переставляемыя. „Выходитъ, — замѣчаетъ Достоевскій (П. С. XI, 307), — что преступленіе какъ бы не признается преступленіемъ вовсе; обществу, напротивъ, какъ бы возмѣщается, да еще судомъ же, что совѣмъ, дескать, и нѣтъ преступленія, что преступленіе, видите ли, есть только болѣзнь, происходящая отъ ненормальныхъ условій общества, — мысль до гениальности вѣрная въ иныхъ частныхъ примѣненіяхъ и въ извѣстныхъ разрядахъ явленій, но совершенно ошибочная въ примѣненіи къ цѣлому и къ обществу, ибо тутъ есть нѣкоторая черта, которую невозможно переступить, иначе пришлось бы совершенно обезличить человѣка, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его къ пушинкѣ, зависящей отъ перваго вѣянія“.

Въ спеціальной сферѣ отношенія этого направленія къ уголовному праву, оно проявилось въ совершенномъ отрицаніи вмѣненія и въ замѣнѣ понятія преступнаго дѣянія понятіемъ болѣзни. Галль, посѣщая одну школу и ощущавъ на черепѣ мальчика характеристическую по мнѣнію его шишку воровства, совѣтовалъ посадить его немедленно и на всю жизнь въ тюрьму. „Когда, говоритъ докторъ Лебонъ¹⁾, одинъ изъ представителей нецессаризма, на насъ ползеть ехидна, мы ее сбрасываемъ и уничтожаемъ, не справляясь съ тѣмъ, дѣйствуетъ ли она свободно или несвободно. Точно также мы относимся и къ преступнику“. „Законы, замѣчаетъ онъ, появляющіеся съ самаго начала образованія общества, не выдумываются людьми, а даются необходимостью. Суровы они или нѣтъ, безразлично; мы, все равно, должны имъ слѣдовать. А эти законы указываютъ намъ, что на жизненномъ пиру есть мѣсто только для способныхъ, и что именно вслѣдствіе этого возможенъ прогрессъ. Общество, состоящее изъ людей средней, одинаковой интеллигенціи, имѣющихъ съ самаго рожденія одинаковыя способности и равныя права, никогда не было бы въ силахъ выйти изъ первобытнаго дикаго состоянія человѣческой исторіи... Если бы я долженъ былъ высказать свое мнѣніе о психологическомъ состояніи преступниковъ,

¹⁾ Le Bon, l'homme et les sociétés, Paris 1881.

то я склонился-бы на сторону полной ихъ невмѣняемости; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я бы спросилъ: почему же эти опасныя существа заслуживаютъ болѣе снисхожденія (*plus d'égards*), чѣмъ тысячи невинныхъ, которыхъ мы посылаемъ умирать на поля сраженія въ отдаленныя страны, для защиты интересовъ, нерѣдко ими вполне не признаваемыхъ? На что можно опереться, утверждая, что жертвы преступника менѣе заслуживаютъ нашей помощи, чѣмъ самъ преступникъ?“

Отрицаніе вмѣненія приводило представителей нецессаризма и къ отрицанію наказанія въ современномъ его значеніи. Но въ дальнѣйшихъ выводахъ они между собою расходятся. Одни, видя въ преступности болѣзнь неизлечимую, положили въ области уголовной политики начало школамъ отчаянія. Другіе, видя въ ней болѣзнь излечимую, основали школы терапевтическія или леченія. Наконецъ, третьи, раздѣляя преступниковъ на неизлечимыхъ и излечимыхъ, образовали смѣшанныя школы.

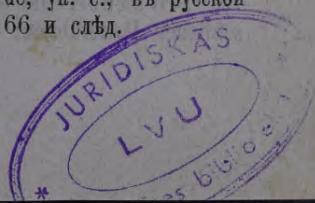
Школы отчаянія проникаютъ всѣ изложенныя выше отрасли патологическаго направленія. Онѣ или ограничиваются отрицаніемъ наказанія, или предлагаютъ на мѣсто наказанія инныя мѣры, предназначенныя единственно для огражденія вышней безопасности общезжитія и не стоящія ни въ какой связи съ условіями вмѣненія и вмѣняемости. Галль, утверждавшій прирожденность и неизмѣнность человѣческихъ способностей, совѣтовалъ держать взаперти прирожденнаго преступника съ дѣтства до самой смерти. Антропологическая школа рекомендуетъ для *mattoidi*, неизлечимыхъ прирожденныхъ преступниковъ, особыя пожизненные пріюты. Овенъ, видѣвшій въ преступленіи болѣзнь общественную, отрицалъ всякое наказаніе; на практикѣ, въ Америкѣ онъ прибѣгалъ къ изгнанію. Школы леченія допускаютъ, вмѣсто наказанія, или леченіе физическое (Томсонъ), или леченіе общественное (Крѣпелинъ, Принсъ), высказывая при этомъ надежду о срочности его. Не смотря на различіе ихъ, какъ школы отчаянія, такъ и леченія, сходятся въ полномъ поглощеніи личности преступника государственнымъ абсолютизмомъ; первыя рекомендуютъ пожизненный секвестръ ея, вторыя—хотя срочный, но безъ опредѣленія самаго срока, замѣняемаго условіемъ наступленія нужныхъ для государства результатовъ.

Видя въ преступленіи продуктъ болѣзни индивида или общезжитія, патологическое направленіе представлять себѣ преступниковъ какъ особый органическій или соціальный типъ. Эта мысль нашла наиболѣе полное выраженіе въ антропологической школѣ, заговорившей „о преступномъ чловѣкѣ“ вообще (*l'homme delinquant*) и стремящейся указать особыя анатомическіе, фізіологическіе и инныя органическіе признаки, характеризующіе такого преступнаго чело-

вѣка; такъ, Ломброзо нашелъ въ немъ сходство съ монгольскимъ типомъ. Но пока поле этихъ изслѣдованій было еще весьма незначительно, не произведено и даже не начиналось параллельныхъ изслѣдованій типа противоположнаго (если онъ существуетъ), именно добродѣтельнаго человѣка, и относительно признаковъ, характеризующихъ типъ преступнаго человѣка, между изслѣдователями замѣчаются глубокія разнорѣчія. Позволительно сомнѣваться въ существованіи такого органическаго типа и въ возможности даже въ будущемъ указать прочныя признаки его, ибо 1) понятіе преступленія есть понятіе социальное, а не физическое, и поэтому не можетъ опредѣляться признаками физическими; запреты уголовного закона не одинаковы у разныхъ народовъ и даже въ разные эпохи у одного и того же народа; неужели съ измѣненіемъ уголовного закона измѣняются и физическіе признаки человѣка, и люди, не имѣвшіе признаковъ преступнаго типа при отсутствіи уголовной угрозы, получаютъ ихъ съ момента запрещенія закономъ даннаго дѣянія? 2) Сами представители разсматриваемаго направленія не находятъ возможности распространять защищаемыя ими положенія на незначительныя полицейскія нарушенія, каковы: неисправное содержаніе улицъ, нарушенія уставовъ строительнаго, пожарнаго и т. д.; но какъ же быть въ такомъ случаѣ съ этими нарушеніями? Нельзя ихъ не запрещать, необходима слѣдовательно и реакція на случай неуваженія запрета; между тѣмъ виновники ихъ ничего общаго съ типомъ „преступнаго человѣка“ не имѣютъ¹⁾.

Мѣста тому отчаянію, въ которое впадаютъ представители нецессаризма, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. „Бюджетъ преступлений“ въ дѣйствительности не отличается тою непреложностью, которую утверждалъ за нимъ Кэтле, такъ какъ цифра преступленій и родъ ихъ измѣняются подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ цивилизаціи. Прирожденная наклонность къ преступности или переходитъ въ болѣзненное состояніе, чуждое мѣрамъ карательнымъ, или сглаживается и устраняется вліяніемъ воспитанія, значеніе котораго въ послѣднее время начинаютъ признавать и представители антропологической школы. Нельзя также сводить реакцію противъ преступленій къ леченію: наказаніе относится въ прошедшему, леченіе имѣетъ въ виду будущее; можетъ оказаться, что учинившій преступленіе не нуждается въ леченіи, или представляется неизлечимымъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ мѣста леченію, но необходимость наказанія сохраняется. Крәпельинъ упрекаетъ въ произволѣ институтъ мѣры

¹⁾ Подробную критику теоріи Ломброзо см. Tarde, ук. с.; въ русской литературѣ Дриль, Малолѣтніе преступники, стр. 166 и слѣд.

наказанія; но несравненно произвольнѣе рекомендуемое имъ карательное леченіе: каковы признаки болѣзни, кто ихъ будетъ распознавать, до какихъ предѣловъ идетъ власть лечащаго—все это оставляется на усмотрѣніе органовъ леченія; но если леченіе добровольное можетъ для больного приносить хорошіе плоды, то опытъ достаточно доказалъ неумѣстность и вредъ леченія принудительнаго. Представители теорій нецессаризма упрекаютъ представителей теорій абсолютной свободы въ недостаточномъ сознаніи закона причинности и въ произвольномъ отнесеніи всѣхъ человѣческихъ дѣйствій на счетъ его воли, которая сама по себѣ есть результатъ многихъ причинъ. Но тотъ же упрекъ можетъ быть обращенъ и къ нимъ, ибо и они стремятся къ отнесенію всѣхъ человѣческихъ дѣйствій на счетъ одной причины, съ тѣмъ лишь различіемъ, что метафизическое понятіе свободы воли замѣняется у нихъ столь же метафизическимъ понятіемъ необходимости.

в. Закономѣрность человѣческихъ дѣйствій и условія преступныхъ дѣяній ¹⁾.

Этимъ крайнимъ, метафизическимъ возрѣніемъ на человѣческую дѣятельность новое время противопоставило гипотезу обусловленности, приводящей къ извѣстной правильности, законмѣрности человѣческихъ дѣйствій. Общее положеніе, по которому одинаковыя причины ведутъ къ однороднымъ послѣдствіямъ, существуетъ и для человѣка: окруженный извѣстною средою, воспитывающійся и дѣйствующій въ ея предѣлахъ, человѣкъ не можетъ стоять внѣ ея вліянія, которое неизбѣжно сказывается и на его дѣятельности. Утверждать независимость отъ нихъ человѣка, значило бы, по остроумному замѣчанію Левки, представлять себѣ человѣческую волю, какъ телѣжку, которая движется въ гору безъ лошадей и безъ пара, исключительно лежащею въ ней силою хотѣнія.

Но, какъ животный организмъ, человѣкъ въ дѣятельности своей управляется не механическими законами движенія, а психическими законами ощущенія и разума. Ни одно человѣческое дѣйствіе не можетъ быть объяснено путемъ механическихъ законовъ, ни одна внѣшняя сила не вызываетъ актовъ человѣческой дѣятельности, какъ свой непосредственный результатъ. Внѣшнія вліянія создаютъ потребности, подлежащія удовлетворенію, даютъ силы, служащія для удовлетворенія ихъ. Но одна и та же потребность можетъ быть удовлетворяема путями самыми различными, законными и незаконными,

¹⁾ Wagner, Die Gesetzmäßigkeit in der scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen; Oettingen, Moralstatistik, изд. 2.

похвальными и преступными, и выборъ этихъ путей, очевидно, опредѣляется не причиною, создавшею извѣстную потребность, а факторами совершенно иной области. Равнымъ образомъ и силы, челоуѣкомъ получаемыя извнѣ, распредѣляются самымъ различнымъ образомъ, такъ что одна и та же сила, напр. грамотность, одному даетъ возможность стать полезнымъ учителемъ, въ рукахъ другаго является орудіемъ подлоговъ и тонкихъ мошенничествъ.

Эти два понятія — обусловленности челоуѣческихъ дѣйствій и самостоятельной природы законовъ челоуѣческой дѣятельности¹⁾ — составляютъ основаніе вмѣненія въ современномъ смыслѣ.

Зародышъ психической дѣятельности суть рефлективные акты, совершаемые животнымъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній, для отпора или утилизовапія ихъ. При постоянномъ долговременномъ повтореніи, они усваиваются цѣлому роду, становятся наслѣдственными, и дѣйствія, ими вызываемыя, получаютъ названіе инстинктивныхъ. Чѣмъ совершеннѣе животное, тѣмъ богаче его серія инстинктивныхъ актовъ, служащихъ преслѣдованію опредѣленныхъ цѣлей, причемъ, при коллизіи ихъ, перевѣсъ всегда получаютъ сильнѣйшія (напр. вызываемыя инстинктомъ материнской любви одерживаютъ перевѣсъ надъ инстинктомъ страха). Инстинкты дѣйствуютъ съ замѣчательною правильностью и безъ всякихъ колебаній, свойственныхъ разсудительной способности: они ведутъ прямо къ цѣли, которой служатъ. Но инстинкты способны и видоизмѣняться: въ Китаѣ, гдѣ изстари существуетъ искусственное разведеніе птицъ, курицы утратили инстинктъ высидывать яйца; пчелы терпятъ трутней и кормятъ ихъ до тѣхъ только поръ, пока они нужны для матки.

Отъ инстинктовъ отличаются волевые акты, предполагающіе несравненно болѣе развитую нервную организацію. И они, какъ акты инстинктивные, служатъ для достиженія различныхъ цѣлей животного, но совершаются подъ вліяніемъ большаго запаса комбинацій, сохраняемыхъ памятью; выбору между ними предшествуетъ обыкновенно раздумье, составляющее характеристическую черту каждаго волевого акта, въ противоположность инстинктивному. Такимъ образомъ, волевые акты контролируются наличнымъ, ранѣе накопленнымъ запасомъ впечатлѣній, удерживаемыхъ памятью. Изъ массы различныхъ возможныхъ комбинацій, актомъ воли животное направляется къ опредѣленному рѣшенію.

¹⁾ Эти законы нужно отличать, съ одной стороны, отъ законовъ внѣшней причинности, чуждыхъ психическаго элемента, съ другой — отъ нормъ, устанавливаемыхъ общественною властью для челоуѣка какъ члена общезитія.

Такимъ образомъ, существенные элементы волевого акта суть: 1) мотивъ, побужденіе, и 2) его оцѣнка.

Мотивъ образуется возбужденіемъ, производимымъ на наши чувства внѣшнимъ міромъ. Возбужденія эти принадлежатъ данному моменту, настоящему времени, или времени прошедшему. Послѣднія удерживаются памятью и, будучи вызваны, дѣйствуютъ какъ мотивы настоящаго времени. Сверхъ того, воображеніе способно вызывать и образы будущаго какъ побужденіе дѣятельности. Коллизія мотивовъ создаетъ раздумье, нерѣшительность, пока не одолѣютъ сильнѣйшіе.

Оцѣнка мотивовъ производится нашею личностью, образующею нашъ характеръ, т. е. наслѣдственный и выработанный опытомъ запасъ впечатлѣній личности въ ихъ разнообразныхъ соединеніяхъ. При различіи характера, одни и тѣ же мотивы могутъ производить различныя послѣдствія. „Характеръ есть личность, какою она сдѣлана средою, воспитаніемъ, темпераментомъ и наслѣдственностью“, говоритъ докторъ Le Von; давая мотивамъ внѣшняго міра оцѣнку, устанавливая выборъ между ними, онъ опредѣляетъ и тѣ дѣйствія, которыя производятся человѣкомъ, какъ волевые акты. Каждый волевой актъ предполагаетъ, что внѣшнее возбужденіе вошло въ сознаніе, оцѣнено человѣкомъ, который и опредѣлилъ свою дѣятельность сообразно своему характеру; сознаніе мотива и выборъ послѣ размысленія цѣлесообразнаго акта кладутъ грань между дѣятельностью волевою съ одной стороны, рефлексивною — съ другой.

Примѣняя эти положенія къ спеціальной, интересующей насъ сферѣ наказанія, напомнимъ, что послѣднее есть мѣра охраненія общества отъ преступныхъ дѣяній и что для успѣшности этой охраны борьба съ преступленіемъ должна быть сведена къ борьбѣ съ тѣми причинами или условіями, которыя вызываютъ преступную дѣятельность.

При всемъ ихъ разнообразіи, причины или условія преступной дѣятельности могутъ быть сведены къ тремъ родовымъ группамъ: а) условія космическія, б) условія общественныя, в) условія индивидуальныя.

а) Наличие космическихъ условій, опредѣляющихъ человѣческую дѣятельность вообще, преступную въ частности, стоитъ вѣдъ всякаго сомнѣнія. Почва, климатъ, раса, предметы питанія, полъ, возрастъ, играютъ роль, въ высшей степени значительную въ этомъ отношеніи. Статистическія изслѣдованія Кэтле и Ферри по вопросу о вліяніи возраста, Ферри и мои по вопросу о вліяніи временъ года, Гюи по вопросу о вліяніи ненормальнаго состоянія организма показали, что и преступленія опредѣляются вліяніемъ солнечныхъ лучей, питаніемъ и физическимъ состояніемъ организма.

б) Равнымъ образомъ, послѣ прекрасныхъ работъ Майера о вліяніи цѣнъ съѣстныхъ припасовъ, Ферри по исторіи французской статистики, Старке по исторіи германской уголовной статистики, а равно свидѣтельство опыта, иными путями получаемыхъ (см. Iellinek, ук. соч.), не можетъ подлежать сомнѣнію, что человѣческая дѣятельность вообще, преступная въ частности, стоитъ и подъ весьма замѣтнымъ вліяніемъ условій общественныхъ. Цифры имущественныхъ преступленій колеблются соотвѣтственно съ колебаніями цѣнъ на съѣстные припасы; общественныя бѣдствія, каковы война, революція и т. под., не остаются безъ вліянія на таблицы уголовной статистики. Образование видоизмѣняетъ ея данныя; система правленія, величина налоговъ, состояніе путей сообщенія, торговли и промысловъ, стоятъ въ самой тѣсной связи съ тѣмъ печальнымъ явленіемъ, которое, въ видѣ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, поступаетъ къ суду уголовному. Всякое улучшеніе въ строѣ общежитія, всякое увеличеніе средствъ законнаго удовлетворенія потребностей, даваемое мѣрами общественной дѣятельности, понижаетъ бюджетъ преступленій и измѣняетъ характеръ ихъ. Преступленіе, будучи явленіемъ космическимъ, другою стороною своею становится явленіемъ общественнымъ, социальнымъ.

в) Еслибы преступленія опредѣлялись исключительно условіями космическими и общественными, то для борьбы съ ними наказанію вовсе не было бы мѣста, въ немъ не было бы и никакой надобности. Вся государственная дѣятельность, направленная къ огражденію общества отъ преступленій, сводилась бы исключительно и всецѣло къ борьбѣ съ космическими и общественными причинами его. Она состояла бы только частью въ ослабленіи и устраненіи причинъ неблагопріятныхъ (напр. развитіе путей сообщенія и торговли умѣряетъ вліяніе неурожая въ данной мѣстности), частью въ эксплуатированіи условій, содѣйствующихъ болѣе благопріятному для общежитія направленію человѣческой дѣятельности. Но одними этими мѣрами борьбы съ преступностью ограничиться невозможно, такъ какъ преступленія опредѣляются, сверхъ того, условіями личными, лежащими въ особомъ складѣ волевой дѣятельности человѣка. Однѣ и тѣ же причины на разныхъ людей дѣйствуютъ неодинаково; для того, чтобы не ошибиться въ нихъ, необходимо принять во вниманіе волевою способность человѣка, которая не даетъ мѣста понятію механической причинности. Опытная разработка этого вопроса еще ждетъ своихъ дѣятелей; но уже въ тѣхъ данныхъ, которыя наукою обнаружены, можно найти наглядныя доказательства существованія личныхъ вліаній преступную дѣятельность опредѣляющихъ. Такъ:

а) изъ изслѣдованій о вліяніи цѣны сѣстныхъ припасовъ на преступность видно, что повышеніе цѣны вызываетъ повышеніе цифръ корыстныхъ имущественныхъ преступленій не сразу, а по истеченіи нѣкотораго промежутка времени; причиною, задерживающею повышеніе на этотъ промежутокъ времени, не можетъ быть никакая иная, какъ именно волевая дѣятельность человѣка, его способность къ выбору, его внутренній отпоръ неблагопріятнымъ вѣшнимъ вліяніямъ, ослабѣвающій по мѣрѣ напряженія послѣднихъ;

б) цифры личныхъ преступленій управляются закономъ жаркихъ мѣсяцевъ; по мѣрѣ приближенія лѣта, онѣ увеличиваются, падая къ зимѣ. Но чѣмъ преступленіе тяжеле, чѣмъ болѣе оно предполагаетъ самоопредѣленія, тѣмъ на болѣе поздній мѣсяць приходится его максимумъ; и здѣсь силою, задерживающею вліяніе времени года, является личная энергія, волевая способность;

в) по даннымъ англо-уэльской статистики, вліяніе времени года на покушенія гораздо рѣзче и сильнѣе, чѣмъ на совершенія. Объясняется это тѣмъ, что покушеніе, т. е. неудавшееся преступленіе, обдумывается менѣе, волевая способность принимаетъ въ немъ меньшее участіе, чѣмъ въ совершеніи ¹⁾.

Эти-то личные условія, опредѣляющія преступленія, и создаютъ необходимость такой мѣры борьбы съ ними, которая имѣла бы личный характеръ, т. е. наказанія. Наказаніе, поэтому, есть государственная мѣра борьбы съ личными условіями преступленій.

г) Состояніе преступности и его виды.

Личныя условія преступленій, разсматриваемыя въ ихъ совокупности, образуютъ извѣстное состояніе личности. Его мы называемъ состояніемъ преступности, которое и есть предметъ наказанія. Наказывать, значитъ бороться съ состояніемъ преступности. Эта борьба, въ свою очередь, должна носить личный характеръ, сообразно съ природою причины, которая вызываетъ ее къ жизни.

Преступная дѣятельность, съ точки зрѣнія и общественной, и личной, есть дѣятельность ненормальная: совершая преступленіе, человѣкъ идетъ противъ строя жизни, обезпечивающаго интересы всѣхъ и каждаго ²⁾. Такое уклоненіе отъ нормальнаго опредѣляется частью

¹⁾ См. мою статью „Вліяніе времени года на преступность, опытъ соціальнаго діагноза преступленій“ (Суд. Журн. 1872).

²⁾ Иное мнѣніе высказалъ на римскомъ антропологическомъ конгрессѣ Albrecht (Actes, 110 и сл.), утверждавшій, что нормальнымъ, т. е. приближающимся по своей дѣятельности къ міру животныхъ вообще, долженъ быть признаваемъ именно преступникъ.

особымъ состояніемъ волевой способности дѣятеля, частью привычками, его характеръ сложившимися и вліяющими на волеую способность.

Особое состояніе волевой способности зависить:

а) отъ вліянія на нее страстей. Были школы, которыя всю преступную дѣятельность сводили исключительно къ страстямъ человѣческой природы, ставя, поэтому, задачей наказанія противодѣйствіе такимъ страстямъ (Феербахъ). Но хотя страсти и опредѣляютъ нерѣдко преступленія, однако не всегда; придавать имъ значеніе исключительное, поэтому, неправильно;

б) отъ недостатка волевой энергіи, апатическаго состоянія волевой способности. Люди, этимъ состояніемъ волевой способности опредѣляемые, для уголовной политики составляютъ наиболѣе тяжелое бремя; изъ нихъ преимущественно рекрутируются рецидивисты. Очевидно, борьба съ такимъ состояніемъ преступности должна быть совершенно иною по своему характеру, чѣмъ борьба съ преступностью, преобладаніемъ страстей условленной;

в) отъ ложныхъ данныхъ, лежащихъ въ основѣ волевой дѣятельности. Данныя эти, по природѣ своей, могутъ относиться къ области морали, правовоззрѣній и т. п.; борьба съ этою причиною должна означать замѣну ложныхъ данныхъ истинными путемъ образованія, недостатокъ котораго обнаружилъ преступленіе.

Привычка на человѣческую дѣятельность имѣетъ огромное вліяніе. Данныя статистики свидѣтельствуютъ, что родъ занятій и складъ жизни вызываютъ и опредѣленный родъ преступленій, предпочтительно избираемыхъ дѣятелемъ; такъ, у насъ, по изслѣдованію Анучина, лица военнаго сословія охотнѣе другихъ совершали насильственные преступленія; преступленія женщины, ограниченной сферою семейной жизни, носятъ по преимуществу семейный, домашній характеръ. Но едва ли не самымъ выдающимся доказательствомъ вліянія привычки на образованіе характера и на склонность къ преступной дѣятельности представляютъ данныя о повтореніи преступныхъ дѣяній. „Увлекающая сила примѣра — справедливо замѣчаетъ Геллинекъ¹⁾, — который играетъ столь важную роль во всей индивидуальной и соціальной жизни человѣка, достигаетъ страшныхъ размѣровъ въ области неправды. Присущее намъ влеченіе къ подражанію есть одна изъ дѣйствительнѣйшихъ причинъ соціальныхъ событій вообще. Имъ, съ одной стороны, объясняются самыя безсмысленныя явленія, напримѣръ, внезапное появленіе какой-либо совершенно не-

¹⁾ Jellineck, Die social-etische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe. Wien. 1878, стр. 57.

лѣпой моды, а съ другой — быстрое распространѣніе новыхъ религіозныхъ, политическихъ и нравственныхъ понятій. На этомъ влеченіи къ подражанію въ значительной степени основываются храненіе формальностей, требуемыхъ правами, быстрое распространѣніе приговора общественнаго мнѣнія, въ значительныхъ случаяхъ составляющаго лишь безпробѣрочную передачу многими мнѣнія одного лица. Въ этой же психологической рефлексивной дѣятельности лежитъ причина, почему въ каждой неправдѣ заключается легко распространяющаяся на другихъ зараза. И не только на другихъ; въ силу психологической привычки, учиненная неправда въ самомъ виновникѣ ея часто вызываетъ склонность къ повторенію, къ воспроизведенію того же преступленія“.

По даннымъ французской статистики, рецидивисты составляютъ 32⁰/₀, т. е. одну треть всего числа подсудимыхъ (за преступленія и проступки), причемъ въ теченіи 50-лѣтняго періода констатировано постепенное увеличеніе этой цифры¹⁾.

Въ Англіи, по изслѣдованіямъ Леви, въ общемъ числѣ осужденныхъ рецидивистовъ было: въ 1857—1861 г. 30¹/₂⁰/₀, въ 1862—1866 г. — 31¹/₂⁰/₀, въ 1868—1870 г. — 34¹/₂⁰/₀, въ 1872—1876 г. — 38⁰/₀, 1877 г. — 39⁰/₀, въ 1878 г. — 40⁰/₀. Въ Шотландіи процентъ рецидивистовъ въ средѣ осужденныхъ еще выше и доходитъ до 49¹/₂⁰/₀. Въ Австріи для мужчинъ онъ составляетъ 22⁰/₀, для женщинъ 21⁰/₀; въ Россіи 20¹/₂⁰/₀; въ Пруссіи онъ доходитъ до 28⁰/₀. При этомъ нужно помнить, что во Франціи показано отношеніе къ числу подсудимыхъ, въ прочихъ странахъ —

1) А именно:

	Рецидивисты уголовные.		Рецидивисты исправительные.	
	Абсолютная цифра.	Отношеніе на 100 подс.	Абсолютная цифра.	На 100 подсудимыхъ.
1826—1830	1107		4.101	8 ⁰ / ₀
1831—1835	1386		6.810	12
1836—1840	1727		11.733	11
1841—1845	1768		14.736	17
1846—1850	1948		20.212	17
1851—1855	2314	33 ⁰ / ₀	32.618	21
1856—1860	1923	36	40.332	27
1861—1865	1728	38	47.162	31
1866—1870	1753	41	56.332	36
1871—1875	1858	47	60.184	37
1876—1880	1656	48	70.731	41

Для поясненія этихъ цифръ слѣдуетъ указать, что во Франціи въ 1851 г. введена новая система констатированія рецидива (casiers judiciaires) и что въ 1870 г. съ архивомъ сенской префектуры сторгъли матеріалы о рецидивистахъ для департамента Сены.

къ осужденнымъ. Если же ограничиться населеніемъ мѣсть карательнаго лишенія свободы, болѣе тяжкаго, то окажется, что въ средѣ заключенныхъ процентъ рецидивистовъ еще выше, доходя нынѣ въ Австріи, Пруссіи, Англіи и Франціи до $\frac{2}{3}$ и даже до $\frac{3}{4}$ общаго числа заключенныхъ.

Въ высшей степени любопытны данныя о числѣ разъ повторенія, существующія для Англіи и Россіи. На 100 рецидивистовъ въ Англіи впали въ первый рецидивъ 35%, во 2—16, въ 3—10, въ 4—7 $\frac{1}{2}$, въ 5—5, въ 6 и 7—7, въ 8, 9 и 10—6, свыше 10 разъ—13 $\frac{1}{2}$. Въ тюрьмѣ Cold Bath Field мнѣ показывали женщину, о которой состоялось 87 приговоровъ, т. е. которая почти всю свою жизнь провела въ заключеніи. Вѣроятность рецидива для мужчинъ сильнѣе, чѣмъ для женщинъ, но вѣроятность сложнаго рецидива для женщинъ выше, чѣмъ для мужчинъ¹⁾.

Подобно женщинамъ, усиленную склонность къ сложному рецидиву проявляютъ лица нѣжнаго возраста. Между тѣмъ, напримѣръ, какъ въ Англіи число осужденныхъ въ 4-й разъ составляетъ лишь 6%, среди несовершеннолѣтнихъ оно достигаетъ до 14%; то же подтверждается и для иныхъ странъ.

Всѣ эти разнообразныя личныя факторы преступленій повторяются въ различныхъ сочетаніяхъ, чѣмъ обуславливается и глубокое различіе между нарушающими уголовный законъ. Въ высшей степени неправильно смѣшивать ихъ и, ограничиваясь формальнымъ признакомъ нарушенія уголовного закона, утверждать, что всѣ они одинаковые преступники. Напротивъ, опытное изученіе нарушителей уголовного закона, починомъ котораго наука обязана пенитенціаристамъ и антропологической школѣ, съ несомнѣнностью успѣло уже выяснитъ необходимость раздѣленія такихъ нарушителей на нѣсколько классовъ, представляющихъ между собою глубокія различія. Число и природа такихъ классовъ, по недавности посвященныхъ этому вопросу работъ, еще не вполне установлены²⁾; разрѣшеніе этой

¹⁾ Такъ по „Своду статист. свѣдѣній“ на 100 рецидивистовъ состояло:

Года.	Осужд. во 2 разъ.		Осужд. въ 3 разъ.		Осужд. въ 4 и болѣе разъ.	
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
1874	61,55%	47,15%	31,41%	41,44%	7,04%	11,41%
1875	62,66	49,10	31,29	40,72	6,10	10,18
1876	63,60	42,96	29,83	41,85	6,57	15,19
1877	62,36	34,09	29,06	50,65	8,58	15,26
1878	60,71	41,49	28,97	44,21	10,32	14,33

²⁾ Существующія классификаціи весьма разнообразны. Ломброзо, говорившій въ первомъ изданіи своего сочиненія только объ одномъ преступномъ типѣ, въ 3 изданіи различаетъ: преступниковъ прирожденныхъ (delinquenti nati), около 40% общаго числа преступниковъ, и преступниковъ

задачи принадлежить будущему, но уже нынѣ выяснено, что нарушители уголовного закона могутъ быть раздѣлены на слѣдующія главнѣйшія категоріи:

1) лица, дѣятельность которыхъ объясняется всецѣло внѣшними вліяніями (космическими или общественными) и которая, выражаясь языкомъ уголовно-юридической терминологіи, не въ состояніи сознавать значеніе и свойства происходшаго и руководить своими поступками. Принадлежа къ категоріи невмѣняемыхъ, они чужды мѣрамъ карательнымъ: по отношенію къ нимъ возможно лишь или леченіе, или физическій ихъ захватъ въ видахъ обезпеченія отъ нихъ общества. Сюда относятся всѣ лица порочной организаціи, безсильные противодѣйствовать преступнымъ побужденіямъ, независимо отъ того, эта организація прирождена ли имъ (*delinquenti nati* антропологической школы) или благопріобрѣтена влѣдствіе болѣзней, алкоголизма, развратной жизни и т. п. Между такими болѣзненными организмами и здоровыми возможны, конечно, переходныя формы; но какъ скоро ненормальное органическое состояніе оказывается причиною преступной дѣятельности, то для борьбы съ нею умѣстными оказываются мѣры терапевтическія и предупредительныя, а не карательныя; здѣсь нѣтъ мѣста преступной дѣятельности и преступности, есть только болѣзнь;

случая (*alle cause*, около 60⁰/о), куда относить преступниковъ по увлеченію, по страсти, по особо сложившимся обстоятельствамъ и алкоголистовъ (*i rei pazzi, d'occasione, per passione, alcoolisti*). Liszt (*Lehrbuch des Strafrechts*, 2 изд. стр. 4) принимаетъ три категоріи нарушителей уголовного закона: прирожденных (*geborene Verbrecher*), привычныхъ или профессиональных (*Gewohnheits-Verbrecher*) и случайныхъ (*Gelegenheits-Verbrecher*), причѣмъ вторую категорію онъ дѣлитъ еще на два вида: исправимыхъ и неисправимыхъ преступниковъ. Оживленные дебаты вызвалъ вопросъ о классификаціи преступниковъ на римскомъ антропологическомъ конгрессѣ 1885 г. (см. *Actes du congrès, 1886—1887*, стр. 116—146). Здѣсь Ferri предложилъ раздѣленіе ихъ на 5 категорій: преступниковъ инстинктивныхъ или прирожденных, характеризуемыхъ наслѣдственнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства и непредусмотрительностью; преступниковъ по увлеченію (*crim. passionés*), именно по увлеченію хорошему, нравственному, которому противостоятъ не могутъ; преступниковъ случайныхъ (*crim. d'occasion*), приближающихся къ первой категоріи; преступниковъ привычки (*crim. d'habitude*), переходная форма между третьимъ и первымъ типомъ, и преступники помѣшанные (*cr. aliéné, mattoide*), не подлежащіе наказанію. Maggo предлагалъ дѣленіе на 3 категоріи, исключительно по органическимъ различіямъ. Garofalo рекомендовалъ дѣлить ихъ на 2 группы: дѣйствующихъ по причинамъ внѣшнимъ и внутреннимъ. Benedikt указывалъ 4 категоріи: случайныхъ, профессиональных, дѣйствующихъ по болѣзни и влѣдствіе вырожденія. Объ итальянской школѣ и предлагаемыхъ ею классификаціяхъ см. подробнѣе Дриль, Малолѣтніе преступники, I, стр. 216 и слѣд.

2) остальную массу нарушителей уголовного закона составляют лица, обладающія способностью къ индивидуальному самоопредѣленію; изъ нихъ ко второй группѣ могутъ быть отнесены тѣ, которыя обладаютъ нормальными общежительными мотивами, впадая въ преступленія подѣ вліаніемъ преходящихъ внѣшнихъ побужденій, оказывающихъ на нихъ вліаніе частью вслѣдствіе внезапнаго порыва страсти, увлеченія, частью вслѣдствіе неосмотрительности ихъ, или неподготовленности къ отпору имъ. Таковы дуэлянты, преступники въ запальчивости, преступники по неосторожности и т. под.; всѣ они могутъ быть соединены подѣ общимъ названіемъ преступниковъ случайныхъ;

наконецъ, 3) послѣднюю крупную категорію нарушителей уголовного закона образуютъ лица, отличающіяся наклонностью превратить преступную дѣятельность въ профессію, сдѣлавъ изъ нея источникъ существованія. Увлеченіе и неосмотрительное смѣняются здѣсь хладнокровіемъ и расчетомъ, общежительные мотивы дѣятельности антисоціальными; для учиненія избираются такія преступленія, которыя допускаютъ возможность повторяемости, и привычка къ преступной дѣятельности мало-по-малу кладетъ свое пятно на людей этого класса, которые потому могутъ быть названы преступниками привычки или профессиональными. Эта привычка можетъ быть пріобрѣтенная или наслѣдственная (потому что по наслѣдству передаются не только свойства организма, но и характера). Для тюремной администраціи классъ людей, выросшихъ въ преступленіяхъ и сроднившихся съ ними, представляетъ наиболѣе трудностей, и, по степени укорененности преступной привычки, предлагается даже различать между нами исправимыхъ отъ неисправимыхъ, не поддающихся никакимъ мѣрамъ воспитанія. Однако, существованіе безусловно неисправимыхъ преступниковъ привычки еще не доказано. Прежде, когда не было никакихъ попытокъ воспитательной дѣятельности по отношенію къ преступникамъ, многіе изъ нихъ, и даже несовершеннолѣтніе, охотно считались неисправимыми. Раціональная постановка тюремнаго дѣла показала возможность возвращенія обществу полезными членами многихъ такихъ людей, которые до того признавались безнадежно погибшими. Каждый здоровый человѣкъ обладаетъ въ большей или меньшей степени способностью приспособляться къ окружающему, а эта способность, въ переводѣ на языкъ уголовной политики, и есть исправимость, если человѣкъ порочный приспособляется къ порядку гражданскаго общества. По отношенію къ малолѣтнимъ, прежній пессимизмъ, можно сказать, окончательно расшатанъ практикою земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Гораздо меньше сдѣлано пока для перевос-

питанія взрослыхъ, но результаты, достигнутые Мэконочи и Крафтономъ, даютъ возможность заключить и объ исправимости организмовъ сложившихся ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, одни изъ нихъ поддаются мѣрамъ воспитанія легче, другіе труднѣе, и въ этомъ только смыслъ можно говорить о преступникахъ исправимыхъ и неисправимыхъ; послѣдніе, вѣроятно, также доступны исправленію, но не при помощи тѣхъ несовершенныхъ мѣръ, которыя въ данную минуту находятся въ распоряженіи государства и которыхъ замѣнить другими мѣрами оно пока не въ силахъ.

Между этими тремя главнѣйшими категоріями нарушителей уголовного закона существуютъ, конечно, переходныя и смѣшанныя формы, которыя могутъ варіироваться весьма значительно; наиболѣе осторожнаго къ себѣ отношенія требуютъ лица, совершающія преступленіе въ первый разъ, если относительно ихъ можно сомнѣваться въ принадлежности къ послѣдней категоріи; въ свою очередь, въ каждой изъ этихъ категорій могутъ быть свои различія, заслуживающія вниманія; главнѣйшее между ними мѣсто принадлежитъ различіямъ по возрасту, въ виду которыхъ мѣры, годныя для взрослыхъ, могутъ представляться совершенно непригодными для несовершеннолѣтнихъ.

III. Индивидуальность наказанія ²⁾.

Разсмотрѣніе субъекта права наказанія привело насъ къ выясненію одной стороны этого института, государственности или публичности его. Изъ анализа предмета этого права вытекаетъ другая сторона его — индивидуальность наказанія. Личное состояніе преступности нуждается и въ мѣрахъ личной, индивидуальной реакціи; мѣры объективныя оказываются не достаточны и подлежатъ пополненію мѣрами индивидуальными.

Индивидуальность наказанія проявляется прежде всего въ томъ, что современное наказаніе ограничивается личностью, данное нарушеніе учинившею. Оно отпадаетъ со смертью виновнаго. Оно не переходитъ на третьихъ лицъ, ни по порядку представительства, ни по наслѣдованію. Уголовное право не знаетъ третьихъ лицъ, уголовно отвѣтственныхъ за дѣйствія виновнаго, не знаетъ и от-

¹⁾ Du Cane, Crime and Punishment, 1885, основываясь на томъ, что склонность къ преступленіямъ удерживается лишь до извѣстнаго возраста, замѣчаетъ, что съ достиженіемъ такого возраста (разнаго для разныхъ преступленій) отпадаетъ и неисправимость.

²⁾ Wahlberg, Das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege, Wien, 1869; d'Alinge, Besserung auf dem Wege der Individualisirung, 1865.

вѣтственности лицъ юридическихъ. Такое перенесеніе уголовной отвѣтственности свойственно было лишь эпохамъ, когда индивидуальная природа наказанія еще не была выяснена и наказаніе смѣшивалось съ объективными мѣрами огражденія общественнаго.

Личною природою наказанія объясняется также, что оно обращается на личныя блага — жизнь, здоровье, свободу, честь или полноправность; даже имущество поражается наказаніемъ какъ причиненіе извѣтнаго личнаго страданія наказываемому вслѣдствіе потери его. Всякое наказаніе, такимъ образомъ, есть личное страданіе или лишеніе, чувствительное для наказываемаго.

Существо этого лишенія или страданія заключается въ подчиненіи наказываемаго индивида наказывающему его государству, въ принужденіи наказываемаго. Призванное къ поддержанію вѣшняго порядка общежитія, наказаніе, подобно всѣмъ юридическимъ мѣрамъ, носитъ принудительный характеръ; оно назначается независимо отъ воли наказываемаго, представляетъ собою стѣсненіе его личности, лишеніе его какого-либо праваго блага. Элементъ принужденія встрѣчается во всякомъ наказаніи и составляетъ его неотъемлемый признакъ, безъ котораго не можетъ обойтись никакое наказаніе. Противъ сближенія наказанія съ принужденіемъ возражаютъ указаніемъ на случаи, когда наказываемый охотно и добровольно подчиняется наказанію, и тѣмъ замѣченнымъ фактомъ, что нерѣдко одна угроза наказанія останавливаетъ отъ совершенія преступленія, дѣлая принужденіе излишнимъ; прибавляютъ, что порядокъ, покоющійся на принужденіи, не можетъ быть признанъ прочнымъ и желательнымъ, и изъ всѣхъ этихъ аргументовъ выводятъ, что сущность наказанія заключается не въ принужденіи, а или въ возмездіи, или въ уравниніи (воздаяніи), или въ порицаніи. Однако, эти возраженія не убѣдительны. Случаи добровольнаго подчиненія наказанію, сами по себѣ исключительные, не опровергаютъ принудительнаго характера наказанія, указывая лишь, что иногда кромѣ государственнаго принужденія личность побуждается къ перенесенію страданія и другими вліяніями — угрызеньи совѣсти, экономическими и т. п. Другое замѣчаніе, по которому одной угрозы иногда достаточно для поддержанія правопорядка, забываетъ, что признакъ принужденія заключается и въ самой угрозѣ. Карательное принужденіе личности государствомъ можетъ быть или непосредственное, заключающееся въ захватѣ личности и физическомъ на нее воздѣйствіи, доходящемъ до полнаго ея уничтоженія, или посредственное, психическое или духовное принужденіе, создающее для личности мотивы дѣятельности, которымъ она вольна слѣдовать или не слѣдовать. Къ такому психическому

принужденію принадлежит угроза наказаніемъ, но оно въ весьма значительной степени заключается, при современномъ состояніи наказанія, и въ исполненіи послѣдняго: кромѣ физическаго захвата личности, государство, пользуясь этимъ, стремится привить ей мотивы, полезныя для общежитія; въ такомъ видѣреніи мотивовъ, прежде у личности не существовавшихъ, и заключается тюремно-воспитательная дѣятельность. Однако, порядокъ общежитія далеко не исключительно держится на карательномъ принужденіи: послѣднее оказывается нужнымъ лишь для немногихъ, большинство опредѣляется къ полезной для общежитія дѣятельности помимо принужденія. Наконецъ, предложеніе видѣть въ наказаніи не принужденіе, а возмездіе, воздаяніе или порицаніе, какъ болѣе отвѣчающія понятію наказанія, равнымъ образомъ не можетъ быть принято. Въ возмездіи отражаются лишь чувственныя потребности, легшія въ основу наказанія, въ воздаяніи или зачетѣ — лишь потребности умственныя, такъ что прочія основы наказанія въ этихъ формулахъ не находятъ себѣ мѣста. Элементъ порицанія, затѣмъ, входитъ въ каждое наказаніе, насколько назначеніемъ его государство и общество высказываютъ неодобреніе преступному поступку, осуждаютъ его; но всякое наказаніе идетъ дальше простаго порицанія: не ограничиваясь осужденіемъ преступнаго поступка, государство стремится къ тому, чтобъ учинившій его испыталъ на себѣ силу такого неодобренія; простой выговоръ хотя и остается еще мѣстами въ системѣ наказаній, но или обставляется торжественными обрядами публичности, превращающими его въ наказаніе устыдительное, или же примѣняется лишь къ такимъ лицамъ, для которыхъ онъ самъ по себѣ представляется лишеніемъ чувствительнымъ, именно къ несовершеннолѣтнимъ; во всѣхъ прочихъ наказаніяхъ еще въ большей степени къ объективному моменту порицанія присоединяется субъективный моментъ страданія, причиняемаго наказываемому и имѣющаго для него принудительное значеніе. Независимо отъ того, какъ уже замѣчено, порицаніе принадлежит къ области нравственности, принужденіе — къ области права; порицаетъ общество, наказываетъ государство; понятіе порицанія довольствуется одною стороною, порицающею, безотносительно къ судьбѣ лица, поступокъ котораго порицается; понятіе наказанія какъ отношенія правоваго включаетъ въ себѣ обѣ стороны, предполагаая государство, его примѣняющее, и личность, ему поддавшую.

Личный характеръ наказанія предполагаетъ соотвѣтствіе между состояніемъ преступности и мѣрами борьбы съ нимъ. И такъ какъ личное состояніе преступности есть не исключительная, а лишь одна изъ причинъ преступленій и, притомъ, причина преходящая, измѣ-

няющаяся съ годами, то наказаніе не можетъ переходить въ полное уничтоженіе личности или въ причиненіе ей страданія на очень долгое время, когда уже состояніе, вызвавшее преступленіе, успѣло пройти и замѣниться новымъ; смертная казнь и наказанія пожизненныя, а также черзчуръ продолжительныя, требуемаго соответствія съ личнымъ состояніемъ преступности не представляютъ. Съ другой стороны, далеко не всякое состояніе преступности вызываетъ одинаковыя мѣры борьбы; это значило бы забывать причины явленія и бороться лишь съ его случайнымъ проявленіемъ во внѣ, выразившемся въ нарушеніи уголовного закона. Наказаніе, будучи во всякомъ случаѣ государственною реакціею противъ состоянія преступности, видоизмѣняется сообразно специфическимъ чертамъ послѣдней; преступники привычки требуютъ иныхъ мѣръ такой реакціи, чѣмъ преступники случая. Въ необходимости такого соотношенія между мѣрами наказанія и особенностями состоянія преступности, могущими быть въ высшей степени разнообразными, коренятся многія весьма важныя положенія карательной политики, съ которыми мы встрѣтимся при изложеніи вопроса о свойствахъ наказанія.

И такъ, изслѣдованіе вопроса о субъектѣ права наказанія привело насъ къ государственности наказанія, изслѣдованіе вопроса о предметѣ его—къ индивидуальности его. Будучи по субъекту институтомъ публичнымъ, наказаніе по предмету носитъ строго личный характеръ, потому что оно направляется противъ личнаго состоянія преступности. Но, повторю, ограничиваться одними лишь субъективными для наказанія условіями, значило бы признать полное подчиненіе личности государству; огромное значеніе объективныхъ признаковъ преступнаго дѣянія или объективныхъ условій наказанія лежитъ въ томъ, что ими устанавливаются для карательной дѣятельной предѣлы, вытекающіе изъ склада правовой жизни. Какъ институтъ юридическій, наказаніе есть результатъ соглашенія индивидуальнаго и общаго, субъективнаго и объективнаго. Упуская изъ виду субъективную сторону преступнаго дѣянія, наказаніе становится зломъ необъяснимымъ, никакихъ устоевъ не имѣющимъ. Не сдержанное объективными условіями, оно превращается въ мѣру произвола.

Содержаніе наказанія ¹⁾).

I. Цѣли наказанія.

И такъ, наказаніе, служащее правопорядку, дополняетъ собою объективныя мѣры, ту же цѣль преслѣдующія. Но, кромѣ принужденія карательнаго, въ распоряженіи общезиція для охраненія правопорядка имѣются иные виды личнаго принужденія, ограничивающагося причиненіемъ личности страданія или лишенія въ меньшей степени. Сюда принадлежатъ частью предпринимаемыя государствомъ, каковы мѣры гражданскаго принужденія, частью находящіяся въ распоряженіи общества, какъ-то: дисциплинарное принужденіе, выраженный во внѣ послѣдствія общественнаго порицанія и т. под. Вопросъ о существѣ или содержаніи наказанія сравнительно какъ съ объективными мѣрами охраны интересовъ общезиція, такъ и съ мѣрами принудительными, не имѣющими значенія карательныхъ, слагается изъ двухъ отдѣльныхъ вопросовъ: о цѣли наказанія и о свойствахъ наказанія.

Опредѣленіе цѣли наказанія обыкновенно смѣшиваютъ съ объясненіемъ и оправданіемъ самаго существованія его; разсуждали такъ, что если цѣль, наказаніемъ преслѣдуемая и достигаемая, разумна и необходима, то необходимо и наказаніе, и въ разумности цѣли видѣли оправданіе наказанія. Вотъ почему изслѣдованія о цѣли наказанія входятъ въ область изслѣдованій о правѣ наказанія. Но это собственно два отдѣльные вопроса, хотя между ними и существуетъ тѣсная связь: обоснованіе права наказанія достигается выясненіемъ потребностей, этотъ институтъ вызвавшихъ, причинъ или основъ появленія и существованія его, опредѣленіе же цѣли его есть, напротивъ, установка тѣхъ результатовъ, достиженіе которыхъ желательно путемъ наказанія; отвѣтъ на первый (почему существуетъ наказаніе) лежитъ въ прошедшемъ, отвѣтъ на второй (для чего оно существуетъ) въ будущемъ.

Этотъ послѣдній вопросъ можетъ быть разсматриваемъ или со стороны логической, или со стороны исторической.

А. При логическомъ разсмотрѣніи возможна двоякая его постановка, а именно наказаніе можетъ представляться или какъ институтъ самоцѣльный и самимъ собою оправдаемый, или же какъ

¹⁾ Вернеръ, Учебникъ, въ переводѣ и съ приложеніями Неклюдова; Сергѣевскій, О правѣ наказанія (Юрид. В. 1881 № 4); Rossi, ук. с. предисловіе Эли; Bar, Grundlagen des Strafrechts, 1869; Liszt, Lehrbuch, изд. 2-е. Nepp, Darstellung der Strafrechtstheorien, 1839.

институтъ, призванный къ служенію постороннимъ цѣлямъ, справедливый и необходимый настолько лишь, насколько безъ него не могутъ быть достигнуты такія цѣли. Изъ перваго взгляда вытекаютъ теоріи абсолютныя, изъ втораго — теоріи относительныя; соединеніе обоихъ взглядовъ даетъ мѣсто теоріямъ смѣшаннымъ, не имѣющимъ самостоятельнаго значенія и носящимъ компилятивный характеръ.

I. Абсолютныя теоріи видятъ въ наказаніи актъ самоцѣльный и независимый отъ какихъ бы то ни было результатовъ, которые имъ могутъ быть вызваны (*res absoluta ab effectu*). Онъ выше этихъ результатовъ: *fiat justitia, pereat mundus*; наказаніе имѣетъ свои корни исключительно въ прошедшемъ, *quia peccatum*, и рассматривается, какъ нѣчто неизбѣжное, необходимое само по себѣ, въ силу требованій высшихъ законовъ. Сообразно различію во взглядахъ на эти законы, наказаніе опредѣляющіе, абсолютныя теоріи распадаются на двѣ группы. Старѣйшія изъ нихъ ставили эти законы выше самаго государства, видя въ послѣднемъ лишь исполнителя требованій божества, природы вообще — космоса, или человѣческой природы въ частности, причѣмъ послѣдняя бралась или со стороны сенсуальной, или же со стороны интеллектуальной; требованія эти обязательны для государства, такъ что, по конструкціи этихъ теорій, субъектомъ права наказанія является собственно не государство, а божество, безличная природа или человѣческая личность. Въ новѣйшихъ построеніяхъ исправляется эта неточность и признается государственный характеръ такихъ законовъ, причѣмъ наказаніе строится какъ институтъ, хотя независимый отъ цѣлей, лежащихъ въ будущемъ, и налагаемый исключительно въ силу прошедшаго, за учиненное преступное дѣяніе, но ограниченный сферою государственнаго вліянія и государственныхъ интересовъ; таковы правовыя теоріи, во главѣ которыхъ стоятъ Гейнце и Лайстнеръ. По тѣмъ и другимъ, наказаніе представляется необходимою и неизбѣжною реакціею противъ преступленія, получающею или характеръ мести и возмездія, или же характеръ мѣры зачета, уравненія, вознагражденія или удовлетворенія, смотря по отправной точкѣ зрѣнія на тѣ законы или потребности, которыми объясняется его существованіе.

II. Относительныя теоріи не только требуютъ достиженія посредствомъ наказанія извѣстныхъ цѣлей, но самое существованіе наказанія оправдываютъ исключительно этими цѣлями. Разъ онѣ не могутъ быть достигнуты, не должно существовать и наказанія. „*Nemo prudens punit quia peccatum, sed ne peccetur*“, говорилъ еще Сенека, и это положеніе можно поставить девизомъ всѣхъ такихъ теорій. Цѣль наказанія состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы

воздерживать отъ дальвѣйшихъ преступныхъ дѣяній. Такая цѣль достигается частью угрозой наказанія, частью самымъ исполненіемъ наказанія. Въ обоихъ случаяхъ она можетъ быть поставлена или по отношенію къ данному индивиду, совершившему преступное дѣяніе, или же по отношенію ко всему обществу, какъ совокупности возможныхъ преступниковъ въ будущемъ. Сообразно съ этимъ, относительноныя теоріи распадаются на теоріи: а) устрашенія, б) общаго предостереженія, в) психическаго принужденія, г) частнаго принужденія и д) исправленія. Различіе между ними состоитъ въ томъ, направляется ли наказаніе къ тому, чтобы воздѣйствовать на будущую преступность всего общества, или даннаго лица; стремится ли оно воздѣйствовать на даннаго преступника угрозой наказанія, или самымъ его исполненіемъ.

а) Теорія устрашенія принадлежитъ къ наиболѣе старымъ и наиболѣе ясно подчеркивающимъ прежній принципъ карательной дѣятельности, выразившейся въ нашихъ старыхъ законодательныхъ памятникахъ требованіями: „наказать нещадно, чтобы и другимъ не повадно было“ и т. п. Онъ стремится вездѣ, относительно всѣхъ возможныхъ преступныхъ дѣяній, дѣйствовать на общество, главнымъ образомъ, страхомъ самаго исполненія наказаній. Эта теорія приводитъ къ жестокости, къ тому, что государство считаетъ нужнымъ примѣнять наказаніе въ формахъ наиболѣе грубыхъ, суровыхъ, дѣйствующихъ на воображеніе массъ; даже лишенія жизни въ простой формѣ ей недостаточно: находятъ нужнымъ усложнять, квалифицировать смертную казнь колесованіемъ, четвертованіемъ и проч. Притомъ, наказаніе публично: толпа не только допускается къ присутствованію при экзекуціи, но и приглашается къ тому трубными звуками, гласнатыями и т. п. Появленіе на площади во время казни считается какъ бы обязанностью хорошаго гражданина. Если примѣнялись наказанія менѣе тяжкія, чѣмъ смертная казнь, то все-таки они отличались возможно суровымъ характеромъ, рассчитаннымъ на то, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; таковы наказанія членовредительныя, тяжкія, тѣлесныя и т. под. Эта теорія постепенно была оставляема, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ смягченія правовъ. Но она въ самой себѣ носитъ залогъ осужденія: общество привыкаетъ и къ жестокости; слѣдовательно, для того, чтобы идея, лежащая въ основѣ устрашительной теоріи, могла осуществляться, необходимо постепенно усиливать строгость и жестокость наказаній. Притомъ, согласно теоріи устрашенія, размѣръ наказаній приходилось искать не въ степени виновности лица, а въ соображеніяхъ и обстоятельствахъ, совершенно постороннихъ этой виновности, напримѣръ, въ степени чувствительности общества къ тому или другому наказанію;

чѣмъ менѣе чувствительно общество, тѣмъ должно быть суровѣе наказаніе; такимъ образомъ, лицу приходилось отбывать болѣе тяжкое наказаніе не за свою вину, а за нравы общества.

Въ новѣйшее время на сторону этихъ теорій выступилъ Миттельштедтъ, не опасавшійся увлеченій ихъ въ виду происшедшаго смягченія нравовъ. Въ своей брошюрѣ: *Gegen die Freiheitsstrafen*, Leipzig, 1879, авторъ возстаетъ, главнымъ образомъ, противъ наказанія лишеніемъ свободы, въ которомъ съ наибольшею рельефностью и отчетливостью выступаетъ типъ современной кары. Миттельштедтъ начинаетъ съ указація, что мѣра эта весьма недавняго происхожденія, обязанная своимъ появленіемъ раціонализму и влиянію американскихъ идей, и что безъ нея обходилось человѣчество въ теченіи большей части своей исторической жизни. Затѣмъ онъ переходитъ къ доказательству того, что безъ этой мѣры человѣчество можетъ и должно обходиться и въ будущемъ, ибо она противорѣчитъ идеѣ наказанія. Последняя есть идея правовая, а не моральная или метафизическая. Отсюда протестъ Миттельштедта противъ абсолютныхъ теорій, которыя видятъ въ наказаніи непосредственный и самоцѣльный результатъ вѣрнѣйшей религіи, метафизики или этики. Наказаніе, какъ институтъ государственный, должно служить какой-нибудь цѣли; становясь такимъ утвержденіемъ на сторону относительныхъ теорій, Миттельштедтъ допускаетъ практически возможность только двухъ цѣлей наказанія: или исправленія, или устрашенія. Но первая, преслѣдуемая современнымъ лишеніемъ свободы, противорѣчитъ существу наказанія, какъ зла, слѣдующаго и долженствующаго слѣдовать за злымъ дѣломъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно недостижима. Логическое содержаніе наказанія исчерпывается: со стороны вѣшней и чувственной — страданіемъ, причиняемымъ виновнику, со стороны внутренней и духовной — запретомъ наказуемаго дѣянія. Дѣйствуетъ ли наказаніе какъ мѣра воспитательная, зависитъ не отъ наказанія, а отъ объема и рода запрещеннаго подъ страхомъ наказанія. Воспитательное влияніе на населеніе, такимъ образомъ, имѣетъ не наказаніе, а неученіе того, что обложено наказаніемъ. Последнее стремится къ тому именно, чтобы наказуемыя дѣянія не были учиняемы; наказывая, государство преслѣдуетъ не воспитательныя цѣли, а цѣль огражденія себя отъ вреда и опасностей; хотя государство свободно въ выборѣ мѣры наказанія, но послѣднія непосредственно, по ихъ свойству и природѣ, не имѣютъ ничего общаго съ задачей исправленія наказываемаго или его соотечественниковъ. „Всякое наказаніе всегда остается тѣмъ, что оно есть и чѣмъ должно быть, зломъ и страданіемъ (ein Uebel und ein Leid), не больше и не

меньше“ (стр. 23); природа его не измѣняется, будетъ ли оно назначено за дѣяніе безнравственное, общепасное, противоестественное или неразумное: „народы и государства строили свое уголовное право, основываясь не на моральныхъ свойствахъ запрещаемыхъ дѣяній, а на ихъ вредѣ и общепасности, и выбирали мѣры наказанія не по ихъ воспитательному или морализирующему значенію, а единственно по цѣлесообразности ихъ (по способности ихъ быть зломъ, удерживающимъ отъ преступлений), соображаясь съ состояніемъ своей культуры“. Нынѣ пришли къ другой мысли, будто бы наказаніе существуетъ для того, чтобы поднять наказываемаго, для его собственной пользы или для пользы наказываемаго, будто бы государство имѣетъ для этого право и поводъ. Эта мысль — результатъ чрезмѣрныхъ обобщеній идей государства, свободы воли и нравственной вины. „Для возложенія на карательную дѣятельность такихъ цѣлей потребовалось глубокое предубѣжденіе о способности индивида къ неограниченному совершенствованію, общее увлеченіе народнымъ воспитаніемъ, интеллектуальнымъ и промышленнымъ развитіемъ населенія“. Чтобы лечить зло, нужно было познакомиться съ самою его природою; ее увидѣли въ виновности (Schuld); но нѣтъ понятія болѣе неопредѣлительнаго и шаткаго въ наше время, чѣмъ именно понятіе вины; мы уже отказались отъ религиозныхъ идей природенной виновности и предопредѣленія; попытка кантовской школы свести понятіе виновности къ идеямъ свободы воли и нравственной отвѣтственности равнымъ образомъ распатана въ нашъ матеріальный вѣкъ. Но, за отсутствіемъ свободы, вовсе нѣтъ объекта исправленія, нѣтъ того лица, которое можно было бы переродить нравственно, и исправительныя цѣли оказываются висящими въ воздухѣ; право государства на исправленіе человѣка равнымъ образомъ не доказано; наконецъ, и тѣ средства, которыя рекомендуются пенитенціаристами, непригодны для этой цѣли и не могутъ достигнуть ея. Для доказательства послѣдней мысли, Миттельштедтъ подробно, хотя односторонне, разсматриваетъ отдѣльныя мѣры тюремной дѣятельности, — систему одиночнаго заключенія, тюремныя работы, тюремное воспитаніе; замѣчаетъ, что если бы даже тюремный персоналъ былъ вполне удовлетворительнымъ, онъ не былъ бы въ состояніи достигать преслѣдуемыхъ цѣлей, ибо лишеніе свободы назначается судомъ на опредѣленные сроки по основаніямъ, совершенно чуждымъ соображеніямъ исправительнымъ; къ институту же досрочнаго условнаго освобожденія Миттельштедтъ относится вполне отрицательно. И такъ, единственная цѣль, остающаяся для наказанія, это — цѣль устрашенія. Конечно, при осуществленіи ея уже невозможны и нежелательны тѣ мѣры грубости и жестокости,

которыя характеризовали прежнее время. Тѣмъ не менѣе, наказаніе можетъ и должно быть только зломъ, мученіемъ (Pein) и страданіемъ (Leid), тяжестью которыхъ опредѣляется тяжесть наказанія. Этому основному требованію должны отвѣчать всѣ карательныя мѣры; подъ такимъ условіемъ Миттельштедтъ допускаетъ и заключеніе, возражая лишь противъ долгосрочности его; но, рядомъ съ заключеніемъ, какъ тѣлеснымъ мученіемъ, онъ требуетъ допущенія или введенія и иныхъ карательныхъ мѣръ, — смертной казни, ссылки, тѣлесныхъ наказаній, имущественныхъ наказаній, пораженія правъ. Отдѣльно отъ наказаній, онъ требуетъ отъ государства принятія мѣръ полицейскихъ, именно учрежденія воспитательныхъ домовъ для несовершеннолѣтнихъ и работныхъ домовъ для рецидивистовъ, гдѣ послѣдніе, въ случаѣ нужды, могли бы быть заключаемы даже пожизненно.

И такъ, выходя изъ идеи общественной самозащиты Миттельштедтъ выступаетъ противникомъ абсолютныхъ теорій и теоріи исправленія, становясь на сторону теоріи устрашенія, по которой возможность наказанія, какъ мученія или страданія, ограждаетъ государство, побуждая людей воздерживаться (vermelden) отъ учиненія преступныхъ дѣяній.

б) Теорія общаго предостереженія (Бауера) разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Общество, для огражденія себя отъ невыгодной для него преступной дѣятельности, прибѣгаетъ къ разнымъ мѣрамъ, между прочимъ и воспитательнымъ. Въ ряду воспитательныхъ мѣръ видное мѣсто принадлежитъ наказанію, такъ какъ оно, дѣйствуя на чувственную, моральную сторону человѣка, сдерживаетъ въ немъ поползновенія къ преступному дѣянію и предостерегаетъ его отъ совершенія такого дѣянія. Это предостереженіе заключается въ угрозу уголовнаго закона; оно должно укоренять въ гражданахъ сознаніе въ безправности преступленій и невозможности прибѣгать къ дѣяніямъ, объявленнымъ преступными. Въ необходимости же того, чтобы не было преступныхъ дѣяній, лежитъ оправданіе наказанія. И здѣсь, такимъ образомъ, наказаніе обращается съ угрозой ко всему обществу, и угроза эта должна быть осуществлена; теорія общаго предостереженія есть замаскированная теорія устрашенія¹⁾.

в) Въ отличіе отъ изложенныхъ теоріи частнаго или спеціальнаго предупрежденія ставятъ цѣлью наказанія воздержаніе отъ будущихъ преступленій только даннаго лица, наклоннаго къ учиненію ихъ. Такъ, по Грольману наказаніе примѣняется противъ незаконнаго направленія характера, его одичанія, и мѣра наказанія

¹⁾ Heinze, въ Holzendorff's Handbuch, I, 268.

лежить не въ важности нарушеннаго блага, не въ степени личной виновности, а въ особенностяхъ характера данной личности; по этой теоріи слѣдовало бы наказывать даже людей, не учинившихъ никакого преступленія, но имѣющихъ преступный характеръ, и продолжать наказаніе до тѣхъ поръ, пока характеръ этотъ не будетъ преодоленъ. По мнѣнію Ливингстона, наказаніе отличается отъ общественной мести за нарушеніе закона и направляется къ воздержанію даннаго преступника отъ дальнѣйшихъ преступленій; это достигается 1) мѣрами физическими, состоящими въ поставленіи преступника въ такія условія, при которыхъ онъ физически лишенъ возможности вредить обществу, главнымъ образомъ заключеніемъ его подъ стражу, и 2) мѣрами воспитательными, направленными къ сообщенію ему хорошихъ привычекъ, главнымъ образомъ привычки къ честному труду. Послѣднія необходимы потому, что первыя не могутъ продолжаться безпредѣльно; рано или поздно преступникъ освобождается изъ заключенія. Эта теорія, подобно теоріямъ исправленія, выходитъ изъ предположенія, что всякій человѣкъ, разъ совершившій преступленіе, склоненъ нарушать уголовный законъ и на будущее время; она на даетъ съ паденіемъ такой фикціи.

г) Соединеніе теорій общаго и частнаго предупрежденія представляетъ извѣстная теорія психическаго принужденія, принадлежащая Феербаху. Она примыкаетъ ко взглядамъ Бентама, по которому каждое человѣческое дѣйствіе стремится къ достиженію какой нибудь пользы, понимаемой въ обширномъ смыслѣ какъ пользы матеріальной, такъ и не матеріальной, духовной; равнымъ образомъ и совершеніе преступныхъ дѣяній объясняется ожиданіемъ отъ нихъ тѣхъ или другихъ полезныхъ результатовъ, каковы, напримѣръ, матеріальное обогащеніе, удовлетвореніе страстей и т. п. Но такъ какъ для государства совершеніе преступныхъ дѣяній представляется невыгоднымъ, то для него важно этимъ мотивамъ, руководящимъ отдѣльными лицами, противопоставить другіе мотивы, дѣлающіе преступное дѣяніе невыгоднымъ для его совершителя. Угроза наказанія состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы противопоставить ожидаемой отъ преступнаго дѣянія пользѣ извѣстный вредъ, невыгоду отъ его совершенія. Феербахъ¹⁾ обращаетъ вниманіе единственно на чувственную сторону

¹⁾ Будучи творцемъ теоріи психическаго принужденія, Феербахъ имѣетъ въ тоже время крупное значеніе какъ представитель государственности наказанія; онъ указывалъ, что послѣднее есть не моральное возмездіе, а мѣра гражданская, вызванная практическими потребностями общежитія и основанная на положительномъ законѣ, которому подчиненъ судья; поэтому теорія Феербаха называется также иногда теоріею положительнаго закона. Bar, Handbuch, I, 249, 250.

человѣческой природы, и говорить, что человѣкъ, обуреваемый различными чувственными пожеланіями, не въ состояніи удержать себя въ извѣстных разумныхъ предѣлахъ и прибѣгаетъ къ дѣйствіямъ, въ сущности невыгоднымъ ни для него, ни для государства. Поэтому нужно тѣмъ чувственнымъ побужденіямъ, которыя наталкиваютъ людей на преступную дѣятельность, противопоставить другія побужденія, которыя удерживали бы ихъ въ опредѣленныхъ границахъ. Это и достигается угрозой наказанія; она направляется противъ всѣхъ вообще лицъ, а не противъ даннаго преступника, и стремится къ тому, чтобъ въ государствѣ не было преступно настроенныхъ волей. Наказаніемъ государство создаетъ мѣру психическаго воздѣйствія на случай желанія кѣмъ-либо совершить преступное дѣяніе; оно принуждаетъ преступника не совершать дѣяній, запрещенныхъ законами, грозя ему въ противномъ случаѣ невыгодными чувственными послѣдствіями. Право угрозы наказаніемъ по Феембаху безспорно, такъ какъ сама по себѣ угроза не нарушаетъ ничьихъ благъ; но для того, чтобъ угроза эта была дѣйствительною, она должна быть осуществима; поэтому, право примѣненія наказанія основывается по Феембаху на правѣ уголовной угрозы; кто не смотря на угрозу учинилъ запрещенное дѣяніе, тотъ тѣмъ самымъ добровольно подчинился исполненію угрозы. Мѣра же наказанія по Феембаху должна опредѣляться, съ одной стороны, важностью блага, нарушеннаго преступнымъ дѣяніемъ (такъ какъ всякое наказаніе направляется къ огражденію правъ государства или частныхъ лицъ), съ другой — опасностью и силою чувственныхъ побужденій, руководившихъ дѣятелемъ. Признаніемъ объективнаго критерія мѣры наказанія Феембахъ отличается отъ теорій устрашенія, съ которыми его взгляды совпадаютъ въ прочихъ отношеніяхъ. Замѣченное имъ вліяніе чувственности на человѣческую дѣятельность совершенно вѣрно, но оно не единственно и потому построенная исключительно на немъ теорія Феембаха одностороння. Дѣйствительность почти не знаетъ того холоднаго разчета передъ учиненіемъ преступления, которое предполагаетъ Феембахъ; при его теоріи наказуемость дѣяній неосторожныхъ необъяснима, и наказанія по ней должны бы быть тѣмъ тяжеле, чѣмъ сильнѣе мотивы, обусловившіе преступное дѣяніе. Величіе Феембаха не въ созданной имъ теоріи психологическаго принужденія, а въ постановкѣ положительнаго закона на ту высоту, съ которой его низвели представители натуръ — философіи; эта сторона ученія Феембаха получила въ послѣдствіи широкое развитіе.

Наконецъ д) теоріи исправленія ¹⁾ видятъ въ наказаніи мѣру

¹⁾ Röder, Rechtsbegründung der Besserungsstrafe, 1846; Kraepelin, ук. соч.

воспитанія, примѣняемую съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ преступника хорошаго человѣка, добраго члена обществѣ. Эта конечная цѣль, приводившаяся какъ единственное оправданіе всякаго наказанія, понималась или 1) въ смыслѣ религіозно-нравственнаго перерожденія наказываемаго; или 2) въ смыслѣ юридическаго, социальнаго его перевоспитанія. Въ первомъ случаѣ стремились ко внутреннему перерожденію человѣка путемъ религіозно-нравственнымъ, прибѣгая для этого къ священному писанію, религіознымъ бесѣдамъ, церковнымъ службамъ и урокамъ морали, признаками же исправленія почитались обращеніе человѣка къ Богу и укорененіе въ немъ разныхъ добродѣтелей. Эта идея внутреннего перерожденія получила начало въ церковномъ правѣ и примѣнялась разными монашескими орденами, сводившими наказаніе къ покаянію¹⁾. Попытки секуляризаціи ея замѣчаются уже въ исторіи папства (таковъ домъ св. Михаила, учрежденный въ Римѣ папою Климентомъ XI въ 1703 г.), но наибольшее развитіе сообщили имъ американскіе квакеры (Филладельфійскій пенитенціарій)²⁾. Безспорно, что дѣятельность, стремящаяся къ нравственному перерожденію падшаго собрата, представляется въ высшей степени благородною, заслуживающею полнаго сочувствія и уваженія; нельзя отрицать также тѣхъ поразительныхъ результатовъ, которыхъ въ этомъ отношеніи удавалось достигать нѣкоторымъ пенитенціарнымъ дѣятелямъ, стоявшимъ на почвѣ высокой любви къ ближнему. Тѣмъ не менѣе, она не можетъ быть признана задачею наказанія. Последнее, какъ учрежденіе земное, должно преслѣдовать земныя цѣли и сообразоваться съ житейскими условіями, ожидающими наказаннаго послѣ отбытія наказанія. Стремясь исключительно къ духовному, направленіе это не достигало даже предупрежденія рецидива, потому что наказанный, по отбытіи наказанія, поступалъ въ среду, къ которой онъ былъ совершенно не подготовленъ, гдѣ онъ встрѣчалъ не заботы, окружавшія его во время наказанія, а необходимость упорной борьбы за существованіе. Теоретически направленіе это невѣрно потому, что оно стремилось оказывать непосредственное воздѣйствіе на волю человѣка, забывая, что человѣческая дѣятельность есть результатъ многообразныхъ причинъ, на которыя и должно быть направлено воздѣйствіе государства для успѣха борьбы съ преступностью; оно — обратная сторона уголовно-юридическихъ теорій, сводившихъ преступленія единственно и всецѣло къ злой волѣ. Практически, введенное въ мѣстахъ заключенія, оно порождало здѣсь важныя неудобства, развивая лицемѣріе арестантовъ передъ начальствомъ

¹⁾ Ebert, Das Gefängniswesen, Dresden 1858, стр. 11.

²⁾ Ebert, ук. соч., стр. 17—25.

и ханжество ихъ; начальство, лишенное твердаго объективнаго критерія для распознаванія внутренняго исправленія арестантовъ, вынуждено было судить объ этомъ по скромности ихъ отвѣтовъ, по внѣшнему ихъ смиренію, и тюремная дѣятельность сводилась къ выработкѣ хорошихъ арестантовъ, а не хорошихъ людей. Совершенно иначе ставится вопросъ при второмъ направленіи, которое видитъ цѣль наказанія въ превращеніи негоднаго члена общестія въ годнаго, полезнаго для общества, стараясь укоренить въ немъ какъ эгоистическіе и альтруистическіе мотивы, необходимыя для правильной гражданской жизни, такъ и привычки честнаго труда. Исправленіе, понимаемое въ смыслѣ такого воспитанія, или приспособленія къ честной жизни, составляетъ реальную потребность для государства; доказывается это огромнымъ числомъ рецидивистовъ, въ нѣкоторыхъ странахъ доходящимъ до половины общаго числа всѣхъ наказанныхъ. Оно возможно, какъ показалъ опытъ учреждений для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ; прежде, при исключительно репрессивномъ режимѣ, эта среда давала наибольшій процентъ рецидивистовъ, который постепенно уменьшился съ примѣненіемъ мѣръ рациональнаго воспитанія; то же подтверждается многими примѣрами изъ практики учреждений для совершеннолѣтнихъ. Поэтому, постановка такой цѣли въ высшей степени полезна для государства, а пренебреженіе ея крайне вредно; теоріямъ исправленія доктрина уголовного права обязана весьма важнымъ положеніемъ, по которому наказаніе не должно быть развращающимъ ни для наказываемаго, ни для общества; онѣ сблизили въ области наказанія интересъ общественный съ личнымъ, показавъ, что наказаніе приноситъ обществу пользу всего надежнѣе путемъ доставленія пользы самому наказываемому, воспитанія его въ духѣ сознанія своихъ социальныхъ обязанностей и доставленія ему возможности честной жизни по отбытіи наказанія. Однако, возводитъ исправленіе, даже въ этомъ смыслѣ, въ единственную цѣль наказанія, не представляется возможнымъ и правильнымъ. Какъ ни часты случаи рецидива, но не всякій разъ учинившій преступное дѣяніе становится рецидивистомъ, и нельзя узнать напередъ, кто именно склоненъ впасть въ рецидивъ; назначаясь исключительно въ виду будущаго, примѣненіе наказанія должно бы было стать дѣломъ произвола, не подлежащаго никакому контролю. Вопросъ о виновности, интересующій теперешніе суды, пришлось бы замѣнить вопросомъ о вѣроятной будущей дѣятельности обвиняемаго. Но если такъ, то 1) наказаніе должно бы было примѣняться не ожидая учиненія преступнаго дѣянія; и 2) пришлось бы оставлять безнаказанными преступниковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда бы

оказалось, что исправленію нѣтъ мѣста, или потому, что обвиняемый— неисправимъ, или же потому, что онъ не нуждается въ исправленіи.

В. Идея цѣлесообразности наказанія въ историческомъ ея развитіи. Наказаніе появляется въ исторіи только съ момента общественнаго уклада. Всѣ извѣстныя формы его сводятся къ общественному состоянію людей, необходимо его предполагаютъ. Древнѣйшая изъ нихъ, кровная месть, вытекаетъ изъ обязанностей, налагаемыхъ семьею на индивида, получающихъ религіозную окраску вѣдѣствіе появленія вѣры въ духовъ, требующихъ искупленія причиненной имъ обиды. Первоначальные общественные союзы— роды или общины, — обиженные сосѣдними родами или общинами, шли на нихъ войною, и эта физическая борьба противниковъ для того времени замѣняла дѣло суда. Побѣжденные приносились въ жертву богамъ, распредѣлялись между побѣдителями, подчиняясь произволу каждаго изъ нихъ или главнѣйшаго ихъ начальника. Завѣтъ семьи въ его религіозной окраскѣ, институтъ жертвоприношенія и право войны были вездѣ первоначальными основами наказанія. Оно примѣнялось къ врагамъ и обходилось съ ними какъ съ врагами. Нарушенія въ предѣлахъ одного и того же общественнаго кружка представлялись мало вѣроятными, но если они происходили, то разрѣшались въ порядкѣ дисциплинарномъ, властью отеческою или начальническою.

Въ этой первоначальной формѣ своей, наказаніе не задавалось ни вопросомъ о причинной связи его съ нарушеніемъ, ни вопросомъ о цѣляхъ. Оно было актомъ непосредственнаго чувственнаго возмездія, моментальнымъ по исполненію, выбравшимъ предметомъ своимъ такія блага наказываемаго, которыя могли быть отняты у него сразу, внезапно: его жизнь, его тѣлесные органы, вообще его личность (обращеніе въ рабство военноплѣнныхъ).

По мѣрѣ того, какъ общественные союзы разрастаются въ своемъ объемѣ и начинаютъ обнимать значительныя количества людей, сплачиваемыхъ единою усиливающеюся властью, возможность нарушеній въ средѣ самаго общественнаго союза значительно увеличивается. На виновныхъ въ нихъ переносится прежній взглядъ на нарушителя, какъ на врага, непріятеля внутренняго: самое это названіе сообщается преступнику во многихъ странахъ (напр. римское „hostes“). Наказаніе продолжаетъ обходиться съ наказываемымъ исключительно какъ съ врагомъ, по праву войны и съ примѣненіемъ мѣръ, унаслѣдованныхъ отъ военнаго порядка. А такъ какъ первоначальныя соединенія людей имѣютъ задачей своею исключительно внѣшнюю безопасность своихъ членовъ, являясь союзами военными (militant co-operation по Спенсеру), то и социальная мораль такихъ союзовъ

носить военный характеръ, направляясь къ развитію качествъ индивида, полезныхъ въ военномъ отношеніи для общества. Это подчиняетъ идею наказанія задачѣ вышней безопасности, обезпеченію, при помощи его, общества отъ враговъ внутреннихъ, представляющихъ еще въ высшей степени опасными благодаря тому, что общественный союзъ не успѣлъ достигъ надлежащей твердости. Местъ общественная, местъ начальника общества, военный складъ уголовного законодательства и преслѣдованіе при помощи его лишь вышней безопасности со стороны преступника, составляютъ характеристическія черты этого періода. Нарушенія, весьма строго преслѣдовавшіяся прежде во имя семейнаго союза, предписывавшаго за нихъ кровную месть, теряютъ въ важности, превращаются въ частныя дѣла, подлежація денежнымъ выкупамъ по соглашенію сторонъ. Но, вмѣстѣ того, первенствующее значеніе получаютъ нарушенія вышней безопасности общества, въ лицѣ его власти, его религіи или совокупности благъ самаго общества. Наказаніе продолжаетъ быть моментальнымъ по исполненію, направляясь къ доставленію безопасности обществу. Мѣрами своими оно выбираетъ по преимуществу лишеніе жизни, изгнаніе и лишеніе правъ; для классовъ господствующихъ система наказаній мягче, для классовъ подчиненныхъ она тяжеле и обращается нерѣдко къ членовредительнымъ наказаніямъ, имѣющимъ задачею достиженіе вышней безопасности: у вора отрубаютъ руку, чтобы онъ не воровалъ; у лжесвидѣтеля отрѣзываютъ языкъ и т. п.

Мало по малу къ первоначальнымъ военнымъ основамъ общезитія присоединяются и постепенно ихъ вытѣсняють основы взаимной помощи въ интересахъ общаго культурнаго развитія (*industrial cooperation*), порядокъ военный стремится къ смѣнѣ мирнымъ отношеніемъ общественныхъ союзовъ и солидарностью ихъ. Увеличивающаяся мощь общественныхъ союзовъ значительно уменьшаетъ опасность, которую въ прежнее время представляла для общезитія каждая отдѣльная личность, что позволяетъ отнестись и къ преступнику гораздо спокойнѣе; прежнее непосредственное чувство, преступленіемъ возбуждавшееся, смѣняется болѣе хладнокровною его оцѣнкою, и къ непосредственнымъ, ближайшимъ задачамъ безопасности отъ преступника, къ которымъ сводилось наказаніе, мало по малу присоединяются дальнѣйшія его послѣдствія, принимаемая обществомъ въ расчетъ. А такъ какъ, по общему закону этики, стремленіе къ благу отдаленному представляется признакомъ высшей ступени морали, чѣмъ стремленіе къ благу ближайшему, непосредственно изъ дѣйствія вытекающему, напримѣръ, мотивъ сбереженія для обезпеченія семьи выше мотива немедленнаго удовлетворенія

какой-либо преходящей потребности; такъ какъ въ порядкѣ историческаго развитія человѣчества замѣчается эта именно постепенность, выражающаяся въ томъ, что, чѣмъ общество культурнѣе, тѣмъ болѣе оно обращаетъ вниманія на отдаленныя послѣдствія явленія, не ограничиваясь ближайшими; то и въ исторіи наказанія происходитъ та же крупная реформа. Ближайшій, непосредственный мотивъ мести смѣнился болѣе сложнымъ мотивомъ безопасности; этотъ, въ свою очередь, постепенно развивается въ еще болѣе сложное понятіе пользы наказанія для общества.

Первые шаги такой смѣны въ исторіи наказанія носятъ экономическій характеръ: наказаніе получаетъ значеніе института пользы для наказывающаго (наказываемый въ расчетъ еще не берется) и, притомъ, самая эта польза понимается какъ извѣстное экономическое благо, отъ наказанія получаемое. На этой ступени идея наказанія сводится или къ идеѣ выкупа, композиціи въ пользу частнаго лица, или же къ идеѣ повинности, отбываемой наказываемымъ въ интересахъ государства и по его распоряженію.

Идея повинности въ исторіи уголовного права всѣхъ народовъ имѣла весьма крупное значеніе. Она создала новые, дотолѣ не существовавшіе роды наказаній и существенно измѣнила прежде существовавшіе. Въ общемъ, она оказала въ высшей степени благотворное вліяніе на уголовное законодательство, такъ какъ стремленіе получить отъ наказываемаго извѣстную пользу заставляло бережнѣе относиться къ его личности и избѣгать такихъ наказаній, какъ смертная казнь и членовредительныя наказанія. Эту идею повинности въ Англіи вызвана къ жизни и получила широкое развитіе американская ссылка, которую началъ транспортъ изъ публичныхъ женщинъ, весьма выгодно проданныхъ мѣстнымъ плататорамъ. Во Франціи та же идея создала галеры, сущность которыхъ состояла въ томъ, что для гребнаго флота назначались осужденные преступники, благодаря этому сохранявшіе свою жизнь. Въ Россіи идея повинности весьма стара, корни ея можно найти еще въ московскомъ періодѣ, но особеннаго развитія достигаетъ она въ вѣкъ Петра I и Екатерины II, когда государство взяло на себя обширныя заботы промышленныя и строительныя, когда ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, предстояло колонизовать отдаленный Сибирскій край и другія окраины, и составлять войско. Соотвѣтственно такимъ потребностямъ государства, повинности были: рабочая (создавшая каторжныя и иныя принудительныя работы, исправительныя арестантскія отдѣленія и рабочіе дома), поселенческая (создавшая ссылку на поселеніе) и военная или воинская повинность.

По мѣрѣ дальнѣйшаго культурнаго развитія общества, оно смѣ-

няетъ такое узко-экономическое пониманія пользы болѣе широкимъ на нее взглядомъ. Къ экономической пользѣ наказанія примѣшивается сознание о возможности извлекать изъ него пользу социальную. Последняя мало по малу становится необходимою принадлежностью всякаго наказанія, причемъ постепенно выясняется, что наказаніе тѣмъ болѣе можетъ быть полезнымъ для общества, чѣмъ болѣе оно имѣетъ въ виду пользу самаго наказываемаго, стремленіе сдѣлать его по отбытіи наказанія честнымъ труженикомъ; мотивы исправленія болѣе и болѣе проникаютъ карательную дѣятельность. Такая идея, обращать наказаніе на благо самаго наказываемаго, есть высшая и благороднѣйшая идея, до которой дошло человѣчество.

Будучи мѣрой общественнаго самоохраненія, которая примѣняется противъ состоянія преступности, наказаніе, для достиженія своей цѣли, должно сообразоваться съ особенностями такого состоянія. Не всѣ преступники представляютъ однородную массу. Выше замѣчено ¹⁾, что нарушители уголовного закона могутъ быть раздѣлены на три главные категоріи, допускающія переходныя и смѣшанныя формы. Принципы карательной дѣятельности, по отношенію ко всѣмъ этимъ категоріямъ, оставаясь неизмѣнными въ общихъ чертахъ, должны различаться въ чертахъ видовыхъ. Общая черта наказанія, одинаково относящаяся ко всѣмъ этимъ группамъ преступниковъ, заключается въ моментѣ принужденія; но самый фактъ примѣненія принужденія порождаетъ стремленіе извлечь изъ него пользу, достигнуть извѣстную цѣль. Последняя логически можетъ и отсутствовать, но она ставится современнымъ государствомъ потому, что оно стремится къ цѣлесообразности всѣхъ своихъ учреждений. Принужденіе наказанія можетъ быть непосредственное и посредственное; каждая изъ этихъ сторонъ принужденія имѣется въ любомъ наказаніи, но, смотря по различію лицъ, на которыя приходится дѣйствовать, въ однихъ случаяхъ на первый планъ выступаетъ рѣзче одна сторона, въ другихъ — другая.

Относительно такъ называемыхъ неисправимыхъ приходится дѣйствовать путемъ физическаго захвата ихъ личности до тѣхъ поръ, пока съ ихъ стороны не устранится опасность для общества и государства. И не нужно думать, что эта опасность прекращается только со смертью преступника; изъ данныхъ статистики, по замѣчанію Дюкена, вытекаетъ, что наклонность къ преступленію удерживается въ чловѣкѣ лишь въ теченіе опредѣленнаго возраста, съ достиженіемъ котораго такая наклонность уменьшается, слѣдовательно, уменьшается и опасность даннаго лица для общества; даже раньше

¹⁾ Стр. 46—48.

этого статистическаго предѣла, въ отдѣльномъ случаѣ опасность можетъ прекратиться благодаря принятымъ рациональнымъ мѣрамъ воспитанія.

По отношенію къ преступникамъ случайнымъ, не нуждающимся въ исправленіи, мѣсто устрашенію, относительно профессиональныхъ исправимыхъ — исправленію. Этимъ объясняется фактъ, который на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ и который, однако, составляетъ аксіому тюремовѣдѣнія, а именно, что въ краткосрочныхъ тюрьмахъ режимъ всегда строже, суровѣе, чѣмъ въ тюрьмахъ долгосрочныхъ. Краткосрочныя тюрьмы обыкновенно устроиваются по системѣ одиночнаго заключенія, которому подвергаются заключенные съ всею строгостью; по отношенію же къ заключеннымъ на болѣе продолжительные сроки, эту келейную систему находятъ возможнымъ смягчать, допускаютъ нѣкоторое общеніе съ другими заключенными, даютъ лучшую пищу и т. п. Болѣе долгій срокъ заключенія даетъ возможность рассчитывать на исправленіе преступника, что немислимо при заключеніи краткосрочномъ; въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, не остается другаго средства воздѣйствія на осужденнаго, какъ путемъ устрашенія.

Такимъ образомъ, наказаніе, существуя всегда для огражденія общегитія, въ однихъ случаяхъ задается ближайшимъ образомъ цѣлью безопасности, въ другихъ цѣлью устрашенія, въ третьихъ цѣлью исправленія. Но эти различныя цѣли не раздѣляются механически; воѣ онѣ, только въ болѣе или менѣе сильной степени, существуютъ въ каждомъ наказаніи.

II. Свойства наказанія.

Свойства наказанія вытекаютъ изъ его природы и цѣлей, имъ преслѣдуемыхъ. По своей природѣ, наказаніе есть государственная мѣра борьбы съ индивидуальными условіями преступности; отсюда — государственность и индивидуальность, какъ отличительныя свойства всякаго наказанія. По своимъ цѣлямъ, она есть мѣра общественнаго самосохраненія, приобѣгающаго къ воздѣйствію на личность наказываемаго; ближайшую задачу его и составляетъ такое воздѣйствіе, возможнаго, какъ мы видѣли, или путемъ физическимъ, или путемъ психическимъ.

Отсюда слѣдующія свойства наказанія.

1) Всякое наказаніе должно быть справедливо, примѣняясь только къ виновному и соотвѣтствуя какъ объективной тяжести посягательства, такъ и субъективной виновности. Отсюда слѣдуетъ, что наказаніе должно обладать гибкостью, дѣлимостью, которая да-

вала бы возможность приспособлять его къ разнымъ степенямъ и отбѣнкамъ вины: наказанія недѣлимья, каковы смертная казнь и вѣчныя кары, противорѣчатъ началу индивидуальности наказанія. Съ другой стороны, кара должна постигать только виновнаго; поэтому, наказанія, составляющія, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишеніе и для другихъ лицъ (конфискація всего имущества), несогласны съ основнымъ требованіемъ современнаго уголовного права, смѣнившимъ прежнюю коллективную отвѣтственность за преступленія индивидуальной отвѣтственностью.

2) Земное правосудіе не непогрѣшимо и судебныя ошибки весьма нерѣдки; лучшимъ доказательствомъ въ дѣлахъ уголовныхъ всегда считалось признаніе обвиняемаго, между тѣмъ опытъ показываетъ, что даже при признаніи были случаи осужденія невинныхъ. Конечно, съ возможностью ошибки приходится мириться, иначе невозможно было бы отправленіе суда. Но въ виду ея желательно, чтобы наказаніе обладало свойствомъ возстановимости, избѣгая отнятія такихъ благъ, напр. жизни, которыхъ государство не въ состояніи возратить послѣ обнаруженія судебной ошибки. Это требованіе, впрочемъ, не слѣдуетъ, да и нельзя доводить до крайностей, потому что возстановимы въ полной мѣрѣ развѣ только наказанія имущественныя; даже лишеніе свободы не обладаетъ вполне такимъ качествомъ.

3) Наказаніе должно быть цѣлесообразно; оно должно, по возможности, достигать тѣхъ цѣлей, которыя имъ преслѣдуются, т. е. главнымъ образомъ, охраны общества противъ преступленій. Само собою понятно, что мѣры, которыя дѣйствуютъ развращающимъ образомъ на лицъ, противъ которыхъ направлены, или на общество, не соответствуютъ цѣли наказанія; таковы наказанія, возбуждающія грубость общественныхъ нравовъ. Съ другой стороны, наказанія, которыя, уничтожая надежду на улучшеніе участи виновнаго, уничтожаютъ въ немъ всякіе исправительные импульсы, равнымъ образомъ не должны быть терпимы. Вотъ почему наше время рѣзко высказывается противъ наказаній вѣчныхъ, противъ пораженія чести, противъ общаго заключенія безъ всякихъ категорій между заключенными и т. п.

4) Наказаніе есть лишеніе не только для виновнаго, но и для всего общества. Всякій преступникъ, хотя бы только временно заключенный въ тюрьму, отрывается отъ общества и тѣмъ самымъ лишаетъ его извѣстной доли рабочей силы; еще болѣе вторгается въ экономическую жизнь общества смертная казнь. Поэтому наказаніе должно быть, по возможности, экономично; изъ нѣсколькихъ мѣръ, которыя одинаково приводятъ къ одной и той же цѣли,

должна быть избираема та, которая приводитъ къ этой цѣли съ наименьшею затратой силъ и средствъ.

5) Такъ какъ ни одна карательная мѣра, въ ея исключительномъ примѣненіи, не можетъ достигать всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ цѣлей, къ которымъ стремится институтъ наказанія, и обществу приходится имѣть въ своемъ распоряженіи множество различныхъ мѣръ, то нужно, чтобы между ними было возможно установить извѣстное соотвѣтствіе, допускающее выборъ между ними, зачетъ, замѣну одного другимъ и т. д.

6) Наказаніе, какъ принужденіе, должно быть лишеніемъ чувствительнымъ, обращаясь къ поражению благъ, распоряженіе которыми зависитъ отъ государства. Поэтому, выборъ для наказанія такихъ благъ, которыя отъ государства не зависятъ (напр., лишеніе чести, лишеніе добраго имени), представляется неправильнымъ. Притомъ, чувствительнымъ оно должно быть одинаково для всѣхъ классовъ населенія, безъ всякихъ сословныхъ или другихъ различій, и въ этомъ лежитъ современный принципъ равенства наказаній, неизвѣстный прежнему времени. Чувствительность наказанія лежитъ, впрочемъ, не столько въ его тяжести, сколько въ неизбежности его примѣненія, въ убѣжденіи всѣхъ, что наказаніе неминуемо постигнетъ всякаго виновнаго, и притомъ только виновнаго.

Говоря словами Росси, карательныя мѣры должны быть: „personnelles, morales, divisibles, appréciables, réparables ou remissibles, instructives et satisfaisantes, exemplaires, réformatrices, rassurantes“.

Всѣ эти свойства желательны для каждаго наказанія, и та карательная мѣра, которая обладаетъ ими въ наибольшей степени, представляется наиболѣе пригодною; изъ нихъ всего ближе къ идеальному наказанію лишеніе свободы, мѣра въ высшей степени дѣлимая, обезпечивающая государство на время захвата личности наказываемаго и открывающая возможность оказывать на него воздѣйствіе психическое въ теченіи задержанія, мѣра болѣе многихъ другихъ возстановимая, дозволяющая экономичность въ примѣненіи и могущая быть въ то же время крайне чувствительнымъ лишеніемъ для наказываемаго. Но даже эта мѣра, а тѣмъ паче остальные, къ которымъ вынуждено прибѣгать государство, не обладаютъ названными свойствами въ полной степени; такъ, напримѣръ, свойства возстановимости не имѣетъ вполнѣ ни одна изъ нихъ. Но безъ наказанія обойтись нельзя, и потому осуществленіе всѣхъ желательныхъ сторонъ его можетъ быть поставлено въ обязанность государства только въ предѣлахъ разумной возможности, причемъ между ними должны быть различаемы стороны болѣе существенныя и менѣе существенныя. Болѣе существенными свойствами, безъ которыхъ не можетъ

обойтись ни одно наказаніе, представляются: справедливость его, чувствительность наказанія, какъ принужденія наказываемаго, и индивидуальность его; менѣ существенными, желательными въ предѣлахъ возможности, являются цѣлесообразность его, экономичность и возстановимость.

III. Система наказаній.

Тѣ лишенія, къ которымъ государственная власть обращается для наказанія виновныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, образуютъ карательныя мѣры. Онѣ направляются противъ какихъ-нибудь благъ личности, и, сообразно различію послѣднихъ, распадутся на смертную казнь, наказанія тѣлесныя, пораженіе чести и правъ, пораженіе свободы и наказанія имущественныя. Совокупность карательныхъ мѣръ, примѣняющихся у даннаго народа въ опредѣленную эпоху, образуетъ его карательную систему или систему наказаній. Если различныя карательныя мѣры поставлены законодательствомъ въ опредѣленной послѣдовательности, съ допущеніемъ перехода отъ высшихъ къ низшимъ, то получается понятіе лѣстницы наказаній, причемъ отдѣльныя наказанія составляютъ ея ступени.

Многообразіе карательныхъ мѣръ появляется подъ вліяніемъ идеи о необходимости внѣшняго или внутренняго соотвѣтствія между наказаніемъ и родомъ преступнаго дѣянія, наказанію подлежащаго. Идея внѣшняго соотвѣтствія, или тальона, свойственна эпохамъ болѣе раннимъ, идея внутренняго соотвѣтствія — эпохамъ позднѣйшимъ; у насъ согласно наказу Екатерины II, преступникъ долженъ быть лишаемъ того именно блага, которое онъ хотѣлъ отнять своимъ преступленіемъ. Новое время выставило противоположный взглядъ, по которому наказаніе должно соотвѣтствовать не роду преступленія, а только тяжести его, на томъ основаніи, что все преступныя дѣянія сводятся къ личному состоянію преступности, составляя лишь его выраженія или проявленія; отсюда — протестъ противъ многообразія наказаній и даже противъ раздѣленія лишенія свободы на роды и виды, стремленіе свести всю карательную систему къ одной мѣрѣ, съ различіемъ лишь по срокамъ. Взглядъ этотъ на стокгольмскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ формулированъ Тонисеномъ, принятъ конгрессомъ и усвоенъ затѣмъ голландскимъ уложеніемъ. Вѣрная его сторона — указаніе неправильности крайняго раздробленія наказаній и въ частности лишенія свободы на множество видовъ, которое нигдѣ не могло быть осуществлено; но и самъ этотъ взглядъ является крайностью: личное состояніе преступности одно, но формы его могутъ быть различны; неполитично отказываться отъ

мѣръ, находящихся въ распоряженіи государства, и во имя отвѣченной идеи сводить всѣ наказанія къ одной мѣрѣ. Эта мысль восторжествовала на римскомъ конгрессѣ, который даже въ области лишенія свободы допустилъ возможность различій (для поселянъ и пр.) и призналъ пользу иныхъ мѣръ, кромѣ лишенія свободы (денежныя взысканія, выговоры), именно вслѣдствіе того, что краткосрочное заключеніе представляетъ важныя недостатки и замѣна его другими мѣрами весьма желательна въ интересахъ государственныхъ.

Выборъ карательныхъ мѣръ опредѣляется состояніемъ культуры, государственными и общественными условіями данной эпохи.

Римская система ¹⁾.

Въ Римѣ карательная система первоначально была построена на композиціяхъ для незначительныхъ преступленій, а для болѣе важныхъ — на институтѣ сакраціи, посвященія преступника боже-ству; ему запрещалось давать убѣжище (*aquae et ignis interdictio*), въ случаѣ поимки онъ казнилъ смертю; но граждане могли избѣжать этого наказанія добровольнымъ удаленіемъ изъ отечества. Менѣе тяжкія нарушенія преслѣдовались и наказывались дисциплинарною властью отца семейства и цензоровъ, доходившею до права примѣненія настоящихъ наказаній. Цензоры по единоличному усмотрѣнію могли своими нотами исключать изъ сената, изъ класса всадниковъ, изъ триба, отъ должностей. Такая власть цензоровъ отмѣнена только закономъ Клавдія 696 н. с. (58 до Р. X.), который потребовалъ формальнаго обвиненія передъ судомъ. Съ теченіемъ времени замѣчается усиленіе строгости наказаній, постепенное ослабленіе дисциплинарныхъ властей и объединеніе ихъ въ рукахъ государственной карательной власти; этотъ историческій процессъ завершился въ императорскую эпоху. Наказанія, примѣняемая государствомъ, дѣлились: по лицамъ — для *humiliores* и *honestiores*, остатокъ прежняго раздѣленія на гражданъ и рабовъ; по тяжести — на *capitales* и *non capitales*, а также на *summa supplicia*, *mediocria* и *minima*. По роду карательныхъ мѣръ, въ эту эпоху примѣнялись:

1) Смертная казнь, въ формахъ повѣшенія на крестѣ (*crucificatio*), сверженія съ Тарпейской скалы въ море (*praecipitatio de ture*), удушения, утопления, заживо погребенія, сожженія и обезглавленія, сперва топоромъ, затѣмъ мечемъ. Нѣкоторые изъ этихъ видовъ считались болѣе позорными и предназначались только для рабовъ; иногда присоединялся символическій элементъ, напримѣръ, въ *roena culei*.

¹⁾ Rein, Criminalrecht der Römer, 1844; Geib, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1861.

2) Тѣлесныя наказанія — членовредительныя (кастрація, отсѣченіе руки за поддѣлку монеты) и тѣлесныя въ собственномъ смѣслѣ, *fustigatio* и *flagellatio*, послѣднія только для рабовъ.

3) Лишеніе свободы примѣнялось въ двухъ различныхъ формахъ. А. Для рабовъ оно сводилось къ публичнымъ работамъ (*opus publicum, servitus poenae*) и распадалось на уголовное и не уголовное: а) Уголовное лишеніе свободы обнимало: 1) горныя работы, *condemnatio ad metalla* и *ad opus metalli*; 2) публичныя игрища — присужденіе *ad ludum gladiatorium* и *ad ludum venatorium*. Эти наказанія переходили нерѣдко въ смертную казнь; они сопровождались полною потерей правъ и были до Константина нормальными даже за незначительныя дѣянія, каковы кража и т. д. б) Не уголовное лишеніе свободы означало присужденіе къ производству какихъ нибудь общественныхъ работъ, *ad opus publicum*. Б. Для свободныхъ лишеніе свободы примѣнялось въ формѣ ссылки двоякаго рода: *relegatio* — болѣе легкій видъ ссылки, и *deportatio* — ссылка тяжкая, сопряженная съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Тюрьма (*vincula, carcer*) по Ульпіану была не наказаніемъ, а мѣрой предварительной, иногда, впрочемъ, назначавшейся и какъ легкое наказаніе.

4) Пораженіе чести, *infamia, existimatio*, было извѣстно римскому праву въ обширныхъ размѣрахъ. Пораженіе чести наступало или независимо отъ судебного приговора, какъ необходимое послѣдствіе самаго факта преступленія, или же опредѣлялось судомъ, какъ специальное наказаніе за извѣстныя дѣянія. При императорахъ существовалъ еще особый видъ пораженія чести, такъ называемый *damnatio memoriae* — осужденіе памяти лица. Это наказаніе примѣнялось къ политическимъ преступникамъ и приводилось въ исполненіе даже въ случаѣ смерти осужденнаго.

5) Имущественныя наказанія примѣнялись въ Римѣ въ обширныхъ размѣрахъ. Уже древнему періоду были извѣстны „*multae*“ (денежныя пени), которыя состояли въ вознагражденіи частью потерпѣвшаго, частью государства, за вредъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ. Въ императорскую эпоху продолжаютъ практиковаться какъ такія денежныя взысканія, такъ и конфискація всего имущества осужденныхъ. Конфискація все болѣе и болѣе становилась нормальнымъ послѣдствіемъ тяжкихъ преступленій, причемъ конфискованное поступало въ государственную казну; будучи мѣрой выгодной для правительства и ослаблявшей его враговъ политическихъ, она постепенно принимаетъ широкіе размѣры.

Въ общемъ можно сказать, что римская карательная система служила двумъ главнымъ цѣлямъ наказанія: идеѣ возмездія и идеѣ

безопасности государства. Последняя цѣль особенно ясно выступаетъ въ большинствѣ карательныхъ мѣръ; ею проникнуты ссылки, публичныя работы и т. п. Въ публичныхъ работахъ для рабовъ замѣчается также зарожденіе идеи пользы въ смыслѣ экономическомъ, но она не получила въ Римѣ дальнѣйшаго развитія.

Система каноническаго права ¹⁾.

Совершенно инныя идеи въ институтъ наказанія и въ карательную систему внесены каноническимъ правомъ западной церкви. Видя въ преступномъ дѣяніи грѣхъ, на наказаніе оно смотрѣло какъ на средство примиренія преступника съ божествомъ; слѣдовательно, цѣль наказанія—умилостивить Бога. Преступленіе есть дѣяніе, или правильнѣе, съ точки зрѣнія церкви, явленіе которое оскверняетъ человѣка (эта мысль объ оскверненіи человѣка заимствована изъ Моисеевыхъ законовъ). Отъ этой скверны нужно очиститься покаяніемъ, которое и составляетъ сущность наказанія. Если наказаніе есть очищеніе, примиреніе съ божествомъ, то оно не можетъ разсматриваться какъ зло для преступника; напротивъ, оно является для него благомъ: *non est crudelitas crimina pro Deo punire, sed pietas*. Таковъ основной взглядъ каноническаго права, который и объясняется, что оно избѣгало жестокостей и старалось выдвинуть на первый планъ цѣли исправленія. Безусловно несправедливыми были объявлены наказанія, которыя по природѣ своей чужды исправительныхъ цѣлей; таковы членовредительныя наказанія и смертная казнь: „*ecclesia abhorret sanguinem*“. Однако, этотъ взглядъ на наказаніе не былъ проведенъ церковью со всею строгостью; подъ вліяніемъ свѣтскаго законодательства, церковь восприняла нѣкоторые взгляды послѣдняго. Всѣ карательныя мѣры, практиковавшіяся каноническимъ правомъ западной церкви, распались на 3 главныя категоріи: А) Буссы или мѣры покаянія—*poenitentiae*, Б) наказанія исправительныя—*censurae* или *poenae medicinales*, и В) наказанія въ тѣсномъ смыслѣ—*poenae vindicativae*.

А. На буссахъ по преимуществу отразился взглядъ на наказаніе, какъ на покаяніе и очищеніе отъ грѣха; бусса была такимъ искупленіемъ грѣха предъ божествомъ. Онѣ распались на пожизненныя и срочныя, смотря по тому, насколько былъ тяжекъ тотъ или другой грѣхъ, отъ котораго надо было очиститься. Буссы состояли въ томъ, что за каждое преступное дѣяніе полагалось

¹⁾ Geib, ук. соч.; Wahlberg, die Strafmittel (т. I. Holtzendorff's Handbuch).

опредѣленное число лѣтъ покаянія, причемъ, когда нужно было усилить наказаніе, сажали на хлѣбъ и на воду. Существовалъ особый требникъ или реестръ, въ которомъ каждый грѣхъ былъ измѣренъ по числу лѣтъ покаянія; такъ напримѣръ, за убійство—10 лѣтъ покаянія, за сожительство съ замужней женщиной—5 лѣтъ, и т. д. Предоставлялось на исповѣди спрашивать у кающагося о совершении имъ того или другаго дѣянія, а затѣмъ, сообразуясь съ требникомъ, назначать указанное въ немъ число лѣтъ покаянія. Буссы могли быть назначаемы и за дѣянія, которыя не составляли дѣяній грѣховныхъ. Съ буссами иногда связывалось ограниченіе участія въ церкви и церковной жизни. Оно состояло или въ лишеніи права посѣщать богослуженіе въ теченіе извѣстнаго срока, или въ лишеніи на опредѣленное время права общенія съ церковью, какъ обществомъ вѣрующихъ.

Б. Цензуры не были наказаніемъ въ настоящемъ смыслѣ, а лишь мѣрой, имѣвшей цѣлью побудить данное лицо къ искупленію своей вины. Онѣ назначались поэтому не на опредѣленный срокъ, а безсрочно, пока не будетъ достигнуто искупленіе. Цензуры примѣнялись или по отношенію къ данному лицу, или же по отношенію къ цѣлымъ классамъ населенія. Видами ихъ были: 1) отлученіе и анаѳема (*excommunicatio minor* и *excom. major*), прежде только отъ таинствъ, но потомъ изъ общества вѣрующихъ, причемъ, для увѣковѣченія въ памяти, имена отлученныхъ оглашались по страстнымъ четвергамъ. 2) Интердиктъ—(съ XI ст.) запрещеніе богослуженія въ извѣстномъ мѣстѣ. Эта мѣра обыкновенно примѣнялась съ тѣмъ, чтобы побудить владѣтеля данной мѣстности, князя, подчиниться власти папы. 3) *Suspensio*—запрещеніе или пріостановка права исполнять должностныя дѣйствія, имѣвшая мѣсто (только для духовныхъ) и распавшаяся на *suspensio ab officio*, *s. ab ordine* и *s. a beneficio*.

В. *Poenae vindicativae* были наказаніями въ тѣсномъ смыслѣ, построенными подъ влияніемъ свѣтскихъ законодательствъ и по ихъ образцамъ. Онѣ распались на а) такія, которыя примѣнялись только къ духовнымъ, и б) такія, которыя примѣнялись ко всѣмъ лицамъ, какъ духовнымъ такъ и мірянамъ.

а) Примѣняемыя только къ духовнымъ:

1. *irregularitas ex delicto*—наступавшая *eo ipso*, какъ необходимое послѣдствіе нѣкоторыхъ преступленій;
2. *privatio beneficii*—удаленіе отъ должности, безъ лишенія права занять новую такую же должность;
3. *depositio*—совершенное устраненіе отъ духовныхъ должностей;

4. degradatio—полное исключеніе изъ духовнаго званія;
5. заключеніе въ монастырь;
- б) Примѣняемыя ко всѣмъ:
 1. лишеніе христіанскаго погребенія—иногда вмѣстѣ съ другими наказаніями;
 2. тюрьма—иногда пожизненно;
 3. изгнаніе;
 4. денежныя пени;
 5. тѣлесныя наказанія;
 6. infamia;
 7. разрушеніе жилища.

Древне-германская система ¹⁾.

Характерныя черты древне-германскаго права заключались въ идеѣ частнаго вознагражденія и идеѣ безправія, лежавшихъ въ его основаніи. Преступленіе разсматривалось какъ нарушеніе частнаго права, наказаніе—какъ вознагражденіе за это нарушеніе. Кто не можетъ вознаградить деньгами, платитъ своею личностью, обращаясь въ рабство. Къ этому присоединился взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе общаго мира, и, соотвѣтственно этому, взглядъ на наказаніе, какъ на лишеніе наказываемаго того мира, который обезпечивается государствомъ всѣмъ и каждому. Мало-по-малу германскій народъ, начиная съ XIV столѣтія, воспринимаетъ у себя положенія правъ римскаго и каноническаго, и вводитъ у себя многія карательныя мѣры, имъ извѣстныя; но, подъ вліяніемъ грубости нравовъ, эти мѣры получаютъ характеръ крайне жестокой. Смертная казнь исполнялась въ формѣ не только простаго лишенія жизни, а также и лишенія жизни квалифицированнаго: такъ, практиковалось колесованіе, четвергованіе и др. Наказаніямъ членовредительнымъ и тѣлеснымъ отведено видное мѣсто въ карательной системѣ. Лишеніе свободы совершенно не практиковалось, частью потому, что континентальнымъ народамъ нельзя было примѣнять ссылку за отсутствіемъ въ то время колоній, частью по отсутствію организованныхъ государственныхъ работъ. Кромѣ того, нерѣдко карательныя мѣры направляются на имущество наказываемаго, и широкое примѣненіе получаютъ разнаго рода денежныя штрафы. Таковъ характеръ германской карательной системы вплоть до XVIII в. На измѣненія ея оказали вліяніе слѣдующія обстоятельства.

¹⁾ Geib и Wahlberg, ук. соч., Wilda, Strafrecht der Germanen, 1840

Измѣненіе ея ¹⁾.

Уже въ XVII и началъ XVIII ст. въ государствахъ Западной Европы появилось такое огромное количество людей, хотя и не совершившихъ преступленій, но представляющихъ опасность для гражданскаго общежитія вслѣдствіе своей празднои, бродячей жизни, что по отношенію къ нимъ необходимо было принимать принудительныя мѣры. По началамъ полицейскаго государства того времени для принятія такихъ мѣръ не требовалось факта совершенія преступнаго дѣянія; принудительныя мѣры могли быть принимаемы и ранѣе того, для предупрежденія возможности совершенія преступленій. Такія принудительныя мѣры выработались въ систему рабочихъ домовъ, которые въ началъ XVIII ст. появились въ обширныхъ размѣрахъ во многихъ германскихъ государствахъ, подъ разными названіями: домовъ рабочихъ (Arbeitshaus), придильныхъ и т. п. Они не были наказаніемъ въ полномъ смыслѣ: въ нихъ людей, не совершившихъ преступленія, но праздныхъ, старались приучить къ честному труду и затѣмъ, когда такіе результаты достигались, ихъ выпускали на волю; иногда пребываніе въ рабочемъ домѣ было ограничено извѣстнымъ, напередъ назначеннымъ, срокомъ. Идея рабочихъ домовъ стояла, такимъ образомъ, отдѣльно отъ идеи наказанія.

Но скоро, подъ вліяніемъ Сѣверной Америки, рабочіе дома получили значеніе карательной мѣры и включены въ систему наказаній. Рабочіе дома, устроенные для праздношатающихся, существовали, между прочимъ, и въ Голландіи. Оттуда они были перенесены квакерами въ Сѣверную Америку. До тѣхъ поръ въ Сѣверной Америкѣ по отношенію къ преступникамъ практиковались только: смертная казнь, тѣлесныя наказанія и публичныя работы. Чрезвычайное развитіе рецидива дало американскому правительству мысль примѣнить идею рабочихъ домовъ къ институту наказанія. Это и дало начало двумъ системамъ карательнаго лишенія свободы, Пенсильванской и Оборнской. Уже въ томъ же XVIII столѣтіи существованіе этихъ системъ было извѣстно въ Западной Европѣ, и хорошіе отзывы о нихъ склоняли западно-европейскія законодательства къ тому, чтобы примѣнить ту или другую изъ нихъ къ наказанію за кражи, мошенничества и т. п. Въ XIX столѣтіи это вліяніе Америки проявилось еще въ болѣе широкой степени въ виду отзывовъ, которые постоянно слышались объ успѣхахъ американской карательной системы. Въ Америку были

¹⁾ Eberty, das Gefängniswesen, 1858; Wahlberg, ук. соч.

отправлены делегаты (Россель, Кравфордъ, Токвиль, Юліусъ) для изученія на мѣстѣ этой системы; по возвращеніи, они представили подробный отчетъ объ американской карательной системѣ, и кромѣ того, издали краткое описаніе ея для публики.

Англійская система ¹⁾.

Такимъ образомъ, идея карательнаго исправленія путемъ обязательнаго труда, возникшая въ Сѣверной Америкѣ, получала болѣе и болѣе почвы въ Западной Европѣ. Дальнѣйшему развитію она обязана Англій. Прежде Англія практиковала въ широкихъ размѣрахъ ссылку, къ которой присоединялись и исправительныя цѣли. Но когда ссылка оказалась невозможной въ виду отказа колоній принимать къ себѣ преступниковъ, Англія окончательно смѣнила ее заключеніемъ.

Нынѣ въ составъ англійской карательной системы входятъ:

смертная казнь;

уголовное рабство (penal servitude);

тюрьма (prison);

имущественныя наказанія;

выговоры, предостереженіе и поручительство (recognizance);

и, какъ добавочныя, тѣлесныя наказанія.

Подъ уголовнымъ рабствомъ понимается продолжительное лишеніе свободы, которое состоитъ въ прохожденіи преступникомъ нѣсколькихъ стадій: 1-я стадія — одиночное заключеніе; 2-я — обязательныя работы въ сообществѣ съ другими заключенными, съ раздѣленіемъ только на ночь; 3-я стадія — практикуемая въ Ирландіи, а въ Англій только для женщинъ (въ формѣ пріютовъ, refuges) — такъ называемая переходная тюрьма, въ которой заключенные содержатся передъ самымъ ихъ освобожденіемъ. Переходная тюрьма имѣетъ цѣлью постепенно подготовить преступника къ выходу на свободу, къ тѣмъ соблазнамъ, которые будутъ окружать его въ жизни, причемъ его стараются приучить къ воздержанію отъ нихъ. Болѣе легкая форма лишенія свободы по англійскому праву есть простая тюрьма, съ присоединеніемъ обязательныхъ работъ и безъ нихъ. Такъ какъ тѣлесныя наказанія, а тѣмъ болѣе смертная казнь, примѣняются крайне рѣдко, то центральнымъ пунктомъ карательной системы должно признать лишеніе свободы въ указанныхъ двухъ видахъ. Любопытный элементъ англійской системы, развивающійся въ новѣйшее время, составляетъ взятіе поручительства въ сохраненіи

¹⁾ Aschrott, Strafsysteme und Gefängniswesen in England, 1887.

мира (Putting under Recognizances), безъ примѣненія иныхъ карательныхъ мѣръ, или же совмѣстно съ лишеніемъ свободы или денежнымъ взысканіемъ.

Западно-европейскія континентальныя системы¹⁾.

Подъ вліяніемъ англо-американскаго права создались и современныя карательныя системы континентальной Европы; и въ нихъ центральною частью стало уже лишеніе свободы въ формѣ заключенія, такъ что иныя мѣры примѣняются въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Всего ближе къ прежнему складу дѣйствующій нынѣ въ Франціи уголовный кодексъ 1810 года. Согласно ему, наказанія распадаются на А) наказанія по дѣламъ уголовнымъ (т. е. о преступленіяхъ), Б) наказанія по дѣламъ исправительнымъ (т. е. о проступкахъ), В) наказанія по дѣламъ полицейскимъ (т. е. о нарушеніяхъ).

А. Уголовныя наказанія дѣлятся на двѣ группы: 1) наказанія мучительныя и безчестія, 2) наказанія только безчестія. 1) Къ первой группѣ отнесены: смертная казнь; каторжныя работы (*travaux forcés*), пожизненно или на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ, по закону 1852 г. отбываемыя въ формѣ ссылки (*transportation*); высылка (*déportation*) въ смыслѣ наказанія пожизненнаго; заточеніе въ крѣпости (*détention*), на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ; наконецъ, исправительный домъ (*reclusion*) на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ, а съ 1885 года сюда прибавился особый родъ высылки (*régation*) для рецидивистовъ. 2) Уголовныя наказанія только безчестія суть: изгнаніе (*bannissement*), на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ, и гражданская деградация (*dégradation civique*).

Б. Исправительныя наказанія суть: тюрьма (*emprisonnement dans un lieu de correction*), на срокъ отъ 6 дней до 5 лѣтъ, съ обязательными работами по выбору заключеннаго; поразеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ и политическихъ правъ (*interdiction de certains droits civiques, civiles ou de famille*), и денежныя взысканія (*amendes*).

В. Къ наказаніямъ полицейскимъ принадлежатъ: тюрьма (*emprisonnement*) отъ 1 дня до 5 дней; денежное взысканіе отъ 1 до 15 франковъ, и конфискація отдѣльныхъ предметовъ.

Къ наказаніямъ уголовнымъ, въ значеніи дополнительныхъ взысканій, присоединяются иногда и иныя мѣры — поразеніе правъ и публичная выставка. На практикѣ, однако, сложность этой системы

¹⁾ Wahlberg, ук. с.; Beltrani-Scalia.

значительно упрощается; смертная казнь примѣняется крайне рѣдко, денежные взыскаія назначаются лишь за посягательства наименьшей тяжести, такъ что вся французская карательная система сводится главнымъ образомъ къ лишенію свободы, отбываемому или въ формѣ ссылки (*transportation, déportation*, а нынѣ и *télégation*) или, главнымъ образомъ, въ формѣ заключенія въ тюрьмахъ департаментскихъ (*maisons départementales*) для приговоренныхъ на незначительные сроки, до 2 лѣтъ, и въ тюрьмахъ центральныхъ (*maisons centrales*), служащихъ мѣстомъ заключенія для приговоренныхъ на болѣе долгіе сроки.

Болѣе новые уголовные кодексы еще рѣшительнѣе склоняются къ лишенію свободы въ формѣ заключенія, какъ къ основному типу современнаго наказанія.

По германскому уложенію 15 мая 1871 г., наказанія суть: смертная казнь; исправительный домъ (*Zuchthaus*), пожизненно или на срокъ отъ 1 года до 15 лѣтъ; тюрьма (*Gefängniss*) отъ 1 дня до 5 лѣтъ; заточеніе въ крѣпости (*Festungshaft*) пожизненно или на срокъ отъ 1 дня до 15 лѣтъ; арестъ (*Haft*) на срокъ отъ одного дня до 6 недѣль; наконецъ, денежные взыскаія. Къ этимъ наказаніямъ въ извѣстныхъ случаяхъ присоединяются дополнителныя — пораженіе правъ, полицейскій надзоръ, высылка за границу, конфискація или уничтоженіе отдѣльныхъ предметовъ.

Голландское уложеніе 1881 г., въ качествѣ наказаній главныхъ, знаетъ только: заключеніе въ тюрьмѣ (*Gefängniss*), пожизненно или на срокъ отъ 1 дня до 15 (иногда до 20) лѣтъ; арестъ на время отъ 1 дня до 1 года, и денежное взыскаіе. Наказанія дополнителныя по нему суть: лишеніе правъ, рабочій домъ, конфискація отдѣльныхъ предметовъ и опубликованіе приговора.

Система русская.

Карательная система русскаго права пережила однородныя историческія ступени¹⁾. Подобно римской и германской, она начинается денежными взыскаіями, имѣвшими задачею частное вознагражденіе потерпѣвшаго (головничество, урокъ); постепенно и

¹⁾ Неклюдовъ, въ примѣчаніяхъ къ переводу Бернера. Ланге, объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Иванишевъ, о платѣ за убійство. Балачовъ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ по Судебникамъ (въ Юридическихъ Запискахъ Рѣдкина, т. 1 и 2); Линовскій, изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ уложеніи Алексѣя Михайловича. Максимовичъ, рѣчь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи. Объяснительная записка къ проекту уложенія 1845 г. Фойницкій, Наша карательная система (Сборн. Гос. Зн., т. 2).

княжеская власть приобретает право на вознаграждение со стороны виновного (вира, продажа); древнейшей нашей системой времени Русской Правды известно было одно только личное наказание — потокъ, подъ которымъ понималась отдача виновного съ семьею въ распоряжение или народной толпы, или князя; потокъ, смотря по обстоятельствамъ, переходилъ или въ смертную казнь, или въ ссылку, или въ заключение. Татарское влияние насадило на русской почвѣ неизвѣстную намъ прежде кару — тѣлесныя наказания, которыя скоро стали центромъ всей карательной системы. Такъ сложились характеристическія черты наказаній въ эпоху Судебниковъ и даже Соборнаго Уложения; во главѣ наказаній стояла смертная казнь въ квалифицированныхъ и простыхъ формахъ, затѣмъ шли наказания членовредительныя и тѣлесныя — торговая казнь, батоги, кнутъ, плеть, а за мелкіе проступки опредѣлялись денежные взысканія; лишение свободы примѣнялось только какъ мѣра предупредительная. Система эта отличалась отъ западно-европейскихъ XV—XVII столѣтій отсутствіемъ правопораженій, которыя вводятся въ наше право только со временъ Петра I (шельмованіе), дополнившаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнявшіяся у насъ тѣлесныя наказания еще двумя заимствованными мѣрами — шпицрутенами и кошками. Но уже въ московскій періодъ появляются двѣ идеи, получившія дальнѣйшее развитіе при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ и значительно видоизмѣнившія нашу карательную систему: идея повинности и идея милосердія. Подъ влияніемъ первой, смертная казнь и членовредительныя наказания начинаютъ примѣняться рѣже, замѣняясь обращеніемъ осужденнаго въ распоряженіе правительства на работы государевы, въ ссылку, на работы галерныя, крѣпостныя и вообще каторжныя, и въ военную службу; обращеніе въ ссылку характеризовало московскій періодъ (съ 1550 года); обращеніе на работы, упоминаемое уже Соборнымъ Уложениемъ и необходимо соединявшееся съ новою карательною мѣрою — лишеніемъ свободы въ формѣ заключенія — получаетъ особенно значительные размѣры въ царствованіе Петра Великаго; обращеніе въ военную службу начинается въ то же царствованіе. Другая идея — милосердія — проявлялась первоначально какъ долгъ религіознаго благочестія, затѣмъ какъ потребность челоуколюбія; уже въ далекую старину осужденные находили себѣ передъ великими князьями предстателей въ лицѣ ихъ матерей, женъ и дѣтей, а для духовенства такое предстательство составляло освященную обычаемъ обязанность; весьма нерѣдко великіе князья слушали ихъ охотно, что доказывается быстрымъ вымираніемъ у насъ нѣкоторыхъ квалифицированныхъ видовъ смертной казни, введенныхъ Соборнымъ Уложениемъ (особенно заживо-

закапыванія, вышедшаго фактически изъ употребленія уже черезъ 35 лѣтъ послѣ Уложенія)¹⁾. Наибольше грандіозными результатами эта идея милости ознаменовала царствованія Елисаветы Петровны, Екатерины II и Александра I. При Елисаветѣ Петровнѣ послѣдовала общая отмѣна смертной казни, замѣненной гражданскою смертью со ссылкой въ каторжныя работы; тогда же положено начало раздѣленію ссылки и работъ по ихъ карательной тяжести, сообразно винѣ, и за многія преступленія кнутъ замѣненъ плетью. При Екатеринѣ II отъ тѣлесныхъ наказаній освобождены дворяне, священнослужители и почетные граждане, но для прочихъ лицъ онѣ сохранены, что повело къ существующему до нынѣ въ нашей карательной системѣ различію наказаній по сословіямъ. При Александрѣ I, отмѣнившемъ пытку, запрещено употреблять въ приговорахъ выраженіе „нещадно“, предписано въ точности опредѣлять количество ударовъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и отмѣнено рваніе ноздрей (1818 г.); тогда же предполагалась отмѣна кнута, но эта мысль не осуществилась. Во все эти царствованія, кромѣ того, развивается примѣненіе наказанія лишеніемъ свободы.

Основанная на этихъ разнообразныхъ историческихъ источникахъ, карательная система Свода Зак. изд. 1832 г. включала въ себя: 1) смертную казнь, возстановленную незадолго передъ тѣмъ для нѣкоторыхъ случаевъ, но дозволенную лишь при особомъ высочайшемъ указѣ объ учрежденіи верховнаго суда; 2) тѣлесныя наказанія, обнимавшія: наказаніе кнутомъ, плетью, шницрутенами и розгами или лозами, веревкою, хлыстомъ и т. п.; легкою формою тѣлесныхъ наказаній признавалось также содержаніе на хлѣбѣ и на водѣ; 3) работы, различавшіяся на каторжныя, крѣпостныя, въ портахъ или казенныхъ заведеніяхъ и фабрикахъ, въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, въ смирительномъ домѣ, въ рабочемъ домѣ или у частныхъ лицъ, и городовыя вмѣсто рабочаго дома; работы по срокамъ были вѣчныя и срочныя; 4) ссылку, распадавшуюся на ссылку въ Сибирь въ каторжныя работы, въ Сибирь на поселеніе, въ Сибирь на жительство, въ закавказскія провинціи, и ссылку въ дальніе города, деревни или другія мѣста; сюда же относились высылка за границу и высылка изъ столицъ; все виды ссылки были пожизненные; 5) отдачу въ солдаты безъ выслуги, назначавшуюся для способныхъ къ военной службѣ вмѣсто ссылки на поселеніе, и съ выслугою; 6) лишеніе свободы, распадавшееся на тюремное заключеніе, личный арестъ или содержаніе подъ стражею и надзоромъ полиціи; эти наказанія были кратко-

¹⁾ Акты историческіе т. V, стр. 25, 127.

срочныя; наконецъ, 7) денежныя взыскапія и 8) церковныя наказанія. Къ важнѣйшимъ изъ этихъ наказаній присоединялось безсрочное лишеніе правъ. Характеристическую черту свода составляетъ стремленіе развить каждую изъ этихъ карательныхъ мѣръ въ особую систему съ самостоятельной для каждой градаціею, такъ что сводъ зналъ собственно нѣсколько карательныхъ системъ.

Составители проекта Уложенія 1845 г., по заявленію ихъ, при начертаніи системы наказаній „не столько думали о предположеніи новыхъ наказаній, сколько о приведеніи существующихъ уже въ правильнѣйшую систему“. Эта система не знаетъ уже кнута, отминовеннаго съ вступленіемъ въ дѣйствіе Уложенія 1845 г., не знаетъ и вѣчныхъ работъ, запрещенныхъ незадолго передъ изданіемъ Уложенія. Оно установило болъшую постепенность въ наказаніяхъ, воспользовавшись для этого существовавшими институтами, но сообщивъ имъ новое уголовно-юридическое значеніе. Ссылка въ Сибирь примѣнялась у насъ весьма часто и даже за легкіе проступки; желая сдѣлать изъ нея тяжкое уголовное наказаніе, составители Уложенія вынуждены были учредить наказанія для болъе легкихъ дѣяній, и для этого утилизировали арестантскія роты, смирительный домъ и рабочій домъ, опредѣливъ ихъ какъ лишеніе свободы, низшими ступенями котораго оставлены тюрьма и арестъ. Арестантскія роты появляются съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, какъ видъ каторжныхъ работъ, назначавшихся пожизненно или на сроки и построенныхъ по военному режиму; составители Уложенія, оставляя въ нихъ военный режимъ, дѣлаютъ ихъ срочными и сообщаютъ имъ значеніе высшаго исправительнаго наказанія для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; нынѣ онѣ переименованы въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства, военный режимъ упраздненъ и наружныя работы (расчистка дорогъ, лѣсовъ и пр.), ими прежде практиковавшіяся, болъе и болъе смѣняются работами внутренними, въ самой тюрьмѣ. Смирительные дома появляются при Екаторинѣ II, для людей продерзостнаго поведенія, и принимаются Уложеніемъ, какъ исправительное наказаніе для лицъ всѣхъ состояній. Выше ихъ, но только для непривилегированныхъ состояній, поставлены рабочіе дома, образовавшіеся изъ прядильныхъ и иныхъ дворовъ, которые началъ учреждать еще Петръ Великій. На практикѣ, однако, далеко не вездѣ существовали рабочіе и смирительные дома, такъ что заключенныхъ въ нихъ приходилось содержать въ тюрьмахъ; въ виду этого, закономъ 24 апрѣля 1884 г., рабочіе и смирительные дома отминены, замѣнившись тюрьмою. Тотъ же законъ упростилъ и опредѣленія Уложенія о ссылкѣ въ каторгу, которая дѣлилась на каторгу въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ

(образовавшуюся изъ работъ крѣпостныхъ Свода) и на заводахъ (образовавшуюся изъ работъ на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ по Своду); съ запрещеніемъ отправлять преступниковъ въ крѣпостныя рабочія и съ закрытіемъ въ Сибири казенныхъ фабрикъ, постановленія закона не исполнялись, почему нынѣ раздѣленіе каторги на ея виды по мѣсту работъ упразднено, оставлено лишь раздѣленіе ея по срокамъ и администраціи предоставлено обращать преступниковъ въ тѣ мѣста, гдѣ представится возможность и надобность. Изъ Своднаго законодательства Уложеніе 1845 г. заимствовало все тѣлесныя наказанія, кромѣ кнута; по этому вопросу постановленія его измѣнены закономъ 17 апрѣля 1863 г., отмѣнившимъ плети, кошки и шницрутены, въ виду чего и наша карательная система приблизилась къ современнымъ западно-европейскимъ, имѣя нынѣ центральною частью своею лишеніе свободы.

Все наказанія по Уложенію дѣлятся на общія и особенныя. Первые примѣняются ко всемъ гражданамъ, вторыя — къ нѣкоторымъ особымъ классамъ лицъ (напримѣръ, наказанія по службѣ для должностныхъ лицъ по ст. 65 ул.); кромѣ того, Уложеніе знаетъ еще чрезвычайныя наказанія, которыя примѣняются въ исключительныхъ случаяхъ.

Другое общее дѣленіе наказаній, установленное Уложеніемъ, есть дѣленіе ихъ на главныя и дополнительныя; послѣднія присоединяются къ первымъ, увеличивая ихъ строгость.

Общія главныя наказанія, по тяжести ихъ, дѣлятся на уголовныя и исправительныя. Мысль о такомъ раздѣленіи наказаній принадлежитъ графу Блудову. Онъ говоритъ: подобно тому, какъ преступленія бываютъ весьма тяжкія и болѣе или менѣе легкія, такъ и по отношенію къ разнымъ лицамъ, сообразно съ ихъ преступнымъ характеромъ, должны примѣняться различныя наказанія: по отношенію къ закоренѣлымъ злодѣямъ, которые должны быть исторгнуты изъ общества, должны примѣняться уголовныя наказанія, по отношенію къ преступникамъ, подающимъ еще надежду на исправленіе — исправительныя. Но, строго говоря, уголовное наказаніе есть только одно — смертная казнь; во всехъ остальныхъ наказаніяхъ, даже уголовныхъ, преступникъ не исторгается изъ общества безповоротно.

Наша дѣйствующая карательная система установлена Уложеніемъ въ статьяхъ 17 и 30. Ст. 17 перечисляетъ уголовныя наказанія; къ нимъ относятся: смертная казнь, каторжныя работы и ссылка на поселеніе въ Сибирь и Закавказье. Все уголовныя наказанія сопряжены съ лишеніемъ всехъ правъ состоянія: этотъ придатокъ и сообщаетъ имъ уголовный характеръ. Что касается до высшихъ

степеней исправительныхъ наказаній, то онѣ не одинаковы для всѣхъ гражданъ, различаясь для лицъ привилегированныхъ или изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній и для лицъ непривилегированныхъ или неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Подъ лицами привилегированными законъ разумѣетъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія (а не по особымъ постановленіямъ); къ нимъ относятся: дворяне, лица духовныя, почетные граждане, купцы первой и второй гильдій. Высшая степень исправительнаго наказанія для лицъ привилегированныхъ есть ссылка на житье въ Сибирь, а для лицъ непривилегированныхъ — исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства; второй видъ исправительныхъ наказаній составляютъ, соединенныя также, съ (пожизненнымъ) лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ состоянія, для лицъ привилегированныхъ ссылка на житье въ губерніи не сибирскія, а для лицъ непривилегированныхъ — заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ (до 1884 г. заключеніе въ рабочемъ домѣ); потомъ идутъ исправительныя наказанія, одинаковыя для всѣхъ классовъ лицъ, въ слѣдующей постепенности: временное заключеніе въ крѣпости, заключеніе въ тюрьмѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, временное заключеніе въ тюрьмѣ безъ лишенія правъ, арестъ, выговоры, замѣчанія, внушенія и денежныя взысканія. Всѣ общія наказанія по срокамъ, на которые они назначаются, дѣлятся на степени: каторжныя работы на 7 степеней, ссылка на поселеніе на 2 степени; ссылка на житье въ губерніи сибирскія на 5 степеней, ссылка на житье въ губерніи не сибирскія на 4, заключеніе въ крѣпости на 5, заключеніе въ тюрьмѣ, замѣнившей смирительный домъ, на 4, простое заключеніе въ тюрьмѣ на 3, арестъ на 4. Такимъ образомъ, наша карательная система представляется лѣстничною, состоящую изъ многихъ ступеней или степеней; степени, стоящія выше въ лѣстницѣ, тяжеле низшихъ, исключая крѣпости, которая стоитъ отдѣльно. Вся наша карательная лѣстница состоитъ изъ 30 степеней, если выдѣлить ссылку въ Закавказье и заключеніе въ крѣпости, какъ имѣющія спеціальныя характеръ.

Дополнительныя наказанія сопровождаютъ главныя; одни изъ нихъ могутъ быть послѣдствіемъ уголовныхъ, другія — исправительныхъ наказаній. Къ первымъ относится лишеніе всѣхъ правъ состоянія, ко вторымъ принадлежатъ лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и лишеніе нѣкоторыхъ правъ. Всѣ эти дополнительныя наказанія имѣютъ пожизненный характеръ, но въ высшемъ изъ нихъ пожизненность смягчается Уставомъ о ссыльныхъ. Существуютъ еще нѣкоторыя спеціальныя дополни-

тельные наказанія, указанныя въ ст. 51 и 58, какъ-то: отдача подъ надзоръ полиціи и общества, опубликованіе приговора, высылка за границу (примѣняется къ иностранцамъ), запрещеніе жительства въ столицахъ; сверхъ того, дополнительные взысканія иногда опредѣляются въ особенной части, напр. лишеніе права имѣть подмастерьевъ, быть издателемъ или редакторомъ временнаго изданія; нѣкоторыя дополнительные наказанія имѣютъ характеръ мѣръ объективныхъ, какъ напримѣръ, задержаніе орудій преступленія и конфискація ихъ въ пользу правительства.

Наказанія особенныя примѣняются къ должностнымъ лицамъ за преступленія по службѣ; наказанія эти суть дисциплинарныя взысканія; нѣкоторыя изъ нихъ сопровождаются одинаковыми съ высшими степенями исправительныхъ наказаній послѣдствіями. Перечисленіе особенныхъ наказаній даетъ 65 ст. Улож.

Къ чрезвычайнымъ наказаніямъ относится конфискація всего имущества за нѣкоторыя политическія преступленія (ст. 255 Улож.). Отъ этой чрезвычайной мѣры, могущей имѣть мѣсто лишь при изданіи закона *ad hoc*, отличаются такъ называемыя наказанія исключительныя, которыя устанавливаются въ особенной части уложенія безъ всякаго соответствія со ст. 17, 30 и 65, притомъ, или въ качествѣ наказанія главнаго, или же въ значеніи наказанія прідаточнаго; таковы лишеніе христіанскаго погребенія (1472 Улож.), заключеніе въ крѣпости на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ тѣ, которые входятъ въ общую систему наказаній (1503, 1504 Улож.), и многія другія карательныя мѣры, упоминаемыя въ постановленіяхъ Уложенія объ отдѣльныхъ преступленіяхъ.

Такова въ высшей степени сложная карательная система Уложенія. Но этимъ законодатель не ограничивается. Рядомъ съ системою Уложенія, дѣйствуетъ у насъ карательная система Устава о наказ., налаг. мир. суд.

Уст. о наказ. имѣетъ свои главныя и дополнительные наказанія. Къ первымъ относятся: заключеніе въ тюрьмѣ, срокомъ не свыше одного года и шести мѣсяцевъ (ранѣе закона 1882 г. — только до одного года), арестъ на сроки отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ, денежные штрафы до 300 р. и выговоры, замѣчанія и внушенія (ст. 1). Къ дополнительнымъ относится конфискація орудій, употребленныхъ для совершенія проступка.

Есть еще особенная карательная система Сельско-судебнаго Уст., которая состоитъ изъ тѣлесныхъ наказаній, именно розогъ, лишенія свободы срокомъ до 7 дней и денежныхъ штрафовъ.

Но самыми строгими системами наказаній по нашему праву суть система Устава о ссыльныхъ и система военно-уголовная. До закона

28 апрѣля 1871 г. ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы могли быть подвергаемы шпицрутенамъ до 6.000 ударовъ. Тяжесть различныхъ наказаній, которыя примѣнялись къ ссыльнымъ, опредѣлялась частью тяжестью и родомъ преступленій, частью принадлежностью преступника къ тому или другому разряду ссыльныхъ. Законъ 28 апрѣля 1871 г. удерживаетъ для ссыльныхъ систему тѣлесныхъ наказаній, но значительно ее смягчаетъ. Онъ отмѣняетъ шпицрутены и оставляетъ плети до ста ударовъ, одинаково какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. Такое приравненіе женщинъ къ мужчинамъ противорѣчитъ общей идеѣ нашей карательной системы, по которой женщины не облагаются тѣлесными наказаніями. Кромѣ плетей, Уст. о ссыльн. знаетъ другія наказанія, именно: прикованіе къ телѣжкѣ, которое можетъ быть назначаемо на срокъ до 3 лѣтъ, и переводъ въ разрядъ испытуемыхъ, сопровождаемый весьма тяжкими послѣдствіями для испытуемаго; мягчайшими наказаніями по Уст. о ссыльн. являются: наказанія розгами и лишеніе свободы.

По воинскому уставу о наказаніяхъ 1869 г. (2 изд. 1879 г.) наказанія, по тяжести ихъ, распадаются на уголовныя и исправительныя, а по взаимному между ними отношенію на главныя и дополнительныя. Главныя уголовныя наказанія двойки: одна группа ихъ та же, какъ по уложенію; другая характеризуется отсутствіемъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и обнимаетъ двѣ мѣры — смертную казнь и заточеніе въ крѣпости, которыя не стоятъ въ общей лѣтницѣ и могутъ быть опредѣляемы лишь за нѣкоторыя воинскія преступленія въ особо указанныхъ закономъ случаяхъ. Система исправительныхъ наказаній по воинскому уставу сложна въ высшей степени; она распадается на шесть различныхъ системъ, а именно: 1) для офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства за преступленія, не соединенныя съ нарушеніемъ обязанностей военной службы; 2) для тѣхъ же классовъ лицъ за преступленія, соединенныя съ нарушеніемъ обязанностей военной службы; 3) за преступленія первой категоріи, для нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія; 4) за тѣ же преступленія и для тѣхъ же чиновъ, но не пользующихся особыми правами состоянія; 5) за преступленія по службѣ для нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія, и 6) за тѣ же преступленія и для тѣхъ же чиновъ, но не пользующихся особыми правами состоянія. Карательныя мѣры, употребляемыя для исправительныхъ наказаній, суть частью тѣ, которыя приняты уложеніемъ, притомъ или какъ наказанія общія (ссылка на житье, отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія, заключеніе въ крѣпости, замѣненный

нынѣ тюрьмою рабочій домъ и денежныя взыскапія), или какъ наказанія особенныя по службѣ (таковы по 2 системѣ, для офицеровъ и чиновниковъ, исключеніе изъ службы и отставленіе отъ службы, имѣющія здѣсь, однако, нѣкоторыя особенности); частью же это суть мѣры, совершенно неизвѣстныя общему законодательству; сюда принадлежатъ: для офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства — разжалованіе въ рядовые и содержаніе на гауптвахтѣ; для нижнихъ чиновъ всѣхъ категорій — одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, а для нижнихъ чиновъ, не пользующихся особыми правами состоянія — сверхъ того, отдача въ дисциплинарные батальоны или роты (соотвѣтствуетъ ссылкѣ на житье въ несибирскія губерніи для привилегированныхъ) и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, опредѣляемый или какъ самостоятельное наказаніе, или какъ дополненіе къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ и къ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны. Наказанія дополнительныя суть лишеніе всѣхъ правъ состоянія, лишеніе воинской чести, лишеніе всѣхъ особыхъ правъ, лишеніе нѣкоторыхъ правъ; въ значеніи наказаній придаточныхъ или присоединяемыхъ допускаются также: церковное покаяніе; конфискація вещей; воспрещеніе жительства въ столицахъ и другихъ мѣстахъ; отдача подъ особый надзоръ полиціи; и, для иностранцевъ, высылка за границу. Кромѣ этихъ мѣръ, военно-дисциплинарный уставъ знаетъ еще нѣныя взыскапія для менѣ тяжкихъ провинностей по воинской службѣ.

Чрезвычайная сложность нашей карательной системы приводила къ невозможности выполненія ея, не говоря уже о иныхъ неудобствахъ, соединенныхъ съ крайнимъ дробленіемъ степеней наказанія. Высшее правительство уже при изданіи судебныхъ уставовъ признавало, что для успѣха дѣятельности новыхъ судовъ система наказаній уложенія должна быть существенно измѣнена, и съ этою цѣлью постепенно образованы были въ началѣ семидесятыхъ годовъ двѣ коммисіи — одна подъ предѣдательствомъ сенатора Фриша, другая подъ предѣдательствомъ графа Соллогуба¹⁾, — на которыя возложенъ былъ пересмотръ нашей системы наказаній и начертаніе новой. Работы этихъ коммисій, по внесеніи ихъ въ Государственный Совѣтъ, поручено было рассмотреть особо учрежденной въ составѣ Совѣта коммисіи подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота; на основаніи трудовъ ея и состоялось Высочайше утвержденное 11 декабря 1879 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта, начертавшее главныя

¹⁾ По окончаніи работъ коммисіи графа Соллогуба, онѣ внесены были въ особо учрежденный подъ предѣдательствомъ сенатора Зубова комитетъ, откуда поступили въ Государственный Совѣтъ.

основанія новой карательной системы въ видахъ предполагаемаго пересмотра уголовного законодательства. Эти основанія въ существенныхъ чертахъ приняты проектомъ уголовного уложенія, изготовленнаго Высочайше учрежденною редакціонною коммисією, состоящею подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ статсъ-секретаря Э. В. Фриша.

По проекту редакціонной коммисіи, предполагается упразднить дѣленіе наказаній на уголовныя и исправительныя, а также различія въ наказаніяхъ по сословному положенію. Всѣ наказанія по проекту могутъ быть раздѣлены на главныя, дополнительныя и замѣняющія. Главныя наказанія по проекту суть: смертная казнь; каторга безсрочная и на срокъ отъ 5 до 15, а при кумуляціи преступленій до 20 лѣтъ; поселеніе; исправительный домъ до 5, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 10 лѣтъ; заточеніе; тюрьма до одного года, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 2 лѣтъ; арестъ составляющій легкой видъ лишенія свободы; одного года, и денежныя пени. Наказанія эти не представляютъ лѣстницы въ смыслѣ Уложенія, а каждое изъ нихъ является законченнымъ цѣлымъ, съ правомъ суда на переходъ отъ одного къ другому лишь на основаніи особыхъ о томъ правилъ; въ ряду этихъ наказаній, поселеніе и заточеніе могутъ быть разсматриваемы какъ наказанія особенныя, опредѣляемыя лишь въ нѣкоторыхъ особо указанныхъ случаяхъ, а всѣ прочія—какъ наказанія общія; къ группѣ особенныхъ наказаній, сверхъ того, должны быть отнесены по конструкціи проекта (хотя вопреки объяснительной запискѣ): 1) тѣ общія наказанія, которыя назначаются въ особо возвышенныхъ срокахъ при кумуляціи преступленія (ст. 54, 56—срочная каторга свыше 15 лѣтъ, исправительный домъ свыше 5 лѣтъ, тюрьма свыше 1 года и арестъ въ соединеніи съ пенею), и 2) воспитательно-карательныя мѣры, назначаемыя для несовершеннолѣтнихъ, въ видахъ смягченія нормальныхъ главныхъ наказаній, именно отдача въ исправительныя пріюты¹⁾. Дополнительные наказанія по проекту распадутся на двѣ группы: 1) такія, которыя присоединяются къ главному силою самаго закона; сюда относятся: лишеніе правъ какъ послѣдствіе осужденія на каторгу и въ исправительный домъ, и полицейскій надзоръ; и 2) такія, которыя присоединяются къ главному не иначе, какъ по особому постановленію суда; таковы лишеніе правъ на опредѣленныя занятія, опубликованіе приговора, отобраніе вещей. Наконецъ, замѣняющими признаются примѣняемыя вмѣсто нормальныхъ, но по тяжести одинаковыя съ ними въ виду особенностей даннаго случая; таковы

¹⁾ Отдача въ воспитательныя пріюты не составляетъ наказанія.

высылка за границу для иностранцевъ, для женщинъ каторга вмѣсто смертной казни, а для достигшихъ 70-лѣтняго возраста — особая форма поселенія вмѣсто смертной казни и каторги. Раздѣленіе видовъ наказанія на степени проекту неизвѣстно, но кромѣ общихъ минимума и максимума каждаго вида наказанія въ постановленіяхъ объ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяніяхъ иногда указываются спеціальныя минимумы и максимумы; переходъ отъ однихъ наказаній къ другимъ допускается по особымъ правиламъ, на основаніи которыхъ поселеніе и заточеніе поставлены особнякомъ и къ нимъ отъ иныхъ высшихъ наказаній судъ можетъ переходить лишь въ нѣкоторыхъ спеціально указанныхъ случаяхъ.

Часть II. Примѣненіе наказанія.

Законъ устанавливаетъ наказанія за преступныя дѣянія въ ихъ общихъ родовыхъ или видовыхъ признакахъ. Обязанность пріискать соответствующее наказаніе за каждый конкретный случай нарушенія уголовно-юридической нормы лежитъ на органахъ подзаконныхъ, т. е. на судѣ и на исполнительной власти. Она распадается на:

1) обязанность пріискать размѣръ нормальнаго, установленнаго закономъ наказанія, т. е. опредѣлить наказаніе;

2) при невозможности опредѣленія нормальнаго наказанія, необходимо замѣнить его другими карательными мѣрами, одинаковыми по тяжести, но различными по роду; и

3) существуютъ извѣстныя условія, при наступленіи которыхъ наказаніе не примѣняется и которыми оно погашается; констатированіе ихъ равнымъ образомъ входитъ въ сферу дѣятельности по примѣненію наказаній и совокупность ихъ создаетъ институтъ погашенія наказанія.

ГЛАВА I.

Опредѣленіе наказанія ¹⁾.

Понятіе и органы опредѣленія наказанія.

Опредѣлить наказаніе, значитъ пріискать размѣръ нормальнаго наказанія, установленнаго закономъ за данную группу дѣяній, соответствующій каждому конкретному проявленію преступности. Задача

¹⁾ Кистяковскій, Элем. учебн., стр. 684 и слѣд. Wahlberg, Die Individualisirung im Strafrechte. Бернеръ, Учебникъ, перев. Неклюдова, §§ 133—142.

эта обыкновенно ставится до постановленія по дѣлу приговора и потому рѣшеніе ея принадлежитъ органу, приговоръ постановляющему, т. е. суду; вслѣдствіе этого, опредѣленіе наказанія сводится къ вопросу о власти и обязанностяхъ уголовного суда по приисканію наказанія, соответствующаго виновности. Но и послѣ постановленія приговора могутъ наступить обстоятельства, свидѣтельствующія о томъ, что личное состояніе преступности оказалось или менѣе тяжкимъ, чѣмъ оно представлялось въ моментъ суда, или болѣе тяжкимъ; признаніе этой идеи принадлежитъ новому времени, и подъ вліяніемъ ея допускается измѣненіе опредѣленнаго судомъ наказанія, притомъ, или въ смыслѣ пониженія его, или даже (что начинаютъ требовать теперь) въ смыслѣ повышенія его; при пониженіи получается досрочное освобожденіе отъ заключенія, возстановленіе утраченныхъ по суду правъ; при повышеніи — продолженіе опредѣленнаго приговоромъ срока лишенія свободы, пока не въ видѣ наказанія, а въ видѣ мѣры безопасности; такъ, по голландскому уложенію 1881 г., по отбытіи тюремнаго заключенія, можетъ быть назначенъ переводъ виновнаго въ рабочій домъ. Такое измѣненіе опредѣленнаго приговоромъ наказанія можетъ принадлежать или исполнительной власти, или суду; при первой конструкціи нарушается прочность и авторитетъ судебного рѣшенія, почему нынѣ болѣе и болѣе приходятъ къ предоставленію этого права самому суду, но при участіи исполнительной власти, располагающей наиболѣе богатыми свѣдѣніями для правильнаго рѣшенія его.

Власть суда при опредѣленіи наказанія.

При постановленіи приговора, судъ долженъ приискать уголовный законъ, соответствующій дѣянію виновнаго, и опредѣлить положенное за него закономъ наказаніе. По степени простора, предоставляемаго при этомъ суду, уголовные законы распадаются на законы безусловно-неопредѣленные, безусловно-опредѣленные и относительно-опредѣленные¹⁾.

Законы безусловно-неопредѣленные или съ безусловно-неопредѣленною санкціею суть тѣ, которые предписываютъ наказуемость дѣянія, не устанавливая самаго наказанія; выборъ его изъ всей системы карательныхъ мѣръ, практикуемыхъ въ данную эпоху, предоставляется самому суду. Таковы предписанія Соборнаго Уложенія „наказать нещадно“, „наказать по винѣ“, „а въ винѣ что Государь укажетъ“; слѣдъ ихъ сохранился и въ дѣйствующемъ

¹⁾ Таганцевъ, Лекціи по русск. уголовн. праву, 1887, стр. 119 и сл.

уложеніи о наказаніяхъ (ст. 151, 301, 548 и др.). Эта форма уголовной санкціи свойственна эпохамъ, въ которыя правосостояніе опредѣляется не только и даже не столько письменными источниками, но и обычаемъ; она означаетъ обязанность суда опредѣлять наказаніе согласно установившемуся обычаю. Поэтому, она держится до нынѣ въ англійскомъ правѣ.

Законы съ безусловно-опредѣленною санкціею представляютъ совершенную противоположность; они устанавливаютъ за преступное дѣяніе не только родъ и видъ наказанія, но даже его размѣръ, запрещая малѣйшее отъ него уклоненіе. Они свойственны эпохѣ композицій, къ нимъ прибѣгаетъ также идея тальона; форма эта представляется весьма заманчивою для всѣхъ уголовныхъ теорій, которыя предметомъ наказанія считаютъ преступное дѣяніе, какъ объективное явленіе, а не личное состояніе преступности; въ пользу ея высказывались Кантъ, Гегель, на ней построена теорія психологическаго принужденія Феербаха и къ ней склоняется-современная теорія воздержанія отъ преступленій Мительштедта. Въмѣстѣ съ тѣмъ, эта форма санкціи представляется весьма привлекательною и для тѣхъ, кто желаетъ устранить судейскій произволъ, подчинивъ участь каждаго лица твердому правилу закона (Вольтеръ, Беккариа, наказъ Екатерины II). Безусловно-опредѣленная санкція неизбѣжна при наказаніяхъ недѣлимыхъ, каковы смертная казнь, пожизненное лишеніе свободы, пожизненная ссылка, конфискація всего имущества; но ее примѣняли и къ наказаніямъ дѣлимымъ, искусственно превращая ихъ въ недѣлимые, какъ, на примѣръ, при назначеніи лишенія свободы на точно опредѣленный срокъ. По нашему праву эта форма санкціи, кромѣ наказаній недѣлимыхъ (смертная казнь, лишеніе христіанскаго погребенія и др.), принята для нѣкоторыхъ наказаній исключительныхъ, хотя по природѣ ихъ дѣлимыхъ (ст. 201, 325, 326, 1593, 1594 ч. I улож.); въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ, однако, практика допускаетъ переходъ къ инымъ наказаніямъ, превращая санкцію въ относительно-опредѣленную (к. р. по д. Петрова, 1876 № 309).

Законы съ относительно-опредѣленною санкціею являются сравнительно недавно, подъ влияніемъ идеи о необходимости индивидуализированія преступнаго дѣянія и наказанія. Ими устанавливается родъ или видъ наказанія, но выборъ размѣра его предоставляется усмотрѣнію суда. При такой системѣ нѣтъ мѣста судейскому произволу, но суду оставляется извѣстный просторъ, необходимый потому, что законъ можетъ предусмотрѣть преступныя дѣянія только какъ среднія величины, между тѣмъ дѣйствительность представляетъ болѣе или менѣе значительныя отъ этой

средней уклоненія, лежація частью въ объективной, частью въ субъективной сторонѣ дѣянія. Наказаніе, назначенное безъ соотношенія съ нимъ, было бы несоотвѣтствующимъ винѣ, т. е. несправедливымъ. Законъ опредѣляетъ обыкновенно максимумъ и минимумъ наказанія за каждое преступное дѣяніе; предѣлы его между такими крайними размѣрами образуютъ степень наказанія, а каждый размѣръ его въ предѣлахъ между максимумомъ и минимумомъ есть мѣра наказанія. Чѣмъ обширнѣе степень, тѣмъ большее количество мѣръ наказанія содержитъ она въ себѣ и тѣмъ шире просторъ для суда при опредѣленіи наказанія. Исторія уголовныхъ законодательствъ представляетъ картину послѣдовательнаго расширенія степеней наказаній; новѣйшій изъ западно-европейскихъ кодексовъ, голландскій 1881 года, указываетъ только максимумы, предоставляя суду въ минимумъ спускаться до низшаго размѣра даннаго рода наказанія; такъ, на примѣръ, санкція, опредѣляющая тюрьму до 15 лѣтъ, даетъ суду возможность назначить ее въ размѣрѣ отъ 1 дня до 15 лѣтъ. Римскій международный пенитенціарный конгрессъ высказалъ пожеланіе, чтобъ это начало было усвоено и прочими уголовными кодексами¹⁾. Эта форма санкціи господствующая и по нашему праву; но у насъ уложеніе опредѣляетъ обыкновенно не только спеціальныи максимумъ, но и спеціальныи минимумъ; уставъ же о наказаніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, опредѣляетъ только спеціальныи максимумъ, довольствуясь общимъ минимумомъ.

При всѣхъ изложенныхъ формахъ уголовной санкціи, наказаніе окончательно опредѣляется судомъ въ точно очерченномъ размѣрѣ; различіе между ними сводится лишь къ объему власти суда при выборѣ мѣры наказанія. Но, во-первыхъ, судъ имѣетъ очень мало времени для ознакомленія съ личностью преступника; его вниманіе обращено почти всецѣло на констатированіе и оцѣнку преступнаго дѣянія, узнать же преступника въ тѣ немногіе часы, въ теченіе которыхъ онъ находится въ засѣданіи, суду невозможно; во-вторыхъ, при исполненіи наказанія можетъ оказаться, что выбранная судомъ мѣра или недостаточна для достиженія его цѣлей, или чрезмѣрна; при недостаточности ея пришлось бы освободить отъ наказанія лицъ, продолжающихъ еще быть весьма опасными для общества, — освободить лишь для того, чтобъ снова затѣмъ наказывать ихъ за новое преступленіе, неизбѣжно имъ предстоящее; при чрезмѣрности пришлось бы примѣнять наказаніе, какъ зло безцѣльное. Отсюда протестъ противъ уголовно юридическаго института мѣры наказанія и судебного ея опредѣленія. Всего полнѣе и послѣдовательнѣе ояъ

¹⁾ См. мою статью въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. № 3.

формулированъ Крепелиномъ, по мнѣнію котораго суду долженъ быть предоставленъ лишь вопросъ о наказуемости дѣянія; опредѣленіе же продолжительности наказанія должно быть дѣломъ органовъ исполненія наказанія (тюремной администраціи). Еще раньше взглядъ этотъ англо-американскіе пенитенціаристы (Гилль, Карпентеръ) формулировали въ предложеніи о замѣнѣ общепринятой системы опредѣленія мѣры наказанія лишеніемъ свободы сроками времени системою опредѣленія ея числомъ хорошихъ отмытокъ или марокъ, которое осужденный долженъ заслужить въ тюрьмѣ прилежаніемъ и поведеніемъ. Однако, Крепелинъ видитъ въ наказаніи только способъ огражденія безопасности общественной, забывая другія потребности человѣка, къ удовлетворенію которыхъ оно призвано; съ принятіемъ его положеній, въ корнѣ подорвалось бы значеніе суда, и участь осужденнаго поставлена была бы въ полную зависимость отъ администраціи. Къ такой крайней ломкѣ существующаго порядка вещей прибѣгать нѣтъ надобности, ибо для исправленія вкравшихся въ судебный приговоръ неточностей оцѣнки личности преступника достаточно открыть возможность измѣнять опредѣленный судомъ размѣръ наказанія, безъ отмычки самаго института мѣры наказанія. Такое измѣненіе можетъ быть передано въ руки судебныхъ органовъ или органовъ исполнительныхъ. Современному правосостоянію на Западѣ извѣстны уже оба эти способа. Такъ, судебные органы опредѣляютъ возстановленіе правъ, коихъ данное лицо лишилось по судебному приговору. Сущность института возстановленія правъ состоитъ въ томъ, что осужденному въ теченіе извѣстнаго времени предоставляется ходатайствовать о возвращеніи правъ, утраченныхъ по приговору, до истеченія срока послѣдняго, и такое измѣненіе приговора принадлежитъ напр. во Франціи суду, если онъ, по разсмотрѣннн всѣхъ обстоятельствъ, найдетъ осужденнаго заслуживающимъ освобожденія отъ наказанія или измѣненія послѣдняго. То же практикуется и въ институтѣ досрочнаго освобожденія, которое зависитъ или отъ органовъ судебныхъ, или отъ органовъ исполнительныхъ. Нынѣ оно обыкновенно передается въ руки исполнительныхъ органовъ, и состоитъ въ томъ, что, на основаніи наблюденія надъ заключенными, тюремное начальство освобождаетъ тѣхъ изъ нихъ, кого признаетъ заслуживающими, ранѣе срока, опредѣленнаго судомъ, притомъ условно или безусловно. Эта форма встрѣчаетъ возраженія, состоящія въ томъ, что отмычка исполнительными органами приговора суда колеблетъ авторитетъ послѣдняго. Поэтому болѣе удобною является другая форма, при которой исполнительнымъ органамъ (напримѣръ, тюремному начальству) предоставлено собирать данныя относительно извѣстнаго лица

и представлять эти данныя суду, съ тѣмъ, чтобы самъ судъ дѣлалъ постановленіе о досрочномъ освобожденіи.

Таковы мѣры, которыя предлагаются для того, чтобы ослабить неудобства, заключающіяся въ институтѣ судебного опредѣленія наказанія.

Измѣненіе наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, практикуется, однако, только въ смыслѣ уменьшенія наказанія. Но существуютъ предложенія о позднѣйшемъ измѣненіи наказанія и въ смыслѣ его увеличенія. Такъ, на римскомъ международномъ конгрессѣ профессоромъ Фанъ-Гамелемъ было предложено предоставить суду, частью по обстоятельствамъ, напередъ указаннымъ въ законѣ, частью по своему усмотрѣнію, разсматривать періодически, можно ли тѣхъ или другихъ преступниковъ освобождать отъ наказанія, или не слѣдуетъ ли, наоборотъ, повысить нѣкоторымъ изъ нихъ наказаніе, первоначальнымъ приговоромъ опредѣленное. Однако, предложеніе это конгрессомъ не было принято и представляется преждевременнымъ, ибо нынѣ не установлены еще съ достаточною точностью тѣ условія, при которыхъ могло бы быть предоставлено суду повышеніе наказанія, первоначальнымъ приговоромъ опредѣленнаго ¹⁾.

Обстоятельства, опредѣляющія наказаніе.

Начало справедливости наказанія означаетъ необходимость соответствія его съ преступнымъ дѣяніемъ; при этомъ во вниманіе должны быть приняты какъ объективная, такъ и субъективная сторона послѣдняго, почему обстоятельства, опредѣляющія наказаніе, различаются на объективныя и субъективныя.

Въ прежнее время главное и даже исключительное значеніе усвоивалось обстоятельствамъ объективнымъ; тяжесть наказанія опредѣлялась по преимуществу мѣрою причиненнаго вреда и стоимостью послѣдняго. Эта математическая соразмѣрность нынѣ отпала, но и до сихъ поръ объективныя обстоятельства продолжаютъ оказывать крупное вліяніе на тяжесть наказанія, указывая ему надлежащія границы. Они или относятся къ самому составу преступнаго дѣянія, или сопровождаютъ послѣднее, образуя его внѣшнюю обстановку. Главнѣйшее изъ объективныхъ обстоятельствъ первой категоріи — степень осуществленія во внѣ задуманнаго; покушеніе обыкновенно признается заслуживающимъ меньшее наказаніе, чѣмъ совершеніе (104 п. 2, 114, 115 улож.). Ко второй категоріи принадле-

¹⁾ См. ниже стр. 99.

жать: отвращеніе вредныхъ послѣдствій учиненнаго (134 п. 9, 1610 п. 1 улож. и др.); вознагражденіе петерѣвшаго (134 п. 9, 354, 1477 отчасти 1681 ч. 2 улож.); важность происшедшихъ послѣдствій или созданной дѣяніемъ опасности (129 п. 8, 9, 341—343, 1478, 1486 и др. улож.); жестокость, гнусность или безнравственность способа дѣйствій виновнаго (129 п. 7, 1453, 1489 улож.); иногда мѣсто и время учиненія преступленія¹⁾.

Субъективныя обстоятельства въ настоящее время приобрѣли первенствующее значеніе при опредѣленіи наказанія, потому что онѣ всего ближе могутъ свидѣтельствовать о личномъ состояніи преступности, составляющемъ предметъ карательныхъ мѣръ. И они относятся или къ самому составу преступнаго дѣянія, или же къ личности, учинившей таковое, не входя, однако, въ составъ послѣдняго. Къ первой категоріи принадлежатъ: степень умысленности дѣянія (ст. 104 п. 1, 105—110, 129 п. 1, ст. 134 п. 4 и др. улож.); степень принятаго участія въ преступленіи (104 п. 3, 117—128, 129 п. 4 улож.). Ко второй категоріи относятся: характеръ мотивовъ или побужденій, которыми руководился виновный (129 п. 3, 135 п. 5—7 улож.); степень преступной энергіи его, выразившейся или отрицательно — въ раскаяніи и стремленіи устранить вредныя послѣдствія учиненнаго (134 п. 1—4, 8 и 9 улож.), или положительно, частью въ преодолѣніи особыхъ препятствій (129 п. 5 улож.), частью въ нарушеніи особыхъ обязанностей (129 п. 6 улож.), частью въ заpirationствѣ передъ судомъ (129 п. 10 улож.), частью въ неоднократности преступной дѣятельности, проявившейся или въ совокупности преступленій (152 улож.), или въ повтореніи ихъ (107, 131, 132, 146 улож.); сюда же принадлежитъ возрастъ виновнаго, причемъ малолѣтство и несовершеннолѣтіе оказываютъ значительное вліяніе на пониженіе наказаній и даже на измѣненіе природы карательныхъ мѣръ (136—140, 143—145 улож.).

Разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ и значенія ихъ для распознаванія степени субъективной виновности дѣятеля относится къ другому отдѣлу курса уголовного права — о преступномъ дѣяніи²⁾; здѣсь достаточно замѣтить, что новѣйшему времени принадлежитъ по преимуществу развитіе субъективныхъ обстоятельствъ второй категоріи, и именно въ обрисовкѣ ихъ послѣдовали крупныя реформы. Прежде замѣчалась наклонность судить о степени субъективной виновности по поведенію обвиняемаго во время производства о немъ

¹⁾ Таганцевъ, Курсъ, вып. 2, стр. 296 и сл.

²⁾ Кистяковскій, Элем. учебн., §§ 170, 176 и сл., 250 и сл., 263 и сл., 302 и сл., 332 и сл., 347 и сл.

дѣла (раскаяніе или запирательство), по его сословному положенію и по числу учиненныхъ имъ преступленій. Нынѣ, съ появленіемъ состязательной формы процесса и отрицаніемъ начала сословности, процессуальный и сословный критеріи отпали, утрачивается и прежнее значеніе рецидива самаго по себѣ; болѣе и болѣе выясняется, что оцѣнкѣ суда должна подлежать личность виновнаго въ ея цѣломъ, и въ качествѣ признаковъ для сужденія о ней съ особенною силою выдвигаются характеръ мотивовъ дѣятельности и наличность или отсутствіе преступной привычки.

Мотивъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ умысломъ и придавать ему то же значеніе въ вопросахъ вѣнненія; онъ, однако, имѣетъ при опредѣленіи степени виновности и размѣра наказанія огромную важность¹⁾. Несомнѣнно, что между дѣйствующими по мотивамъ нравственнымъ и безнравственнымъ, социальнымъ и анти-социальнымъ, лежитъ цѣлая бездна, и хотя бы они нарушили одинъ и тотъ же уголовный законъ, ихъ состоянія преступности далеко неодинаковы²⁾. Нужно ожидать, поэтому, что доктрина и законодательство будущаго признаютъ за мотивами дѣятельности большее значеніе, чѣмъ нынѣ, и такое направленіе уже начато новѣйшими кодексами; напримѣръ, германское уложеніе при многихъ преступленіяхъ ставитъ поразеніе правъ въ зависимость именно отъ характера мотива. Наше дѣйствующее законодательство хотя и отводитъ ему болѣе скромную роль, однако, также признаетъ его значеніе: подъ влияніемъ этого именно обстоятельства, при родственныхъ отношеніяхъ отпадаетъ или уменьшается наказаніе за недонесеніе (128 улож.), за дѣтоубійство (1460 улож.), убійство урода (1469 улож.) и многія другія.

Привычка къ преступной дѣятельности есть, равнымъ образомъ, весьма важный факторъ для опредѣленія личнаго состоянія преступности. Ее удостовѣряетъ, однако, не голый фактъ неоднократности нарушенія уголовного закона, какъ потому, что далеко не все преступленія могутъ обращаться въ привычку, такъ и потому, что такая привычка можетъ существовать и при отсутствіи предварительнаго осужденія или наказанія. Этимъ объясняются двѣ крупныя особенности новаго времени: 1) появленіе въ кодексахъ специальныхъ опредѣленій о привычкѣ къ преступной дѣятельности, частью какъ обь обстоятельствѣ, увеличивающемъ отвѣтственность, частью даже какъ обь обстоятельствѣ, превращающемъ дѣяніе ненаказуемое въ наказуемое, и 2) совершенное измѣненіе въ постановкѣ вопроса о рецидивѣ. Одно время всякій рецидивъ увеличивалъ вину; потомъ по

¹⁾ Таганцевъ, Курсъ, вып. 2, стр. 41 и сл.

²⁾ См. выше стр. 46 и сл.

отношенію ко всякому рецидиву готовы были принять за правило: *non bis in idem*; нынѣ склоняются къ сообщенію рецидиву крупнаго значенія только по тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя представляютъ опасность превратиться въ привычку, гдѣ, слѣдовательно, онѣ служатъ доказательствомъ усиленнаго состоянія преступности¹⁾.

Обстоятельства, опредѣляющія наказаніе, вызываютъ измѣненіе установленнаго закономъ наказанія или въ степени и родѣ, или только въ мѣрѣ; первыя называются повышающими (или квалифицирующими) и смягчающими наказаніе, вторыя — увеличивающими и уменьшающими.

Повышающія обстоятельства суть только легальныя, напередъ въ законѣ предусмотрѣнныя, такъ какъ въ самой природѣ относительно — опредѣленной и безусловно — опредѣленной санкціи заключается, что поднять установленный закономъ максимумъ наказанія можетъ только законодатель. Нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ указываются въ общей части нашего кодекса (напримѣръ совокупность преступленій, рецидивъ), но обыкновенно они предусматриваются въ особенной его части и тогда называются квалифицирующими, входя въ самый составъ даннаго дѣянія (напримѣръ взломъ при кражѣ).

Увеличивающія и уменьшающія вину обстоятельства оказываютъ вліяніе только на размѣръ наказанія въ предѣлахъ одной и той же степени, не давая суду права ни повышать специальный максимумъ наказанія, ни понижать специальный минимумъ его. Феербахъ, желавшій ограничить судъ при опредѣленіи наказаній точными предѣлами, для того, чтобы каждый, совершая преступленіе, могъ знать ожидающее его наказаніе (ибо психическаго принужденія не можетъ быть безъ такого знанія), ввелъ ихъ въ общую часть баварскаго кодекса 1813 г. и ограничилъ власть суда двигаться въ предѣлахъ установленной степени такими напередъ предусмотрѣнными въ законѣ обстоятельствами. Эта перечневая система исчерпывающаго характера, однако, оказалась несостоятельною; опытъ показалъ невозможность предусмотрѣть всѣ такія обстоятельства, да и значеніе каждаго изъ нихъ мѣняется подъ вліяніемъ особенностей даннаго случая; поэтому, въ кодексахъ позднѣйшихъ хотя и продолжали предусматривать увеличивающія и уменьшающія обстоятельства, но уже въ видѣ примѣрныхъ указаній, не устраняющихъ власти суда на опредѣленіе размѣра наказанія и по инымъ обстоятельствамъ, въ законѣ не предусмотрѣннымъ. Наконецъ,

¹⁾ Hälschner, Das gemeine deutsche Strafrecht, I, стр. 503—555, правильно относитъ повтореніе и преступную привычку къ субъективнымъ признакамъ преступнаго дѣянія.

кодексы новѣйшіе совершенно отказываются отъ перечня ихъ, предоставляя усмотрѣнію суда выборъ наказанія въ предѣлахъ положенныхъ закономъ минимума и максимума; таковы уложенія германское, венгерское и голландское. Русское законодательство по этому предмету держится разныхъ системъ: уложеніе о наказаніяхъ — системы перечневой (ст. 129, 134), видоизмѣненной, однако, судебными уставами, которые предоставили суду при опредѣленіи мѣры наказанія обращать вниманіе и на обстоятельства, закономъ спеціально не поименованныя (774 уст. уг.); уставъ же о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, держится системы примѣрной (12, 13 уст.), такъ что судья не лишень права опредѣлять мѣру наказанія и по инымъ, кромѣ указанныхъ закономъ, обстоятельствамъ дѣла, какъ объективнымъ, такъ и субъективнымъ. Проектъ уголовного уложенія совершенно ихъ не предусматриваетъ.

Наконецъ, по отношенію къ смягчающимъ обстоятельствамъ, обязывающимъ судъ понижать наказаніе въ степени или родѣ, взгляды доктрины и постановленія законодательствъ также въ сравнительно короткое время подверглись существенному измѣненію. Въ началѣ текущаго столѣтія господствовалъ взглядъ, что всѣ такія обстоятельства должны быть поименованы въ законѣ исчерпывающимъ образомъ и при наличности ихъ наступаетъ обязанность суда смягчить наказаніе. Переворотъ въ этомъ вопросѣ произведенъ во Франціи закономъ 1832 г. о *circonstances atténuantes*, вызваннымъ чрезвычайною строгостью наказаній по кодексу 1810 г. и недостаточнымъ развитіемъ въ общей его части системы легальныхъ смягчающихъ обстоятельствъ; законъ 1832 г. предоставилъ присяжнымъ засѣдателямъ, осуждая подсудимаго, признавать существованіе въ дѣлѣ смягчающихъ обстоятельствъ, и такое признаніе обязывало коронный судъ перейти къ слѣдующему низшему виду или роду наказанія; позднѣйшими законами это право предоставлено и коронному суду, и даже обвинительной камерѣ, могущей нынѣ коррекціонизировать преступления (*crimes* превращать въ *délits*). Такое право признанія смягчающихъ обстоятельствъ извѣстно и германскому уложенію 1871 г., съ тою, впрочемъ, разницею, что 1) признаніе ихъ допускается лишь по нѣкоторымъ преступнымъ дѣяніямъ, указаннымъ въ особенной части кодекса, и 2) инициатива вопроса о существованіи такихъ обстоятельствъ изъята отъ присяжныхъ и предоставлена исключительно коронному суду. Какъ по французской, такъ и по германской системамъ, при смягчающихъ обстоятельствахъ судъ хотя и спускается ниже спеціального минимума, но переходитъ къ наказанію, непосредственно за нимъ слѣдующему. Есть законодательства, идущія еще далѣе въ объемѣ судебного права пониженія

кары. Такъ, нѣкоторые швейцарскіе кодексы признають за судомъ право признавать въ дѣлѣ „смягчающія“ и „особо смягчающія обстоятельства“; при признаніи первыхъ, судъ переходитъ къ непосредственно-слѣдующему за нормальнымъ низшему наказанію; при признаніи вторыхъ, онъ не стѣсненъ никакимъ минимумомъ и можетъ перейти къ самому низшему наказанію, извѣстному закону. Англійское законодательство даетъ мировому судѣ право, при первой винѣ, не приводитъ положеннаго наказанія въ исполненіе при условіи хорошаго поведенія, или ограничиваться взятіемъ поручительной подписки.

Наше законодательство до 1864 г. относительно смягчающихъ обстоятельствъ держалось перечневой системы, которая у насъ была тѣмъ болѣе неумѣстна, что лѣстница наказаній представлялась въ высшей степени дробною и степени наказаній крайне мелкими. Если судъ встрѣчался съ обстоятельствами, закономъ не предусмотрѣнными, то могъ ходатайствовать о смягченіи наказаній только въ порядкѣ помилованія. Эта система съ изданіемъ судебныхъ уставовъ дополнилась перенесеннымъ и къ намъ институтомъ смягчающихъ вину обстоятельствъ: при признаніи присяжными виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, судъ обязанъ понизить наказаніе на одну степень, но можетъ понизить его на двѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на три степени (774, 814, 828 уст. уг.), но болѣе значительное смягченіе можетъ послѣдовать только въ порядкѣ помилованія. Принимая институтъ смягчающихъ обстоятельствъ, судебные уставы усвоили ему болѣе субъективную характеристику: смягченіе наказанія допускается, хотя бы судъ не призналъ никакихъ фактическихъ въ дѣлѣ данныхъ, уменьшающихъ вину; достаточно, чтобы изъ общей оцѣнки личности осужденнаго онъ пришелъ къ убѣжденію, что виновный достоинъ снисхожденія.

Такимъ образомъ, наше уложеніе нынѣ знаетъ: 1) легальныя смягчающія обстоятельства, обязывающія судъ понизить наказаніе; сюда принадлежатъ малолѣтство и несовершеннолѣтіе, степень участія, степень приведенія умысла въ исполненіе и т. д., а также обстоятельства разнаго рода, указываемыя въ особой части кодекса; 2) чрезвычайныя обстоятельства, частью перечисленныя закономъ (153 улож.), позволяющія суду ходатайствовать о пониженіи или даже объ отмініи наказанія въ порядкѣ помилованія (154 улож.); наконецъ, 3) признаніе присяжными виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, дающее суду право понизить наказаніе на одну, двѣ и три степени. Уставъ о наказ. знаетъ только легальныя смягчающія обстоятельства (несовершеннолѣтіе); но несомнѣнно, что и мировые судьи могутъ обращаться къ порядку помилованія.

Предоставляя суду право смягчать наказаніе помимо легальных обстоятельствъ, ни одно законодательство не даетъ ему власти превышать спеціальнй максимумъ по его усмотрѣнію. На римскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ 1885 г. высказано было мнѣніе о желательности предоставить суду и такую власть. Фанъ-Гаммель въ докладѣ своемъ доказывалъ, что для уголовного права въ настоящее время имѣеть громадное значеніе раздѣленіе преступниковъ на преступниковъ привычки исправимыхъ, преступниковъ привычки не исправимыхъ и преступниковъ случайныхъ; что наказаніе, поэтому, должно зависѣть не только отъ рода и вида преступнаго дѣянія, но также и отъ того, къ какой категоріи принадлежало лицо, совершившее таковое. Для не исправимыхъ преступниковъ привычки Фанъ-Гаммель предлагалъ предоставить суду переходить отъ срочнаго лишенія свободы къ безсрочному. Такой переходъ долженъ зависѣть частью отъ обстоятельствъ легальныхъ, указанныхъ въ законѣ (напримѣръ, рецидивъ), частью отъ усмотрѣнія суда. Для преступниковъ привычки исправимыхъ Фанъ-Гаммель также допускалъ примѣненіе, вмѣсто срочнаго, безсрочнаго лишенія свободы, которое должно зависѣть въ болѣе важныхъ случаяхъ исключительно отъ обстоятельствъ, указанныхъ въ законѣ, въ менѣе важныхъ — частью отъ причинъ легальныхъ, частью отъ усмотрѣнія суда. Во всѣхъ случаяхъ по отношенію къ лицамъ этой категоріи суду должно быть предоставлено право постановить, не слѣдуетъ ли продолжить наказаніе, опредѣленное имъ предыдущимъ приговоромъ. Относительно преступниковъ случайныхъ, судъ, при опредѣленіи имъ размѣра наказанія, долженъ быть ограниченъ предѣлами спеціальнаго максимума, указаннаго для даннаго рода и вида дѣянія; что касается минимума, то для суда долженъ быть обязателенъ лишь общій минимумъ, вообще существующій въ законѣ, а не тотъ, который положенъ для даннаго вида и рода преступнаго дѣянія. Конгрессъ не согласился съ Гамелемъ относительно повышенія наказанія, не находя возможнымъ признать такое право ни въ какой формѣ. Но въ правѣ пониженія наказанія конгрессъ призналъ желательнымъ предоставить суду возможно большій просторъ; судъ долженъ имѣть право назначать тотъ минимумъ, какой вообще существуетъ въ данномъ кодексѣ. Если въ кодексѣ опредѣлено за какое-нибудь преступное дѣяніе два различныхъ наказанія, изъ коихъ одно представляется болѣе позорящимъ, другое — менѣе, то суду, по мнѣнію конгресса, должно быть предоставлено право назначать этотъ 2-й родъ наказанія, если будетъ признано отсутствіе въ виновномъ безчестныхъ побужденій при совершеніи преступнаго дѣянія.

Правила судебной дѣятельности при опредѣленіи наказанія.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи наказанія за данное преступное дѣяніе, судъ долженъ: 1) присказать нормальное наказаніе, положенное въ законѣ, виновнымъ нарушенномъ, и 2) присказать конкретное наказаніе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ даннаго дѣла. По нашему законодательству, дѣятельность суда при разрѣшеніи этихъ задачъ по уложенію и уставу о наказ. не одинакова.

По уложенію (ст. 147—151) присказаніе *нормальнаго* наказанія допускаетъ слѣдующія комбинаціи:

1) законъ за данную группу дѣяній назначаетъ одно безусловно или относительно-опредѣленное наказаніе; это наказаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ нормальнымъ для даннаго случая;

2) законъ за данную группу дѣяній назначаетъ нѣсколько различныхъ степеней, видовъ или даже родовъ наказанія; такъ, на примѣръ, по ст. 270 улож. за насильственное или вооруженное сопротивленіе власти не только назначается или каторга, или ссылка на поселеніе, или ссылка на жительство, „смотря по обстоятельствамъ дѣла“; однородная санкція встрѣчается въ ст. 341, 344, 366, 1480—1482 и многихъ другихъ; въ такихъ случаяхъ судъ изъ нѣсколькихъ положенныхъ закономъ родовъ, видовъ или степеней наказанія избираетъ какую-нибудь степень наказанія и опредѣляетъ его, какъ наказаніе нормальное для даннаго дѣла (149 улож.);

3) санкція закона представляется безусловно неопредѣленною, на примѣръ, по ст. 551 улож. за всякое истребленіе или поврежденіе имущества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые именно не означены закономъ, предписано, однако, подвергать виновнаго наказаніямъ. Въ этихъ случаяхъ „судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія, по важности и роду своему наиболѣе сходныя“ съ дѣяніемъ, виновнымъ учиненнымъ (151 улож.); наказаніе это и будетъ нормальнымъ.

Опредѣливъ нормальное наказаніе, судъ затѣмъ приступаетъ къ опредѣленію наказанія для конкретнаго случая, по обстоятельствамъ, или входящимъ въ законный составъ данной группы дѣяній, или сопровождающимъ его, составляющимъ его обстановку. При этомъ прежде всего необходимо обратить вниманіе на обстоятельства, измѣняющія наказаніе въ степени, т. е. присказать степень нормальнаго наказанія, данному дѣянію соотвѣтствующую. Если тотъ родъ наказанія, который опредѣленъ судомъ какъ нормальный, состоитъ изъ нѣсколькихъ степеней, достаточныхъ для смягченія или повышения его по обстоятельствамъ дѣла, то судъ остается въ предѣлахъ этого рода наказанія, измѣняя лишь его степень. Если же

число ихъ недостаточно, то при лѣстничной системѣ уложенія наступаетъ переходъ отъ низшихъ родовъ къ высшимъ, и наоборотъ, по слѣдующимъ правиламъ.

При необходимости перейти отъ высшаго рода наказанія къ низшему судъ движется свободно по лѣстницѣ, установленной ст. 17 и 30 уложенія. Но при этомъ: 1) заключеніе въ крѣпости и тюрьму съ ограниченіемъ правъ, соотвѣтствующую прежнему смирительному дому, судъ минуетъ, переходя отъ наказанія, выше ихъ поставленнаго (тюрьма съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, соотвѣтствующая прежнему рабочему дому) непосредственно къ наказанію, ниже ихъ поставленному (тюрьма безъ пораженія правъ); 2) равнымъ образомъ отъ этихъ особо выдѣленныхъ наказаній (крѣпость и тюрьма, соотвѣтствующая смирительному дому), судъ переходитъ непосредственно къ тюрьмѣ безъ пораженія правъ; и 3) если сроки высшаго наказанія короче сроковъ низшаго, къ которому перешелъ судъ, то послѣдніе сокращаются, такъ, чтобы влѣдствіе пониженія наказанія въ степени не произошло увеличеніе продолжительности его; потому же отъ заключенія въ тюрьмѣ съ ограниченіемъ правъ, соотвѣтствующей прежнему смирительному дому, установленъ переходъ непосредственно не къ первой, а ко второй степени тюрьмы безъ пораженія правъ. Въ виду несовершеннолѣтія установленъ особый порядокъ смягченія, съ которымъ мы познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи (ст. 137—140 улож.).

Болѣе ограниченъ переходъ отъ низшихъ по лѣстницѣ наказаній къ высшимъ. Безусловно воспрещенъ переходъ: 1) къ наказаніямъ особо выдѣленнымъ, т. е. къ заключенію въ крѣпости и къ тюрьмѣ, соотвѣтствующей прежнему смирительному дому; 2) отъ наказаній исправительныхъ къ наказаніямъ уголовнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ преступленій противъ восходящихъ родственниковъ; 3) отъ такихъ исправительныхъ наказаній, которыя не соединяются съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, къ такимъ, которыя соединяются съ этимъ правопораженіемъ, за исключеніемъ тѣхъ же преступленій; вмѣсто перехода къ высшимъ родамъ наказанія, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ увеличивается лишь продолжительность нормальнаго наказанія на одинъ, два или три года, смотря по тому, одною, двумя или тремя степенями слѣдовало увеличить наказаніе.

Прискавъ соотвѣтствующую степень наказанія, судъ затѣмъ приступаетъ къ опредѣленію мѣры наказанія по обстоятельствамъ, имъ установленнымъ, т. е. къ опредѣленію размѣра конкретнаго наказанія за данное дѣяніе. Обыкновенно судъ властенъ выбрать любую мѣру въ предѣлахъ данной степени; но иногда (напримѣръ, при

совокупности) ему предписывается опредѣленная, высшая мѣра и въ этихъ случаяхъ, конечно, уголовная санкція отъ относительно-опредѣленной приближается къ безусловно-опредѣленной.

Дополнительныя наказанія, составляющія послѣдствіе главнаго, каковы всѣ виды лишенія правъ, назначаются судомъ не по нормальному, а по конкретному наказанію, за дѣяніе въ данномъ случаѣ опредѣленному; слѣдовательно, при переходѣ отъ уголовного наказанія къ исправительному, лишеніе всѣхъ правъ состоянія отпадаетъ. Но дополнительныя взысканія, составляющія послѣдствіе преступнаго дѣянія, а не наказанія, опредѣляются безотносительно къ тяжести конкретнаго наказанія, судомъ избраннаго; таковы отобраніе вещей, возложеніе обязанности исполнить что либо, лишеніе профессіи. Это послѣднее начало кассационною практикою примѣнялось и къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ, положенному за преступныя дѣянія, учиненныя лицами привилегированныхъ состояній, хотя наказуемыя простою тюрьмою: его сенатъ предписывалъ опредѣлять даже при переходѣ къ аресту, что не вѣрно, такъ какъ въ данномъ случаѣ дополнительное взысканіе есть послѣдствіе не только преступнаго дѣянія, но и наказанія (примѣч. къ ст. 38 улож.), и потому оно должно назначаться въ соотвѣтствіи съ наказаніемъ, конкретно судомъ опредѣленнымъ.

Инымъ правиламъ подчиняется судъ при опредѣленіи по уложенію наказаній особенныхъ и чрезвычайныхъ.

Наказанія особенныя (65 улож.) представляютъ девять совершенно самостоятельныхъ видовъ, а не степеней одного и того же наказанія; ихъ нельзя разсматривать и какъ лѣстницу наказаній, почему судъ не можетъ переходить отъ одного изъ нихъ къ другому, низшему или высшему, и его право опредѣленія наказанія ограничивается предѣлами каждаго вида. Смягченіе ихъ допускается только въ порядкѣ помилованія (1871 № 391, Васильева).

Наказанія чрезвычайныя и исключительныя равнымъ образомъ стоятъ отдѣльно отъ лѣстницы наказаній, такъ что переходъ отъ нихъ къ общимъ наказаніямъ не можетъ имѣть мѣста; право смягченія или повышенія ихъ ограничивается собственными ихъ предѣлами. Таковы: вѣчное изгнаніе изъ государства (325, 326 улож.); отобраніе имѣнія въ опеку (185 улож.); одиночная тюрьма съ отдачею въ монастырь на работы за кровосмѣшеніе (1593—1596 улож.) и замѣняющая это наказаніе для женщинъ особая форма ссылки; судебная практика допускаетъ, впрочемъ, отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ переходъ къ общимъ низшимъ наказаніямъ (1876 № 309, Петрова).

При примѣненіи устава о наказ., дѣятельность суда подчиняется правиламъ, сходнымъ съ тѣми, которыя имѣютъ мѣсто при

опредѣленіи по уложенію наказаній особенныхъ и чрезвычайныхъ. Наказанія, извѣстныя уставу, представляютъ каждое особое самостоятельное цѣлое, а не послѣдовательныя ступени одной лѣстницы; потому судъ не можетъ переходить отъ однихъ изъ нихъ къ другимъ и обязанъ оставаться во всякомъ случаѣ при томъ нормальномъ наказаніи, которое положено уставомъ за данное преступное дѣяніе; такъ, судъ не можетъ перейти отъ тюрьмы къ аресту, отъ ареста къ денежному взысканію, отъ денежнаго взысканія къ вѣговорамъ, замѣчаніямъ или внушеніямъ. Слѣдовательно, по уставу нормальное наказаніе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, конкретно опредѣляемое судомъ, такъ что суду остается лишь опредѣлить мѣру его. При этомъ судъ обыкновенно ограниченъ только спеціальнымъ максимумомъ, отъ котораго онъ можетъ спускаться свободно до общаго минимума, положеннаго для каждаго наказанія; но иногда устанавливаются спеціальныя минимумъ и максимумъ, на примѣръ, для тюрьмы; относительно ареста постановлено, что въ случаяхъ, когда высшій предѣлъ его положенъ въ размѣрѣ болѣе 3 дней, арестъ не можетъ быть назначенъ на сроки въ три дня и менѣе (12 уст.). Въ предѣлахъ высшей и низшей мѣры судъ движется свободно, избирая любой размѣръ, соответствующій обстоятельствамъ дѣла. При несовершеннолѣтіи и по уставу существуютъ особыя правила смягченія (ст. 6 уст.).

ГЛАВА II.

Замѣна наказанія ¹⁾.

Въ отличіе отъ опредѣленія наказанія по обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ, повышающимъ или смягчающимъ вину, подъ замѣной наказанія разумѣется назначеніе судомъ за данное преступное дѣяніе такого наказанія, которое отличается отъ закономъ указаннаго за данное дѣяніе по роду и виду, но одинаково съ нимъ по строгости. Институтъ опредѣленія наказанія существуетъ въ видахъ приисканія тяжести наказанія, соответствующей виновности, а институтъ замѣны — въ видахъ невозможности примѣнить въ данномъ случаѣ нормальное наказаніе и вытекающей отсюда необходимости выбрать вмѣсто него какую нибудь другую карательную мѣру.

Такая невозможность примѣненія нормальной мѣры можетъ быть двойная: 1) физическая и 2) юридическая.

¹⁾ Meyer, Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 2 изд., стр. 383 и сл. Бернеръ, Учебникъ, перев. Неклюдова, § 139.

Подъ физической невозможностью разумѣется такое положеніе, при которомъ данный, нормальный родъ наказанія не можетъ быть примѣненъ въ силу какихъ-нибудь физическихъ условій. Напримѣръ, за извѣстное дѣяніе опредѣлено лишеніе свободы въ томъ или другомъ мѣстѣ заключенія; но оказывается, что нѣтъ помѣщенія, отсюда необходимость выбрать другую мѣру. Подъ юридической невозможностью разумѣется такое положеніе наказываемаго, при которомъ нормальное наказаніе, назначенное за данное дѣяніе, вполне справедливое для среднихъ случаевъ, въ конкретномъ случаѣ представлялось бы мѣрой несправедливой, нежелательной; юридическое чувство не можетъ примириться съ такой несправедливостью и требуетъ замѣны даннаго наказанія другимъ. Такъ напримѣръ, тѣлесное наказаніе, переносимое довольно легко челоувѣкомъ здоровымъ, для больного, для женщины, для дряхлаго старика и т. п. превратилось бы въ крайнее мученіе. Желая избѣжать этой несправедливости, законъ въ такихъ случаяхъ назначаетъ другое наказаніе, отличающееся отъ нормальнаго по роду, но одинаковое съ нимъ по тяжести. Кромѣ того, у народовъ, законодательство которыхъ еще не успѣло проникнуться идеей равенства всѣхъ предъ законамъ, замѣна практикуется не только по основаніямъ, лежащимъ въ самой личности, но также и по основаніямъ, лежащимъ въ сословномъ положеніи лица. Слѣды этого порядка остались до сихъ поръ въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ: лица разныхъ сословій наказываются неодинаково.

И такъ, при замѣнѣ наказанія строгость остается та же, нормальная, которая назначена закономъ. Отсюда слѣдуетъ, что и юридическія послѣдствія наказанія опредѣляются по нормальному наказанію, которому подвергся бы виновный, если бы не было поводовъ замѣны, а не по тому наказанію, которое пришлось въ конкретномъ случаѣ примѣнить въ замѣну нормальнаго. Это особенно важно въ вопросѣ о рецидивѣ.

Что касается нашего современнаго права, то оно знаетъ замѣну наказанія какъ по физической или фактической невозможности примѣненія нормальнаго наказанія, такъ и по невозможности юридической.

А. Случаи замѣны по физической невозможности суть:

1) Недостатокъ мѣстъ заключенія. Если нѣтъ достаточнаго количества мѣстъ заключенія для отбыванія наказанія, то оно замѣняется другимъ высшаго или низшаго рода, съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ или увеличеніемъ срока, въ теченіе котораго должно быть отбываемо. Очевидно, что до 1884 года, когда наша карательная лѣстница отличалась многообразіемъ видовъ заключенія, а въ дѣйствительности такого многообразія иногда не было на

лицо (напримѣръ, не было смирительныхъ домовъ и т. п.), вопросъ о замѣнѣ наказанія долженъ былъ возникать очень часто. Теперь смирительный и рабочій дома изъ лѣстницы наказаній вычеркнуты, но, тѣмъ не менѣе, остались еще постановленія о замѣнѣ. Такъ, если нѣтъ достаточно мѣста въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, то виновный приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ. Прежде законодательство въ этихъ случаяхъ требовало увеличенія срока заключенія, но въ 1884 году и это требованіе отмѣнено (77 улож.). По той же причинѣ, т. е. по недостатку мѣстъ, заключеніе въ крѣпости можетъ быть замѣнено заключеніемъ въ тюрьмѣ. Кромѣ того, можетъ случиться, что и въ тюрьмѣ окажется полное отсутствіе помѣщенія для заключеній осужденныхъ. Для этихъ крайнихъ случаевъ законодательство наше знало замѣну тюрьмы и ареста другимъ наказаніемъ — тѣлеснымъ, именно наказаніемъ розгами для лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; причеиъ право такой замѣны имѣли только общія судебныя мѣста, а не мировыя; нынѣ, въ силу законовъ 24-го апрѣля 1884 и 25-го ноября 1885 г., этотъ случай замѣны отпалъ. Близка къ этому замѣна, введенная закономъ 1887 г., который предоставилъ направлять приговоренныхъ къ тюрьмѣ въ одиночныя тюрьмы, съ сокращеніемъ срока судебного приговора на одну четверть.

2) Несостоятельность лица, приговореннаго къ денежной пенѣ. Денежное взысканіе въ такомъ случаѣ можетъ быть замѣнено арестомъ, или отдачею на общественныя работы или въ заработки; такая отдача можетъ быть обязательною только для крестьянъ и мѣщанъ по приговорамъ ихъ обществъ, для лицъ же прочихъ сословій она допускается лишь въ случаѣ добровольнаго ихъ на то согласія (ст. 85 улож.). Сроки ареста, опредѣляемаго замѣнѣ денежнаго взысканія при несостоятельности подсудимаго, поставлены въ соотвѣтствіе съ цифрами такихъ денежныхъ взысканій. Такъ, по ст. 84-й улож. денежное взысканіе до 15 р. можетъ быть замѣнено арестомъ до 3 дней; денежное взысканіе до 300 р. — арестомъ до 3 мѣсяцевъ; денежное взысканіе свыше 300 р. — заключеніемъ въ тюрьмѣ, на сроки, означенные въ ст. 1234 уст. гражд. судопр. (о несостоятельности).

Б. Случаи замѣны по юридической невозможности примѣненія нормальнаго наказанія суть:

1) Смертная казнь можетъ быть замѣнена политической смертью, карательной мѣрой, стоящей вѣдѣ лѣстницы общихъ наказаній и извѣстной исключительно какъ форма замѣны смертной казни (хотя въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, учрежденномъ по мысли гр. Блудова, воплощается идея той же политической смерти).

Политическая смерть состоитъ въ „возведеніи осужденнаго преступника на эшафотъ, положеніи его на плаху, или поставленіи подъ висѣлицею на публичной площади, приче́мъ, если онъ принадлежалъ къ дворянскому состоянію, надъ нимъ переламывается шпага“; за политической смертью всегда слѣдуетъ ссылка въ каторжныя работы безъ срока, или на опредѣленное время (ст. 71). Публичная экзекуція въ послѣднее время отмѣнена и политическая смерть сводится къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы навсегда или на опредѣленное время. Особенность этой замѣны состоитъ въ томъ, что она можетъ быть назначена только „по особому Высочайшему соизволенію“, и, слѣдовательно, представляетъ не болѣе, какъ ограниченное помилованіе.

2) Престарѣлыя свыше 70-ти лѣтъ не подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ, хотя бы они по закону не были изъяты отъ таковыхъ. Въ силу того же основанія, для нихъ наиболѣе тяжкія формы наказаній замѣняются легчайшими. Такъ лицо, въ моментъ произнесенія приговора достигшее 70-ти-лѣтняго возраста, вмѣсто каторжныхъ работъ подвергается ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири (ст. 74).

3) Лица женскаго пола освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, а исправительныя отдѣленія замѣняются для нихъ и для всѣхъ неспособныхъ къ работамъ тюрьмою (77 ул.).

4) На различіи сословнаго положенія основана замѣна въ высшихъ формахъ исправительныхъ наказаній, а также освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, изъятыхъ отъ нихъ по особымъ постановленіямъ (улож. ст. 30 прилож.). Равнымъ образомъ, на особенностяхъ класса, къ которому принадлежитъ приговоренный, основана замѣна нѣкоторыхъ общегражданскихъ наказаній особыми воинскими наказаніями для военнослужащихъ (прилож. къ ст. 8-й уст. воинскаго). На томъ же основаніи „священнослужители и монашествующіе, осужденные на временное заключеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ не соединены потеря духовнаго сана, или исключеніе изъ духовнаго званія, отсылаются не въ мѣста заключенія, а къ ихъ епархіальному начальству, для исполненія приговора по его распоряженію“ (ст. 86). Епархіальное начальство, однако, не можетъ измѣнять приговора суда; ему предоставляется только примѣнить ту или другую назначенную судомъ мѣру, другими словами: отъ него зависитъ только порядокъ исполненія приговора суда. Равнымъ образомъ, выговоры и замѣчанія дѣлаются священнослужителямъ и монашествующимъ также по распоряженію и отъ имени ихъ начальства (церковнослужители этою льготой не пользуются).

5) Для иностранцев ссылка на житье въ несибирскія губерніи замѣняется тюрьмою съ высылкою за границу (75 ул.).

6) Исключеніе изъ службы, составляющее особый видъ наказанія для должностныхъ лицъ, замѣняется тюрьмою съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, если дѣяніе совершено лицомъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

7) Лица, содержащіяся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, ссыльно-каторжные, ссыльно-поселенцы подвергаются особымъ наказаніямъ, которыя тоже могутъ быть разсматриваемы какъ замѣна, хотя въ нихъ есть и элементъ измѣненія (опредѣленія) наказанія.

ГЛАВА III.

Погашеніе наказанія.

Наказаніе слѣдуетъ за всякимъ преступнымъ дѣяніемъ. Но такъ какъ кара опредѣляется въ порядкѣ судебной дѣятельности, поставленной въ извѣстныя условія; такъ какъ, съ другой стороны, кара назначается за обнаруженіе состоянія преступности, а такое состояніе можетъ измѣниться или сдѣлаться недосыгаемымъ для уголовного закона, то иногда наказаніе не примѣняется, погашается, не смотря на несомнѣнность преступленія.

Основанія такого непримѣненія наказанія лежатъ, слѣдовательно частью въ построеніи процесса, частью въ природѣ самой карательной дѣятельности. Процессуальныя основанія погашаютъ право обвиненія (*Strafklagerecht*) и дѣлаютъ невозможнымъ судебное по дѣлу разбирательство; таково, напр., вліяніе состоявшагося ранѣе судебного по дѣлу рѣшенія, въ силу того авторитета, который усвоенъ *rei judicatae*. Основанія, лежащія въ природѣ наказанія, погашаютъ самое право наказанія, дѣлаютъ невозможнымъ осуществленіе его независимо отъ положенія судебного разбирательства. Несомнѣнно, что и послѣднія оказываютъ вліяніе на судьбы процесса; поэтому, въ доктринѣ и законодательствахъ замѣчается крупное разнорѣчіе во взглядѣ на нихъ: во французскомъ законодательствѣ и системахъ, ему слѣдующихъ, всѣ основанія погашенія наказанія помѣщаются въ законахъ процессуальныхъ; но система германская, усвоенная и русскимъ правомъ, выдѣляетъ въ кодексы о наказаніяхъ тѣ основанія, которыя хотя и оказываютъ несомнѣнное вліяніе на процессъ, но коренятся въ особенностяхъ карательной дѣятельности и, вмѣстѣ съ обвиненіемъ (16 уст. уг.) или независимо отъ него, устраняютъ примѣненіе наказанія. Таковы

по нашему праву: 1) смерть виновнаго, 2) уголовная давность, 3) помилованіе и 4) отказъ потерпѣвшаго отъ наказанія или примиреніе съ обидчикомъ. Всѣ эти основанія упоминаются дѣйствующимъ уложеніемъ; проектъ говоритъ только о второмъ и третьемъ, относя прочія къ процессуальному законодательству.

I. Смерть виновнаго¹⁾.

Лицо, умершее до примѣненія къ нему уголовного закона, покончило свои земные счеты и не можетъ уже подлежать мѣрамъ, установленнымъ для цѣлей общезжитія. При этомъ безразлично, состоялось ли постановленіе приговора при жизни, или послѣ смерти такого лица, хотя бы смерть виновнаго не исключала возможности постановленія приговора, напримѣръ, въ случаѣ возобновленія уголовного дѣла (939 уст. уг.). Только народы, стоящіе на низшей ступени культуры, примѣняютъ мѣры наказанія къ умершимъ, избрѣтая для этого особые символическіе виды наказаній; въ числѣ ихъ извѣстны: *damnatio memoriae*, осужденіе памяти, примѣнявшееся въ римскомъ правѣ и унаслѣдованное западно-европейскими законодательствами, реципировавшими римское право; конфискація имущества, оставшагося послѣ смерти виновнаго, въ пользу государства; исполненіе приговора *en effigie* (надъ чучелами); и лишеніе христіанскаго погребенія, перешедшее изъ каноническаго права въ свѣтскія законодательства. Всѣ эти мѣры имѣютъ тотъ коренной недостатокъ, что направляются не противъ самого наказываемаго, а противъ его семьи, наслѣдниковъ; то лицо, на которое оно должно направляться, уже не подвергается ему; конфискація имущества ложится на дѣтей умершаго экономическою тяжестью; осужденіе памяти и запрещеніе погребенія причиняютъ нравственное страданіе семьѣ виновнаго. Слѣдовательно, на дѣлѣ оказывается, что наказанію подвергается одинъ вмѣсто другаго, что совершенно извращаетъ сущность наказанія, которое должно быть строго индивидуально.

Русское законодательство въ ст. 156 уложенія постановляетъ, что „за смертію осужденнаго приговоръ о наказаніи его самъ собою отиѣняется“; „самъ собою“, т. е. безъ всякаго спеціального на этотъ случай постановленія суда. Но есть изятіе изъ этого общаго правила, а именно для самоубійцъ, которые, по ст. 1472, лишаются иногда христіанскаго погребенія.

Приговоръ о наказаніи, какъ мѣры строго-личной, существенно отличается отъ тѣхъ опредѣлений судебной власти, которыя касаются

¹⁾ Верверъ, Учебникъ, пер., Неклюдова § 144. Кистяковскій, Элем. учебникъ §§ 385—388.

какихъ-нибудь гражданскихъ послѣдствій даннаго преступнаго дѣянiя. Всякое наказанiе, какъ таковое, отпадаетъ со смертью виновнаго; наравнѣ съ другими наказанiями отпадаютъ и денежныя пени, налагаемыя „въ наказанiе по суду“ (ст. 156). Но гражданскiя послѣдствiя преступнаго дѣянiя не погашаются смертью учинившаго таковое и переходятъ на его наслѣдниковъ. Право на вознагражденiе за вредъ и убытки, причиненные преступленiемъ, существуетъ, хотя бы виновный и умеръ. Этимъ и объясняются, въ частности, постановленiя нашего законодательства о вознагражденiи за вредъ и убытки, причиненные нарушенiемъ уставовъ казеннаго управления. Денежное взысканiе въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ цѣлью частью наказанiе виновнаго, частью вознагражденiе того управления, которому нанесенъ убытокъ. Но эти двѣ стороны денежнаго взысканiя недостаточно выяснены въ нашемъ законодательствѣ, такъ что иногда на наслѣдниковъ переходитъ взысканiе, которое, при ближайшемъ разсмотрѣнiи, имѣетъ вполнѣ характеръ карательный, и наоборотъ, не переходитъ взысканiе съ характеромъ гражданскаго вознагражденiя за вредъ и убытки. Общимъ образомъ разница между карательными мѣрами, погашаемыми смертью и гражданскими послѣдствiями, смертью не погашаемыми, выражена въ той же ст. 166: „...но частныя влѣдствiе преступленiя его иски и казенныя взысканiя, за исключенiемъ однакоже налагаемыхъ въ наказанiе по суду, обращаются на его имущество“.

II. Давность ¹⁾.

Понятiе и виды. Подъ уголовною давностью разумѣется истеченiе опредѣленнаго промежутка времени, въ продолженiе котораго виновный оставался безъ наказанiя, причемъ такое протеченiе опредѣленнаго времени само по себѣ разсматривается какъ обстоятельство, устраняющее примѣненiе наказанiя.

Историческiе корни уголовной давности лежатъ въ процессѣ. Первый памятникъ римскаго права, о ней упоминающiй, *lex Julia de adulteriis* (18 г. до Р. X.), по которому иски, изъ этого закона вытекавшiе, погашались 5-лѣтнею давностью; затѣмъ относительно прочихъ уголовныхъ исковъ постановленiя встрѣчаются въ рескриптахъ III и IV столѣтiй послѣ Р. X., упоминающихъ о 20-лѣтней (иногда о 30-лѣтней) давности почти для всѣхъ

¹⁾ Кистяковскiй, §§ 367—387; Вернеръ, пер. Неклюдова, §§ 146. Саблеръ, о значенiи давности въ уголовномъ правѣ, Москва 1872 г. *Binding, Handbuch des Strafrechts*, 1885, I, стр. 816 и сл.

уголовныхъ исковъ, преторскіе же уголовныя иски погашались годовымъ срокомъ; на нѣкоторыя преступленія (ср. *parricidii, suppositio partus* и вѣроотступничество) давность не распространялась. Въ средніе вѣка усвоиваются начала римскаго права, но число преступленій, давностью не погашаемыхъ, значительно возросло. До XIX ст. въ Европѣ существовала только давность обвиненія, которая, въ виду смѣны обвинительнаго порядка процессомъ слѣдственнымъ, начала пониматься, какъ давность судебного разбирательства или процессуальная; но если приговоръ былъ постановленъ, то онъ подлежалъ приведенію въ исполненіе, сколько бы времени ни протекло со времени его постановленія: давности наказанія не существовало. Она вводится только уголовнымъ уложеніемъ 25 сентября 1791 года, принимается французскимъ уставомъ уголовного судопроизводства (art. 635 и сл.), а черезъ посредство его распространяется и въ прочіихъ государствахъ Западной Европы. Въ отличіе отъ давности процессуальной, означающей погашеніе недоконченнаго судебного разбора вслѣдствіе истеченія установленнаго закономъ промежутка времени, подъ давностью наказанія разумѣется отміна законно опредѣленнаго наказанія вслѣдствіе истеченія такого промежутка; послѣдній для давности наказанія обыкновенно продолжительнѣе, чѣмъ для давности преслѣдованія.

Принимая эти два вида давности, западно-европейскія законодательства почитаютъ начальнымъ моментомъ давности наказанія — моментъ постановленія окончательнаго судебного приговора, а давности процессуальной — моментъ учиненія преступнаго дѣянія, но при этомъ судебныя дѣйствія, направленные противъ личности преступника, прерываютъ по нимъ теченіе давности, и если они оказывались безуспѣшными, то начальнымъ моментомъ давности признается уже не моментъ учиненія преступнаго дѣянія, а моментъ послѣдняго судебного дѣйствія, предпринятаго противъ виновнаго. Въ виду института прерыва, давностный срокъ могъ отодвигаться на очень далекое время отъ момента учиненія преступнаго дѣянія. Капитальную реформу по этому вопросу вноситъ проектъ русскаго уголовного уложенія (во 2 редакціи), оставляющій для всѣхъ извѣстныхъ ему видовъ давности начальный моментъ неизмѣннымъ и полагающій его въ моментъ учиненія преступнаго дѣянія; затѣмъ, по различію моментовъ окончательныхъ, проектъ устанавливаетъ три вида давности: давность обвиненія, означающую истеченіе установленнаго срока со дня учиненія преступнаго дѣянія до дня возбужденія противъ обвиняемаго въ установленномъ порядкѣ уголовного преслѣдованія; давность судебного производства — истеченіе двойнаго срока со дня учиненія преступнаго дѣянія до дня постановленія

приговора; и давность наказанія — истечение тройнаго срока со дня учиненія преступнаго дѣянія до дня обращенія приговора къ исполненію (ст. 57). Проектъ, слѣдовательно, раздѣляетъ такъ называемую процессуальную давность на два вида и не знаетъ прерыва давности.

Возраженія противъ уголовной давности и ея основанія. Давность имѣла въ литературѣ много серьезныхъ противниковъ, которые не только отрицали ея необходимость, но и взводили на нее упрекъ, какъ на институтъ несправедливый и вредный для государства. Такъ, законодательства и ученія сочиненія, построенныя на идеѣ утрашенія, не могли относиться къ ней иначе, какъ отрицательно. Въ ихъ глазахъ давность, давая преступнику надежду избѣгнуть заслуженную кару, ослабляла силу закона и умаляла значеніе института наказанія, имѣющаго цѣлью подчинить волю гражданъ волѣ закона. Если у человѣка есть шансъ освободиться отъ наказанія въ случаѣ необнаруженія въ теченіе извѣстнаго срока его преступнаго дѣянія, то этимъ самымъ утрашеніе уменьшается. Равнымъ образомъ, абсолютныя теоріи не могли мириться съ уголовною давностью; съ ихъ точки зрѣнія преступленіе оставалось неправдой, требующей искушенія, сколько бы ни протекло времени съ момента ея совершенія, и, согласно имъ, право преслѣдованія преступника должно быть вѣчно, какъ вѣчна сама идея права. Оставлятъ безъ наказанія человѣка, совершившаго преступленіе, только въ виду того, что онъ въ теченіе опредѣленнаго времени хитростью и ловкостью могъ отклонять отъ себя подозрѣніе, значить, съ точки зрѣнія этихъ теорій, давать призь за обходъ закона путями предосудительными. Виднѣйшіе антагонисты давности суть Бентамъ и Генке, первый — по соображеніямъ утилитарнымъ, второй — по соображеніямъ справедливости; въ новѣйшее время къ нимъ присоединился Виндингъ, допускающій только давность процессуальную; взгляды Виндинга въ русской литературѣ поддерживаетъ профессоръ Сергѣевскій ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, исторія уголовного правосостоянія показываетъ, что уголовная данность прочно укоренилась въ положительныхъ законодательствахъ и въ общественномъ правосознаніи. Положенія, высказываемыя теоріями утрашенія о вредѣ давности, отпадаютъ, если принять во вниманіе недостатки самыхъ этихъ теорій, ихъ односторонность. Надежда преступника на безнаказанность весьма слабо поддерживается институтомъ давности, если онъ выбираетъ длинные сроки и если, притомъ, организація суда и строй процесса

¹⁾ Сергѣевскій, Русское уголовное право, 1887 г., стр. 424 и сл.

отличаются достаточнымъ совершенствомъ. Что касается абсолютныхъ теорій, то онѣ забываютъ исключительно земныя цѣли наказанія. Неправда, конечно, остается неправдою, сколько бы ни прошло времени; но изъ этого не слѣдуетъ, что наказаніе должно примѣняться безъ всякой зависимости отъ измѣнившихся подѣ влияніемъ времени обстоятельствъ; неправда наказанная остается также неправдою, но необходимость вторичнаго наказанія ея отсюда не вытекаетъ.

Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится здѣсь къ тому, каковы основанія давности. При объясненіи ихъ повторился обыкновенный фактъ: всѣ видѣли его повсемѣстное существованіе, всѣ были убѣждены въ его необходимости, но въ приведеніи основаній этого института доктрина представляла крайнее разнообразіе.

Такъ, теоріи кары, какъ соціальной необходимости, выставили слѣдующія процессуально-политическія основанія давности:

1) Преслѣдованіе преступленій, совершенныхъ задолго, требуетъ отъ государства чрезвычайно большихъ усилій для собиранія доказательствъ; но, какъ бы ни были велики эти усилія, все же не будетъ увѣренности, что всѣ доказательства будутъ собраны, сконцентрированы и появятся въ первоначальной ихъ свѣжести; въ нихъ окажутся пробѣлы, дѣлающіе рискованнымъ привлеченіе виновнаго къ отвѣтственности. Если пробѣлы эти оказываются на сторонѣ обвинительныхъ доказательствъ, то рискъ преслѣдованія всею своею тяжестью падаетъ на органы обвинительной власти, которые при такомъ порядкѣ вещей легко могутъ заслужить упрекъ въ несвоевременномъ или неумѣломъ преслѣдованіи; если же, что еще вѣроятнѣе, пробѣлы оказываются на сторонѣ оправдательныхъ доказательствъ, тяжесть собиранія которыхъ лежитъ, главнымъ образомъ, на обвиняемомъ, то представляется серьезный рискъ осудить невиннаго. Это процессуальное основаніе давности представляется практически наиболѣе сильнымъ, уловимымъ, нагляднымъ. Дѣйствительно, исторически институтъ давности выработался именно подѣ влияніемъ требованій процесса. Однако, требованія эти вполне объяснить института давности не могутъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: а) это объясненіе примѣнимо только къ одному виду давности — къ давности процессуальной, и непримѣнимо къ давности наказанія, которая погашаетъ постановленный приговоръ, когда никакихъ доказательствъ больше собирать не нужно; б) въ настоящее время рядомъ съ долгосрочными есть краткосрочныя давности, незначительный срокъ времени которыхъ устраняетъ всякую мысль, будто бы онѣ установлены въ виду затрудненій, представляющихся въ собираніи доказательствъ.

2) Съ институтомъ давности пробовали связать исправительныя цѣли, говоря, что безукоризненный образъ жизни чловѣка въ теченіе давностнаго срока создаетъ предположеніе о его исправленіи, а слѣдовательно, объ излишности примѣненія къ нему карательныхъ мѣръ; при этомъ взглядъ необходимымъ условіемъ давности ставили, чтобы виновный въ теченіе давностнаго срока вель себя хорошо; всякое новое преступленіе прерывало теченіе давности. Неубѣдительность этого основанія видна изъ того уже, что требуемое имъ условіе давности (неучиненіе новаго преступленія) проводится далеко не вѣтми законодательствами. Обыкновенно давность погашаетъ наказаніе сама по себѣ, независимо отъ указаннаго условія.

3) Пытались иногда оправдать уголовно-юридическую давность тѣми же соображеніями, которыя приводятся въ пользу давности гражданскоя, а именно: а) презумпціей, что потерпѣвшій, оставляя преступленіе въ теченіе извѣстнаго промежутка времени безъ преслѣдованія, отказался отъ своего права; но уголовное преслѣдованіе производится государствомъ и обыкновенно не зависитъ отъ частнаго произвола; б) необходимостью положить какой-либо предѣлъ процессу, для устраненія той опасности для гражданско-правовой обезпеченности, которая происходитъ отъ некончаемыхъ судебныхъ споровъ; в) указаніемъ (напр., Тило) на то, что предъ судомъ уголовнымъ чловѣкъ защищаетъ свои права на жизнь, свободу и честь, и эти высшія блага должны находить, на томъ же основаніи, какъ блага имущественныя, полную гарантію противъ всякаго преслѣдованія, если истекъ извѣстный срокъ времени. Два послѣднія замѣчанія имѣють долю правды, но въ нихъ исключительно видѣть основаніе давности невозможно; гражданская обезпеченность отдѣльныхъ лицъ требуетъ, чтобы тяжбамъ былъ положенъ какой-нибудь конецъ; но въ большей еще степени необходимо, чтобы права общества были неприкосновенны для преступныхъ посягательствъ. Интересъ частнаго лица требуетъ неприкосновенности его благъ—жизни, свободы и чести; но рядомъ съ нимъ стоитъ не менѣе священный интересъ общества, гарантирующій эту неприкосновенность только подъ условіемъ отсутствія преступныхъ дѣйствій.

Кромѣ этихъ, приводились и уголовно-юридическія основанія давности, а именно:

1) Оставаясь долгое время въ постоянномъ опасеніи быть открытымъ и наказаннымъ, чловѣкъ испытываетъ такую глубокую нравственную пытку, что подвергнуть его наказанію значило бы наказывать его дважды и, во всякомъ случаѣ, строже того лица, которое немедленно попадаетъ въ руки уголовного правосудія. Нерѣдко это

соображеніе подтверждается дѣйствительностью: человѣкъ, совершившій преступленіе, подвергается угрызениямъ совѣсти, внутреннимъ страданіямъ и т. п.; но бываютъ случаи, что совершившій преступленіе вовсе не думаетъ о преслѣдованіи и спокойно пользуется плодами своего дѣянія. Кромѣ того, угрызения совѣсти и уголовное наказаніе — понятія несоизмѣрима.

2) Говорили также, что институтъ давности имѣетъ свое основаніе во всепоглощающей силѣ времени, которое само по себѣ имѣетъ юридическое значеніе. Время сглаживаетъ преступленіе объективно и субъективно; объективно — потому что воспоминаніе о преступленіи мало-по-малу слабѣетъ и современемъ совершенно пропадаетъ; субъективно — потому что въ долгій промежутокъ времени, протекшій послѣ совершенія преступнаго дѣянія, виновникъ его имѣетъ возможность измѣнить направленіе своей воли. Но это утвержденіе смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія; время есть необходимое условіе давности, но не основаніе ея.

3) Иногда указываютъ еще, что въ неоткрытіи виновнаго нужно видѣть руку Божьяго Промысла, который не желалъ наказанія его, или что правосознаніе народа съ теченіемъ времени перестаетъ требовать наказанія преступника. Первое изъ этихъ объясненій неправильно, потому что выраженіе Божьей воли не можетъ быть принято въ основаніе юридическаго института; второе же, говоря, что „забытое прощено“, сводитъ основаніе давности къ той же всепоглощающей силѣ времени.

Вглядываясь въ институтъ давности, мы должны придти къ убѣжденію, что правильное объясненіе его возможно тогда лишь, если отрѣшиться отъ взгляда на наказаніе, какъ на дѣятельность, направленную на отдѣльныя преступленія, и перейти къ другому взгляду, по которому объектомъ карательной дѣятельности государства является личное состояніе преступности. Если стоять на почвѣ отдѣльныхъ дѣяній, то трудно говорить о погашеніи наказанія: нельзя сдѣлать существующее не существующимъ, нельзя неправду сдѣлать правдою, преступленіе, какъ внѣшній фактъ, не можетъ сгладиться никакимъ промежутокъ времени. Иное дѣло — если смотрѣть на наказаніе, какъ на борьбу противъ личнаго состоянія преступности. Личное состояніе человѣка подѣ влияніемъ времени сильно измѣняется. Одинъ и тотъ же человѣкъ въ дѣтствѣ и въ зрѣломъ возрастѣ представляетъ больше различій, чѣмъ два разныхъ человѣка одинаковаго возраста. Его душевныя и нравственныя свойства могутъ въ извѣстный промежутокъ времени измѣниться настолько, что мѣры, которыя необходимо было примѣнить къ нему прежде, непосредственно послѣ совершенія имъ преступнаго

дѣянiя, въ послѣдствiи оказываются не имѣющими никакой почвы. Это — коренное основанiе давности, притомъ оно и самое простое, житейское объясненiе, главнымъ образомъ, давности долгосрочной, какъ процессуальной, такъ и приговора. Этимъ же объясняется взглядъ многихъ законодательствъ прежняго времени, согласно которому для давности, какъ фактора, погашающаго наказанiе, необходимо было доказать исправленiе лица; мало-по-малу законодательства связываютъ съ протеченiемъ опредѣленнаго промежутка времени фикцiю исправленiя и не требуютъ особыхъ доказательствъ послѣдняго. Этимъ же объясняется, что для всѣхъ преступленiй былъ первоначально установленъ одинъ и тотъ же срокъ давности; законодатель ни пришелъ еще къ убѣжденiю, что разныя преступленiя свидѣтельствуютъ о неодинаковой глубинѣ состоянiя преступности. Затѣмъ, къ этому юридическому основанiю давности присоединяются соображенiя процессуальныя и политическiя. Съ одной стороны, время сглаживаетъ доказательства и истеченiе значительнаго промежутка его увеличиваетъ опасность судебной ошибки; съ другой, — есть множество проступковъ чисто условныхъ, которые считаются предосудительными и даже опасными для бытiя государства лишь при извѣстномъ направленiи политики. Съ измѣненiемъ этого направленiя они утрачиваютъ свой опасный, преступный характеръ, и становятся дѣянiями, не только терпимыми, но иногда даже и похвальными. Таковы, на примѣръ, многiе проступки печати. Слово, которое не обратило на себя вниманiе немедленно при появленiи его въ периодическомъ изданiи, можетъ быть спокойно сдано въ архивъ, безъ опасенiя, что оно вызоветъ какой-нибудь вредъ въ послѣдствiи. Вотъ почему въ проступкахъ печати устанавливается давность весьма краткосрочная. То же самое можно сказать относительно многихъ другихъ полицейскихъ нарушенiй¹⁾.

Исторiя нашего законодательства о давности. Обращаясь къ нашему законодательству, мы встрѣчаемся въ немъ съ институтомъ давности только съ 1755 года, когда изданъ былъ манифестъ 17 марта, предписывавшiй подвергать вѣчному забвенiю всѣ преступленiя, не сдѣлавшiяся гласными въ теченiе 10 лѣтъ съ момента совершенiя ихъ, т. е. на дѣла уголовныя перенесенъ общiй срокъ гражданской давности. Но и ранѣе этого памятника, институтъ давности, путемъ обычая, примѣнялся въ нашей судебной

¹⁾ Сенатъ въ рѣшенiи по дѣлу Суходольскаго (1870, № 278) видитъ основанiя давности: а) въ трудности обнаружить истину, давно скрытую, и б) въ состраданiи и снисхожденiи къ человѣку, который, впадъ однажды въ преступленiе, послѣ того въ теченiи продолжительнаго времени велъ жизнь честную и безукоризненную.

практикѣ. Проектъ 1813 года, удерживая этотъ 10-лѣтній срокъ для всѣхъ видовъ давности, ввелъ еще другое условіе: „чтобы преступникъ во все сіе время не учинилъ другой вины“; слѣдовательно, давность по нему погашаетъ наказаніе въ силу предположенія объ исправленіи виновнаго. При разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, положено было сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, а именно: за преступленія тяжкія, облагаемыя каторжными работами, увеличить срокъ давности до 20 лѣтъ; наказанія за государственныя преступленія (по предложенію графа Потоцкаго) рѣшено не погашать вовсе давностью, уменьшая лишь наказаніе на одну степень, если со времени совершенія такого преступленія прошло не менѣе 20 лѣтъ; для всѣхъ прочихъ преступленій оставленъ десятилѣтній срокъ давности. Эти предположенія хотя не получили силы закона, но легли въ основаніе дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ и оказали несомнѣнное вліяніе на составленіе проекта уложенія 1845 г. Проектъ этотъ необходимымъ условіемъ давности ставилъ, чтобы виновный во все время теченія давностнаго срока не совершилъ такого же или болѣе тяжкаго преступленія. Въ преступленіяхъ, наказываемыхъ смертною казнью или каторгою, давность (15-лѣтняя) разсматривалась какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе, но не отминаящее его. Во всѣхъ другихъ случаяхъ срокъ давности сравнительно съ проектомъ 1813 г. сокращался и ставился въ отвѣтствіе съ величиною наказанія, назначеннаго закономъ за совершеніе преступленія. При окончательномъ разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, предположенное условіе исправленія (отсутствіе рецидива) не принято; давность, какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе, установлена не для всѣхъ преступленій, наказываемыхъ смертною казнью и каторгою, а только для нѣкоторыхъ государственныхъ преступленій и отцеубійства (20-лѣтняя — вмѣсто 15-лѣтней проекта, улож. ст. 161); сроки давности, погашающей наказаніе, нѣсколько измѣнены. Уставъ о наказаніяхъ 1864 года и затѣмъ уставъ о печати 1865 г. внесли въ этотъ вопросъ нѣсколько измѣненій, касающихся величины давностныхъ сроковъ.

Дѣйствующее право. Наше законодательство знаетъ только одинъ видъ давности — давность преслѣдованія, и не знаетъ давности приговора, за исключеніемъ только проступковъ частныхъ (159 улож.). Профессоръ Кистяковскій высказываетъ иное мнѣніе, основываясь на ст. 163 уложенія, которая гласитъ: „Вина судей и другихъ чиновниковъ, изобличенныхъ въ неприведеніи въ надлежащее исполненіе вошедшихъ въ законную силу судебныхъ рѣшеній, или же въ неучиненіи нужныхъ по установленному порядку распоряженій объ объявленіи сихъ рѣшеній и посылкѣ слѣдующихъ по онимъ указамъ, покрывается

давностью въ такомъ лишь случаѣ, если прошло десять лѣтъ со времени, въ которое рѣшеніе, чрезъ неисполненіе онаго, потеряло свою силу“. Изъ текста этой статьи Кистяковскій заключаетъ, что если, по винѣ судей, рѣшеніе не исполнено, то оно теряетъ силу, разъ прошла 10-ти-лѣтняя давность, безъ отношенія къ тяжести и продолжительности наказанія. „Само собою разумѣется“, говоритъ онъ, „что десятилѣтняя давность, погашая въ этомъ случаѣ вину судей и чиновниковъ, погашаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наказуемость лицъ, которыя подлежали наказанію по судебному рѣшенію“ (стр. 735 курса). Статья 163, однако, имѣетъ въ виду судебныя рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ, а не уголовныя приговоры. Но есть въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно случай давности приговора, именно по дѣламъ о частныхъ преступленіяхъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію и рассмотрѣнію суда не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Наказаніе за такія преступленія, по ст. 159, „отмѣняется за давностью и во всѣхъ случаяхъ, когда принесшіи жалобу оставить потомъ дѣло безъ хожденія въ продолженіе всего опредѣленнаго въ статьѣ 158, смотря по свойству преступленія или проступка, времени“. При этомъ безразлично, оставить ли проситель хожденіе до постановленія приговора, или послѣ него.

Итакъ, по общему правилу, наше законодательство знаетъ только одинъ видъ давности — давность преслѣдованія. Этотъ видъ давности слагается: а) изъ безгласности преступнаго событія, т. е. неизвѣстности самаго факта преступленія и б) безгласности лица, т. е. неоткрытія дѣйствительнаго виновника, не смотря на произведенное разслѣдованіе о преступномъ событіи. При этомъ, по нашему законодательству, не требуется наличности въ данномъ случаѣ обоихъ условій давности; достаточно одной давности происшествія или одной давности личности для прекращенія дѣла въ уголовномъ порядкѣ.

Безгласность событія означаетъ обнаруженіе преступленія въ теченіи опредѣленнаго промежутка времени. Подъ органами, передъ которыми должно быть преступленіе обнаружено, уложеніе (ст. 158), примыкая къ прежнему процессуальному строю, понимаетъ не только судъ, но и полицію; однако, съ измѣненіемъ процесса это правило должно быть почитаемо отмѣненнымъ и объ обнаруженіи преступленія можетъ быть нынѣ рѣчь только въ смыслѣ извѣстности о немъ судебной власти; мнѣніе это принято судебною практикой (к. р. 74/649, Сусловича), хотя въ ней иногда высказываются и противоположныя взгляды (к. р. 68 № 92). Въ виду того, что по прежнему нашему процессуальному законодательству многія судебныя функціи исполнялись не судебными, а административными

органами, этотъ моментъ обнаруженія событія является у насъ недостаточно отгѣненнымъ.

Безгласность лица состоитъ въ томъ, что виновникъ преступленія въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени не былъ обнаруженъ, причеъ съ моментомъ обнаруженія его прекращается теченіе давности, и возобновиться она ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Но когда этотъ моментъ долженъ быть признаваемъ? Если даже устранить вопросъ о полицейскомъ обнаруженіи, то все-таки остается вопросъ: съ какого судебного дѣйствія начинается судебное обнаруженіе личности виновника? Въ нашей литературѣ это понятіе спорно. Одни говорятъ, что обнаруженіемъ виновника должно считать всякое дѣйствіе правительственной власти, которымъ лицо привлекается къ отвѣтственности за опредѣленное преступное дѣяніе; сюда относится какъ привлеченіе виновнаго къ слѣдствію и суду, такъ и всякое дѣйствіе полицейскихъ властей по снятію опроса, производству дознанія и т. п. Другое мнѣніе (Неклюдова) указываетъ, что объ обнаруженіи виновнаго только тогда можетъ быть рѣчь, когда предварительнымъ слѣдствіемъ собрано достаточно доказательствъ, чтобы считать данное лицо виновникомъ совершеннаго дѣянія, а объ этомъ свидѣтельствуеетъ принятіе противъ подозрѣваемаго мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, ибо по закону такія мѣры принимаются только при наличности основательныхъ уликъ противъ него; поэтому, разъ такія мѣры приняты — давность прерывается и виновный признается обнаруженнымъ; но пока онѣ не приняты, теченіе давности продолжается. Достоинство этого мнѣнія заключается въ томъ, что оно точно указываетъ моментъ процесса, съ котораго наступаетъ обнаруженіе виновности; но и самыя мѣры пресѣченія принимаются именно для содѣйствія предварительному слѣдствію, для собиранія данныхъ, на основаніи которыхъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о виновности; поэтому, съ равнымъ правомъ можно считать обнаруженіемъ моментъ преданія суду, который у мирового судьи соотвѣтствуетъ моменту принятія дѣла къ производству; отнесеніе момента обнаруженія къ моменту преданія суду подтверждается и ст. 24 и 542 уст. уг., согласно которымъ прекращенное предварительное слѣдствіе или прекращенное производство не препятствуютъ теченію давностнаго срока. Посредствующее мнѣніе принадлежит г. Саблеру, который считаетъ виновнаго обнаруженнымъ съ того момента, когда судебной (а не полицейской) власти становится извѣстнымъ, что онъ, а не кто иной, совершилъ данное преступленіе. Но это мнѣніе неопредѣленно; оно не указываетъ въ точности, къ какому моменту процесса оно должно быть отнесено, оно не указываетъ объектив-

наго критерія для распознаванія искомаго признака, и такимъ образомъ широко открываетъ дверь производству. Наша кассационная практика придвигаетъ моментъ обнаруженія виновности къ тому дѣйствію, которое направляется не только судомъ, но и полиціей противъ опредѣленнаго лица, причемъ не нужно ожидать принятія мѣръ пресѣченія (к. р. 1868 № 288, Самойловыхъ), „такъ какъ принятіе или непринятіе подобныхъ мѣръ зависитъ отъ усмотрѣнія слѣдователя и отъ строгости угрожающаго подсудиму наказанія“. Необнаруженіе сенатъ отличаетъ отъ медленности производства, которой не придаетъ значенія обстоятельства, погашающаго наказаніе (1867, № 270 и др.). Уставъ о наказаніяхъ, кромѣ необнаруженія проступка и наравнѣ съ нимъ говоритъ объ отсутствіи въ тѣ же сроки какого нибудь по нимъ производства (ст. 21); это постановленіе могло бы послужить основой для развитія давности процессуальной въ смыслѣ продолжительности судебного разбора. чего, однако, нашу доктрину и практикою не сдѣлано и особенность уст. о наказ. оставлена безъ вниманія.

По дѣламъ частнымъ давность опредѣляется не моментомъ обнаруженія, а моментомъ хожденія по дѣлу; но и это понятіе не пояснено.

Затѣмъ наше законодательство, за исключеніемъ дѣлъ, возбуждаемыхъ по частнымъ жалобамъ (ст. 159), не знаетъ давности приговора. Новый проектъ редакціонной комисіи нашель необходимымъ пополнить этотъ пробѣлъ и вводитъ, какъ замѣчено, три вида давности, изъ коихъ два первые относятся къ давности процессуальной, а послѣдній къ давности наказанія.

Такимъ образомъ, существенный недостатокъ нашего законодательства состоитъ въ крайней неопредѣлительности постановленій его и въ отсутствіи точныхъ указаній окончательнаго момента времени, устанавливаемаго имъ для давности; это произошло отъ несогласованія его съ процессуальнымъ дѣйствующимъ строемъ, введеннымъ значительно позже уложенія. Постановленія его о безгласности событія совершенно лишнія, потому что и при гласности его давность можетъ течь. Ясное понятіе предъявленія обвиненія суду замѣняется имъ въ высшей степени неточнымъ понятіемъ обнаруженія властью преступнаго событія или виновника его, причемъ не указывается ни власть, передъ которою должно имѣть мѣсто такое обнаруженіе, ни то, въ чемъ состоитъ самое обнаруженіе.

Что касается затѣмъ начальнаго момента давности, то онъ въ давности процессуальной совпадаетъ съ фактомъ, устанавливающимъ право уголовного преслѣдованія, т. е. съ учиненіемъ преступнаго дѣянія; поэтому:

1) въ преступныхъ дѣяніяхъ совершившихся давность начинается съ момента совершения, независимо отъ наступленія дальнѣйшихъ результатовъ;

2) въ преступныхъ дѣяніяхъ недовершенныхъ давность начинается съ послѣдняго наказуемаго акта, виновнымъ учиненнаго;

3) въ преступныхъ дѣяніяхъ продолжаемыхъ, изъ многихъ отдѣльныхъ наказуемыхъ актовъ состоящихъ, давность для каждаго такого акта течетъ отдѣльно и начинается съ момента учиненія каждаго наказуемаго акта¹⁾;

4) напротивъ, въ преступныхъ дѣяніяхъ длящихся, состоящихъ изъ одного преступнаго акта, но растянутаго во времени (дезертирство, бродяжество), давность начинается съ момента прекращенія преступной дѣятельности. Наше законодательство говоритъ о непогашаемости такихъ дѣяній давностью (ст. 162 улож.), исходя, очевидно, изъ предположенія, что ко времени обнаруженія они еще не прекратились; это подтверждаетъ и правило названнаго закона, называющее непогашаемымъ давностью отступленіе отъ вѣры христіанской, „доколѣ они (виновные) не обратились къ долгу“²⁾; на ряду съ вѣроотступничествомъ тотъ же законъ называетъ вступленіе въ противозаконный бракъ, присвоеніе непринадлежащихъ правъ состоянія и уклоненіе отъ воинской повинности;

5) при преступныхъ ущущеніяхъ, давность равнымъ образомъ начинается съ момента, когда должна была быть выполненною данная обязанность, т. е. также съ момента учиненія преступленія;

наконецъ, 6) при участіи нѣсколькихъ лицъ, давность для участниковъ опредѣляется давностью зачинщиковъ или главныхъ виновниковъ (160 улож.).

Сроки давности и ихъ счетъ. Когда впервые является мысль установленія давности, то обыкновенно назначаютъ одинъ срокъ для всѣхъ преступленій, по примѣру гражданскаго права. Затѣмъ законодатель приходитъ къ мысли, что болѣе тяжкія преступленія свидѣтельствуютъ о болѣе глубокомъ состояніи преступности, чѣмъ менѣе тяжкія, и потому устанавливаетъ нѣсколько давностныхъ сроковъ, притомъ, различныхъ для давности преслѣдованія и для давности приговора; сроки послѣдняго вида давности всегда длиннѣе. Различіе сроковъ нерѣдко приравнивается къ раздѣленію преступныхъ дѣяній, принятому въ кодексѣ. Такъ,

¹⁾ Практика признаетъ начальнымъ моментомъ давности за всѣ преступные акты моментъ учиненія послѣдняго акта (к. р. 1874 № 120, 1881 № 12).

²⁾ Хотя въ данномъ случаѣ и это невѣрно: съ момента обращенія къ долгу вѣроотступничество перестаетъ быть наказуемо.

французскій кодексъ знаетъ три срока давности, сообразно трехъ-членному дѣленію наказуемыхъ дѣяній (crimes, délits, contraventions), а именно, для давности преслѣдованія: 10, 3 и 1 годъ; для давности наказанія; 20, 5 и 2 года. Германское уложеніе для давности преслѣдованія знаетъ сроки въ 20, 15, 10, 5, 3 года и 3 мѣсяца (для полицейскихъ нарушеній), сообразно величинѣ наказанія; для давности приговора — 30, 20, 15, 10, 5 и 2 года. Голландское законодательство для давности преслѣдованія устанавливаетъ сроки въ 18, 12, 6 и 1 годъ; для давности наказанія — 24, 16, 8, 5 и 2 года.

Уложеніе о наказаніяхъ устанавливаетъ по виду давности преслѣдованія и давности хожденія по дѣлу одинаковые, именно слѣдующіе сроки:

10 лѣтъ — для преступленій, наказываемыхъ каторгой и ссылкой на поселеніе;

8 лѣтъ — исправительными арест. отдѣленіями и ссылкой въ Сибирь на житье;

5 лѣтъ — рабочимъ и смиреннымъ домами, а нынѣ — тюрьмой съ тѣми же послѣдствіями, т. е. съ лишеніемъ нѣкоторыхъ лично и по состоянію приобретенныхъ правъ и преимуществъ;

2 года — тюрьмою безъ лишенія правъ;

$\frac{1}{2}$ года — арестомъ, денежными взысканіями, выговоромъ.

Иногда давность опредѣляется не по величинѣ наказанія, а по роду преступнаго дѣянія. Этотъ масштабъ принять уставомъ о наказ., какъ общее правило, а для нѣкоторыхъ случаевъ къ нему склоняется и уложеніе. Именно, по преступленіямъ печати и по лѣсоистребленію уложеніе вводитъ давность годовую, по нарушенію авторскихъ правъ 2-хъ и 4-хъ-лѣтнюю. Уставъ о нак. всегда опредѣляетъ срокъ давности не по величинѣ наказанія, а по роду преступления: для кражи и мошенничества установлена 2-годовая давность, для лѣсоистребленія — годовая, для прочихъ преступковъ — 6-мѣсячная.

При опредѣленіи сроковъ давности по величинѣ наказанія является вопросъ: какое при этомъ наказаніе должно имѣть въ виду, то ли, которое опредѣляется закономъ общимъ образомъ за данное дѣяніе (нормальное), или то, которое было бы назначено судомъ индивидуально, въ данномъ конкретномъ случаѣ (конкретное)? Положимъ, на примѣръ, что несовершеннолѣтній, старше 10 л., учинилъ такое дѣяніе, которое по закону обложено ссылкой на поселеніе, но въ виду несовершеннолѣтія ссылка замѣняется исправительнымъ наказаніемъ; если опредѣлять давность по нормальному

наказанію, то она должна быть 10-лѣтняя, если же по индивидуальному — 5 или 8-лѣтняя. Повидимому, послѣдняя система льготнѣе для подсудимаго; но она сопряжена съ огромными процессуальными неудобствами; если принять ее, то приходилось бы каждый разъ производить дѣло во всѣхъ подробностяхъ, между тѣмъ какъ при первой системѣ объективный характеръ дѣянія уже указываетъ тотъ срокъ, который долженъ быть примѣненъ въ данномъ случаѣ. Къ этому нужно прибавить, что, устанавливая давностные сроки, законодатель имѣетъ въ виду, что болѣе тяжкія преступленія не такъ скоро забываются, какъ легчайшія; такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что давностный срокъ измѣняется на основаніи нормального, а не индивидуального наказанія, ближайшаго опредѣленія котораго не требуется.

Русское законодательство возбуждаетъ нѣсколько спорныхъ вопросовъ относительно сроковъ давности; а именно, въ числѣ наказаній, приводимыхъ въ ст. 158 ул., не упоминаются смертная казнь, церковное покаяніе и особенныя взысканія за преступленія по службѣ должностныхъ лицъ. Является вопросъ: примѣнима ли къ нимъ давность, и въ какихъ именно срокахъ.

1) Что касается смертной казни, то запрещенія примѣнять къ ней давность въ законодательствѣ не содержится, такъ какъ единственное ограниченіе давности касается государственныхъ преступленій, отцеубійства и матереубійства; слѣдовательно, во всѣхъ другихъ случаяхъ, караемыхъ смертною казнью, имѣетъ мѣсто давность, установленная для уголовныхъ наказаній, т. е. 10-лѣтняя. Правильность этой аналогіи подтверждается и воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ 1879 г., который (ст. 92) покрываетъ смертную казнь 10-лѣтнею давностью. По вопросу о томъ, погашается ли смертная казнь за карантинныя преступленія какою-нибудь давностью, и какою именно, Лохвицкій высказалъ предположеніе, что тѣ карантинныя преступленія, которыя обложены смертною казнью, не подвергаются никакому преслѣдованію, какъ только обончится чума; что, поэтому, для этихъ случаевъ не должно быть установлено никакихъ давностныхъ сроковъ. Но при такомъ толкованіи является несообразность: менѣе тяжкія преступленія, обложенныя каторгою и иными видами лишенія свободы, были бы поставлены точнымъ смысломъ 158 ст. улож. въ положеніе, менѣе благоприятное, чѣмъ тѣ, которыя признаются наиболѣе тяжкими.

2) По отношенію къ церковному покаянію давностнаго срока въ законѣ вовсе не указано. Если сблизить эту мѣру съ общою карательной лѣстницей, то соотвѣтствующимъ ей наказаніемъ будетъ внушеніе; слѣдовательно, давность здѣсь должна быть 6-мѣсячная.

3) Наказанія по службѣ (ст. 65 ул.) также погашаются давностью, хотя уложеніе въ ст. 158 ихъ пропускаетъ¹⁾; сроки давности по нимъ Сенатъ опредѣляетъ путемъ сопоставленія ихъ по тяжести съ общими наказаніями, а именно: 1 годъ для низшихъ проступковъ, 2 года для проступковъ средней важности и 5 лѣтъ для проступковъ, наказуемыхъ исключеніемъ изъ службы или отрѣшеніемъ отъ должности; 6-мѣсячная давность указывается учрежденіемъ суд. устан. для проступковъ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, за которые они подлежатъ взысканіямъ не по суду, а въ дисциплинарномъ порядкѣ (262 учр.; об. с. 1883 № 54).

4) Существуетъ еще въ законѣ пробѣлъ относительно давностнаго срока для проступковъ, за которые положена тюрьма, соединенная съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, назначаемая²⁾ за обманы и мошенничества лицъ привилегированныхъ состояній. По ст. 158 тюрьма безъ лишенія правъ погашается 2-лѣтнею давностью; но такъ какъ въ данномъ случаѣ лишеніе правъ является придаткомъ специфическимъ, то судебная практика разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ другомъ смыслѣ, примѣняя давность 5-лѣтнюю.

Давность считается по общегражданскому вычисленію, а *die ad diem*, а не *a momento ad momentum*. Судъ самъ обязанъ возбуждать вопросъ объ уголовной давности, за исключеніемъ, однако, дѣлъ частныхъ, гдѣ онъ возбуждается не иначе, какъ по заявленію сторонъ.

Въ положительномъ правѣ нерѣдко встрѣчается указаніе обстоятельствъ, препятствующихъ теченію давности; обстоятельства эти суть или приостанавливающія давность, или прерывающія ее, или вполнѣ устраняющія дальнѣйшее теченіе давности. Последнее значеніе по нашему праву имѣетъ обнаруженіе виновника или хожденіе по дѣлу; по проекту — или возбужденіе преслѣдованія, или постановленіе приговора, или обращеніе приговора къ исполненію; но разъ приговоръ къ исполненію обращенъ, давность течъ уже не можетъ, и побѣгъ отъ наказанія не даетъ основанія погашать его за давностью. Перерывъ давности означаетъ наступленіе обстоятельства, въ виду котораго прежде истекшій срокъ считается какъ бы не истекшимъ и теченіе давности должно начинаться съ окончанія этого обстоятельства; таковы по иностраннымъ законодательствамъ принятіе судомъ процессуальныхъ мѣръ противъ обвиняемаго при давности преслѣдованія; при институтѣ перерыва,

¹⁾ Об. С. 1883, № 54.

²⁾ Улож. п. II ст. 30-й, ст. 1656, 1667 и 1682.

давность можетъ быть отодвинута очень далеко отъ момента учиненія преступнаго дѣянiя, и въ виду его представляется необходимость въ сложныхъ и запутанныхъ вычисленiяхъ. Его наше законодательство не знаетъ; всякое обстоятельство, прерывающее давность, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращаетъ дальнѣйшее теченiе ея, ибо нашему праву извѣстна только давность преслѣдованiя. Проектъ равнымъ образомъ не принимаетъ института перерыва давности.

Отъ перерыва нужно отличать прiостановку теченiя давности, при наступленiи условiй, опредѣляющихъ прiостановленiе судебного производства (напр., предсудимость); этотъ институтъ также неизвѣстенъ дѣйствующему нашему праву, но, по примѣру иностранныхъ законодательствъ, вводится проектомъ уголовного уложенiя; значенiе его то, что время, необходимое для производства дѣйствiй, прiостанавливающихъ судебное разбирательство, вычитается изъ истекшаго промежутка и въ счетъ давности не принимается.

Послѣдствiя давности состоятъ въ томъ, что наказанiе, которому подлежалъ-бы виновный, за давностью не примѣняется; это общее начало относится какъ къ главному наказанiю, положенному за данное преступное дѣянiе, такъ и къ дополнительнымъ взысканiямъ, состоящимъ въ лишенiи правъ и т. п.; но иногда нѣкоторыя правопораженiя исключаются и опредѣляются не смотря на истеченiе давности, особенно давности приговора, или же устанавливается погашенiе ихъ болѣе продолжительною давностью. Относясь только къ наказанiю, на гражданскiя послѣдствiя преступнаго дѣянiя сила уголовной давности не распространяется; при обсужденiи ихъ принимается въ соображенiе только гражданская давность. Поэтому же нѣкоторыя взысканiя, хтя и опредѣляемыя уголовными законами, но по существу ихъ имѣющiя значенiе гражданскаго вознагражденiя казны, не погашаются уголовною давностью (о. с. 1879 № 47).

Изъ общаго правила, по которому наказанiе погашается давностью, существуетъ исключенiе для преступленiй государственныхъ, а также для умышленнаго убiйства отца или матери; здѣсь давность имѣетъ значенiе не погашающее, а смягчающее: если со времени содѣянiя такого преступленiя прошло 20 лѣтъ и во все сiе время оно не сдѣлалось гласнымъ, или же когда въ теченiе того же времени виновные въ ономъ не были обнаружены, то вмѣсто смертной казни или каторжной работы они присуждаются къ ссылкѣ на поселенiе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири (ст. 161 ул.).

III. Помилованіе ¹⁾.

Понятіе и основанія его. Последнее основаніе погашенія наказанія есть отказъ лица, имѣющаго право наказанія, отъ осуществленія такого права. Первоначально, въ эпоху мести, такимъ лицомъ былъ потерпѣвшій; но мало-по-малу право наказанія переходитъ къ государственной власти; и, слѣдовательно, право отказа отъ наказанія становится постепенно правомъ государства; тѣмъ не менѣе, слѣды первоначальнаго порядка сохранились до сихъ поръ: наказаніе погашается не только при отказѣ отъ него государства, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при отказѣ потерпѣвшаго. Первый случай даетъ мѣсто институту помилованія, второй — институту прощенія потерпѣвшаго или примиренія.

Подъ помилованіемъ разумѣется погашеніе всего или части наказанія волею государственной власти, объявляемою по отношенію къ данному конкретному случаю. Уголовный законъ есть выраженіе воли общественной власти, приговоръ судебный — ея осуществленіе въ конкретномъ случаѣ. Но если общественная власть, въ виду обстановки даннаго дѣла, высказываетъ иную волю, то выраженная закономъ воля отпадаетъ, наказаніе не примѣняется, а примѣненное отмѣняется. Таково формальное основаніе права помилованія: воля, высказанная раньше, отмѣняется позднѣйшимъ ея выраженіемъ. Новая воля можетъ быть разсматриваема, какъ новый законъ для частнаго случая, мягчайшій для совершившаго преступленіе.

У института помилованія есть много противниковъ, преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ право помилованія принадлежитъ органамъ административнымъ и гдѣ этимъ правомъ легко злоупотребляли. Замѣчали, что воля общественной власти можетъ быть высказываема только въ видѣ общей мѣры; принимая же на себя оцѣнку частныхъ случаевъ, верховная власть ослабляетъ авторитетъ закона, подрываетъ силу судебного приговора и вводитъ административную юстицію, послѣдствія которой въ высшей степени печальны. Она открываетъ доступъ личнымъ вліяніямъ, причемъ окончательное рѣшеніе дается не по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а по тому, успѣлъ ли проситель проникнуть до лица, отъ котораго зависитъ подписать актъ о помилованіи, и надоѣсть ему своими просьбами. Всѣ эти соображенія, вѣрныя по отношенію къ разрѣшенію по существу судебныхъ дѣлъ верховною властью, только въ такомъ случаѣ примѣнимы къ актамъ помилованія въ частности,

¹⁾ Кистяковскій, § 389—398; Вернеръ Учебн. пер. Неклюдова § 146; Legoux, du droit de grace, 1865.

если выдача ихъ зависитъ отъ органовъ власти, не пользующихся достаточною независимостью, занимающихъ скорѣе административное, чѣмъ высшее правительственное положеніе. Такъ, въ сѣвероамериканскомъ союзѣ выдача актовъ помилованія зависитъ отъ губернаторовъ каждаго отдѣльнаго штата; осаждаемые просителями, нерѣдко вліятельными и могущими повредить имъ въ политической борьбѣ, они подписываютъ акты помилованія, не справляясь съ тѣмъ, заслуживаетъ ли ихъ данное лицо или не заслуживаетъ.

Субъектомъ права помилованія, поэтому, можетъ быть только представитель верховной власти, въ монархическихъ государствахъ государь. У насъ это право составляетъ неотъемлемую принадлежность короны, такъ какъ только она пользуется достаточною независимостью и самостоятельностью, необходимыми для обезпеченія справедливости актовъ помилованія.

Виды помилованія. Помилованіе имѣетъ много различій, смотря, съ одной стороны, по моменту примѣненія его, съ другой — по его послѣдствіямъ. 1) Если оно примѣняется до слѣдствія и суда, то называется аболиціей и дѣйствіе его равносильно предписанію забыть происшедшее, считать его юридически несуществовавшимъ; имъ отмѣняется не только судебный приговоръ о наказаніи, но и общій законъ для частнаго случая, поэтому дѣйствія, покрытыя аболиціей, не считаются преступными, не идутъ въ счетъ при рецидивѣ, совокупности преступленій и т. п. Аболиція бываетъ общая и частная; первая называется амнистіей, вторая — спеціальнымъ помилованіемъ; первая распространяется на неопредѣленное число лицъ, которыя могли бы быть привлечены за данную группу преступныхъ дѣяній; вторая имѣетъ въ виду опредѣленное лицо. Этотъ послѣдній видъ въ конституціонныхъ государствахъ обыкновенно ограничивается въ томъ смыслѣ, что у государя отнято право примѣнять его къ отвѣственнымъ министрамъ, которымъ можетъ быть дано помилованіе лишь по постановленіи приговора. Частную аболицію нельзя признать умѣстной и по отношенію къ частнымъ лицамъ, такъ какъ она выходитъ изъ предположенія виновности, которая еще не установлена судебнымъ приговоромъ. 2) Помилованіе по постановленіи приговора, но до приведенія его въ исполненіе, называется помилованіемъ въ собственномъ смыслѣ; оно можетъ быть полное и частичное: первымъ отмѣняется все наказаніе, второе смягчаетъ его строгость. Такъ какъ этотъ видъ помилованія направленъ только на послѣдствія судебного приговора, то онъ погашаетъ наказаніе, не погашая преступленія, которое можетъ идти въ счетъ при рецидивѣ и т. п. 3) Наконецъ, помилованіе, даруемое по отбытіи части

наказанія, называется возстановленіемъ правъ осужденнаго, или на свободу, или на честь, или на гражданскія и политическія льготы, смотря по смыслу этого акта. Оно бываетъ безусловное и условное. Только первый видъ принадлежитъ верховной власти; второй, имѣющей мѣсто лишь при лишеніи свободы, примѣняется въ формѣ досрочнаго освобожденія высшею судебною администраціею (министерствомъ юстиціи), или общею администраціею (министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тюремнымъ начальствомъ), или судомъ, или совмѣстно этими различными органами. Условіемъ такого досрочнаго освобожденія ставится хорошее поведение; при несоблюденіи этого условія, освобожденный снова подвергается заключенію, приговоръ вступаетъ въ силу и время, проведенное на свободѣ, не зачитывается въ срокъ заключенія.

Производство о помилованіи. Актъ помилованія дается Высочайшею Властью или по собственному ея усмотрѣнію, или по представленію и ходатайству суда, или администраціи, или по просьбѣ частныхъ лицъ; иногда при верховной власти для разсмотрѣнія дѣлъ о помилованіи учреждается специальная коммисія изъ высшихъ лицъ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи и отчасти во Франціи. У насъ ходатайство о помилованіи восходитъ къ Монарху или чрезъ министерство юстиціи, или чрезъ коммисію принятія прошеній. Последняя въ случаяхъ помилованія въ собственномъ смыслѣ служитъ только передаточной инстанціей; въ случаяхъ же помилованія по представленію администраціи и по просьбѣ частныхъ лицъ замѣняетъ у насъ тѣ специальные совѣты, которые существуютъ на Западѣ при Монархѣ для разсмотрѣнія дѣлъ о помилованіи. Помилованіе, дарованное Высочайшею властью, обязательно для помилованнаго; исключеніе по нашему праву допускается въ случаѣ амнистіи: „должностнымъ лицамъ, которыя по преступленіямъ должности подведены подъ всемилостивѣйшій манифестъ, безъ судебного опредѣленія вины и невинности ихъ, предоставляется право просить подлежащее судебное установленіе о возобновленіи дѣлъ, такимъ образомъ прекращенныхъ“ (ст. 1117 уст. угол. судопр.). Что касается другихъ лицъ, то, давая имъ право просить судъ объ опредѣленіи ихъ дѣйствительной вины, какъ будто бы не существовало законнаго препятствія къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, законъ, однако, не допускаетъ примѣненія къ нимъ наказанія, если бы оказалось, что они дѣйствительно виноваты (ст. 773 уст. угол. суд.); здѣсь отступленіе отъ принципа обязательности помилованія имѣетъ лишь цѣлью дать подпавшимъ подъ него средства выяснить предъ обществомъ мѣру своей вины.

Акты о помилованіи даются или въ видѣ Высочайшихъ милостивыхъ манифестовъ, или въ видѣ частныхъ постановленій о

помилованіи. Какъ исключенія изъ общаго закона, тѣ и другія подлежатъ ограничительному толкованію. Бываетъ, что въ актѣ помилованія забываютъ упомянуть какое-нибудь право: такое забвеніе служитъ во вредъ помилованному. Сомнѣнія, вызванныя высочайшимъ помилованіемъ, разрѣшаются сенатомъ, а въ случаяхъ, превышающихъ его власть, сенатъ обращается къ Высочайшей Власти.

Какъ общественно-государственный институтъ, помилованіе существуетъ въ нашемъ правѣ уже съ отдаленныхъ временъ: оно примѣнялось или въ видѣ отдѣльныхъ частныхъ актовъ, или въ видѣ общихъ распоряженій правительства, по поводу различныхъ торжественныхъ церемоній, праздниковъ, семейныхъ событій въ царствующей фамилии и т. п. На помилованіе въ московскій періодъ смотрѣли, какъ на дѣло, угодное Богу, какъ на актъ милосердія. Оно давалось поэтому относительно всѣхъ осужденныхъ, безъ различія; исключеніе составляли только личные враги власти, т. е. политическіе преступники. Въ новое время убѣждаются все болѣе и болѣе, что примѣненіе помилованія къ нѣкоторымъ преступникамъ опасно для общества и вредно для милуемаго, составляя для него актъ мнимой филантропіи, въ дѣйствительности лишаящій его благодѣяній принудительнаго воспитанія. Поэтому, въ настоящее время помилованіе обыкновенно не распространяется на тѣхъ лицъ, которыя обратили или грозятъ обратить преступную дѣятельность въ ремесло.

IV. Отказъ потерпѣвшаго, или примиреніе съ обидчикомъ¹⁾.

Нынѣ преступленія преслѣдуются въ виду интереса общественнаго, и частной инициативѣ потерпѣвшаго оставлено при этомъ весьма мало мѣста; онъ не имѣетъ права ни примириться съ обидчикомъ, ни оставить дѣло безъ всякаго движенія, ни устранить иными мѣрами наказаніе. Но публичное преслѣдованіе нѣкоторыхъ преступленій можетъ отзываться невыгодными послѣдствіями не только для преступника, но и для потерпѣвшаго, напр., при изнасилованіи, любодѣяніи; преступный характеръ нѣкоторыхъ дѣйствій, съ другой стороны, можно распознать только въ такомъ случаѣ, если лицо, которому принадлежитъ поруганное благо, чувствуетъ себя потерпѣвшимъ, напримѣръ, при оскорбленіяхъ чести. Въ этихъ случаяхъ примѣненіе карательныхъ мѣръ государствомъ ставится въ болѣе или менѣ явную зависимость отъ потерпѣвшаго. Тѣ преступленія, преслѣдованіе которыхъ во всѣхъ своихъ моментахъ зависитъ вполне отъ частнаго лица и не можетъ быть начато *ex officio*, называются

¹⁾ Кистяковскій, §§ 399—408; Вернеръ, § 145; Фонъ-Резонъ, о преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшихъ, 1882.

частными; сюда принадлежат оскорбленія чести, самоуправство, угрозы, насилія и т. п. Тѣ же, въ которыхъ только начальный моментъ зависитъ отъ воли потерпѣвшаго, а съ момента заявленія просьбы о преслѣдованіи во всѣ права вступаетъ общественная власть, называются частно-публичными; таковы изнасилованіе, любодѣяніе, нѣкоторыя преступленія противъ свободы, похищеніе и увозъ женщинъ и т. д. Только въ частныхъ преступленіяхъ отказъ потерпѣвшаго, во всякій моментъ процесса, прекращаетъ уголовное преслѣдованіе и погашаетъ наказаніе.

Институтъ этотъ въ той обрисовкѣ, которую ему даютъ западныя законодательства, представляется отказомъ отъ преслѣдованія, независимо отъ того, будетъ ли виновный согласенъ или нѣтъ на прекращеніе дѣла; отказъ есть односторонній актъ прощенія или милости, которая дается виновному потерпѣвшимъ. Совершенно иначе ставится этотъ вопросъ въ нашемъ законодательствѣ; оно говоритъ не объ „отказѣ“ потерпѣвшаго, а о „примиреніи“ его съ виновнымъ; оно сообщаетъ этому акту характеръ дѣйствія обоюднаго, которое зависитъ отъ воли обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, какъ потерпѣвшаго, такъ и виновнаго; стороны должны быть вызваны въ мировому судѣ и при немъ примириться (ст. 35 уст. уг. суд.); мировой судья протоколируетъ примиреніе; если одна изъ сторонъ не согласна, то актъ примиренія считается несостоявшимся. Однако, нельзя не признать, что практически и по нашему праву требуется собственно не обоюдное примиреніе, а односторонній отказъ потерпѣвшаго, ибо послѣдній имѣетъ множество средствъ прекратить дѣло даже при нежеланіи на то обвиняемаго: онъ можетъ не явиться въ судъ, не требовать исполненія наказанія, не возбуждать уголовного преслѣдованія, и во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло будетъ въ томъ или другомъ его фазисѣ прекращено и наказаніе погашено.

Начальный моментъ права на прощеніе совпадаетъ съ моментомъ учиненія преступнаго дѣянія и, слѣдовательно, можетъ даже предшествовать возбужденію уголовного преслѣдованія; но прощеніе или примиреніе передъ судомъ, очевидно, возможно лишь послѣ возбужденія преслѣдованія. Конечный моментъ его логически возможенъ до окончанія исполненія наказанія; иностранныя законодательства, однако, ограничиваютъ его моментомъ постановленія приговора, признавая недействительнымъ частный отказъ послѣ того, когда по дѣлу успѣла высказаться судебная власть. Ограниченіе это неизвѣстно нашему праву, такъ что примиреніе согласно ему можетъ состояться или тотчасъ по возбужденіи преслѣдованія, или въ теченіи судебного разбирательства дѣла, или по постановленіи уголовного приговора, или даже по приведеніи въ исполненіе части

его. Право примиренія по постановленіи приговора, но до отбытія наказанія, вытекаетъ изъ прямого требованія закона, чтобы потерпѣвшій просилъ о приведеніи приговора въ исполненіе: поэтому онъ можетъ и не просить. О примиреніи по отбытіи части наказанія законъ нигдѣ не говоритъ; отсюда признаваемый сенатомъ выводъ, что оно не запрещается.

Право примиренія принадлежитъ какъ самому потерпѣвшему, такъ и его представителямъ, законнымъ или добровольнымъ; по дѣяніямъ, направленнымъ противъ правъ, подлежащихъ отчужденію, оно переходитъ и къ наслѣдникамъ.

По существу своему, примиреніе можетъ быть условнымъ или безусловнымъ. Объ этомъ различіи законодательство наше умалчиваетъ, признавая за состоявшимся примиреніемъ во всякомъ случаѣ силу судебного рѣшенія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что хотя въ соглашеніе о примиреніи не воспрещается вносить различныхъ условій, но неисполненіе ихъ не возвращаетъ потерпѣвшему права требовать примѣненія наказанія, а даетъ ему лишь право на гражданское вознагражденіе, по общимъ о томъ правиламъ. Разъ состоявшееся примиреніе безповоротно.

Послѣдствія примиренія состоятъ въ погашеніи наказанія; поэтому:

- 1) если примиреніе состоялось до постановленія приговора, то оно дѣлаетъ невозможнымъ постановленіе самаго приговора;
- 2) если оно состоялось послѣ приговора, то постановленный приговоръ утрачиваетъ силу и не можетъ быть обращенъ къ исполненію;
- 3) если оно состоялось послѣ обращенія приговора къ исполненію, то дальнѣйшее исполненіе его прекращается вслѣдствіе примиренія.

Примиреніе обязательно только для лицъ, въ немъ участвовавшихъ, не распространяясь на прочихъ.

Погашая наказаніе, примиреніе не погашаетъ, однако, гражданского иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ; по этому вопросу между сторонами можетъ быть особое соглашеніе.

Въ видѣ общаго правила, примиреніе не только не предполагается, но даже для дѣйствительности его требуются весьма строгія формальныя условія, сводящіяся къ судебному его удостовѣренію; примиреніе, состоявшееся внѣ суда и не подтвержденное въ особо установленномъ для того судебномъ порядкѣ, никакихъ уголовно-юридическихъ послѣдствій не имѣетъ. Но отсюда есть и исключенія, когда примиреніе предполагается, а именно:

- 1) въ случаѣ неавки обвинителя, ни лично, ни черезъ повѣреннаго, къ судебному разбирательству у мирового судьи по дѣлу о частномъ проступкѣ, безъ уважительныхъ причинъ (135 уст. угол. суд.);

2) въ случаѣ смерти обвинителя, и

3) въ случаяхъ зачета наказанія.

Разсмотрѣніе перваго случая входитъ въ курсъ уголовного судопроизводства; остановимся на двухъ послѣднихъ.

Смерть потерпѣвшаго заканчиваетъ всѣ личные счета его съ виновнымъ; на наслѣдниковъ переходитъ только имущественная сфера его, а не личная, отъ его индивидуальности не отдѣлимая. Поэтому она должна имѣть значеніе условія погашенія наказанія за всѣ проступки, подлежащіе преслѣдованію въ частномъ порядкѣ, объектомъ которыхъ было какое-нибудь личное, неотдѣлимое отъ индивидуальности умершаго, благо, каковы его честь, его свобода, его тѣлесная неприкосновенность; со смертью потерпѣвшаго, уголовное преслѣдованіе по нимъ не можетъ быть возбуждено, а начатое подлежитъ прекращенію, по фикціи о примиреніи. Эта фикція, однако, не распространяется на гражданско-правовыя послѣдствія такихъ дѣяній, ибо въ имущественную сферу умершаго вступаютъ его наслѣдники. Потому же она не распространяется и на уголовныя послѣдствія такихъ дѣяній, преслѣдуемыхъ въ частномъ порядкѣ, объектомъ которыхъ было какое-нибудь право, переходящее по наслѣдованію, напр., право пользованія имуществомъ; по нимъ преслѣдованіе можетъ быть возбуждено наслѣдниками, и смерть потерпѣвшаго не прекращаетъ преслѣдованія, ими возбужденнаго, открывая наслѣдникамъ право распорядиться такимъ правомъ по своему усмотрѣнію.

Положенія эти усвоены западно-европейскими законодательствами и практикою. Наше законодательство по этому вопросу не содержитъ никакихъ постановленій, а практика рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что смерть потерпѣвшаго на примѣненіе наказанія никакого вліянія и ни въ какихъ случаяхъ не имѣетъ. Такой отвѣтъ объясняется чрезвычайно широкимъ по нашему праву объемомъ частныхъ проступковъ; въ ряду ихъ встрѣчаются дѣянія, караемыя даже уголовными наказаніями, до каторги включительно; есть случаи, когда смерть потерпѣвшаго составляетъ послѣдствіе частнаго проступка (напр., нанесенія ранъ) и, слѣдовательно, должна бы служить къ отягченію участи виновнаго, а не къ смягченію ея. Тѣмъ не менѣе, даваемый практикою отвѣтъ подлежитъ ограниченію, и вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ:

1) смерть потерпѣвшаго не вліяетъ на наказаніе, окончательно судомъ опредѣленное при жизни его;

2) если потерпѣвшій умеръ до постановленія окончательнаго приговора, то необходимо различать, разсматривалось ли дѣло въ публичномъ или въ частномъ порядкѣ преслѣдованія. Когда оно разсматривалось въ публичномъ порядкѣ, и только послѣ смерти

потерпѣвшаго выяснились обстоятельства, доказавшія, что дѣяніе обвиняемаго было проступкомъ частнымъ, то: а) смерть потерпѣвшаго не оказываетъ на наказуемость вліянія, буде приговоръ о виновности постановленъ въ публичномъ порядкѣ преслѣдованія; б) она необходимо должна оказать на него вліяніе, если приговоръ еще не постановленъ и для постановленія его необходима дѣятельность потерпѣвшаго, какъ стороны въ процессѣ; за отсутствіемъ потерпѣвшаго и за отсутствіемъ лица, уполномоченнаго выступить передъ судомъ его именемъ, уголовное преслѣдованіе и наказаніе неизбѣжно погашаются и по нашему праву; преслѣдованіе можетъ продолжаться и наказаніе можетъ быть примѣнено тогда лишь, если, по свойству благъ, нарушенныхъ преступнымъ дѣяніемъ, возможенъ переходъ ихъ на опредѣленныхъ наслѣдниковъ. То же положеніе имѣетъ, конечно, мѣсто въ случаяхъ, когда дѣло съизначала рассматривалось въ частномъ порядкѣ.

Зачетъ наказаній означаетъ погашеніе наказанія, опредѣленнаго виновному, отрицно обязанности потерпѣвшаго претерпѣть равное или болѣе тяжкое наказаніе въ интересахъ виновнаго. Въмѣсто наказанія обѣихъ сторонъ, ни къ одной наказаніе не примѣняется, ибо права ихъ взаимно покрываются и погашаются одно другимъ (какъ при встрѣчномъ искѣ въ гражданскомъ процессѣ). Институтъ зачета, представляющій значительныя практическія удобства для государства, основывается на предположеніи о примиреніи, или о взаимномъ отказѣ каждой стороны отъ наказанія другой. По нѣкоторымъ иностраннымъ законодательствамъ, онъ примѣняется къ посягательствамъ противъ чести и противъ тѣлесной неприкосновенности, по русскому праву — только къ посягательствамъ противъ чести (ст. 138 устава о наказаніяхъ). Условія его суть:

1) обоюдность обидъ. Лице, подлежащее наказанію за нанесеніе обиды потерпѣвшему, въ свою очередь, должно быть объектомъ обиды равной или болѣе тяжелой со стороны потерпѣвшаго. Наказаніе за обиду не покрывается виновностью въ иномъ посягательствѣ, напр., противъ имущественныхъ правъ; но полная однородность обидъ не требуется, и въ счетъ обидъ принимается также самоуправство;

2) наличность условій наказуемости обѣихъ обидъ. Одновременность учиненія ихъ не требуется, но каждая изъ нихъ должна подлежать наказанію. Если отвѣтственность одной стороны погашена (давностью, примиреніемъ или исполненіемъ наказанія), институту зачета нѣтъ болѣе мѣста.

Юридическое значеніе зачета состоитъ въ томъ, что зачтенное наказаніе почитается отбытымъ и виновный не можетъ подлежать

вторично наказанію за то же дѣяніе. Но зачетъ можетъ быть и не полный, сводясь къ вычету изъ надлежащаго наказанія.

Отъ зачета, основаннаго на фикці примиренія, отличается зачетъ, основанный на томъ, что подлежащій наказанію претерпѣлъ въ интересахъ карательной власти значительное лишеніе, которое вычитается изъ лишенія, составляющаго содержаніе наказанія; такъ, напр., если онъ содержался въ подслѣдственномъ заключеніи. Дѣйствующее законодательство видитъ въ долговременномъ пребываніи подъ стражею обстоятельство, смягчающее наказаніе; проектъ уголовного уложенія предоставляетъ суду засчитывать его въ наказаніе.

Часть III. Карательныя мѣры.

Отдѣленіе I. Наказанія, не состоящія въ лишеніи свободы.

ГЛАВА I.

Смертная казнь ¹⁾.

Понятіе и виды. Во главѣ всей системы наказаній стоитъ, какъ высшая карательная мѣра, смертная казнь. Подъ смертною казнью разумѣется отнятіе государствомъ жизни у человѣка въ наказаніе за учиненное имъ преступное дѣяніе. Она бываетъ или простымъ лишеніемъ жизни, или усложняется различными отягчающими придатками и становится тогда квалифицированной смертною казнью. Квалификація эта обусловливается частью прибавленіемъ тѣлесныхъ страданій, которымъ подвергается наказываемый до полного отнятія жизни, частью присоединеніемъ элемента публичности и различныхъ унижительныхъ обрядовъ при совершеніи казни; этотъ послѣдній элементъ играетъ важную роль въ видахъ устрашенія массъ.

Ея распространенность въ прежнее время на западѣ. Смертная казнь есть самое тяжкое наказаніе, какое когда-либо было извѣстно; даже въ простой формѣ, она является мѣрой, болѣе

¹⁾ Существуетъ весьма богатая литература по этому предмету. Изъ русскихъ сочиненій заслуживаютъ особеннаго вниманія: Кистяковскаго, изслѣдованіе о смертной казни, Кіевъ 1867; Н. Д. Сергѣевскаго, о смертной казни въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ журн. Гр. и Уг. пр. 1884 г. ноябрь; его же, лишеніе жизни какъ угол. наказ., Ю. В. 1879; переведенныя и на русскій языкъ сочиненія Миттермайера и Бернера „о смертной казни“; Holtzendorf, Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe, 1875; Hetzel, die Todesstrafe, 1870; Гизо, Политическія преслѣдованія и смертная казнь, 1829 (de la peine de mort en matière politique); Olivecrona; De le peine de mort, 1868.

суровой, чѣмъ всѣ другія карательныя мѣры. Напрасно нѣкоторые писатели отрицаютъ такое ея значеніе; что бы ни говорили, но жизнь есть самое дорогое благо человѣка и для сохраненія жизни человѣкъ предпочтетъ всѣ другія лишенія. Смертная казнь есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая рѣшительная мѣра, какою обладаетъ государство для достиженія безопасности; разь уничтоженъ преступникъ, онъ уже абсолютно лишень возможности вредить обществу. По способу осуществленія, смертная казнь представляется наиболѣе простою; она моментальна и не требуетъ большихъ затратъ отъ государства. Какъ высшее наказаніе, она является вѣнцомъ всей карательной системы, безъ котораго эта послѣдняя какъ будто не завершена.

Всѣми этими причинами, въ связи съ недостаточнымъ развитіемъ правъ личности въ прежнее время, и объясняется чрезвычайно широкое примѣненіе смертной казни въ прежнихъ законодательствахъ. Наслѣдіе кровной мести, она расточалась государствомъ столь щедро, что было время, когда она стала нормальнымъ наказаніемъ за всѣ сколько-нибудь значительныя преступныя дѣянія. Достаточно припомнить старинное дѣленіе наказаній на уголовныя и не уголовныя — *capitales* и *non capitales*, причемъ первыя понимались въ буквальномъ смыслѣ (отъ *caput*) и состояли въ лишеніи жизни, тогда какъ лишь самыя ничтожныя преступныя дѣянія облагались наказаніями *non capitales*. Въ смертной казни видѣли необходимую и нормальную мѣру текущаго управленія. Къ ней всѣ привыкли: и законодатель, и судьи, гордившіеся большимъ количествомъ смертныхъ приговоровъ, и даже сами осужденные, которые, по свидѣтельству многихъ писателей, спокойно шли на эшафотъ, клали голову на плаху, сами надѣвали петлю на шею и т. п. Эта картина была общая, совершенно согласная съ состояніемъ законодательства и практики XVI, XVII и первой половины XVIII-го вѣковъ. Знаменитый кодексъ Карла V, *Carolina*, назначаетъ смертную казнь въ 44 случаяхъ. По вычисленіямъ Пасторе, во Франціи до-революціонное законодательство знало 115 преступныхъ дѣяній, обложенныхъ смертною казнью. Но классическая страна примѣненія смертной казни — Англія; ей принадлежитъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Еще Блэкстонъ для прошлаго столѣтія насчитываетъ 160 отдѣльныхъ преступленій, обложенныхъ смертною казнью; были эпохи, когда число ихъ доходило въ Англіи до 240.

Примѣнялась смертная казнь въ Западной Европѣ не только въ простой формѣ, но и въ формѣ квалифицированной, причемъ послѣдняя назначалась за наиболѣе тяжкія преступленія: такъ, заливаніе горла растопленнымъ металломъ — за поддѣлку монеты;

кипяченіе въ котлѣ — за то же и за нѣкоторыя другія преступленія; сожженіе на кострѣ — преимущественно за преступления религіозныя; четвергованіе, колесованіе — за преступления политическія и за отцеубійство, закапываніе въ землю по грудь — за мужеубійство и т. п. Въ простой формѣ смертная казнь назначалась за преступныя дѣянія сравнительно незначительныя; достаточно сказать, что она была нормальной мѣрой за кражу въ рецидивѣ. Въ англійскомъ законодательствѣ еще въ началѣ XIX столѣтія полагалась смертная казнь за кражу имущества свыше 5 шиллинговъ. Масса проступковъ чисто формальнаго свойства, не заключающихъ въ себѣ нарушенія никакого матеріальнаго блага или права, облагались смертною казнью; таковы бродяжничество, нищенство и т. п. При Генрихѣ VIII за бродяжничество подверглось смертной казни около 72 тыс. человѣкъ. При Елизаветѣ, слѣдовательно, въ цвѣтущій періодъ англійской исторіи, ежегодно подвергалось смертной казни около 400 человѣкъ, а слѣдовательно, за все царствованіе казнено около 18 тыс. человѣкъ. Еще въ 1831 году въ одной только Англии съ Валлисомъ, не считая Ирландіи и Шотландіи, Миттермайеръ насчитывалъ 1.601 смертный приговоръ. Но всего болѣе гибло на эшафотѣ людей въ Западной Европѣ по преступленіямъ политическимъ и религіознымъ. По приблизительному разсчету, сдѣланному Вольтеромъ, въ Европѣ за колдовство сожжено около 100 тыс. человѣкъ. Карлъ V предалъ смертной казни по однимъ вычисленіямъ около 100 тыс. человѣкъ, по другимъ — свыше 50 тыс.; Филиппъ II казнилъ около 25 тыс. Французскій революціонный трибуналъ отправилъ на гильотину ¹⁾ свыше 19 тыс. человѣкъ.

Ея распространенность въ Россіи. То же самое явленіе повторяется и въ Россіи. Смертная казнь и у насъ въ первоначальномъ періодѣ исторіи примѣняется въ высшей степени часто, образуя нормальную мѣру наказанія. Впервые она упоминается въ Двинской судной грамотѣ 1397 г., но и ранѣе этого извѣстны случаи ея примѣненія. По извѣстіямъ арабскихъ историковъ X вѣка, еще въ ихъ время славяне разбойниковъ вѣшали на деревьяхъ. Псковская судная грамота назначаетъ смертную казнь за наиболѣе тяжелыя преступленія. Судебникъ 1497 года знаетъ 9 случаевъ примѣненія смертной казни; 2-й Судебникъ, царскій, насчитываетъ уже 15 родовъ преступленій, облагаемыхъ смертною казнью. Въ Соборномъ Уложеніи 1649 года это число возросло

¹⁾ Этотъ инструментъ изобрѣтенъ врачомъ Гильотэномъ, желавшимъ сдѣлать смертную казнь для всѣхъ равною и быстрою. Самъ изобрѣтатель гильотины сложилъ голову на томъ же инструментѣ.

до 54. Военскіе артикулы 1716 года еще болѣе увеличиваютъ объемъ примѣненія смертной казни; въ нихъ заключается до 100 статей, которыя предписываютъ это наказаніе. Кромѣ общихъ законовъ, назначавшихъ смертную казнь, она въ разсматриваемую эпоху опредѣлялась въ высшей степени щедро отдѣльными правительственными распоряженіями. Такъ, напр., Наказъ о градскомъ благочиніи 1649 г. облагалъ смертною казнью даже неосторожное причиненіе пожара. Всякія границы по тяжести преступныхъ дѣяній были утрачены и государство прибѣгло къ смертной казни, какъ будто къ единственному виду наказанія, ему извѣстному. Понятно, что при такихъ условіяхъ смертная казнь должна была примѣняться и у насъ въ высшей степени часто. При этомъ нашему законодательству была извѣстна не только простая, но и квалифицированная смертная казнь. Въ 1662 г., во время Коломенскаго бунта, число казненныхъ доходило до 2.000 человѣкъ. За поддѣлку мѣдной монеты, „за воровское денежное дѣло“, говоритъ Котошихинъ, „казнено въ тѣ годы какъ тѣ деньги ходили“, больше 7.000 человѣкъ. За стрѣлецкій бунтъ 1698 г. казнено около 2.000 стрѣльцовъ. При такомъ отношеніи государства къ смертной казни, подвергаемыя ей лица относились къ ней съ замѣчательнымъ спокойствіемъ.

Иностранцы — говоритъ проф. Сергѣевскій — склонны были видѣть въ этомъ одну жестокость нравовъ или апатію къ жизни, но не то это было въ дѣйствительности. Это было, думается намъ, ясное сознаніе неизбежнаго подчиненія государственной силѣ, одержавшей побѣду, послѣ которой побѣжденному оставалось одно — умереть. Борьба кончена, счеты сведены, другаго выхода нѣтъ! И шель русскій человѣкъ на плаху съ одною мыслію: умереть въ порядкѣ; и старался онъ умереть подъ топоромъ палача, по возможности, такъ же, какъ дѣдъ и отецъ его умирали у себя въ избѣ, въ большомъ углу, на лавкѣ подъ образами. Тридцать астраханцевъ, о которыхъ рассказываетъ де-Бруинъ, вышли на казнь даже не связанные, и тихо стояли въ кругу, ожидая каждый своей очереди. Перри говоритъ: „русскіе ни во что не ставятъ смерть и не боятся ея. Когда имъ приходится идти на казнь, они дѣлаютъ это совершенно беззаботно. Я самъ видѣлъ, какъ осужденные шли съ цѣпами на ногахъ и съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Проходя мимо толпы народа, они кланялись и говорили: простите, братцы! и народъ имъ отвѣчалъ тѣмъ же, прощаясь съ ними; и такъ они клали головы свои на плахи и съ твердымъ, спокойнымъ лицомъ отдавали жизнь свою“. Стрѣльцы сотнями шли на казнь, не связанные и не скованные, въ однихъ только ножныхъ колодахъ, нѣсколько затруднявшихъ ходьбу; шли спокойно („mit grosser Unempfindlichkeit“, по выраженію Гордона), сами входили на лѣстницу къ висѣлицамъ, крестились на всѣ четыре стороны, прощались съ народомъ, опускали на глаза саванъ, надѣвали себѣ петлю на шею и бросались съ подмостковъ. Коллинсъ говоритъ, что приговоренные къ повѣшенію всегда надѣваютъ себѣ сами петлю и сами бросаются внизъ. При отсутствіи при стрѣлецкихъ казняхъ, царь

Петръ сталь очень близко къ одной изъ приготовленныхъ шахъ, къ нему подошелъ осужденный стрѣлецъ и сказалъ: „Отойди, государь — мнѣ здѣсь лечь надо!“ Даже Петръ былъ пораженъ этою сценой и самъ рассказывалъ о ней Лефорту. Берхгольцъ сообщаетъ нѣсколько случаевъ поразительной твердости духа подвергавшихся казни преступниковъ. Въ 1722 году онъ видѣлъ двухъ колесованныхъ, положенныхъ на колесо. Эти двое, люди еще молодые, вовсе не имѣли на лицѣ смѣртной блѣдности; они были такъ покойны, какъ будто съ ними ничего не случилось. Но больше всего меня удивило то, говоритъ онъ, что одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ поднявъ свою раздробленную руку, висѣвшую между спицами колеса, утеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто; мало того, замѣтивъ, что запачкалъ нѣсколькими каплями крови колесо, на которомъ лежалъ лицомъ, онъ въ другой разъ, съ такимъ же усилениемъ, втащилъ ту же изувѣченную руку и рукавомъ оттеръ запачканное мѣсто. Фальшивый монетчикъ, положенный послѣ залитія горла на колесо, на другой день, еще живой, лежалъ на колесѣ спокойно и ловилъ рукою монету, которая была привѣшена къ колесу снизу. Еретикъ и богохульникъ, приговоренный къ сожженію на медленномъ огнѣ, съ предварительнымъ сожженіемъ правой руки, во время казни не испустилъ ни одного крика и оставался совершенно покоенъ; онъ неустрашимо смотрѣлъ все время на пылающую свою руку и только тогда отвернулся въ сторону, когда дымъ сталь ѣсть ему глаза и на головѣ загорѣлись волосы. Женщины не уступали въ твердости духа мужчинамъ. Окопанные въ землю находили въ себѣ достаточно душевной силы, чтобы благодарить наклоненіемъ головы прохожихъ за брошенные въ яму деньги, предназначавшіяся на ихъ погребеніе“.

Такимъ образомъ, и у насъ, какъ и на Западѣ, смертная казнь была долгое время совершенно нормальною карательною мѣрой.

Вымираніе смертной казни на Западѣ. Изъ этого положенія нормальной мѣры смертная казнь мало по малу выходитъ, начиная съ XVIII вѣка, хотя впрочемъ вопросъ о ней до сихъ поръ не можетъ считаться законченнымъ.

Въ современныхъ законодательствахъ смертная казнь является институтомъ вымирающимъ, примѣняемымъ чрезвычайно рѣдко. Такъ, въ Англіи, гдѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія она примѣнялась весьма часто, рядомъ отдѣльныхъ указовъ, и особенно законами Георга IV 1827 г. и королевы Викторіи тридцатыхъ годовъ и консолидированными статутами 1861 года, число преступныхъ дѣяній, обложенныхъ смертною казнью, значительно ограничено. Нынѣ ею облагаются: 1) верховная измѣна (high treason) т. е. посягательство на особу короля и другихъ лицъ королевскаго дома; 2) оконченное убійство, не только предумышленное, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и умышленное (такъ какъ англійское „murder“ имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ „предумышленное убійство“); 3) морской разбой съ насиліемъ надъ личностью и 4) поджогъ кораблей и арсеналовъ.

При этомъ въ Англіи замѣчается не только уменьшеніе въ

законодательствѣ числа преступленій, обложенныхъ смертною казною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и значительное уменьшеніе вѣроятности какъ постановленія приговора о смертной казни, такъ особенно приведенія въ исполненіе такого приговора. Въ началѣ текущаго столѣтія въ Англіи ежегодно приговаривалось къ смертной казни среднимъ числомъ 810 человекъ, а подвергалось ей въ дѣйствительности 80, то-есть менѣе $\frac{1}{10}$ всѣхъ приговариваемыхъ. Послѣ реформъ 30-хъ годовъ число случаевъ какъ постановленія смертныхъ приговоровъ, такъ и исполненія ихъ уменьшилось еще болѣе. Нынѣ приводится въ исполненіе около 10 приговоровъ въ годъ (въ 1871 г. — 4, въ 1877 — 23, въ 1884 — 16).

Во Франціи въ революціонную эпоху возникло стремленіе къ полной отмѣнѣ смертной казни; но политическія движенія этого времени, требовавшія усиленнаго примѣненія репрессивныхъ мѣръ, не дали ему осуществиться: оно проявилось только въ выраженномъ конституціею 1791 г. принципѣ, что смертная казнь подлежитъ отмѣнѣ съ наступленіемъ общаго мира. Предложенія Лепельтье 1791 г. и Кондорсе 1793 г. объ отмѣнѣ смертной казни не были приняты; однако, число преступленій, обложенныхъ этимъ наказаніемъ, было понижено до 32 и отмѣнена квалифицированная смертная казнь. Уложеніе 1810 г. назначаетъ смертную казнь за 38 видовъ преступленій, и, между прочимъ, квалифицированную (отсѣченіе кисти правой руки до полнаго лишенія жизни) — за отцеубійство. Дальнѣйшее развитіе французскаго законодательства было направлено къ сокращенію числа случаевъ примѣненія смертной казни; въ 1832 г. она была отмѣнена за 8 видовъ преступленій, въ 1848 — за преступленія политическія. Но и нынѣ Франція является страной, гдѣ смертною казною обложено наибольшее количество преступленій. Такія преступленія суть:

- 1) нанесеніе, съ намѣреніемъ убить, ранъ должностнымъ лицамъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей;
- 2) предумышленное убійство;
- 3) всякое преступленіе (crime), при которомъ были употреблены истязанія, пытки и т. п.;
- 4) непредумышленное убійство при извѣстныхъ отягчающихъ обстоятельствахъ;
- 5) кастрація;
- 6) лишеніе свободы, сопровождавшееся насиліемъ;
- 7) лжесвидѣтельство, если результатомъ его было присужденіе кого-либо къ смертной казни;
- 8) истребленіе посредствомъ поджога зданій, въ которыхъ находились люди;

9) нѣкоторыя нарушенія постановленій объ охраненіи народнаго здравія (по зак. 1822 г.);

10) нѣкоторыя поврежденія желѣзно-дорожныхъ сооруженій (по закону 1845 г.).

Исполненіе смертной казни во Франціи публично. Хотя перечень видовъ преступленій, обложенныхъ смертною казнью, еще довольно великъ, но и во Франціи институтъ этотъ долженъ быть причисленъ къ числу вымирающихъ. Тѣ 10 случаевъ, въ которыхъ она, по Code pénal, назначается, составляютъ лишь незначительный процентъ числа ихъ въ до-революціонномъ законодательствѣ. Постановленіе судомъ приговоровъ о смертной казни за преступленія, хотя бы и обложенныя ею по закону, становится явленіемъ болѣе и болѣе рѣдкимъ; еще рѣже случаи приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Паденіе числа случаевъ примѣненія смертной казни идетъ постепенно въ необыкновенно правильной прогрессіи. Въ періодъ 1826 — 1830 г. число приговоренныхъ къ смертной казни было 111, а среднее число казненныхъ 72; въ періодъ 1876 — 1880 г. приговоренныхъ 25, казненныхъ 6.

Въ Германіи вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи смертной казни давно обсуждается литературою. Въ 1871 г. онъ сдѣлался предметомъ оживленныхъ преній въ рейхстагѣ, когда въ парламентъ былъ внесенъ правительствомъ проектъ обще-германскаго уложенія и когда общественное мнѣніе успѣло уже замѣтно склониться на сторону отрицанія смертной казни. При первомъ и второмъ чтеніяхъ проекта смертная казнь была значительнымъ большинствомъ голосовъ отвергнута, на томъ основаніи, что многія изъ мелкихъ германскихъ государствъ уже раньше отказались отъ нея. Но при третьемъ чтеніи, благодаря энергическому вмѣшательству имперскаго канцлера, заявившаго, что если будетъ отвергнута смертная казнь за указанныя въ проектѣ преступленія, то правительство возьметъ обратно весь проектъ, составилось незначительное большинство въ пользу смертной казни (127 голосовъ противъ 119). Такимъ образомъ, дѣйствующее обще-германское уложеніе облагаетъ смертною казнью два вида преступленій: 1) предумышленное убійство (Mord), и 2) верховную измѣну (Hochverrath).

Практика примѣненія смертной казни въ Германіи свидѣтельствуеть о такомъ же процессѣ вымиранія этого института, какъ и въ другихъ государствахъ. Такъ, въ Пруссіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, къ смертной казни приговаривалось около 70-ти человекъ ежегодно; въ 60-хъ годахъ — 30; теперь еще менѣе; причемъ число лицъ, надъ которыми приговоры дѣйствительно приводились въ исполненіе, составляетъ также незначительный

процентъ всего числа приговоренныхъ; максимумъ числа казненныхъ ни въ одинъ годъ не поднимался выше 25, минимумъ равенъ 4. Аналогичное явленіе замѣчается въ другихъ мелкихъ германскихъ государствахъ.

Въ Австріи кодексъ 1803 г. назначалъ смертную казнь за 5 видовъ преступленій, а именно за 1) бунтъ; 2) поддѣлку денежныхъ знаковъ; 3) предумышленное убійство; 4) разбой и 5) квалифицированный поджогъ, сопровождавшійся лишеніемъ жизни.

По дѣйствующему австрійскому уложенію 1852 года смертная казнь отмѣнена за поддѣлку денежныхъ знаковъ, но введена за нѣкоторыя тягчайшія общепасныя желѣзнодорожныя поврежденія. По статистическимъ даннымъ Австріи, въ періодъ 1804 — 1853 г. ежегодно приговаривалось къ смертной казни среднимъ числомъ 30 ч., казнено — 9; въ періодъ 1854 — 1880 г. число приговоренныхъ 60, число казненныхъ — 4. Слѣдовательно, вѣроятность исполненія смертнаго приговора во второмъ періодѣ значительно уменьшилась сравнительно съ первымъ.

Въ Италіи смертная казнь была отмѣнена для Тосканы еще въ XVIII ст., подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Беккари. Именно, въ 1786 г. былъ составленъ для Тосканы проектъ уголовного кодекса и представленъ герцогу Леопольду II, который впервые вычеркнулъ смертную казнь изъ системы наказаній; смертная казнь, впрочемъ, и раньше уже перестала примѣняться въ Тосканѣ въ силу тайнаго повелѣнія герцога. Позднѣйшими законодательными актами смертная казнь въ Тосканскомъ герцогствѣ то возстановлялась, то снова отмѣнялась, что впоследствии дало возможность Миттермайеру дѣлать любопытныя сопоставленія числа и рода преступленій въ зависимости отъ существованія или несуществованія въ данное время смертной казни; онъ пришелъ къ выводу, что смертная казнь не уменьшаетъ числа преступленій и не обезпечиваетъ общественной безопасности. Въ 1861 году итальянская палата депутатовъ, большинствомъ 105 голосовъ противъ 81, постановила отмѣнить смертную казнь для всей Италіи; но предложеніе это не прошло, вслѣдствіе оппозиціи сената, такъ что смертная казнь осталась въ общенитальянскомъ кодексѣ. Нынѣ изготавляется въ Италіи проектъ новаго уложенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарождается новый защитникъ смертной казни въ лицѣ антропологической школы.

Кромѣ Тосканы, смертная казнь нынѣ отмѣнена въ нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ: именно въ Румыніи, Голландіи, Португаліи, республикѣ Санъ-Марино и др.

Общимъ образомъ она была отмѣнена и въ Швейцаріи на основаніи 65 ст. союзной конституціи 1874 г. Но въ 1879 году

статья эта была предложена на всенародное голосованіе, и оказалось, что большинство высказалось против нея; такимъ образомъ, статья эта, отмѣняющая смертную казнь, была отмѣнена народомъ. Въ этомъ фактѣ защитники смертной казни видятъ сильный доводъ въ свою пользу. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, сила этого довода оказывается сомнительной: только 6 кантоновъ (4 въ 1880 и 2 въ 1881) воспользовались правомъ возстановить у себя смертную казнь, — правомъ, котораго они до 1879 года не имѣли, между тѣмъ, какъ въ голосованіи, давшемъ имъ такое право, участвовали все кантоны. Изъ этого факта, слѣдовательно, нельзя вывести, что швейцарскій народъ желаетъ смертной казни; имъ доказывается только протестъ противъ излишней регламентаціи общимъ законодательствомъ такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о карательныхъ мѣрахъ. Голосованіе было выраженіемъ мнѣнія народа о централизаціи или децентрализаціи, а не о желательности или нежелательности введенія смертной казни.

Смертная казнь въ Россіи. Къ однороднымъ результатамъ, хотя совершенно другими путями, пришло, по отношенію къ разсматриваемому вопросу, и наше законодательство. У насъ смертная казнь отмѣнена раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ, но отмѣна эта произошла не столько по соображеніямъ необходимости или излишности ея, не столько по соображеніямъ государственныхъ нуждъ, сколько въ виду частью мотивовъ вѣшняго благочестія и набожности нашихъ правителей, частью — мягкости женскаго характера. Наиболѣе сильно такіе мотивы дѣйствовали въ царствованіе Елисаветы Петровны, которая имѣла личное нерасположеніе къ смертной казни. Тотчасъ по вступленіи на престоль, она объявила, что не допуститъ, чтобы въ ея царствованіе кто-либо былъ казненъ смертью. Начался своеобразный историческій процессъ отмѣны смертной казни, отмѣны не формальной и даже вообще за отмѣну у насъ не всемі признаваемый. Указомъ 1742 года отъ смертной казни освобождены малолѣтніе и несовершеннолѣтніе до 17 лѣтъ; отдѣльными указами сенату, судамъ предписывалось не приводить въ исполненіе приговоры о смертной казни, а представлять такіе приговоры на утверженіе Высочайшей власти, но Высочайшая власть ихъ не утверждала. Тюрьмы наполнились людьми, осужденными на смерть, но ожидающими своей участи, и сенатъ, не зная что съ ними дѣлать, обратился за разъясненіемъ къ императрицѣ. Тогда указами 1753 и 1754гг. общимъ образомъ предписано замѣнять смертную казнь новымъ наказаніемъ — политическою смертью и ссылкой въ Сибирь навсегда.

Существуетъ споръ о томъ, считать ли законодательство Елисаветы

отмѣной смертной казни или нѣтъ. Въ пользу перваго мнѣнія высказывались гр. Мордвиновъ, Сперанскій, Блудовъ и др. Противоположный взглядъ опирается на то, что, съ одной стороны, фактически смертная казнь у насъ не уничтожалась, такъ какъ случаи ея примѣненія были, напримѣръ, казнь Пугачева, Мировича и др.; съ другой стороны, что ни одинъ изъ указовъ Елисаветы Петровны не говоритъ объ отмѣнѣ смертной казни, а всѣ они предписываютъ только не приводить ее въ исполненіе; изъ чего выводять, что смертная казнь у насъ не была отмѣнена, тѣмъ болѣе, что указы Елисаветы относились только къ уголовнымъ дѣламъ, приговоры по которымъ до того не представлялись верховной власти. Первый доводъ не убѣдителенъ. Нужно помнить своеобразный взглядъ правительства XVIII в. на законъ: оно не считало себя связаннымъ закономъ въ такой мѣрѣ, какъ теперь; помимо того, оставались въ силѣ воинскіе артикулы, знавшіе смертную казнь. Столь же мало убѣдителенъ второй доводъ. И въ западныхъ законодательствахъ есть случаи отмѣны различныхъ институтовъ такимъ же отрицательнымъ путемъ, какимъ отмѣнена у насъ смертная казнь. Равнымъ образомъ, никто не станетъ отвергать, что въ теченіи всего времени, съ Елисаветы Петровны до уложенія 1845 года, у насъ хотя и были случаи примѣненія смертной казни, но приговоры о ней постановлялись не на основаніи общихъ законовъ и не общими судами, а всегда или на основаніи законовъ воинскихъ, или въ силу сепаратнаго закона, для даннаго случая изданнаго. Потому же не доказателенъ и доводъ, вытекающій изъ подеудности дѣлъ, о которыхъ говорить указы Елисаветы; для низшихъ судебныхъ мѣстъ требовалось прямое запрещеніе, для себя высшее правительство частью подразумевало тоже правило, частью оставляло власть назначенія смертной казни въ случаяхъ чрезвычайныхъ; законодательная и судебная дѣятельность въ то время еще не отдѣлились другъ отъ друга.

Слѣдовательно, законодательство Елисаветы Петровны должно быть разсматриваемо, какъ отмѣняющее смертную казнь въ Россіи для преступленій общегражданскихъ. Но ее формально возстановляютъ другіе, позднѣйшіе законы, а именно: полевое уложеніе 1812 г., опредѣлившее ее за нѣкоторыя преступленія воинскія и общія въ военное время; уставъ карантинный 1832 г. и, наконецъ, сводъ законовъ 1832 г., который возстановилъ смертную казнь за преступленія политическія противъ двухъ первыхъ пунктовъ, при условіи учрежденія верховнаго суда. При составленіи свода законовъ, Сперанскій исходилъ изъ того положенія, что у насъ смертная казнь общимъ образомъ отмѣнена, какъ за политическія, такъ и за другія преступленія; но что, въ виду

исторических примѣровъ ея примѣненія, должно признать, что она восстановлена позднѣйшими законами за нѣкоторыя преступленія. Поэтому, въ сводѣ законовъ 1832 года положеніе о смертной казни было сформулировано слѣдующимъ образомъ: „Казнь смертная, за разныя преступленія въ прежнихъ законахъ положенная и по указамъ 1753 и 1754 годовъ другими наказаніями замѣненная, съ того времени опредѣляется дѣйствующими нынѣ законами за слѣдующія токмо преступленія:

„1) за преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ, когда оныя по особенной ихъ важности предаются разсмотрѣнію и рѣшенію верховнаго уголовного суда;

„2) за нарушеніе карантинныхъ правилъ, по приговору военнаго суда;

„3) за воинскія преступленія, въ уставѣ военно-уголовномъ означенныя.

„Примѣчаніе. По бывшимъ доселѣ примѣрамъ извѣстно, что надъ преступниками противъ первыхъ двухъ пунктовъ были учреждаемы особые верховные суды: въ 1764 г. надъ подпоручикомъ Мирвичемъ; въ 1771 г. по происшедшему въ Москвѣ бунту во время заразы; въ 1779 году надъ донскимъ казакомъ Емелькою Пугачевымъ съ соучастниками; въ 1826 году по бунту 14-го декабря 1827 года“.

Таковъ объемъ примѣненія смертной казни по своду законовъ 1832 г. За политическія преступленія она могла быть назначена только въ томъ случаѣ, если верховная власть найдетъ нужнымъ назначить особый для даннаго случая судъ, а за карантинныя — по приговору военнаго суда; общимъ образомъ она Своду законовъ не была извѣстна. Отъ этого положенія отказалось дальнѣйшее законодательство.

Еще проектъ 1813 г. предполагалъ возстановить у насъ смертную казнь за преступленія политическія, за важнѣйшія преступленія противъ личности и даже противъ собственности; однако, это предложеніе не было принято. Въ секретномъ комитетѣ Лавинскаго, который былъ учрежденъ для разсмотрѣнія вопроса о наказаніяхъ за дѣянія, совершенныя ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами, также предлагалось ввести смертную казнь, но и это предложеніе не было принято. Хотя проектъ 1813 года не получилъ силы закона, но не подлежитъ сомнѣнію, что Сперанскій имѣлъ въ виду работы по его составленію, чѣмъ и объясняется его осторожное отношеніе къ вопросу о смертной казни.

При составленіи уложенія 1845 года въ средѣ членовъ комисіи преобладала мысль о необходимости смертной казни, какъ вѣнца карательной системы, безъ котораго послѣдняя не

совершенно; графъ Блудовъ предлагалъ ввести смертную казнь, кромѣ политическихъ преступленій, еще и за нѣкоторыя преступленія противъ личности. Но и на этотъ разъ такое предложеніе не было принято. Смертная казнь осталась за прежнія три категоріи преступленій: политическія, карантинныя и военныя; но введено то измѣненіе, что важнѣйшія политическія преступленія обложены смертною казнью въ видѣ общаго правила, независимо отъ признанія важности ихъ спеціальнымъ закономъ объ учрежденіи верховнаго суда.

Итакъ, формально у насъ смертная казнь можетъ считаться отмѣненною, уже болѣе 100 лѣтъ, за всѣ общія преступленія, и затѣмъ восстановленною за нѣкоторыя спеціальныя преступленія. Объемъ примѣненія ея за эти послѣднія незначителенъ. За время съ 1866—1881 г., т. е. за самое бурное, тревожное время нашей политической жизни, было приговорено къ смертной казни за политическія преступленія 46 лицъ, а приведены въ исполненіе приговоры по отношенію къ 28 лицамъ, что, при раздѣленіи на 15 лѣтъ, даетъ въ среднемъ выводѣ менѣе 2-хъ человѣкъ въ годъ; на 1879 годъ выпало изъ общаго числа 16 случаевъ примѣненія смертной казни. Въ остальные періоды нашей новѣйшей исторіи случаи примѣненія смертной казни еще болѣе рѣдки.

Но фактически смертная казнь у насъ не была отмѣнена, пока существовали тѣлесныя наказанія; и это прекрасно поняли иностранцы, которые упрекали насъ, что мы отмѣнили простую смертную казнь, но сохранили квалифицированную: шпицрутены до 6 и даже до 10.000 ударовъ, плети, кнутъ при извѣстномъ числѣ ударовъ и при извѣстной сноровкѣ—были примѣненіемъ квалифицированной смертной казни. Другое обстоятельство состояло въ томъ, что наше общее законодательство отмѣнило смертную казнь, но допускало частую передачу дѣлъ въ военные суды для рѣшенія ихъ по законамъ военнымъ; сводъ законовъ 1857 г. зналъ болѣе 40 случаевъ, когда такая передача могла имѣть мѣсто. Судебные уставы положили предѣлъ этому порядку вещей, запретивъ передачу дѣлъ въ военные суды, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, точно указанныхъ случаевъ. Но въ послѣднее время, на основаніи закона объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, передача дѣлъ изъ общихъ судовъ въ военные предоставлена на усмотрѣніе генералъ-губернатора данной мѣстности, чѣмъ въ значительной степени парализуется дѣйствіе указаннаго постановленія судебныхъ уставовъ. Если, такимъ образомъ, вопросъ о смертной казни въ Россіи тѣсно связанъ съ вопросомъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, то съ отмѣной послѣднихъ, т. е. съ указа 17-го апрѣля 1863 года, и фактическое,

замаскированное примѣненіе смертной казни за общія преступленія можетъ считаться отмѣненнымъ. Русское законодательство пришло къ тому же положенію по отношенію къ смертной казни, какъ и западныя законодательства: и у насъ процессъ вымиранія этого института не подлежитъ сомнѣнію.

Оцѣнка смертной казни. Но, однако, и до сихъ поръ вопросъ о смертной казни даетъ поводъ къ разногласіямъ между криминалистами и далеко еще не поконченъ. Если не подлежитъ сомнѣнію, что, въ отношеніи историческомъ, институтъ смертной казни вымираетъ, то самъ собою ставится вопросъ: желательно ли такое вымираніе?

При такомъ логическомъ разсмотрѣніи, вопросъ о смертной казни распадается на вопросы:

1) имѣетъ ли государство право наказывать человѣка смертью, отнимать у него самое драгоценное благо его — жизнь?

2) необходима ли смертная казнь, или можно обойтись безъ нея? Нѣтъ ли мѣръ, приводящихъ къ той же цѣли болѣе легкимъ способомъ и, слѣдовательно, болѣе предпочтительныхъ?

I. Право государства отнимать жизнь у преступниковъ отрицалось съ двоякой точки зрѣнія: 1) религіозной и 2) философской.

1) Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанская религія относится враждебно къ смертной казни. Это выразилось въ первоначальномъ положительномъ правѣ западной церкви, въ основу котораго легъ извѣстный принципъ: *ecclesia abhorret sanguinem*. Но принципъ этотъ выставлялся христіанскою церковью въ тотъ періодъ, когда она находилась въ небольшомъ числѣ преслѣдуемыхъ; когда же на западѣ христіанство сдѣлалось господствующимъ, она мало-по-малу стала забывать его; она даже начала пользоваться смертною казнью, какъ оружіемъ противъ невѣрующихъ. Правда, и въ этотъ періодъ она сама не обагряла своихъ рукъ кровью, но покорною слугою ея и исполнителемъ смертныхъ приговоровъ было государство, которое примѣняло это наказаніе для своихъ и ея цѣлей. Отдѣльные сектанты и послѣ того отъ времени до времени возставали противъ права государства наказывать смертью. Такъ, въ XIII ст. секта вальденцевъ выставила отрицаніе смертной казни однимъ изъ главныхъ положеній своего исповѣданія; въ XV ст. религіозный сектантъ Социнъ доказывалъ несправедливость смертной казни, и такъ рѣзко высказывался противъ нея, что ему счелъ долгомъ возражать знаменитый нѣмецкій криминалистъ Карпцовъ; англійскіе сектанты XVII ст. возставали противъ смертной казни съ точки зрѣнія недопустимости для государства права лишенія жизни, какъ права, принадлежащаго только Богу, и какъ мѣры,

лишающей преступника возможности искупить свою вину. Однако, сила этихъ доводовъ для вопроса о правѣ государства наказывать смертью серьезнаго значенія не имѣетъ. Государство есть институтъ земной, призванный служить земнымъ цѣлямъ; если для достиженія этихъ земныхъ цѣлей необходимо примѣненіе тѣхъ или другихъ мѣръ, то вопросъ о томъ, какія именно мѣры должны быть предпочтены, можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи ихъ пригодности и необходимости. Христіанское начало воздаянія добромъ за зло не можетъ быть положено въ основу никакого кодекса.

2) Противъ права смертной казни возражали тѣ философскія теоріи, которыя выходили изъ идеи естественнаго происхожденія правъ и договорнаго образованія государства. Такъ, Фихте не признаетъ за государствомъ права примѣненія смертной казни по слѣдующимъ соображеніямъ. Люди слагаются въ общества по добровольному соглашенію, съ цѣлью обезпечить себѣ ту безопасность, которой они не имѣли въ первобытномъ состояніи. Для этого каждый отказывается отъ частицы прежней естественной безопасности, и изъ этихъ частицъ слагается право общества на принятіе извѣстныхъ мѣръ для охраненія общей безопасности. Каждый, вступающій въ общество, даетъ этому обществу право изгнать его, буде онъ нарушитъ общественную безопасность; право на лишеніе жизни не можетъ быть уступлено обществу; что касается другихъ, болѣе легкихъ мѣръ, то онѣ примѣняются въ силу новаго договора, на томъ основаніи, что изгнаніе иногда является мѣрой слишкомъ тяжелой. Эти доводы отпадаютъ съ отпаденіемъ самаго ихъ основанія, т. е. съ отпаденіемъ фикціи договорнаго образованія государства и естественнаго происхожденія правъ личности.

Отрицать право государства на смертную казнь невозможно; если, для огражденія безопасности, государство можетъ требовать отъ гражданъ, чтобы они жертвовали своею жизнью на войнѣ, если, слѣдовательно, ему принадлежитъ право распоряженія жизнью невинныхъ, то тѣмъ болѣе оно принадлежитъ ему по отношенію къ виновнымъ.

II. Совершенно иначе ставится вопросъ, насколько смертная казнь необходима для осуществленія цѣлей государства.

Въ пользу смертной казни приводили: ея устрашительное значеніе, ея необходимость для удовлетворенія народному чувству справедливости и ея необходимость въ видахъ обезпеченія государственной и общественной безопасности. Но всѣ эти доводы падаютъ при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ.

1) Пытались оправдать смертную казнь тѣмъ, что она есть мѣра наиболѣе устрашительная и потому лучше всего ограждающая обще-

ство; страхъ подвергнуться смертной казни заставляетъ человѣка воздерживаться отъ преступленія именно потому, что это наказаніе направлено на самое дорогое благо его — жизнь. При разсмотрѣніи этого довода, нужно различать въ устрашительномъ качествѣ смертной казни два момента: устрашеніе угрозы и устрашеніе самаго исполненія.

Устрашительное значеніе угрозы смертной казни для готовящагося совершить преступленіе нынѣ представляется ничтожнымъ, потому что между угрозой и дѣйствительнымъ исполненіемъ оказывается цѣлая пропасть; существуетъ масса шансовъ избѣгнуть смертную казнь; припомнимъ, что изъ постановленныхъ судами приговоровъ едва $\frac{1}{10}$ приводится въ исполненіе; а для того, чтобы приговоръ былъ постановленъ, нужно, чтобы виновный былъ задержанъ, привлеченъ къ отвѣтственности, признанъ виновнымъ и т. п.; такъ что можно сказать, что изъ тысячи человѣкъ, на которыхъ распространяется угроза смертной казни, едва 5, 6, много 10, будутъ ей въ дѣйствительности подвергнуты. Устрашительное значеніе угрозы смертной казни для всего населенія равнымъ образомъ представляется недоказаннымъ; цифра преступленій не увеличивается тамъ, гдѣ законодатель воздерживается отъ этой мѣры, и наоборотъ. Притомъ, населеніе не всегда знаетъ, за какія дѣянія законъ грозитъ смертною казнью; иногда условія ея примѣненія поставлены такъ тонко юридически, что простой, необразованный человѣкъ не можетъ и понять ихъ.

Что касается устрашительнаго значенія исполненія смертной казни, то нужно различать вліяніе ея, съ одной стороны, на наказываемаго, съ другой — на населеніе или толпу, присутствующую при совершеніи казни. На наказываемаго она имѣетъ страшное вліяніе; уже постановленіе приговора о смертной казни отражается на духовной сторонѣ человѣка чрезвычайно глубоко. Но при этомъ возможны значительныя различія въ ея проявленіи. Иногда человѣкъ, подъ вліяніемъ близости смерти, раскаивается въ прежней дѣятельности, желаетъ примириться съ Богомъ и людьми; это значитъ, что устрашеніе подѣйствовало, и тогда подвергнуть его смертной казни было бы несправедливо. Иногда человѣкъ въ послѣднюю минуту начинаетъ чувствовать животное желаніе жизни, животный страхъ разстаться съ нею; были примѣры, что, подъ вліяніемъ такого страха, осужденный вступалъ въ личную схватку съ палачемъ; его приходилось силой тащить на казнь; все это производить на лицъ, окружающихъ эшафотъ, тяжелое, въ высшей степени неэстетическое впечатлѣніе. Итакъ, моментъ исполненія смертной казни, безъ сомнѣнія, устрашителенъ для подвергаемаго ей; это общее

правило; но есть исключенія; есть случаи, когда человекъ совершаетъ какое-нибудь преступленіе по убѣжденію, изъ фанатическаго служенія идеѣ, и тогда необходимость пожертвовать жизнью, т. е. высшимъ благомъ, которое онъ имѣетъ, возвышаетъ его въ его собственныхъ глазахъ; въ этомъ случаѣ смертная казнь не имѣетъ никакого устрашительнаго значенія. Точно также, какъ показываетъ опытъ, она не имѣетъ устрашительнаго значенія и для разряда лицъ, являющихся „героями каторги и эшафота“; они стараются показать, что съ презрѣніемъ принимаютъ отъ общества эту кару. Что касается устрашительнаго значенія исполненія смертной казни на толпу, то въ этомъ отношеніи сдѣланы любопытныя наблюденія; въ Англіи замѣчали, что на ту же площадь, гдѣ происходила казнь, собирались карманные воры и совершали кражи въ то самое время, когда за воровство вѣшали. По отзывамъ нѣкоторыхъ священниковъ англійскихъ тюремъ, имъ были извѣстны цѣлыя семейства, гдѣ дѣдъ, отецъ и сынъ кончали жизнь отъ руки палача и гдѣ, слѣдовательно, смертная казнь никакого устрашительнаго значенія не имѣла. Мало того: вліяніе ея на общество скорѣе отрицательное, развращающее; въ то время, когда во Франціи наиболѣе дѣятельно работала гильотина, этотъ инструментъ, въ видѣ игрушки, былъ въ каждомъ семействѣ; дѣти для забавы гильотинировали птицъ, собакъ, кошекъ и т. п. Все это показываетъ, что смертная казнь производитъ дѣйствіе, противоположное тому, которое отъ нея ожидаютъ. У лицъ, которыя окружаютъ эшафотъ, появляется или сожалѣніе къ наказываемому, или, напротивъ, грубыя насмѣшки, издѣванія. Весьма нерѣдко, особенно при несовершенствѣ инструментовъ, палачу не удается сразу и со всею точностью исполнить актъ лишенія жизни: рвется веревка, скользятъ топоръ; осужденнаго приходится лишать жизни въ нѣсколько пріемовъ; это въ толпѣ возбуждаетъ неудовольствіе противъ казни и суда, что, конечно, въ высшей степени нежелательно. И нельзя сказать, что эти случаи составляютъ рѣдкое исключеніе; въ прежнее время выработалась даже практика, что если кто сорвется съ петли, тотъ уже вторично не подвергается казни, ибо, въ противномъ случаѣ, тяжесть казни была бы удвоена, смертная казнь стала бы квалифицированной. Развращая грубые элементы населенія и разжигая въ немъ самыя несимпатичныя инстинкты, зрѣлище смертной казни представляется зрѣлищемъ въ высшей степени тягостнымъ для культурнаго человека нашего времени, привыкшаго уважать личность, зрѣлищемъ крайне неэстетическимъ, противорѣчащимъ всему его міровоззрѣнію. Такимъ образомъ, ближайшее изслѣдованіе расшатываетъ прежнее убѣжденіе въ устрашительномъ дѣйствіи смертной казни

на толпу; этимъ объясняется и тотъ существенный переворотъ, который произошелъ въ способѣ исполненія смертной казни; прежде она исполнялась всенародно, на высокомъ эшафотѣ, на площади; народъ даже насильственно стонался на площадь для присутствованія при казни. Нынѣ, напротивъ, публичное исполненіе смертной казни болѣе и болѣе оставляется; начало этому новому порядку положили нѣкоторые штаты Сѣверо-Американскаго Союза; постепенно непубличное исполненіе смертной казни, въ стѣнахъ тюремъ, вводится и въ Европѣ: въ 1857 г. его приняла Пруссія, за нею послѣдовали другія германскія государства; съ 1868 г. оно примѣняется въ Англии, съ 1881 г. — въ Россіи. Этотъ переходъ отъ публичнаго исполненія смертной казни къ непубличному свидѣтельству о коренномъ измѣненіи во взглядѣ законодателя на это наказаніе; онъ доказываетъ, что вѣра въ устрашительное значеніе смертной казни утрачена и что сознано вредное ея вліяніе на толпу. Но и теперь у подножія эшафота остается ех officіо нѣсколько лицъ, принадлежащихъ обыкновенно къ высшему, культурному обществу; въ какое тяжелое положеніе ставятся эти лица! Опытъ показываетъ, что болѣею частью обязанные присутствовать при совершеніи казни стараются отдѣлаться отъ этой обязанности.

2) Говорятъ, далѣе, что смертная казнь необходима, какъ мѣра единственно справедливая за нѣкоторыя тяжкія дѣянія; что обложеніе этихъ дѣяній другими наказаніями противорѣчило бы народному чувству справедливости; что хотя прежнее начало уголовной справедливости, требовавшее око за око, зубъ за зубъ, и отошло въ вѣчность, но что и донынѣ чловѣкъ, совершившій убійство, пролившій кровь другаго, по народному возрѣнію долженъ пролить свою кровь; что законодатель обязанъ преклоняться предъ этимъ чувствомъ народной справедливости и за убійство назначать смертную казнь. Этотъ доводъ приводится представителями абсолютныхъ теорій, и приводится именно по отношенію къ предумышленному убійству, которое, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть погашено ничѣмъ инымъ, какъ смертью. Но самая ссылка на чувство народной справедливости есть ссылка на нѣчто весьма неопредѣленное; сила ея ослабляется тѣмъ уже, что въ различныхъ государствахъ смертною казнью облагаются различныя преступленія; если чувство народной справедливости съ такою настойчивостью требуетъ во Франціи смерти матери, убившей своего незаконнаго ребенка, то почему оно не требуетъ ея въ другихъ странахъ за то же преступленіе? Опытъ показываетъ, что въ странахъ, гдѣ смертная казнь на время была отмѣнена, къ такому порядку привыкають, и тогда народное чувство даже противится возстановленію ея (такъ

было въ Тосканѣ). Требуется ли у насъ народное чувство смертной казни за предумышленное убійство? У насъ, правда, слышатся голоса изъ народа, требующіе примѣненія смертной казни, но за совершенно другія преступленія, между прочимъ, за конокрадство; да и эти голоса настолько неопредѣленны и не провѣрены, что не могутъ служить доказательствомъ необходимости такой мѣры; наказаніе, какъ институтъ, призванный служить государственнымъ цѣлямъ, долженъ покоиться на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

3) Аргументируютъ еще въ пользу необходимости смертной казни за политическія преступленія соображеніями государственной безопасности. Было время, дѣйствительно, когда государства не могли обойтись безъ смертной казни по отношенію къ такимъ преступленіямъ, но это было въ эпоху, когда они носили характеръ династическихъ посягательствъ противъ власти. При династическомъ характерѣ этихъ преступленій, они концентрировались около извѣстной личности; пока существовала эта личность, оставалась опасность для государства, и мѣры болѣе легкія, чѣмъ смертная казнь, были недостаточны; притомъ, съ уничтоженіемъ главы распадалась вся партія; въ это время примѣненіе смертной казни къ политическимъ преступникамъ могло еще быть оправдано. Но теперь политическія преступленія группируются не около личности, а около идеи; отдѣльныя лица являются лишь болѣе или менѣе убѣжденными носителями извѣстной идеи; между тѣмъ, идея не уничтожается съ уничтоженіемъ личности; на мѣсто казненнаго являются новые приверженцы данной идеи, готовые бороться за нее ¹⁾. Отсюда вытекаетъ, что смертная казнь нынѣ и по отношенію къ политическимъ преступленіямъ не можетъ приносить той пользы, какую быть можетъ приносила прежде. Нужно прибавить къ этому, что при измѣнившемся характерѣ политическихъ преступленій, характеризующемъ наше время, примѣненіе государствомъ крайнихъ мѣръ самоохраны для него самого невыгодно: оно обостряетъ чувство недовольства, увеличиваетъ ряды недовольныхъ, возбуждая сочувствіе къ казненному; притомъ, фанатиковъ идеи угроза эшафота остановить не можетъ. Замѣтимъ далѣе, что самая оцѣнка преступности или не-преступности данныхъ дѣяній политическихъ подлежитъ наиболѣе сильнымъ колебаніямъ; съ измѣненіемъ правительства, даже съ измѣненіемъ министерства, преступленія, считавшіяся наиболѣе тяжкими, низводятся на степень незначительныхъ проступковъ или дѣяній безразличныхъ. Этимъ и объясняется, что многія законодательства

¹⁾ Эти мысли развиты въ брошюрѣ Guisot, De la peine de mort en matière politique.

отказались от примѣненія смертной казни именно за политическія преступленія.

4) Приводятъ еще тотъ доводъ, что смертная казнь необходима для обезпеченія общественной безопасности; говорятъ, что наказаніе должно ограждать общество отъ всякихъ преступныхъ посягательствъ; эту задачу обыкновенно берутъ на себя нормальныя наказанія, которыя и достигаютъ преслѣдуемую цѣль по отношенію къ преступникамъ исправимымъ; но иначе ставится вопросъ по отношенію къ неисправимымъ: если можно съ увѣренностью сказать, что данный преступникъ совершенно неисправимъ, то для огражденія отъ него общества остается единственная мѣра — лишить его жизни. Таковъ доводъ, приводимый нынѣ преимущественно итальянскою антропологическою школой. Согласно этому взгляду, такимъ образомъ, смертная казнь должна примѣняться къ неисправимымъ; но является вопросъ: какіе изъ преступниковъ должны быть признаны наиболѣе неисправимыми, тѣ ли, которые совершили наиболѣе тяжкія преступленія? Наблюденія показываютъ, что, наоборотъ, наиболѣе неисправимымъ представляется классъ мелкихъ ворюшекъ, подготовленныхъ къ преступной жизни праздною и порокомъ. И если допустить, что смертная казнь нужна для неисправимыхъ, то это привело бы къ тому, что она должна примѣняться не за тягчайшія преступленія, а, напротивъ, за преступленія наиболѣе легкія. Для юриста этотъ выводъ изъ приводимаго аргумента представляется достаточнымъ, чтобы уничтожить силу самаго аргумента. Но антропологическая школа предъ такимъ выводомъ не останавливается; она говоритъ, что хотя эти дѣянія въ отдѣльности не опасны, но они рисуютъ человѣка опаснымъ для общества, такой человѣкъ и долженъ быть уничтоженъ. Нужно замѣтить, что антропологическая школа рекомендуетъ для неисправимыхъ, какъ нормальное наказаніе, пожизненное заключеніе и ссылку; такъ что остается невыясненнымъ, какихъ именно лицъ этой категоріи она желала бы подвергнуть смертной казни, какихъ — пожизненному заключенію или пожизненной ссылке.

Такимъ образомъ, тѣ соображенія, которыя приводятся въ пользу смертной казни, оказываются невыдерживающими критики. Вполнѣ признавая право государства примѣнять смертную казнь, нужно признать, что необходимость ея далеко не доказана.

III. Къ этимъ отрицательнымъ доводамъ должны быть присоединены положительныя недостатки, категорически говорящіе противъ смертной казни.

1) Она недѣлима, представляется наказаніемъ безусловно-опредѣленнымъ и потому не допускаетъ индивидуализированія.

2) Она дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на населеніе, являясь

во многихъ случаяхъ школой грубости и звѣрства; приводитъ она, слѣдовательно, къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ существуетъ.

3) Она невозстановима и неотмѣнима, а это въ высшей степени важно на случай судебныхъ ошибокъ, которыя, не смотря на всевозможныя предосторожности, неизбежны. Правда, что этотъ доводъ не имѣетъ рѣшающаго значенія: съ одной стороны, государство можетъ игнорировать возможность судебной ошибки, принявъ мѣры къ тому, чтобы таковыя случались какъ можно рѣже, съ другой стороны — и всѣ иныя кары (кромѣ денежныхъ взысканій), также не вполне возстановимы. Но, однако, наименьшею возстановимостью отличается все-таки смертная казнь.

4) Въ прежнее время прибѣгали къ смертной казни, какъ наказанію, наиболѣе простому по способу исполненія и наиболѣе дешевому; въ лицахъ, исполнявшихъ смертную казнь, недостатка не было; такія лица пользовались почетомъ; палачъ былъ исполнитель воли божества, и за функцію эту брались жрецы или уважаемыя должностныя лица; были случаи, что царствующія особы принимали ихъ на себя. Нынѣ трудно найти человѣка свободнаго, честнаго, который пошелъ бы въ палачи; ихъ приходится рекрутировать изъ лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни и освобожденныхъ отъ нея подъ условіемъ быть палачемъ; у насъ прежде освобождали отъ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній подъ этимъ условіемъ. Общество затворяетъ предъ палачемъ всѣ двери, ему приходится жить за чертой города. Если бы возложить эту обязанность на военнотружущихъ, то это составило-бы самую тяжелую изъ всѣхъ ихъ обязанностей.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно голословнымъ оказывается положеніе, будто смертная казнь самое дешевое наказаніе. Дѣйствительно, эшафотъ, веревка и пр. стоятъ недорого, самое исполненіе казни обыкновенно не трудно; но если принять въ расчетъ человѣческую жизнь, которая представляетъ въ высшей степени важную экономическую цѣнность, притомъ, цѣнность, болѣе и болѣе возвышающуюся, то окажется, что смертная казнь есть крайне невыгодное въ экономическомъ отношеніи, крайне дорогое наказаніе.

Итакъ, смертная казнь представляется въ высшей степени тяжкою мѣрой, направленною къ достиженію такихъ послѣдствій, которыя могутъ быть достигнуты, въ нормальномъ порядкѣ жизни, при помощи мѣръ болѣе легкихъ. Смертная казнь есть несомнѣнно институтъ вымирающій; она должна совершенно уничтожиться, это — необходимое заключеніе, къ которому приводитъ историческое разсмотрѣніе этого института. Если можно въ настоящее время говорить о сохраненіи смертной казни, то исключительно какъ мѣры

крайней, примѣнимой въ ненормальныя эпохи государственной жизни, когда государство подвергается опасности во время войны и вступаетъ въ критическій фазисъ своего существованія. Шпіоны, измѣнники, были и будутъ подвергаемы смертной казни; противъ этого ничего нельзя сказать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать война. Государство въ военное время находится въ исключительныхъ обстоятельствахъ; оно не можетъ заводить длинныхъ судебныхъ процедуръ, оно не можетъ отправлять осужденныхъ въ мѣста заключенія, такъ какъ и мѣста заключенія тогда небезопасны; самая тяжесть преступленій въ это исключительное время представляется значительно вышею, и опасность отдѣльной личности для государства доходить до такой степени, какой она никогда не можетъ представлять въ другое время. При нормальныхъ же условіяхъ существованіе смертной казни не можетъ быть оправдано; она излишня, нецѣлесообразна, а слѣдовательно, и несправедлива.

ГЛАВА II.

Тѣлесныя наказанія.

Понятіе и виды. Другую группу карательныхъ мѣръ образуютъ наказанія тѣлесныя. Подъ ними разумѣютъ мѣры, имѣющія своимъ предметомъ тѣлесную неприкосновенность наказываемаго и причиняющія ему боль и страданіе. Эти наказанія, сообразно тому, заключаются ли они въ лишеніи какого-нибудь органа или нѣтъ, распадаются на членовредительныя наказанія и наказанія тѣлесныя въ тѣсномъ смыслѣ. Къ тѣмъ и другимъ уголовное законодательство въ прежнія времена прибѣгало очень часто, рстачало ихъ щедрою рукою. Цѣли, ими преслѣдуемая, были различны. Такъ, при помощи тѣлесныхъ наказаній желали удовлетворить чувство обиды потерпѣвшаго, вызванное преступнымъ дѣяніемъ, или въ томъ смыслѣ, что стремились причинить виновному боль и страданіе, или въ томъ смыслѣ, что стремились воздать ему тоже зло, которое онъ причинилъ потерпѣвшему. Изъ этой послѣдней цѣли вылилась идея тальона, или виѣшняго соотвѣтствія наказанія съ преступленіемъ, которая породила массу членовредительныхъ наказаній: лжесвидѣтельство, напр., наказывалось отрѣзаніемъ языка, лжеприсяга, въ виду того, что присягающій поднималъ кверху два пальца, наказывалось отрѣзаніемъ этихъ пальцевъ, изнасилованіе — кастраціею; всѣ члены человеческого тѣла — руки, ноги, уши, носъ, зубы, пальцы и т. под., — бывали предметомъ карательнаго распоряженія. Это стремленіе причинить наказываемому боль и страданіе для

удовлетворенія чувства обиды потерпѣвшаго проникало въ болѣе ранній періодъ человѣческой жизни всѣ карательныя мѣры, такъ что элементъ тѣлеснаго страданія былъ присущъ даже такимъ наказаніямъ, которыя не имѣли значенія тѣлесныхъ наказаній; такъ напр., и лишеніе свободы имѣло характеръ тѣлеснаго бичеванія. Въ силу того же стремленія, работы, которымъ подвергались осужденные, были самыя тяжелыя; словомъ, такъ какъ эта идея можетъ быть примѣняема въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, то ею окрашивались въ прежнее время всѣ карательныя мѣры. Возврата къ такому порядку въ настоящее время требуетъ Миттельштетъ, который говоритъ, что наказаніе должно быть лишеніемъ, страданіемъ, и больше ничѣмъ; онъ допускаетъ, въ качествѣ наказанія, и лишеніе свободы, но съ условіемъ, чтобы оно причиняло и тѣлесное мученіе. Другая цѣль, которая преслѣдовалась тѣлесными наказаніями, состояла въ томъ, чтобы доставить обществу безопасность. Такое доставленіе безопасности можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: въ прямомъ смыслѣ, когда оно состояло въ лишеніи виновнаго того члена, которымъ онъ совершилъ преступленіе (отрѣзаніе языка, пальцевъ), или въ переносномъ, которое состояло въ наложеніи на преступника такихъ знаковь, по которымъ его могли бы различать въ обществѣ; отсюда — клейменіе, разнаго рода членовредительства, какъ-то: рваніе ноздрей, отрѣзываніе уха и т. п. Очевидно, что изъ различія цѣлей вытекало и различіе въ выборѣ мѣръ для тѣлесныхъ наказаній.

Причины, вызывавшія весьма частое примѣненіе членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній въ прежнее время, были разнообразны; главнымъ образомъ, онѣ состояли, во-1-хъ, въ непризнаніи правъ личности, и, во-2-хъ, въ сословныхъ различіяхъ, которыя существовали въ обществахъ того времени. Вездѣ, гдѣ существовала сословная рознь, для лицъ низшихъ классовъ употреблялись тѣлесныя наказанія, которыя являлись выраженіемъ господства высшихъ классовъ надъ низшими. Уже въ древнемъ Римѣ различались наказанія для *honestiores* и *humiliores*: въ то время, какъ римскіе граждане не позволяли прикоснуться къ своему тѣлу рукъ палача, лица низшихъ сословій подвергались разнымъ тѣлеснымъ бичеваніямъ: такъ, для *honestiores* за смертную казнь слѣдовали изгнаніе и ссылка, для *humiliores* — наказанія, построенныя на принципѣ причиненія непосредственнаго страданія, какъ-то: каторжныя работы, тѣлесныя бичеванія разнаго рода. То же самое было въ Западной Европѣ и у насъ; сословная рознь поддерживала тѣлесныя наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, свобода, которая въ настоящее время считается весьма цѣннымъ благомъ чловѣка, въ прежнее время

цѣнилась невысоко: приходилось для наказанія обращаться къ самому тѣлу. Къ тому же, тѣлесныя наказанія были весьма дешевыми карательными мѣрами, быстро исполнялись и, такимъ образомъ, представлялись во всѣхъ отношеніяхъ удобными. При режимѣ тѣлесныхъ бичеваній, даже наказанія инаго рода старались проникнуть этимъ элементомъ причиненія тѣлеснаго страданія; лишеніе свободы сводилось или къ мучительнымъ работамъ, или къ тягостному для тѣла заключенію, съ придаткомъ кандаловъ, цѣпей, съ помѣщеніемъ заключаемаго въ темномъ погребѣ или въ тѣсной клѣткѣ. Тѣмъ не менѣе, тѣлесныя наказанія въ настоящее время представляются институтомъ вымирающимъ, даже въ большей степени, чѣмъ смертная казнь. Вѣрно остроумное замѣчаніе проф. Кистяковского (Элем. Учеб. § 442), который говоритъ: „Тѣлесныя наказанія, имѣя тождественное происхожденіе съ смертною казнью до такой степени, что они нерѣдко переходили въ сію послѣднюю, въ значительной степени отличаются отъ нея своею судьбою въ періодъ своего уничтоженія или вымиранія; тогда какъ во второй половинѣ XVIII ст. вѣѣ энергически возстали противъ смертной казни, тѣлесныя наказанія въ XVIII ст. какъ-то оставались въ тѣни и избѣгли тѣхъ энергическихъ принципиальныхъ нападокъ, какимъ подверглась смертная казнь. Взамѣнъ того, нынѣ едва ли можно встрѣтить хотя бы одного теоретика-криминалиста, который бы серьезно рѣшился защищать состоятельность и цѣлесообразность тѣлесныхъ наказаній, тогда какъ смертная казнь до сихъ поръ находитъ болѣе или менѣе убѣжденныхъ и искреннихъ защитниковъ“.

Общія причины вымиранія тѣлесныхъ наказаній сводятся къ тому, что личность стала пріобрѣтать все большую и большую цѣну въ государствѣ. Въ частности, ближайшими причинами такого вымиранія были: 1) Стремленіе извлечь пользу изъ рабочихъ силъ преступниковъ, приводившее къ отмѣнѣ главнѣйшихъ членовредительныхъ наказаній — отсѣченія рукъ, ногъ. 2) Смягченіе нравовъ было другою крупною причиной вымиранія тѣлесныхъ наказаній: государства съ теченіемъ времени убѣдились, что наказанія эти содѣйствуютъ огрубѣнію нравовъ, ожесточаютъ преступника или унижаютъ его, и, такимъ образомъ, производятъ прямо противоположные результаты тѣмъ, которые преслѣдуются наказаніями. 3) Уничтоженіе сословной розни въ современныхъ обществахъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе невозможнымъ существованіе тѣлесныхъ наказаній только для низшихъ классовъ и приводитъ къ необходимости уничтоженія ихъ въ видѣ общаго правила. 4) Наконецъ, тѣлесныя наказанія представляются карательными мѣрами неравномѣрными, по двумъ главнымъ причинамъ. Первая состоитъ въ томъ, что тяжесть наказаній этого рода

зависитъ отъ произвола палача, его ловкости, умѣнья. Были такіе искусные палачи, которые одинаковымъ, повидимому, ударомъ могли или едва коснуться листа бумаги, или разрубить толстую доску, и посторонній зритель не замѣчалъ при этомъ никакого различія въ силѣ удара. Вслѣдствіе этого явилась мысль замѣнить палача машиной и сдѣлать, такимъ образомъ, тѣлесныя наказанія равномерными, но и при этомъ равномерность не можетъ быть достигнута, потому что различіе въ тяжести ударовъ зависитъ и отъ крѣпости организма; да и самая мысль о сѣкущей машинѣ едва ли достойна человѣческой изобрѣтательности. Другая причина неравномерности тѣлесныхъ наказаній заключается въ томъ, что они представляются различными по тяжести не только для лицъ разныхъ организмовъ, но и для лицъ съ различнымъ нравственнымъ складомъ; если взять закоренѣлаго вора, постоянно вращающагося въ преступномъ обществѣ, не разъ битаго, и человѣка, въ первый разъ совершившаго преступленіе, то для перваго стыдъ представляется ничтожнымъ, для втораго огромнымъ; такимъ образомъ, тѣлесныя наказанія тѣмъ тяжеле для лицъ, подвергающихся имъ, чѣмъ менѣе эти лица заслуживаютъ наказанія. Чтобы сдѣлать тѣлесныя наказанія равномерными, можно, казалось бы, подвергать закоренѣлыхъ преступниковъ болѣе тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, или одинаковымъ со всѣми, но въ большемъ количествѣ ударовъ; однако, такимъ путемъ равномерность можетъ быть достигнута только до извѣстной степени, потому что тѣлесныя наказанія за извѣстными предѣлами переходятъ въ наказанія другаго рода, нерѣдко даже въ смертную казнь.

Въ защиту тѣлесныхъ наказаній приводятъ, что они удобны для бѣдныхъ; говорятъ, для бѣднаго выгоднѣе подвергнуться хотя и тяжкому, но быстро исполняемому наказанію, чѣмъ быть оторваннымъ отъ своихъ занятій и заключеннымъ въ тюрьму на болѣе или менѣе продолжительное время; что въ послѣднемъ случаѣ экономическое положеніе бѣднаго разрушается, при примѣненіи же тѣлесныхъ наказаній онъ скоро забываетъ причиненное ему страданіе, между тѣмъ наказаніе остается чувствительнымъ; такова въ новѣйшее время защита ихъ Миттельшtedтомъ. При этомъ, однако, упускаютъ изъ виду, что нравственная личность подвергающагося тѣлеснымъ наказаніямъ унижается, какъ въ его собственныхъ глазахъ, такъ въ глазахъ окружающаго общества, что экономическія невыгоды, которыя влекутъ за собою заключеніе въ тюрьмѣ и другаго рода лишеніе свободы, могутъ быть устранены другими путями, и что въ извѣстныхъ случаяхъ достаточными карательными мѣрами, вмѣсто краткосрочнаго заключенія, могутъ служить замѣчанія, внушенія, выговоры, или взятіе поручительства.

Положительное право. Законодательства нашего времени почти цѣликомъ вычеркнули тѣлесныя наказанія изъ уголовныхъ кодексовъ и нынѣ они примѣняются только въ качествѣ дисциплинарныхъ взысканій, преимущественно для войска и для содержащихся въ мѣстахъ заключенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Франціи, отмѣнившей ихъ уже въ 1791 г. Кодексъ Наполеона 1810 г. возстановилъ нѣкоторые изъ тѣлесныхъ наказаній, какъ исключительныя мѣры; такъ, отцеубійцамъ предъ казнью отсѣкалась одна рука; было возобновлено клейменіе праваго плеча за нѣкоторые преступленія; приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ приковывалось тяжелое ядро къ ногамъ. Эти послѣдніе остатки тѣлесныхъ наказаній (кромѣ ядеръ, удерживавшихся до закрытія bagnes) были окончательно отмѣнены въ 1832 г. Примѣру Франціи послѣдовали другія государства, причемъ вліяніе Франціи на одни государства было непосредственное, на другія посредственное.

Въ Бельгіи и Нидерландахъ тѣлесныя наказанія были отмѣнены подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго законодательства, путемъ введенія его въ этихъ странахъ. Подъ вліяніемъ его же, путемъ заимствованія, происходила отмѣна тѣлесныхъ наказаній во многихъ государствахъ Италіи: въ Неаполѣ въ 1819 г., въ Сардиніи въ 1829 г. Испанія отмѣнила тѣлесныя наказанія въ 1836 г., Германія въ эпоху революціонныхъ движеній 1848 г.; эти же движенія побудили и Австрію къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, но затѣмъ они здѣсь, въ виду реакціи, были возстановлены для лицъ низшихъ сословій, окончательно отмѣнены для всѣхъ въ 1864 г. вмѣстѣ съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній выходятъ изъ употребленія и цѣпи. Въ настоящее время тѣлесныя наказанія въ большинствѣ континентальныхъ европейскихъ государствъ существуютъ только въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ (во Франціи, напр., тѣлеснымъ наказаніямъ подвергаются буйные преступники).

Въ Англіи тѣлесныя наказанія удержались болѣе прочно; по обычному праву, онѣ могутъ быть опредѣлены какъ наказаніе добавочное при всякомъ felony; но это правило вышло изъ употребленія. По новѣйшимъ статутамъ 1861 и 1863 гг. тѣлесное наказаніе розгами допускается для несовершеннолѣтнихъ до 16-ти лѣтъ въ числѣ не болѣе 25 ударовъ, для взрослыхъ за кражи и разбой — до 150 ударовъ въ 3 приема, каждый разъ не свыше 50 ударовъ; женщины этимъ наказаніямъ не подвергаются¹⁾. Кошка въ Англіи примѣняется къ морякамъ, въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія.

¹⁾ Aschrott, ук. с. 104, 105.

Однако, классическою страпою тѣлесныхъ наказаній было наше отечество ¹⁾, хотя подъ вліяніемъ татарскаго ига, до котораго эта мѣра у насъ не примѣнялась. Въ московскій періодъ у насъ существовали какъ наказанія членовредительныя, такъ и тѣлесныя въ тѣсномъ смыслѣ. Членовредительныя наказанія были въ высшей степени разнообразны; въ основаніи ихъ лежала или идея матеріальнаго тальона (отрѣзаніе языка, отрубаніе пальцевъ при лжеприсягѣ), или стремленіе сдѣлать наказываемаго безвреднымъ, лишивъ его того члена, при помощи котораго было имъ учинено преступленіе (отсѣченіе рукъ, ногъ), или желаніе отмѣтить чело-вѣка, опаснаго для общегитія, поврежденіемъ какого-нибудь виднаго члена (рваніе ноздрей, отрѣзаніе ушей, носа). Съ послѣднею цѣлью примѣнялось съ XIV в. и простое пятненіе или клейменіе, не сопровождавшееся лишеніемъ какого-нибудь органа; съ 1691 г. оно становится обязательнымъ для всѣхъ, подлежащихъ за преступленія ссылкѣ вмѣсто смертной казни: такъ какъ въ этихъ случаяхъ ссылка была дѣломъ милости, то при учиненіи новаго преступленія клейменный подлежалъ безусловно смертной казни; въ 1698 г. предписано клеймить всѣхъ сибирскихъ ссыльныхъ за лѣность и заторное поведеніе сибирскимъ городовымъ клеймомъ. Клеймили въ XVII в. буквами *Б* или *В*, по объясненію Котошихина означавшими „бунтовщикъ“ и „воръ“; сибирскія клейма налагались на спину и имѣли названіе соотвѣтствующаго города. Тѣлесныя наказанія въ тѣсномъ смыслѣ, или болѣзненныя, въ московскій періодъ составляли центральную часть карательной системы для преступленій меньшей важности, не обложенныхъ смертною казнью. Орудіями ихъ были кнутъ, батоги и плеть. Наказаніе кнутомъ, по счету проф. Сергѣевскаго, опредѣляется соборнымъ уложеніемъ въ 141 статьѣ, и сверхъ того, къ нему весьма часто прибѣгали сепаратные указы, такъ что его можно считать нормальнымъ наказаніемъ того времени, назначавшимся даже за неважныя вины (невыдача подводы царскимъ посланнымъ, работа въ воскресные дни и т. под.); подъ кнутомъ понимался инструментъ, состоящій изъ короткой, до 8 вершковъ длины, толстой деревянной ручки, къ которой прикрѣплялся плетеный кожаный толстый столбецъ, около $\frac{3}{4}$ аршина въ длину, съ кольцомъ или кожанюю петлею на концѣ; къ этому кольцу или петлѣ привязывался ремешкомъ хвостъ, около аршина длины, сдѣланннй изъ широкаго ремня толстой сыромятной кожи, согнутаго вдоль желобкомъ и въ такомъ видѣ засушеннаго; хвостъ отъ употребленія размягчался, смачиваясь кровью, и смѣнялся новымъ;

¹⁾ Сергѣевскій. Тѣлесное наказаніе въ Россіи въ XVII в. (Ж. Гр. Уг. Пр. 1886, № 1).

искусный палачъ могъ засѣчь на смерть, переломавъ спинной хребетъ, тремя ударами. Наказаніе кнутомъ распадалось на простое и нещадное; число ударовъ даже перваго доходило иногда до 400, что зависѣло не столько отъ судебныхъ, сколько отъ исполнительныхъ органовъ. Кнутомъ наказывали или въ висячемъ положеніи (на спинѣ кого-либо), или въ проводку, или на козлѣ. Батоги или батожья означали толстые прутья, которыми наказываемаго били или въ рубашкѣ, или по голому тѣлу, въ лежачемъ положеніи по спинѣ, съ палачами, садившимися на шею и ногахъ его; битые батогами также различалась на простое и нещадное, но числа ударовъ не опредѣлялось. Плетѣ входятъ въ употребленіе съ конца XVII ст.; по устройству, плетъ состояла изъ деревянной рукоятки около 6 вершковъ длины, къ которой прикрѣплялось кожаное плетиво изъ столбца въ 6 вершковъ длины съ тремя концами, въ $1\frac{1}{4}$ арш. длиною; хвосты оканчиваются узлами; столбецъ и хвосты сдѣланы изъ цѣльныхъ ремешковъ, наръзанныхъ изъ куска толстой кожи и оплетенныхъ вокругъ стержней; наказаніе плетью также различалось на простое и нещадное. При Петрѣ I вводятся шпирютены, соотвѣтствующіе батогамъ, но въ проводку и изъ менѣе толстыхъ лозъ, и кошка — короткая плетъ съ тремя концами; первые примѣнялись преимущественно къ сухопутному, вторая — къ морскому войску.

Тѣмъ не менѣе, и у насъ тѣлесныя наказанія почти совершенно отошли уже въ область прошлаго, смѣнившись иными мѣрами. Процессъ такой смѣны шелъ различными путями.

Прежде всего стали выходить изъ употребленія членовредительныя наказанія, а изъ нихъ раньше другихъ отсѣченіе ногъ и рукъ, которое уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было замѣнено ссылкой въ Сибирь на пашню. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній совершалась у насъ также въ видѣ замѣны болѣе тяжелыхъ видовъ существовавшихъ наказаній менѣе тяжкими; такъ, въ 1775 г. отмѣнены батоги; въ 1781 г. кнутъ за кражу былъ замѣненъ плетью. Указами 1802 и 1808 г. запрещено употреблять въ приговорахъ выраженія „жестокое“ и „нещадно“. Въ 1812 г. были установлены нѣкоторыя ограниченія для широкаго въ то время примѣненія тѣлесныхъ наказаній; въ судебныхъ приговорахъ предписывалось означать точнымъ образомъ число ударовъ, которымъ долженъ подвергнуться виновный; судебные приговоры должны были представляться на утвержденіе губернатору; если же губернаторъ съ ними не соглашался, то они восходили на разсмотрѣніе Сената. Либеральное царствованіе Александра I сдѣлало и многое другое въ смыслѣ смягченія тѣлесныхъ наказаній; такъ, 1817 г. памятенъ у насъ, какъ

годъ отмѣны рванія ноздрей и постановки вопроса объ отмѣнѣ кнута и клейменія.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній шла и другимъ путемъ, именно путемъ изыятія лицъ нѣкоторыхъ категорій отъ тѣлесныхъ наказаній. Въ основѣ такихъ изыятій лежали или сословное положеніе личности, или органическія ея особенности; такъ, въ 1785 г. дворянство было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній; въ томъ же году были освобождены отъ нихъ высшіе разряды городскихъ сословій; въ 1796 г. изыятіе отъ тѣлесныхъ наказаній распространено на священнослужителей, а въ царствованіе Александра I-го на монашествующихъ. Правда, Павелъ I на время восстановилъ тѣлесныя наказанія для всѣхъ, но Александръ I снова ихъ отмѣнилъ. По органическимъ особенностямъ личности, было отмѣнено рваніе ноздрей у женщинъ въ 1757 г.; въ 1763 г. кнутъ для несовершеннолѣтнихъ былъ замѣненъ розгами. Эти изыятія оказывали вліяніе и на дальнѣйшій ходъ нашего законодательства въ томъ смыслѣ, что нерѣдко стали высказываться желанія смягчить наказанія и для всѣхъ; такъ, въ 1824 г. Государственный Совѣтъ полагалъ, что кнутъ есть въ высшей степени жестокая и варварская мѣра, которая не можетъ быть терпима ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ и потому должно его отмѣнить. Мысль эта тогда не была принята, изъ опасенія, что народъ пойметъ отмѣну кнута въ смыслѣ отмѣны всякихъ наказаній, и кнутъ удержался до уложенія 1845 г.

Основанная на этихъ историческихъ данныхъ, система свода законовъ 1832 и 1842 г., чуждая наказаній членовредительныхъ, широко примѣняетъ тѣлесныя наказанія для лицъ непривилегированныхъ состояній. Ей извѣстны: кнутъ, плети, шпирютены, розги, наказаніе плеткою или веревкою по одеждѣ и содержаніе на хлѣбѣ и водѣ. Эти карательныя мѣры примѣнялись или исключительно, или совмѣстно съ иными наказаніями; послѣднее имѣло мѣсто въ болѣе важныхъ случаяхъ; такъ, наказаніе кнутомъ сопровождалось ссылкой въ каторжную работу, наказаніе плетью публично черезъ палача сопровождалось ссылкой на поселеніе, исправительныя же тѣлесныя наказанія сопровождались отдачею въ солдаты (замѣнявшеюся, при неспособности къ военной службѣ, ссылкой на поселеніе), въ арестантскія роты, на казенные заводы или фабрики, въ смирительныя и рабочіе дома. Самымъ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ было наказаніе кнутомъ; наибольшее число ударовъ его въ законѣ не опредѣлялось, но судебныя мѣста должны были означать его, причемъ имъ запрещалось употреблять въ приговорѣ слова: „нещадно“ и „жестоко“; судебныя приговоры о наказаніи кнутомъ

не имѣли силы безъ утвержденія ихъ начальникомъ губерніи. Наказаніе плетью распадалось на два вида: публичное — черезъ палача, и непубличное при полиціи — черезъ полицейскаго служителя. Только первый видъ разсматривался, какъ уголовное наказаніе, сопровождающееся ссылкой на поселеніе, второй же причислялся къ наказаніямъ исправительнымъ. Наказаніе шпицрутенами могло быть опредѣляемо лишь судами военными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ карантинныхъ преступленій; наибольшее число шпицрутенъ сводомъ также не опредѣлялось. Розги, плетка, веревка, а также содержаніе на хлѣбъ и водѣ, составляли наименѣе тяжкіе виды тѣлесныхъ наказаній. Сводъ сохранялъ и клейменіе. При ссылкѣ въ каторгу, лица, подлежавшія тѣлеснымъ наказаніямъ, подвергались заклеянію металлическими знаками, натертыми порохомъ и прикладывавшимися на лбу и на обѣихъ щекахъ; знаки эти состояли изъ буквъ *в*, *о*, *р*; женщины клейменію не подвергались.

Уложеніе 1845 года отказалось отъ кнута, а прочія тѣлесныя наказанія удержало въ значеніи наказаній не главныхъ, а придаточныхъ или замѣняющихъ, причемъ число ударовъ съ точностью опредѣляется въ законѣ. Въ значеніи тѣлесныхъ наказаній оно упоминаетъ наказаніе плетью, розгами и наложеніе оковъ; но въ специальныхъ законахъ сохранялись, кромѣ того, шпицрутены и кошки. Тѣлесныя наказанія примѣнялись, какъ и по своду, только къ лицамъ непривилегированныхъ состояній, именно: плети отъ 30 до 100 ударовъ при ссылкѣ въ каторжную работу, причемъ сохранилось клейменіе на лбу и щекахъ буквами *к*, *а*, *т* (составители проекта предполагали клеймить на плечѣ); плети отъ 10 до 30-ти ударовъ при ссылкѣ на поселеніе; при разсмотрѣніи дѣла военнымъ судомъ, плети замѣнялись шпицрутенами; наконецъ, при осужденіи въ арестантскія роты прибавлялись розги отъ 50 до 100 ударовъ. Кромѣ того, наказаніе розгами до 100 ударовъ могло замѣнять для лицъ непривилегированныхъ состояній заключеніе въ рабочемъ домѣ, въ смиренномъ домѣ, въ тюрьмѣ и подъ арестомъ. По законамъ специальнымъ, именно по воинскому уставу и уставу о ссыльныхъ, опредѣлялись шпицрутены (даже до 6.000 ударовъ), кошки и приковываніе къ тѣлѣжкѣ.

Эта система нынѣ совершенно распатана. Такъ, во-первыхъ, указомъ 17 апрѣля 1863 г. отмѣнены плети, кошки и шпицрутены, а также клейменіе. Во-вторыхъ, законами 1884 и 1885 годовъ упразднено право замѣнять лишеніе свободы наказаніемъ розгами, которое послѣ судебной реформы 1864 г. сохранено было лишь за общими судебными мѣстами, не распространяясь на мировыя установленія. Въ третьихъ, послѣдовали смягченія и въ уставѣ

о ссыльныхъ (законъ 1871 г.), отказавшемся отъ шпицрутеновъ. Нынѣ, слѣдовательно, у насъ въ значеніи тѣлесныхъ наказаній осталось только наложеніе оковъ, прочія-же тѣлесныя наказанія не могутъ быть примѣняемы ни въ качествѣ дополнительнаго, ни въ качествѣ замѣняющаго наказаніями, и нѣкоторые слѣды ихъ сохранились въ дѣйствующемъ законодательствѣ лишь по исключенію. Въ значеніи такой исключительной мѣры, ожидающей своего окончательнаго упраздненія, тѣлесныя наказанія примѣняются: по уложенію — наказаніе розгами до 40 ударовъ для бродягъ за ложное о своемъ званіи показаніе (ст. 952) и до 5 ударовъ для малолѣтнихъ ремесленниковъ (1377 ул.), а также наказаніе хлыстомъ до 5 ударовъ для водоходцевъ (1261 ст.); по уставамъ сельско-судебному и воинскому — наказаніе розгами; наконецъ, по уставу о ссыльныхъ наказаніе плетью до 100 ударовъ, приковываніе къ тѣлежкѣ и наказаніе розгами.

ГЛАВА III.

Пораженіе чести и правъ ¹⁾.

Отъ рассмотрѣнныхъ карательныхъ мѣръ, направленныхъ на тѣло, отличаются мѣры, направляющіяся на духовныя блага наказываемаго; имѣя въ виду нравственное достоинство человѣка, онѣ сводятся къ пораженію чести; направляясь противъ правоваго положенія лица, онѣ образуютъ пораженіе правъ.

I. Пораженіе чести.

Пораженіе чести имѣетъ своимъ предметомъ личное достоинство наказываемаго и стремится унизить послѣдняго какъ въ его собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ лицъ. Высшаго выраженія идея униженія личнаго достоинства наказываемаго достигаетъ при полномъ отнятіи чести, при лишеніи добраго имени, когда запрещается оказывать осужденному довѣріе, принимать его въ свое общество, выслушивать его показанія; тогда пораженіе чести приближается къ полному безправію. Такъ было въ нашемъ институтѣ шельмованія, введенномъ Петромъ I. Ошельмованный публично объявлялся воромъ, шельмою и исключался изъ общества добрыхъ людей; онъ даже не могъ быть приводимъ къ вѣрноподданнической присягѣ, имя его прибавалось къ висѣлицѣ, и онъ считался

¹⁾ Фойницкій, Реформа лишенія правъ (въ Ж. Гр. Уг. Пр. 1874); Grosz, die Ehrenfolgen, 1874; Wick, Ehrenstrafen. Hanin, des conséquences des condamnations pénales, Paris 1848.

„яко же умре“. Но возможны пораженія чести въ болѣ мягкой формѣ, и тогда эти наказанія имѣютъ характеръ устыдительныхъ или осрамительныхъ наказаній. Таковы были, напр., въ прежнее время разныя формы испрошенія прощенія, которыя состояли въ томъ, что на виновнаго судомъ налагалась обязанность гласно сознать свою вину и просить прощенія у обиженнаго. Въ качествѣ обиженнаго могло являться какъ частное лицо, такъ и юридическое. Въ первомъ случаѣ имѣли мѣсто: испрошеніе прощенія, выдача головою, обязанность взять назадъ свои слова и тому подобныя мѣры, во второмъ — публичное покаяніе. Испрошеніе прощенія иногда сопровождалось различными символическими обрядами, направленными къ униженію наказываемаго и доставленію удовлетворенія обиженному; такова, именно, у насъ была выдача головою, во Франціи *amende honorable*; послѣдняя состояла въ томъ, что подвергшійся ей долженъ былъ просить прощенія всенародно; болѣе тяжкія формы *amende honorable* сопровождались различными унижительными обрядами для виновнаго. Испрошеніе прощенія у церкви дало мѣсто институту церковнаго покаянія.

Символическій элементъ, направленный къ униженію виновнаго, въ средніе вѣка встрѣчается въ наказаніяхъ весьма часто, и до сихъ поръ сохранился у насъ въ народномъ быту; такъ, напр., совершившему кражу привязываютъ украденную вещь и заставляютъ его ходить по улицѣ, сопровождая его шумомъ костюль и т. п. инструментовъ. Но съ теченіемъ времени большинство символическихъ устыдительныхъ наказаній начинаетъ выходить изъ употребленія; долѣе другихъ удержались надѣваніе ошейника, выставленіе у позорнаго столба.

Всѣ позорящія наказанія, избирающія своимъ предметомъ честь, какъ нравственное достоинство личности, страдаютъ слѣдующими существенными недостатками. 1) Честь есть благо, въ высшей степени сокровенное, внутреннее, отъ государства не зависящее; съ одной стороны, поэтому, государство не можетъ сдѣлать безчестнымъ чело- вѣка честнаго; съ другой — далеко не всѣ одинаково дорожатъ своею честью, почему эти наказанія неравномѣрны и для лучшихъ значительно тяжеле, чѣмъ для худшихъ. 2) Несостоятельна цѣль этихъ наказаній, направленная къ униженію личности; современныя законодательства стремятся не къ опозоренію преступника, а къ другой цѣли, именно возвращенію обществу честныхъ гражданъ путемъ восстановленія ихъ личнаго достоинства. Униженіе чело- вѣка противодѣйствуетъ успѣху исправленія и возможности возвращенія преступника въ общество. 3) Нѣкоторыя позорящія наказанія (испрошеніе прощенія, выдача головою) направлялись къ удовлетворенію обиженнаго; но о такомъ удовлетвореніи можетъ

быть рѣчь только при свободномъ сознаниі своей ошибки, а не при вынужденномъ; въ послѣднемъ случаѣ возможенъ отказъ отъ испрошенія прощенія, который усугубляетъ обиду, нанесенную потерпѣвшему.

Въ силу вышеуказанныхъ крупныхъ недостатковъ, присущихъ наказаніямъ, основаннымъ на идеѣ пораженія чести, они болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, и нынѣ почти совершенно не практикуются. Французское уложеніе 1810 г. знало позорящія наказанія въ весьма широкихъ размѣрахъ, именно: выставленіе у позорнаго столба, надѣваніе ошейника, клейменіе и, какъ символическое наказаніе, надѣваніе чернаго покрывала; надѣваніе ошейника и клейменіе были отмѣнены въ 1832 г., а выставленіе у позорнаго столба въ 1848 г. Въ Германіи въ прежнее время безчестящія наказанія, Ehrenstrafen, примѣнялись весьма часто. Но убѣжденіе въ томъ, что честь есть благо внутреннее, отъ государства независящее, постепенно привело къ измѣненію законодательства, такъ что нынѣ въ Германіи наказаніе направляется не на честь, а на почетныя права (Ehrenrechte). Въ Россіи позорящія наказанія появились путемъ заимствованія и нынѣ выходятъ изъ употребленія. Весьма долго у насъ держалось выставленіе у позорнаго столба; даже законодательная реформа 1863 г. не коснулась эшафота. Послѣдній воздвигался на публичномъ мѣстѣ; преступника привозили на эшафотъ на черныхъ дрогахъ и привязывали на нѣкоторое время къ позорному столбу. Эшафотъ былъ отмѣненъ въ 1879 г. для царства польскаго, а для всей имперіи въ 1881 г. Донныя изъ устыдительныхъ наказаній у насъ сохранились: церковное покаяніе по распоряженію духовнаго начальства (58 ул.); опубликованіе осужденнаго черезъ вѣдомости сенатскія, обѣихъ столицъ и губернскаія (58 ул.)¹⁾; выведеніе изъ биржеваго собранія черезъ биржеваго старшину (1276 улож.); выставленіе имени въ биржевой залѣ (1278 ул.).

Въ близкой связи съ устыдительными наказаніями стоятъ выговоры, замѣчанія, внушенія, предостереженія и подъ иными названіями фигурирующія въ кодексахъ мѣры, общая черта которыхъ состоитъ въ возложеніи на подвергающагося имъ обязанности выслушать порицаніе его проступку со стороны государственной власти. Ближайшимъ образомъ они направляются или, во-1-хъ, къ тому, чтобы устыдить наказываемаго передъ его согражданами, причинить ему душевное страданіе; тогда они прибѣгаютъ къ торжественной обстановкѣ, произносятся публично и имѣютъ все недостатки

¹⁾ Опубликованіе въ газетахъ можетъ имѣть и иное значеніе, именно мѣры общественнаго огражденія отъ опаснаго члена; въ этомъ смыслѣ его допускаютъ новыя законодательства Западной Европы.

устыдительныхъ наказаній, — неравномѣрность, нечувствительность ихъ для худшихъ изъ наказываемыхъ и крайнюю тяжесть для людей впечатлительныхъ и честныхъ; вотъ почему современныя законодательства отказались отъ судебного выговора какъ общей карательной мѣры и сохраняютъ ее только, во-2-хъ, въ значеніи мѣры особенной, имѣющей характеръ дисциплинарнаго взысканія и направляющейся не къ устыженію наказываемаго, а къ наставленію его, къ указанію ему авторитетнымъ для него лицомъ на неправильность его дѣйствій, съ цѣлью воспитательною; таковы судебные выговоры для несовершеннолѣтнихъ; въ этомъ значеніи чѣмъ меньше обставленъ выговоръ торжественностью и публичностью, чѣмъ болѣе онъ приближается къ отеческому негласному внушенію, тѣмъ лучше. Наше законодательство знаетъ выговоръ въ обѣихъ формахъ, проектъ — только въ послѣдней, примѣняя его лишь къ несовершеннолѣтнимъ.

Наконецъ, въ виду специфическихъ требованій войска, наше законодательство, по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ кодексовъ, вводитъ для военнотружениковъ позорное лишеніе воинской чести, соединяемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при постыдныхъ побужденіяхъ, со смертною казнью (с. 11 и 13 уст. воин.). Отдѣльно отъ него стоятъ менѣе тяжкія позорящія мѣры, опредѣляемыя судомъ офицеровъ; послѣднія примыкаютъ къ вѣрной мысли, что пораженіе чести если и можетъ существовать, то должно зависѣть не отъ государства, а отъ того общественнаго кружка, къ которому принадлежитъ виновный.

II. Лишеніе правъ.

1. Безправіе и гражданская смерть. Лишеніе правъ направляется не противъ личнаго достоинства наказываемаго какъ человѣка, а противъ тѣхъ благъ, которыя принадлежатъ ему какъ гражданину. Весьма естественна была мысль отказать человѣку, посягавшему на общественный складъ, въ тѣхъ правахъ, которыми онъ пользовался какъ членъ общегитія, какъ для наказанія виновнаго, такъ и для огражденія противъ него общества; послѣдовательное логическое проведеніе ея создало идею полного уничтоженія личности въ смыслѣ юридическомъ, полного отказа признавать за нею какія бы то ни было права, объявлявшіяся тогда беззащитными со стороны государства и предоставленными въ распоряженіе каждаго. Отсюда наказаніе безправіемъ и гражданскою или политическою смертію, извѣстное прежнему времени. Въ основаніи его лежали ближайшимъ образомъ или

религіозныя воззрѣнія и вѣрованія, или особенности правового строя даннаго народа.

На религіозной почвѣ стоялъ этотъ институтъ въ древнемъ Римѣ. Тяжкій преступникъ объявлялся *sacer*, посвященнымъ въ жертву богамъ; сакрированному запрещалось давать убѣжище и пищу (*aquae et ignis interdictio*), онъ терялъ право на самую жизнь и всякій, встрѣтившій его на римской территоріи послѣ извѣстнаго срока, могъ безнаказанно его убить. Сакрація означала вѣчное лишеніе всѣхъ человѣческихъ и общественныхъ правъ, а также лишеніе на вѣчныя времена способности къ приобрѣтенію правъ.

Однородный институтъ выработался въ лѣсахъ древнихъ германцевъ, но на иной почвѣ. У нихъ охрана мира составляла обязанность, которая связывала всѣхъ членовъ общины во-едино. Право на миръ принадлежало только полноправнымъ членамъ общества. Кто совершалъ особенно тяжкое преступленіе, тотъ лишался мира, объявлялся *friedlos*, изгонялся изъ среды общества, въ которомъ онъ жилъ, лишался всякой охраны. Такие *friedlose* приравнялись къ дикимъ звѣрямъ, *lupus* (названіе это встрѣчается въ источникахъ) и число такихъ безправныхъ „волковъ“ иногда доходило до весьма значительной цифры. Они убѣгали въ лѣса, соединялись въ кружки, товарищества и, лишеныя всякихъ законныхъ средствъ къ существованію, естественно обращались къ незаконнымъ путямъ, становясь угрозой для легальнаго общества: они постоянно производили разбои, а иногда даже дѣлали набѣги на тѣ города, которые ихъ изгнали; нерѣдко горожане должны были выходить изъ города вооруженными, чтобы истреблять этихъ безправныхъ лицъ.

Во французскомъ законодательствѣ также существовалъ институтъ, напоминавшій прежнее безправіе, но уже нѣсколько смягченное, именно гражданская смерть. Корни его лежатъ въ средневѣковомъ французскомъ процессѣ, которому было извѣстно въ широкихъ размѣрахъ заочное разбирательство и исполненіе казни надъ чучелами (*en effigie*), долженствовавшее символически изображать смертную казнь, ибо при этомъ объявлялось всенародно, что осужденный умеръ. Такая *mort civil* была удержана гражданскимъ кодексомъ Наполеона, который подъ нею разумѣлъ лишеніе имущественныхъ правъ и правоспособности; осужденный утрачивалъ все свое имущество, лишался права на полученіе какого-нибудь имущества путемъ наслѣдства, терялъ право распоряженія имуществомъ. Этотъ институтъ существовалъ во Франціи до 1854 г., когда былъ упраздненъ и замѣненъ другими, болѣе мягкими мѣрами — *dégradation* и *interdiction de certains droits*. Подобную же мѣру звали и инныя законодательства; у насъ она введена постановленіями Петра I о

пельмованіи, стоящемъ на рубежѣ между лишеніемъ чести и гражданскою смертью.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что институтъ безправія означалъ одно время полное вымираніе личности; для безправнаго наступала, такъ сказать, фикція смерти. Но, какъ видно изъ того, къ чему эта мѣра приводила въ Германіи, это было не болѣе, какъ фикція: наказанный все-таки оставался человѣкомъ; будучи лишень возможности удовлетворять своимъ потребностямъ законнымъ способомъ, онъ удовлетворялъ имъ незаконными путями; само наказаніе толкало его на новыя преступленія.

Съ другой стороны, идея полного безправія стоитъ въ глубокомъ противорѣчій съ задачею современныхъ государствъ, состоящею въ обеспеченіи существованія личности или тѣхъ главныхъ правъ человѣка, безъ которыхъ онъ утрачиваетъ значеніе личности; въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ государство можетъ отнять эти права, но только государство, а не частное лице: прежде всего было запрещено частнымъ лицамъ посягать на жизнь юридически-умершаго, подъ угрозой общихъ наказаній за убійство, затѣмъ и на иныя блага ихъ. Но и гражданская смерть, даже только передъ лицомъ государства, представляетъ существенные недостатки: 1) она создаетъ въ средѣ общества особый классъ безправыхъ людей, причемъ самое безправіе толкаетъ ихъ на новыя преступленія; 2) она безъ нужды отнимаетъ у наказываемаго такія необходимыя ему человѣческія права, которыми пользуются одинаково честные и безчестные, какъ-то: право имѣть имущество, семью и т. п.; 3) сопровождая наказаннаго до гробовой доски, она уничтожаетъ въ немъ всѣ исправительные импульсы и создаетъ изъ него врага обществу; 4) суровая безъ нужды, мѣра эта оказывается и неосуществимою: всѣ новыя законодательства, знавшія гражданскую смерть, вынуждены были парализовать собственныя о ней строгія постановленія, какъ скоро встрѣчались съ вопросомъ объ устройствѣ быта такихъ людей; и у насъ уставъ о ссыльныхъ подрываетъ опредѣленія по этому предмету уложенія о наказаніяхъ.

2. Пораженіе отдѣльныхъ правъ. Отъ общаго безправія, сопровождающаго наказаннаго до гробовой доски и долженствовавшаго сдѣлать изъ него существо *sui generis*, отличается пораженіе отдѣльныхъ правъ, къ которому болѣе и болѣе сводится современное праволишеніе. Оно во многихъ случаяхъ представляется необходимымъ и желательнымъ звѣномъ карательной системы, имѣя въ виду обезпечить общество противъ опасности, которую можетъ представлять преступное пользованіе правами. Мѣра эта

совершенно справедлива, ибо общество отнимаетъ у наказаннаго только тѣ выгоды, которыя дало ему. По свойству нѣкоторыхъ наказаній, она составляетъ ихъ неизбѣжный придатокъ, ибо на время исполненія такихъ наказаній (ссылки, заключенія) осужденному не можетъ быть предоставлено распоряженіе всѣми его правами. Но и по отбытіи ихъ оно иногда сохраняетъ свою цѣну, ибо, по справедливому замѣчанію Іона, хотя лишеніе свободы и стремится къ тому, чтобы сдѣлать наказаннаго безопаснымъ для общества даже послѣ освобожденія, но эта цѣль не всегда достигается. Независимо отъ того, пораженіе правъ, какъ мѣра наиболѣе гуманная и, въ то же время, нынѣ уже чувствительная, можетъ быть практикуема и въ значеніи самостоятельнаго наказанія; въ будущемъ она обѣщаетъ дальнѣйшее развитіе.

При опредѣленіи признаковъ, которыми современное пораженіе правъ по суду должно отличаться отъ прежняго вымиранія личности, важны вопросы: 1) объ объемѣ правъ, могущихъ быть предметомъ пораженія, 2) о срочности такого пораженія, 3) объ условіяхъ примѣненія его и 4) объ отношеніи къ нему судебной дѣятельности.

1. Объемъ правъ, могущихъ быть предметомъ пораженія.

Всѣ права, принадлежащія личности, могутъ быть раздѣлены на 3 группы: 1) права гражданскія, 2) права общественныя и политическія и 3) права на опредѣленныя занятія. Каждое изъ этихъ правъ можетъ быть разсматриваемо или какъ право, принадлежащее лицу въ данный моментъ, или какъ возможность пріобрѣтенія его въ извѣстное время, при извѣстныхъ условіяхъ.

Что касается первой группы, т. е. гражданскихъ правъ (имущественныхъ, семейныхъ), то теоріи, выходящія изъ положеній школы естественныхъ правъ и договорнаго образованія государства, указывали на невозможность пораженія ихъ, въ виду того соображенія, что эти права принадлежатъ человѣку независимо отъ государства, такъ какъ каждый человѣкъ пріобрѣтаетъ ихъ въ силу своей естественной правоспособности, и что поэтому государство ими распоряжаться не можетъ. Но возраженія эти не убѣдительны. Предметомъ наказанія, какъ мы видѣли, могутъ быть блага, какъ пріобрѣтенныя человѣкомъ въ государствѣ, такъ и прирожденныя ему, даже право на жизнь. Поэтому, вопросъ о правѣ государства поражать такія гражданскія права человѣка (пріобрѣтаемыя, притомъ, очевидно благодаря общественному складу), долженъ быть разрѣшенъ также, какъ и вопросъ о правѣ государства на примѣненіе смертной казни; затѣмъ остается вопросъ, представляется ли правопораженіе необходимымъ для огражденія общества и государства, или можно обойтись безъ него?

Съ пользованіемъ гражданскими правами, а также съ способностью ихъ пріобрѣтенія, связаны двоякаго рода интересы: 1) интересы лица, которому эти права принадлежать, и 2) интересы постороннихъ лицъ и общества, которые могутъ пострадать отъ неправильнаго пользованія ими. Нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, что такія права, какъ права семейныя, имущественныя, составляютъ общее достояніе всѣхъ гражданъ, независимо отъ индивидуальныхъ качествъ послѣднихъ; ими одинаково пользуются честные и безчестные, нравственные и безнравственные; поэтому они не могутъ быть предметомъ наказанія. Но при этомъ иногда можетъ представиться необходимость принятія мѣръ огражденія интересовъ лицъ постороннихъ; мѣры эти, очевидно, къ области уголовного законодательства не относятся, хотя онѣ примѣняются въ виду наказанія и во время отбыванія его; таковы взятіе имущества въ опеку, освобожденіе членовъ семьи отъ родительской или супружеской власти наказаннаго.

Вторую группу правъ составляютъ принадлежащія лицу въ силу его общественнаго положенія и дающія ему возможность вліять на общественную жизнь. Принадлежность такихъ правъ основана на предположеніи, что данное лицо заслуживаетъ ихъ, что они могутъ быть предоставлены ему безъ всякой опасности для гражданскаго общегитія. Сюда относится право участія въ законодательной дѣятельности, въ судебной дѣятельности, въ мѣстномъ самоуправленіи и т. п. Сюда же принадлежитъ право на извѣстныя почетныя отличія, вытекающее изъ особенныхъ заслугъ предъ государствомъ или обществомъ; таково, напримѣръ, право пользоваться сословными и другими привилегіями, носить извѣстный почетный титулъ и т. п. Такъ какъ эти права предоставляются личности въ виду предположенія о ея безупречности и нравственной высотѣ, то, при совершеніи преступнаго дѣянія, разрушающаго такое предположеніе, права эти могутъ быть отняты и самая способность ихъ пріобрѣтенія ограничена. Нельзя не обратить, однако, вниманія еще на одну сторону этого института, указанную на римскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ делегатомъ Ласло. Пользованіе политическими правами составляетъ, безъ сомнѣнія, привилегію личности ихъ носителя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно является общественною его обязанностью, и этотъ характеръ обязанности подчеркивается въ настоящее время болѣе и болѣе. Различныя общественныя должности возлагаются на членовъ общества, какъ повинности, ношеніе которыхъ представляетъ иногда не малую тягость. Слѣдовательно, лишеніе общественныхъ правъ однихъ лицъ будетъ наложеніемъ излишней тягости на другихъ лицъ, почему къ такому лишенію правъ слѣдуетъ прибѣгать съ возможною бережностью.

Третью группу составляют права на занятіе тѣми или другими промыслами, ремеслами и т. п. Могутъ быть случаи, когда сохраненіе за лицомъ такихъ правъ можетъ оказаться опаснымъ и когда отнятіе ихъ станетъ необходимымъ въ виду общественныхъ интересовъ; такъ, напр., если аптекарь отступленіемъ отъ предписанныхъ правилъ или невѣжествомъ своимъ при приготовленіи лекарствъ причинитъ кому-либо смерть, то необходимо будетъ запретить ему продолжать заниматься аптекарскимъ промысломъ, неспособность къ которому онъ выказалъ. При назначеніи подобнаго запрещенія надо помнить, однако, что профессія составляетъ источникъ существованія и пропитанія, и потому ни въ какомъ случаѣ не переступать за предѣлы необходимости, и въ особенности воздерживаться отъ запрещенія, вмѣстѣ съ занятіемъ, подавшимъ поводъ къ нему, и всѣхъ однородныхъ занятій, ибо это можетъ отнять у человѣка всякую возможность честной дѣятельности и натолкнуть его на новыя преступленія; вотъ почему эта мѣра практикуется въ-наименѣе широкихъ размѣрахъ, и только по отношенію къ тѣмъ видамъ дѣятельности, которые въ законѣ категорически поименованы.

Отъ правъ на занятія нужно отличать права на знанія; послѣдними государство, очевидно, распорядиться не можетъ, человѣкъ ученый не можетъ быть сдѣланъ имъ неучемъ; поэтому, ученые дипломы лишенію не подлежатъ, хотя права, ими даваемые, могутъ быть отнимаемы. Наше законодательство знаетъ, однако, и лишеніе ученыхъ дипломовъ и аттестатовъ.

II. Другой признакъ, которымъ пораженіе правъ отличается отъ прежняго вымиранія юридической личности, есть признакъ срочности. При гражданской смерти на вѣки поражаются какъ права личности, такъ и способность къ приобрѣтенію ихъ. Пораженіе отдѣльнаго права, по существу своему, можетъ быть только постояннымъ, вѣчнымъ; но иное слѣдуетъ сказать о пораженіи способности къ приобрѣтенію правъ. Пожизненное, безповоротное пораженіе ея противодѣйствуетъ развитію исправительныхъ импульсовъ и представляется мѣрою излишней суровости: съ теченіемъ времени человѣкъ можетъ настолько измѣниться, что ему безопасно предоставить свободное пользованіе правами. Вотъ почему идея пожизненности лишенія правъ нынѣ смягчается частью институтомъ восстановленія правъ, а частью введеніемъ начала срочности правопораженія.

III. Въ высшей степени важенъ вопросъ: назначается ли пораженіе правъ, какъ послѣдствіе наказанія, или какъ послѣдствіе преступнаго дѣянія. Прежнія законодательства придерживались того положенія, что наиболѣе тяжкія наказанія должны сопровождаться опредѣленными правопораженіями; разъ судъ назначаетъ то

или другое наказаніе, ему не нужно уже ставить вопроса о томъ, заслуживаетъ ли виновный примѣненія дополнительной мѣры: она ео ipso слѣдуетъ за главною. Положеніе это теоретически неправильно, потому 1) что позорить человѣка не наказаніе, а преступное дѣяніе, и 2) что безусловное присоединеніе къ данному наказанію правоограничительныхъ послѣдствій можетъ затруднить достиженіе исправительныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ; самое признаніе наказанія несомнѣстимымъ съ полноправностью вредно отразится на тюремной дѣятельности. Поэтому, нѣкоторыя новѣйшія законодательства стали на другой путь: пораженіе правъ они поставили въ зависимость не отъ наказанія, а отъ свойства и рода преступнаго дѣянія, учиненнаго виновнымъ; какое бы наказаніе ни было назначено судомъ, онъ имѣетъ право, при извѣстныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, примѣнять правопораженіе. Хотя это положеніе теоретически представляется вполне правильнымъ, но примѣнить его послѣдовательно находить возможнымъ далеко не все законодательства: практически не всегда удобно предоставлять суду право опредѣлять размѣръ правопораженія независимо отъ тяжести и рода наказанія, въ виду того, что въ обществѣ существуютъ иногда опредѣленные воззрѣнія на то или другое наказаніе, съ которыми законодатель долженъ считаться; такъ, напр., общество у насъ соединяетъ извѣстный взглядъ съ арестантскими ротами, или въ Германіи съ цухтгаузомъ: для нѣмца было бы страннымъ, если бы лицо, заключенное въ Zuchthaus, могло пользоваться всеми правами (напр. правомъ носить національную кокарду). Въмѣстѣ съ тѣмъ, назначая наказаніе за то или другое дѣяніе, законодатель предполагаетъ, что судомъ будетъ слѣлана должная оцѣнка конкретному преступленію, и что если преступникъ не будетъ признанъ заслуживающимъ правопораженія, сопряженнаго съ однимъ наказаніемъ, ему будетъ опредѣлено другое наказаніе. Вотъ почему пораженіе правъ до сихъ поръ представляется обыкновенно послѣдствіемъ не только преступленія, но и наказанія.

IV. Что касается отношенія суда къ правопораженію, то оно можетъ быть двойное: или судъ обязанъ въ извѣстныхъ случаяхъ, напередъ указанныхъ закономъ, примѣнять тѣ или другія правопораженія, или это право дается ему факультативно. Первый приемъ выходитъ изъ предположенія, что законодатель имѣетъ возможность напередъ опредѣлить степень опасности, заключающуюся въ томъ или другомъ преступномъ дѣяніи, и можетъ на этомъ основаніи заранѣе назначить правопораженіе, которое должно сопровождать извѣстное преступное дѣяніе. Но въ этомъ приемѣ есть существенный недостатокъ: разъ институтъ наказанія призванъ служить цѣлямъ общественной безопасности, очевидно, онъ долженъ быть

поставленъ въ зависимость отъ дѣйствительнаго существованія или несуществованія такой опасности; въ среднемъ выводѣ, лица, совершившія извѣстныя преступныя дѣянія и подвергшіяся за нихъ наказаніямъ, могутъ представлять опасность; такая средняя опасность только и принимается въ расчетъ законодателемъ; но могутъ быть отъ нея уклоненія въ дѣйствительности; лицо, совершившее преступное дѣяніе извѣстной категоріи, признанной законодателемъ вообще опасною, можетъ въ данномъ случаѣ не представлять никакой опасности, такъ что примѣненіе къ нему правопораженія было бы излишне. Вотъ почему принципъ обязательнаго примѣненія правопораженія смѣняется мало-по-малу предоставленіемъ суду факультативнаго права назначать правопораженіе, соображаясь съ конкретными обстоятельствами дѣла. Но такая смѣна совершается весьма осторожно; до сихъ поръ не установилось еще полного довѣрія къ суду; законодатель не считаетъ еще возможнымъ предоставить ему такой широкой власти и пока допускаетъ ее лишь въ строго опредѣленныхъ самимъ закономъ размѣрахъ.

Недавно высказано мнѣніе (Grosz, Ehrenfolgen), что пораженіе правъ должно зависѣть не отъ суда, а отъ того общественнаго кружка, въ который вступаетъ отбывшій наказаніе; мнѣніе это было бы вѣрно по отношенію къ пораженію чести, которая зависитъ отъ общественнаго признанія, а не къ пораженію правъ, которыми человѣкъ пользуется какъ членъ государства.

Къ институту лишенія правъ можетъ быть отнесенъ и полицейской надзоръ въ той его обрисовкѣ (французской), когда онъ соединяется съ ограниченіемъ правъ на дѣйствія и занятія; новѣйшее время противопоставило ему иной типъ (англійскій), сводящійся къ наблюденію за осужденнымъ безъ всякаго вторженія въ область его правъ, къ наблюденію по возможности негласному и не обременительному; мы скажемъ о немъ при изложеніи мѣръ, сопровождающихъ лишеніе свободы.

3. Положительное право Западной Европы. Современные дѣйствующія законодательства знаютъ пораженіе правъ какъ мѣру дополнительную, и только въ исключительныхъ случаяхъ примѣняютъ ее, какъ наказаніе главное.

Изъ современныхъ западно-европейскихъ законодательствъ наиболѣе приближается къ типу прежняго пораженія правъ французское законодательство. Еще Code pénal 1810 г. зналъ гражданскую смерть, *mort civile*, которая отмѣнена лишь въ 1854 г. Въ настоящее время французскому законодательству извѣстны три вида лишенія правъ: 1) *dégradation civique*, 2) *interdiction légale* и 3) *interdiction de certains droits*.

Dégradation civique, гражданская деградация, применяется обыкновенно какъ дополнительное наказаніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и какъ главное. Она обнимаетъ собою: а) лишеніе всѣхъ политическихъ и служебныхъ правъ, каковы право участвовать въ выборахъ, занимать должности на государственной службѣ гражданской и военной и т. п.; б) лишеніе правъ на нѣкоторые виды общественной дѣятельности, напр., права быть присяжнымъ засѣдателемъ, экспертомъ, повѣреннымъ по судебнымъ дѣламъ, свидѣтелемъ при совершеніи гражданскихъ сдѣлокъ, а также права давать показанія въ дѣлахъ уголовныхъ и т. п. Это послѣднее правопораженіе представляется наименѣе пригоднымъ, и даже прямо вреднымъ для общества: иногда такое лицо, лишенное права давать показанія на судѣ, можетъ оказаться единственнымъ свидѣтелемъ какого-нибудь важнаго событія, и потому отнятіе у него права показывать на судѣ можетъ помѣшать раскрытію истины; в) лишеніе нѣкоторыхъ правъ семейныхъ, какъ-то: быть опекуномъ и попечителемъ надъ несовершеннолѣтними, кромѣ только собственныхъ дѣтей. Въ качествѣ дополнительной мѣры, *dégradation civique* применяется при *reclusion* (смирительный домъ), *bannissement* (изгнаніе) и *détention* (заточеніе). Это лишеніе гражданскихъ правъ отличается тѣмъ, что оно недѣлимо, пожизненно; примѣненіе его для суда обязательно во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ закономъ.

Interdiction légale, законный интердиктъ, является послѣдствіемъ тяжелыхъ наказаній и состоитъ въ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ осужденнаго въ управленіи своимъ имуществомъ: на все время интердикта, надъ имуществомъ осужденнаго учреждается опека; опекунъ не имѣетъ права выдать осужденному ни сантима, но по истеченіи срока наказанія опека прекращается и все имущество возвращается собственнику его, которому опекунъ обязанъ дать отчетъ въ управленіи. Мѣра эта является послѣдствіемъ каторги, заточенія и смирительнаго дома.

Interdiction de certains droits, лишеніе нѣкоторыхъ правъ, заключаетъ въ себѣ почти всѣ правопораженія, которыя входятъ въ понятіе гражданской деградации, но съ тѣмъ отличіемъ, что а) они назначаются судомъ не обязательно, а фалькутативно, и б) могутъ быть назначаемы не только всѣ въ совокупности, но и порознь.

Независимо отъ этого, нѣкоторыя наказанія, предполагающія пожизненность, сопровождаются правоограниченіями по имуществу, именно ограниченіе права распоряжаться имуществомъ по даренію, завѣщанію и т. под.; эти правоограниченія составляютъ прямой результатъ прежней гражданской смерти; они значительно смягчены закономъ 25 мая 1873 года.

По бельгійскому законодательству, всякій приговоръ къ смертной казни, каторгѣ, продолжительному или пожизненному заточенію (*détention*) и смирительному дому (*reclusion*), влечетъ за собою потерю сословныхъ правъ или правъ состоянія, правъ на титулы, на занятіе должностей, на публичную дѣятельность. Приговоръ къ смертной казни, каторгѣ, смирительному дому, кромѣ того, навсегда лишаетъ права распоряжаться имуществомъ; но за осужденнымъ сохраняется право передать свое имущество наслѣдникамъ по завѣщанію. Лишеніе правъ общественныхъ и публичныхъ продолжается и по отбытіи главнаго наказанія, или пожизненно, или на срокъ отъ 10 — 20 лѣтъ, или 5 — 10 лѣтъ, смотря по тяжести главнаго наказанія. Сроки эти считаются съ момента отбытія главнаго наказанія.

Система германская гораздо болѣе отдалилась отъ прежняго типа пораженія правъ. Она выходитъ изъ того взгляда, что правопораженіе должно имѣть основаніе не въ родѣ наказанія, а въ свойствѣ преступнаго дѣянія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, германское законодательство гораздо болѣе, чѣмъ французское и бельгійское, вводитъ начало дробности или дѣлимости правопораженія, его срочности, и начало факультативнаго усмотрѣнія суда. Однако, заключеніе въ цухтгаузѣ безусловно влечетъ за собою лишеніе почетныхъ правъ, обладаніе которыми предполагаетъ общественное довѣріе или сообщаетъ общественную власть, каковы право служить въ арміи, во флотѣ, быть адвокатомъ, присяжнымъ засѣдателемъ, опекуномъ, носить національную кокарду, пользоваться титулами и т. п. Это лишеніе правъ продолжается на весь срокъ заключенія въ цухтгаузѣ; но суду предоставляется, сверхъ того, назначать лишеніе нѣкоторыхъ почетныхъ правъ на опредѣленный срокъ послѣ отбытія цухтгауза какъ главнаго наказанія. Такое же добавочное правопораженіе судъ можетъ присоединять и къ тюрьмѣ, если она назначается на срокъ не менѣе 3 мѣсяцевъ. Пораженіе почетныхъ правъ по германскому законодательству, слѣдовательно, состоитъ: 1) въ лишеніи пріобрѣтенныхъ титуловъ, почетныхъ званій, общественного положенія и правъ, пріобрѣтенныхъ прежнею службою; оно, по самому свойству своему, является безсрочнымъ; и 2) въ лишеніи способности пріобрѣтать такія права, которое всегда срочно.

Венгерскій кодексъ знаетъ, въ качествѣ дополнительнаго наказанія, пораженіе, съ одной стороны, правъ служебныхъ, съ другой — политическихъ (избирательныхъ и права быть присяжнымъ засѣдателемъ); оба вида правопораженія не связаны обязательно ни съ какимъ наказаніемъ и примѣненіе ихъ поставлено въ зависимость отъ свойства преступнаго дѣянія; они назначаются всегда на

опредѣленный срокъ, а именно, при менѣ важныхъ преступленіяхъ на время отъ 1 до 3 лѣтъ, при болѣ важныхъ — отъ 3 до 10 лѣтъ.

Голландское уложеніе 1881 г. подъ лишеніемъ правъ понимаетъ лишеніе: 1) права занимать публичные должности, веѣ или спеціально судомъ указанныя, избирать и быть избираемымъ при выборахъ, служить въ арміи; 2) права родительской власти, опекунства и попечительства или только надъ посторонними, или надъ собственными дѣтьми; 3) права занятія опредѣленными видами торговли, ремесла или промысла. Эти праволишенія назначаются судомъ не веѣ совмѣстно, а порознь, и всегда факультативно; судъ можетъ примѣнять ихъ не только въ случаяхъ, особо указанныхъ закономъ, но и по инымъ преступнымъ дѣяніямъ, а именно, лишеніе права занимать должности — если виновный злоупотребилъ вѣрною ему по службѣ властью или обязанностью, лишеніе родительской власти и попечительства — если виновный участвовалъ въ преступномъ дѣяніи лица, находившагося подъ его властью (ст. 28, 29, 30). При наказаніяхъ пожизненныхъ лишеніе правъ опредѣляется пожизненно, при наказаніяхъ срочныхъ — на срокъ, превышающій срокъ главнаго наказанія отъ 2 до 5 лѣтъ, при денежныхъ взыскаціяхъ — на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ (ст. 31).

4. Русское право. Наше національное право эпохъ удѣльной и московской характеризуется отсутствіемъ правопораженій; они вводятся у насъ путемъ заимствованій съ Запада, со временъ Петра I. Воинскіе артикулы установили совершенно новую у насъ мѣру, шельмованіе, которое означало собою частью наказаніе осрамительное, частью лишеніе покровительства законовъ. Оно опредѣлялось, какъ „тяжелое чести нарушеніе, котораго имя на висѣлицѣ прибито, или шпата его отъ палача преломлена, и воромъ (шельмамъ) объявленъ будетъ. Надлежитъ знать веѣмъ, какъ съ тѣмъ поступать, кто чести лишень, шельмованъ (то-есть, изъ числа добрыхъ людей и вѣрныхъ извергнуть): 1) ни въ какое дѣло ниже свидѣтельство не принимать; 2) кто такого ограбить, побѣеть или ранить, или у него отъиметь, у онаго челобитья и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убіетъ, то яко убійца судитися будетъ; 3) въ компаніи не допускать, и единымъ словомъ, такой весьма лишень общества добрыхъ людей; а кто сіе преступить, самъ можетъ наказанъ быть“. Духовный регламентъ прибавлялъ, что шельмованный предается анаемѣ, отлучается отъ церкви, не допускается къ таинствамъ причащенія, брака, къ присягѣ, даже на вѣрноподданничество. Кромѣ общаго предписанія, по которому шельмованнымъ считался всякій, наказанный рукою палача, воинскіе артикулы назначаютъ шельмованіе въ 11 случаяхъ, изъ нихъ въ

5 оно сопровождалось смертною казнью, въ 2 назначалось альтернативно со смертною казнью и въ 4 (вызовъ на дуэль, побѣгъ съ поля сраженія, корыстное уменьшеніе вѣса монеты, критическое отношеніе къ указамъ начальства) предписывалось только шельмовать, объявить негоднымъ. Шельмованіе преобразовано въ институтъ лишенія всѣхъ правъ состоянія закономъ 1766 г.

Гражданская или политическая смерть вводится у насъ указами Елисаветы Петровны 1753 и 1754 гг. взамѣнъ смертной казни; она состояла въ томъ, что осужденный возводился на плаху или на висѣлицу, надъ нимъ преламывалась (въ случаѣ принадлежности къ привилегированному состоянію) шпага, ему объявлялась смертная казнь, но, вмѣсто дѣйствительнаго ея исполненія, онъ подвергался ссылкѣ въ каторгу. Этотъ институтъ въ своей первоначальной формѣ сохранился до нынѣ въ ст. 71 улож., и изъ него развилась вся система правопораженій по позднѣйшему нашему законодательству.

Сводъ законовъ уголовныхъ, изд. 1832 и 1842 гг., знаетъ, кромѣ политической смерти, удержанной въ видѣ замѣны смертной казни для преступленій государственныхъ, два вида правопораженія: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія и 2) лишеніе нѣкоторыхъ правъ состоянія.

Лишеніе всѣхъ правъ состоянія, по своду 1832 г., назначалось при наиболѣе тяжкихъ наказаніяхъ, именно при отдачѣ въ солдаты, ссылкѣ въ каторгу или на поселеніе, или при замѣнявшихъ ихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, и состояло для дворянъ въ лишеніи правъ дворянства, для духовныхъ — въ изверженіи изъ духовнаго званія, для почетныхъ гражданъ и купцовъ — въ лишеніи правъ, присвоенныхъ городскимъ обывателямъ, для лицъ прочихъ состояній, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній — въ лишеніи всѣхъ правъ, въ частности этимъ состояніямъ присвоенныхъ, напр. въ лишеніи навсегда чиновъ, добраго имени (ст. 21). Послѣдствіемъ политической смерти и лишенія всѣхъ правъ, сопровождаемыхъ каторгою или поселеніемъ, было: прекращеніе родительской власти; расторженіе брака въ случаѣ желанія другаго супруга; лишеніе права быть наслѣдникомъ или завѣщателемъ; поступленіе имущества его къ его законнымъ наслѣдникамъ, точно такъ, какъ если бы онъ умеръ (ст. 168); конфискація имущества имѣла мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (ст. 23). Лишеніе всѣхъ правъ, такимъ образомъ, по конструкціи свода, означало лишеніе правъ сословныхъ, и только при пожизненныхъ наказаніяхъ оно сопровождалось потерей правъ имущественныхъ и семейныхъ; при наказаніяхъ же не пожизненныхъ,

каково разжалованіе съ выслугою, имущественныя послѣдствія ограничивались отобраніемъ въ опеку недвижимаго дворянскаго имущества, а ограниченія правъ семейственныхъ и родительскихъ вовсе не было (ст. 171).

Подъ именемъ лишенія нѣкоторыхъ правъ состоянія гр. Сперанскій въ сводѣ желалъ объединить всѣ отдѣльныя правопораженія, назначавшіяся прежними законами, и притомъ не въ совокупности ихъ, а порознь; таковы: лишеніе чиновъ и знаковъ отличія; исключеніе изъ службы, съ воспрещеніемъ оной вовсе, или именно какого-либо рода службы; лишеніе добраго имени безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, и воспрещеніе занимать должности, требующія власти, довѣрія или почитанія; воспрещеніе давать судъ, не съ исключеніемъ всѣхъ дѣлъ о личныхъ обидахъ, и воспрещеніе судебного представительства за другихъ; отдачу имѣнія въ опеку; разныя ограниченія, спеціально приговоромъ указанныя, въ правѣ пріобрѣтать и распорядиться имуществомъ (покупать крестьянъ, имѣть подмастерьевъ, учениковъ и т. под.).

Значительный шагъ назадъ сдѣланъ въ этой области уложеніемъ 1845 г., составители котораго, увлекаясь стремленіемъ къ обобщенію, крайне расширили объемъ правопораженій и воротились къ устарѣвшему типу гражданской смерти, забывъ цѣльныя попытки гр. Сперанскаго къ упраздненію его. Уложеніе знаетъ три вида общаго правопораженія и, кромѣ того, рядъ спеціальныхъ постановленій о пораженіи отдѣльныхъ правъ, содержащихся въ особенной его части и дополняемыхъ постановленіями иныхъ законовъ, которыми опредѣляется цензъ служебный или должностной.

Общія правопораженія по уложенію суть: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія; 2) лишеніе всѣхъ особыхъ, лично и по состоянію виновнаго присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, и 3) лишеніе нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Всѣ они суть мѣры пожизненныя, сопровождающія осужденнаго до гробовой доски; притомъ, институтъ возстановленія правъ у насъ не разработанъ. Всѣ эти правопораженія суть послѣдствія наказаній, обязательно опредѣляемыя судомъ: первый видъ — при наказаніяхъ уголовныхъ, два послѣдніе — при наказаніяхъ исправительныхъ. Каждый высшій видъ обнимаетъ низшій, съ прибавкою новыхъ правопораженій.

Низшимъ видомъ ихъ по уложенію является лишеніе нѣкоторыхъ личныхъ правъ, соединенное съ осужденіемъ къ заключенію въ крѣпости отъ 1 года 4 мѣс. до 4 лѣтъ, и съ заключеніемъ въ тюрьмѣ, смѣнившимъ рабочій и смиренный дома; оно состоитъ въ потерѣ права вступать въ государственную и общественную службу, въ утратѣ права участія въ выборахъ и быть

избираемымъ въ почетныя или соединенныя съ властью должности, но безъ утраты прежняго состоянія, за исключеніемъ священнослужителей и причетниковъ, лишаемыхъ навсегда духовнаго сана и исключаемыхъ изъ духовнаго званія (50 ул.). Этотъ видъ лишенія правъ сопровождается отдачею подъ надзоръ полиціи или общества и запрещеніемъ, послѣ отбытія главнаго наказанія, отлучки изъ мѣста жительства въ теченіи 1 года.

Лишеніе всеѣхъ особыхъ лично и по состоянію виновнаго присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ состоитъ въ лишеніи: почетныхъ титуловъ, дворянства, чиновъ и всякихъ знаковъ отличія, съ обязанностью избрать себѣ родъ жизни и приписаться въ мѣщанское или другое податное состояніе; права вступать въ государственную и общественную службу; записываться въ гильдіи или получать какія-либо свидѣтельства на торговлю; быть третейскимъ судьей, опекуномъ, попечителемъ, повѣреннымъ по чужимъ дѣламъ, свидѣтелемъ при какихъ-либо договорахъ и актахъ, и даже давать передъ судомъ по дѣламъ гражданскимъ свидѣтельскія показанія подъ присягою или безъ присяги, кромѣ особыхъ случаевъ, когда судъ признаетъ необходимость въ его показаніяхъ; по отбытіи главнаго наказанія наступаютъ полицейскій надзоръ и запрещеніе отлучаться съ мѣста жительства, при тюрьмѣ — на два года, при исправительныхъ гражданскихъ отдѣленіяхъ — на четыре года по отбытіи наказанія, а при ссылкѣ на житье — безсрочно (43 — 49 ул.). Такимъ образомъ, этотъ видъ правопораженія обнимаетъ не только всю область политической правоспособности наказаннаго и его почетное въ обществѣ положеніе, но распространяется и на право занятій торговлею или иныхъ, предполагающихъ дипломъ, или аттестатъ, которые отбираются; онъ соотвѣтствуетъ лишенію всеѣхъ правъ своднаго законодательства 1832 г., назначавшагося при иныхъ наказаніяхъ кромѣ каторги и поселенія, такъ какъ при немъ сохраняются семейственныя и имущественныя права, за исключеніемъ управления дворянскихъ населенныхъ имѣній, поступающихъ въ опеку (46 ул.).

Наконецъ, лишеніе всеѣхъ правъ состоянія объемлетъ все пораженіе правъ и правоспособности, входящія въ предъидущіе виды (прежняго сословнаго положенія, съ переводомъ въ состояніе ссыльныхъ; правъ и правоспособности къ общественной и государственной службѣ и къ участию въ выборахъ; чиновъ, орденовъ, грамотъ, дипломовъ и аттестатовъ; права быть опекуномъ и т. под.), и кромѣ того:

1) потерю правъ семейственныхъ, слагающуюся изъ а) прекращеніе родительской власти надъ дѣтьми, прижитыми до осужденія и не послѣдовавшими въ мѣсто ссылки; б) прекращеніе правъ

супружескихъ и расторженіе брака, поставленное, однако, въ зависимость отъ воли другаго супруга¹⁾; это правило падаетъ при принадлежности супруговъ къ исповѣданію, не допускающему расторженія брака; и в) въ прекращеніи всѣхъ прочихъ правъ, основанныхъ на связяхъ родства и свойства, т. е., главнымъ образомъ правъ наслѣдованія (хотя о нихъ упоминается особо) и участія въ семейныхъ совѣтахъ, гдѣ послѣдніе введены;

и 2) потерю правъ имущественныхъ, обнимающую: а) потерю всего прежняго имущества, которое поступаетъ къ „законнымъ наслѣдникамъ“ осужденнаго, какъ поступило бы по его естественной смерти; практика допускаетъ при этомъ какъ наслѣдованіе по закону, такъ и наслѣдованіе по завѣщанію; и б) потерю правъ наслѣдовать въ имущество, которое могло бы достаться виновному послѣ осужденія: эти права переходятъ по представленію къ наслѣдникамъ осужденнаго. Такая утрата правъ семейственныхъ и имущественныхъ по уложенію называется „послѣдствіемъ“ лишенія всѣхъ правъ состоянія (ст. 25 — 28), но въ дѣйствительности составляетъ его главную характеристическую черту и вытекаетъ изъ взгляда гр. Влудова на уголовныя наказанія, какъ на разрушающія всѣ связи осужденнаго съ обществомъ, переходящія въ гражданскую смерть его. Однако, репрессивныя идеи уложенія не могли быть выдержаны въ жизни и оказались фикціею, ибо законодатель въ уставѣ о ссыльныхъ разрушалъ то, что пыталось создать уложеніе. Уставъ о ссыльныхъ, заботясь о водвореніи послѣднихъ, допускаетъ ссыльнымъ имѣть при себѣ уже на пути въ ссылку имущество движимое, признаетъ правоспособность на приобрѣтеніе движимости въ Сибири въ неограниченномъ объемѣ, а недвижимости — на особыхъ для ссыльныхъ условіяхъ; онъ ограничиваетъ право наслѣдованія послѣ ссыльныхъ, т. е. постановляетъ мѣру, направленную не противъ самаго осужденнаго, а противъ его родственниковъ, и напоминающую посмертную конфискацію имущества депортированныхъ по римскому праву. Независимо отъ того, уставъ о ссыльныхъ допускаетъ, по истеченіи извѣстныхъ сроковъ, переходъ ссыльныхъ въ свободныя состоянія, а новѣйшія узаконенія (1879 г.) расширили и право ихъ на занятія промыслами и торговлею по свидѣтельствамъ, отрицаніе котораго стѣсняло ихъ средства честнаго существованія.

Независимо отъ общихъ правопораженій, нашему законодательству извѣстны пораженія отдѣльныхъ правъ. Изъ нихъ упоминаемые

¹⁾ Въ Сибири, въ виду потребностей колонизаціи, для успѣха которой необходима семья, установился обычай разрѣшать ссыльнымъ браки не справляясь, за дальностью разстояній, съ волею другаго супруга.

уложеніемъ о наказ. сводятся къ поражению: 1) правъ въ недвижимомъ имуществѣ, поступающемъ въ опеку; мѣра эта имѣетъ мѣсто при вѣроотступничествѣ, гдѣ она иногда сопровождается запрещеніемъ пользованія всѣми иными правами состоянія и ограниченіемъ родительской власти (185, 188, 190 ул.), а также, безъ этихъ придатковъ, при самовольномъ оставленіи отечества (326, 327 улож.); 2) правъ на опредѣленные занятія, лишеніе которыхъ назначается безсрочно или на срокъ; къ безсрочнымъ принадлежатъ: лишеніе права продавать или готовить напитки или что-либо съѣстное и выдѣлывать для храненія или приготовленія ихъ посуду (865 ул.); права продавать ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества (867 ул.); права управлять аптеками и содержать ихъ (885, 890, 894 ул.); права содержать гостиницы (958 ул.); права содержать ссудныя кассы (992⁴ ул.); права имѣть надзоръ за малолѣтними и несовершеннолѣтними (993 ул.); права быть раввиномъ (1053 ул.); права вступать въ строительныя съ казною подряды оптомъ (1060 ул.); права на производство торговли (1173, 1175, 1176, 1187 ул.), на содержаніе банкирскихъ конторъ и мѣняльныхъ лавокъ (1174² ул.); права входа на биржу (1278 ул.); права держать подмастерьевъ и учениковъ (1379 ул.). Срочно могутъ быть назначаемы какъ нѣкоторыя изъ названныхъ лишеній, такъ, сверхъ того, и лишеніе права: быть издателемъ или редакторомъ повременнаго изданія, на срокъ не выше 5 лѣтъ (1046 ул.); участвовать въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ на срокъ отъ 3 до 9 лѣтъ (1424 ул.) и др. Сверхъ того, нѣкоторыя правопораженія опредѣляются не срокомъ, а наступленіемъ условія, напр. лишеніе права медицинской практики, доколѣ виновный не выдержитъ новаго испытанія (870 улож.). Легко видѣть, что ограниченія правъ на занятія, стѣсныя способы честнаго существованія, чрезмѣрно расточаются нашимъ законодательствомъ, а въ формѣ наказаній вѣчныхъ они совершенно неумѣстны. Но помимо уголовного законодательства, пораженіе правъ на дѣятельность, предполагающую общественное довѣріе и почетъ, устанавливается у насъ иными законами, въ видѣ ценза для публичныхъ должностей; такъ, права судебной службы навсегда утрачиваютъ приговоренные къ наказаніямъ не ниже тюремнаго заключенія.

Несостоятельность дѣйствующей у насъ системы правопораженій признана уже закономъ 11 декабря 1879 г.; редакціонная коммисія предположила преобразование ея на слѣдующихъ началахъ.

Пораженіе правъ семейственныхъ и имущественныхъ она исключаетъ изъ проекта уголовного кодекса, указывая, что опредѣленіе этого рода послѣдствій при наказаніяхъ безсрочныхъ, для ограж-

денія правъ какъ самого наказываемаго, такъ и его близкихъ, принадлежитъ гражданскому законодательству. Затѣмъ извѣстные проекту пораженія правъ распадутся на: 1) лишеніе правъ состоянія, 2) лишеніе правъ общественныхъ и почетныхъ и 3) лишеніе права на отдѣльныя занятія.

Лишеніе правъ состоянія состоитъ въ перечисленіи осужденнаго изъ прежняго состоянія въ новое, а именно: 1) при каторгѣ и поселеніи — въ состояніе ссыльныхъ, и 2) при нѣкоторыхъ случаяхъ присужденія лицъ привилегированныхъ состояній къ исправительному дому и тюрьмѣ — обязательная приписка ихъ къ городскому или сельскому состоянію.

Лишеніе правъ общественныхъ и почетныхъ обнимаетъ потерю права государственной и общественной службы, а также въ арміи и во флотѣ, права участія въ выборахъ, записываться въ гильдіи, быть начальствующимъ, учителемъ или воспитателемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, быть опекуномъ, попечителемъ, повѣреннымъ по дѣламъ, третейскимъ судьей, свидѣтелемъ при совершеніи актовъ и договоровъ (27 пр.). Этотъ видъ обнимаетъ, слѣдовательно, какъ лишеніе правъ, такъ и лишеніе способности приобрѣтать права почетныя; но послѣдняя утрачивается не безсрочно, а на опредѣленные сроки, и именно, смотря по тяжести главнаго наказанія, не свыше 10 и 5 лѣтъ по отбытіи его.

Лишеніе права на занятія опредѣляется особенною частью проекта, въ случаяхъ, когда сохраненіе ихъ за осужденнымъ было бы опасно для общества; такъ, напр., при неосторожномъ причиненіи смерти лицомъ, обязаннымъ по должности или роду дѣятельности къ особой осмотрительности, вслѣдствіе несоблюденія таковой, судъ по проекту можетъ воспретить виновному дѣятельность, при осуществленіи коей онъ причинилъ смерть. Это лишеніе всегда по проекту факультативное для суда и срочное, опредѣляемое не свыше 5 лѣтъ по отбытіи главнаго наказанія.

ГЛАВА IV.

Имущественныя взысканія ¹⁾.

Понятіе и оцѣнка ихъ. Подъ взысканіями имущественными разумѣется отнятіе у виновника, въ наказаніе за учиненное имъ преступное дѣяніе, его имущества. На нихъ была построена вся

¹⁾ Stoosz, Zur Natur der Vermögensstrafen, 1878. Кистяковскій, Элем. учеб. §§ 475—485.

карательная система въ эпоху выеуповъ, когда такія взысканія шли въ пользу потерпѣвшаго (буссы); мало-по-малу, и общественная власть начала принимать въ нихъ участіе, и въ виду фискальныхъ интересовъ къ нимъ прибѣгали весьма часто: важнѣйшія преступленія сопровождались отобраніемъ въ казну всего имущества, по мѣтѣ важнымъ отбиралась часть его. Нынѣ имущественныя взысканія утратили свое преобладающее мѣсто въ системѣ наказаній, потому, во-1-хъ, что наказанный продолжаетъ имѣть возможность вредить обществу, оставаясь на свободѣ; 2) какъ средство обогащенія казны, имущественныя взысканія представляются мѣрою, недостойною государства.

Но, утративъ первенствующее значеніе, имущественныя взысканія остаются, однако, въ системѣ наказаній частью какъ низшая карательная мѣра, для случаевъ маловажныхъ, частью какъ наказаніе специфическое, для такихъ случаевъ, когда, по народному выраженію, слѣдуетъ наказывать рублемъ, а не дубьемъ; частью какъ объективное послѣдствіе преступныхъ дѣяній, примѣняемое въ видахъ отвращенія ихъ вредныхъ результатовъ, частью какъ мѣра, хотя и примѣняемая въ порядкѣ судебномъ, но рассчитанная на предупрежденіе преступленій въ будущемъ, частью, наконецъ, какъ мѣра удовлетворенія потерпѣвшаго.

Виды имущественныхъ взысканій. Преслѣдуя эти различныя цѣли, имущественныя взысканія распадаются на: 1) отобраніе вещей, 2) денежные пени, 3) буссы, 4) представленіе поручительства и 5) объективныя мѣры устраненія послѣдствій преступнаго дѣянія.

I. Отобраніе вещей дѣлится на отобраніе всего имущества, или полную конфискацію, и отобраніе отдѣльныхъ предметовъ.

а) Конфискація всего имущества примѣнялась весьма часто въ прежнее время. Недостатки ея суть: въ-1-хъ, она постигала не столько наказываемаго (который при этомъ обыкновенно подвергался смертной казни или другой тяжелой карѣ), сколько его семью, наслѣдниковъ, почему является наказаніемъ неправильнымъ въ виду современнаго принципа индивидуальности карательныхъ мѣръ; во-2-хъ, примѣненіе конфискаціи всего имущества противорѣчитъ одной изъ основныхъ задачъ современнаго государства, которая состоитъ въ обезпеченіи каждому лицу неприкосновенности его гражданскихъ благъ; въ-3-хъ, конфискація является мѣрою, несомнѣстимою съ достоинствомъ государства, если она назначается для обогащенія государственной казны; такой источникъ обогащенія, съ точки зрѣнія современной финансовой науки, представляется совершенно нечистымъ. По этимъ причинамъ конфискація всего имущества

была совершенно вычеркнута изъ уголовныхъ законодательствъ, и нынѣ, со времени французской революціи, не примѣняется ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ. Русское законодательство знаетъ ее еще въ одномъ случаѣ, именно, по ст. 255 улож., за бунтъ, т. е. за преступленіе политическое, гдѣ она менѣе всего умѣстна. Но она допускается и въ этомъ случаѣ лишь при наличности спеціальнаго закона.

б) Конфискація отдѣльныхъ предметовъ состоитъ въ отобраніи у виновнаго орудій, послужившихъ или долженствовавшихъ служить къ совершенію преступленія (*instrumenta sceleris*), или же продуктовъ преступленія (напр., безнравственныхъ изображеній, недозволенныхъ сочиненій и т. п.). Судьба отбираемыхъ предметовъ можетъ быть различна: если они изъяты изъ гражданскаго оборота, вредны для общегитія, то подвергаются уничтоженію; въ противномъ случаѣ идутъ въ пользу казны, которая извлекаетъ изъ нихъ доходъ наиболѣе выгоднымъ для себя способомъ. Опредѣленія о конфискаціи, въ виду ихъ исключительнаго характера, подлежатъ ограниченному толкованію.

II. Наболѣе употребительною формою имущественныхъ наказаній является денежная пеня, или денежное взысканіе, т. е. присужденіе виновнаго, въ наказаніе за учиненное преступленіе, къ уплатѣ опредѣленной суммы денегъ. Такое наказаніе назначается или какъ самостоятельная мѣра, и тогда она имѣетъ значеніе низшей карательной мѣры за мелкіе проступки и нарушенія, или какъ мѣра дополнительная въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость ея вызывается особыми свойствами преступнаго дѣянія. Присоединеніе денежнаго взысканія къ инымъ наказаніямъ практикуется довольно часто. Во многихъ случаяхъ денежное взысканіе является мѣрой полезной, какъ потому, что она сокращаетъ необходимость примѣненія краткосрочнаго лишенія свободы, такъ и потому, что она наиболѣе выгодна для государства. Размѣръ денежной пени опредѣляется: 1) въ соотвѣтствіе съ цифрою причиненнаго вреда (*duplum, triplum*); это практиковалось въ прежнее время и вытекало изъ объективнаго характера прежняго уголовного законодательства; или же 2) въ точно установленныхъ законами цифрахъ, причѣмъ и здѣсь возможно себѣ представить санкцію безусловно-опредѣленную или относительно-опредѣленную. Противъ послѣдняго способа опредѣленія денежной пени, господствующаго въ современныхъ кодексахъ, указываютъ на вызываемую имъ неравномѣрность для богатыхъ и для бѣдныхъ, а потому предлагаютъ опредѣлять денежное взысканіе не цифрами, а известною частью имущества осужденнаго, напр. $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{100}$ и т. п. При этой системѣ, возраженіе, дѣлаемое противъ неравномѣрности

денежнаго взыскапія, отпало бы, но въ высшей степени труднымъ было бы вычисленіе имущественной соостоятельности виновнаго. Выходомъ изъ этого затрудненія можетъ служить предоставленіе суду извѣстнаго простора, чтобы онъ могъ каждый разъ сообразоваться съ конкретными обстоятельствами и положеніемъ даннаго лица. Существуютъ два способа взыскапія денежной пени: понудительный и добровольный; при первомъ имущество виновнаго розыскивается властью, при второмъ осужденному предоставляется или внести пеню, или, вмѣсто того, быть лишеннымъ свободы. Какъ и прочія наказанія, денежная пеня должна быть наказаніемъ личнымъ; въ нѣкоторыхъ кодексахъ существуетъ прямой запретъ вносить денежные пени за другихъ или собирать ихъ подпискою; наше право такого запрета не знаетъ. Въ случаяхъ несостоятельности къ уплатѣ денежнаго взыскапія, иностранныя законодательства замѣнъ его назначаютъ или лишеніе свободы, или обязательныя работы (напр., французскій законъ 1859 г. допускаетъ замѣну денежнаго взыскапія за лѣсныя нарушенія лѣсными работами), что предпочтительнѣе въ видахъ недостатковъ краткосрочнаго лишенія свободы, но организація такихъ работъ весьма трудна.

Русское право знаетъ денежные взыскапія: 1) въ качествѣ низшаго наказанія (п. VII ст. 30 ул., ст. 2 уст. о нак.), которое назначается исключительно, безъ присоединенія другихъ наказаній; въ этихъ случаяхъ обыкновенно опредѣляется лишь высшій размѣръ его; или 2) въ качествѣ специфическаго наказанія за нѣкоторыя преступленія, обыкновенно опредѣляемаго въ крупныхъ цифрахъ и верѣдко сопутствующаго инымъ наказаніямъ, слѣд. являющагося наказаніемъ дополнительнымъ (напр. по проступкамъ таможеннымъ). Способы опредѣленія размѣра денежныхъ взыскапія у насъ разнообразны; въ законѣ встрѣчаются санкции относительно и абсолютно опредѣленная, причѣмъ послѣдняя выражается или точною цифрою, или ставится въ соотвѣтствіе съ размѣромъ причиненнаго вреда. О замѣнѣ денежныхъ взыскапія при несостоятельности сказано ранѣе. Денежныя взыскапія обращаются въ казну, взимаемые мировыми судьями на устройство мѣсть заключенія; но иногда (555¹, 921¹ улож.) они обращаются въ пользу доносителя, что противорѣчитъ принципу государственности наказаній и оказываетъ вредное вліяніе на общественную нравственность.

III. Вознагражденіе потерпѣвшаго за вредъ, причиненный ему преступнымъ дѣяніемъ, есть мѣра гражданскаго права, осуществляемая въ порядкѣ гражданскаго иска. Но иногда положительное право сообщаетъ ей значеніе мѣры уголовной, осуществляемой не иначе, какъ въ порядкѣ уголовного суда (въ виду трудности осуществить

ее путемъ гражданскимъ). Тогда оно выливается въ форму имущественнаго взысканія, поступающаго въ пользу потерпѣвшаго и напминающаго собою древнїе выкупы. При этомъ потерпѣвшимъ можетъ быть или частное лицо, или казна. Въ первомъ случаѣ получаютъ слѣдующія гражданскія наказанія: а) бусса новогерманскаго права, опредѣляемая уголовнымъ судомъ въ пользу потерпѣвшаго отъ оскорбленія или тѣлеснаго поврежденія, независимо и отдѣльно отъ главнаго личнаго наказанія; высшій размѣръ ея установленъ въ законѣ; требованіе буссы признается равносильнымъ отказу отъ гражданскаго иска за нанесенный вредъ; въ нашемъ прежнемъ правѣ этой мѣрѣ соотвѣтствовало безчестье, опредѣлявшееся гражданскимъ судомъ въ пользу потерпѣвшаго отъ обиды; б) частныя штрафы въ пользу потерпѣвшаго по мѣрѣ причиненнаго вреда; напр., при лѣсоистребленіяхъ денежныя взысканія опредѣляются по размѣру поврежденнаго лѣса и поступаютъ въ пользу лѣсовладѣльца. Случаи имущественныхъ взысканій, опредѣляемыхъ въ вознагражденіе казны, по нашему праву весьма часты (напр., при нарушеніи постановленій уставовъ акцизнаго, таможеннаго и др.). Наше законодательство не проводитъ достаточно рѣзкаго отличія ихъ отъ общихъ денежныхъ взысканій, составляющихъ личное наказаніе.

IV. Независимо отъ личнаго наказанія, законодатель нерѣдко заботится объ устраненіи объективныхъ послѣдствій преступнаго дѣянія. Помимо отобранія и уничтоженія предметовъ, созданныхъ преступною дѣятельностью, сюда принадлежитъ возложеніе на осужденнаго обязанности сдѣлать что-либо или исполненіе какихъ-либо дѣйствій государственными органами за счетъ виновнаго. Такъ, по общему правилу нашего законодательства (26 уст. о нак.), когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи закона или законнаго распоряженія власти, то „виновные, независимо отъ взысканій, приговариваются къ исполненію, по мѣрѣ возможности, того, что ими упущено“. Въ развитіе этого правила постановляется, напр., что виновные въ производствѣ постройки съ нарушеніемъ уст. строит. обязаны исправить или подвергнуть сломѣ неправильно ими построенное, если неисправность признана вредною для общественной безопасности или народнаго здравія (68 уст. о нак.). Къ объективнымъ же мѣрамъ, составляющимъ имущественное лишеніе для наказываемаго, принадлежатъ: закрытіе типографіи, литографіи, металлографіи (1045 ул.) или инаго учебнаго, торговаго или промышленнаго заведенія (1049, 1075, 1348 ул.), пріостановленіе или прекращеніе повременнаго изданія (1046 ул.) и др. Иногда

объективныя мѣры могутъ быть опредѣляемы не только при осужденіи, но и при оправданіи обвиняемаго.

V. Наконецъ, къ имущественнымъ благамъ или къ возложенію обязанности имущественнаго свойства государство можетъ прибѣгать въ видахъ предупрежденія преступной дѣятельности со стороны лица, обнаружившаго къ ней наклонность. Такъ, по англійскому праву, мировой судья можетъ потребовать отъ лица, угрожающаго нарушеніемъ мира, представленія поручителей, съ отобраніемъ отъ нихъ подписки (recognizance), которою они принимаютъ на себя обязанность уплатить опредѣленную сумму въ случаѣ учиненія обвиняемымъ преступления до извѣстнаго срока; при непредставленіи поручительства назначается тюрьма (for want of sureties). Эта мѣра нынѣ введена въ карательную систему двоякимъ путемъ, а именно: а) поручительство съ подпискою берется отъ досрочно освобождаемыхъ взазмѣнъ или въ дополненіе полицейскаго надзора, и б) оно опредѣляется частью въ дополненіе, частью даже взазмѣнъ лишенія свободы; консолидированные статуты 1861 года дали право опредѣлять его, какъ наказаніе добавочное за всѣ felonies (тяжкія преступления), а какъ наказаніе добавочное или замѣняющее за всѣ misdemeanors (легкія преступления), этими статутами предусматрѣныя¹⁾.

Подобный институтъ существовалъ и въ нашемъ правѣ; по соборному уложенію непредставившіе порукъ иногда подлежали заключенію въ тюрьмѣ; однако, представленіе поруки не составляло наказанія, а лишь способъ освобожденія отъ нѣкоторыхъ послѣдствій наказанія; къ сожалѣнію, институтъ этотъ не получилъ у насъ дальнѣйшаго развитія.

¹⁾ Aschrott, ук. с. стр. 101, 102.

Отдѣленіе II. Лишеніе свободы.

Свобода человѣческая значитъ власть самоопредѣленія и дѣятельности по собственному усмотрѣнію каждаго человѣка. Она распадается на свободу внутреннюю или духовную и свободу внѣшней дѣятельности. Во имя первой, человѣку принадлежитъ выборъ его вѣрованій, убѣжденій, вообще идей и идеаловъ; во имя второй онъ имѣетъ власть опредѣлять свои внѣшнія дѣйствія по собственному усмотрѣнію и произволу, подѣ условіемъ лишь ненарушенія свободы другихъ, поставленной подѣ юридическую охрану.

Духовная свобода не можетъ быть предметомъ наказанія, по двумъ главнымъ причинамъ: во-1-хъ, внутренній міръ человѣка мало доступенъ для государственныхъ мѣропріятій; во-2-хъ, принудительныя мѣры противъ духовной стороны человѣка были бы самымъ жестокимъ посягательствомъ на его личность, противорѣчащимъ современной культурѣ; человѣчество отказалось уже отъ прямого принужденія въ области духовной, замѣнивъ его духовнымъ же, внутреннимъ на нее воздѣйствіемъ путями образованія, воспитанія и свободнаго убѣжденія.

Такимъ образомъ, непосредственному воздѣйствію государства, путемъ наказанія, доступна лишь сфера внѣшней свободы. Она обнимаетъ свободу передвиженія, труда, рѣчи, сношеній и всей вообще мышечной дѣятельности человѣка въ ея положительныхъ и отрицательныхъ проявленіяхъ во внѣ, въ учиненіи какихъ бы то ни было измѣненій во внѣшнемъ мірѣ или въ воздержаніи отъ нихъ. Къ ограниченію различныхъ сторонъ ея, государства прибѣгали издавна. При господствѣ идеи повинности, предметомъ карательнаго распоряженія стала свобода труда; обязательнымъ трудомъ своихъ преступниковъ, Китай возвелъ свои стѣны; къ нему же, со временъ царя Сабакона, обращался Египетъ для сооруженія пирамидъ; его мы встрѣчаемъ и въ государствахъ классическихъ. Подѣ влияніемъ идеи безопасности, наказанія лишеніемъ свободы направлялись, главнымъ образомъ, противъ свободы передвиженія: виновныхъ заключали, ссылали, изгоняли. Эта вѣтвь свободы осталась главною частью и современнаго лишенія свободы какъ наказанія, которое сводится къ принужденію или запрещенію пребывать въ опредѣленномъ мѣстѣ. Но присущее новому времени стремленіе извлечь изъ практикуемыхъ наказаній

возможную пользу для общежитія и для самого наказываемаго привело постепенно къ тому, что ограниченіе свободы передвиженія дополнилось различными придатками, разсчитанными на достиженіе этихъ цѣлей, какъ-то: обязательнымъ трудомъ, обязательнымъ режимомъ жизни и т. под. Въ виду различія ихъ и объема ограниченія свободы передвиженія, лишеніе свободы распадается на нѣсколько отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ.

Если государство ограничивается запрещеніемъ въѣзда въ нѣкоторыя мѣстности или пребыванія въ нихъ, оставляя за наказаннымъ право свободнаго жительства и переѣзда въ иныхъ мѣстностяхъ, то получается изгнаніе. Если наказанный принуждается жить въ опредѣленной и чуждой ему мѣстности, особенно когда такая мѣстность удалена отъ метрополи и отдѣлена отъ нея болѣе или менѣе непреодолимыми естественными границами, то лишеніе свободы переходитъ въ ссылку. Наконецъ, если наказанный помѣщается въ искусственно устроенное государственное сооруженіе, выходъ изъ котораго ему прегражденъ физически, то лишеніе свободы именуется заключеніемъ.

ГЛАВА I.

Изгнаніе ¹⁾.

Понятіе и виды. Изгнаніе есть удаленіе, въ наказаніе за учиненное преступное дѣяніе, изъ опредѣленной мѣстности, съ запрещеніемъ въѣзда въ нее, но съ правомъ свободно пребывать и передвигаться въ иныхъ мѣстностяхъ. По различію запрещаемыхъ для въѣзда мѣстностей, оно распадается на: 1) изгнаніе изъ государства и 2) изгнаніе изъ провинціи; первому усвоено названіе изгнанія въ собственномъ смыслѣ (*exilium*, *bannissement*), второе называется запрещеніемъ жительства или высылкою ²⁾. По продолжительности, изгнаніе и высылка могутъ быть срочными или пожизненными. Нарушеніе запрета о въѣздѣ облагается болѣе или менѣе строгими наказаніями.

Исторія. Изгнаніе изъ государства, какъ наказаніе, могло появиться только въ странахъ, достигшихъ извѣстной степени густоты

¹⁾ Holtzendorff, *Die Deportation als Strafmittel*, 1859; Loiseau, *Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes*, 1863; Фойницкій, *Ссылка на Западъ*, 1881 г.; Кистяковскій, *Учебникъ*, §§ 447, 448.

²⁾ Высылка сопровождается нерѣдко принужденіемъ жить въ опредѣленной мѣстности, и тогда она переходитъ въ ссылку.

населенія и культуры, лишеніе благъ которой могло быть чувствительно для наказываемаго. Въ теократической окраскѣ оно появляется уже въ государствахъ древняго востока, гдѣ изгнаніе изъ отечества означало удаленіе отъ культа отцовъ, кару божію. Индія извергала изъ касты, изгоняла изъ государства. Еврейское *agath* (херимъ) было божимъ проклятіемъ, имѣвшимъ въ результатѣ запрещеніе всякихъ сношеній съ проклятымъ, его семействомъ и потомствомъ, удаленіе его отъ всякаго церковнаго и гражданскаго общенія съ народомъ; позднѣе преступления, имъ обложенныя, стали наказывать изгнаніемъ виновнаго изъ общины.

Характеръ гражданскаго наказанія изгнаніе получаетъ въ государствахъ классическихъ. Въ глазахъ грека или римлянина, за предѣлами роднаго государства стоялъ міръ варварскій, совершенно имъ чуждый; покинуть родное государство, значило для нихъ не только порвать съ культомъ отцовъ, но также лишиться весьма важныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, разстаться съ шумнымъ форумомъ, съ уваженіемъ иноземцевъ, принадлежавшимъ гражданину Греціи и Рима. Лишенія эти были настолько чувствительны, что ихъ ставили на ряду съ самыми тяжкими наказаніями, и этимъ объясняется, что гражданинъ, приговоренный къ наказанію, могъ освободиться отъ него, добровольно разставаясь съ отечествомъ; но не гражданамъ этого права не принадлежало. Институтъ изгнанія какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ первоначально носилъ характеръ добровольнаго удаленія изъ отечества; въ Римѣ первый примѣръ ему подалъ Коріоланъ; еще Цицеронъ называетъ изгнаніе (*exilium*) не наказаніемъ, а убѣжищемъ отъ наказанія; отъ римскаго гражданина зависѣло при *sacratio capitis* или подчиниться наказанію и нести свою голову на плаху, или воспользоваться привилегіею своего гражданства и удалиться изъ отечества; удалившійся могъ избрать себѣ жилище въ римскаго государства по своему усмотрѣнію, но въ Римѣ правовая сфера его личности совершенно разрушалась (*aquae et ignis interdictio*), имущество его конфисковалось и, въ случаѣ произвольнаго возврата, онъ могъ быть убитъ всякимъ безнаказанно.

Изъ такого добровольнаго удаленія постепенно образовалось принудительное удаленіе изъ отечества.

Греція знала три формы его: уголовную (вѣчное изгнаніе), политическую (остракизмъ) и предупредительную (временное удаленіе). Какъ наказаніе уголовное, изгнаніе опредѣлялось народными судами за разныя преступления противъ государства, религіи и общихъ интересовъ страны; оно было карою пожизненною, стоявшею непо-

средственно за смертною казнью, сопровождалось конфискаціею имущества, разрушеніемъ семейнаго союза и запрещеніемъ оказывать помощь изгнаннику или даже вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія; при самовольномъ возвращеніи его ожидала смертная казнь. Остракизмъ примѣнялся не судомъ, а народомъ, какъ его политическое право; ему подпадали граждане, возроставшее могущество которыхъ могло быть опаснымъ для государства; изгоняемый не лишался ни имущества, ни гражданскихъ правъ вообще; по истеченіи 10 лѣтъ онъ могъ возвратиться въ отечество полноправнымъ гражданиномъ. Предупредительное удаленіе направлялось къ ограниченію частной мести; учинившему случайное убійство предоставлено было искать убѣжище въ храмѣ; если затѣмъ, по суду эфетовъ, оказывалось, что убійство дѣйствительно было случайнымъ, то учинившій его принимался подъ особую охрану власти, но ему предписывалось, для избѣжанія мести и умиротворенія семьи убитаго, удалиться изъ страны на одинъ годъ; никакимъ праволишеніямъ онъ не подвергался.

Въ Римѣ право добровольнаго удаленія принадлежало гражданамъ до императорской эпохи, когда оно смѣняется смертною казнью, а затѣмъ принудительною ссылкой (*deportatio*). Но еще раньше, въ эпоху республики, появляется политическое принудительное удаленіе, напоминающее греческій остракизмъ: для очищенія Рима отъ людей, опасныхъ для порядка, консулы изгоняли ихъ своею властью, безъ суда (*relegatio*); такіе административные изгнанники не теряли правъ гражданства, и по истеченіи нѣкотораго времени могли возвратиться въ Римъ; позднѣе, для обезсиленія политическихъ враговъ, изгоняемые ограничивались въ правѣ распоряженія своимъ имуществомъ, оставшимся въ Римѣ, и при удаленіи имъ дозволялось брать съ собою лишь небольшую часть имущества. Въ императорскій періодъ власть назначенія этой мѣры перешла къ императорамъ, широко пользовавшимся ею; мало-по-малу она вошла въ систему наказаній, опредѣляемыхъ въ порядкѣ судебномъ, а по существу въ ней послѣдовало крупное измѣненіе, состоявшее въ томъ, что къ запрещенію выѣзда прибавилось предписаніе жительства въ опредѣленномъ мѣстѣ, т. е. изгнаніе перешло въ ссылку. Однако, даже до позднѣйшихъ временъ, сохранились и нѣкоторые случаи простаго изгнанія, какъ видно изъ опредѣленія Марціана: „*exilium triplex est: aut certorum locorum interdictio, aut lata fuga, aut insulae vinculum, id est relegatio in insulam*“: здѣсь *relegatio in insulam* означаетъ ссылку на острова, *lata fuga* — принужденіе жить въ опредѣленномъ мѣстѣ материка безъ права выѣзда въ другія мѣста (*confinatio*),

a certorum locorum interdictio — запрещеніе пребыванія въ опредѣленныхъ мѣстахъ, т. е. простое изгнаніе въ предѣлахъ государства.

Съ рещеніемъ въ Западной Европѣ римскаго права были приняты и опредѣленія его о ссылкѣ (deportatio и relegatio); но, за отсутствіемъ колоній, эта мѣра примѣнялась или въ формѣ заключенія въ монастыри, замки и инныя подобныя мѣста, какъ въ Германіи, или въ формѣ изгнанія, какъ во Франціи и Англіи.

Дореволюціонное французское право¹⁾ знало изгнаніе, какъ мѣру административную и какъ наказаніе. Въ значеніи мѣры административной, изгнаніе (exil) назначалось по lettres de cachet, не сопровождалось правонарушеніями и могло быть или изгнаніемъ изъ предѣловъ государства, или изъ опредѣленной мѣстности. Какъ наказаніе, изгнаніе (bannissement) примѣнялось издавна; эдиктъ 1536 г. относитъ его къ наказаніямъ мучительнымъ (peines afflictives); оно распадалось на изгнаніе изъ государства и изъ провинціи, на срочное и пожизненное: пожизненное изгнаніе изъ предѣловъ государства приравнивалось къ римской депортаціи, сопровождаясь гражданскою смертью и конфискаціею всего имущества; всякое изгнаніе по суду было наказаніемъ безчестящимъ; за самовольный возвратъ опредѣлялись галеры; женщины, вмѣсто изгнанія, подвергались заключенію въ maison de force. Французское уголовное уложеніе 1810 г. упоминаетъ²⁾ въ ряду наказаній только изгнаніе изъ государства (bannissement), на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ, опредѣляемое нынѣ лишь за нѣкоторыя преступленія политическія³⁾ и, притомъ, на основаніи ордонааса 2 апрѣля 1817 г., съ согласія иностраннаго государства принять въ свои предѣлы осужденнаго; при отсутствіи такого согласія, изгнаніе замѣняется заточеніемъ въ крѣпости. Сверхъ того, въ постановленіяхъ объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, французское уложеніе знаетъ срочное запрещеніе жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ государства, но мѣра эта имѣетъ значеніе не столько карательное, сколько предупредительное; при нарушеніи запрета опредѣляется изгнаніе изъ государства (art. 229 c. pén.). Иностранцы послѣ отбытія наказанія подлежатъ высылкѣ за границу въ порядкѣ административномъ.

¹⁾ Muyart de Vouglans, Les loix criminelles de France, 1780, стр. 69 и сл.

²⁾ Garraud, Précis, стр. 221 и сл.

³⁾ До закона 1863 г. изгнаніемъ, сверхъ того, наказывались нѣкоторые случаи подлога въ паспортахъ и участія въ томъ должностныхъ лицъ (art. 156, 158).

Изгнаніе было извѣстно и древне-германскому праву, первоначально какъ добровольное удаленіе для избѣжанія смерти при лишеніи мира (*friedlosigkeit*), затѣмъ какъ мѣра, назначавшаяся властью князя при неявкѣ къ суду или взаменъ другихъ тяжелыхъ наказаній, причемъ она сопровождалась конфискаціею имущества, или какъ мѣра предупредительно-полицейская ¹⁾. За отсутствіемъ колоній, въ Германіи она не могла переработаться въ ссылку и исчезла безслѣдно; но въ странахъ германскаго права, имѣвшихъ колоніи, судьба ея была иная; такова Англія.

Древне-англійскому праву извѣстно было добровольное удаленіе изъ отечества (*abjuration of the realm*) для избѣжанія мести и всѣхъ иныхъ невыгодныхъ послѣдствій учиненнаго преступленія. Преступникъ, успѣвшій скрыться въ церковномъ убѣжищѣ и предпочитавшій *perdere patriam quam vitam*, долженъ былъ пригласить въ церковь, куда онъ скрылся, королева и принести присягу въ томъ, что онъ на вѣчныя времена удаляется изъ отечества; съ крестомъ въ рукахъ, который давался ему для огражденія отъ мести, и съ непокрытою головою, онъ долженъ былъ затѣмъ идти къ назначенному ему ближайшему порту и оттуда выѣхать изъ Англіи; въ случаѣ возвращенія онъ отдавался въ рабство. Съ отмѣною при Яковѣ I права церковныхъ убѣжищъ, палъ и этотъ институтъ. Но параллельно съ нимъ существовало и съ отмѣною добровольнаго удаленія получило дальнѣйшее развитіе изгнаніе (*exil, banishment*); къ нему прибѣгали для удаленія изъ страны опасныхъ лицъ, а когда *Magna Charta* запретила принудительное изгнаніе, то примѣненіе его стало возможнымъ лишь въ порядкѣ административномъ, путемъ предоставленія осужденному на выборъ подвергнуться ему взаменъ инаго опредѣленнаго ему наказанія. Но въ томъ же административномъ порядкѣ изгнаніе смѣняется ссылкой; статутъ Елисаветы 1598 г. предоставилъ сѣздамъ мировыхъ судей право „изгонять неисправимыхъ негодяевъ (*rogues*) изъ государства въ тѣ части его, находящіяся за моремъ, которыя для этой цѣли будутъ указаны тайнымъ совѣтомъ“; запрещеніе жительства соединяется съ обязанностию пребыванія въ опредѣленномъ мѣстѣ, указываемомъ властью; въ царствованіе Карла II, самый терминъ „изгнаніе“ (*banishment*) смѣняется новымъ терминомъ „ссылка“ (*transportation*), и Англія болѣе не возвращалась къ изгнанію ²⁾.

Вопросъ о существованіи изгнанія въ древнемъ русскомъ

¹⁾ Wilda, *Strafrecht der Germanen*, стр. 518.

²⁾ Stephen, *History of criminal law in England*, I, стр. 480 и слѣд.

правѣ споренъ. Нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ рѣшаютъ его утвердительно, полагая, что потокъ Русской Правды означалъ именно изгнаніе. Однако, эта древнѣйшая личная карательная мѣра нашего права, какъ свидѣлствуютъ источники, въ примѣненіи своемъ допускала большія разнообразія и должна быть разсматриваема не какъ опредѣлившееся во всѣхъ своихъ признакахъ наказаніе, а лишь какъ зерно многихъ личныхъ наказаній, изъ него развившихся. Въ 1024 г. суздальскихъ волхвовъ Ярославъ частью расточи, частью показни, хотя всѣ они подлежали его одинаковому праву потока. Янъ Вышатинъ, сборщикъ великаго князя Святослава, предалъ въ 1071 г. ростовскихъ волхвовъ мести обиженныхъ ими, которые ихъ повѣсили. Александръ Невскій поточилъ нѣмецъ и чудь въ Новгородѣ, въ томъ смѣслѣ, что велѣлъ заковать ихъ и заключить въ новгородскую тюрьму. Право потока означало право распоряженія личностью виновнаго по усмотрѣнію князя или народа, причѣмъ въ однихъ случаяхъ такое усмотрѣніе приводило къ смертной казни, въ другихъ—къ изгнанію, въ третьихъ—къ ссылкѣ, заточенію и даже отдачѣ въ рабство. Трудно рѣшить, получила-ли бы идея изгнанія развитіе въ рускомъ правѣ безъ монгольскаго ига, создавшаго для цѣлаго народа полурабское состояніе, потерю котораго, конечно, мало дорожили. Своеобразный общественный складъ славянства былъ для нея не малымъ препятствіемъ. Славяне, занявъ обширныя пространства, образовали на нихъ множество родственныхъ политическихъ единицъ. Двери каждой изъ нихъ охотно открывались для членовъ другой; каждая была повтореніемъ другой по языку, религіи, обычаямъ; переходъ изъ одной въ другую на службу или для иныхъ цѣлей широко практиковался съ раннихъ временъ, и жизнь нашихъ предковъ, въ сравненіи съ народами классическими и даже германскими, носила крайне кочевой характеръ. Кромѣ того, Русь никогда не отличалась избыткомъ населенія, и людьми приходилось дорожить. Иностранцамъ, приглашаемымъ въ Россію въ московскій періодъ, приходилось особо выговаривать себѣ право свободнаго выѣзда; вызовы же охочихъ людей изъ другихъ государствъ для жительства бывали у насъ нерѣдко. Правда, въ нашей общественной жизни существовалъ сильный факторъ, стремившійся прivity къ намъ идею изгнанія, именно вазантійское духовенство. Константинопольскій патріархъ Антоній въ XIV ст. рекомендовалъ псковичамъ „отгнати отъ градъ своихъ“ стригольниковъ, ссылаясь на слово св. писанія: „извержете злое сами отъ себѣ, малъ квасъ все смѣшеніе

¹⁾ Ewers, Beiträge, I, 300, 315; Рейцъ, § 49 прим. 2; Владимірскій-Будановъ, Христоматія, I, стр. 44 прим.

квасить“¹⁾. Но, какъ видно, этотъ совѣтъ не нашелъ почвы въ условіяхъ русской жизни, и митрополитъ Фотій въ 1416 г. тѣмъ же псковичамъ и относительно тѣхъ же стригольниковъ вынужденъ былъ рекомендовать инныя мѣры (А. И. I № 33). Не имѣя возможности настоять у насъ на изгнаніи въ смыслѣ пространственномъ, духовенство желало создать хотя бы изгнаніе въ смыслѣ удаленія изъ общества вѣрующихъ, а клириковъ отъ клира. Кіевскій митрополитъ Кипріянь въ наставленіяхъ духовенству замѣчаетъ, что съ растрогою не годится вступать ни въ какое общеніе, „ни ясти, ни пити, ни цѣловатись, ни срѣтитися“, „ни общины никакой не держати“ (А. И. I № 11, къ 1395 г.). Фотій требовалъ отъ псковичей, чтобы стригольниковъ они удаляли отъ себя въ ястіи и питіи. Для жидовствующихъ въ XV ст. духовною властью опредѣлялось изверженіе и отлученіе отъ церкви съ проклятіемъ, а свѣтскою — торговая казнь, иногда повторявшаяся въ разныхъ мѣстахъ государства (А. И. I № 285). Если представлялась малѣйшая возможность, то духовенство охотно примѣняло и изгнаніе въ смыслѣ пространственномъ; разрѣшая Медвѣдева отъ церковнаго отлученія, соборное постановленіе патріарха Іоакима назначаетъ ему вѣчное житіе въ отдаленной мѣстности, въ видахъ предупрежденія возможнаго съ его стороны соблазна для вѣрующихъ (А. И. V № 194). Тѣмъ не менѣе, вліяніе духовенства оказывалось настолько безсильнымъ передъ своеобразными условіями русской жизни, что и путемъ его изгнаніе у насъ не укоренилось.

Еслибы потокъ Русской Правды означалъ изгнаніе, то сохранились бы слѣды, понималось ли при этомъ изгнаніе изъ государства или изгнаніе въ его предѣлахъ, и въ дальнѣйшіе періоды нашей исторіи эти мѣры получили бы развитіе. Но въ московскій періодъ мы вовсе не встрѣчаемъ изгнанія изъ государства, а изгнаніе изъ отдѣльных мѣстностей хотя и упоминается нѣкоторыми сепаратными источниками права²⁾, но въ значеніи кары не важной и не за преступленія, каравшіяся потокомъ по Русской Правдѣ, а за дѣянія, къ которымъ потомъ стали примѣ-

¹⁾ А. И. I № 6 (стр. 16).

²⁾ Таковы: губный наказъ селамъ Кирилова монастыря 1549 г. (А. А. Э. I, 224); уставная грамота Переяславльскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ 1556 г. (А. И. I, 165); судная грамота Устюжны Желѣзнопольской, данная царемъ Иваномъ Васильевичемъ и переписанная въ 1614 г. Михаиломъ Феодоровичемъ (А. А. Э. III, 36); судная грамота удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ Вахинской волости, боровничей полосухи (А. А. Э. I, 257).

нять ссылку на окраины ¹⁾; это предписываемое ими „выбитіе изъ земли вонъ“ имѣло значеніе высылки изъ волости, посада или села, не сопровождалось разграбленіемъ имущества и должно быть разсматриваемо не какъ остатокъ потока, а какъ предвозвѣстникъ новой карательной мѣры—ссылки, появляющейся у насъ съ конца XVI ст.

Дѣйствующее наше законодательство знаетъ изгнаніе въ двухъ формахъ: 1) въ формѣ удаленія изъ государства; оно опредѣляется какъ наказаніе самостоятельное и дополнительное; въ значеніи наказанія самостоятельнаго его упоминаютъ ст. 325—327 улож. о самовольномъ оставленіи отечества, ставшія, однако, непримѣнимыми въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы, отмѣнившіе заочное разбирательство по тяжкимъ преступленіямъ; въ значеніи мѣры дополнительной, изгнаніе изъ государства для иностранцевъ назначается послѣ отбытія тюрьмы, но въ случаѣ принятія ихъ, они отдаются подъ надзоръ полиціи на общемъ основаніи (75 ул.); иностранцы, задержанные въ Россіи послѣ двукратной высылки за границу, наказываются какъ бродяги (954 улож.); и 2) въ формѣ удаленія изъ опредѣленной мѣстности, изгнаніе примѣняется какъ наказаніе дополнительное и носитъ названіе „воспрещенія жительства въ столицахъ и иныхъ мѣстахъ“ (58 улож. пр. 2).

Оцѣнка изгнанія. Такимъ образомъ, изгнаніе нынѣ почти повсемѣстно вышло изъ употребленія, перейдя въ ссылку и въ заключеніе. Причина лежитъ въ совершенной непригодности этой мѣры какъ наказанія и въ несоотвѣтствіи ея съ условіями современнаго строя. Такъ, невыгоды изгнанія изъ государства суть: 1) оно, конечно, доставляетъ безопасность государству изгоняющему, но ложится бременемъ на государство, куда виновный удаляется, что противорѣчитъ началамъ международнаго общенія; съ XVII ст. государства начинаютъ отказывать въ приемъ высланныхъ, такъ что осуществленіе изгнанія дѣлалось болѣе и болѣе невозможнымъ; 2) изгнаніе представляется наказаніемъ неравномѣрнымъ, почти совершенно нечувствительнымъ для человѣка богатаго или могущаго вслѣдствіе знанія языковъ, профессіи и т. п. легко устроиться на новомъ мѣстѣ, и крайне тяжелымъ для человѣка бѣднаго; 3) изгнаніе не исправляетъ, а при теперешнемъ развитіи международныхъ сношеній—и не устрашаетъ.

Изгнаніе изъ области доннынѣ находитъ защитниковъ (особенно

¹⁾ Т. е. за ябедничество; только наказъ 1549 г. назначаетъ выбитіе изъ земли вонъ за вторую татьбу, опредѣляя за третью смертную казнь.

въ средѣ итальянскихъ юристовъ)¹⁾ по соображеніямъ безопасности, напримѣръ, для предупрежденія мести свидѣтелямъ или потерпѣвшему со стороны отбывшаго наказаніе, для очищенія отъ опасныхъ элементовъ крупныхъ центровъ населенія. Безспорно, что эти соображенія могутъ вызывать различныя административныя мѣры послѣ отбытія наказанія, но они не въ силахъ оправдать изгнаніе какъ наказаніе. Неправедливо сваливать бремя содержанія преступниковъ одной области на другія области; простая высылка ихъ не представляется ни исправительною, ни устрашительною мѣрою; притомъ, какъ и изгнаніе изъ государства, она неравномѣрна.

ГЛАВА II.

Ссылка²⁾.

Понятіе. Мѣсто изгнанія въ государствахъ съ обширною территоріею мало-по-малу занимаетъ ссылка, въ которой къ удаленію изъ опредѣленной мѣстности присоединяется обязанность пребыванія въ другой опредѣленной мѣстности, государствомъ указанной. Въ сравненіи съ изгнаніемъ, ссылка какъ наказаніе представляется мѣрою болѣе совершенною, давая возможность надзора за наказываемымъ въ мѣстѣ ссылки и воздѣйствія на него. По содержанію входящихъ въ нее мѣръ, ссылка богаче всѣхъ иныхъ наказаній, не исключая заключенія: кромѣ продолжительности и режима, она имѣетъ еще свой специфическій элементъ, допускающій значительныя видоизмѣненія, именно свойство мѣстности, для наказанія избираемой; разнообразить ссылку по всѣмъ этимъ признакамъ можно до безконечности, и этимъ объясняется, что ссылка въ литературѣ находитъ многихъ защитниковъ, желающихъ или положить ее въ основаніе всей карательной системы, или сохранить для нея почетное мѣсто рядомъ съ заключеніемъ и иными наказаніями. Гибкость, эластичность ссылки, въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени значительна; она можетъ приблизиться къ смертной казни, избирая мѣстности суровыя и отдаленныя для продолжительнаго или даже пожизненнаго пребыванія наказаннаго и ослож-

¹⁾ Итальянскому законодательству извѣстно краткосрочное запрещеніе жительства въ опредѣленной мѣстности съ назначеніемъ другой по суду (*domicilio coatto*).

²⁾ Фойницкій, Ссылка на Западѣ, 1881; Гольцендорфъ, *die Deportation als Strafmittel*, 1859. Спасовичъ, Учебникъ уголовного права, 1861 г. Кистяковскій, Учебникъ, §§ 449 и сл.

няясь тяжелымъ принудительнымъ трудомъ, а съ другой стороны можетъ быть и наказаніемъ легкимъ, ограничиваясь кратковременнымъ удаленіемъ наказаннаго въ близкую и благопріятную по природѣ мѣстность для свободнаго жительствова. Этимъ же качествомъ ея объясняется и то, что государства, примѣнявшія ссылку, при помощи ея преслѣдовали самыя разнообразныя цѣли. Ссылка примѣнялась: 1) какъ мѣра безопасности, избирая въ такомъ случаѣ по преимуществу отдаленныя отъ метрополи и неблагопріятныя по природѣ мѣстности; 2) какъ способъ эксплуатированія рабочихъ силъ преступниковъ, направляя ихъ на разработку естественныхъ богатствъ, находившихся въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, или на производство иныхъ работъ, въ которыхъ встрѣчалась надобность государственной власти; наконецъ 3) и какъ мѣра колонизаціи далекихъ окраинъ, оказывавшейся необходимою по соображеніямъ государственнымъ. Въ ссылкѣ какъ мѣрѣ безопасности болѣе другихъ подчеркивалась цѣль устрашенія, ссылка колонизаціонная отводила значительное мѣсто исправительной дѣятельности.

Для опредѣленія карательнаго значенія ссылки, познакомимся съ приложеніемъ ея въ странахъ, которыя примѣнили эту мѣру въ наиболѣе значительныхъ размѣрахъ, и съ результатами, ими достигнутыми. Поучительныя указанія въ этомъ отношеніи даютъ Римъ, Англія, Франція и Россія.

§ I. Ссылка римская.

Римскому праву извѣстны два вида ссылки: *deportatio* и *relegatio*; оба примѣнялись первоначально въ значеніи мѣръ административныхъ, и только впоследствии стали наказаніями, по суду опредѣляемыми.

Релегація появляется раньше; въ смыслѣ принудительнаго изгнанія, она опредѣлялась уже консулами и не сопровождалась никакими правопораженіями. Въ императорскій періодъ, изгоняемымъ начинаютъ опредѣлять мѣсто жительства, а съ 736 г. *ab u. c.* релегація входитъ въ систему наказаній. Она отличена отъ наказаній уголовныхъ и не сопровождалась лишеніемъ правъ, но наказанный ограничивался въ распоряженіи имуществомъ и въ свободѣ передвиженія, почему релегація считалась наказаніемъ позорящимъ, *qui ad existimationem pertinet*. Распадалась она на *relegatio ad tempus*, *in perpetuum* и *in insulam*; первые два вида релегаціи состояли или въ простомъ запрещеніи проживать въ опредѣленной мѣстности (особенно въ Римѣ), или къ этому присоединялось запрещеніе покидать назначенную для жительства мѣстность (*lata*

fuga, confinatio); послѣднее запрещеніе, превращавшее изгнаніе въ ссылку, по римскимъ взглядамъ считалось особенно позорнымъ. Срочная релегация назначалась на 1 годъ, на 3 года и на 5 лѣтъ; релегация на острова всегда была пожизненною, прекращаемою лишь актомъ помилованія. Весьма существеннымъ элементомъ релегации былъ выборъ мѣстности, который императоры сохраняли за собою даже послѣ того, какъ релегация стала наказаніемъ, по суду опредѣляемымъ; печальную извѣстность получили *aspregitimae insulae*, голые утесы въ Средиземномъ морѣ, куда императоры посылали своихъ враговъ на вѣрную, но не видную изъ Рима смерть. На релегированномъ лежала обязанность не нарушать запрещенія выѣзда и въѣзда; иногда, по особому распоряженію императоровъ, релегированные въ назначенныхъ имъ для жительства мѣстахъ заключались въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, подъ охраною стражи; но они не подвергались обязательному труду и должны были сами заботиться о своемъ пропитаніи, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда государство назначало имъ содержаніе.

Депортация была болѣе строгимъ видомъ ссылки и стояла въ ряду наказаній уголовныхъ, но, какъ и релегация, примѣнялась только для лицъ привилегированныхъ. Она выработалась изъ прежняго *interdictio aquae et ignis*; съ прекращеніемъ въ императорскую эпоху права избавиться отъ наказанія добровольнымъ оставленіемъ отечества, императоры, по дипломатическимъ соображеніямъ, вмѣсто смертной казни начали примѣнять ссылку, но мѣста ея выбирали такъ, чтобы „пребываніе въ нихъ сдѣлать преддверіемъ скорой смерти“ (Гольцендорфъ), и сохранили конфискацію имущества съ лишеніемъ правъ гражданства (*servitus poenae*). Не ограничиваясь *existimatio*, наказаніе это имѣло своимъ предметомъ полноправность гражданина въ полномъ ея объемѣ, совершенно выдѣляя наказаннаго изъ среды гражданскаго римскаго общества и всей его юридической сферы. Депортированный въ то же время считался интердигированнымъ и утрачивалъ все права, вытекавшія *ex jure civili*; что касается правъ его *ex jure gentium*, то хотя они юридически за нимъ и оставлялись¹⁾, но фактически, по складу самаго наказанія и въ силу особыхъ о немъ опредѣленій, подвергались существеннымъ ограниченіямъ.

Какъ наказаніе уголовное, связанное съ полною потерей гражданства, депортация есть кара вѣчная, пожизненная. Она не могла быть назначаема на срокъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи осужденію *in metallum*, которое было тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ

¹⁾ Fr. 15 Dig. de interdictis, 48, 19.

римскаго права, существовавшимъ для непривилегированныхъ. Но отъ пожизненной релегации она отличалась по объему поражаемыхъ правъ.

По мѣсту исполненія, депортация распадалась на депортацию простую и депортацию на острова. Последняя считалась болѣе тяжкою, но различіе это не создавало никакого различія въ объемѣ праволишеній. Для простой депортации избирались отдаленныя провинціи по усмотрѣнію императора, ничѣмъ въ этомъ отношеніи не стѣсненнаго. Подобно релегированнымъ въ опредѣленную мѣстность, депортированные не могли произвольно покидать ее; за побѣгъ они наказывались смертю¹⁾.

Имѣя прямымъ послѣдствіемъ *capitis diminutio magna*, депортация вела къ потерѣ отеческой власти, правъ союза родственного (оцека), правъ патроната со всѣми его юридическими послѣдствіями и къ расторженію союза брачнаго въ его строгой формѣ. Супругѣ и дѣтямъ запрещалось слѣдовать за осужденнымъ въ мѣсто высылки. Въ области имущественной, депортированный приравнивался къ умершему и, поэтому, терялъ все принадлежавшее ему до приговора и все, что онъ могъ бы унаслѣдовать отъ другихъ; во всѣ такія его права вступала казна, оставлявшая лишь осужденному назначительную часть (*pannicularia*) на его содержаніе, дѣтямъ — часть изъ наслѣдства, супругѣ или отцу супруги осужденнаго — часть изъ приданаго. Въ мѣстѣ ссылки, депортированный могъ приобрѣтать имущество только по началамъ *juris gentium*, а не *ex jure civile*; поэтому, напр., онъ не могъ наслѣдовать по завѣщанію; но и приобрѣтаемое имъ въ порядкѣ *juris civilis* принадлежало ему не на правѣ собственности, такъ какъ со смертю депортированнаго казна была его единственнымъ наслѣдникомъ, т. е. наступала вторичная конфискація его имущества. Впослѣдствіи правопораженія были нѣсколько смягчены; 22 новеллою Юстиніана супругамъ осужденныхъ дозволено было слѣдовать за депортированными.

Обязанности подневольнаго труда наказаніе это не создавало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, государство не принимало на себя и обязанности продовольствовать депортированныхъ или оказывать имъ въ этомъ отношеніи какую бы то ни было помощь.

Характеристическимъ признакомъ римской депортации было преслѣдованіе ею не колонизаціонныхъ цѣлей, а исключительно задачъ предупредительныхъ. Выработавшаяся на почвѣ императорскаго произвола, которой обращался къ ней, какъ къ мѣрѣ политической

¹⁾ Fr. 4 Dig. de poenis, 48, 19: „hoc jure utimur, ut relegatus indictis locis non excedat; alioquin... in insulam deportato poena capitis irrogatur“; fr. 28, § 13 ibid.: „qui deportatus evaserit, capite puniatur“.

борьбы съ противниками, она избирала мѣстности дикія, неспособныя къ заселенію, пригодныя для того только, чтобы отнять у наказаннаго всякую возможность вредить правительству. Выборъ мѣсть для депортации, какъ и для релегации, зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія императора; поэтому приговоръ о депортации въ порядкѣ его постановленія слагался изъ двухъ частей: судъ произносилъ интердиктъ, который долженъ былъ имѣть своимъ послѣдствіемъ высылку; затѣмъ императоръ назначалъ самое мѣсто ссылки. Впослѣдствіи постановленіе приговоровъ о депортации представлено и нѣкоторымъ высшимъ органамъ юстиціи, напр. городскому префекту; но начальникамъ провинцій это право не принадлежало.

Поражая *civitatem* осужденнаго въ полномъ объемѣ, наказаніе это отличалось отъ релегации даже по внѣшнему, позорному способу исполненія. Ликторы бросались на осужденнаго, вязали его и публично тащили къ судну, которое должно было отвезти его на отдаленный островъ, показывая этимъ, что онъ уже не пользуется никакими правами, принадлежащими римскому гражданину, и даже его неприкосновенностью.

Лица непривилегированныя, вмѣсто ссылки, подвергались инымъ наказаніямъ—тѣлеснымъ и принудительному труду (*metalli coercitio*, *opus publicum*).

Продолжительную службу сослужила ссылка римскому государству. Огромное число людей подпало этой мѣрѣ, примѣнявшейся свыше 6-ти вѣковъ, пока продолжалось господство Рима, а затѣмъ и Византіи, на Средиземномъ морѣ. „Исторія ссылки есть, замѣчаетъ Гольцендорфъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія имперіи. Философія и софистика, предсказанія и суевѣрія, политическія смуты и лихоимство служилыхъ классовъ, религіозныя убѣжденія, христіанство, сеиты и язычество—все это, одно за другимъ, бичевалось одною и тою же карательною мѣрою“.

Въ качествѣ наказанія лицъ привилегированныхъ, ссылка древняго Рима на сопровождалась обязательнымъ трудомъ. Эта мѣра была извѣстна древнему Риму только для лицъ непривилегированныхъ, такъ что тѣ двѣ части наказанія—высылка и обязательныя работы,—которыя успѣли слиться въ ссылкѣ народовъ новѣйшихъ, у римлянъ еще не достигли такого сліянія и примѣнялись раздѣльно.

Обязательныя работы римлянъ оставили по себѣ слѣды, сохранившіеся до настоящаго времени. Такое грандіозное сооруженіе, какъ римскіе водопроводы, проложенные на многоверстномъ разстояніи, обнаруживаетъ практичность древнихъ римлянъ и умѣнье

ихъ утилизировать силы преступниковъ. Но римская ссылка прошла безслѣдно: она прославила многія мѣстности, какъ пункты пребыванія мучениковъ убѣжденія и жертвъ произвола, но не создала ни одной новой колоніи, ни одного новаго цивилизующаго центра среди племенъ варварскихъ.

Колонизаціонному значенію римской ссылки препятствовали: 1) широкій объемъ сопровождавшихъ ее правонарушеній. Двойная конфискація имущества отнимала у депортированнаго всякое побужденіе къ приобрѣтенію и обращала его надежды исключительно на помилованіе, но и эта надежда иногда отнималась при самомъ назначеніи высылки. Разрушеніе брака и запрещеніе супругѣ осужденнаго слѣдовать за нимъ еще яснѣе показываетъ, что римская ссылка вовсе не имѣла въ виду задачъ колонизаціонныхъ. Хотя депортированный на мѣстѣ высылки и могъ заключить бракъ *ex jure gentium*, но ни супругѣ, ни происходящимъ отъ такого брака дѣтямъ не обезпечивались права даже на тѣ скудныя приобрѣтенія, которыя могли быть получены трудомъ депортированнаго; 2) выборъ для ссылки лицъ привилегированныхъ, наименѣ пригодныхъ для колонизаціи; и 3) разбросанность ссылки. Не было мѣста въ государствѣ, не было такой провинціи Рима, которая не служила бы мѣстомъ высылки: она шла на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ. Ссылка давала провинціямъ классъ поднадзорныхъ, порою (при депортаціи) совершенно безправныхъ людей, разнообразилась предписаніями императоровъ, которыя относились къ отдѣльнымъ личностямъ въ видахъ безопасности, и до самаго конца своего существованія не успѣла выработаться въ цѣльную, самостоятельную систему.

§ II. Ссылка англійская ¹⁾.

Въ англійское право ссылка вошла двумя путями: какъ административная мѣра замѣны смертной казни, въ формѣ помилованія, дававшася подъ условіемъ невозвращенія въ отечество на всегда или на продолжительное время ²⁾, и, съ другой стороны, какъ административная же мѣра распоряженія людьми праздными и не работавшими, число которыхъ до того увеличилось въ концѣ XVI

¹⁾ Фойницкій и Holtzendorff, ук. с.; Stephen, History of criminal law, I, стр. 480 и сл., Griffiths, Memorials of Millbank, 1875; Du Cane, Prevention and repression of crime, 1885.

²⁾ Прежде значеніе мѣры устраненія смертной казни принадлежало своеобразному англійскому институту духовной привилегіи (*benefit of clergy*), отмѣненной въ 1827 году.

столѣтія, что они начали представлять собою серьёзную опасность для всего общества и вызвали для борьбы съ собою такія чрезвычайныя мѣры, какъ устройство рабочихъ домовъ, прядильныхъ дворовъ и даже ссылку. Но къ числу такихъ праздношатающихся относили расходившихся съ порядкомъ, между прочимъ собиравшихся на противозаконныя молитвенныя сборища, захваченныхъ въ возстаніи Монмута (актъ 1678 г.), такъ что число подлежащихъ ссылкѣ постоянно возросло; органомъ примѣненія ея были мировые судьи, какъ хранители общественного спокойствія, а съ 1717 г. ссылку дозволено было примѣнять всеѣмъ судебнымъ мѣстамъ, взаимѣнь всеѣхъ наказаній, кромѣ смертной казни, такъ что съ этого времени ссылка входитъ въ систему второстепенныхъ наказаній Англій (secondary punishment). Сылка какъ мѣра безопасности по актамъ 1597 и 1678 гг. назначалась пожизненно; ссылка какъ мѣра помилованія по акту 1682 г. опредѣлялась на 7 лѣтъ; тотъ же срокъ принять для ссылки какъ добавочнаго наказанія по акту 1717 г., но позднѣйшими распоряженіями рядомъ съ нимъ введенъ и 14-лѣтній срокъ; самовольное возвращеніе до срока (reprieve) вело къ смертной казни.

Мѣстомъ ссылки при Яковѣ I сперва предполагались остьиндскія владѣнія Англій, но неблагоприятный климатъ ихъ для европейцевъ и совершенно случайное обстоятельство побудили правительство остановиться на владѣніяхъ американскихъ: посланный въ Виргинію, въ 1619 г., транспортъ изъ 60 публичныхъ женщинъ, вслѣдствіе недостатка въ женскомъ элементѣ, былъ принятъ весьма охотно, колонисты уплатили судовщикамъ за каждую женщину по 100 ф. табаку, за первымъ транспортомъ послѣдовалъ второй въ томъ же родѣ, за ними мужскія партіи, и американская ссылка началась. Ей сопутствовала обширная эмиграція изъ Англій, усилившаяся въ то же время подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій и причинъ экономическихъ.

Американская ссылка была видомъ работорговли. Въ началѣ ссыльные должны были уѣзжать на свой счетъ, подъ угрозой смертной казни, еслибы они оказались въ Англій послѣ извѣстнаго срока; но, въ интересахъ лучшаго огражденія безопасности, признано было нужнымъ поручать перевозку ихъ подрядчикамъ, которые въ вознагражденіе за то получали небольшую плату и право на трудъ ссыльныхъ въ теченіе срока ихъ приговора. Эта практика узаконена актомъ 1717 г., который, жалуясь на самовольное возвращеніе приговоренныхъ къ ссылкѣ, на учиненіе ими въ Англій новыхъ преступленій и на нужду американскихъ колоній въ рабочихъ рукахъ, между прочимъ, предоставилъ суду „приговариваемыхъ къ ссылкѣ

въ Америку отдавать въ распоряженіе подрядчика по перевозкѣ или его прикащиковъ на опредѣленное число лѣтъ, предоставляя этимъ лицамъ на означенное время право собственности и пользованія трудомъ ссыльныхъ (they shall have property and interest in the service of such person for such term of years); король можетъ помиловать приговореннаго къ ссылкѣ, но съ тѣмъ, чтобъ приговоренный вознаградилъ своего хозяина (his owner); подрядчики должны представлять обезпеченіе (security) въ надлежащемъ исполненіи своего договора и удостовѣреніе отъ губернатора колоніи, что договоръ ими исполненъ“. Такимъ образомъ, судовщикъ получалъ за перевозку отъ графства, среднимъ числомъ, до 5 фунт. стерл. за cadaго сдаваемого ему ссыльнаго и, сверхъ того, право на его трудъ, которое онъ реализировалъ въ колоніи продажею ссыльнаго: вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ, американскіе землевладѣльцы уплачивали за cadaго изъ нихъ до 100 долларовъ; участіе въ этой операціи было очень выгодно, и люди высокопоставленные не брезгали ею; въ 1685 г. лордъ Сундерлэндъ униженно просилъ судью Джефрейса исходатайствовать у короля, чтобъ ссыльные для перевозки сдавались тѣмъ только судовщикамъ, которые будутъ имъ рекомендованы; за ничтожныя преступленія назначается ссылка, для обогащенія сильныхъ міра. Ссылный вполне зависѣлъ отъ судовщика. Онъ могъ выкупить себя или до прибытія въ Америку (и тогда высаживался на пути), или въ самой Америкѣ. Положеніе ихъ въ пути, по неудовлетворительности своей, превосходитъ всякія описанія, ибо за судовщиками не было никакого контроля: какъ скотъ, они навьючивались въ неудобныя суда, сковывались цѣпами, держались впроголодь, и дорогою смерть похищала огромное ихъ число. Тѣмъ не менѣе, ссылка была при этомъ порядкѣ наказаніемъ дешевымъ для государства, выгоднымъ для многихъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе, и держалась, не смотря на протесты американскихъ колоній, уже въ XVII ст. видѣвшихъ въ ней мѣру, вредную для нравственности мѣстнаго населенія: ежегодно Англія высылала въ Америку около 2.000 человекъ. Не остановило ссылки и энергическое возраженіе Франклина, сопоставившаго ввозъ преступниковъ съ тѣмъ, если бы Америка вздумала посылать въ Англію своихъ гремучихъ змѣй. Конецъ американской ссылкѣ положила только война за независимость, предпринятая, между прочимъ, вслѣдствіе нежеланія Англіи видѣть въ Америкѣ страну преступниковъ.

Но тогда сталъ настоятельно вопросъ, какъ быть съ преступниками, потому что прекращеніе американской ссылки застало

Англию совѣтъ неподготовленной¹⁾; существовали, правда, рабочіе дома для празднующихся, но крайне неудовлетворительные и въ числѣ недостаточномъ. Англійское общественное мнѣніе склонялось къ переходу къ системѣ заключенія; на конецъ XVIII ст. выпала дѣятельность двухъ замѣчательныхъ людей Англии, Гауарда и Бентама, настоятельно рекомендовавшихъ ее взамѣнъ неудовлетворительной, по ихъ мнѣнію, системы ссылки, хотя и расхваливавшихся въ деталяхъ; достигнуто было и согласіе правительства на устройство пенитенціаріевъ по системѣ одиночныхъ келій съ общими мастерскими и съ примѣненіемъ религіознаго и нравственнаго воспитанія (19 Геог. III с. 74), причемъ открытъ былъ и кредитъ на постройку такого пенитенціарія въ Мильбанкѣ. Но еще нѣсколько раньше (въ 1776 г.), не зная, что дѣлать съ преступниками, англійское правительство, въ видѣ временной мѣры, рѣшило помѣстить ихъ въ плавучихъ тюрьмахъ (hulks), откуда днемъ они отправлялись на работы портовые, въ докахъ и т. под. и гдѣ не примѣнялось никакихъ мѣръ исправительнаго воздѣйствія; въ дѣйствительности эта временная мѣра просуществовала около 80 лѣтъ; къ ней, какъ къ болѣе легкой, прибѣгали охотнѣе, чѣмъ къ устройству пенитенціаріевъ, и она была даже возведена въ самостоятельное наказаніе, конкурировавшее со ссылкой; смертность въ нихъ доходила до 30%, стоимость содержанія по подрядной системѣ до 38 ф. ст. съ человѣка, причемъ подрядчикъ въ то же время былъ надсмотрщикомъ за арестантами, къ которымъ относился, какъ къ своимъ невольникамъ; надзора за нимъ не было, и только въ 1802 г. учрежденъ правительственный инспекторъ за плавучими тюрьмами, представлявшій о нихъ отчеты суду королевской скамьи и въ 1815 г. замѣненный суперъ-интендентомъ, подчиненнымъ государственному статсъ-секретарю.

Параллельно съ этимъ, англійское правительство, опасаясь огромности расходовъ на устройство мѣстъ заключенія, пріискивало мѣста для ссылки. Сдѣланы были нѣкоторыя попытки, стоившія до 4.000 фунт. ст., на устройство ссылки въ Сиерра-Леонѣ, но отъ нихъ пришлось отказаться въ виду губительности климата. Было даже сношеніе съ петербургскимъ кабинетомъ, имъ отклоненное, объ устройствѣ ссылки на Крымскомъ полуостровѣ. Понятно, съ какою радостью ухватилось англійское правительство за отрывочныя свѣдѣнія капитана Кука, сообщившаго объ открытіи новыхъ земель въ южномъ полушаріи, съ отличною стоянкою, названною имъ

¹⁾ О степенности настоятельности его можно судить изъ того, что предлагалось даже употреблять преступниковъ для обмѣна плѣнныхъ, находившихся въ неволѣ у народовъ азіатскихъ и африканскихъ.

Ботани-Вей; даже не провѣривъ ихъ, королевскій кабинетъ, постановленіемъ 6 декабря 1786 г., назначилъ эти земли мѣстомъ ссылки и съ величайшею поспѣшностью снарядилъ первый флотъ изъ 750 ссыльныхъ, направленный весною слѣдующаго года въ восточную Австралію, подъ командою Артура Филиппа, снабженнаго широкими полномочіями губернатора въ новой странѣ. Такъ началась австралійская ссылка, просуществовавшая почти сто лѣтъ; до 1816 г. въ Австралію было сослано 14.236 чел. (ежегодно среднимъ числомъ 474)¹⁾, при весьма незначительномъ приливѣ эмиграціи; съ 1816 г. увеличивается эмиграція, увеличивается и число ссыльныхъ, составляя до 1852 г. среднимъ числомъ около 3.000 чел., а въ нѣкоторые годы доходя почти до 5.000 чел.²⁾; съ 1853 г. число ссыльныхъ замѣтно падаетъ, давая лишь среднимъ числомъ до 400 чел., а послѣдній транспортъ ссыльныхъ отправленъ въ 1870 г.; съ 1816 по 1833 г. въ Австралію сослано около 50.000 чел., съ 1834 по 1867 — 63.515 чел., такъ что съ основанія австралійской ссылки поступило въ нее изъ Англіи около 130.000 ссыльныхъ.

Австралійская ссылка представляетъ особенный интересъ для уголовной политики. Тѣ многообразныя, до конца доведенныя формы, которыя она прошла въ своемъ историческомъ развитіи; та энергія, которая положена была и центральнымъ, и мѣстнымъ правительствомъ на дѣло штрафной колонизаціи; наконецъ, блестящіе и быстрые результаты, достигнутые въ этой новой части свѣта, сообщаютъ страницамъ австралійской ссылки высокое значеніе.

Хотя сентъ-джемскій кабинетъ рѣшился на ссылку въ Австралію при самыхъ отрывочныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ объ этой странѣ, но выборъ ей оказался весьма удаченъ. Мѣстомъ ссылки стала обширная страна, населенная рѣдкимъ и миролюбивымъ населеніемъ, обладающая здоровымъ климатомъ, богатыми пастбищами, плодородною почвою, трудно поддающеюся только разведенію злаковъ и нѣкоторыхъ европейскихъ огородныхъ растений, — страна, гдѣ требовался и хорошо вознаграждался рабочій и, притомъ, общедоступный трудъ, сперва по скотоводству, затѣмъ по разработкѣ богатствъ, сокрытыхъ въ недрахъ земли.

Исторія англійской колонизаціи въ Австраліи распадается, по отношенію къ штрафному элементу, на три періода. Служившая въ раннемъ періодѣ только мѣстомъ наказанія, Австралія на первыхъ порахъ борется съ голодомъ и другими невзгодами, неизбежными въ началѣ заселенія дѣвственной страны, борется, притомъ,

¹⁾ Du Cane, Punishment and prevention, стр. 123.

²⁾ Фойницкій, Ссылка на Западъ, стр. 85, 132.

исключительно силами ссыльных и превращается въ обширную тюрьму для преступниковъ метрополіи. Правительство доставляетъ ей и капиталъ, и рабочій трудъ. Мало-по-малу къ ссыльному элементу присоединяется эмиграціонный, а естественныя богатства Австраліи привлекаютъ свободныя англійскіе капиталы; поѣздка въ Австралію теряетъ прежній характеръ чего-то неизвѣстнаго и ужаснаго; эта страна начинаетъ щедро вознаграждать переселенцевъ, создавая и для рабочихъ изъ ссыльныхъ, въ виду большаго запроса, весьма выгодное положеніе. Подъ вліяніемъ этого, въ метрополіи громче и громче раздаются голоса противъ ссылки, какъ мѣры, утратившей всякое устрашительное значеніе, между тѣмъ какъ Австралія энергически требуетъ продолженія присылки ссыльныхъ партій и немедленно доставляетъ работу всѣмъ прибывающимъ. Рѣзко измѣняется эта картина въ третьемъ періодѣ, который завершился лишь закономъ 1868 г. Открытіе золотыхъ росыпей для массы превратило Австралію въ эльдорадо. Эмиграція увеличивается въ поражающихъ размѣрахъ: Австралія имѣетъ уже и свои капиталы, и свои рабочія руки. Между тѣмъ, какъ немногія бѣднѣйшія мѣстности Австраліи, не достаточно заселившіяся и нуждавшіяся въ субсидіяхъ правительства и прибавкѣ рабочей силы, какова западная Австралія, продолжаютъ еще нуждаться въ поселенцахъ и ходатайствуютъ о штрафной колонизаціи, большая часть австралійскихъ колоній становится къ ней во враждебное отношеніе. Начинается борьба между ними и метрополіей, на этотъ разъ не желающей отказать отъ ссылки, но постепенно къ тому вынуждаемой, изъ опасенія утратить совсѣмъ Австралію. Такимъ образомъ, первый періодъ исторіи Австраліи есть періодъ штрафной колонизаціи; во второмъ штрафная колонизація идетъ рука объ руку со свободною эмиграціей; въ третьемъ наблюдается интересный процессъ вытѣсненія штрафной колонизаціи во имя гражданственности.

I. Австралійская ссылка до 1822 года. Въ первомъ періодѣ, продолжавшемся до 1822 года, положены зачатки ссылки. Характеризовался онъ широкою, но неопредѣленною властью губернаторовъ, поставленныхъ во главѣ новой страны, и незначительностью свободнаго въ ней населенія. Послѣ высадки въ Ботани-Беѣ, оказавшемся недоступнымъ болотомъ, избранъ былъ другой пунктъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Сидней, и на этой дѣлственной странѣ началась колонизація. Первые шаги ея были тяжелы, но постепенно трудности ихъ преодолѣны; вырубивъ лѣса и раскорчевавъ почву, построили на скорую руку нѣкоторыя зданія и начали заниматься обработкой земли. Туземное населеніе оказалось

малочисленнымъ и не воинственнымъ; его постепенно истребили. Изъ первоначальнаго пункта колонизаціи, Сиднея, мало-по-малу занимались другіе пункты, частью для нуждъ колоніи, частью по политическимъ соображеніямъ, для противодѣйствія захвату ихъ иными государствами: въ 1788 г. островъ Норфолькъ, съ 1803 г. Ванъ-Дименова земля, гдѣ основанъ портъ Филиппа, портъ Артуръ и портъ Макэри, въ 1825 г. — Брисбанъ (гл. гор. Квинслэнда), и многіе другіе. Въ первомъ періодѣ мѣста „высылки“ (settlements), зависѣли вполнѣ въ отношеніи управленія и суда отъ Сиднея. Сиднейскій губернаторъ имѣлъ власть законодательную, административную и судебную; никакихъ коллегіальныхъ учреждений, его ограничивавшихъ, не имѣлось, и подробныхъ инструкцій изъ Лондона ему дано не было. Многое зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія ихъ и доброй воли. Судъ въ первомъ періодѣ отправлялся или назначенными для того офицерами, опредѣлявшими дисциплинарныя наказанія, или, въ случаяхъ большей важности, назначенными губернаторомъ военными комиссіями.

Три элемента составляли австралійское населеніе: войско, эмигранты и ссыльные. Войско, недостаточное по количеству, было неудовлетворительно и по качеству: его приходилось набирать изъ добровольцевъ; шли сюда худшіе, въ надеждѣ лишь наживы; не мало заботъ доставило оно австралійскимъ губернаторамъ: отсутствіе дисциплины доходило до того, что одного изъ своихъ губернаторовъ, Блея, его подчиненные отправили скованнымъ въ Англію; среди ихъ ажіотажъ на пьянство и иные пороки ссыльныхъ, въ расчетѣ поживиться отъ продажи спиртныхъ напитковъ, былъ самымъ обычнымъ явленіемъ. Для того, чтобы привязать военныхъ къ колоніи, правительство раздавало имъ земельные участки и снабжало рабочими изъ ссыльныхъ, свободными отъ публичныхъ работъ, за одно лишь продовольствіе.

Эмиграцію правительство желало и поощряло, принимая до 1822 г. перевозку эмигрантовъ съ семействами на свой счетъ, отводя имъ земельные участки безвозмедно или за скромную плату, и обезпечивая имъ дешевый рабочій трудъ ссыльныхъ; но въ первомъ періодѣ приливъ эмигрантовъ былъ весьма незначителенъ: долгій (8-мѣсячный) путь, слухи о голодѣ, происшедшемъ въ 1790 г., низкій уровень гражданственности и промышленнаго развитія страны, останавливали людей самыхъ предпріимчивыхъ. По переписи 1811 г., все европейское населеніе Новаго Южнаго Уэльса составляло 10.500 человекъ, Тасманіи — 1,321, Норфолька — 177 чел.; изъ нихъ на долю свободнаго населенія приходилась едва $\frac{1}{5}$, остальные $\frac{4}{5}$ составляли ссыльные. Эмиграція начинаетъ увеличиваться только

послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ, что совпало съ твердою постановкою въ Австраліи скотоводства, начавшаго приносить значительный доходъ; имя капитана Макъ-Артура, родоначальника этой отрасли производства, пользуется въ Австраліи такую же почетною извѣстностью, какъ имена перваго губернатора и его ближайшихъ сотрудниковъ.

Третьимъ и главнѣйшимъ элементомъ первоначальнаго австралийскаго населенія были ссыльные. Положеніе ихъ въ колоніи опредѣлилось такъ. Губернатору надъ ссыльными королевское постановленіе 1787 г. предоставило только право суда и администраціи; лишь въ 1824 г. состоялся статутъ, дававшій губернатору право собственности въ трудѣ ссыльныхъ, подобное тому, которое имѣли судовщики надъ ссыльными американскими. Но экономическая зависимость ссыльныхъ, существовавшихъ правительственнымъ пайкомъ, повела къ тому, что и раньше губернаторы начали распоряжаться трудомъ ссыльныхъ, употребляя ихъ на публичныя работы разнаго рода, или отдавая частнымъ землевладѣльцамъ; кромѣ того, обязательныя работы примѣнялись и какъ мѣра наказанія за новыя преступленія, въ болѣе тяжкихъ случаяхъ сопровождаясь отправкою въ отдаленныя штрафныя выселки (penal settlements), наложеніемъ оковъ и т. под.; этимъ путемъ постепенно образовалось нѣсколько родовъ публичныхъ работъ, различавшихся по тяжести; чувствительною карою считалось быть отосланнымъ въ дорожно-рабочую партію (road gang). Не было первоначально опредѣлено и право губернаторовъ оказывать помилованіе ссыльныхъ; только статутъ 1828 г. предоставилъ имъ уменьшать срокъ судебного приговора и отмѣнять инныя карательныя части его, безусловно или подъ условіемъ продолжать жить въ колоніи; но и раньше этого, губернаторы прибѣгали къ помилованіямъ, первоначально по преступленіямъ, учиненнымъ въ колоніи, а затѣмъ и по преступленіямъ, послужившимъ основаніемъ ссылки. Они ввели помилованіе подъ условіемъ оставаться въ колоніи; отъ этой формы былъ только одинъ шагъ до другой, дѣйствительно появляющейся въ практикѣ губернаторовъ и вошедшей затѣмъ въ пенитенціарную политику — помилованія подъ условіемъ хорошаго поведенія. Право на трудъ и право помилованія, въ связи съ правомъ суда и наказанія, были могучими рычагами губернаторской власти для подготовки дѣвственной страны къ колонизаціи путемъ труда ссыльныхъ.

Перевозились ссыльные по подрядной системѣ, унаслѣдованной отъ американской ссылки, съ опредѣленною платою (отъ 17 до 25 фунт. стерл.) подрядчику за cadaго сданнаго ему ссыль-

наго; положеніе ихъ въ пути было крайне неудовлетворительно, смертность весьма высока, въ колонію прибывали они истощенными; суда были парусные, обыкновенно плохіе, передѣлывавшіеся для перевозки преступниковъ изъ пришедшихъ въ негодность торговыхъ судовъ; въ пути ссыльные находились около 9 мѣсяцевъ и заключались въ оковы, особенно на ночь; это, однако, не предупреждало возстаній, нерѣдкихъ на транспортныхъ судахъ. Съ сороковыхъ годовъ правительство, удерживая подрядную систему для перевозки, отдѣляетъ продовольствіе пересыльныхъ и медицинскія заботы о нихъ, поручая ихъ должностнымъ лицамъ: первое — комисіонеру морскаго вѣдомства, второе — правительственному медику, распоряженіямъ котораго подчинены, каждый въ своей части, подрядчикъ и комисіонеръ. Первое специально приспособленное для транспортированія преступниковъ англійское судно, паровое и съ отдѣльными камерами („London“), начало рейсы уже послѣ упраздненія австралійской ссылки, между Темзою и Гибралтаромъ, въ 1871 г.

По прибытіи, ссыльные поступали въ распоряженіе губернатора, назначавшаго ихъ для работъ публичныхъ, а при избыткѣ въ рабочихъ рукахъ сдававшаго ихъ въ частное услуженіе. Крайне затруднялъ администрацію женскій контингентъ ссыльныхъ: колонія нуждалась въ женщинахъ, которыя это поняли, предавались разврату и отличались неповиновеніемъ; для худшихъ изъ нихъ устроенъ былъ пенитенціарій въ Параматтѣ, близъ Сиднея, но эта мѣра ихъ не пугала; тутъ онѣ занимались, главнымъ образомъ, стиркою бѣлья. Публичныя работы для ссыльныхъ мужчинъ были разнообразны; въ первое время ими старались удовлетворить основныя потребности мѣстнаго населенія и предпринимали ихъ въ скромныхъ размѣрахъ, но при губернаторѣ Макэри, первомъ офицерѣ сухопутной службы, смѣнившемъ прежнее правленіе моряковъ (1812—1822 г.), начались обширныя работы въ видахъ будущаго, для скорѣйшаго развитія цивилизациі: сооружаются грандіозныя зданія, устрояются порты и набережныя, проводятся прекрасныя шоссеыя дороги, расчищаются огромныя земельныя участки. Когда Макэри покинулъ Австралію, тамъ обрабатывалось уже до 400 тыс. акровъ земли; тридцать пять лѣтъ со времени появленія перваго транспорта ссыльныхъ, годъ спустя по удаленіи Макэри, Новый Южный Уэльсъ перестаетъ нуждаться въ субсидіяхъ метрополи; за это время Англія издержала на него около 35 милліоновъ рублей металлическихъ (5¹/₃ мил. фун. стерл.)¹⁾.

¹⁾ На Тасманію продолжались расходы, доходившіе до 300.000 ф. ст. ежегодно.

Несомнѣнно, что произведенныя ссыльными въ Австраліи публичныя работы были въ высшей степени благотѣльны для колонизаціи этой страны. Расчистка и корчеваніе почвы послужили необходимымъ основаніемъ земледѣлія, а постройка прочныхъ дорогъ, сперва отъ Сиднея до Параматты, затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ, по болѣе грандіозному масштабу, создали промышленность и торговлю. Новая колонія была создана трудомъ ссыльныхъ.

На порядкѣ обязательныхъ работъ ссыльный долженъ былъ оставаться въ теченіи срока судебного приговора, который могъ уменьшаться помилованіемъ. Отбывшіе срокъ и помилованные переходили въ разрядъ эманципистовъ; они могли свободно избирать родъ жизни и получали отъ правительства земельные участки, первое время безмездно; при губернаторѣ Макэри установилось, что эманциписты обязаны обработывать свои участки, подвергаясь въ противномъ случаѣ наказаніямъ.

На ссылку въ первомъ періодѣ ссыльные смотрѣли, какъ на мѣру временную и не считали прочными тѣ учрежденія, которыя здѣсь встрѣчали. Для того, чтобы создать семью, было облегчено заключеніе браковъ въ ссылкѣ, но это приводило лишь къ мнѣнію, что такіе браки имѣютъ временную силу, и къ увеличенію разврата: ссыльные торговали своими женами, съ которыми они сочетались въ колоніи. Не слѣдуетъ думать, что нравственное состояніе ссыльныхъ даже въ первомъ періодѣ было удовлетворительно. Пьянство, покровительствуемое стремившимися къ наживѣ начальствующими лицами и эмигрантами, было весьма распространено; по отзыву одного изъ очевидцевъ, все австралійское населеніе одно время можно было раздѣлить на два класса людей: продающихъ ромъ и пьющихъ его. Половой развратъ стоитъ внѣ сомнѣнія. Преступленія, притомъ весьма тяжкія (разбой, убійства), уже съ раннихъ временъ ссылки вызывали необходимость энергическихъ каръ: смертная казнь была явленіемъ обычнымъ, въ штрафныхъ выселкахъ никогда не было недостатка въ опасныхъ рецидивистахъ.

Въ отношеніи водворенія въ колоніи ссыльныхъ существовало разнорѣчіе между взглядами метрополіи и практикою австралійскихъ губернаторовъ, особенно Макэри. Сентъ-джемскій кабинетъ видѣлъ въ ссыльныхъ исключительно рабочую силу, долженствовавшую подготовить Австралію для свободнаго населенія; этотъ взглядъ высказанъ былъ парламентскою комиссіею 1812 г.; онъ выразился также въ заботахъ англійскаго правительства о направленіи въ Австралію эмигрантовъ, въ выборѣ англійскою администраціею для ссылки только тѣхъ приговоренныхъ къ этому нака-

занію, которые были способны къ труду физическому, и въ при-
 нятіи мѣръ къ предоставленію эмигрантамъ рабочаго труда ссыль-
 ныхъ. Въ Лондонѣ желали, чтобы штрафной элементъ былъ упо-
 требленъ въ Австраліи для подготовки и облегченія свободной ея
 колонизаціи, не желая создавать изъ нея страну преступниковъ.
 Совершенно иные взгляды имѣлъ Макэри. Требуя отъ ссыльнаго
 труда безустаннаго, создавая путемъ его благосостояніе колоніи,
 Макэри пришелъ къ заключенію, что и всѣ благодѣянія этого
 труда должны принадлежать ссыльнымъ, а не пришлымъ людямъ.
 На прежнее преступленіе ссыльнаго, совершенное въ метрополиі,
 Макэри склоненъ былъ смотрѣть снисходительно. Въ его глазахъ,
 потеря отечества и трудности далекаго плаванія достаточно иску-
 пали прежній грѣхъ осужденнаго, который, поэтому, имѣлъ полное
 право разсчитывать въ колоніи на любовь, сочувствіе, распростер-
 тья объятія нуждавшихся въ его трудѣ. Правда, онъ долженъ
 былъ вести здѣсь жизнь полную дѣятельности, а порою — и ли-
 шеній, вынужденъ былъ отказаться отъ многихъ удобствъ civili-
 зации; но за то ему принадлежали и выгоды его труда и хо-
 рошаго поведенія; для себя, а не для другихъ, онъ готовилъ
 въ потѣ лица благодатную страну, ниспосланную Провидѣніемъ.
 Велѣдствіе этаго, капитанъ Макэри обращался со ссыльными, того
 заслуживающими, весьма милостиво, отличалъ ихъ высокими на-
 градами наравнѣ съ людьми свободными и даже, къ вѣщему со-
 блазну офицеровъ и эмигрантовъ, приглашалъ лучшихъ изъ нихъ
 на свои парадные обѣды. Многія должности правительственныя
 замѣщались бывшими преступниками, умѣвшими заслужить его до-
 вѣріе. Случалось, что ссыльные были судьями; это воспрещено
 только въ 1824 году.

Отношеніе же Макэри къ эмигрантамъ было отрицательное и
 запросъ ихъ на арестантскій трудъ не встрѣчалъ съ его стороны же-
 лаемой предупредительности. Ему удалось добиться даже искусствен-
 наго пониженія эмиграціи, такъ какъ, по настояніямъ его, лондонское
 правительство стало требовать отъ лицъ, изъявлявшихъ желаніе пере-
 ѣхать въ Австралію, предьявленія доказательствъ извѣстной имуще-
 ственной состоятельности. Эмигранты, владѣвшіе уже въ Австраліи
 обширными земельными участками, очутились въ положеніи весьма
 трудномъ, по недостатку рабочей силы; въ горячіе моменты сель-
 скаго хозяйства, они вынуждены были платить баснословныя цѣны
 тѣмъ, кто былъ въ состояніи предложить имъ свой трудъ, и все-
 таки ихъ потребность въ трудѣ далеко не удовлетворялась. А между
 тѣмъ, въ Австраліи успѣлъ уже образоваться средній классъ,
 скватеры, имѣвшіе сильныхъ друзей въ Лондонѣ и справедливо

видѣвшіе въ Макэри главнѣйшаго врага ихъ интересовъ, относившагося къ нимъ, притомъ, по ихъ мнѣнію, безъ должнаго уваженія, ставившаго ихъ на одну доску съ осужденными преступниками. Началась борьба, борьба неравная, которую скватеры повели съ замѣчательнымъ тактомъ. Они затронули двѣ важнѣйшія струны, на которыя всегда отзывалась англійская нація: финансы и политическую свободу. Макэри обвинялся въ расточительномъ распоряженіи деньгами метрополи на разныя сооруженія, по произволу имъ предпринимаемыя, въ которыхъ не было надобности; вся представляемая имъ система управленія обвинялась въ деспотизмѣ, умѣстномъ при первомъ образованіи штрафной колоніи, но потерявшемъ всякое оправданіе съ появленіемъ въ колоніи свободнаго населенія. Парламентъ въ 1819 г. назначилъ слѣдствіе, которое кончилось удаленіемъ Макэри отъ дѣлъ. Хотя никакихъ новыхъ предположеній это слѣдствіе не выработало, но имъ указано на неправильность образа дѣйствій послѣдняго управленія и оно имѣло огромное вліяніе на позднѣйшую постановку ссыльнаго вопроса. Мѣры, отсроченныя энергіею Макэри на 10 лѣтъ, предложенныя еще парламентскою комиссіею Едена и Ромилы въ 1812 г., призываются къ дѣйствительному примѣненію въ широкихъ размѣрахъ. Мы вступаемъ въ эпоху практики штрафнаго батрачества, ограниченія власти австралійскаго губернатора и начала господства скватеровъ.

II. Періодъ системы батрачества. Производство ссыльными работъ на частныхъ лицъ практиковалось съ раннихъ временъ штрафной колонизаціи. Но въ системѣ батрачества (assignment system) оно получаетъ своеобразныя очертанія, становясь центральнымъ узломъ наказанія.

При этой системѣ ссылка стала наказаніемъ, болѣе сложнымъ и разнороднымъ, чѣмъ по прежнему праву, особенно въ виду знаменитыхъ четырехъ статутовъ Р. Пия (1827 г.), упразддившихъ смертную казнь за многія преступленія¹⁾, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожившихъ послѣдніе слѣды „привилегіи духовенства“.

Наказаніе ссылкой могло быть опредѣлено или судомъ, или исполнительною властью въ порядкѣ условнаго помилованія. Въ послѣднемъ случаѣ ссылка, назначаясь вмѣсто наказанія уголовнаго (capital punishment), сопровождалась лишеніемъ права имѣть собственность личную и реальную и исковой правоспособности на весь

¹⁾ Судъ, не назначая смертной казни, долженъ былъ записывать ее въ протоколъ (record); осужденный считался приговореннымъ къ наказанію уголовному, но подвергался одному изъ второстепенныхъ наказаній (secondary punishment) по выбору исполнительной власти. Blakstone, Commentaries, IV, 377 пр. 3.

срокъ ссылки, опредѣленной взамѣнъ смертной казни. Сроки были разнообразны, но осужденныхъ на сроки незначительные, до 7-ми лѣтъ включительно, практика не всегда подвергала высылкѣ: вмѣсто ссылки, они нерѣдко заключались въ плавучія тюрьмы до 4-хъ лѣтъ. Кромѣ того, заключеніе въ плавучія тюрьмы и инныя второстепенныя наказанія могли быть назначены вмѣсто ссылки и въ другихъ случаяхъ, по усмотрѣнію исполнительной власти, такъ что осужденный до начала дѣйствительнаго примѣненія наказанія не зналъ, какому изъ наказаній второстепенныхъ онъ будетъ подвергнутъ. Неспособные къ труду физическому по дряхлости и болѣзнямъ оставались въ метрополіи.

Лица, окончательно предназначенныя къ ссылкѣ, до отправленія содержались въ плавучихъ или графскихъ тюрьмахъ, но только въ смыслъ мѣсть пересыльныхъ. Здѣсь они помѣщались совместно, и къ содержанію ихъ не примѣнялись ни рационально устроенныя работы, ни школьное обученіе.

Съ прибытіемъ въ Австралію, ссыльные осматривались и принимались секретаремъ колоніи. При этомъ дѣлалась классификація ихъ, которая основывалась на ихъ рабочей способности: свойству совершеннаго преступленія не придавалось никакого значенія, на замѣтки о поведеніи могло быть обращено вниманіе въ интересахъ предупредительныхъ. Трудъ ссыльнаго на весь срокъ приговора статутъ 1823 г. объявляетъ собственностью губернатора, предоставляя ему распоряжаться ссыльными по своему усмотрѣнію. Власть могла или оставить ихъ для работъ на себя, или передать ихъ частнымъ хозяевамъ, смотря по надобности и способностямъ. Въ этихъ видахъ начальникъ ссыльныхъ (*superintendent of convicts*) распредѣлялъ ссыльныхъ, причемъ практика различала четыре категоріи ихъ: земледѣльцевъ, мастеровыхъ (*mechanics*), благородныхъ (*gentlemen convicts*) и женщинъ.

Чернорабочіе или земледѣльцы отдавались по преимуществу частнымъ хозяевамъ, и главнѣйшимъ занятіемъ ихъ стало пастушество. Мастеровые принимались колоніею съ особенною охотою и, въ виду недостаточнаго ихъ числа, почти все удерживались правительствомъ для работъ на верфяхъ и т. п. Они содержались въ особо-устроенныхъ баракахъ и разбивались на отдѣленія; во главѣ каждаго стоялъ староста, обыкновенно назначаемый изъ ссыльныхъ. По окончаніи казеннаго урока, исправные мастеровые получали право заниматься частными заказами и даже ночевать виѣ острожнаго помѣщенія. Ссыльные благородныхъ профессій (*gentlemen convicts*), не привыкшіе ни къ какому труду физическому, составляли для колоніи тяжелое бремя. На практикѣ установилось, что, по прибытіи

въ Австралію они подыскивали себѣ частныя квартиры, и затѣмъ часть помѣщалась правительствомъ на мѣста писцовъ, секретарей и т. п., а остальные пріискивали себѣ занятія или въ частныхъ конторахъ, или обученіемъ юношества. Нѣкоторые изъ такихъ *gentlemen convicts* завели даже учебныя заведенія. Тѣмъ не менѣе, значительное число этихъ людей оставались на рукахъ правительства, получали отъ него паекъ, но не занимались никакимъ дѣломъ и жили, въ большинствѣ случаевъ, на частныхъ квартирахъ. Имѣя въ виду, что подобное положеніе совершенно не отвѣчаетъ постановленному приговору, губернаторъ Дарлингъ учредилъ было для нихъ особое карательное заведеніе въ *Wellington Valley*, въ 200 миляхъ отъ Сиднея, гдѣ установлена суровая дисциплина; но учрежденіе это оказалось дорого стоящимъ и вскорѣ было упразднено по предписанію изъ Лондона. Женщины были для колоніи элементомъ, еще болѣе желательнымъ, чѣмъ даже мастеровые. Онѣ брались на расхватъ и лишь незначительное время оставались въ особомъ женскомъ депо въ Параматтѣ на попеченіи правительства.

Съ окончаніемъ распредѣленія ссыльныхъ начинался первый періодъ ихъ наказанія — обязательныя или каторжныя работы въ колоніи. Онѣ распадались на правительственныя и частныя.

Работы для ссыльныхъ-мастеровыхъ были весьма льготныя, и когда нужда въ мастеровыхъ стала уменьшаться, то имъ начали выдавать временныя, срочныя отпуска, съ которыми они могли пріискивать себѣ частныя занятія. Что касается чернорабочихъ, то правительственныя или публичныя работы носили для нихъ прежній суровый, карательный характеръ. Онѣ раздѣлялись на работы въ дорожныхъ командахъ (*road parties*) и работы въ партіяхъ по расчисткѣ почвы и осушенію болотъ и т. п. (*clearing gangs*). Тѣ и другія производились подъ непосредственнымъ руководствомъ администраціи, но первыя предпринимались по инициативѣ самой власти, а вторыя — по найму у администраціи ссыльно-рабочихъ партій частными лицами, за ихъ счетъ и для исполненія сдѣланныхъ ими заказовъ. Такія партіи были разбросаны по разнымъ пунктамъ материка, въ устроенныхъ для того стоянкахъ, и нуждавшіеся въ нихъ частныя заказчики могли безъ труда пользоваться ими. Близость надзора, тяжесть труда и строгость дисциплины въ командахъ и партіяхъ вели къ тому, что сюда назначались ссыльные самые опасные, уже въ первый періодъ ихъ пребыванія въ колоніи; кромѣ того, онѣ продолжали выполнять штрафную функцію, назначаясь въ видѣ наказанія для тѣхъ ссыльныхъ, которые, будучи приписаны къ частнымъ хозяевамъ, проявили себя лѣностью и дурными поступками.

Хозяинъ, нуждавшійся въ рабочихъ, обращался въ депо ссыльныхъ, или до прихода ссыльнаго транспорта заявлялъ о томъ правительственному комисіонеру по припискѣ (commissioner of assignement), указывая число нужныхъ ему людей и представляя какъ деньги на одежду, такъ и обязательство уплачивать за рабочихъ положенную плату. Съ приходомъ транспорта, такія требованія удовлетворялись по соразмѣрности, и хозяину приписывались (assigned) ссыльные, которые продолжали считаться арестантами, отбывающими кару, несли обязанность исполнять все хозяйскія работы съ надлежащимъ радѣніемъ и, въ случаѣ неисправности и преступленій, или наказывались тѣлесно на разбросанныхъ въ странѣ правительственныхъ станціяхъ (magisterial courts) по первому заявленію хозяина, или переводились въ дорожныя команды и рабочія партіи, или подвергались болѣе строгимъ карамъ. Съ точки зрѣнія гражданскаго права, приписка сводилась къ цессіи государствомъ частному лицу рабочаго на опредѣленный срокъ и съ опредѣленными условіями¹⁾; съ точки зрѣнія публичнаго права, это было перенесеніе государствомъ части своей карательной власти на частныхъ лицъ. Родъ работъ опредѣлялся профессіей хозяина; въ большинствѣ случаевъ, онѣ состояли въ работахъ пастушескихъ, не требовавшихъ никакихъ особыхъ познаній, державшихъ осужденнаго вдали отъ крупныхъ центровъ населенія и отъ представляемыхъ ими искушеній. Установившаяся въ Австраліи система сельскаго хозяйства и особенно скотоводства, болѣе и болѣе развивавшагося, значительно облегчала пользованіе трудомъ ссыльныхъ. Выбравъ подъ пастбище участокъ земли, опредѣленный какими-либо естественными границами — ручьемъ, холмомъ и т. п. — и получивъ разрѣшеніе правительства на пользованіе имъ за весьма низкую наемную плату, арендаторы (скватеры — въ противоположность собственникамъ земли) устраивали въ удобномъ пунктѣ свое жилище, „станцію“, съ сараями и службами; по мѣрѣ увеличенія стадъ, въ окрестныхъ мѣстахъ устраивались ими сторожевыя жилища со службами и помѣщеніями для загона скота, out-stations. Ссыльные, получаемые ими отъ правительства, были весьма пригодны для исполненія простѣйшихъ обязанностей этой профессіи — пастуховъ и сторожей; обыкновенно, во главѣ ихъ ставился свободный рабочій. Но, кромѣ пастушескихъ, закабаленіе могло вести и къ другимъ работамъ, смотря по роду занятій хозяина; особенно разнообразны были занятія закабаливаемыхъ въ хозяевамъ-горожанамъ.

¹⁾ Весьма подробно останавливается на разборѣ гражданскихъ отношеній, вытекавшихъ изъ закабаленія, Holtzendorff, в. с., стр. 300 и сл.

Еще болѣе разнообразія, чѣмъ въ родѣ работъ, представлялось въ социальномъ положеніи и бытѣ штрафныхъ батраковъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ хозяиномъ, который видѣлъ въ нихъ дешевую рабочую силу и старался извлечь изъ нея наибольшую выгоду, они совершенно зависѣли отъ его личныхъ качествъ. У хозяевъ хорошихъ они пользовались довольствомъ, отъ хозяевъ вспыльчивыхъ и жестокихъ подвергались всевозможнымъ преслѣдованіямъ: число наказанныхъ тѣсно въ magisterial courts доходило въ нѣкоторые годы до $\frac{3}{4}$ общаго числа ссыльныхъ. Къ ссыльнымъ они относились какъ къ срочнымъ рабамъ и предъявляли къ нимъ такія претензіи, которыя были бы совершенно неумѣстны относительно рабочихъ свободныхъ. Независимо отъ жестокости, такое положеніе вещей вело къ тому, что наказаніе примѣнялось далеко не одинаково и исполненіе его стало въ зависимость отъ частнаго произвола. Только въ правленіе Бэрка появляются подробныя правила о закабаливаніи, предписывавшія обращать вниманіе на нравственныя качества хозяина, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точно опредѣлявшія условія, при которыхъ хозяева могли получать ссыльныхъ и въ какомъ именно числѣ. Правила эти имѣли цѣлью устранить упреки, которые дѣлались австралійской администраціи по поводу ея дѣятельности по припискѣ, — дѣятельности, какъ говорили, далеко не всегда безпристрастной. Но они появились уже въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода и не могли принести всей пользы.

Законъ не опредѣлялъ срока обязательныхъ работъ. Губернатору принадлежало право собственности на трудъ ссыльнаго въ теченіи всего времени, назначеннаго судебнымъ приговоромъ. Но, въ видахъ побужденія къ надлежащему исполненію работъ, ссыльные, отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ, освобождались отъ нихъ значительно раньше срока приговора. На практикѣ установилось, что осужденные въ ссылку на 14 лѣтъ должны были безвозмездно провести на этой стадіи наказанія не менѣе 6 лѣтъ, а приговоренные пожизненно — не менѣе 8 лѣтъ. Ссыльные, радѣтельно производившіе обязательныя работы и отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ¹⁾, по истеченіи этихъ промежутковъ времени, или нѣсколько большихъ, получали увольнительныя отпуска (ticket of leave). Они давались на срокъ неопредѣленный, during good conduct, и могли быть отобраны, съ обращеніемъ ссыльнаго на обязательныя работы, при неодобрительномъ поведеніи. Ссыльный, имѣвшій увольнительное свидѣтельство, считался еще объектомъ наказанія, но условно

¹⁾ Доказательствомъ хорошаго поведенія ссыльныхъ приписанныхъ было, если въ теченіи всего времени приписки ссыльный оставался у одного и того же хозяина.

освобождался отъ дѣйствительнаго его примѣненія, т. е. отъ обязательныхъ работъ у правительства или у частныхъ лицъ по кабаль, и долженъ былъ отыскивать самъ работу по частному соглашенію. Между тѣмъ какъ въ губернаторство Макэри и его предшественниковъ ссыльные получали отъ государства бесплатно участки земли, переходившіе затѣмъ въ ихъ собственность, съ господствомъ кабальной системы они болѣе и болѣе утрачиваютъ возможность стать собственниками и беззачно-отпускные вынуждены снискивать пропитаніе исключительно личнымъ наймомъ. Но и въ этихъ стѣнныхъ предѣлахъ положеніе ихъ было непрочно: большинство ссыльныхъ, какъ осужденные къ наказанію уголовному, лишены были исковой правоспособности ¹⁾.

Въ связи съ этимъ, власть губернаторовъ ограничивается учреждаемыми при нихъ изъ среды мѣстнаго населенія совѣтами ²⁾, сперва (въ 1825 г.) исполнительнымъ, а затѣмъ (съ 1829 г.) и законодательнымъ, положившими конецъ единоличному управленію. Организация судебной власти дополняется мировымъ институтомъ, состоявшимъ изъ мѣстныхъ зажиточныхъ жителей; мировые судьи, сперва — единолично, а затѣмъ и въ сѣздахъ, получаютъ право разбирать проступки средней тяжести, совершенные ссыльными, въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Англіи, но безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Около того же времени (съ 1825 г.) Тасманія отдѣляется отъ Новаго Южнаго Уэльса и получаетъ особаго губернатора.

Наплывъ эмиграціи, получившей увѣренность, что ей будутъ доставлены дешевыя рабочія силы, съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается, хотя отъ эмигрантовъ, желающихъ получить земельные участки и ссыльныхъ, по прежнему требуется удостовѣреніе состоятельности. При отъѣздѣ Макэри, въ составѣ свободнаго населенія Новаго Южнаго Уэльса эмиграція представляла едва $\frac{1}{7}$, остальные $\frac{6}{7}$ этого населенія были эманциписты ³⁾. Усиленный

¹⁾ Это правило существовало и прежде, но для обхода его, когда того желали, нашелся путь: суды, въ доказательство того, что данное лицо было подвергнуто уголовному наказанію, требовали подлинный о немъ приговоръ, получить который изъ Англіи было очень трудно. Впослѣдствіи требованіе приговора замѣнено требованіемъ удостовѣренія, что данное лицо прибыло въ колонію на штрафномъ суднѣ; съ этого момента уже на немъ лежало доказательство своей правоспособности.

²⁾ Къ ограниченію власти губернатора, кромѣ указанія отдѣльных примѣровъ злоупотребленій, приводился тотъ общій мотивъ, что населеніе, переставъ нуждаться въ денежныхъ субсидіяхъ метрополи и само себя подерживающее, тѣмъ самымъ получило право участія въ управленіи.

³⁾ Почти въ томъ же отношеніи находилось и матеріальное благосостояніе эманципистовъ къ эмиграціи: они имѣли болѣе чѣмъ эмигранты

приливъ эмигрантовъ и даровой перевозъ правительствомъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ скоро измѣняетъ это отношеніе; уже въ 1835 г. въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ эмиграція поднимается до 100 т. чел., а общее число ссыльныхъ составляло лишь 30 тыс., изъ которыхъ 17 тыс. несли публичныя работы ($\frac{2}{7}$) или частную кабалу ($\frac{5}{7}$). Обративъ преимущественное вниманіе на скотоводство, эмиграція дала ему широкое развитіе и достигла блестящихъ результатовъ; вывозъ шерсти изъ австралійскихъ колоній, достигавшій въ 1815 г. едва 30 т. фунтовъ, къ 1835 году поднялся до 4 милл. фунт.¹⁾ Другія отрасли сельскохозяйственной и добывающей промышленности также развивались весьма быстро, и матеріальное благосостояніе колоніи стояло уже совершенно твердо.

Значительныя фискальныя выгоды изъ колоніи начинаетъ извлекать и правительство, именно путемъ продажи земельныхъ участковъ и отдачи ихъ въ аренду. Первоначально, мѣра эта носила исключительно фискальный характеръ. Правительственныя регулятивы 1824 года, опредѣлявшіе условія продажи казенныхъ земель, назначали условія льготныя, которыми отъ землевладѣнія не устранялись и мелкіе капиталы. Но, съ теченіемъ времени, въ Лондонѣ, со стороны крупныхъ капиталистовъ, имѣвшихъ въ Австраліи земельные участки, начинаютъ высказываться жалобы на недостатокъ наемныхъ рабочихъ рукъ и на дороговизну ихъ въ колоніи; попытки ихъ установить рабочую таксу были однимъ изъ симптомовъ недовольства австралійскимъ аграрнымъ порядкомъ, въ связь съ которымъ ставится и вопросъ о продажѣ казенныхъ земель. Оно было сформулировано въ брошюрѣ Вэкфильда, встрѣтившей большое сочувствіе. Система продажи казенныхъ земель измѣняется, доступъ къ нимъ мелкимъ капиталамъ прекращается, такъ какъ, вмѣсто существовавшихъ прежде таксъ, вводится продажа ихъ съ аукціона и большими участками, съ номинальными цѣнами весьма высокими. Убивая мелкое землевладѣніе, мѣра эта стремилась создать обширный рабочій классъ, и дополненіемъ ея было прекращеніе бесплатной раздачи земель ссыльнымъ.

Совокупность изложенныхъ измѣненій должна была оказать значительное вліяніе на ссыльный элементъ. Стѣсняемые хозяевами, которые видѣли въ нихъ срочныхъ рабовъ, встрѣчая на каждомъ

пахатныхъ полей на 18 тыс. акровъ, луговъ на 13 тыс., домовъ въ Сиднейѣ на 900, и общая стоимость всѣхъ произведеній ихъ доходила до 1.023,000 фунтовъ стерл. въ годъ, между тѣмъ какъ у эмигрантовъ составляла лишь около 530 тыс. фунт. стерл.

¹⁾ Въ 1865 г. Новый Южный Уэльсъ вывозитъ уже на 50 мил. фунтовъ шерсти.

шагу треххвостную кошку или заключение на хлѣбъ и на воду, они уходять въ бѣга. Перспектива состоянія вполне обеспеченнаго, которая могла останавливать ихъ прежде, болѣе не существуетъ; съ прекращеніемъ даровой раздачи земель, они могли ждть себѣ въ будущемъ обеспеченія только въ наймѣ. Преступленія, совершаемыя ссыльными, увеличиваются въ числѣ и получаютъ значительно болѣе тяжкій характеръ, чѣмъ прежде: разбои на большихъ дорогахъ и убійства становятся чаще; мѣстами организуются преступныя шайки. Особенное увеличеніе преступленій замѣчается въ городахъ, куда стекается ссыльнорабочій пролетаріатъ. Параллельно съ этимъ идетъ развитіе разврата, находившаго себѣ ближайшее объясненіе частью въ недостаткѣ женщинъ, частью въ ихъ прежней, распущенной жизни.

Давъ колоніи благосостояніе матеріальное, ссылка сказывается отрицательно на ея уровнѣ нравственномъ. Такъ было въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Но еще въ несравненно большей степени это замѣчается въ Ванъ-Дименовой землѣ, въ виду того, что сюда отправлялись рецидивисты, а также большей розни между ссыльными и земледѣльцами, получившими здѣсь болѣе аристократическій характеръ. Между ними и ссыльными, на нихъ работавшими, была цѣлая бездна; къ ссыльнымъ они относились, какъ къ вьючной силѣ, кормили ихъ скудно, содержали сурово и щедрою рукою расточали имъ наказанія, какъ лично, такъ и при помощи власти. Еще болѣе сурова была дисциплина въ штрафныхъ отдѣленіяхъ. Ссыльные искали спасенія въ побѣгахъ; именно изъ Тасманіи совершено было нѣсколько отчаянныхъ покушеній пробраться въ утлыхъ челнахъ въ Китай и голландскую Индію. Когда ссыльные убѣдились, что эти страны лежать отнюдь не такъ близко, какъ имъ первоначально казалось, они стали ограничиваться побѣгами во внутрь острова. Гористая природа его покровительствовала такимъ бѣглымъ, затрудняя поиски ихъ. Число ихъ было значительно, но пока они дѣйствовали единичными силами, каждый за свой страхъ, и ограничивались обыкновенными преступленіями. Бѣглецы штрафныхъ выселковъ сообщили имъ опасную организацію. Весь островъ наполняется разбойническими шайками (bushranging), которыя вносили ужасъ въ дома колонистовъ: месть и корысть были стимулами ихъ дѣйствія. Нерѣдко они составляли цѣлыя партизанскіе отряды, которые держали въ страхѣ все населеніе, а однажды захватили даже цѣлый городъ (Sorell Town) съ правительственнымъ гарнизономъ. Тяжелы были преступленія, ими совершаемыя; но еще кровавѣе была месть, ихъ постигавшая. „Въ исторіи Тасманіи есть

страшныя страницы преступлений, совершенныхъ противъ bushrangers“, восклицаетъ Мосманъ.

Реформы 1823 года, когда Тасманія отдѣляется отъ Новаго Южнаго Уэльса и свободное населеніе ея принимаетъ участіе въ управленіи, не дали спокойствія странѣ. Бродяги изъ ссыльныхъ держали въ страхѣ и туземное населеніе, и эмигрантовъ, охотясь за деньгами и женщинами, въ которыхъ здѣсь былъ большой недостатокъ и которыя жили въ величайшей половой распущенности. Мистрисъ Фрей, посѣтившая въ это время Тасманію, была до такой степени поражена безнравственнымъ складомъ половыхъ отношеній, даже въ средѣ правительственныхъ агентовъ, что, возвратясь въ Англію, стала энергически пропагандировать мысль объ отправленіи туда, для развитія семейственности, транспорта честныхъ дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ метрополи.

Частыя и весьма тяжкія преступленія ссыльныхъ въ самомъ началѣ австралійской ссылки настоятельно выдвинули вопросъ объ организаціи наказаній въ ссылкѣ. Висѣлица и плеть занимаютъ между ними первенствующее мѣсто. Но требованія гуманизма препятствовали примѣненію смертной казни такъ часто, какъ требовалось ссылкой, а плеть оставляла наказаннаго въ прежней средѣ. И вотъ, между этими мѣрами становится цѣлая серія каръ для наказанныхъ. Онѣ сводились къ тремъ группамъ: дорожныя партіи, кандалныя партіи и штрафныя высылки.

Осужденіе въ дорожныя партіи (road gangs) создавало обязанность производить работы, преимущественно дорожныя (разбивка щебня, укатываніе его и т. под.), подъ ближайшимъ надзоромъ надсмотрщика, обыкновенно изъ ссыльныхъ же. Осужденные на ночь помѣщались въ арестантскіе бараки, не имѣли права ни на какое вознагражденіе; однако, надзоръ былъ весьма несовершенный, и дорожныя партіи нерѣдко производили разбои, иногда съ участіемъ своего надсмотрщика.

Въ кандалныхъ партіяхъ (chainе gangs) степень стѣсненія была больше, осужденные подвергались работамъ болѣе тяжкимъ, обыкновенно внутри страны, и состояли подъ охраною военнаго отряда, офицеръ котораго былъ облеченъ въ то же время правами судьи. Они жили въ передвижныхъ, но прочныхъ тюрьмахъ (stockades), человекъ по 100 и болѣе, обязаны были работать ежедневно не менѣе 10 часовъ и имѣли на себѣ цѣпи вѣсомъ отъ 6 до 7 фунтовъ, никогда не снимавшіяся и служившія, главнымъ образомъ, для предупрежденія побѣговъ. Въ тѣхъ же видахъ на работахъ повсюду разставлялись вооруженные караулы; но побѣги все-таки случались нерѣдко, „iron-gang-men“ соединялись со своими

товарищами и остальными ссыльными въ опасныя шайки разбойниковъ. „Кровавыя столкновенія между ними и вооруженною полицією были не въ рѣдкость; для обезпеченія спокойствія нужно было истребить всю шайку до послѣдняго человѣка: пока оставался хотя одинъ, онъ вскорѣ набиралъ новую шайку“¹⁾.

Но самымъ блестящимъ выраженіемъ системы ссылки, ея сливками, были штрафныя выселки (penal settlements). „Богу вѣдомо, говоритъ Гриффисъ, что каторжные въ дорожныхъ и цѣнныхъ партіяхъ были достаточно дурны, но они были ангелами въ сравненіи съ каторжными штрафныхъ выселковъ. Сюда ссыльные переводились послѣ того лишь, когда все другія мѣры оказывались недостаточными, когда, по словамъ судьи Вертонна, человѣкъ терялъ свое сердце и на мѣсто его приобрѣталъ себѣ сердце дикаго звѣря“. Такими выселками для Новаго Южнаго Уэльса были Моретонъ-Бэй и островъ Норфолькъ, для Ванъ-Дименовой земли Портъ-Артуръ, на Тасманійскомъ полуостровѣ. Этотъ послѣдній былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальныхъ поселеній; на узкомъ перешейкѣ, соединявшемъ его съ Ванъ-Дименовою землею, помѣщался вооруженный военный отрядъ, и, кромѣ того, свора злыхъ собакъ, приученныхъ къ травлѣ за ссыльными. Мѣры эти оказались столь дѣйствительны, что изъ Портъ-Артура почти не было побѣговъ, но необходимость примѣненія ихъ уже достаточно говорить за себя. Находясь вблизи Гобартъ-Товна, Портъ-Артуръ былъ расположенъ весьма удобно для содержанія преступниковъ, которые помѣщались въ крѣпкихъ тюремныхъ баракахъ и занимались частью работами каменотесными, частью приготовленіемъ лѣса. Здѣсь, до конца періода штрафнаго батрачества, содержалось постоянно отъ 200 до 400 человѣкъ. Моретонъ-Бэй имѣлъ второстепенное значеніе, но первенствующая роль принадлежала острову Норфольку, который впоследствии, съ переходомъ къ системѣ испытательной, вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ, сталъ не только мѣстомъ наказанія за новыя преступленія, но и первую стадією ссылки для преступниковъ наиболѣе тяжкихъ.

Расположенный въ тропическомъ полушаріи, богато одаренный природою, плодородный, живописный, съ мало доступными берегами, этотъ небольшой островокъ, площадь котораго занимали отъ 4 до 5 кв. верстъ, несмотря на свою привлекательную наружность, былъ только тюрьмой. Сюда стекались осужденные за самыя тяжкія колоніальныя преступленія; худшіе все время оставались въ цѣпяхъ. Работы были обязательными, но надлежащаго надзора за ними установиться не могло. Нерѣдко здѣсь происходили безо-

¹⁾ Griffiths, в. с., II. 79.

рядки, бунты, заканчивавшіеся ружейными выстрѣлами. „Кольцо“ изъ худшихъ арестантовъ держало въ страхѣ и узниковъ, и начальство, которое никогда не могло осуществлять здѣсь требованія дисциплины со всею строгостью. Каждый арестантъ, кромѣ общей пищи, могъ свободно покупать провизію и ходить въ кухню для приготовленія ея; эти кулинарныя занятія, сопровождавшіяся спорами, балагурствомъ и обжорствомъ, значительно сокращали рабочіе часы, но до такой степени укоренились, что администрація должна была терпѣть ихъ. Взаимное развращеніе арестантовъ было полное. Они помѣщались въ трехъ пунктахъ острова: Kings-Town, главнѣйшемъ изъ нихъ, Longridge и Cascades, содержались въ баракахъ, а днемъ занимались или земледѣльческими, или иными работами на островѣ. Но „работы эти были легки, пища получалась въ изобиліи, дисциплина стала пустымъ фарсомъ“ (Griffiths, II, 106), и арестанты нерѣдко съ ножами бросались на своихъ надсмотрщиковъ. Отсюда они расходились по странѣ и, еще болѣе испорченныя, разносили заразу по Тасманіи и Новому Южному Уэльсу. Островъ Норфолькъ измѣнилъ свою фисіономію только съ прибытіемъ Мэконочи, но и онъ не могъ достигнуть здѣсь крупныхъ результатовъ.

Женщины не посылались въ штрафныя высылки и не подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ; онѣ заключались въ пенитенціарій Параматты, гдѣ ихъ не пугала ни тяжесть работъ, ни строгость содержанія; многія предпочитали его веселую жизнь въ товариществѣ услуженію у частныхъ хозяевъ. Ссылныя матроны отличались величайшимъ развратомъ¹⁾ и приобрѣли себѣ репутацію самаго дерзкаго, самаго недисциплинированнаго элемента.

Послѣ этой картины наказаній, примѣнявшихся въ ссылкѣ, станетъ понятнымъ развитіе bushranging до тѣхъ огромныхъ размѣровъ, о которыхъ мы говорили. Концентрируя худшіе элементы и оставляя ихъ при надзорѣ весьма слабымъ, наказанія эти служили благодарною почвою для развитія разныхъ противозаконныхъ замысловъ и товариществъ. Когда, съ переходомъ къ системѣ испытаній, число узниковъ Портъ-Артура возросло до 1.200, а Норфолька — до 2.000 человекъ, зло неизбежно должно было увеличиться еще болѣе.

А рядомъ съ этимъ, матеріальное благосостояніе колонистовъ

¹⁾ Вотъ любопытное сиднейское распоряженіе 9 сентября 1829 г.: „имѣя въ виду, что мужья, жены которыхъ приговорены къ заключенію въ Параматтскомъ пенитенціаріѣ, обязаны принять ихъ по истеченіи наказанія, постановляемъ, что за каждый просроченный день мужъ уплачиваетъ по 2¹/₂ шиллинга“; см. House of Commons papers 1882, № 163, стр. 8.

росло и примирало их и съ преступностью, и съ развратомъ ссыльныхъ. Не ими поднято гоненіе на ссылку, начавшееся въ Англіи въ концѣ двадцатыхъ годовъ и достигшее своего высшаго выраженія въ отчетѣ комисіи Молесворса, представленномъ парламенту въ 1838 г.

Это первое гоненіе на австралійскую ссылку, напротивъ, шло изъ метрополи и коренится частью въ увеличеніи числа тяжкихъ преступленій въ Англіи, частью въ развивающемся въ Англіи убѣжденіи, что ссылка, какъ наказаніе, недостаточно строга и устрашительна, что положеніе свободныхъ рабочихъ въ Англіи хуже положенія ссыльныхъ; убѣжденіе это распространялось съ успѣхами пенитенціарной системы и подкрѣплялось официальными отчетами о состояніи ссылки. Парламентская комисія 1831—1832 г., учрежденная „для изслѣдованія способовъ улучшенія второстепенныхъ наказаній“, высказалось о ссылкѣ осторожно; она замѣтила, что „хотя эта мѣра совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ кары, если разсматривать ее, какъ единственное наказаніе за преступленія важныя, но въ системѣ наказаній второстепенныхъ она можетъ быть разсматриваема, какъ одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ (most valuable) ея членовъ“; комисія рекомендовала отдавать ссыльныхъ въ батрачество только лицамъ, заслуживающимъ полного довѣрія и только для работъ земледѣльческихъ, установить болѣе строгія правила для работъ земледѣльческихъ и, взаменъ публичныхъ работъ въ колоніи, пріисканіе которыхъ затруднительно и стоитъ тамъ дорого, подвергать ссыльныхъ, предназначаемыхъ на нихъ, работамъ въ метрополи, не исключая при этомъ и ссыльныхъ благородныхъ профессій. Законъ 17 іюля 1837 г. отнялъ у администраціи право назначенія ссылки, передавъ его суду. Въ то же время при парламентѣ, подъ предсѣдательствомъ Молесворса, учреждена была комисія „для изслѣдованія системы ссылки, значенія ея, какъ наказанія, вліянія ея на колониальное населеніе и способности этой мѣры къ улучшеніямъ“; она высказалась о ссылкѣ совершенно отрицательно, подчеркнула вредное вліяніе ея на нравственность колонистовъ, и требовала немедленнаго прекращенія ссылки въ Новый Южный Уэльсъ и вообще въ населенныя мѣстности, замѣны ея тюремнымъ заключеніемъ съ тяжкими работами, но съ тѣмъ, чтобы освобожденные отъ заключенія поощрялись и получали помощь къ добровольной эмиграціи въ страны, нуждающіяся въ ихъ трудѣ. Австралія встрѣтила отчетъ комисіи 1838 г., какъ личное для себя оскорбленіе. Законодательный совѣтъ Нового Южнаго Уэльса въ 1839 г. протестовалъ противъ него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „если ссылка и система батрачества не

дали донинѣ всѣхъ хорошихъ результатовъ, которые отъ нихъ ожидались, то это слѣдуетъ приписать обстоятельствамъ, изъ которыхъ одни уже не существуютъ, а другія быстро улучшаются; такъ что, по мнѣнію совѣта, никакая карательная мѣра не можетъ быть такъ дешева, столь примѣрна и столь исправительна, какъ хорошо организованная система ссыльнаго батрачества, сопровождаемая соответственнымъ религіознымъ воздѣйствіемъ“. Еще рѣшительнѣе и рѣзче высказалось противъ отчета населеніе Тасманіи.

Но эти отзывы не остановили центральное правительство. Законъ 19 ноября 1839 г. отмѣняетъ ссылку женщинъ, а постановленіе королевскаго совѣта 22 мая 1840 г. прекращаетъ ссылку въ Новый Южный Уэльсъ; мѣстомъ ссылки остается лишь Тасманія, а для вознагражденія колонистовъ Новаго Южнаго Уэльса, Англія въ значительныхъ размѣрахъ направляетъ сюда свободную эмиграцію: до 1836 г. число перевозимыхъ на счетъ казны эмигрантовъ не превышало 800 чел. въ годъ, съ 1837 г. оно быстро растетъ, составляя 2¹/₂, 3, 5, 8 тыс. и достигая своего апогея, 12.000 чел., въ 1841 г. Этотъ наплывъ эмиграціи примирилъ колонію съ прекращеніемъ ссылки.

Съ 1787 по 1837 г. на берега Австраліи высадилось 78.056 ссыльныхъ, изъ нихъ на долю Новаго Южнаго Уэльса пришлось 50.297 чел., на долю Тасманіи — 27.759 чел. Съ 1840 г. вся масса ссыльныхъ, около 4.000 чел. ежегодно, должна была распределяться между тюремными учрежденіями метрополіи и Тасманіею; скоро оказалось, что первыхъ въ достаточномъ числѣ еще не было, а Тасманія не въ силахъ была выдержать огромнаго наплыва ссыльныхъ. Тогда англійскій кабинетъ вступаетъ въ переговоры съ населеніемъ Новаго Южнаго Уэльса о возобновленіи ссылки въ эту мѣстность. Колонисты изъявляли свое согласіе, ставя лишь нѣкоторыя частныя условія. Въ ряду ихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: они требовали, чтобъ правительство гарантировало высылку не менѣе 5.000 человекъ ежегодно, притомъ такъ, чтобы, въ видахъ полного равновѣсія половъ, взамѣнъ недостающаго числа ссыльныхъ женщинъ, присылались женщины эмигрантки; независимо отъ того, правительство должно было обязаться пересылать на свой счетъ такое число эмигрантовъ, которое равнялось бы ежегодному поступленію ссыльныхъ, считая, впрочемъ, семейства послѣднихъ за элементъ эмиграціонный; на свой счетъ правительство должно было принять крупную часть (²/₃) расходовъ колоніи по содержанію полиціи, тюремъ и уголовныхъ судовъ. На этихъ условіяхъ колонія соглашалась принимать: а) ссыльныхъ несовершеннолѣтнихъ, осужденныхъ въ первый разъ,

безъ предварительнаго содержанія ихъ въ тюрьмахъ или послѣ кратковременнаго такого содержанія; б) ссыльныхъ, осужденныхъ за тяжкія преступленія, по отбытіи ими срока одиночнаго заключенія; в) осужденныхъ за иныя преступленія только въ началѣ исполненія наказанія и г) ссыльныхъ, освобождаемыхъ изъ Тасманіи.

Но доброму соглашенію колоніи съ метрополіей по этому предмету былъ положенъ предѣлъ безтактностью англійскаго министерства. Не покончивъ еще переговоровъ, оно отправило въ Сидней транспортъ ссыльныхъ. Политическія страсти въ колоніи были разбужены, образовалась „анти-транспортціонная лига“, которая возстала противъ ссылки, какъ мѣры, открывающей метрополіи возможность нарушать автономію колоніи. Лига нашла теперь, подѣ влияніемъ политическаго увлеченія, и возраженія противъ ссылки съ точки зрѣнія колоніальныхъ интересовъ по существу. Она указывала, что мѣра эта не согласна съ экономическими интересами колоніи, ставя ее въ зависимость отъ доставки рабочаго труда извнѣ, и въ высшей степени опасна въ отношеніи нравственномъ; прибавляли, что эмиграція въ страну преступниковъ не можетъ имѣть никогда того простора, какъ въ страну свободную, уже потому, что стоимость рабочаго труда при ссылкѣ искусственно понижается.

Эти доводы тѣмъ легче находили слушателей и послѣдователей въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, что свободная эмиграція приняла уже широкіе размѣры. Транспортъ ссыльныхъ, „произвольно“ присланный изъ Лондона, былъ разобранъ богатыми землевладѣльцами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лондонскому правительству посовѣтовали не возобновлять ихъ. Опасаясь повторенія того, что было въ Америкѣ, Англія вяла этому совѣту.

III. Система испытательная (probation system) была послѣднею, по которой примѣнялась ссылка, какъ наказаніе, судомъ опредѣляемое. Названіе свое она получила отъ того, что наказаніе это расчленилось на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, начиная съ болѣе тяжкихъ, причемъ переходъ на высшія или болѣе льготныя ступени ставился въ зависимость отъ поведенія наказаннаго, отъ результатовъ его испытанія. Но самое главное нововведеніе испытательной системы состояло въ томъ, что первыя ступени наказанія ссылкой предположено было отбывать не въ колоніи, а въ метрополіи, на обязательныхъ работахъ, и только послѣ отбытія ихъ наступала высылка. Въ колоніи батрачество упразднялось, въ положеніи ссыльныхъ вводилось также нѣсколько классовъ, отъ эманципистовъ рѣзче отличались временно уволенные по освободительнымъ свидѣтельствамъ (ticket of leave holders), имѣвшіе

право прискивать частныя работы, но продолжавшіе состоять подъ надзоромъ администраціи. Такимъ образомъ, при испытательной системѣ, наказаніе ссылкой распалось на двѣ главныя части: 1) заключеніе съ обязательными работами въ метрополи, и 2) высылка въ колонію, сперва для обязательныхъ работъ, затѣмъ для поднадзорной жизни съ освободительнымъ свидѣтельствомъ и, наконецъ, эманципация вслѣдствіе истеченія срока приговора или помилованія, условнаго или безусловнаго.

Въ эту простѣйшую форму вылилась испытательная система въ министерство Стэнли и продолжалась съ 1840 по 1846 г. Обязательными работами осужденные занимались въ плавучихъ тюрьмахъ Англій (hulks), затѣмъ переводились на обязательныя работы въ Тасманію, распадавшіяся на 4 класса (для рецидивистовъ прибавлялся еще одинъ классъ, самый тяжкій, работы въ Норфолькѣ), послѣ которыхъ выдавалось освободительное свидѣтельство, а затѣмъ наступала эманципация. Но въ Тасманію, куда прежде поступало не болѣе 1.600 чел. ежегодно, при новомъ порядкѣ начало поступать свыше 3.000 чел.; занять работами это огромное число Тасманія была не въ силахъ, освободительныя свидѣтельства и даже эманципация утратили въ глазахъ ссыльныхъ свою цѣну за невозможностью прискать оплачиваемый трудъ на свободѣ, и состояніе колоніи крайне ухудшилось: число преступленій увеличилось, безопасность перестала существовать. По настоянію колонистовъ, въ январѣ 1847 г. англійское правительство вынуждено было обѣщать приостановку ссылки въ Тасманію на два года; попытки его прискать другія мѣстности для ссылки на тѣхъ же основаніяхъ не увѣнчались успѣхомъ.

Приходилось измѣнить самыя основанія наказанія. Но, въ сравненіи съ тридцатыми годами, обстоятельства существенно измѣнились: теперь противъ ссылки возражали колоніи, англійское же общественное мнѣніе и, еще болѣе, англійское правительство желали сохраненія ея. Оно полагало это возможнымъ путемъ нѣкотораго измѣненія испытательной системы. Въ новой ея формѣ (1847—1853 гг.), выработанной министерствомъ Грея, часть наказанія ссылкой, отбываемая въ метрополи, дополнилась новымъ членомъ, одиночнымъ заключеніемъ на срокъ отъ 12 до 18 мѣсяцевъ въ Мильбанкъ и Пентонвилъ; послѣ одиночнаго заключенія слѣдовали общія обязательныя работы, но плавучія тюрьмы рѣшено было замѣнить особыми тюрьмами для тяжкихъ преступниковъ, съ примѣненіемъ мѣръ религіознаго и нравственнаго на нихъ воздѣйствія и съ занятіемъ ихъ постоянными правительственными работами; такія тюрьмы устроены были въ Портлендѣ, затѣмъ въ Порт-

смуть, Дартмуръ и Паркгеретъ, а на плавучихъ тюрьмахъ оставлены только неспособные къ ссылкѣ. Расширяя такимъ образомъ первую часть наказанія ссылкой, отбывавшуюся въ метрополи, министерство Грея измѣняло и вторую его часть, долженствовавшую отбываться въ колоніи: худшіе должны были направляться на публичныя правительственныя работы въ Норфолькъ или Тасманію, посредственныя посылались въ Тасманію съ особыми испытательными свидѣтельствами (probation pass), дававшими имъ право заниматься частными свободными работами подъ полицейскимъ надзоромъ; наконецъ, лучшіе въ самой Англійи получали освободительное свидѣтельство (ticket of leave) или даже полную эманципацію и затѣмъ отсылались въ Австралію.

Но въ Тасманіи эта форма испытательной системы почти не практиковалась. Открытіе въ 1851 г. золотоносныхъ росыпей, сперва въ Базертскомъ (Bathurst) округѣ, а затѣмъ — и въ нынѣшней Викторіи, произвело въ Австраліи величайшій соціальный переворотъ. „Изъ колоніи она становится страной“. Наплывъ эмигрантовъ принимаетъ такіе огромные размѣры и пріѣздъ въ Австралію становится столь выгоднымъ, что не могло быть болѣе и рѣчи о высылкѣ сюда преступниковъ: даже добровольнымъ переселенцамъ прекращена правительственная помощь. Австралійское населеніе лихорадочно стремится къ мѣсторожденіямъ золота, другія мѣстности сравнительно пустѣютъ и цѣны на всѣ предметы потребленія, а также на рабочій трудъ, быстро и весьма значительно (почти въ $2\frac{1}{2}$ раза) увеличиваются. Матеріальное благосостояніе Австраліи дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ впередъ. Она распадается на нѣсколько самостоятельныхъ, сперва — провинцій, затѣмъ — почти независимыхъ государствъ, имѣющихъ каждое свою конституцію, свое правленіе и свои интересы. Тасманія отдѣлилась отъ Новаго Южнаго Уэльса еще въ 1823 г. Въ 1836 г. отъ него отдѣляется Южная Австралія, съ главнымъ городомъ Аделаиды; въ июль 1851 г. за ними послѣдовала юговосточная часть колоніи, оказавшаяся самою богатою золотомъ и получившая названіе Викторіи, съ главнымъ городомъ Портъ-Филиппъ. Наконецъ, въ 1859 г. изъ Новаго Южнаго Уэльса выдѣляется и обширная сѣверовосточная часть материка, получившая названіе земли королевы (Queensland); главнымъ городомъ ея сталъ Брисбанъ, еще недавно бывший незначительнымъ штрафнымъ высылкомъ Сиднея¹⁾. Приобрѣвъ независимость и расширяя твердою политикою объемъ своихъ правъ, эти колоніи быстро заселялись, развивали промыслы и торговлю въ

¹⁾ Западная Австралія никогда не входила въ составъ Новаго Южнаго Уэльса.

обширныхъ размѣрахъ, обогащались людьми и капиталами и скоро стали такою политическою силою, что англійское правительство находить нужнымъ относиться къ ихъ желаніямъ и требованіямъ съ несравненно большею внимательностью, чѣмъ прежде, придавая сношеніямъ съ ними болѣе и болѣе характеръ международный. Измѣнилось, не могло не измѣниться и отношеніе Австраліи къ ссыльнымъ. Пока промышленная дѣятельность колоніи выражалась, главнымъ образомъ, въ скотоводствѣ, требовавшемъ большихъ участковъ ненаселенной земли, нуждавшейся въ значительномъ числѣ пастуховъ и сторожей и имѣвшей возможность держать ихъ вдали отъ искушеній густыхъ центровъ, ссыльные встрѣчали благопріятный пріемъ, а производимыя ими публичныя работы доставляли краю несомнѣнную пользу. Но когда, подъ влияніемъ открытія золота, въ Австралію массами двинулась мелкая эмиграція, представительница труда, то основавшійся уже здѣсь ранѣе капиталъ съ очевидностью понялъ, что ему гораздо выгоднѣе опереться на этотъ трудъ, чѣмъ на трудъ подневольный преступниковъ. Тогда-то и дурная сторона ссылки, увеличеніе преступности, не сглаживаемая болѣе соображеніями настоятельной необходимости въ трудѣ ссыльныхъ, начинаетъ обращать на себя усиленное вниманіе. Въ золотоносныхъ округахъ, куда изъ разныхъ концовъ свѣта стремились искатели наживы, преступленія скоро приняли такой острый характеръ, какъ нѣкогда въ Тасманіи. Появляются разбойники большихъ дорогъ и значительныя шайки, съ которыми не могли справиться мѣстныя власти. Викторія выписала изъ Англійскаго королевства полицію, и ей удалось обнаружить, что въ ряду нарушителей общественной безопасности весьма крупный процентъ приходился на долю ссыльныхъ Тасманіи и западной Австраліи, которые пробрались сюда или съ освободительными свидѣтельствами, или побѣгомъ. Тогда законодательное собраніе Викторіи постановило воспретить выпускъ въ колонію такихъ людей; приходящіе корабли подвергались тщательному осмотру, для удостовѣренія, что на нихъ нѣтъ этой опасной контрабанды. Тому же примѣру вскорѣ послѣдовали Новый Южный Уэльсъ и Южная Австралія. Наконецъ, и Тасманія, до нельзя обремененная ссыльными, стала говорить противъ ссылки языкомъ столь рѣзкимъ, что въ 1853 г. правительство вынуждено было обѣщать категорически полное ея прекращеніе. Множество ссыльныхъ оставило эту колонію, преступленія уменьшились, но здѣсь спокойствіе и поднятіе нравственнаго уровня были куплены цѣною матеріальнаго благосостоянія. Дальнѣйшая исторія Тасманіи представляетъ собою „ретроградное движеніе въ отношеніи матеріальнаго процвѣтанія, что видно въ особенности на Гобартъ-Товнѣ,

который изъ цвѣтущаго города, какимъ онъ былъ прежде, сталъ напоминать собою скорѣе деревушку, съ тѣхъ поръ, какъ прекратились субсидіи англійскаго правительства, отпускавшіяся на ссылку, и обязательный трудъ ссыльныхъ“ (Mossmann).

Когда Тасманія отказалась отъ дальнѣйшаго приѣма ссыльныхъ, на рукахъ правительства находилось въ предѣлахъ Англій 6.370 человекъ, прошедшихъ уже большую или меньшую часть испытательнаго періода, въ большинствѣ осужденныхъ на 7 и 10-лѣтнюю ссылку, да значительное число на островахъ Бермудскихъ. Оставлять ихъ до истеченія всего срока судебнаго приговора на обязательныхъ работахъ казалось неправильнымъ, и потому было рѣшено, что хорошее поведеніе на обязательныхъ работахъ въ теченіи 3 лѣтъ покрываетъ приговоръ къ 7-лѣтней ссылке, а къ 10-лѣтней въ теченіи 4 лѣтъ. Ссылку оставляли только для приговоровъ на болѣе продолжительное время, вслѣдствіе затруднительности ея примѣненія къ обширному числу осужденныхъ.

Эти мысли легализированы закономъ 20 августа 1853 года, который начинается именно заявленіемъ о такой затруднительности, какъ о причинѣ, его вызвавшей. Существенныя его положенія суть:

1) законъ на будущее время допускаетъ только приговоры о ссылкѣ пожизненной и на срокъ не менѣе 14 лѣтъ, запрещая судамъ приговаривать кого бы то ни было къ ссылкѣ на срокъ менѣе продолжительный;

2) вмѣсто ссылки на время менѣе 14 лѣтъ, установлено уголовное рабство (penal servitude), дозволенное и при болѣе продолжительныхъ срокахъ, причемъ ссылка до 7 лѣтъ приравнена къ 4-хъ-лѣтнему уголовному рабству; ссылка отъ 7 до 10 лѣтъ приравнена къ уголовному рабству отъ 4 до 6 лѣтъ; ссылка отъ 10 до 15 лѣтъ — къ уголовному рабству отъ 6 до 8 лѣтъ; ссылка свыше 15 лѣтъ — къ уголовному рабству отъ 8 до 10 лѣтъ; наконецъ, ссылка пожизненная должна была замѣняться пожизненнымъ же уголовнымъ рабствомъ;

3) уголовное рабство (п. VI закона) опредѣлено какъ „содержаніе, на весь срокъ приговора или акта помилованія, въ тюрьмѣ или въ иномъ мѣстѣ заключенія, или въ предѣлахъ Англій, или же въ англійскихъ владѣніяхъ за моремъ, по назначенію государственнаго секретаря, причемъ заключенные въ теченіи всего срока содержанія подлежатъ тяжелой работѣ и той дисциплинѣ, которая установлена была для осужденныхъ къ ссылкѣ во время заключенія“;

и 4) ссылку, сохраняемую для болѣе тяжелыхъ случаевъ, какъ

факультативное право суда, законъ (п. XV) называетъ „изгнаниемъ“, какъ бы подтверждая мнѣніе Джебба, замѣчавшаго, что въ испытательной системѣ ссылка перестала быть наказаніемъ, сдѣлавшись способомъ размѣщенія, распределенія осужденныхъ (mean of disposal).

Вліяніе этого закона на ссылку было огромное. Ежегодное число приговариваемыхъ къ ссылкѣ съ 4—5 тыс. человекъ спускается до 700, включая и Ирландію. Въ своемъ исполненіи, уголовное рабство было осуществленіемъ двухъ испытательныхъ періодовъ предыдущаго фазиса системы: заключенія одиночнаго и тяжелыхъ или каторжныхъ работъ¹⁾. Но ему недоставало послѣдняго ея члена, ссылки, и вслѣдствіе значительнаго сокращенія сроковъ самимъ закономъ, практика приняла, что дальнѣйшее пониженіе ихъ въ порядкѣ административномъ, какъ бы ни было удовлетворительно поведеніе арестанта, не можетъ имѣть мѣста. Правила, выставленныя въ этомъ смыслѣ арестантамъ, произвели самое дурное впечатлѣніе; его не могли существенно измѣнить введенныя въ административномъ же порядкѣ „классы по поведенію“ (stages of discipline), обеспечивавшіе, правда, нѣкоторыя льготы болѣе исправнымъ, но отнимавшіе у нихъ самую существенную надежду на досрочное освобожденіе. Къ этому присоединилось, что освобожденные изъ каторжныхъ тюремъ не находили себѣ работы и подвергались разнымъ полицейскимъ стѣсненіямъ. Броженіе между арестантами каторжныхъ тюремъ обратило на себя вниманіе общества и повело къ пересмотру закона 1853 г.; обѣ палаты парламента избрали для этого особая комиссія, работы которыхъ выпали на 1856 г.

Отношеніе этихъ комиссій къ ссылкѣ было гораздо благопріятнѣе, чѣмъ предшественницъ ихъ 1832 и 1838 гг., но самый вопросъ этотъ былъ поставленъ ими на иную почву.

Во-первыхъ, обѣ комиссіи считали возможнымъ настаивать на ссылкѣ въ опредѣленную мѣстность только подъ условіемъ полного согласія населенія послѣдней на такую мѣру и предпочитали, для того, чтобы исполненіе наказанія текло правильно и не прерывалось колоніями, избирать для ссылки мѣстности ненаселенныя, не цивилизованныя. Во-вторыхъ, согласно предположеніямъ ихъ, наказаніемъ является не самая ссылка, а та сумма лишеній, которая предшествуетъ жизни преступника въ отдаленной мѣстности и которая представляется частью одиночнымъ заключеніемъ, частью тяжкими, принудительными на государство работами. Ссылку же

¹⁾ Спасовичъ, учебникъ, стр. 231—235; Beltrani-Scalia, в. с., стр. 157 и сл.

комисіи рекомендовали, какъ полезное дополненіе тяжелой уголовной кары, потому а) что она даетъ возможность, гораздо болѣе чѣмъ тюрьма, степенить наказаніе сообразно поведенію осужденнаго, указывать ему въ перспективѣ большія и большія льготы, которыя были бы способны развить его самодѣятельность въ нравственномъ направленіи, поднять его въ собственномъ мнѣніи и побудить его энергически стремиться къ благосостоянію, возможному только при ссылкѣ; и б) что въ метрополи освобожденные изъ каторжныхъ тюремъ не находятъ помѣщенія своему труду, который они могли бы съ пользою и съ выгодною для себя приложить въ отдаленной колоніи.

Однако, въ этой аргументаціи была и слабая сторона, которая бросалась въ глаза. Колоніи процвѣтавшія ревнито охраняли себя отъ ссыльныхъ транспортовъ и всего недовѣрчивѣ относились къ тѣмъ изъ нихъ, которыя состояли изъ партій, наполненныхъ недавними „тюремными птицами“. Заведеніе же штрафныхъ колоній на необитаемыхъ мѣстахъ, возможное при прежней, безыскусственной карательной системѣ, стало анахронизмомъ при новыхъ, усложнившихся ея формахъ.

*Законъ 1857 г. не взялся разрѣшить вопросовъ, намѣченныхъ комиссіями, возложивъ эту заботу на административную практику; ссылку, какъ наказаніе, назначаемое по суду, этотъ законъ совершенно упраздняетъ, но за правительствомъ сохраняетъ право исполнять приговоры объ уголовномъ рабствѣ какъ въ предѣлахъ Англій, такъ и внѣ ихъ, въ мѣстахъ, которыя уже одобрены или будутъ одобрены въ законодательномъ порядкѣ. Для того, чтобы облегчить правительству послѣдній способъ исполненія, законъ 1857 г., соглашаясь съ резолюціями обѣихъ комиссій, возстановилъ для уголовного рабства прежніе продолжительные сроки ссылки, открывъ практикѣ возможность понижать ихъ (отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$) при хорошемъ поведеніи арестанта, и установилъ (п. V), что досрочные отпуска могутъ быть отбираемы постановленіями мѣстныхъ судей (magistrates), съ заключеніемъ провинившагося или въ ту самую тюрьму, изъ которой онъ былъ освобожденъ, или въ иную тюрьму того же рода, для отбытія наказанія до конца приговора.

IV. Ссылка въ западную Австралію. Но англійское правительство около этого времени неожиданно получило приглашеніе прислать ссыльныхъ отъ западной Австраліи, самостоятельной колоніи, которая до того рѣшительно отказывалась отъ ссылки.

„Исторія западной Австраліи до 1849 года—говоритъ Мосманъ—есть исторія маленькаго, бѣднаго, кое-какъ перебивавшагося (struggling) выселка, пытавшагося обезпечить себѣ только

насущенное существованіе въ борьбѣ съ неблагодарною почвою, изолированнаго и почти забытаго изъ за цвѣтущихъ успѣховъ колоній восточнаго и южнаго берега“. Европейское населеніе ея въ 1835 г. не превышало 1.600 человѣкъ, въ 1839 г.—2.154 чел., въ 1848 г.—4.622 чел. обоего пола; цифра вывоза въ 1848 г. была 1.020 ф., въ 1834 г.—5.548 ф., въ 1848 г. она едва поднялась до 29.598 ф. ст. Въ теченіи 14 лѣтъ, съ 1835 по 1848 годъ, колонія получила 233.271 ф. ст. правительственной поддержки, безъ которой она не могла бы существовать. Изъ этой суммы 97.000 фунт. ст. ассигнованы парламентомъ, а остальные 136.000 задолжены у правительства.

Послѣ тяжелаго 20-лѣтняго опыта колонія убѣдилась, что земля безъ рабочихъ рукъ ничего не стоитъ, и что свободная эмиграція тщательно избѣгаетъ ея берега. Она была самою нравственною изъ всѣхъ австралійскихъ колоній, съ самымъ меньшимъ числомъ преступленій, но за то и бѣднѣйшею изъ нихъ: ей недоставало того подневольнаго труда, который, расчистивъ пустыни и соорудивъ дороги, подготовилъ Новый Южный Уэльсъ и Тасманію къ дальнѣйшему быстрому процвѣтанію въ областяхъ промышленности и торговли. За этимъ-то трудомъ, забывая и исторію своего возникновенія, и недавнее пренебреженіе къ преступникамъ, и обратилась западная Австралія къ метрополи.

Это случилось нѣсколько раньше открытія золотоносныхъ росыпей у Базерста, однако въ то уже время, когда правительство англійское, отказавшись отъ ссылки въ Новый Южный Уэльсъ и будучи вынуждено приостановить высылку въ переполненную преступниками Тасманію, находилось въ положеніи чрезвычайно затруднительномъ относительно размѣщенія приговоренныхъ къ тяжкому лишенію свободы. Неожиданное ходатайство столь пуританской до тѣхъ поръ въ отношеніи къ ссылкѣ колоніи, какъ Западная Австралія, было для него весьма пріятнымъ сюрпризомъ. Всѣ условія, предъявленныя колоніею, приняты безъ возраженій. Правительство обязалось высылать сюда ежегодно не болѣе 600 ссыльныхъ, получившихъ уже освободительныя свидѣтельства; поставить дѣло такъ, чтобъ они могли приносить пользу колонистамъ, доставить имъ рабочій трудъ, и имѣть за ними надзоръ. Осужденныхъ за преступленія противъ нравственности правительство обязалось не присылать въ Австралію. Для равновѣсія половъ, оно должно было заботиться о пересылкѣ семействъ ссыльныхъ и транспортовъ добровольныхъ эмигрантовъ женскаго пола. Женщины не подвергались ссылкѣ уже согласно закону 1839 г.; правительство пыталось направлять нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Западную Австралію,

но должно было отказаться отъ этого по настояніямъ колоніи, и съ 1853 г. не прибѣгало болѣе къ этой мѣрѣ.

Первые транспорты ссыльныхъ въ Западную Австралію прибыли въ 1850 г.; въ 1851 г. въ Австралію прислано значительно больше, чѣмъ обѣщано, именно 908 чел., но колонія, нуждавшаяся въ рабочихъ рукахъ, и избытокъ приняла охотно. Кромѣ того, англійское правительство нарушало и другой пунктъ своего соглашенія съ колоніей: оно высылало сюда не только людей съ освободительными свидѣтельствами, но и людей, подлежащихъ еще каторжнымъ работамъ. Однако, и это отступленіе прошло незамѣченнымъ: колонисты, начавшіе получать значительныя выгоды отъ развитія казенныхъ работъ въ качествѣ подрядчиковъ, поставщиковъ и т. п., смотрѣли снисходительно на появленіе ссыльныхъ, которые были необходимы для успѣшнаго хода этихъ работъ.

Ссылка въ Западную Австралію примѣнялась уже по системѣ испытательной, а въ концѣ ея—какъ послѣдняя часть наказанія уголовнымъ рабствомъ, опредѣляемая въ порядкѣ административномъ. Тѣ изъ ссыльныхъ, которые поступали сюда въ началѣ наказанія, заключались по преимуществу въ пенитенціарій во Фримантлѣ и употреблялись на разнообразныя публичныя работы. Недостатка въ этихъ работахъ не было: осужденные, подъ непосредственнымъ надзоромъ власти, рубили дѣса, строили мосты, сооружали дороги, работали на гаваняхъ и докахъ и т. п. Но въ положеніи приговоренныхъ, особенно въ позднѣйшемъ періодѣ ссылки, сдѣланы были уже существенныя измѣненія. Надзоръ за ними былъ дѣйствительнѣе, чѣмъ въ другихъ колоніяхъ, распущенность пріостанавливалась твердою рукою на первыхъ же порахъ, пьянство въ рабочихъ партіяхъ не имѣло того эпидемическаго характера, какъ прежде. Для поощренія осужденнаго и перевода его на высшія ступени, практика, бросая прежній масштабъ „хорошее поведение“, какъ весьма неопредѣленный, начинаетъ дѣлать оцѣнку ссыльнаго исключительно по результатамъ его труда, по количеству и качеству выработаннаго имъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ и началѣ шестидесятихъ, вводится даже марочная система, причѣмъ полученіе извѣстнаго числа марокъ, выдававшихся за трудъ, давало право на освобожденіе (*probation pass, ticket of leave*)¹⁾. На ночь ссыльные помѣщались въ тюремныхъ барракахъ и все время находились подъ охраною стражи. Кромѣ значенія испытательнаго періода, публичныя работы сохраняли и свое прежнее, дисциплинарное значеніе. Но ихъ прежній суровый, исключительно карательный

¹⁾ Griffiths, в. с. II, 276.

характеръ смягчился подъ вліяніемъ тѣхъ исправительныхъ и воспитательныхъ идей, которыя провозглашены капитаномъ Мэконочи и затѣмъ вошли въ систему наказаній Англіи; тѣлесныя наказанія примѣнялись рѣдко, вліяніе на осужденнаго тюремное начальство старается оказывать болѣе мѣрами нравственнаго воздѣйствія.

Присланные въ Западную Австралію съ освободительными свидѣтельствами (ticket of leave holders) подлежали здѣсь нѣсколько иной дисциплинѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не обращаясь сразу на свободу, они на первое время направлялись на правительственные работы, гдѣ проводили отъ 6 мѣсяцевъ до одного года. Рабочія партіи были устроены въ разныхъ мѣстахъ колоніи, удаленныхъ одно отъ другаго на значительныя разстоянія; этимъ хотѣли предупредить скученность ссыльныхъ, которая въ Тасманіи привела къ столь печальнымъ результатамъ. Во главѣ каждой партіи, въ мѣстѣ стоянки ея, находились органы администраціи и суда за незначительныя нарушенія, чѣмъ обезпечивалась быстрота разбирательства. Съ работъ правительственныхъ осужденные поступали на работы къ частнымъ лицамъ; отношенія къ нанимателямъ носили характеръ промежуточный между системою штрафнаго батрачества и свободнымъ наймомъ, такъ какъ за ссыльными сохранялся весьма бдительный надзоръ штрафной администраціи.

Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ, пока значительное число ссыльныхъ не успѣло отбыть обязательнаго срока каторжныхъ работъ и оставалось подъ ближайшимъ надзоромъ власти, колониальное населеніе Западной Австраліи пользовалось всѣми выгодами ссылки и не испытывало ея неудобствъ: приливъ рабочаго труда и казенныхъ капиталовъ оживилъ промышленность, содѣйствовалъ развитію торговли, поднялъ уровень матеріальнаго благосостоянія колоніи; въ то же время увеличенія преступленій не было замѣтно. Ссылка представлялась въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Ею въ Западной Австраліи, казалось, былъ разрѣшенъ, и разрѣшенъ блистательно, трудный вопросъ карательной политики. Колонисты обратились даже къ центральному правительству съ адресомъ, въ которомъ восторженно отзываясь о результатахъ ссылки, просили удвоить ежегодную порцію ссыльныхъ.

Но вскорѣ чрезвычайное увеличеніе преступленій, появленіе въ странѣ преступныхъ шаекъ и значительное пониженіе уровня общественной безопасности, не замедлили показать, что увлеченіе ссылкой было преждевременно.

Колонисты начали требовать отмены ссылки. Взамѣнъ преступниковъ, они соглашались принимать больныхъ воиновъ, предлагая правительству, въ виду чрезвычайно здороваго климата

Западной Австраліи, устроить здѣсь обширный санитаріумъ. Но центральное правительство, ставъ въ колоніи твердою ногою и затративъ на ссылку сюда огромныя суммы, категорически отказалось уважить это ходатайство. Свой отказъ оно мотивировало состоявшимся договоромъ: какъ прежде оно не исполнило желанія колонистовъ высылать имъ ежегодно свыше условленной цифры 500 ссыльныхъ, такъ теперь оно не признавало обязательнымъ для себя противоположное ихъ желаніе.

Въ теченіи десяти лѣтъ, до 1859 г., въ Западную Австралію поступило 5.465 ссыльныхъ, стоившихъ британскому казначейству 987.573 ф. ст. (180 ф. ст. каждый). Къ благополучію колоніи скоро оказалось, что ссыльныхъ трудно было удержать въ ея предѣлахъ: они массами переходили въ болѣе цвѣтущія колоніи восточнаго и южнаго берега. Такъ, въ 1850 г. все населеніе Западной Австраліи состояло изъ 5.886 чел.; до половины 1859 г. прибыло ссыльныхъ 5.169 человекъ, эмигрантовъ и семействъ ссыльныхъ 6.134 человекъ, слѣдовательно, всего къ этому времени должно было быть въ наличности не менѣе 17.000 человекъ (полагая и на рожденія, процентъ которыхъ въ этой колоніи весьма высокъ), между тѣмъ по переписи 1859 г. оказалось менѣе 15.000 человекъ. Было ясно, что недостающая часть ушла въ другія колоніи; на долю ссыльныхъ относятся большую половину этого числа.

Но обстоятельство это еще болѣе усложнило вопросъ. Богатая колонія Викторія и Новый Южный Уэльсъ скоро замѣтили и у себя чрезвычайное увеличеніе числа тяжкихъ преступленій; и когда по произведенному изслѣдованію оказалось, что въ ряду нарушителей безопасности весьма крупный процентъ приходился на ссыльныхъ, ушедшихъ изъ Западной Австраліи, то колоніи эти принимаютъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью воспрепятствовать переходу ихъ въ свои предѣлы. Вслѣдствіе дороговизны и безсилія этихъ мѣръ, отношенія между Западною Австраліей и ея богатыми сосѣдками получаютъ натянутый, даже недружелюбный характеръ, торговля сношенія затрудняются изъ опасенія импорта преступнаго товара, къ центральному правительству въ Лондонъ посылаются петиціи о совершенномъ прекращеніи ссылки. Наконецъ, агитація въ Викторіи и Южной Австраліи приняла столь угрожающій характеръ, что сенъ-джемскій кабинетъ вынужденъ былъ внимательно прислушаться къ требованіямъ колоній: на многочисленныхъ митингахъ ихъ, состоявшихся по поводу ссыльнаго вопроса, начали уже прямо рекомендовать отдѣленіе Австраліи отъ англійской короны.

А между тѣмъ, штрафной вопросъ и въ самой Англіи къ этому времени принялъ угрожающій характеръ. Досрочно-освобожденные изъ каторжныхъ тюремъ Портленда, Портсмута и Дартмура проявили себя чрезвычайно тяжкими преступленіями, которыя взволновали общественное мнѣніе страны ¹⁾. Въ практиковавшейся системѣ уголовного рабства оказывались многія несовершенства, требовавшія быстро и энергическаго исправленія; самое видное между ними мѣсто принадлежало той легкости, съ которою выдавались досрочные отпуски, и весьма трудному социальному положенію освобожденныхъ изъ тюремъ, почти совершенно лишенныхъ возможности найти честныя средства существованія.

Оба эти обстоятельства — увеличеніе преступности освобожденныхъ въ Англіи и ходатайства колонистовъ о прекращеніи ссылки — вызвали образованіе въ 1863 году особой королевской комисіи, въ составъ которой вошли лордъ Грей, Бэрке, баронъ Кранвортъ, Пакингтонъ, С. Вальполь, Гэрней, О'Коноръ и Чайлдерсъ. Комисія была учреждена „для разсмотрѣнія дѣйствія актовъ 1853 и 1857 гг. и изслѣдованія системъ примѣненія ссылки и уголовного рабства“. Она рѣшительно склоняется къ ссылкѣ какъ къ послѣднему звѣну тяжкаго лишенія свободы, прямо указывала при этомъ на Западную Австралію какъ на мѣсто ссылки, считавъ, что Западная Австралія безъ обремененія для себя можетъ принять ежегодно 1.500 ссыльныхъ.

Когда слухъ объ этихъ предположеніяхъ дошелъ до австраійскихъ колоній, то населеніе ихъ было возмущено такимъ явнымъ пренебреженіемъ къ ихъ ходатайствамъ. Агитація приняла еще болѣе угрожающіе размѣры; населеніе колоній во всякомъ случаѣ рѣшилось противодѣйствовать ввозу преступниковъ. Въ Викторіи, а затѣмъ и въ другихъ колоніяхъ, проектированы законы, подъ угрозю тяжкихъ наказаній запрещающіе ссыльнымъ всѣхъ наименованій переступать предѣлы этихъ колоній и налагавшіе высокія денежныя пени капитанамъ кораблей, провозившихъ такую контрабанду. Открыты были общественныя подписки на сборъ денегъ для обратной пересылки ихъ въ Англію; сборные листы быстро покрывались подписями, и въ февралѣ 1865 г. снаряженный на эти суммы корабль вышелъ съ самыми опасными преступниками изъ Мельбурна въ Лондонъ. Мѣстныя власти настойчиво рекомендовали сень-джемскому кабинету уступить требованіямъ колонистовъ.

Этимъ благоразумнымъ совѣтамъ рѣшилось послѣдовать центральное правительство. Оно выговорило для себя только трехлѣтнюю

¹⁾ Это — такъ называемое гарротерство; см. Спасовичъ, ук. с. стр. 240 и сл.; Griffiths, II стр. 263 и слѣд.

отсрочку для полной отмены ссылки, начиная съ 1-го января 1865 года. Въ 1868 году состоялся дѣйствующій по нынѣ „исправленный актъ о тяжкихъ наказаніяхъ“ (Capital punishments Amendment Act), который, предоставляя правительству устраивать мѣста каторжныхъ работъ въ пунктахъ англійскихъ владѣній, наиболѣе для того удобныхъ, совершенно вычеркиваетъ ссылку не только какъ наказаніе, назначаемое по суду, но и какъ способъ исполненія наказаній ¹⁾.

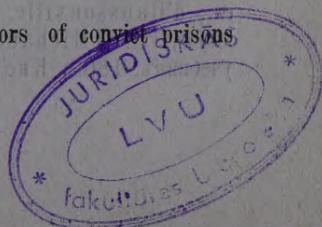
Послѣднее штрафное судно отправлено въ Западную Австралію въ 1870 года ²⁾. До 1870 г. вѣлчительно, сюда было выслано 9.669 ссыльныхъ ³⁾. Представляемая ими рабочія силы и казенные капиталы, приливъ которыхъ былъ обусловленъ ссылкой, несомнѣнно содѣйствовали развитію матеріальнаго благосостоянія этой колоніи. Населеніе ея, въ 1850 г. составлявшее едва 6.000 человекъ, въ 1854 г. поднимается до 11.743 человекъ, а въ 1870 г. доходить до 24.785 человекъ. Въ 1850 г. веѣ доходы колоніи представляли скромную цифру въ 19.063 ф. ст. (включая около 7.000 ф. ст. правительственной субсидіи на содержаніе судовъ и полиціи), а въ 1869 г. онѣ доходятъ до 103.662 ф. ст. (включая 15 ф. ст. правительственной субсидіи). Произведенными ими публичными работами, ссыльные за 20 лѣтъ, по вычисленію Вѣкфорда, доставили Западной Австраліи разныхъ сооруженій на сумму не менѣе 300.000 фун. стерлинговъ.

При всемъ томъ, нравственное состояніе колоніи значительно понизилось. Уже по численному составу жителей, Западная Австралія вскорѣ стала штатною колоніею, страню преступниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. По переписи 1870 г., взрослое мужское населеніе ея, не считая содержавшихся въ тюрьмахъ арестантовъ, составляло 8.259 человекъ, изъ которыхъ 5.748 человекъ, т. е. почти три четверти, были ссыльные. „Присутствіе такого обширнаго преступнаго класса не можетъ не оказывать подавляющаго вліянія на нравственное и социальное положеніе всей колоніи, богатое темными пятнами“, говоритъ даже Вѣкфордъ. Путемъ введенія болѣе суровой дисциплины и, главное, установленіемъ правила, по которому ссыльный, даже только разъ наказанный по

¹⁾ Еще раньше, закономъ 1864 г., увеличенъ минимумъ срока уголовного рабства до 5-ти лѣтъ, опредѣлены болѣе строгія условія надзора за досрочно освобожденными и расширено примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ.

²⁾ Griffiths, в. с. II, стр. 194.

³⁾ Wakford's Report, въ Reports of the directors of convict prisons for 1870, стр. 541 и сл.

суду въ колоніи, лишается права на полученіе досрочнаго освобожденнаго свидѣтельства, число тяжкихъ преступленій было уменьшено; однако, до самаго конца западно-австралійской ссылки, оно оставалось чрезвычайно высокимъ.

Такъ закончилась австралійская ссылка, опредѣлявшаяся въ началѣ какъ тяжелое наказаніе, ставшая въ концѣ мѣрою поощренія лучшихъ арестантовъ метрополи за хорошее поведеніе въ тюрьмахъ. Съ тѣхъ поръ Англія не возвращалась болѣе къ ссылкѣ, но въ числѣ эмигрантовъ ея значительныя цифры приходятся на долю освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, поощряемыхъ къ тому учреждениями патроната и самою администраціею.

§ III. Французская ссылка ¹⁾.

I. Законодательная исторія ссылки. Идея ссылки во Франціи впервые примѣняется закономъ о подозрительныхъ 1791 г., на основаніи котораго политически неблагонадежные подвергались высылкѣ въ Гвіану, на берега рѣки Синамари; ее сопровождала высокая смертность. При конвентѣ высказывалось предположеніе объ устройствѣ ссылки на Мадагаскаръ людей праздношатающихся и бродягъ, но осталось безъ осуществленія.

Уложеніе 1791 г. строить извѣстную ему систему наказаній на заключеніи, но въ ряду наказаній упоминаетъ и высылку (*déportation*); одного, существо этого наказанія и мѣста его не опредѣлялись. Уголовное уложеніе 1810 г. возвратилось къ идеѣ высылки (*déportation*) за политическія преступленія; такую депортацію оно (art. 17) опредѣляетъ, какъ „пересылку (*à être transporté*), съ обязанностью пожизненнаго пребыванія, въ опредѣленную правительствомъ внѣ французской территоріи мѣстность“. Но за неопредѣленіемъ такой мѣстности, осужденные содержались въ тюрьмахъ Франціи; въ виду этого нѣсколько разъ возникало предположеніе объ отмѣнѣ депортаціи, но она сохранилась и по закону 1832 г., введшему два измѣненія въ прежнемъ законодательствѣ: во-первыхъ, опредѣленіе мѣста депортаціи онъ снялъ съ правительства и возложилъ на законодательную власть, и во-вторыхъ, прибавлено, что пока мѣстность эта не будетъ опредѣлена или сношенія съ нею будутъ прерваны, то приговоренный къ депортаціи подлежитъ пожизненному заточенію (*détention*); относи-

¹⁾ Holtzendorff, ук. с.; Фойницкій, Ссылка на Западѣ, стр. 135 и сл.; d'Haussonville, les établissements pénitentiaires en France et aux colonies, 1875; Michaux, Etude sur la question des peines, 1875; Спасовичъ учебникъ, 1862; Кистяковскій, элемент. учебникъ, § 421.

тельно послѣдняго законъ 1835 г. пояснилъ, что оно отбывается въ одной изъ тюремъ, находящихся во Франціи или внѣ ея предѣловъ.

Въ такомъ положеніи законодательство о депортаціи оставалось до февральской республики, когда смертная казнь за политическія преступленія была замѣнена депортаціею же; желаніе различить случаи, обложенные прежде смертною казнью, отъ болѣе легкихъ, привело къ раздѣленію закономъ $\frac{8}{16}$ іюня 1850 г. депортаціи на двѣ степени: депортацію съ заключеніемъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ (*dans une enceinte fortifiée*), опредѣленную за дѣянія, наказывавшіяся прежде смертною казнью, и депортацію безъ этой прибавки, хотя тоже пожизненную, опредѣленную за дѣянія, наказывавшіяся депортаціею и до 1848 г. Тогда же законъ опредѣлилъ мѣсто депортаціи, назначивъ для этого Маркизскіе острова, именно: Вайтагу для депортаціи первой степени и Нукагиву для второй степени. Въ дѣйствительности, на Вайтагу не было выслано ни одного осужденнаго, на Нукагиву только 3 человѣка. Февральская республика и вторая имперія боролись съ политически-опасными элементами не судомъ и депортаціею, а административною ихъ высылкою, частью въ Алжирь, частью въ Каэнну; эта ссылка, какъ мѣра безопасности (*transportation comme mesure de sûreté générale*), примѣнялась къ инсургентамъ, захваченнымъ съ оружіемъ, къ членамъ тайныхъ политическихъ обществъ и къ состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за самовольное оставленіе мѣста жительства; изъ нихъ въ Каэнну до конца второй имперіи было выслано 3.146 чел., до 1875 г. возвратилось обратно во Францію 1.440 чел., добровольно остались въ колоніи 83, остальные 1.923 чел. нашли себѣ въ Гвіанѣ могилу и лишь немногіе избѣжали ея побѣгомъ.

Постановленія же уголовного законодательства о депортаціи перестали быть мертвою буквою лишь послѣ закона 23 марта 1873 г., вызваннаго беспорядками коммуны; законъ этотъ мѣсто депортаціи назначилъ два пункта Ново-каледонскаго архипелага, именно полуостровъ Дюкосъ для депортаціи первой степени и островъ Сосень (*île des Pins*) для депортаціи второй степени. Законъ этотъ остается въ силѣ понынѣ.

Подлѣ этого вида ссылки, во французскомъ законодательствѣ появляются еще два: транспортация (*transportation*) и релегация (*rélegation*).

Транспортация, по сообщенной ей во Франціи обрисовкѣ, не есть наказаніе, опредѣляемое по суду, а только способъ исполненія наказанія, именно каторжныхъ работъ (*travaux forcés*). Послѣднія

до нея отбывались въ *bagnes*, смѣнившихъ дореволюціонное наказаніе — галеры. Подъ галерами ¹⁾ разумѣлись длинныя и узкія, около 50 метровъ въ длину и около 10 въ ширину, 2-хъ-мачтовыя парусно-весельныя суда; на каждомъ находилось около 300 гребцовъ, помѣщенныхъ на 25 — 30 скамьяхъ по обѣ стороны судна, справа и слѣва; къ каждой скамьѣ приковано было человекъ по 5—6, совместно приводившихъ въ движеніе одно большое весло; скамьи правой стороны отдѣлялись отъ скамей лѣвой узкимъ возвышеннымъ проходомъ, съ котораго надсмотрщикъ (*le comite*), съ кнутомъ въ рукахъ, наблюдалъ за галерниками, поощряя ихъ къ труду ударами кнута по голымъ спинамъ; галерники оставались прикованными къ скамьямъ день и ночь; тутъ же они ѣли и спали, чередуясь въ работѣ, потому что галера двигалась безостановочно. Правительства имѣли крайнюю нужду въ рабочихъ рукахъ для своихъ флотовъ, поощряя суды опредѣлять возможно чаще это наказаніе и широко примѣняя его къ бродягамъ, нищимъ и дезертирамъ; но болѣе богатые могли, вмѣсто себя, купить у турокъ невольника. Какъ наказаніе, галеры опредѣлялись на срокъ и пожизненно; обыкновенно и срочныхъ галерниковъ удерживали дольше опредѣленныхъ судомъ сроковъ. Съ 1748 г. галерниковъ переводятъ на сушу и помѣщаютъ въ особыхъ тюрьмахъ морскаго вѣдомства, извѣстныхъ подъ именемъ *bagnes*; многое въ режимѣ ихъ унаслѣдовано отъ галеръ; приковываніе цѣпями, сперва къ стѣнамъ, затѣмъ попарно или по одному, но съ тяжелымъ чугуннымъ ядромъ въ концѣ цѣпи; отсутствіе мѣръ религіознаго, нравственнаго и образовательнаго воздѣйствія; примѣненіе этого наказанія только къ мужчинамъ, съ замѣною его для женщинъ другими мѣрами (съ 1808 г. — заключеніемъ въ центральные дома); но работы большею частью производились на открытомъ воздухѣ, были не тяжелы, ихъ даже не хватало на всѣхъ заключенныхъ, и въ глазахъ подлежащихъ наказаніямъ, *bagnes* представлялись легче болѣе слабого по закону вида заключенія въ центральныхъ домахъ, гдѣ введены были общія работы въ мастерскихъ съ болѣе тщательнымъ надзоромъ и примѣненіемъ системы молчанія. Численность преступнаго населенія *bagnes* была весьма значительна: въ Брестѣ около 4.000 чел., въ Тулонѣ около 3.000 чел.; кромѣ того, онѣ существовали въ Гаврѣ, Ницѣ, Рошфорѣ, Шербургѣ, а для военныхъ преступниковъ въ Лоріеннѣ; ежегодное поступленіе во всѣ *bagnes* было: съ 1772 по 1800 г., среднимъ числомъ, около 5.500 чел., съ

¹⁾ Loiseleur, les crimes et les peines, стр. 257 и сл.

1801 по 1825 г. около 10.000, съ 1825 по 1855 г. около 7.000 чел.; смертность составляла около 4%, дисциплинарнымъ взысканіямъ подвергалось около 60%, стоимость содержанія каждого заключеннаго доходила до 100 фр. въ годъ, за вычетомъ дохода отъ работъ. Въ bagnes отправлялись съ 1810 года приговоренные къ travaux forcés; приговоренные же къ прочимъ видамъ заключенія распредѣлялись между центральными домами (maisons centrales, съ 1808 г.)¹⁾ и департаментскими тюрьмами (maisons départementals); изъ нихъ въ первые поступали приговоренные къ заключенію на сроки свыше 1 года. Смертность въ центральныхъ домахъ въ сороковыхъ годахъ колебалась отъ 6 до 8%, рецидивъ доходилъ уже до 40% между освобожденными. Департаментскія тюрьмы въ 1811 г. объявлены собственностью департаментовъ, безъ вліянія на нихъ центральнаго правительства; устраивались онѣ крайне разнообразно, страдали недостаткомъ работъ, тѣсною и дурнымъ помѣщеніемъ.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что состояніе французскихъ мѣстъ заключенія было крайне неудовлетворительно; всего опаснѣе представлялись bagnes, въ которыхъ скоплялись огромныя массы преступнаго населенія. Настоятельность реформы ихъ ясно сознавалась; вопросъ былъ только въ томъ, какой для этого долженъ быть избранъ путь. При орлеанской династіи, общественное мнѣніе и правительство склонялись къ системѣ пенитенціаріевъ, причемъ палата депутатовъ въ 1842 г. отдавала предпочтеніе одиночному заключенію, допуская его даже до 12 лѣтъ. Но вторая имперія отдала рѣшительное преимущество системѣ ссылки, и предположенія о реформѣ мѣстъ заключенія были забыты.

Въ посланіи палатамъ 12 ноября 1850 г., Наполеонъ, тогда еще президентъ республики, заявилъ: „шесть тысячъ человѣкъ, содержащихся въ bagnes, ложатся тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ, болѣе и болѣе развращаются и непрерывно угрожаютъ общественному спокойствію. Мнѣ кажется возможнымъ сдѣлать наказаніе каторжными работами болѣе энергичнымъ, болѣе исправительнымъ, менѣе дорогимъ и болѣе гуманнымъ, направивъ его на пользу французской колонизаціи“. Предполагали прежде ссылать ихъ въ Алжиръ и Корсику, затѣмъ остановились на Гвіанѣ. Декретъ 27 марта 1852 г. предписалъ составить списки приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, которые изъясвятъ

¹⁾ Ординасъ 1817 г. хотя и установилъ для приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ maisons de force, а для приговоренныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ на срокъ не менѣе одного года maisons de correction, но оба эти учрежденія слились въ центральные дома.

согласіе на отбытіе опредѣленнаго имъ наказанія въ Гвіанѣ; при этомъ предложены были льготныя условія: осужденные въ мѣстѣ ссылки должны были заниматься обработкою земель, вырубкою лѣсовъ и иными работами по указанію администраціи, но безъ оковъ, и послѣ непродолжительнаго, именно 2-хъ-лѣтняго, пребыванія въ тюрьмѣ, имъ рисовалась перспектива, въ случаѣ хорошаго поведенія, получить дозволеніе жить внѣ пенитенціарія и работать или у частныхъ лицъ, или по приказамъ администраціи, за опредѣленное вознагражденіе; вступать въ браки и получать участокъ земли для обработки его въ свою пользу и даже пріобрѣтенія въ немъ права собственности при изъявленіи желанія основаться навсегда въ колоніи; во время пребыванія въ колоніи имъ могло быть возвращаемо пользованіе ихъ гражданскими правами; если бы на ссылку изъявили согласіе осужденные, которымъ срокъ наказанія истекъ во Франціи, то имъ обѣщалось въ колоніи льготное положеніе свободныхъ поселенцевъ (*residants volontaires*). Но срокъ обязательнаго пребыванія въ колоніи превышалъ срокъ судебного приговора, а именно для приговоренныхъ къ *travaux forcés* на время менѣе 8 лѣтъ онъ удвоивался, для приговоренныхъ на время свыше 8 лѣтъ обязанность пребыванія въ колоніи объявлялась пожизненною.

Условія эти, особенно перспектива брака, земельного надѣла и работъ внѣ пенитенціарія, представлялись весьма льготными, и свыше 3.000 приговоренныхъ къ *travaux forcés*, между ними много женщинъ, охотно подписались на ссылку въ Гвіану. Декретъ 1852 г. легализированъ закономъ 30 мая 1854 г., повторившимъ его главныя положенія: ссылка стала мѣрою принудительною, и такъ какъ она продолжала разсматриваться лишь какъ способъ исполненія наказанія, то закону 1854 г. сообщена обратная сила. Правительство начало поспѣшно закрывать одну *bagne* за другою, направляя заключенныхъ въ ссылку; мѣра эта существуетъ до нынѣ, съ измѣненіемъ лишь мѣста ея: декретъ 3 сентября 1863 г. опредѣлилъ для этого Новую Каледонію, которая, какъ мѣстность ссылки, сперва дополняла Гвіану, а затѣмъ совершенно ее смѣнила, по крайней мѣрѣ для ссыльныхъ европейскаго происхожденія.

Французская транспортанія вызвана была, такимъ образомъ, крайними несовершенствами постановки въ метрополи тяжкаго заключенія (*travaux forcés*). Но и прочія мѣста заключенія во Франціи, центральные дома и департаментскія тюрьмы, были неудовлетворительны и правительство имперіи о нихъ не заботилось. Тяжелая эта задача выпала на долю современной республики; законъ

1875 г. положилъ начало тюремной реформѣ принятіемъ одиночнаго заключенія для департаментскихъ тюремъ, слѣд. для мѣстъ краткосрочнаго заключенія; по отношенію же къ мѣстамъ среднесрочнаго заключенія въ современномъ французскомъ законодательствѣ замѣчаются два направленія ¹⁾: одно для борьбы съ рецидивомъ возлагаетъ надежды на ссылку, другое для той же цѣли рекомендуетъ улучшеніе тюремнаго режима и развитіе въ немъ мѣръ нравственно-воспитательныхъ. Первое выразилось въ законѣ 27 мая 1885 г., о релегации рецидивистовъ; второе, во главѣ котораго стоятъ Веранже и Депортъ, въ законѣ 14 августа 1885 г. о досрочномъ освобожденіи, патронатѣ и реабилитациі.

Релегация введена для рецидивистовъ уголовныхъ и нѣкоторыхъ категорій исправительныхъ, въ возрастѣ отъ 21 г. до 60 лѣтъ, какъ послѣдствіе наказанія, опредѣляемое судомъ и смѣнившее полицейскій надзоръ. Она опредѣляется пожизненно, и за самовольный возвратъ поставлена угроза тюремнымъ заключеніемъ въ мѣсть релегации, котораго законъ 1885 г. не опредѣляетъ. Для релегированныхъ, какъ отбывшихъ уже наказаніе, законъ 1885 г. не вводитъ обязательныхъ правительственныхъ работъ и въ колоніи относитъ ихъ къ категоріи освобожденныхъ (*libérés*), дозволяя администраціи предоставить сосланному пользоваться въ колоніи всеми или частью правъ, утраченныхъ по суду, и предоставляя ему, по истеченіи пяти лѣтъ хорошей жизни въ колоніи, просить мѣстный судъ объ освобожденіи его отъ релегации. Президентскій декретъ 1885 г., состоявшійся на основаніи этого закона, различаетъ два вида релегации: коллективную и индивидуальную. Подъ индивидуальной релегациею отъ разумѣть пребываніе въ одной изъ французскихъ колоній на положеніи полной свободы и съ подчиненіемъ общимъ судамъ на общемъ основаніи; ей подвергаются лучшіе по поведенію, обладающіе собственнымъ достаткомъ, или знаніемъ ремесла, а также признанные имѣющими право на полученіе въ концессию земельного участка, или на свободный трудъ по добровольному соглашенію съ частными лицами или правительственными вѣдомствами. Коллективной релегации подвергаются худшіе; они содержатся совместно на счетъ правительства и занимаются обязательными работами, за преступныя дѣянія судятся особыми судами и мѣстомъ ссылки для нихъ опредѣляются Гвіана, а въ случаѣ надобности,

¹⁾ Bulletin de la société générale des prisons, 1883, стр. 33 и сл., 72 и сл., 1884, стр. 250 и сл., 382 и сл., 780 и сл.; 1885, стр. 676 и сл. (текстъ закона на стр. 698 и сл.).

также Новая Каледонія и инныя колоніи. Во всякомъ случаѣ, индивидуальная и коллективная релегация не должны исполняться въ одной и той же мѣстности. Распредѣленіе релегированныхъ между индивидуальной и коллективною релегациею дѣлается или во Франціи, на основаніи поведенія при отбытіи наказанія, когда они подготовляются къ ссылкѣ, или въ колоніи въ подготовительныхъ депо, составляющихъ первую стадію коллективной релегации, послѣ которой они поступаютъ или въ релегацию индивидуальную, или въ рабочія учрежденія (*etablissement de travail*) коллективной релегации, гдѣ они работаютъ подъ надзоромъ администраціи и получаютъ въ вознагражденіе не свыше $\frac{1}{3}$ стоимости ихъ труда; кромѣ того, возможенъ переводъ изъ одного класса релегации въ другой, однихъ въ наказаніе, другихъ въ награду; переводъ съ индивидуальной въ коллективную релегацию опредѣляется особою коммисіею съ вѣдома министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, переводъ съ коллективной на индивидуальную релегацию — тою же коммисіею съ утвержденія морскаго министра и съ вѣдома министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

Французская релегация еще не имѣетъ за себя указаній опыта, которыя представляютъ практика транспортаціи и депортаціи; взглянемъ, что сказали опытъ послѣднихъ.

II. Ссылка въ Гвіану. Гвіана лежитъ въ сѣверо-восточной части Южной Америки, въ тропическомъ поясѣ; французская часть ея, съ главнымъ городомъ Каэнною, омывается съ сѣвера океаномъ, съ юга и востока граничитъ Бразилію, на значительномъ протяженіи отдѣляясь отъ нея рѣкою Ояпокомъ, а съ запада теченіемъ рѣки Марони отдѣляется отъ нидерландской Гвіаны; помѣщена она между 4 и 6° сѣв. широты, 54 и 56° долготы; материковая часть ея гориста, покрыта непроходимыми лѣсами и занята воинственными племенами туземцевъ; европейскому же вліянію была доступна часть приморская, наносная, образовавшаяся отъ осажденія массы твердыхъ частицъ, которыя сносились къ морю многочисленными ея рѣками (Марони, Мана, Синамари, Куру, Оякъ, Апронажъ, Ояповъ). При тропическомъ климатѣ и богатомъ орошеніи, эта послѣдняя часть отличается замѣчательнымъ плодородіемъ и роскошною растительностью; плантаціи сахарнаго тростника, хлопка, кофе и риса здѣсь процвѣтаютъ; но для здоровья людей, къ этой мѣстности непривычныхъ, она въ высшей степени губительна: хотя температура Гвіаны рѣдко поднимается выше 32° Ц., но она никогда не опускается ниже 18°; этотъ непрерывный жаръ быстро истощаетъ непривычные организмы; изъ саванъ (обширныя болотистыя пространства, самыя плодородныя), особенно въ періодъ

дождей, поднимаются мiasmатическія испаренія, порождающія страшныя лихорадки, желтую и перемежающуюся. Онѣ усвоили Гвіанѣ печальное, но вѣрное названіе „колонія смерти“ (colonie mortuaire).

Правительство, съ своей стороны, употребляло все завиствшія отъ него санитарныя мѣры; уже въ пути ссыльнымъ выдавалось шерстяное бѣлье; для высадки избраны были острова Привѣтствія, лежавшіе близъ Каэнны, болѣе благопріятныя для здоровья, на нихъ устроены госпитали и помѣщенія для выздоравливающихъ; но ничто не помогало. Двинутые первоначально къ южной части, у рѣки Ояпока, ссыльные начали умирать массами, хотя кофейныя и сахарныя плантаціи процвѣтали; по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, смертность превышала 10%, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ (напр. на Серебряной Горѣ) въ 1856 г. дошла до 62%. Устроенныя пенитенціаріи пришлось эвакуировать, для временнаго пребыванія ссыльныхъ приспособлены понтоны, стоявшіе въ морѣ, но когда и на нихъ смертность увеличилась, то настоятельно былъ поставленъ вопросъ объ упраздненіи гвіанской ссылки; могли переносить климатъ Гвіаны сравнительно легче только ссыльные африканскаго происхожденія.

Но администрація рѣшила поискать въ Гвіанѣ новыя, болѣе благопріятныя пункты, и перевела ссылку на берега Марони, рѣшивъ занимать здѣсь ссыльныхъ лѣсною эксплуатаціею, скотоводствомъ и земледѣліемъ по фермерской системѣ. Смертность, хотя высокая сначала, здѣсь дѣйствительно пала и администрація торжествовала, провозгласивъ съ 1863 г. „новую эру“ гвіанской ссылки. Однако, ея ожиданія не оправдались. Смертность и въ эту эру была высока; съ 1863 по 1875 г. она не опускалась ниже 4%, поднимаясь въ нѣкоторые годы въ среднемъ почти до 9%, а въ отдѣльных мѣстностяхъ, именно въ лѣсныхъ станціяхъ, даже до 22%, и ихъ пришлось очистить; въ больницахъ ежегодно каждый ссыльный проводилъ около 25 дней. Къ этому присоединились и другія обстоятельства. Лѣсная эксплуатація оказалась не столь выгодною, какъ предполагали. Эпидеміи перваго періода не позволяли и думать о водвореніи; во второмъ періодѣ немногіе ссыльные, получившіе въ концессию земельные участки (въ 1869 г. всего 126), начали напряженнымъ трудомъ стараться объ увеличеніи ихъ доходности; но Гвіана — не такая страна, гдѣ трудъ напряженный проходитъ безнаказанно: увеличившіяся болѣзни и смертность убили въ самомъ началѣ ихъ энергію, и дѣлу не помогло даже значительное содѣйствіе, которое стало имъ оказывать правительство, устраивая имъ жилища и отпускаая орудія и сѣмена. Стало ясно, что никакія мѣры не могутъ превратить это огромное кладбище въ колонію, сколько-нибудь преуспѣвающую.

До конца 1875 г. ссыльныхъ въ Гвіану было направлено 21.248 чел. (мужчинъ 20.891 и женщинъ 357); достигнувъ къ 1866 г. своего кульминаціоннаго пункта, когда число наличныхъ ссыльныхъ было наибольшее (7.466 чел.), гвіанская ссылка затѣмъ замѣтно падаетъ, къ 1875 году понижается почти до половины (4.056 чел.), ограничиваясь болѣе и болѣе ссыльными африканскаго происхожденія; нынѣ только они направляются въ Гвіану, для лицъ же европейскаго происхожденія мѣстомъ ссылки стала Новая Каледонія.

Кромѣ санитарнаго состоянія, огромное вліяніе на складъ гвіанской ссылки оказали еще два обстоятельства: 1) въ Гвіанѣ ссыльные нашли уже болѣе раннее населеніе, осѣвшееся по наиболѣе удобнымъ и здоровымъ мѣстностямъ Гвіаны, именно около 1 тыс. бѣлыхъ креоловъ, отъ 2 до 3 тыс. мулатовъ и около 12 тыс. черныхъ невольниковъ, легче переносившихъ мѣстный климатъ; и 2) гвіанская ссылка была лишь исполненіемъ *travaux forcés*, режимъ которыхъ ею усваивается и жизнь ссыльныхъ болѣе и болѣе складывается по порядку жизни тюремной.

Центральное управленіе колоніями Франціи сосредоточивается въ морскомъ министерствѣ, которому подвѣдомственны и все учрежденія ссылки. Высшее мѣстное управленіе Гвіаною принадлежитъ губернатору; ему подчинены мѣстные начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, между прочимъ директоръ пенитенціарныхъ учрежденій колоніи (*directeur des établissements pénitentiaires*); съ 1870 г. онъ получилъ большую независимость отъ губернатора и новое названіе— *directeur du service pénitentiaire*. Подъ начальствомъ его учреждены центральная тюремная администрація въ Каэнѣ и персоналъ отдѣльныхъ пенитенціаріевъ; во главѣ послѣднихъ стоятъ коменданты, управляющіе ссыльными фермами и мастерскими; низшіе органы его суть надсмотрщики (*surveillants*), обязанные всегда находиться при ссыльныхъ. Численное отношеніе служебнаго персонала къ ссыльнымъ въ Гвіанѣ составляетъ $\frac{1}{17}$. Съ освобожденіемъ отъ обязательныхъ работъ, ссыльные (*libérés*) поступаютъ въ вѣдомство директора внутреннихъ дѣлъ. Въ 1870 г., кромѣ того, въ Каэнѣ учреждена коммисія изъ почетныхъ лицъ для доставленія ссыльнымъ мѣсть у частныхъ нанимателей и разрѣшенія между ними коллизій. Въ отношеніи суда, ссыльные первоначально по болѣе тяжкимъ проступкамъ подлежали суду военному, менѣе тяжкіе вѣдались дисциплинарнымъ порядкомъ.

Въ Гвіану правительство, кромѣ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, направляло и инныя категоріи ссыльныхъ, а именно лицъ африканскаго и азіатскаго происхожденія, приговоренныхъ не

только къ *travaux forcés*, но и къ *réclusion* (съ 1853 г.), и политическихъ ссыльныхъ, направленныхъ сюда въ порядкѣ административномъ; всѣхъ ихъ подчиняли одному режиму, съ нѣкоторыми лишь различіями.

Въ началѣ гвианской ссылки, французскому законодательству была еще извѣстна гражданская смерть. На мѣсто ея, законъ 1854 г. для приговоренныхъ къ пожизненному уголовному наказанію установилъ гражданскую деградацию и законный интердиктъ, прибавивъ: что приговоренный не можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, или частью его, ни путемъ даренія, ни путемъ завѣщанія, ни приобретать этими способами какое бы то ни было имущество, развѣ только для насущнаго продовольствія; что завѣщаніе, составленное приговореннымъ до судебного рѣшенія, со вступленіемъ его въ законную силу становится недѣйствительнымъ, и что правительство можетъ предоставить осужденному пользованіе, на территоріи ссылки, всѣми или частью утраченныхъ по суду правъ.

Уже въ гвианской ссылкѣ появляется мысль о степененіи этого наказанія, хотя первоначально отдѣльные классы ея не разграничивались достаточно рѣзко и въ опредѣленіи ихъ многое представлялось усмотрѣнію администраціи. На первой стадіи ссыльные оставались въ пенитенціаріяхъ, съ обязанностью производства работъ по непосредственному распоряженію администраціи; они формировались въ отряды (*pelotons*) по сто человекъ въ каждомъ, помѣщались въ общихъ камерахъ съ примѣненіемъ системы молчанія, шли на работы и трапезу по барабанному бою и колокольному звонку; для работъ они дѣлились на артели (*chantiers*) и мастерскія (*ateliers*). работы производились поурочно и первое время безмездно; ежедневно на работы посвящалось 7 часовъ, остальное время уходило на очистку камеръ, молитвы, отдыхъ, переключки, ѣду и сонъ; школьныхъ занятій не полагалось. Такимъ образомъ, первая ступень гвианской ссылки оказалась весьма близкимъ воспроизведеніемъ французскихъ *bagnes*, съ общими камерами, казарменно-острожнымъ строемъ и мелочною регламентаціею жизни.

Затѣмъ шли двѣ промежуточныя стадіи. По регламенту 1855 г., „ссыльныхъ, которые поведеніемъ своимъ заслужили смягченія участи, администрація обращаетъ на обработку земель, на пастьбу скота и на инныя подобныя работы, могущія обезпечить существованіе ихъ и ихъ семействъ“. На этой ступени ссыльные продолжали находиться въ завѣдываніи администраціи и получали арестантскій паекъ и одежду. Затѣмъ администраціи предоставлялось дать ссыльнымъ, подававшимъ надежду на исправленіе, дальнѣйшую льготу, а именно: или назначить ихъ въ услуженіе колонистамъ, или предоставить имъ

временное владѣніе (possession provisoire) отведенными администраціею земельными участками, окончательная уступка (concession définitive) которыхъ дѣлалась только для освобожденныхъ (libérés), или, наконецъ, давать работы въ разныхъ казенныхъ вѣдомствахъ за установленное вознагражденіе. Работы ссыльныхъ у частныхъ лицъ регламентированы въ 1859 г.; въ виду настояннй мѣстнаго населенія, имъ запрещено пребываніе въ Каэннѣ и ея округѣ безъ особаго разрѣшенія губернатора; договоръ о наймѣ ссыльнаго заключается администраціею, $\frac{1}{3}$ платы должна была поступать въ кассу ссылки, остальные $\frac{2}{3}$ могли быть выдаваемы ссыльному на руки; пищевое довольствіе ссыльнаго и снабженіе его платьемъ переходило на нанимателя; ссыльно-рабочій, какъ интердигированный, находился подъ законною опекою директора пенитенціарной службы; всякое неблагоповеденіе его могло повести къ возвращенію его въ пенитенціарій. Однако, гвіанскія условія не благопріятствовали развитію отдачи ссыльно-рабочихъ частнымъ хозяевамъ, которые относились къ нимъ съ недовѣріемъ и предпочитали трудъ невольниковъ: въ періодъ 1871—1875 гг. въ услуженіи у частныхъ лицъ было ничтожное число ссыльныхъ, отъ 20 до 50 чел. въ годъ (не считая освобожденныхъ). Болѣе значенія администрація придавала отдахъ земельныхъ участковъ для обработки; первоначально отводились участки безъ строеній; затѣмъ администрація привудительнымъ трудомъ ссыльныхъ начала возводить строенія и сдавать ихъ съ землею ссыльнымъ, переходившимъ въ этотъ классъ; но и число такихъ лицъ было незначительно. Наконецъ, платныя работы въ казенныхъ вѣдомствахъ администрація скоро перестала сдавать ссыльнымъ этой категоріи, найдя, что за нихъ положено крупное вознагражденіе, и сохраняя ихъ потому для ссыльныхъ освобожденныхъ. Такимъ образомъ, и положеніе ссыльныхъ этого промежуточнаго класса свелось къ острожной жизни, съ прибавкою лишь скромной платы за трудъ и съ нѣкоторыми льготами въ пищѣ и отпускахъ сравнительно съ первою стадіею ссылки.

Съ наступленіемъ срока опредѣленнаго судомъ наказанія, ссыльный переводился въ 4 категорію—освобожденныхъ (libérés). Они дѣлились на двѣ категоріи: обязанныхъ и не обязанныхъ пребываніемъ въ колоніи. Въ первую могли входить только приговоренные къ каторжнымъ работамъ, такъ какъ ни политическіе ссыльные, ни *reclusionneurs* не обязывались, по истеченіи устроеннаго срока, оставаться въ колоніи. На этой стадіи ссыльный продолжал находиться подъ властью администраціи; хотя онъ, въ отличіе отъ ссыльно-рабочаго, самъ избиралъ себѣ хозяина, но наемъ совершался все-таки не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія пенитенціарной

дирекціи, и ссыльный проживалъ по выданнымъ ею рабочимъ книжкамъ; онъ могъ открыть самостоятельный промыселъ, но только по представленіи на первый годъ пенитенціарной дирекціи благонадежнаго поручительства; дирекція могла давать освобожденнымъ этой категоріи земельные участки, сперва для обработки въ свою пользу, затѣмъ въ собственность, согласно закону 1854 г.; они подлежатъ военной дисциплинѣ, военно-уголовной юрисдикціи и полицейскому надзору.

Только съ прекращеніемъ обязанности пребыванія въ колоніи, положеніе освобожденнаго измѣняется. Здѣсь можно представить себѣ два случая: или онъ изъявляетъ желаніе возвратиться въ отечество, или, напротивъ, онъ заявляетъ желаніе остаться въ колоніи.

Въ первомъ случаѣ наступаетъ *repatriement*. Такъ какъ законъ 1854 г. взглянулъ на ссылку только какъ на способъ исполненія каторжныхъ работъ, и такъ какъ декреты о политическихъ ссыльныхъ устанавливали опредѣленный срокъ ссылки, то на практикѣ привился взглядъ, согласно которому съ наступленіемъ права возвращенія въ отечество государство помогаетъ ссыльному осуществить это право. Всѣ такіе ссыльные перевозились въ отечество на казенный счетъ. Изъ общаго числа 21.248 чел., сосланныхъ въ Гвіану до 1875 г., возвращено правительствомъ на родину 3.637 чел., и было бы возвращено гораздо болѣе, если бы не огромное число умершихъ. Но губернаторское постановленіе 3 февраля 1869 г., развивая полученныя изъ Парижа мысли, провело тотъ взглядъ, что государство обязано перевозить на свой счетъ въ отечество только ссыльныхъ, поступившихъ на основаніи декретовъ и прежнихъ узаконеній, незнавшихъ ссылки; что, наоборотъ, осужденные уже послѣ изданія закона 1854 г. этимъ правомъ воспользоваться не могутъ, и если пожелаютъ возвратиться на родину, то переѣздъ долженъ падать на ихъ собственный счетъ.

Во второмъ случаѣ, если ссыльный пожелаетъ остаться въ колоніи или не въ состояніи выѣхать изъ нея, онъ поступаетъ въ состояніе *résidants volontaires*, освобождается отъ военно-уголовной подсудности, но продолжаетъ еще подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ со стороны общей администраціи. Ограниченія эти вызваны частью дѣйствующими только въ колоніи правилами, частью общимъ закономъ о полицейскомъ надзорѣ. Неблагопріятнымъ для гвіанской ссылки признакомъ было то обстоятельство, что ограниченія эти мѣстная администрація вынуждена расширять болѣе и болѣе, и, соотвѣтственно этому, пребываніе въ пенитенціаріяхъ становилось не рѣдкимъ исключеніемъ, какъ слѣдовало бы при системѣ колонизаціонной, а общимъ правиломъ.

На основаніи регламента 1859 г., изъявленіе желанія остаться въ колоніи дѣлается на срокъ не менѣ двухъ лѣтъ¹⁾; изъявивъ это желаніе, ссыльный подвергается всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя имѣютъ мѣсто по отношенію къ освобожденнымъ, обязательно пребывающимъ въ колоніи, т. е. опеку директора пенитенціарныхъ заведеній и полицейскому надзору; онъ не обязанъ работою въ пользу государства и потому, въ отличіе отъ отбывающихъ наказаніе, можетъ самъ отыскивать хозяина, если пожелаетъ поступить въ услуженіе; но, въ качествѣ опекаемаго, наемъ онъ могъ заключить только съ вѣдома и разрѣшенія пенитенціарнаго начальства, получая отъ него *regmis* и рабочую книжку и поступая, при прекращеніи найма, снова въ его распоряженіе; въ этомъ случаѣ, а также при дурномъ поведеніи, онъ обращался не въ пенитенціарій, а въ особое, назначенное администраціею, мѣсто (*internement*)²⁾. Онъ подчинялся пенитенціарной инспекціи и обязывался не отлучаться съ того мѣста, на проживаніе въ которомъ было выдано *regmis*. подвергаясь, въ противномъ случаѣ, преслѣдованію за бродяжество. Находясь въ Каэннѣ, ссыльные не должны были появляться на улицахъ этого города послѣ 10 ч. вечера.

Въ 1866 г. постановлено, что, получивъ отъ пенитенціарнаго вѣдомства *regmis*, освобожденный поступаетъ подъ надзоръ общей администраціи, которая выдаетъ ему паспортъ. Въ 1869 г., когда отмѣнено даровое *repatriement*, тѣхъ изъ освобожденныхъ, которые изъявили желаніе остаться въ колоніи, по истеченіи года хорошаго поведенія постановлено совершенно вычеркивать изъ списковъ пенитенціарнаго вѣдомства и предоставить имъ права свободныхъ рабочихъ, находящихся, однако, подъ полицейскимъ надзоромъ; при этомъ смягчено внимательство пенитенціарнаго начальства въ договоры найма, и на мѣсто особаго разрѣшенія его поставлено требованіе поручительства.

Но такъ какъ это выгодное положеніе могло наступить только послѣ годичнаго срока правильныхъ занятій, то со стороны жителей Каэнны высказано было опасеніе, что, для приисканія занятій, ссыльные освобожденные массами двинутся въ этотъ городъ и поколеблютъ его безопасность. Назначена была особая коммисія, выработавшая новое для нихъ положеніе; его главныя начала суть: 1) освобождаемый можетъ, если пожелаетъ, остаться въ пенитенціаріи для работъ, заключивъ установленнымъ порядкомъ договоръ найма съ пенитенціарною администраціею; 2) освобожденный,

¹⁾ Регламентъ 16 дек. 1859 г. art. 18—20.

²⁾ Такихъ мѣстъ, впрочемъ, въ Гвіанѣ устроено не было и ихъ замѣняли общія тюрьмы.

который окажется неизбѣющимъ правильныхъ занятій, преслѣдуется какъ бродяга и заключается въ пенитенцарій, но уже на режимъ обязательныхъ работъ; 3) освобожденный, который, по истеченіи срока перваго договора найма, не найдетъ мѣста не смотря на всѣ поиски, можетъ быть принятъ для оплачиваемыхъ администраціею работъ въ пенитенцарныя мастерскія; и 4) освобожденные больные и неизлечимые поступаютъ въ пенитенцарныя госпитали.

Итакъ, начинаясь тюрьмою, ссылка гвіанская ею же и заканчивается. До самаго послѣдняго момента, французское правительство несетъ бремя содержанія ссыльнаго въ колоніи, до самаго послѣдняго времени оно не только не могло ограничить право ссыльнаго требовать отъ него труда (*droit au travail*), но должно было даже сдѣлать это право заключительнымъ звѣномъ системы ссылки.

Трудъ освобожденныхъ, даваемый имъ правительствомъ, распадается на трудъ мастеровой и трудъ земледѣльческой, на правахъ концессионеровъ.

Мастеровой трудъ дается освобожденнымъ какъ пенитенціаріями, такъ и различными иными административными вѣдомствами, причемъ онъ вознаграждается по таксамъ, напередъ установленнымъ. Вознагражденія эти прежде были весьма высоки, доходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ для освобожденныхъ до 3 фр. въ день; платя такія огромныя деньги, администрація имѣла въ виду содѣйствовать водворенію ссыльныхъ. Но опытъ убѣдилъ ее, что получаемыя ссыльными деньги, за исключеніемъ небольшой части, поступавшей въ кассу ссыльныхъ, расходовались совершенно непроизводительно (*follement dépensé*), почему постановленіемъ 10-го января 1868 г. рабочая плата освобожденнымъ значительно понижена.

Положеніе концессионеровъ губернаторское постановленіе 14-го ноября 1865 г. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Всякій ссыльный, получившій земельный участокъ въ округѣ Марони, обязывался въ теченіи 2-хъ лѣтъ выстроить на немъ домъ и расчистить почву, получая въ это время пищу и земледѣльческія орудія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что нынѣ хижина строится и почва расчищается трудомъ пенитенцарныхъ отрядовъ. Ссыльный, за которымъ земельный участокъ будетъ закрѣпленъ окончательно, въ случаѣ выѣзда изъ колоніи, можетъ продать его, но самъ долженъ найти покупателя. Однако, и при окончательномъ приобрѣтеніи земельного участка, права его не были достаточно крѣпки, такъ какъ пенитенцарная администрація могла лишить ссыльнаго освобожденнаго пожалованнаго ему участка, въ случаѣ неисполненія совѣтовъ о способахъ его воздѣлыванія, лѣности, пьянства, дерзкаго обращенія, судебного приговора, побѣга, сокрытія бѣглыхъ

и оказанія помощи людямъ, ведущимъ неправильную жизнь или преслѣдуемымъ за тяжкія преступленія.

Для облегченія водворенія ссыльныхъ, въ Гвіанѣ существуетъ ссыльная касса (*caisse de la transportation*), въ которую поступаетъ узаконенная часть слѣдующаго ссыльнымъ вознагражденія. Ссылный, имѣющій въ кассѣ достаточную сумму, можетъ, по освобожденіи отъ наказанія, открыть самостоятельное производство, не пріискивая поручителя. Кромѣ того, въ области Марони образована касса добровольныхъ взносовъ (*caisse des depots volontaires*), служащая той же цѣли.

Придавая труду земледѣльческому большее колонизаціонное значеніе, чѣмъ труду мастеровому, и желая увеличить пользу его, администрація заботится объ устройствѣ ссыльныхъ въ семейства, облегчивъ заключеніе браковъ, принявъ на свой счетъ перевозку семействъ ссыльныхъ и гарантируя прибывшимъ женщинамъ и дѣтямъ пищевое довольствіе. Семьи устраиваются или въ порядкѣ союза супружескаго, или въ порядкѣ союза родственнаго. Но этому благу пожеланію всегда препятствовалъ недостатокъ женщинъ. Число отдѣльныхъ хозяйствъ, принадлежавшихъ концессионерамъ, никогда не было болѣе 200.

Если ссылный велъ себя дурно, то администрація оставляла его на обязательныхъ пенитенціарныхъ работахъ до конца срока приговора, и даже съ наступленіемъ его могла отказать ему въ дозволеніи покинуть пенитенціарій. Кромѣ того, за проступки дисциплинарные они подлежали тѣлеснымъ и инымъ наказаніямъ по распоряженію ближайшаго начальства, а за преступленія болѣе тяжкія, по постановленію военно-судныхъ комиссій, съ нимъ примѣняются наказанія болѣе строгія, именно: заключеніе въ тюрьмѣ, наказанія тѣлесныя, *réclusion*, каторжныя работы на срокъ и пожизненно, закованіе попарно въ оковы и смертная казнь. Наказанія эти примѣнялись весьма часто.

На высокую преступность ссыльныхъ жалуются населеніе и мѣстная администрація. Этимъ именно обстоятельствомъ вызвано губернаторское постановленіе 26-го декабря 1872 г., которымъ вводится болѣе строгій порядокъ дисциплинарнаго содержанія провинившихся. Въ противоположность нормальному порядку въ пенитенціаріяхъ (*péloton ordinaire*), для исключенныхъ изъ нихъ за проступки введены три дисциплинарные отряда: отрядъ карательный (*péloton de punition*), для ссыльныхъ политическихъ и освобожденныхъ, обязательно пребывающихъ въ колоніи; отрядъ исправительный (*péloton de correction*), для ссыльно-каторжныхъ и *reclusionneurs*; онъ подраздѣляется на *section des épreuves* и *s. des indociles*; и отрядъ

двойной цѣпи (*peloton de la double chaîne*), для виновныхъ въ побѣгахъ до истеченія обязательнаго срока работъ и тѣхъ непокорныхъ, которыхъ не можетъ усмирить пребываніе въ исправительномъ отрядѣ. Между собою и отъ нормальнаго порядка эти отряды отличаются продолжительностью и тяжестью работъ, заключеніемъ въ свободное отъ работъ время, уменьшеною порціею пищи, преимущественно горячаго и вина, одеждою и наложеніемъ цѣпей.

Опредѣлить въ точности бюджетъ гвіанской ссылки за все время ея существованія представляется невозможнымъ, такъ какъ расходы на ссылку гвіанскую и новокаледонскую показаны нераздѣльно. Въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ (1852—1861), когда высылка въ Новую Каледонію еще не практиковалась, французскому государственному казначейству ссылка стоила $29\frac{1}{2}$ мил. фр.; въ слѣдующее десятилѣтіе (1862—1871), цифра эта поднялась до $47\frac{1}{2}$ мил. фр., а въ послѣдніе годы ссылка обходится отъ 5 до $5\frac{3}{4}$ мил. фр. ежегодно¹⁾. Неизвѣстно, сколько изъ этой огромной цифры приходится на Каледонію и сколько на Гвіану. По заявленію адмирала Фуришона, бывшаго гвіанскимъ губернаторомъ, въ 1853 г. каждый ссыльный Гвіаны стоилъ 1.000 фр. въ годъ²⁾, т. е. почти въ десять разъ болѣе, чѣмъ прежде стоили арестанты *bagnes*. По другому, болѣе скромному вычисленію, даваемому горячимъ партизаномъ ссылки, Мишо, расходы на каждого ссыльнаго въ Гвіанѣ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: перевозка около 400 фр., годовое содержаніе 448 фр., не считая расходовъ на военную стражу и администрацію³⁾. Огромность издержекъ находитъ одно изъ объясненій въ томъ, что почти всѣ предметы продовольствія, необходимыя для ссыльныхъ, приходилось доставлять изъ Европы, ибо Гвіана ихъ не производитъ. Въ теченіи всего своего существованія, гвіанская ссылка успѣла доставить государству трудомъ ссыльныхъ имуществовъ только до 7.000.000 фр.; но изъ этой цифры болѣе 3.000.000 фр. считается на имущества недвижимыя, а оцѣнка результатовъ ссыльнаго труда, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ неоспоренныхъ заявленій, дѣлается выше ея дѣйствительной стоимости.

III. Ссылка въ Новую Каледонію. Печальное состояніе гвіанской ссылки побудило французское правительство искать другихъ пунктовъ для преступниковъ. Новокаледонскій архипелагъ, занятый Франціею въ концѣ 1853 г., обратилъ на себя его вниманіе; еще въ 1863 г., отъ кредита гвіанской ссылки отдѣлено

¹⁾ Notice sur la transp. 1877, стр. 190.

²⁾ Enquête parlementaire, I, 271.

³⁾ Enquête parlementaire, VI, 473.

500.000 фр., для того, чтобы испробовать здѣсь штрафную колонизацію.

Этотъ выборъ оказался несравненно болѣе удачнымъ. Архипелагъ состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ коралловаго происхожденія, лежащихъ въ Океаніи, между 20 и 22° южной широты, 162 и 167° долготы. Къ западу отъ него лежитъ Австралія, къ югу Новая Зеландія, къ сѣверо-востоку Гебридскіе острова. Хотя Каледонія находится близъ тропическаго пояса, но климатъ ея легче переносится европейцами, а ея почва способна къ произрастанію злаковъ и огородины. Туземное населеніе архипелага, канаки, находилось на первобытной ступени и не представило серьёзныхъ затрудненій для французской власти.

Самый большой изъ острововъ архипелага, Новая Каледонія, при незначительной ширинѣ, имѣетъ около 80 льё въ длину, по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ. Юго-западная окраина его испещрена многими довольно удобными бухтами, между ними бухта Прони на южной оконечности острова, и гавань главнаго города Каледоніи, Нумеа.

Новокаледонская ссылка появляется, какъ отпрыскъ ссылки гвіанской. Оттого-то въ основаніе ея легъ режимъ, выработавшійся въ послѣдней. Но такъ какъ условія колонизаціи въ Новой Каледоніи оказались гораздо благоприятнѣе, то дѣло спорилось здѣсь быстрѣе и не пришлось тратить времени на перекочевки съ однихъ пунктовъ на другіе. Мѣста, занятія штрафною колонизаціей при началѣ ея, сохраняются за нею и до послѣдняго времени. Непрерываемая въ своей дѣятельности заботами и опасеніями санитарными, администрація могла здѣсь съ большимъ спокойствіемъ сосредоточить свое вниманіе на задачахъ работы и колонизаціи. Близкое сосѣдство Австраліи, ставшей цвѣтущею страной изъ незначительнаго штрафнаго высылка, поощряло ея энергію.

Декретъ 3 сентября 1863 г. постановилъ, что „въ Новой Каледоніи могутъ быть устроены учрежденія для исполненія каторжныхъ работъ“. Первый транспортъ съ 250 такихъ ссылныхъ, обязанныхъ пожизненнымъ пребываніемъ въ колоніи, вышелъ изъ Тулона 2 января 1864 г.; въ Нумеа онъ прибылъ 9 мая; этотъ транспортъ былъ составленъ, по особенному выбору, изъ людей, наиболѣе здоровыхъ и свѣдущихъ въ мастерствахъ, такъ какъ онъ предназначался для производства на мѣстѣ предварительныхъ сооружений, необходимыхъ для помѣщенія ссылныхъ въ Новой Каледоніи. Прибывшіе высадились на островкѣ Ну, и вскорѣ здѣсь были построены ими бараки, склады, госпиталь и часовня. Слѣдующій транспортъ вышелъ изъ Франціи 6 января 1866 г., и

такъ какъ въ теченіи истекшаго года санитарное состояніе ссыльныхъ было весьма удовлетворительно, то ссыльные транспорты начали прибывать одинъ за другимъ. Къ приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ во Франціи присоединились приговоренные къ этому наказанію въ ближайшихъ колоніяхъ, а также реклюзіонеры ихъ, но число послѣднихъ было совершенно ничтожно. Къ женщинамъ каледонская ссылка относилась такъ же, какъ и гвіанская: въ виду того, что законъ 1854 г. предоставлялъ администраціи право ссылать осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ женщинъ, не возлагая на нее ссылки ихъ въ видъ обязанности, администрація примѣняла ссылку тѣхъ только женщинъ этой категоріи, которыя изъявили на то свое согласіе. Но, кромѣ того, въ каледонской ссылкѣ появляются и женщины, приговоренныя къ другимъ наказаніямъ, также при изъявленіи ими на то согласія. Подъ конецъ 1875 г., въ Новую Каледонію поступило ссыльныхъ всѣхъ этихъ различныхъ категорій 7.808 чел., изъ нихъ 7.648 мужчинъ и 160 женщинъ; изъ мужчинъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, европейцевъ было 7.260 чел., каторжниковъ колоніальныхъ 382 чел., а *reclusionneur*'овъ всего 6 человѣкъ. Такимъ образомъ, каледонская ссылка образовалась изъ элементовъ, гораздо болѣе однородныхъ, чѣмъ ссылка гвіанская.

Кромѣ острова Ну, самаго строгаго пункта каледонской ссылки, прибывавшіе сюда ссыльные размѣстились въ рабочихъ отрядахъ (*camps*), на работахъ у частныхъ лицъ и административныхъ вѣдомствъ и въ земледѣльческихъ учрежденіяхъ Бурайль, Урайль, Канала и Ягуэ, изъ которыхъ два первыхъ лежатъ на юго-западномъ берегу острова, образцовая ферма Ягуэ — подлѣ Нумеа, а Канала на сѣверо-западъ отъ нея. Изъ нихъ ферма Ягуэ, предназначавшаяся прежде для ссыльныхъ, отбывающихъ наказаніе, съ теченіемъ времени стала временнымъ мѣстопробываніемъ освобожденныхъ. Канальскій пенитенціарій, устроенный для неисправимыхъ, получилъ затѣмъ значительное развитіе, производя, главнымъ образомъ, рисъ, манисъ и кофе. Бурайль, главный центръ сельскохозяйственныхъ работъ и концессионеровъ, занимается по преимуществу производствомъ сахарнаго тростника, и для облегченія сбыта его администрація заключила договоръ съ частнымъ лицомъ, которое устроило по близости сахароваренную мастерскую; но надежды на акклиматизацію здѣсь этого растенія въ послѣднее время ослабли, вслѣдствіе частыхъ наводненій, и потому тамъ усиливается разведеніе другихъ растеній. Въ Бурайлѣ находится пенитенціарій, обрабатывающій около 170 гектаровъ земли и, кромѣ того, концессионеры обрабатываютъ около 100 гектаровъ.

Изъ Урайля нынѣ ссыльные переведены въ Фонвари, находящійся въ нѣсколькихъ отъ него верстахъ и стоящій на лучшей почвѣ; здѣсь стараются акклиматизировать табакъ, сандалъ, ваниль, хину и другія растенія. Многие ссыльные обращаются на работы мастеровыя; въ пенитенціаріѣ Ну и въ другихъ мѣстахъ есть самыя разнообразныя мастерскія; у бухты Прони устроена обширная мастерская для эксплуатаціи лѣса, на 110 человекъ. Роты (camps) производятъ работы публичныя — сооруженіе дорогъ, поддержаніе ихъ и т. п.; такихъ ротъ насчитывается около 20.

Помимо штрафной колонизаціи, французское правительство для Новой Каледоніи рассчитываетъ и на эмиграцію, которую оно старается облегчить, гарантируя ей трудъ ссыльныхъ. Ссылкѣ отведена сѣверо-западная часть острова, отъ Урайля до Бурайля и Каналы, а эмиграціи преимущественно рекомендуется югъ и востокъ. Но здѣсь нѣтъ того рѣзкаго раздѣленія между ссыльными и свободнымъ населеніемъ, какъ въ Гвіанѣ. Общественная жизнь развивается здѣсь болѣе и болѣе; въ 1876 г. въ Нумеа могли уже устроить значительную выставку, по преимуществу изъ произведеній ссыльныхъ.

Съ 1874 г., Новая Каледонія имѣетъ особаго директора пенитенціарнаго управленія, стоящаго во главѣ общей и политической ссылки, назначаемаго центральнымъ правительствомъ и, хотя подчиненнаго губернатору, но пользующагося значительною самостоятельностью по дѣламъ своего вѣдомства. При немъ состоитъ канцелярія, а въ каждомъ пенитенціарѣ, какъ и въ Гвіанѣ, состоятъ комендантъ и иныя должностныя лица; отношеніе служебнаго персонала къ числу ссыльныхъ составляетъ здѣсь $\frac{1}{20}$.

Подобно тому, какъ въ Гвіанѣ, и въ Новой Каледоніи отъ ссыльно-рабочихъ отличаются ссыльно-освобожденные. Но раздѣленіе на классы здѣсь гораздо точнѣе; уже губернаторское постановленіе 1865 г. установило между ссыльно-рабочими четыре послѣдовательные класса, въ видахъ поощренія ихъ къ труду и хорошему поведенію; мысль эта легла въ основаніе закона 18 іюня 1880 г., который дѣлитъ ссыльныхъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, на 5 послѣдовательныхъ классовъ. По прибытіи въ колонію, рецидивисты помѣщаются въ самый низшій, пятый классъ, а прочіе — въ четвертый; тѣ и другіе употребляются на самыя тяжкія работы и не получаютъ за свой трудъ никакого вознагражденія, но ссыльнымъ 4-го класса, въ случаѣ хорошаго поведенія и удовлетворительности работъ, два раза въ недѣлю можетъ быть разрѣшаема порція вина. Въ третьемъ классѣ, ссыльные употребляются на общественныя работы и могутъ получать вознагражденіе

съ особаго разрѣшенія губернатора и директора пенитенціарнаго управленія, по представленію начальника того вѣдомства, для котораго работы были произведены. Съ переводомъ во 2-й классъ, ссыльные употребляются или на земледѣльческія работы, производимыя пенитенціарною администраціей, или на общественныя работы, производимыя за счетъ государства или колоніи, и получаютъ вознагражденіе за трудъ уже въ видѣ общаго правила. Наконецъ, ссыльные 1-го, самаго высшаго класса, могутъ по желанію или а) получить въ концессию земельный участокъ, или б) получить разрѣшеніе служить у жителей колоніи, на такихъ условіяхъ и за такое вознагражденіе, которыя опредѣляются губернаторомъ въ его совѣтъ по предложенію директора пенитенціарнаго управленія, или в) быть употребляемыми на работы казенныя (*services publics*) въ качествѣ начальниковъ мастерскихъ или лѣсопилень, съ опредѣленіемъ имъ самаго высшаго вознагражденія. Послѣ этого класса наступаетъ освобожденіе отъ наказанія (*libération*).

Освобожденные отъ каторжныхъ работъ ссыльные Новой Каледоніи могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: лучшихъ и худшихъ. Къ первымъ относятся тѣ, которые оказались въ силахъ устроить свое существованіе или работами у правительства, или работою по найму, или сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ концессионеровъ, или, наконецъ, открытіемъ самостоятельнаго промысла; во вторымъ принадлежатъ ссыльные, которые вели себя дурно и остаются на попеченіи правительства, помѣщающаго ихъ въ особыя помѣщенія (*dépôts spéciaux*). Освобожденные дряхлые и неспособные къ работѣ направляются въ особыя пріюты (*asiles*).

Ссыльные освобожденные въ Новой Каледоніи составляютъ около $\frac{1}{5}$ общаго числа ссыльныхъ, проживающихъ обязательно въ этой колоніи; изъ общаго числа ссыльныхъ, въ услуженіи у частныхъ лицъ находится 11,24%, въ томъ числѣ: изъ отбывающихъ наказаніе около 4%, изъ освобожденныхъ около половины; отношенія эти гораздо благопріятнѣе существующихъ въ Гвіанѣ.

Число концессионеровъ въ средѣ ссыльныхъ освобожденныхъ Новой Каледоніи представляется ничтожнымъ, именно въ 1873 г. всего 34, въ 1874 г. 56, въ 1875 г. 74; мѣстныя власти обясняютъ это обстоятельство складомъ первыхъ ссыльныхъ транспортовъ, состоявшихъ почти исключительно изъ мастеровыхъ. Хотя жизнь въ пенитенціаріяхъ для ссыльныхъ Каледоніи не столь исключительна, какъ для ссыльныхъ Гвіаны, но и здѣсь до настоящаго времени она является общимъ правиломъ, изъ котораго для ссыльныхъ, отбывающихъ наказаніе, пребываніе внѣ пенитенціарія составляетъ весьма рѣдкое исключеніе; истеченіемъ срока наказанія

не оканчивается содержаніе ссыльных на счетъ государства; напротивъ, и въ Каледоніи значительный процентъ освобожденныхъ (хотя и меньшій, чѣмъ въ Гвіанѣ) казна вынуждена оставлять на своемъ продовольствіи¹⁾.

Санитарное состояніе каледонской ссылки представляется болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ ссылки гвіанской: въ нѣкоторые годы оно даже было лучше состоянія французскихъ тюремъ. Смертность колеблется здѣсь между 2 и $5\frac{1}{2}\%$, но число дней, проведенныхъ въ больницахъ, въ общемъ числѣ дней ссыльных, составляетъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}\%$, а въ отношеніи къ числу дней, дѣйствительно посвященныхъ ссыльными работамъ всякаго рода, около 6%.

Бюджетъ каледонской ссылки, какъ и гвіанской, не можетъ быть опредѣленъ въ точности. Средняя стоимость ежегоднаго содержанія каждаго ссыльнаго обходится здѣсь, по вычислениямъ Мишо, въ 381 фран., за вычетомъ расходовъ на перевозку, составляющихъ до 900 фр. на человѣка, и расходовъ на содержаніе войска.

IV. Депортація въ Новую Каледонію. Англія въ практикуемыхъ ею наказаніяхъ не дѣлаетъ различія по роду преступленій осужденныхъ, принимая во вниманіе только карательную ихъ важность. Иначе поступаетъ французское законодательство. Для преступленій политическихъ оно вводитъ совершенно особую лѣстницу наказаній, во главѣ которой стоитъ депортація, соответствующая каторжнымъ работамъ за общія преступленія и, подобно этому наказанію, распадающаяся на двѣ степени.

Парижская коммуна доставила въ руки правительства весьма значительное число инсургентовъ. Въ виду того, что на Маркизскихъ островахъ постройки успѣли уже разрушиться, что Валтагу и Нукагива были весьма недостаточны по пространству, начались розыски новыхъ мѣстъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и для депортаціи остановились на Новой Каледоніи, именно для депортаціи въ укрѣпленное мѣсто полуостровъ Дюкосъ, а для депортаціи простой — островъ Сосень (Pins), съ тѣмъ, что, въ случаѣ нужды, администраціи дозволялось пополнить его островомъ Магѣ.

Первые транспорты депортированныхъ появились въ Новую Каледонію въ 1872 г.; трудомъ солдатъ и ссыльных, для помѣщенія ихъ сооружены необходимыя зданія. Къ концу этого года было уже доставлено 1.131 чел., слѣдующій годъ далъ 1.440 чел., въ томъ числѣ 20 женщинъ; до конца 1876 года прибыло

¹⁾ „Trop souvent, справедливо замѣчаетъ Гольцендорфъ (le congrès pén. de Stockholm; стр. 19 приложения), la déportation aboutit au privilège du condamné élargi d'être nourris aux dépens de l'administration“.

всего 3.900 чел., изъ которыхъ 888 предназначались для депор-
таціи въ пунктъ укрѣпленномъ и 3.012 чел. для депортаціи про-
стой. Въ числѣ прибывшихъ, осужденныхъ женщинъ было 20, изъ
нихъ 7 для первой степени депортаціи и 13 для простой депор-
таціи. Большинство депортированныхъ было въ возрастѣ отъ 22
до 40 лѣтъ, холостые, при невысокомъ образовательномъ уровнѣ и
многіе съ судебными прецедентами (рецидивистовъ около 40%).

Ихъ положеніе въ колоніи по законамъ 1872 и 1873 г.
опредѣлилось такъ: депортированные первой степени подчинены
казарменно-военному складу жизни, получали солдатскій паекъ и
подлежали лишенію правъ; депортированные второй степени устраи-
вались на правахъ поселенцевъ, съ надзоромъ администраціи. Тѣ и
другіе не были обязаны работать, и бездѣлье ихъ, особенно на
Дюкозѣ, гдѣ было сконцентрировано значительное ихъ число, при-
водило къ постояннымъ беспорядкамъ; не возлагая обязанности труда,
правительство по отношенію къ депортированнымъ приняло на себя,
въ случаѣ желанія ихъ, доставлять имъ работу, и такъ какъ сво-
боднаго населенія въ мѣстахъ депортаціи не было, то осуществленіе
этой обязанности сопряжено было съ большими трудностями; при-
томъ, депортированные, въ виду такого рѣшенія вопроса, получали
то самое право на трудъ, за которое они безуспѣшно боролись въ
отечествѣ и подверглись тамъ за это наказанію. Поведеніе депорти-
рованныхъ вызывало постоянныя жалобы; пьянство, буйство и пре-
ступность среди нихъ были весьма распространены. Малоуспѣшность
водворенія депортированныхъ обусловливалась и тѣмъ еще обстоятель-
ствомъ, что они не вѣрили въ прочность состоявшаго о нихъ при-
говора. И въ самомъ дѣлѣ, путемъ частныхъ помилованій, до 1876 г.
освобождено изъ депортаціи почти 200 чел., а въ 1880 г., по
настоянію Гамбетты, состоялось общее помилованіе, которымъ былъ
положенъ конецъ депортаціи въ Новую Каледонію. Мѣстное на-
чальство вздохнуло свободнѣе, освободившись отъ этого безпокой-
наго элемента, оказывавшаго крайне вредное вліяніе и на поведеніе
общихъ ссыльныхъ.

Съ 1872 по 1875 г. на депортацію было издержано почти
33.000.000 фр., т. е. каждый депортированный въ теченіи этого
времени обошелся государству отъ 9.000 до 10.000 франковъ, а
въ одномъ 1875 г.—1.945 фр. Въ основаніи депортаціи всегда
лежалъ исключительно мотивъ безопасности метрополи; съ особенною
силою онъ проявлялся для высланныхъ на полуостровъ Дюкозъ, ко-
торый всецѣло превратился въ тюрьму; но дѣйствіе этого мотива
сказывалось и на депортированныхъ острова Сосенъ, бывшаго для
нихъ не мѣстомъ водворенія, а мѣстомъ заточенія.

§ IV. Ссылка русская.

I. Московскій період¹⁾. Историческія судьбы русской ссылки представляют высокій интерес во многих отношеніяхъ. Издавна и въ значительныхъ размѣрахъ примѣняется она въ нашемъ отечествѣ; выходя за предѣлы задачъ карательныхъ, у насъ она нерѣдко ставила себѣ болѣе широкія задачи внутренней и даже вѣшной политики, становясь средствомъ занятія чуждыхъ мѣстностей, мѣрою заселенія и усмиренія вновь присоединявшихся къ государству областей и мѣрою текущаго управленія. Непрерывно примѣняясь уже въ теченіи трехъ столѣтій, ссылка появляется и держится скромною дѣятельностью практики, независимо, а нерѣдко и вопреки предначертаніямъ громкихъ памятниконъ общаго уголовного законодательства, порою совершенно ее игнорировавшихъ. Она восторжествовала надъ иноземными вліяніями, столь глубокими въ нашей жизни со временъ петровскихъ, и представляетъ собою одинъ изъ весьма немногихъ національныхъ институтонъ нашего уголовного права, сложившихся всецѣло на почвѣ русскихъ потребностей и русскихъ условій.

Не въ общихъ памятникахъ нашего уголовного законодательства нужно искать опредѣленія о ссылкѣ. Ее не знаютъ судебники, карательная система которыхъ построена на иныхъ мѣрахъ. Въ дополнительномъ указѣ 1582 г. ко 2 судебнику впервые упоминается ссылка въ казаки въ украинные города (Сѣвскъ, Курскъ и иные) за ложь въ жалобницѣ и судѣ, за составъ и крамолу дѣтей боярскихъ при ябедничествѣ, причемъ ссылка опредѣляется не какъ наказаніе, а какъ послѣдствіе наказанія торговою казнью²⁾. Молчать о ссылкѣ и уставная книга разбойнаго приказа 1631 г.³⁾. И она, и соборное уложеніе опредѣляютъ за дѣянія, гдѣ по указу 1582 г. положена ссылка, инья взысканія⁴⁾. Но уже соборное уложеніе вынуждается упомянуть о ссылкѣ въ одиннадцати случаяхъ⁵⁾,

¹⁾ Фойницкій, Управленіе ссылки (Об. Гос. Зн., т. V); Анучинъ, Изслѣд. о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь, 1873; Максимовичъ, Рѣчь объ угол. наказаніяхъ; Шалфѣевъ, Объ устав. книгѣ разб. приказа, 1868; Сергѣевскій, О ссылкѣ въ древней Россіи, 1887.

²⁾ А. И. I, № 54, п. XX.

³⁾ А. И. III, № 167; ин. мн. Шалфѣевъ, объ уставной книгѣ, стр. 30—33; но приводимая имъ ст. 38 уст. кн. о наказанія второй татьбы, устанавливаетъ не ссылку и даже не изгнаніе послѣ торговой казни, а торюму („покинуть“); при другомъ толкованіи особыя постановленія о третьей и четвертой татьбахъ были бы непонятны.

⁴⁾ Соб. улож. гл. X, ст. 186—188, 252; гл. XVI, ст. 26; гл. XVII, ст. 36.

⁵⁾ Соб. улож. гл. X, ст. 128, 198; гл. XIX, ст. 13; гл. XXI, ст. 9, 10, 12, 13, 14, 16; гл. XXV, ст. 3, 16.

хотя и по уложенію ссылка не составляет наказанія, а лишь послѣдствіе наказанія¹⁾; она опредѣляется послѣ торговой казни, а для татей и разбойниковъ ей, сверхъ того, предшествовало членовредительное наказаніе и срочное заключеніе въ тюрьмѣ съ обязанностью исполнять въ кандалахъ работы на Государя; уложеніе назначаетъ ссылку или „куда Государь укажетъ“, или въ украинныя города безъ опредѣленія ихъ, и только въ одномъ случаѣ (для посадскихъ тяглыхъ людей, выдававшихъ себя за крестьянъ и закладывавшихся частнымъ владѣльцамъ) опредѣляетъ ссылку въ Сибирь на Лену на житье.

Въ дѣйствительности, однако, ссылка вообще и въ частности ссылка сибирская была у насъ весьма распространена уже до соборнаго уложенія. Мѣста, для нея избиравшіяся, были въ высшей степени разнообразны. Въ половинѣ XVI в. князь Воротыинскій съ семьею сосланъ на Бѣлоозеро; тамъ же въ началѣ XVII ст. находились жены братьевъ Романовыхъ, сосланныхъ по боярскому приговору одинъ въ Пелымъ, другой въ Яранскъ; при Годуновѣ князь Черкасскій сосланъ въ Малмыжъ, но всего чаще мѣстомъ ссылки въ XVII ст. были Астрахань и затѣмъ Сибирь. Одними изъ раннихъ невольныхъ обитателей Сибири, но далеко не первыми, были угличане и угличкій колоколь до нынѣ находящійся въ Тобольскѣ. Въ 1614 г. на Верхотурье черезъ Пермь посланы опальные измѣнники литовскіе люди (А. И. III, 7); въ 1639 г. отправлены въ Сибирь съ Москвы и Нижняго 18 тюремныхъ сидѣльцевъ, татей и разбойниковъ (одинъ условно, если порукъ не представитъ), съ женами и дѣтьми; верхотурскому воеводѣ предписывалось принять и двинуть ихъ дальше, въ Тобольскъ (А. И. III, 205); уже къ 1625 г. въ Верхотурьѣ прежняя нужда въ людяхъ уменьшилась и выяснилась новая нужда, въ земляхъ, столь настоятельная, что для контроля за надѣломъ земель заведены дозорныя книги, которыя велѣно присылать на Москву, предписаны передѣлы (А. И. III, 138), а съ 1632 г. вынуждены были лучшихъ малонадѣленныхъ пашенныхъ крестьянъ перевести отсюда къ Томску (А. И. III, 172). Наканунѣ изданія соборнаго уложенія, въ Кузнецкомъ острогѣ было такъ много холостыхъ ссыльныхъ, воровъ и мошенниковъ, которыхъ велѣно было устроить на пашню, что правительство заботится уже о разрѣшеніи женскаго вопроса, сознавъ невозможность успѣшной ссылки безъ семьи (А. И. IV, 27). Изъ

¹⁾ Что ссылка по соборному уложенію разсматривалась не какъ наказаніе, доказывается постановленіемъ его, по которому ссылаемымъ татамъ выдавалось за дьячею подписью удостовѣреніе о томъ, что „онъ за воровство урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ“.

разсмотрѣнных мною въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣлъ Сибирскаго приказа вытекаетъ, что уже въ первой четверти XVII ст. ссыльная система успѣла стать у насъ твердою ногою, примѣнялась къ людямъ извѣстныхъ категорій, или за вины, или безъ вины, для препровожденія ссыльныхъ существовали установленныя приемы, опредѣлились даже цифра довольствія ихъ въ пути и по прибытіи и способы размѣщенія ихъ.

Проникала къ намъ ссылка разными путями. Не будучи первоначально наказаніемъ, она примѣнялась какъ мѣра опалы, какъ мѣра милости, какъ мѣра безопасности, и какъ способъ текущаго управленія. Случаи ссылки по опалѣ въ нашей исторіи неоднократны. Ссылка какъ милость всего раньше начала примѣняться, кажется, по отношенію къ военнопленнымъ. По суровому праву войны прежняго времени, ихъ жизнь и свобода принадлежали побѣдителю, который не зналъ имъ пощады; классическіе подвиги княгини Ольги, отнимавшей жизнь не столько у враговъ сражавшихся, сколько у враговъ побѣжденныхъ и сдавшихся, въ то жестокое время встрѣчали слово удивленія и одобренія, а отнюдь не слово порицанія. Пленныя, вязы, считались въ прежнее время холопами по плѣну, а въ Сибири только въ 1645 г. запрещено обращать некрещеный ясырь въ холопы¹⁾. Но общимъ образомъ уже въ XVI ст. устанавливается у насъ правило, по которому вязы принадлежатъ по плѣну не отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, а государству. Московскіе государи поняли, какую огромную пользу можно извлечь изъ плененныхъ по нашимъ границамъ черкасовъ, малоросовъ, литовскихъ людей и нѣмцевъ, и, даруя имъ жизнь, начинаютъ направлять ихъ въ восточныя окраины, преимущественно въ Астрахань и Сибирь, гдѣ имъ предоставлялось поступать на службу, а съ принятіемъ православія они получаютъ разныя льготы и увеличенное жалованье. Въ Астрахани въ XVII ст. было много ссыльныхъ иноземцевъ, между ними даже индѣйцы²⁾. Литву на государевой службѣ въ Сибири мы встрѣчаемъ уже съ XVI ст.³⁾; ихъ, а также другихъ военнопленныхъ иноземцевъ, по окраинамъ распредѣлялъ разрядъ⁴⁾. Въ Сибири въ XVII ст. мы находимъ полонениковъ поляковъ, нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ⁵⁾, въ числѣ настолько значительномъ, что въ 1626 г. заведено даже

¹⁾ А. И. I, 257 доп. ст. V, 17; XIII, 264. Доп. А. И. III, 62.

²⁾ Доп. А. И. VII, 55.

³⁾ А. И. II, 1, 3, 4 и мн. др.; А. Э. III, 219.

⁴⁾ Моск. Арх. М. Ю., столбцы Сиб. прик., № 6045, дѣла № 2 (къ 1620 г.).

⁵⁾ Доп. А. И. IV, 20.

особое дѣло о побѣгѣ многихъ изъ нихъ изъ Кузнецкаго острога ¹⁾. Примѣненіе ссылки какъ милости, начавшись съ военноплѣнныхъ, мало-по-малу распространено и на преступниковъ, приговоренныхъ за вины къ смертной казни; имъ даровалась жизнь и они направлялись въ тѣ или инныя окраины, но съ условіемъ, болѣе и болѣе выясняющимся на практикѣ, что за самовольный возвратъ и за новое на мѣстѣ ссылки преступленіе должны будутъ безотговорочно казнены смертью. Какъ мѣра безопасности, ссылка въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ примѣнялась къ жителямъ провинцій усмирненных или вновь присоединенныхъ; новгородцы и псковичи отдали ей дань; той же участи подверглись полочане: въ 1563 г. предписано было „не вдругъ, затѣя дѣла“, высылать ихъ изъ Полоцка во Псковъ, Новгородъ, Великіе Луки и на Москову „за шалости и сношенія съ литовскими людьми“, кто чего достоинъ ²⁾. Опасными считались въ московскій періодъ самовольно ходившіе за границу, и такихъ зарубежниковъ мы встрѣчаемъ въ сибирской ссылкѣ XVII в. Изъ грамоты туринскому воеводѣ Суздальцеву, отъ 1675 г. ³⁾, видно, что ссылка отдѣльныхъ лицъ, по мотивамъ безопасности, „за разныя измѣны и воровства“ по государевымъ указамъ, получила къ этому времени широкое развитіе, и такіе люди во множествѣ присылались въ Сибирь для расселенія по разнымъ городамъ, хотя параллельно съ этимъ практиковалось и прежнее средство заточенія въ монастырь. Наконецъ, ссылка примѣнялась и какъ средство текущаго управленія; къ ней прибѣгали въ случаяхъ, когда въ данной мѣстности для какихъ-нибудь надобностей встрѣчалась нужда въ людяхъ—ямщикахъ, пахаряхъ, плотникахъ, посадскихъ или служилыхъ людяхъ; мѣры, подобныя примѣненнымъ Петромъ I для первоначальнаго заселенія и устройства столицы, въ широкихъ размѣрахъ практиковались московскими правителями.

Мало-по-малу ссылка находить примѣненіе и къ людямъ преступнаго класса. Какъ частная милость, ссылка въ Сибирь назначалась уже до соборнаго уложенія; векорѣ послѣ его изданія появляются двѣ группы новыхъ законовъ: одни замѣняютъ для нѣкоторыхъ преступленій смертную казнь ссылкойю ⁴⁾, другіе опредѣляютъ ее за преступленія меньшей тяжести, такъ что ссылка различается, смотря потому, назначена ли она за смертныя или не за смертныя вины ⁵⁾.

¹⁾ Арх. Сибир. прик. столб. № 6054.

²⁾ А. И. I, 169.

³⁾ 1 Пол. Собр. З. № 562.

⁴⁾ 1 П. С. З. №№ 104, 343, 442.

⁵⁾ Это различіе оказывало вліяніе на участь ссылныхъ въ Сибири;

Передвиженіе ссыльныхъ въ московскій періодъ производилось небольшими партіями, съ карауломъ изъ особо назначавшихся на Москвѣ людей и съ препроводительными памятами къ воеводамъ тѣхъ городовъ, по которымъ они должны были слѣдовать. Кормиться, одѣваться и заботиться о подводѣ ссыльные первоначально должны были сами; частыя просьбы ихъ о кафтанишкѣ, шубейкѣ и кормовомъ жалованьишкѣ побуждаютъ затѣмъ правительство назначать путевое довольствіе общимъ образомъ. Въ 1696 г. въ Верхотурьѣ былъ построенъ особый дворъ со стоячимъ тыномъ, гдѣ велѣно ссыльныхъ держать до дальнѣйшаго указа; отсюда они распредѣлялись по сибирскимъ мѣстностямъ.

Передвиженіемъ ссыльныхъ въ Сибирь съ 1595 г. завѣдывалъ Сибирскій приказъ, которому оставались подвѣдомственны ссыльные и по прибытіи ихъ въ эту окраину. Мѣстные органы управленія ссылки были общіе административные органы — воеводы и ихъ товарищи; для строившихся на пашню существовали особые низшіе органы — ссадчики и приказчики.

Ссылка въ Сибирь первоначально имѣла тройкое назначеніе: въ тюрьму, въ города и въ службу. Въ тюрьму, по распоряженіямъ изъ Москвы, назначались важнѣйшіе изъ опальныхъ; ей же, по воеводскому усмотрѣнію, подлежали ссыльные по мотивамъ безопасности и ссыльные за вины, если отъ нихъ опасались худа. Въ города или въ посадъ назначались, главнымъ образомъ, ссылавшіеся въ большомъ числѣ по мотивамъ безопасности, но были между ними и ссыльные преступники; мѣстному начальству предписывалось распредѣлять участвовавшихъ въ одномъ дѣлѣ по разнымъ городамъ, причемъ болѣе виновные отправлялись въ города отдаленные или заключались въ тюрьму до указа, а менѣе виновные оставались въ городахъ ближайшихъ. Ссылка въ службу означала первоначально ссылку для исполненія всякихъ дѣлъ къ выгодѣ государевой, не исключая работъ пашенныхъ, которыя требовались для прокормленія мѣстнаго населенія и производились на государство; занятія назначались смотря по человѣку; затѣмъ происходитъ выдѣленіе отъ ссылки въ службу ссылки на пашню и на инныя работы физическія. Въ Сибирь ссылались на мѣстную службу гражданскую, духовную и военную; въ послѣднемъ случаѣ уже въ XVII ст. выдѣляется ссылка на границу (для военно-сторожевой службы, соединившейся иногда съ земледѣіемъ), положившая начало ссылкѣ на линіи,

ссыльные за смертныя вины при побѣгѣ казнились смертью, которая не полагалась въ иныхъ случаяхъ: 1 П. С. З. № 1430. Впрочемъ, и за побѣги при ссылкѣ за смертныя вины къ смертной казни прибѣгали неохотно, замѣняя ее ссылкойю въ болѣе отдаленные города на житье: 1 П. С. З. № 562.

которая существовала у насъ до 1826 г. Сосланные на пашню первоначально, получая отъ правительства жалованье и землю, должны были сдавать правительству всю жатву; съ теченіемъ времени начали довольствоваться взятіемъ отъ нихъ части жатвы, но жалованье отбѣнили. Когда хлѣбопашество было уже поставлено въ край твердо и встрѣтилась надобность въ иныхъ работахъ, именно въ разработкѣ ископаемыхъ богатствъ Дауріи, то на нихъ двинули предназначенныхъ на пашню.

Вообще девизомъ московской ссылки было помѣщеніе всѣхъ ссылныхъ къ опредѣленному чину и занятію ихъ, смотря по чело-вѣку. Люди праздные возбуждали сомнѣніе о своей благонадежности, почему воеводамъ предписывалось развѣдывать накрѣпко, не умышляютъ ли они чего дурнаго, поверстаннымъ въ службу и не принявшимся ни за какую работу отводить пашню, чтобъ они могли завести ее не въ тягость, а за ослушаніе наказывать, „чтобъ ко благополучному состоянію людей всѣхъ привести, къ доброму и христіанскому благоугодному житію“¹⁾. Другія задачи, которыя ставило правительство для ссылки, были: жить на сторожѣ отъ туземцевъ, содѣйствуя упроченію русскаго владычества въ занятыхъ областяхъ; искать государевой прибыли со всякимъ усердіемъ, между прочимъ работами ссылныхъ — пашенными, строительными, позднѣе и заводскими; и, кромѣ того, ссылка преслѣдовала еще задачу, намѣченную не правительствомъ, а самою жизнью — расширеніе территории русскаго государства. Эта поступательная ссылка составляетъ характеристическую черту московскаго періода; въ періодъ петербургскій правительство пытается подчинить ее своему вѣдѣнію, создавъ ссылку на линіи.

Наказанія ссылныхъ за новыя преступленія и побѣги опредѣлялись на основаніи соборнаго уложенія и дополнительныхъ узаконеній; послѣднія вводятъ для ссылныхъ, между прочимъ, ссылку въ болѣе отдаленныя мѣстности, съ предписаніемъ „сажать на пашню или въ работу, какъ пристойнѣе, по челоуѣку смотря“.

Ссылка московскаго періода была естественнымъ продуктомъ потребностей и условій русской гражданственности того времени; содѣйствуя безопасности метрополи, вмѣстѣ съ тѣмъ она вела къ расширенію границъ государства, упроченію русскаго господства на окраинахъ и обогащенію государевой казны. Правда, въ Сибири приходилась сталкиваться при этомъ съ разными трудностями, проистекавшими какъ отъ обширности сибирскихъ пространствъ, такъ и отъ отсутствія естественныхъ преградъ между Сибирью и Московскимъ

¹⁾ 1 Пол. Собр. Зак. № 1594, 1670 (ст. 16), 1822 и ин. др.

государствомъ. Побѣги, праздность и преступления ссыльныхъ уже издавна обращаютъ на себя вниманіе правительства. При этихъ условіяхъ требовалась твердая, порою даже суровая политика. Московское правительство слало своимъ воеводамъ наказы, предписывавшіе „добрыхъ отъ обидъ беречь, а злыхъ отъ всякаго зла унимать со всею жесточью, чтобъ на то смотря прочіе устрашились воровать“, „такимъ ворами отнюдь не спускать ни для чего, чтобъ ко благополучному житію людей всѣхъ привести“. Но успѣху ссылки могла повредить излишняя регламентація, и московское правительство тщательно избѣгаетъ ее, давая своимъ воеводамъ лишь указанія общаго свойства и отъкрывая имъ возможность сообразоваться съ особенностями каждаго случая; подробно опредѣлялось лишь положеніе важнѣйшихъ изъ опальныхъ ссыльныхъ. Неправильно мнѣніе, будто въ періодъ московскій ссылка была колонизаціонною, а позднѣе, съ Петра I, она подчиняется фискальнымъ цѣлямъ: съ одной стороны, сажаніе на пашню въ московскій періодъ преслѣдовало интересы государевой казны, смѣнившись, когда въ томъ представилась нужда, направленіемъ на рудничныя работы; съ другой, попытки правительственной колонизаціи никогда не предпринимались въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ именно въ періодъ петербургскій. Задачи московской ссылки были весьма разнообразны, но правительство преслѣдовало ихъ съ похвальною осторожностью и съ значительными успѣхами. Правда, успѣху сибирской ссылки содѣйствовали тогда многія обстоятельства. Во-первыхъ, рядомъ съ нею шла обширная свободная колонизація Сибири¹⁾. Пути правительству пролагались отважными дружинами вольныхъ людей; слѣдомъ за ними шли торговцы и вольные вѣходцы; обширный контингентъ служилыхъ дополнялъ это ядро первичнаго заселенія, въ которое незамѣтно вливался ссыльный элементъ, а органическому сліянію его съ остальнымъ населеніемъ содѣйствовало отсутствіе въ то время правопораженій для наказанныхъ. Во-вторыхъ, московское правительство не знало особой политики для штрафной ссылки, примѣняя къ ней тѣ же начала управленія, которыя выработались относительно прочей массы ссыльныхъ людей. Въ-третьихъ, Сибирь того времени нуждалась въ людяхъ и трудѣ всякаго рода, и ссыльные, въ большинствѣ случаевъ, имѣли возможность выбирать дѣятельность, которая наиболѣе соотвѣтствовала ихъ наклонностямъ и способностямъ.

¹⁾ Это движеніе въ Сибирь было такъ велико, что въ 1677 г. учреждены заставы въ Перми, Чердынѣ, Соликамскѣ и другихъ мѣстахъ для прекращенія самовольнаго перехода людей изъ Россіи (1 П. С. З. № 1030).

II. Петербургскій періодъ до графа Сперанскаго. При Петрѣ I и его преемникахъ въ правительственной дѣятельности по вопросу о ссылкѣ замѣчаются два теченія. Одно изъ нихъ, иноземное, относится къ ссылкѣ отрицательно. Ни одинъ изъ крупныхъ уголовно-юридическихъ памятниковъ этого времени не знаетъ ссылки, какъ наказанія; о ней молчатъ и воинскіе артикулы, и наказъ. Вслѣдствіе иноземнаго вліянія, были даже попытки совершенной отміны ссылки, именно въ 1703 г. при Петрѣ I, въ 1773 г. при Екатеринѣ II; назовемъ теперь-же однородныя попытки 1840 г. при Николаѣ I и 1879 г. при Александрѣ II. Но, параллельно съ этимъ, продолжается въ правительственной практикѣ иное теченіе, унаслѣдованное отъ московскаго періода. Ссылка не только не прекращается, но даже получаетъ большее развитіе; практическія потребности, вызванныя съ одной стороны недостаткомъ мѣстъ заключенія, съ другой—необходимостью заселенія отдаленныхъ окраинъ, оказываются могущественнѣе иноземныхъ вліяній. Въ 1719 г. положено начало кавказской ссылкѣ; туда стали ссылать нѣкоторыхъ раскольниковъ, въ виду опасенія духовенства, чтобъ они не совращали православное населеніе Сибири; въ 1731 г. была сдѣлана, по политическимъ соображеніямъ, попытка расширенія охотской ссылки, но въ тотъ разъ неудавшаяся, по невозможности снабженія ссылныхъ продовольствіемъ; въ 1760 г., по настояніямъ иностранной коллегіи, вызваннымъ претензіями Китая на пограничныя территоріи, сдѣлана была попытка заселить ссылными мѣстности по рѣкамъ Удѣ, Глубокой и Иртышу; въ связи съ этимъ стоятъ распоряженія правительства въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1799 г.) о направленіи на юго-восточную окраину Сибири болѣе 10.000 человекъ какъ изъ осужденныхъ за разныя вины, такъ и изъ людей крѣпостныхъ, которыхъ помѣщикамъ предоставлялось отдавать правительству для ссылки съ зачетомъ ихъ за рекрутъ; поселенцамъ предоставлялись разныя льготы и двинута была къ Сибири первая партія ихъ. Но мѣру эту постигла полная неудача; въ виду нераспорядительности, пересыльные терпѣли во всемъ недостатокъ, заболѣвали и умирали въ огромномъ числѣ, уходили въ бѣга и совершали преступленія, нарушавшія безопасность. Ревизія Селифонтова и донесенія Лабы, вызванныя этими непорядками, обратили вниманіе правительства на общее къ тому времени разстройство ссылной системы, на вопіющія злоупотребленія мѣстныхъ властей относительно ссылныхъ. Рѣшено было пріостановить задуманную колонизацію Забайкалья путемъ принудительной ссылки, а тѣмъ временемъ вся ссылная система приведена къ иному устройству реформами гр. Сперанскаго.

Причины, вызвавшія разстройство ссыльной системы къ первой четверти текущаго столѣтія, разнообразны. Главнѣйшими изъ нихъ были, съ одной стороны, та, что въ началѣ петербургскаго періода правительство для предпринимаемыхъ имъ грандіозныхъ сооружений и иныхъ государственныхъ нуждъ начинаетъ испытывать огромную нужду въ людяхъ въ самой Россіи, такъ что потребность колонизаціонная сталкивается съ иными, которыя приводятъ къ созданію каторжныхъ работъ и къ принудительной отдачѣ въ военную службу, и правительство колеблется между ними, не зная, которой отдать преимущество; это, конечно, приводило и къ отсутствію прежней твердости въ политикѣ ссылки. Съ другой стороны, занятое коренными государственными вопросами у центра, правительство меньше и меньше удѣляетъ вниманія окраинамъ, и ссылка, лишенная общаго руководительства, приходитъ къ упадку.

Нужда въ рабочихъ рукахъ въ самой Россіи создала каторжныя работы. Первымъ пунктомъ ихъ (въ 1696 г.) былъ Азовъ; но азовская каторга существовала недолго и носила еще переходный характеръ, близкій къ идеѣ ссылки. Утративъ Азовъ, правительство обратило вниманіе на балтійское побережье и устроило каторгу на Рогервикѣ (нынѣ Балтійскій портъ); рогервикская каторга, какъ наказаніе, спорила со ссылкой и отвлекала отъ нея значительное число людей, именно до 600 чел. ежегодно; но въ 1767 г., съ окончаніемъ сооруженія порта, значеніе этого пункта исчезло. Въ значительныхъ размѣрахъ каторжный трудъ былъ примененъ къ сооруженію новой столицы; его направляли также въ обширныхъ размѣрахъ въ Оренбургъ, частью для сооруженія орской крѣпости, частью для разработки богатыхъ пластовъ илецкой соли; независимо отъ того, каторжные направлялись и во многіе иные пункты, — въ Ригу, Ревель, Таганрогъ, гдѣ въ нихъ встрѣчалась нужда; наконецъ, вопреки первоначальнымъ взглядамъ петербургскаго періода о направленіи въ работы на сибирскіе заводы и рудники только приговоренныхъ на вѣчное житіе въ Сибири (если не было нужды сажать ихъ на пашню), а не къ каторгѣ, въ XVIII вѣкѣ, со времени передачи въ 1760 г. екатеринбургскихъ и нерчинскихъ рудниковъ въ вѣдомство бергъ-коллегіи, они становятся мѣстомъ исполненія каторги. Екатеринбургская каторга существовала 40 лѣтъ, до 1800 года, а каторга нерчинская, начавшись въ 1760 г. сенатскимъ указомъ, которымъ предписывалось направить сюда всѣхъ приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Рогервикъ, къ концу XVIII вѣка становится главнымъ пунктомъ наказанія каторгою.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка, каторга¹⁾ была у насъ не только и даже не столько уголовнымъ наказаніемъ, сколько мѣстомъ нужнаго правительству принудительнаго труда. Сюда стекались, кромѣ осужденныхъ преступниковъ, несостоятельные къ уплатѣ государственныхъ повинностей и частныхъ долговъ для отработки ихъ, тутъ же находились и люди, приписанные къ даннымъ работамъ, каковы адмиралтейскіе служители, артиллерійскіе служители и заводскіе рабочіе. Какъ наказаніе, каторга распадалась на вѣчную и временную; послѣдняя съ 1721 г. назначалась на урочные годы, по указу, а не до указа, какъ практиковалось въ московскій періодъ; съ истеченіемъ срока наступало освобожденіе. Женщины, вмѣсто каторги, посылались на прядильные дворы или къ мануфактурнымъ дѣламъ. Работы для каторжныхъ назначались тѣ, которыя требовались и смотря по человѣку; тяжесть работъ не имѣла еще карательнаго значенія²⁾. Приговоренные къ вѣчной каторгѣ, которая обыкновенно сопровождалась торговою казною и членовредительными наказаніями, оставались въ распоряженіи государства до самой смерти; ихъ не освобождалъ ни преклонный возрастъ, ни дряхлость, ни болѣзни; если эти явленія открывались послѣ приѣма ихъ въ каторгу, то каторжные оставались при пунктахъ, гдѣ работали, и содержались изъ штатскихъ доходовъ, а если до приѣма, то обязанность призрѣнія ихъ и содержанія ложилась на монастыри. Вслѣдствіе такой вѣчности наказанія, женамъ осужденныхъ съ 1720 г.³⁾ предоставлено право, котораго онѣ не имѣли въ московскій періодъ, вступать въ новый бракъ, постричься въ монастырь или жить въ своихъ приданныхъ деревняхъ. Напротивъ, срочные каторжные не лишались чести, не подвергались шельмованію, семейный союзъ ихъ не расторгался, женамъ и дѣтямъ ихъ дозволялось посѣщать ихъ невозбранно.

Въ первой половинѣ XVIII в., такимъ образомъ, каторга назначалась не только какъ наказаніе и вполнѣ отдѣлилась отъ ссылки, но точнаго соотношенія между ними установлено не было. Во второй половинѣ XVIII вѣка происходитъ опредѣленіе этого соотношенія, начинающееся съ знаменитыхъ указовъ Елисаветы

¹⁾ Первое указаніе на каторгу въ нашихъ памятникахъ встрѣчается подъ 1668 г. (Доп. А. И. В. № 80), когда Андрей Вишусъ предлагалъ ввести ее на Хвалынскомъ морѣ съ примѣненіемъ труда наказанныхъ; подъ каторгами понимались имъ гребныя суда.

²⁾ Въ 1715 г. рекомендовалось употреблять каторжныхъ не въ мелкія и разныя работы, а въ такія, которыя можно устроить на одномъ мѣстѣ, наприимѣръ, сваи бить (1 П. С. З. № 2939).

³⁾ 1 П. С. З. № 3628.

Петровны объ отмѣнѣ смертной казни. Взамѣнъ ея, вводилась сложная кара, состоявшая въ направленіи въ кандалахъ въ вѣчную тяжелую и всегдашнюю, т. е. непрерывную, работу послѣ наказанія кнутомъ и клейменія. Этотъ видъ каторги отнынѣ сталъ опредѣляться исключительно въ наказаніе за преступленія, чѣмъ положенъ предѣлъ смѣшенію людей осужденныхъ съ несудившимися, но исполнявшими рабочую повинность, хотя бы вѣчную, по припискѣ. Непосредственно за этимъ наказаніемъ поставлена вѣчная ссылка, также соединенная съ обязанностью работъ, но не вѣчныхъ и не всегдашнихъ. Что же касается каторги на урочные годы, то во второй половинѣ XVIII в. изъ нея создаются двѣ системы мѣръ, между которыми колеблется правительство и которыя дѣйствуютъ параллельно: одна—работы крѣпостныя и мѣстныя, другая—рабочіе дома. Въ крѣпостяхъ во второй половинѣ XVIII в. работали, подъ руководствомъ инженернаго вѣдомства, люди самыхъ различныхъ категорій, какъ-то: артиллерійскіе служители, солдаты, сдаваемые помѣщиками крестьяне, которые, въ случаѣ смерти, зачитались имъ за рекрутъ, милиціонные ратники, носостоятельные къ уплатѣ повинностей и частныхъ долговъ, наконецъ и преступники; съ теченіемъ времени въ крѣпости начали отправлять не только на срочную, но и на всегдашнюю работу, что повело къ сближенію крѣпостныхъ работъ съ каторжными. Рабочіе дома появляются при Екатеринѣ II, хотя идея ихъ въ нашемъ законодательствѣ встрѣчается раньше. Еще Петръ Великій ¹⁾ предполагалъ учредить у насъ смирительные дома для содержанія въ постоянной работѣ людей непотребнаго и невоздержнаго житія, а въ прядильные дворы и къ инымъ мануфактурамъ опредѣлялись между прочимъ женщины, приговоренные къ каторгѣ. Но при Петрѣ Великомъ смирительные дома устраивались туго, и за отсутствіемъ ихъ, указы продолжаютъ опредѣлять въ каторжныя работы людей, предназначавшихся для такихъ домовъ. Екатерина II рѣшилась довершить начинанія Петра Великаго. Въ 1775 г., сперва частнымъ указомъ по поводу посѣщенія Москвы, а затѣмъ и общимъ для Имперіи закономъ (учрежд. о губерніяхъ), во всѣхъ губернскихъ городахъ предписано учредить для лицъ обоого пола работные и смирительные дома, въ вѣдомствѣ приказовъ общественного призрѣнія, а извѣстнымъ указомъ 1781 года, о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ, сенату предписывалось озаботиться заведеніемъ для осужденныхъ преступниковъ во всѣхъ губернскихъ городахъ рабочихъ домовъ, съ назначеніемъ въ оныхъ работъ, для общей пользы потребныхъ. Но

¹⁾ Регламентъ главн. магистрата 1721 г. (И. С. З. № 3708, гл. XX).

и эти предначертанія въ большинствѣ остались благопожеланіями: главнѣйшія тому причины были: стеченіе у приказовъ средствъ на устройство всѣхъ этихъ разнообразныхъ учреждений, неумѣнье организовать внутреннія работы для содержавшихся въ рабочихъ домахъ, гдѣ они были устроены ¹⁾, и появившіяся вскорѣ противорѣчивыя распоряженія правительства. Въ 1787 году, по соображеніямъ безопасности, людей публично наказанныхъ (слѣдовательно, и осужденныхъ за воровство, для которыхъ предположены рабочіе дома) запрещалось оставлять на жительство въ столицахъ и губернскихъ городахъ, съ предписаніемъ отсылать ихъ по уѣзднымъ городамъ, записывать ихъ тамъ въ рабочіе люди и употреблять въ казенныя или партикулярныя мѣстныя работы ²⁾. Къ этому присоединилась увеличившаяся къ концу XVIII вѣка надобность въ рабочихъ рукахъ для правительственныхъ сооруженій; генералъ-адъютантъ Князевъ, въ 1795 г. писалъ генералъ-прокурору, что „ссылочные невольники для работъ вездѣ нужны, гдѣ только крѣпости инженернаго вѣдомства по границамъ находятся, наипаче же потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать невозможно, а гдѣ оныя есть, то требуемыя ими за работы деньги столь неумѣренны, что выходятъ изъ той соразмѣрности, въ каковой фортификаціонная сумма находится“. Подъ вліаніемъ этой потребности состоялся указъ 13-го сентября 1797 г., который какъ бы вовсе упраздняетъ рабочіе и смирительные дома; имъ всѣ преступники распредѣляются на три категоріи: осужденные въ каторгу вмѣсто смертной казни должны быть, по наказаніи кнутомъ, отправляемы на работы въ Нерчинскъ; осужденные въ вѣчную ссылку препровождаются въ иркутскую суконную фабрику; наконецъ, осужденныхъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ и безъ него къ заключенію въ смирительные и рабочіе дома, на срокъ или навсегда, предписывалось отправлять къ крѣпостнымъ строеніямъ, отколь куда способнѣе ³⁾. Понятно недоразумѣніе, возбужденное этимъ указомъ о силѣ прежнихъ постановленій; казалось, за упраздненіемъ первоначальной цѣли рабочихъ и смирительныхъ домовъ должно было прекратиться и самое ихъ существованіе. Но въ указѣ

¹⁾ Напримѣръ, въ 1783 г. изъ новгородскаго рабочаго дома, за отсутствіемъ въ немъ работъ, осужденные для зарабатыванія денегъ отпущены на партикулярныя работы, съ платою имъ по таксѣ.

²⁾ П. С. З. № 16566: сенатъ въ 1790 г. разъяснилъ, что такіе люди „пробываніе свое могутъ имѣть въ построенныхъ караульняхъ, или другихъ казенныхъ мѣстахъ, подъ надзираніемъ городничаго, употребляя ихъ въ казенныя или въ партикулярныя, буде первыхъ не случится, работы, такъ чтобы они въ праздности не оставались“.

³⁾ 1 П. С. З. № 18140.

13-го сентября заключались серьёзные неясности; не говорилось, что дѣлать съ женщинами; не предусматривалось, какъ поступать съ осужденными на короткіе сроки, если разстояніе до крѣпостныхъ работъ было очень велико; не указывалось, на комъ должны лежать городскія работы, которыя исполнялись до того приговоренными къ смирительнымъ и рабочимъ домамъ. Разъясняя эти недоразумѣнія, сенатъ уже въ 1798 году нашель возможнымъ установить, что къ крѣпостнымъ работамъ слѣдуетъ отправлять такихъ только лицъ мужескаго пола, которыя присланы въ рабочіе и смирительные дома на значительные сроки; прочіе же лица мужскаго пола и женщины, по прежнему, должны быть оставляемы въ этихъ домахъ.

Такъ постепенно къ концу XVIII вѣка установилась карательная послѣдовательность разныхъ родовъ работъ, образовавшихся изъ петровской каторги. Но, параллельно съ потребностью въ рабочихъ, въ петербургскій періодъ продолжала существовать потребность колонизаціонная; въ XVIII вѣкѣ правительство пытается взять удовлетвореніе ея всецѣло въ свои руки и прибѣгаетъ къ мѣрамъ, въ высшей степени разнообразнымъ, для заселенія мѣстностей, гдѣ того требоваль государственный интересъ: вызываються огромными массами иностранцы, изъ которыхъ образуются, между прочимъ, при-волжскія колоніи и поселенія ново-сербское и славяно-сербское, вполнѣдствіи провинціи новороссійская и екатеринославская; отставные служилые люди поселяются для пропитанія въ разныхъ мѣстностяхъ (преимущественно въ Казанской губерніи); вновь прокладываемыя пути сообщенія заселяются ямщиками и иными жителями; на линіяхъ украинской, оренбургской, царцынской, бѣлорусской, сибирской и другихъ образуются военныя поселенія, частью изъ посылаемыхъ туда служилыхъ и военныхъ людей, частью изъ охочихъ людей, съ обѣщаніемъ имъ разныхъ льготъ, частью изъ помѣщичьихъ крестьянъ (съ 1760 года) съ зачетомъ ихъ за рекрутъ, частью изъ принудительно переселяемыхъ цѣлыхъ классовъ населенія съ семьями. Между прочимъ, въ интересахъ колонизаціонныхъ, правительство прибѣгаетъ и късылкѣ карательной, причеиъ и въ XVIII ст. мѣста ея были въ высшей степени различны¹⁾, но къ концу его эта роль почти всецѣло выпадаетъ на долю Сибири, причеиъ и въ ней наблюдается постепенное движеніесылки

¹⁾ Въ Архангельскую губернію посылались неспособные къ крѣпостнымъ работамъ исылные по дѣламъ секретнымъ; на Кавказъ направлялись раскольники; въ г. Перновъ, въ Лифляндіи, посланы яцкіе казаки, выдавшіе Пугачева; всего болѣе сосылкою сибирскою въ XVIII вѣкѣ конурироваласылка оренбургская.

съ запада на востокъ. Въ первой половинѣ XVIII ст. ссылка какъ наказаніе и какъ мѣра управленія продолжаютъ смѣшиваться, опредѣляясь одинаковыми началами; во второй половинѣ его, въ ссылкѣ карательной выдѣляется ссылка вѣчная, которая съ указа 1753 г. начинаетъ означать политическую смерть, замѣнившую смертную казнь, и потому сопровождается поражениемъ правъ семейственныхъ и имущественныхъ, неизвѣстнымъ московскому періоду. Вѣчная ссылка, такимъ образомъ, получила право гражданства въ системѣ нашихъ наказаній и поставлена рядомъ съ вѣчною каторгой, хотя на практикѣ она считалась легче; съ другой стороны, путемъ частыхъ помилованій практикуется переводъ каторжныхъ въ ссылку, и эти наказанія болѣе и болѣе сближаются. Но въ XVIII же вѣкѣ въ самой ссылкѣ начинается раздѣленіе, по тяжести ея, на ссылку въ работы или на вѣчное поселеніе и ссылку на житье или простую; первая составляла наказаніе, употреблявшееся по указу 1753 г.; во второй прибѣгали какъ къ мѣрѣ административной, или въ видѣ помилованія, а мало-по-малу — сепаратные указы начинаютъ опредѣлять ее или для неспособныхъ къ военной службѣ, или за незначительныя преступленія; такъ, по указу 1775 года сюда принадлежатъ всѣ первыя татбы. Сосланные на вѣчное поселеніе поступали въ казенное управленіе и до 1798 г. способные изъ нихъ назначались въ работы или казенное хлѣбопашество, а неспособные содержались въ тюрьмахъ или приселялись къ деревнямъ старожиловъ¹⁾; сосланнымъ же на житье предоставлялось селиться въ Сибири, на мѣстахъ, которыя имъ указывались администраціею, причемъ съ 1770 г. устанавливается начало, по которому, при распределеніи ихъ, должно быть обращено вниманіе и на мѣру вины, такъ что поселеніе въ ближайшихъ къ европейской границѣ губерніяхъ разсматривалось, какъ болѣе слабое наказаніе, чѣмъ поселеніе въ губерніяхъ отдаленныхъ. Московскій принципъ распределенія „смотря по человѣку“ дополняется, а затѣмъ и вытѣсняется новымъ принципомъ „смотря по винѣ“. Съ 1798 года ссыльныхъ даже на вѣчное поселеніе перестаютъ посылать для работъ въ мѣста, гдѣ работали каторжные, „дабы тѣмъ не сравнять ихъ съ преступниками, за тяжкія преступленія вмѣсто смертной казни вѣчно въ Нерчинскъ или въ Екатеринбургъ въ работу осуждаемыми“²⁾. Ссылка вѣчная разрушала семейныя связи, на житье ссылались съ семьями и могли переходить въ Сибири въ купечество³⁾. Однако,

¹⁾ П. С. З. № 15429.

²⁾ П. С. З. № 18727.

³⁾ Указъ 1799 г., П. С. З. № 18907; ранѣе, еще въ 1733 г., ссыльные прямо опредѣлялись — купеческіе люди въ купечество, мастеровые въ цехи, а крестьяне для хлѣбопашества; П. С. З. № 6460.

это различіе между ссылкой вѣчною и на житіе только что еще начиналось и на практикѣ далеко не всегда выдерживалось.

Политика водворенія ссыльных, поселяемыхъ на житіе и на пашию, руководилась принципомъ устройства ихъ такъ, чтобъ они „между дворъ не волочились“, а занимались соотвѣствующими каждому занятіями. Правительство предписывало отводить имъ земли, давать сѣмянъ на обѣменение и инструменты и освобождать на первое время отъ податей; въ мѣстностяхъ, гдѣ была нужда въ хлѣбѣ для людей служилыхъ и рабочихъ, ссыльные сажались на казенное хлѣбопашество, какъ въ періодѣ московскомъ; увѣчные и дряхлые или приселялись въ селеніямъ старожиловъ, или помѣщались въ тюрьмахъ; монастырская повинность призрѣнія такихъ людей не имѣла мѣста, за отсутствіемъ монастырей въ Сибири.

Кромѣ колебанія правительственной дѣятельности между ссылкой и работами, другою крупною причиною разстройства сибирской ссылки, какъ я замѣтилъ, было то обстоятельство, что правительство, занятое крупными реформами у центра, упустило изъ виду ссыльный вопросъ, какъ менѣе важный, и не поставило въ соотношеніе съ нимъ новыхъ мѣропріятій. Ломающія прежнія учрежденія, функции ихъ или передавали новымъ, менѣе для того пригоднымъ, или даже совершенно про нихъ забывали. Московскому періоду было извѣстно центральное учрежденіе по дѣламъ ссылки — сибирскій приказъ; въ началѣ періода петербургскаго онъ раздѣлилъ власть по управленію ссыльными съ другими вѣдомствами, каковы сыскной приказъ, бергъ-коллегія, адмиралтействъ-коллегія, сенатская экспедиція о колодникахъ, а съ подчиненіемъ сенату утратилъ всякую самостоятельность. Въ результатѣ этого оказалась разрозненность и слабость власти, чего не въ силахъ было отвратить сенатъ; для Сибири послѣдній могъ быть полезенъ указаніемъ общихъ нормъ дѣятельности, а отнюдь не рѣшеніемъ мелкихъ вопросовъ текущаго управленія, лежавшихъ на сибирскомъ приказѣ. Распавшись въ центрѣ, единство и сила власти не перемѣстились и въ самую Сибирь. Московское правительство посылало въ Сибирь воеводъ съ большою осторожностью въ выборѣ, зорко надзирало за ними черезъ ихъ товарищей и дьяковъ и практиковало частыя ихъ смѣны; но и эти мѣры были недостаточны въ виду отдаленности Сибири, и при нихъ воеводы нерѣдко допускали злоупотребленія властью. Въ петербургскомъ періодѣ, почти въ самомъ началѣ его, мѣстное сибирское управленіе раздвояется, подлѣ тобольскаго губернатора учреждается независимый отъ него и непосредственно сносившійся съ Петербургомъ иркутскій вице-губернаторъ; это раздвоеніе закрѣпляется въ 1764 г., когда Сибирь

раздѣляется на два губернаторства, причемъ введеніе губернскаго учрежденія умножило въ Сибири число инстанцій, увеличило переписку, а съ нею — медленность производства и преобладаніе канцеляріи. Съ распаденіемъ центрального надзора, злоупотребленія сибирскихъ служилыхъ людей становятся хроническими. Первый сибирскій губернаторъ Гагаринъ былъ казненъ. Иркутскій вице-губернаторъ Якоби нѣсколько лѣтъ былъ подѣ судомъ. Чичеринъ оставилъ по себѣ тяжелую память. Злодѣйства иркутскаго слѣдователя Крылова поразили Екатерину II и остались памятны сибирякамъ до нашихъ дней ¹⁾.

Въ 1782 и 1783 г. было введено въ Сибири общее губернское учрежденіе; оно не дало ни большаго единства мѣстному управленію, ни большихъ гарантій противъ злоупотребленій служащихъ. Въ Сибири учреждены два генераль-губернаторства, тобольское и иркутское, и три намѣстничества (тобольское, иркутское и колыванское); число инстанцій еще болѣе умножилось, единство власти уменьшилось. Въ 1797-году генераль-губернаторства были упразднены; часть колыванскаго намѣстничества (алтайскій округъ) подчинена горному начальству, совершенно независимому отъ гражданскаго; намѣстничества тобольское и иркутское переименованы въ губерніи и, для уменьшенія медленности производства, закрыты всѣ среднія мѣста, въ томъ числѣ совѣтные суды. Въ такомъ положеніи застаетъ Сибирь XIX вѣкъ. Отсутствие всякаго надзора въ центрѣ, разрозненность и слабость власти на мѣстѣ, характеризовали тогдашнее положеніе. Въ 1799 году, для содѣйствія водворенію ссыльныхъ, въ помощь полиціи, велѣно было назначить надзирателей надежныхъ, попечительныхъ и знающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а въ 1803 году смотрителей и главныхъ смотрителей поселеній. Лаба и Сперанскій въ болѣе части мѣстностей не нашли этихъ должностныхъ лицъ.

Въ то же время и въ имперіи не получили надлежащаго устройства тѣ новыя, смѣнившія Сибирскій приказъ, учрежденія, на которыя возложена была пересылка ссыльныхъ. Крайними безпорядками этой части ссыльной системы вызванъ былъ даже указъ 1773 г., которымъ Екатерина II предписывала полную отмѣну ссылки. До свѣдѣнія императрицы дошло, что въ Казани скопилось около 200 человекъ, предназначенныхъ къ оренбургской ссылкѣ, болѣе 4.000 предназначенныхъ въ Сибирь, около 700 присланныхъ изъ Московской розыскной экспедиціи, да поляковъ не малое число, а также прибывшихъ изъ Сибири для возвращенія

¹⁾ Вагинъ, историч. свѣд. о дѣят. гр. Сперанскаго въ Сибири, I, 4.

въ отечество. Въ виду этихъ безпорядковъ повелѣвалось: впредь до указа, въ Оренбургъ и Сибирь не отправлять ни въ ссылку, ни на поселеніе; сенатъ, исполняя это повелѣніе, предписалъ частью возвратить ссылныхъ на прежнія мѣста, частью направить ихъ на крѣпостныя работы, небольшими партіями, человекъ по 30, на канатахъ, съ воинскими командами, а гдѣ ихъ нѣтъ, то съ командами уѣздныхъ жителей¹⁾.

Такіе же безпорядки повторились при исполненіи указа 1799 г. о населеніи отдаленнаго Сибирскаго края, прилежащаго къ границамъ китайскимъ, между Байкаломъ, Верхнею Ангарою, Нерчинскомъ и Кяхтою, отставными солдатами, подлежащими ссылкѣ преступниками и крѣпостными людьми, отдаваемыми помѣщиками съ зачетомъ за рекрутъ²⁾. Въ виду отличныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій этого края для развитія хлѣбопашества и скотоводства, съ перспективою въ будущемъ возможности заведенія фабрикъ для китайскаго торга, предписывалось поселить здѣсь на первый разъ, начиная съ сентября 1800 г., 10.000 душъ; изъ нихъ отставныхъ солдатъ по поселеніи именовать государственными поселянами; преступниковъ, подлежащихъ не каторжной работѣ, а просто ссылкѣ, селить тутъ же и именовать ссыльными, предоставляя имъ по истеченіи 10 лѣтъ порядочной и прилежной жизни, по засвидѣтельствованіи земскаго начальства, переходить въ состояніе государственныхъ поселянъ; крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей предписывалось принимать не старѣе 45 лѣтъ. Всѣмъ поселщикамъ велѣно отводить на каждую душу по 30 дес. земли на мѣстахъ самыхъ плодородныхъ, на первый разъ для 2.000 душъ построить дома отъ казны, запастись хлѣба на 1½ года, приготовить земледѣльческія и прочія для поселянъ орудія, снабдить ихъ потребнымъ скотомъ и сѣменами для посѣва, и въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ освободить отъ всякихъ податей, собирая лишь „не въ видѣ податей, а для общей пользы того края, и особливо для приходящихъ вновь“ часть хлѣба въ запасные магазины. „Доколѣ поселенія сіи совершенно укоренятся, отъ губернскаго начальства должны быть опредѣлены въ нихъ надзиратели надежные, попечительные и знающіе въ сельскомъ хозяйствѣ“, а сенату предписывалось прилагать бдительное стараніе, не только нынѣ, но и впредь, во все время сего поселенія, дабы приходящіе на назначеніе свое поселяне не токмо ни въ чемъ

¹⁾ П. С. З. № 14077. Возстановлена была оренбургская и сибирская ссылка въ 1775 году 31-го марта, по докладу сената (П. С. З. № 14286).

²⁾ П. С. З. № 19157.

нужномъ имъ недостатку не имѣли, но и образованы были соответственно намѣренію, на каковое они поселяются.

Но надежды правительства на успѣхъ этой колонизаціи не осуществились. Дороговизна и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ Иркутскѣ, серьезныя лишенія, которымъ подвергались пересыльные въ пути, вслѣдствіе того, что имъ кормовыхъ частью совсѣмъ не давали, частью выдавали на руки и они ихъ издерживали безвременно, сдача помѣщиками въ большинствѣ случаевъ людей негодныхъ¹⁾, въ связи съ злоупотребленіями по пересылкѣ и неприятіемъ мѣръ къ водворенію, что выяснено ревизіями Селифонтова и Лабы, скоро побудили сенатъ приостановить принятіе помѣщичьихъ крестьянъ, поселенцевъ же, пришедшихъ уже въ Тобольскую губернію, водворить по большой дорогѣ отъ Тобольска къ Иркутску съ доставленіемъ имъ того же устройства и тѣхъ же льготъ, которыя обѣщаны были забайкальскому поселенію. Доклады посланныхъ для ревизіи въ Сибирь Селифонтова и Лабы привели центральное правительство къ мысли, что неуспѣхъ поселеній происходилъ отъ отсутствія надлежащаго за поселяемыми надзора и отъ неспособности къ тому губернскихъ правленій, какъ учрежденій коллегіальныхъ; въ 1806 г. склонились, поэтому, къ мысли поручить водвореніе всѣхъ преступниковъ, подъ главнымъ наблюденіемъ сибирскаго генераль-губернатора, непосредственному попеченію тамошнихъ гражданскихъ губернаторовъ на ихъ личную отвѣтственность, независимо ни отъ какого присутственнаго мѣста, давъ имъ въ помощь специально для этого дѣла особаго чиновника, и предоставить имъ полную свободу дѣйствовать, какъ они наилучше то признаютъ для успѣха порученнаго имъ дѣла, „снабдивъ ихъ, впрочемъ, предварительно достаточными наставленіями“. Эти мысли осуществлены положеніемъ 29 іюня 1806 г. о поселеніи въ Сибири, причемъ изъ наставленій, данныхъ губернаторамъ, вытекаетъ, что правительство склонилось къ системѣ водворенія ссыльныхъ съ казеннымъ содѣйствіемъ въ постройкѣ имъ домовъ, снабженіи хлѣбомъ, сѣменами и орудіями, и къ предоставленію разныхъ выгодъ въ отбываніи повинностей, отдавъ предпочтеніе устройству изъ ссыльныхъ особыхъ селеній; мѣстами для поселенія преступниковъ указаны Забайкалье и Нижнеудинскій округъ, но рядомъ съ ними оставлена возможность селить ихъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири.

Ревизія сенатора Селифонтова и донесенія д. с. с. Лабы

¹⁾ Лаба нашель между ними многихъ старѣе 45 лѣтъ, страдающихъ падучею и иными болѣзнями 260, малоумныхъ 77, безумныхъ 14. П. С. З. № 22189.

побудили правительство ввести измѣненія и въ общемъ управленіи Сибири, въ видахъ объединенія и упроченія тамъ власти. Вся Сибирь организуется въ одно генераль-губернаторство, и назначенному на постъ генераль-губернатора Селифонтову даны сравнительно широкія полномочія; уѣзды, для болѣе удобнаго управленія ими, раздѣлены на комисарства. Сибирь на новомъ положеніи имѣла только двухъ генераль-губернаторовъ: Селифонтова и Пестеля. Селифонтовъ уже въ 1806 г., по донесеніямъ Головина, былъ уволенъ отъ службы съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицу. Остальныя 13 лѣтъ генераль-губернаторствовалъ Пестель, но онъ тотчасъ послѣ перваго обзрѣнія Сибири выѣхалъ въ Петербургъ и жилъ тамъ постоянно. Фактически, все управленіе оставалось въ рукахъ трехъ губернаторовъ: тобольскаго — фонъ-Брина, томскаго Марченка, потомъ Иличевского, и иркутскаго — Трескина, ближайшими сподвижниками котораго были исправники Вѣлявскій и Лоскутовъ; на долю ихъ вышло устройство ссыльныхъ поселеній по положенію 1806 г. Управленіе Сибирью, по выраженію гр. Сперанскаго, получило характеръ домашняго управленія, безъ всякаго надзора изъ центра.

III. Система гр. Сперанскаго и ея измѣненія. Дѣятельность графа Сперанскаго по отношенію къ Сибири проявилась въ роли его, какъ генераль-губернатора, намѣстника Пестеля, какъ законодателя и какъ члена перваго Сибирскаго комитета, существовавшаго до 1838 года. По мысли его, Сибирь распадается на два генераль-губернаторства, и задачею своею онъ ставитъ смѣну домашняго порядка управленія „публичнымъ и служебнымъ“. Въ этихъ видахъ при каждомъ генераль-губернаторѣ, подъ предѣтельствомъ послѣдняго, учреждается совѣтъ—коллегіальное учрежденіе изъ назначенныхъ правительствомъ должностныхъ лицъ,—образовавшій главное управленіе. Ниже его организованы управленія губернское, областное и волостное; губернское управленіе, имѣя во главѣ губернской совѣтъ съ губернаторомъ въ качествѣ предѣдателя, представлялось губернскимъ правленіемъ, вѣдавшимъ полицію, губернскимъ судомъ, вѣдавшимъ юстицію, и казенною палатой, вѣдавшей хозяйство. Общее окружное управленіе, введенное лишь въ значительныхъ округахъ, составлено, подъ предѣтельствомъ окружнаго начальника, изъ представителей окружнаго суда, земскаго суда, казначейства и стряпчаго; въ округахъ менѣе значительныхъ совѣтовъ не полагалось и управленіе въ нихъ организовано по прежнему типу комисарствъ, съ подчиненіемъ земскому суду, или сосредоточено въ рукахъ земскаго исправника.

На ссылку гр. Сперанскій смотрѣлъ, какъ на колонизаціонный

институтъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ, что ей должны подлежать лишь осужденные преступники, и въ присылкѣ другихъ категорій людей видѣлъ злоупотребленіе власти. Онъ находилъ водвореніе ихъ удовлетворительнымъ, но съ удивленіемъ остановился на противорѣчіяхъ судебной практики, назначавшей за одно и то же преступленіе или каторгу съ кнутомъ, или просто поселеніе; указываетъ на „незаконныя дѣйствія“ судовъ и администраціи, ставившихъ назначеніе ссылки въ зависимость не отъ рода и тяжести преступленія, а отъ повальныхъ обысковъ, общественныхъ приговоровъ и даже отъ воли помѣщика¹⁾. Еще болѣе поразили его безпорядки по препровожденію и распредѣленію ссыльныхъ. Многіе казенные заводы имперіи, мало того — почти всѣ начальствующія лица, считали своимъ неотъемлемымъ правомъ оставлять у себя ссыльныхъ изъ проходящихъ въ Сибирь партій, вслѣдствіе чего судебные приговоры не исполнялись, и „самый счетъ сихъ людей до того былъ потерянь, что ни горное, ни губернское начальство не могли доставить никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о числѣ ихъ“.

Этимъ объясняется, что Сперанскій, какъ законодатель ссылки, обратилъ главное вниманіе на препровожденіе и распредѣленіе ссыльныхъ. Этому предмету въ двухъ обширныхъ уставахъ, ему принадлежащихъ — въ уставѣ о ссыльныхъ 1822 г. и въ уставѣ объ этапахъ, — содержащихъ въ сложности около тысячи статей, посвящено болѣе $\frac{4}{5}$, и едва $\frac{1}{5}$ отдѣлена на вопросы управленія и водворенія.

Пересылка ссыльныхъ въ предѣлахъ имперіи возложена на губернскія правленія; о каждомъ ссыльномъ составляется статейный списокъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ посылается въ Сибирь, другой слѣдуетъ со ссылаемымъ при партіи. Ссыльные партіи движутся пѣшеэтакнымъ порядкомъ, подъ охраною особо организованныхъ этапныхъ командъ. Продовольствіе и одежда ссыльныхъ въ пути лежитъ на правительствѣ. Въ Сибири ссыльные, по статейнымъ спискамъ, распредѣляются Тобольскимъ приказомъ о ссыльныхъ, который ведетъ и счетъ имъ; но Тобольскій приказъ учрежденъ, какъ губернское присутственное мѣсто, а не центральное.

По распредѣленіи ссыльныхъ приказомъ, они направляются въ соответствующія губерніи, въ предѣлахъ которыхъ распредѣляются особыми отдѣленіями губернскихъ правленій — экспедиціями о ссыльныхъ. Для поселенцевъ экспедиціи являются и органомъ управленія; ссыльные же, слѣдовавшіе на работы въ заводахъ или въ рудникахъ, поступали въ управленіе соответствующихъ вѣдомствъ —

¹⁾ Указомъ 1811 г. ссылка помѣщика и административная была отменена.

казеннаго, горнаго, — поставленныхъ независимо отъ экспедицій. Экспедиціи управляли поселенцами частью черезъ посредство общей полиціи, уѣздной и волостной, частью черезъ особыхъ должностныхъ лицъ — смотрителей поселеній и ревизоровъ поселеній; первые изъ нихъ встрѣчаются еще въ положеніи 1806 г., вторые учреждены уставомъ 1822 г., какъ засѣдатели экспедиціи; ревизовать поселенія они обязаны были разъ въ годъ.

Ссылные судебные по уставу 1822 г. дѣлились на приговоренныхъ къ каторгѣ и приговоренныхъ къ ссылке на поселеніе. Каторга еще болѣе сближается со ссылкой. Обязательныя работы по уставу 1822 г. для всѣхъ ссылныхъ становятся первою частью наказанія ссылкой. Каторга дѣлилась на безсрочную и срочную; но и для первой уставъ 1822 г. устанавливаетъ предѣльный срокъ въ 20 лѣтъ, по истеченіи котораго осужденный освобождается отъ работъ и получаетъ право водвориться при томъ самомъ заведеніи, при которомъ работалъ, а въ случаѣ невозможности, поступаетъ на вольное пропитаніе въ ближайшія къ заводу казенныя волости. Приговоренныхъ къ срочной каторгѣ по истеченіи сроковъ уставъ предписываетъ обращать согласно приговору, а въ случаѣ молчанія объ этомъ послѣдняго — на поселеніе вмѣстѣ со ссылными, лицъ же военнаго вѣдомства направлять къ воинскому начальству. Для ссылаемыхъ на поселеніе также устанавливается постепенность въ наказаніяхъ; извѣстный срокъ времени они оставляются въ распоряженіи администраціи, которая помѣщаетъ ихъ въ одинъ изъ 6 разрядовъ, созданныхъ уставомъ 1822 г., а затѣмъ получаютъ свободу записываться и водворяться гдѣ пожелаютъ, по всѣмъ сибирскимъ губерніямъ и областямъ. Въ первый разрядъ, „временныхъ заводскихъ работниковъ“, срокомъ на 1 годъ, поступали только тѣ поселенцы, которые были наказаны плетью; они должны были работать на казенныхъ заводахъ вмѣстѣ съ каторжными. Во второй разрядъ, „дорожныхъ работниковъ“ должны были направляться „самые лучшіе, здоровые, крѣпкіе и молодые, преимущественно знающіе мастерства“, изъ персылаемыхъ за неважныя вины; со вступленіемъ въ этотъ разрядъ, состоявшій въ вѣдомствѣ сухопутныхъ сообщеній, „работникъ перестаетъ быть на ряду съ прочими ссылными и имѣетъ значеніе нестроеваго военно-рабочаго получая, по истеченіи 5-ти лѣтъ хорошаго поведенія и трудоливой жизни, право быть водвореннымъ въ званіи государственнаго крестьянина. Въ третій разрядъ, ремесленниковъ, должны были назначаться лучшіе за выдѣленіемъ во второй разрядъ ссылные; ремесленные работники по мысли устава 1822 г. должны были образовать изъ себя въ Сибири правильную

организацію, распадаясь по мастерствамъ на отдѣленія или артели, изъ которыхъ въ губернскихъ городахъ предполагалось устроить ремесленные дома подъ начальствомъ особыхъ смотрителей и съ денежнымъ пособіемъ отъ казны на первоначальное обзаведеніе; работы предполагалось получать отъ казны, или по заказамъ частныхъ лицъ. Четвертый разрядъ ссыльныхъ, цехъ слугъ, имѣя свой центръ въ Тобольскѣ и отдѣленія во всѣхъ губернскихъ и иныхъ значительныхъ городахъ Сибири, долженъ былъ служить къ пополненію недостатка въ людяхъ этого рода; сюда предназначались дворовые, евреи и иные неспособные къ сельскимъ занятіямъ; слуги отдавались въ наемъ по условію, заключаемому нанимателемъ съ цехомъ или его отдѣленіями; въ этомъ разрядѣ пребываніе положено въ 8 лѣтъ, по истеченіи коихъ ссыльный поступалъ въ мѣщане или цеховые. Къ пятому разряду отнесены поселенцы, способные къ сельскимъ занятіямъ; отмѣнная усвоенною положеніемъ 1806 года систему водворенія ихъ съ казенною ссудою, уставъ 1822 года дѣлилъ поселенцевъ на приселяемыхъ къ деревнямъ старожиловъ и водворяемыхъ въ новыхъ селеніяхъ. Приселеніе состоитъ въ распредѣленіи и отсылкѣ ихъ губернскимъ правленіемъ по волостямъ; здѣсь, въ теченіи 5 лѣтъ, обязаны они водвориться собственными трудами, не получая пособія отъ казны; водворившіеся должны были переходить подъ надзоръ земской полиціи, съ 3-хъ-лѣтнею льготою въ податяхъ и 20-ти-лѣтнею отъ рекрутской повинности, а не водворившіеся перечислялись въ разрядъ неспособныхъ. Заведеніе казенныхъ поселеній изъ ссыльныхъ предположено было „для удобства сообщеній въ мѣстахъ малолюдныхъ“; предварительныя работы по сооружеію зданій должны были производиться ссыльными разряда ремесленниковъ; въ поселенцы казенныхъ селеній рекомендовалось выбирать по преимуществу семейныхъ; первый годъ они работаютъ подъ воинской дисциплиной на всемъ казенномъ издвигеніи, въ слѣдующіе два года получаютъ деньги на руки, но продолжаютъ оставаться подъ строгимъ надзоромъ смотрителей поселеній; къ концу этого срока, водвореніе должно быть закончено, поселенцы поступаютъ въ вѣдѣніе земской полиціи и сравниваются съ государственными крестьянами. Наконецъ, шестой разрядъ ссыльныхъ составляли неспособные, соотвѣтствующіе прежнему классу ссыльныхъ пропитанныхъ, т. е. посылавшихся на пропитаніе въ селенія старожиловъ; къ нимъ уставъ 1822 года относится двояко: людей, за болѣзнями и дряхлостью ни къ какой работѣ неспособныхъ, онъ предписываетъ отдавать въ больницы и пріюты, установивъ для учрежденія и содержанія ихъ особыя сборы съ ссыльныхъ въ экономическій поселенческой капиталъ; тѣхъ же,

кому въ этихъ заведеніяхъ мѣста не окажется, велѣно по прежнему приписывать къ волостямъ на вольное пропитаніе.

Уставъ 1822 г. говоритъ только о двухъ категоріяхъ ссылки, именно о ссылкѣ въ каторгу и на поселеніе. Но законодательству и практикѣ въ то же время были уже извѣстны еще другія формы ссылки, изъ которыхъ впоследствии развились ссылка на житье и ссылка административная. Ссылные на житье, безъ тѣлеснаго наказанія, могли записываться въ Сибири въ купцы и мѣщане съ разрѣшенія сената; по представленію генераль-губернатора Рупрехта, высоч. утверж. 4-го января 1839 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, сосланнымъ на житье предоставлены силою закона всѣ гражданскія права, кромѣ выѣзда изъ Сибири, и установлена обязательная ихъ приписка къ сословію мѣщанъ или крестьянъ, съ правомъ по истеченіи 3-хъ лѣтъ вступать въ составъ самыхъ обществъ и объявлять купеческій капиталъ. Ссылка на житье дѣлилась на безсрочную и срочную; сроковъ ея законъ не опредѣлялъ и назначеніе ихъ зависѣло отъ суда; сенаторы Курякинъ и Безродный при обзорѣнн въ 1827 году Сибири нашли тамъ между прочимъ ссылныхъ Яворовскаго и Завадскаго, которые въ 1822 году были осуждены за контрабанду къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію на 5 лѣтъ, безъ лишенія дворянства; по поводу ихъ возникъ вопросъ, съ какого момента считать начало ссылки на житье, рѣшенный въ 1828 г. въ пользу момента объявленія приговора; „сіе—прибавлялъ государственный совѣтъ—не относится до ссылаемыхъ въ каторжную работу, хотя бы и на срочное время, о коихъ приговоръ исполняется токмо нахожденіемъ преступника въ работѣ“¹⁾. Наконецъ, наши законы въ то же время знаютъ еще ссылку по распоряженіямъ помѣщиковъ и по приговорамъ обществъ, которую умышленно обходилъ молчаніемъ уставъ 1822 года.

Знакомство съ мѣропріятіями гр. Сперанскаго о ссылкѣ, указывая на огромную ихъ важность, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуешь, что дѣятельность Сперанскаго по отношенію къ этому институту состояла не въ ломкѣ и разрушеніи стараго, а въ упорядоченіи его и сведеніи къ одному знаменателю того, что создавалось подъ вліяніемъ долгой исторической работы. Сперанскій засталъ у насъ ссылку колонизаціонную и не прибавилъ къ ней ни одного новаго карательнаго элемента; онъ былъ убѣжденъ въ возможности водворенія ссылныхъ и въ письмѣ къ своей дочери изъяслялъ намѣреніе издать таблицы, которыми удивится вся Европа, убѣ-

¹⁾ Архивъ Гос. Сов., Деп. зак. 1828 № 10.

дившись въ благоповеденіи и благосостояніи нашихъ ссыльныхъ. Уставъ 1822 года проникнуть самыми розовыми надеждами относительно возможности устройства ссыльныхъ. Но онъ изданъ въ то время, когда цифра ежегоднаго поступленія ссыльныхъ въ Сибирь не превышало 3.000 человекъ, и на эту цифру рассчитаны всѣ его предположенія. Вскорѣ за изданіемъ его, обстоятельства существенно измѣнились.

Въ началѣ текущаго столѣтія ссылка въ Сибирь примѣнялась къ тѣмъ лишь осужденнымъ, которые оставались за пополненіемъ крѣпостей рабочими и войска годными къ службѣ. Вслѣдствіе огромной потребности въ рабочихъ для крѣпостей и въ солдатахъ для войска, избытокъ этотъ не могъ быть значителенъ. Мало-помалу, крѣпости частью наполнились арестантами, частью же правительство предпочло замѣнить ихъ рабочими по вольному найму. „Съ другой стороны, обыкновеніе, введенное еще Петромъ I, пополнять армію ворами и бродягами, такъ вредило нравственности военнаго сословія и до того развило между солдатами побѣги, что главнокомандующіе 1-ю и 2-ю арміями нашлись вынужденными позаботиться о принятіи радикальныхъ мѣръ противъ этого зла“¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ измѣненій число ссыльныхъ въ Сибирь въ 1823 года дошло до 6.000 чел., въ 1827 г. — даже до 11¹/₂ т., и вплоть до изданія уложенія 1845 года не было ниже 7.000 человекъ ежегодно²⁾. По уголовному законодательству свода, ссылка занимала выдающееся мѣсто въ карательной системѣ; сводъ изд. 1842 г. опредѣляетъ:

смертную казнь	въ 12	статьяхъ ³⁾ ;
ссылку въ каторгу	82	”
ссылку на поселеніе, на водвореніе и просто ссылку	124	”
крѣпостныя и казенныя работы . .	18	”
арестантскія роты	5	”

¹⁾ Анучинъ, изслѣд. о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь, стр. 15. Особо большое число ссыльныхъ далъ указъ 1823 г. о ссылкѣ въ Сибирь бродягъ, которые прежде направлялись въ военную службу; онъ былъ отмененъ въ 1834 г., но при этомъ не запрещалось для военной службы направлять ихъ въ Сибирь, — обстоятельство, крайне неблагоприятно отразившееся на составѣ сибирскихъ войскъ.

²⁾ Анучинъ, стр. 22.

³⁾ Ст. 235—242, 245, 246, 265, 350 т. XV изд. 1842; во всѣхъ этихъ случаяхъ, смертная казнь могла имѣть мѣсто лишь при условіи назначенія верховнаго уголовного или военнаго суда.

рабочій домъ	въ 8 ¹⁾ статьяхъ
смирительный домъ	8 ²⁾ „
тюрьму и арестъ	15 „

Ссылка на каторгу получила уже характеръ тяжкаго уголовного наказанія, но ей подлежали многія дѣянія маловажныя. Ссылка на поселеніе по своду различалась на слѣдующіе виды: 1) ссылка на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ и наказаніемъ плетьюми для непривилегированныхъ; этотъ видъ стоялъ непосредственно за каторгою; 2) ссылка на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, но безъ наказанія плетьюми; она назначалась для лицъ привилегированныхъ вмѣсто перваго вида и для лицъ всѣхъ состояній за менѣе тяжкія преступленія (подложное проявленіе чудесь, ослушаніе начальства и рецидивъ ябедничества); 3) ссылка безъ лишенія правъ, но съ наказаніемъ плетьюми или съ работами на казенныхъ заводахъ, назначалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ для лицъ непривилегированныхъ; наконецъ, 4) ссылка безъ лишенія правъ и безъ тѣлеснаго наказанія опредѣлялась въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, какъ-то за ереси и расколы, а также за мѣнъ иныхъ наказаній при неспособности къ исполненію ихъ (напримѣръ военной службы), или въ видахъ колонизаціонныхъ (напримѣръ для жевщицъ); названіе этого вида въ законодательствѣ еще не установилось, но всего чаще онъ называется ссылкой на житье или на водвореніе.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ секретнымъ комитетомъ, состоявшимъ подъ предѣлательствомъ канцлера князя Кочубея, въ 1832 году въ Сибири числилось каторжныхъ 15.949 чел., поселенцевъ 79.563 чел., причѣмъ отношеніе ихъ къ свободному населенію было: по Сибири восточной $\frac{1}{16}$ къ русскому населенію и $\frac{1}{23}$ ко всему свободному населенію, по Сибири западной $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{28}$ ³⁾; въ Томской губерніи уже въ то время приходилось по 5 и по 6 ссыльныхъ на каждый домъ старожиловъ, но нѣкоторыя мѣстности, именно алтайскій горный округъ, были освобождены отъ принятія ссыльныхъ. Чрезмѣрное накопленіе ихъ крайне затрудняло мѣстное начальство. Хотя изъ общаго числа около 16.000 каторжныхъ 5.220 чел. состояли на вольномъ пропитаніи, по неспособности къ работамъ, но и для остальныхъ работъ не находилось; по

¹⁾ Изъ нихъ въ 4 случаяхъ альтернативно.

²⁾ Тоже въ 4 случаяхъ альтернативно.

³⁾ Арх. Гос. Сов. Деп. Зак. 1840 г. № 43; къ 1-му мая 1833 г. число всѣхъ ссыльныхъ было 101.086 чел., включая 2,768 женъ и дѣтей; въ бѣгахъ значилось 386 каторжныхъ и 2.420 поселенцевъ.

одной Иркутской губернии излишних каторжных было до 1.420 человекъ. Разныя мѣры принимались въ виду такого накопленія, какъ-то: отправленіе каторжныхъ на крѣпостныя работы Омской области, раздѣленіе ихъ въ горныхъ заводахъ на двѣ смѣны, запрещеніе употреблять на винокуренныхъ заводахъ машины, уменьшающія число рабочихъ рукъ (запрещеніе это держалось до 1836 года), но всё онѣ были недостаточны. Естественно, что въ виду этого не находилось работъ и для перваго разряда ссыльныхъ, именно для заводскихъ рабочихъ; въ 1831 году пришлось даже разрѣшить употребленіе каторжныхъ, которые не могли быть размѣщены въ работы при заводахъ, въ Иркутскій ремесленный домъ и состоящую при немъ суконную фабрику, которыя предназначались для ссыльныхъ втораго разряда. Для послѣднихъ, въ свою очередь, хотя кромѣ этихъ учрежденій устроены были такія же въ Тобольскѣ, Томскѣ и иныхъ мѣстахъ, но въ тридцатыхъ годахъ и они были закрыты, вслѣдствіе малоуспѣшности ихъ дѣятельности и крайней дороговизны. Цехъ слугъ равнымъ образомъ не могъ удержаться, по удостовѣренію кн. Горчакова „отъ основательной недовѣрчивости жителей къ людямъ развратнымъ“ и отъ отсутствія за ними какого бы то ни было надзора. Такимъ образомъ, почти вся масса ссыльныхъ поступала или на поселеніе, или въ разрядъ неспособныхъ.

Въ двадцатыхъ годахъ, еще не извѣрившись въ успѣхъ казенныхъ поселеній, правительство отпускало на устройство ихъ въ Восточной Сибири значительные капиталы. 25-го августа 1827 г. Сибирскій комитетъ разрѣшилъ выстроить въ Енисейской губерніи 22 деревни для водворенія 5.955 ссыльныхъ, на что ассигновано 479.000 руб.; къ 1833 г. изъ нихъ было выстроено 15 деревень, продолжало строиться 2, окончаніе всего дѣла предвидѣлось къ 1837 г. По удостовѣренію гр. Блудова, въ это время водвореніе каждаго ссыльнаго обходилось правительству, кромѣ постройки дома, въ 150 руб. ¹⁾ Но вскорѣ пришлось убѣдиться, что отпускъ денегъ еще далеко не разрѣшаетъ успѣха водворенія. Женскій вопросъ выдвигается во всемъ его грозномъ и неразрѣшимомъ величій. По свѣдѣніямъ секретнаго комитета кн. Кочубея, подтвержденнымъ изслѣдованіями Анучина, между ссыльными приходилась едва одна женщина на 6 мужчинъ; правительство поощряло добровольное слѣдованіе женъ за мужьями, но такихъ женщинъ въ 1833 году было едва 1 на 30 мужчинъ; пришлось прибѣгнуть къ инымъ средствамъ, мало надежнымъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Арх. Гос. Сов., Деп. Зак. 1840 г., № 53, л. 83.

что и въ средѣ свободнаго сибирскаго населенія процентъ женщинъ непомѣрно малъ. Въ 1825 г. рѣшено было покупкою или вымѣномъ приобретать дѣтей женскаго пола отъ сопредѣльныхъ Сибири кочующихъ народовъ; но само правительство не возлагало надеждъ на эту мѣру и приняло ее только потому, что „не остается другого средства“¹⁾. Казенныя поселенія, не будучи въ силахъ создать семью, распались и поселенцы изъ нихъ убѣгали. Неудача ихъ побуждала правительство изыскивать другіе способы; таковы: 1) выдача денежнаго пособія въ 150 р.²⁾ старожильческому семейству, соглашавшемуся принять къ себѣ въ домъ и въ родство посредствомъ брака ссыльнаго мужчину; мѣра эта примѣнялась по Западной и Восточной Сибири; но въ первой, по удостовѣренію гр. Влудова, нашлось только 11 семействъ, согласившихся выдать за ссыльныхъ своихъ женщинъ; по Восточной же Сибири за 10 лѣтъ на этотъ предметъ издержано 13.700 руб.; 2) выдача 50 руб. пособія женщинѣ свободнаго состоянія, которая согласится вступить въ Сибирь въ первый бракъ со ссыльнымъ, и самому ссыльному на домообзаведеніе 30 руб. Въ 1843 году Государственный Совѣтъ разъяснилъ, что оба пособія, семейству старожильческому и свободной женщинѣ, могутъ быть выдаваемы совмѣстно, въ видахъ поощренія браковъ между ссыльными, „тѣмъ болѣе, что выдача пособій семействамъ старожиловъ, не превышая, по указаніямъ 10-ти лѣтнаго опыта, 350 руб. въ годъ, нисколько для казны не обременительна“³⁾; наконецъ, 3) въ тѣхъ же видахъ водворенія ссыльныхъ неоднократно высказывались предположенія о пожалованіи въ Сибирь чиновникамъ земель крупными участками, съ условіемъ поселенія ссыльныхъ; но предположенія эти (хотя на сторону ихъ сталъ гр. Влудовъ, рекомендовавшій ихъ въ видѣ опыта) отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ, указывавшихъ на отсутствіе межеванія въ Сибири, на замѣчаемый во многихъ волостяхъ недостатокъ земель даже для старожиловъ и на невозможность надѣяться, чтобъ нашлись лица, которыя рѣшились-бы затратить на это дѣло достаточные капиталы⁴⁾. Такимъ образомъ, почти всѣ поселенцы водворялись путемъ приписки ихъ къ старожиламъ; но послѣдніе относились къ нимъ враждебно, не желали терпѣть ихъ въ своихъ домахъ, и приписка ограничивалась простою формальностью; въ большинствѣ случаевъ ссыльные, „не находя себѣ

¹⁾ П. С. З. № 30224.

²⁾ Позднѣе, въ 1837 г., рѣшено было выдавать по Иркутской губ. 244 руб., по Енисейской 100 руб.

³⁾ Арх. Гос. Сов. 1843 г., Деп. Зак. № 30.

⁴⁾ Арх. Гос. Сов. 1838 г., Деп. Зак. № 35 л. 84.

на мѣстахъ способовъ пропитанія, шатается по городамъ и селеніямъ, изыскивая себѣ работъ болѣе или менѣе выгодныхъ, каковы судоходство, рыбныя, соляныя и золотыя промыслы“, или обращались къ бродяжеству и преступленіямъ.

Но едва ли не самымъ огромнымъ зломъ нашей депортаціонной системы были неспособные: въ противоположность политикѣ государствъ иностранныхъ и московскаго періода, наше правительство въ петербургскій періодъ направляетъ въ ссылку даже людей, физически негодныхъ ни къ какому труду, напрасно затрачиваясь на передвиженіе ихъ и прибавляя огромное бремя содержанія ихъ на мѣстное сибирское населеніе. Уже къ 1834 году, по удостовѣренію кн. Горчакова, такихъ людей въ одной Западной Сибири считалось до 10.000 чел.; нынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ они составляютъ до 42% всего числа ссыльныхъ.

При этомъ порядкѣ вещей естественно было развитіе среди ссыльныхъ наклонности къ преступленіямъ; какъ отпоръ ей, является цѣлый рядъ предположеній объ увеличеніи тяжести наказаній для ссыльныхъ. Уже въ 1831 г. флигель-адъютантъ Гогель, по возвращеніи изъ Иркутска, представилъ переданную на разсмотрѣніе Сибирскаго комитета записку о введеніи за тяжкія преступленія ссыльныхъ смертной казни; но выс. утв. 29 мая 1832 г. положеніемъ, Сибирскій комитетъ, дѣятельнымъ членомъ котораго тогда былъ гр. Сперанскій, отвергъ это предположеніе, „не найдя къ тому основательныхъ причинъ“ и прибавивъ, что „если первыя впечатлѣнія сей казни и могутъ устрашить преступниковъ, то въ послѣдствіи они привычкою изглаждаются также, какъ и впечатлѣнія отъ другихъ наказаній“. Однако, въ томъ же 1832 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій представилъ отъ себя записку о необходимости введенія смертной казни и полеваго суда за тяжкія преступленія ссыльныхъ политическаго отѣнка; для разсмотрѣнія ея, подъ предѣдательствомъ кн. Кочубея, былъ учрежденъ особый комитетъ, извѣстный подъ именемъ секретнаго; въ составъ его вошли члены Сибирскаго комитета кн. Голицынъ и Сперанскій, министры: военный гр. Чернышевъ, финансовъ гр. Канкринъ, внутреннихъ дѣлъ Влудовъ, юстиціи кн. Голицынъ и шефъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ. Мнѣнія въ комитетѣ раздѣлились. Большинство склонялось ко введенію смертной казни, но съ тѣмъ, чтобы эта мѣра была установлена путемъ негласныхъ рескриптовъ на имя генераль-губернаторовъ, возобновляемыхъ каждый разъ при назначеніи на эти должности новыхъ лицъ; неудобство опубликованія мотивировалось тѣмъ, „дабы не могли возродиться у ссыльныхъ вредныя мысли о возможности бунта,

заговора и пр., и разные неосновательные толки“. Меньшинство же (кн. Голицынъ и Сперанскій) энергически возставало противъ этой мѣры, какъ потому, что Государь уже высказался противъ нея по поводу записки Гогеля, такъ и потому, что увеличеніе преступленій между ссыльными не доказано; „но если бы и доказано было, что тяжкія преступленія между ссыльными умножаются, то и тогда представлялся бы еще вопросъ: будетъ ли смертная казнь рѣшительнымъ средствомъ къ ихъ прекращенію? Здѣсь надлежало бы принять въ уваженіе: 1) что примѣръ другихъ государствъ ни мало не оправдываетъ сего предположенія; тамъ не менѣе тяжкихъ преступленій, нежели у насъ; 2) что принять мѣру столь крайнюю, безъ точной увѣренности въ ея успѣхъ и, такъ сказать, для опыта, было бы вводить такое уновленіе, которое можетъ быть оправдано одною необходимостью, а сія необходимость не доказана“¹⁾. Государь согласился съ мнѣніемъ большинства, и негласные рескрипты о дозволеніи смертной казни выдавались сибирскимъ генераль-губернаторомъ съ 1834 по 1837 годъ; она допускалась за слѣдующія преступленія каторжныхъ и поселенцевъ: 1) заговоръ противъ Государя и правительства; 2) бунтъ, сопряженный съ грабежемъ, убійствами, зажигательствомъ, взломомъ тюремъ и освобожденіемъ преступниковъ; 3) доказанное склоненіе жителей края къ бунту и неповиновенію; 4) открытое неповиновеніе военной силѣ и начальству, въ мѣстѣ содержанія каторжныхъ установленному; 5) насильственные предпріятія къ освобожденію изъ содержанія въ каторжной работѣ и таковыя же къ полученію свободы изъ тюремнаго заключенія, соединенныя съ насиліемъ стражи. Независимо отъ того, уже въ это время поднять вопросъ объ усиленіи иныхъ наказаній для ссыльныхъ и каторжныхъ, вызванный предположеніями гр. Канкринна; подъ вліяніемъ ихъ появились законы 1840 и 1853 годовъ, опредѣлившіе современную весьма суровую карательную систему ссылки.

Жалобы мѣстныхъ начальствъ Сибири на неудовлетворительное положеніе ссылки и на невозможность помочь дѣлу вслѣдствіе огромнаго постояннаго прилива ссыльныхъ обратили на себя вниманіе императора Николая Павловича. На рапортѣ Томскаго гражданскаго губернатора въ 1835 г. имъ было надписано: „разсмотрѣть, нѣтъ ли возможности вовсе прекратить ссылку въ Си-

¹⁾ Арх. Гос. Сов., Департ. Зак., 1840, № 53 и 1841 № 72, л. 177 и сл.; къ особому мнѣнію приложена записка объ одномъ примѣрѣ ошибки изъ нашей судебной практики (по дѣлу объ убійствѣ семейства Усковыхъ), съ замѣчаніемъ, что ошибка эта до нѣкоторой степени могла быть искуплена потому только, что у насъ не существовало смертной казни.

бирь на поселеніе, оставя сіе для однихъ каторжныхъ“. Это желаніе, въ связи съ поступившими о ссылкѣ записками Чевкина и Фалькенберга объ увеличеніи преступленій ссыльныхъ и необходимости общаго пересмотра законодательства о ссылкѣ, съ усиленіемъ при этомъ карательнаго ея значенія, вызвали обширное дѣло, начавшееся сперва въ Сибирскомъ комитетѣ, а затѣмъ переданное въ Государственный Совѣтъ. Министры внутреннихъ дѣлъ Влудовъ и юстиціи Дашковъ склонялись къ утвердительному рѣшенію вопроса, поставленнаго Государемъ; первый рекомендовалъ замѣнить сибирской ссылки развитіе арестантскихъ ротъ и ссылки на житье въ отдаленныя губерніи европейской Россіи, второй — устройство домовъ заточенія съ обязательными внутренними работами и обученіемъ ремесламъ. Департаментъ законовъ Государственного Совѣта обсуждалъ этотъ вопросъ въ связи съ обширными записками Чевкина, сопровождавшаго тогдашняго Наслѣдника Престола Цесаревича Александра Николаевича при поѣздкѣ въ Сибирь, и сибирскихъ генераль-губернаторовъ кн. Горчакова и Броневскаго; первый разъ онъ разсматривалъ его въ 9 засѣданіяхъ (съ 3 декабря 1837 по 9 августа 1838) и вторично въ пяти (со 2 марта по 6 мая 1840 г.)¹⁾; первое разсмотрѣніе было неокончательное, ибо журналъ остался неподписанъ, за выбытіемъ всѣхъ членовъ; но оно представляетъ большой интересъ по участию въ немъ гр. Сперанскаго; въ проектѣ журнала его высказано, что „мысль объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь на поселеніе надлежитъ оставить потому, что нѣтъ способовъ удовлетворительно замѣнить ссылку сію иными назначеніями; потому, что всѣ предположенныя нынѣ мѣры къ достиженію сей цѣли были бы очевидно вреднѣе и неудобнѣе самой ссылки, и наконецъ потому, что Сибирь есть одна только въ Россіи страна, которая можетъ принимать ссылаемыхъ въ достаточномъ числѣ, не только съ наименьшимъ по возможности вредомъ въ настоящее время, но и не безъ пользы для будущаго: во всякомъ другомъ мѣстѣ соединеніе сихъ людей было бы истинною тягостью и для правительства, и для самаго края“. Къ тому же заключенію пришелъ Государственный Совѣтъ и въ 1840 г., согласившись, однако, съ необходимостью возможнаго ограниченія сибирской ссылки и настоятельностью въ ней разныхъ реформъ по вопросамъ о пересылкѣ, о распредѣленіи ссыльныхъ, о болѣе энергическомъ понужденіи ихъ къ трудолюбивой жизни строгимъ надзоромъ, учреж-

¹⁾ Арх. Гос. С. 1840, Деп. Зак. № 43; журналы департамента по этому дѣлу въ высшей степени интересны по полнотѣ и богатству матеріала. Кажется, ихъ именно имѣлъ въ виду Гольцендорфъ, въ предисловіи къ своему сочиненію *die Deportation*.

деніемъ арестантскихъ поселенныхъ ротъ и усиленіемъ наказаній за общія преступленія, со введеніемъ даже смертной казни; но ни одно изъ предположеній этихъ не получило силы закона.

Однако, это производство не осталось безъ послѣдствій, убѣдивъ центральное правительство въ необходимости сокращенія сибирской ссылки. Двѣ мѣры, проектированныя Влудовымъ, — арестантскія роты и ссылка на житье въ европейскія окраинныя губерніи, — тѣмъ временемъ осуществляются и облегчаютъ достиженіе намѣченной задачи. Уже съ 1825 г. крѣпостныхъ арестантовъ, считавшихся каторжными, начали строить въ роты съ подчиненіемъ ихъ военной дисциплинѣ¹⁾, а въ 1827 г., на подобіе такимъ военнымъ ротамъ (инженернаго или морскаго вѣдомства), предположено устройство во всѣхъ губернскихъ городахъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, по мысли Императора Николая Павловича, находившаго, что „черезъ сформированіе сихъ ротъ пріобрѣтены будутъ двѣ главныя выгоды: дешевѣйшій способъ къ устройству губернскихъ городовъ и къ производству разныхъ городскихъ работъ, и отмѣна издержекъ на отправленіе арестантовъ въ Сибирь и продовольствіе ихъ въ пути“²⁾; первоначально эти роты предположено устроить только для бродягъ и принять содержаніе ихъ на счетъ казны, и на этомъ основаніи открыты были первыя роты въ Новгородѣ и Псковѣ; въ 1828 г. рѣшено всѣхъ приговоренныхъ къ ссылкѣ, способныхъ къ работамъ, удерживать въ исправительныхъ рабочихъ ротахъ, а въ іюль 1830 г. учреждены 3 роты въ Одессѣ и Новороссіи, куда предписано направлять: бѣглыхъ и бродягъ старше 25 л., осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь за маловажныя преступленія, не наказанныхъ рукою палача, и осужденныхъ въ крѣпостную работу на срокъ за неважныя преступленія или къ заключенію въ рабочій домъ; затѣмъ такія же роты учреждаются въ Москвѣ, Брестъ-Литовскѣ, Кронштадтѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ и иныхъ мѣстахъ, съ особыми для каждаго положеніями; въ нихъ поступали и лица состоянній привелегированныхъ, притомъ до 1842 г. даже если были приговорены къ ссылкѣ за важныя вины, такъ какъ они не подлежали наказанію рукою палача; но любопытно при этомъ, что хотя арестантскія роты назначались за менѣ важныя вины, Государственный Совѣтъ въ 1838 г. разъяснилъ, что „срокъ содержанія въ сихъ ротахъ опредѣляется однимъ только бродягамъ, слѣдственно всѣ изъ другихъ званій,

¹⁾ Положеніе для образов. крѣпостныхъ арестантовъ въ арест. роты 26 сент. 1826; 2 П. С. З. № 598.

²⁾ 2 П. С. З. № 1455.

въ роты сіи поступающіе, должны быть почитаемы всегдашними¹⁾. Общее положеніе объ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, подчиненныхъ главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій (до 1863 г.), состоялось только въ 1845 г., согласно новымъ началамъ уголовного законодательства, принятымъ уложеніемъ о наказаніяхъ²⁾, по которому роты сдѣлались исправительною карою для лицъ состояній непривилегированныхъ. Мысль о другой мѣрѣ, ссылкѣ на житье въ отдаленныя европейскія губерніи, впервые высказана была гр. Блудовымъ въ 1832 г., причемъ онъ имѣлъ въ виду сѣверовосточныя уѣзды губ. Вятской и Вологодской, предполагая отдавать поселенцевъ старожиламъ въ видѣ работниковъ на 4 и на 6 лѣтъ, за исключеніемъ женщинъ, въ которыхъ нуждалась Сибирь; но тогда эта мѣра не была принята.

IV. Дѣйствующее законодательство о ссылкѣ и современное состояніе ея. Значительно упорядочена ссылка какъ наказаніе благодаря дѣятельности гр. Блудова, творца существующаго нашего уголовного кодекса. Сохраняя ссылку въ каторжныя работы и ссылку на поселеніе, уложеніе прибавляетъ къ нимъ еще ссылку на житье, о которой какъ о самостоятельномъ наказаніи были лишь слабыя намеки въ прежнемъ законодательствѣ и которая по уложенію получаетъ совершенно новое значеніе. Ссылка въ каторжныя работы и на поселеніе отнесены къ наказаніямъ уголовнымъ и предположены лишь за преступныя дѣянія наиболѣе тяжкія; оба эти рода ссылки окончательно поставлены между собою въ связь, частью установленіемъ срочности каторжныхъ работъ съ категоричностью, неизвѣстною прежнему законодательству, частью правиломъ о начатіи ссылки на поселеніе обязательными заводскими, т. е. каторжными работами, а главнымъ образомъ указаніемъ, что по окончаніи каторжныхъ работъ ссыльные поступаютъ на поселеніе. Каторжныя работы опредѣлены точнѣе, и принципъ соразмѣренія тяжести ихъ съ тяжестью вины окончательно принимается законодательствомъ; онѣ раздѣлены на работы въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ (этотъ видъ отбывался большею частью въ европейской Россіи) и на заводахъ. Ссылка на поселеніе сосредоточивается всецѣло въ Сибири, и лишь по исключенію на Кавказѣ; сибирская ссылка по тяжести дѣлится на двѣ степени: въ Западную Сибирь и въ Восточную; та и другая пожизненна и сопровождается лишеніемъ всѣхъ правъ, но, по истеченіи 10-ти лѣтъ поселенія, ссыльный переводится въ состояніе государственныхъ крестьянъ. Отъ наказаній уголовныхъ отличены исправительныя; высшимъ видомъ ихъ для лицъ

¹⁾ 1, 2 П. С. З. № 11238.

²⁾ 2, 2 П. С. З. № 19285.

привилегированныхъ проектъ 1844 г. предполагалъ временную (отъ 5 до 20) ссылку въ Сибирь съ лишеніемъ особыхъ правъ, а вторымъ видомъ — временную же, отъ 1 года до 5 лѣтъ, ссылку въ губерніи несибирскія; но Государственный Совѣтъ не принялъ начала срочности ссылки, такъ что и ссылка на житье установлена пожизненно. Для лицъ непривилегированныхъ ссылкѣ на житье въ Сибирь соответствовали работы въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства на время отъ одного года до 10 лѣтъ, съ наказаніемъ розгами отъ 50 до 100 ударовъ, а ссылкѣ въ несибирскія губерніи — заключеніе въ рабочемъ домѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ; прочія затѣмъ исправительныя наказанія — заключеніе въ крѣпости, въ смиренномъ домѣ, въ тюрьмѣ, арестъ, денежныя взысканія и выговоры, — назначались независимо отъ сословныхъ различій и были поставлены въ строгую постепенность.

Одновременно съ изданіемъ уложенія изданы новыя правила о каторжныхъ работахъ¹⁾ и положеніе объ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства²⁾. Согласно дѣйствующему праву, ссыльно-каторжные, смотря по опредѣленнымъ судомъ срокамъ работъ, дѣлятся на три разряда; всѣ они на первое время (отъ 1 года до 8 лѣтъ, смотря по тяжести приговора) поступаютъ въ отрядъ испытуемыхъ, откуда подавшіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе перечисляются въ отрядъ исправляющихся. Такой переводъ соединяется съ нѣкоторыми льготами: исправляющіеся содержатся безъ оковъ, работы для нихъ легче, число праздничныхъ дней больше, за трудъ имъ отчисляется нѣкоторое вознагражденіе, и, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ пребыванія въ отрядѣ исправляющихся (отъ 1 до 3 лѣтъ), они могутъ получить дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатахъ свободныхъ мастеровыхъ, или даже построить себѣ домъ на землѣ, принадлежащей заводу, и вступать въ бракъ. Съ дозволеніемъ жить внѣ острога, исправляющимся выдается, по возможности натурою, пособіе на домообзаведеніе; фондомъ для него служатъ по преимуществу ихъ заработанныя деньги и привезенныя съ собою въ мѣсто ссылки; десять мѣсяцевъ пребыванія въ отрядѣ исправляющихся считаются за годъ наказанія. Съ окончаніемъ сроковъ наказанія, а безсрочные — по истеченіи 20 лѣтъ, совершенно освобождаются отъ работъ и переходятъ въ разрядъ поселенцевъ. Неспособные къ работамъ призрѣваются въ заводскихъ тюрьмахъ и богадѣльняхъ.

Всѣ ссыльно-поселенцы, по дѣйствующему законодательству, основанному на уставѣ 1822 г., должны на первое время, именно

¹⁾ 2. П. С. З. № 19.284.

²⁾ 2. П. С. З. № 19.285.

на годъ, поступить въ заводскіе рабочіе, а затѣмъ уже перечисляются или въ ремесленные работники, или въ цехъ слугъ, или на поселеніе, или въ разрядъ дряхлыхъ. Но, съ закрытіемъ въ Сибири казенныхъ заводовъ, разрядъ заводскихъ рабочихъ упразднился; то же вліяніе на разрядъ ремесленныхъ работниковъ оказало закрытіе рабочихъ и смирительныхъ домовъ, доступъ въ цехъ слугъ затрудненъ въ интересахъ безопасности городского населенія, такъ что фактически, кромѣ неспособныхъ (составляющихъ нынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ 42% всего наличнаго числа ссыльныхъ), всѣ ссыльно-поселенцы обращаются на поселеніе, при томъ исключительно въ формѣ приписки къ селеніямъ старожиловъ, такъ какъ образованіе изъ ссыльныхъ казенныхъ поселеній не производится. По назначенію губернскаго правленія, они распределяются и отсылаются по волостямъ, гдѣ обязаны водвориться собственными трудами; по прибытіи въ волость, имъ выдаются собственныя ихъ деньги и отводится земельный участокъ, съ выдачею пособій въ случаѣ вступленія въ бракъ; если ссыльный немедленно водвориться не можетъ, то старожилу, который согласится принять его въ свой домъ, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ выдается полплаката арестантскаго содержанія.

Для облегченія водворенія, ссыльному предоставляются льготы по уплатѣ податей, именно въ теченіи первыхъ 3 лѣтъ онъ отъ нихъ вполне освобождается, а въ слѣдующіе 7 лѣтъ уплачиваетъ ихъ въ уменьшенномъ размѣрѣ; въ этотъ 10-лѣтній промежутокъ времени онъ состоитъ подъ надзоромъ и можетъ отлучаться изъ селенія и для постороннихъ работъ (напр. на золотые промыслы) не иначе, какъ по особымъ разрѣшеніямъ. По истеченіи 10 лѣтъ, ссыльно-поселенцы перечисляются въ государственные крестьяне и поступаютъ подъ общій земскій надзоръ; этотъ срокъ можетъ быть сокращенъ, но только въ виду особыхъ заслугъ. На принятіе въ крестьянскія общества должно быть изъявлено согласіе послѣднихъ; переходъ же въ городскія званія ссыльно-поселенцамъ воспрещенъ, но законъ 1882 года предоставилъ ссыльно-поселенцамъ, даже до перехода въ государственные крестьяне, съ особаго разрѣшенія мѣстныхъ вышнихъ начальствъ, заниматься торговлею и промыслами по гильдейскимъ и промысловымъ свидѣтельствамъ; для этого требуется представленіе ссыльнымъ одобрительнаго о поведеніи отзыва со стороны общества, которое въ восточной Сибири можетъ быть дано не раньше чѣмъ по истеченіи 3 лѣтъ со дня водворенія. Съ переходомъ въ государственные крестьяне, ссыльно-поселенцы получаютъ право выѣзда во всѣ сибирскія губерніи и области.

Имущественное положеніе ссыльныхъ, съ переходомъ въ госу-

дарственные крестьяне, сравнивается вполне съ положеніемъ людей, не лишенныхъ правъ состоянія: они не имѣютъ права только на имущество, поступившее къ ихъ наслѣдникамъ, но пріобрѣтаютъ полную имущественную правоспособность и полноту правъ на все имущество, пріобрѣтенное въ Сибири. До перечисленія-же въ государственные крестьяне, осужденные въ каторжную работу и на поселеніе „не могутъ пріобрѣтать никакого недвижимаго имущества въ собственность; но для поощренія ихъ къ трудолюбію, бережливости и осѣдлой жизни и для обезпеченія пользы не участвовавшихъ въ преступленіи женъ и дѣтей ихъ, имъ дозволяется владѣть и пользоваться въ мѣстѣ ссылки нѣкоторыми имуществами на особомъ основаніи“ (773 уст. о ссыльн.). Они могутъ покупать, но не на свое имя, а на имя экспедиціи о ссыльныхъ, недвижимыя имущества въ мѣстахъ ихъ поселенія, во внѣ городовъ, владѣть и пользоваться ими, пока находятся въ этой мѣстности; съ дозволенія экспедиціи допускается обмѣнъ, а въ случаѣ перевода въ другую мѣстность — публичная ихъ продажа; каторжные исправляющіеся, на отведенной имъ заводской землѣ, могутъ построить домъ, но имъ принадлежитъ только право владѣнія и пользованія, а не право распоряженія; въ случаѣ смерти, имущества эти переходятъ къ ихъ женамъ и дѣтямъ, находящимся въ Сибири, а если таковыхъ не имѣется, то поступаютъ въ пользу экспедиціи, въ экономической капиталъ ссыльныхъ; движимое ихъ имущество, пріобрѣтенное въ мѣстѣ ссылки или привезенное съ собою, слѣдуетъ той же участи.

Брачныя права ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ опредѣляются слѣдующими правилами. Сила прежде заключеннаго брака зависитъ отъ воли супруга осужденнаго. Если по его волѣ онъ расторгнуть, или его не существовало, то право вступленія въ бракъ предоставляется: каторжнымъ — со времени перевода въ отрядъ исправляющихся, поселенцамъ — со времени распредѣленія ихъ; но поселенцы, съ особаго разрѣшенія власти, могутъ вступать въ бракъ даже въ пути. Осужденные въ видѣ общаго правила могутъ вступать въ бракъ съ лицами всѣхъ состояній; но относительно осужденныхъ женщинъ существуютъ ограниченія, въ тѣхъ видахъ, чтобы путемъ брака онѣ не могли уклоняться отъ исполненія наказанія.

Всѣми этими законами, безспорно, въ области нашего уголовного законодательства введены важныя улучшенія; значеніе каждаго наказанія опредѣлилось точнѣе, между ними установилась послѣдовательность, и началу примѣненія наказаній смотря по человѣку нанесенъ рѣшительный ударъ устраненіемъ изъ общей системы наказаній отдачи въ военную службу и запрещеніемъ замѣны однихъ

карательныхъ мѣръ другими по способностямъ наказываемаго. Ссылка, ставъ тяжкимъ наказаніемъ, ограничилась въ примѣненіи, и подлѣ нея значительное мѣсто отведено лишенію свободы въ формѣ заключенія.

Но скоро оказалось, что, расширяя послѣднее, правительство не подготовилось къ тому своевременнымъ устройствомъ помѣщеній для подлежащихъ заключенію. Арестантскія роты переполнились заключенными свыше мѣры, и возможности расширить ихъ не предвидѣлось вслѣдствіе сокращенія работъ, производившихся до того трудомъ преступниковъ¹⁾. Переполненіе рабочихъ и смирительныхъ домовъ²⁾ вызывало постоянныя жалобы комитетовъ учрежденнаго въ 1819 г. общества попечительнаго о тюрьмахъ и губернскихъ начальствѣ, и уже въ 1848 г. сепаратными Высочайшими повелѣніями предписывалось людей, приговоренныхъ на продолжительные сроки, частью отправлять на работы въ кронштадтскія арестантскія роты, частью ссылать въ Сибирь. Это обстоятельство вызвало общее разсмотрѣніе вопроса о приговоренныхъ на долгіе сроки заключенія въ законодательномъ порядкѣ³⁾, и тому же гр. Блудову, послѣ непріянія предложеній его о введеніи у насъ одиночнаго заключенія⁴⁾ или о введеніи сложной карательной мѣры, состоящей изъ заключенія съ работами въ Имперіи какъ первой стадіи и затѣмъ срочной ссылки⁵⁾, пришлось формулировать представленіе о замѣнѣ продолжительнаго заключенія простою ссылкой въ Сибирь; но ему удалось отстоять при этомъ два важныя положенія: 1) новый видъ ссылки, какъ замѣнившій наказаніе исправительное, отличенъ отъ уголовной ссылки на поселеніе и получилъ названіе ссылки на водвореніе, а ссыльные этой категоріи водворяемыхъ рабочихъ, и 2) этотъ новый видъ ссылки объявленъ

¹⁾ Къ 1 сентября 1847 г. въ арестантскихъ ротахъ гражданского вѣдомства по штатамъ полагалось 4.750 арестантовъ, а на лицо было 5.580; въ теченіи первыхъ семи мѣсяцевъ 1847 г. поступило въ роты 2.707 чел.; арх. Гос. С. 1850 № 76 л. 83.

²⁾ Въ 1848 г. число рабочихъ и смирительныхъ домовъ въ Имперіи было 31, содержалось въ нихъ 3.285 чел.; *ib.*, л. 14.

³⁾ Государь Николай Павловичъ былъ весьма недоволенъ перепопленіемъ тюремъ и на годовомъ отчетѣ одного изъ губернаторовъ надписалъ: „вотъ послѣдствія новаго уложенія“. Государь желалъ, чтобы всѣ приговоренные на время свыше 3 лѣтъ подвергались ссылкѣ.

⁴⁾ Гр. Блудовъ проектировалъ одиночное заключеніе до 1¹/₂ года, съ сокращеніемъ сроковъ судебного приговора; Николай Павловичъ, въ виду дороговизны, выразилъ сомнѣніе о возможности осуществленія этой мѣры.

⁵⁾ Противъ срочной ссылки министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ указывалъ, что люди, возвратившіеся изъ ссылки, могутъ сообщать о ней свѣдѣнія, которыя уменьшаютъ ея устрашительное значеніе.

мѣрою временною. Такова была сущность закона 23 ноября 1853 г., очистившаго имперскія мѣста заключенія отъ бродягъ и приговоренныхъ къ продолжительному заключенію; нынѣ законъ этотъ дѣйствуетъ только для бродягъ, которые, однако, по юридическому положенію ихъ совершенно уравниены со ссыльно-поселенцами.

Между тѣмъ, въ теченіи пятидесятихъ годовъ и въ Сибири какъ каторга, такъ и ссылка на поселеніе, постепенно приходили къ большому и большому разстройству. По отношенію къ каторгѣ, это вызвано было истощеніемъ золотonosныхъ жилъ въ мѣстахъ, гдѣ работали каторжные, и постепеннымъ закрытіемъ казенныхъ заводовъ и фабрикъ, по оказавшейся невыгодности казеннаго хозяйства, преимущественно путемъ принудительнаго труда¹⁾, первое время частныя лица, къ которымъ переходили заводы, соглашались имѣть ограниченное число каторжныхъ рабочихъ, но затѣмъ и они отъ этого отказывались; каторжные болѣе и болѣе концентрировались на рудничныхъ работахъ, преимущественно въ Нерчинскомъ округѣ. Но и начальство рудниковъ не замедлило встать въ отрицательное отношеніе къ труду каторжныхъ; Нерченскій горный округъ переписанъ былъ на имя кабинета Его Императорскаго Величества, признавашаго невыгоднымъ производство рудничныхъ работъ каторжными и въ шестидесятихъ годахъ окончательно отказавшагося отъ приѣма ихъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, каторжныхъ частью направили на карійскіе золотые промыслы, частью на Сахалинъ, а частью даже вынуждены были задерживать въ устроенныхъ въ имперіи, такъ называемыхъ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ (законъ 1869 г.), гдѣ они оставались въ праздности въ общихъ камерахъ; смертность въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. въ виленской тюрьмѣ) превысила 25%. Разстройство ссылки на поселеніе произошло отъ отсутствія работъ для поселенцевъ и надзора за ними. Съ закрытіемъ заводовъ устранилась возможность соблюденія правилъ устава 1822 г. о заводскихъ рабочихъ; ремесленные дома, устроенные было для поселенцевъ въ разныхъ мѣстахъ западной и восточной Сибири, также со второй половины тридцатыхъ годовъ начинаютъ закрываться правительствомъ, вслѣдствіе ихъ неустройствъ и дороговизны; въ началѣ сороковыхъ годовъ было проектировано учрежденіе изъ ссыльныхъ особыхъ поселенныхъ ротъ, по образцу исправительныхъ арестантскихъ ротъ, но разныя начальства Сибири расходились во

¹⁾ Уже въ тридцатыхъ годахъ на винокуренныхъ заводахъ Сибири вынуждены были содержать инвалидныя команды въ числѣ, почти равнявшемся числу работавшихъ на нихъ каторжныхъ.

взглядахъ о полезности ихъ¹⁾, и эта мѣра или вовсе не практиковалась, или, влѣдствіе трудности устройства въ дальней странѣ хорошаго надзора, дѣйствовала безуспѣшно. Въ цехъ слугъ записывались ссыльные охотно, для того, чтобы, пользуясь отсутствіемъ всякаго надзора, жить въ городахъ, гдѣ они представляли собою серьезную опасность; но это обстоятельство привело къ тому, что приписка къ цеху слугъ уже съ 1831 г. была запрещена. Разрядъ поселенцевъ распался на поселяемыхъ въ казенныхъ селеніяхъ и приписываемыхъ къ деревнямъ старожиловъ. Первое время правительство вѣрило въ успѣхъ казенныхъ поселеній изъ ссыльныхъ и по Восточной Сибири²⁾ для устройства ихъ Лавинскому отпущены были значительныя суммы; но уже въ 1840 г. должности инспекторовъ и смотрителей поселеній, какъ не оправдавшія возложенныхъ на нихъ ожиданій, были упразднены, поселенцы переданы въ вѣдѣніе общей полиціи, и съ уменьшеніемъ за ними надзора они массами стали покидать устроенные для нихъ дома; система казенныхъ поселеній распалась и къ ней болѣе не прибѣгали. Вышли изъ употребленія и денежныя пособія, выдававшіяся при бракѣ ссыльныхъ съ женщинами свободнаго состоянія, такъ что осталась фактически только приписка къ селеніямъ старожиловъ. А между тѣмъ, подъ вліяніемъ карательныхъ взглядовъ на ссылку, съ особенною силою выраженныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, объемъ правъ ссыльныхъ въ Сибири значительно сузился; наиболѣе вредно для интересовъ колонизаціи было запрещеніе имъ пріобрѣтать недвижимое имущество и запрещеніе получать свидѣтельства на право торговли и промысловъ; послѣднее запрещеніе смягчено только въ 1879 году. Понятно, что при этихъ условіяхъ водвореніе ссыльныхъ, лишенныхъ семьи³⁾ и имущества⁴⁾, оставленныхъ на произволъ старожиловъ и собственной неопытности, истощившихъ здоровье и силы на тяжелый

¹⁾ Такъ, по удостовѣренію генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго, въ 1824 году, въ видѣ опыта, тамъ образована была дорожно-рабочая рота изъ ссыльныхъ, но двухлѣтній опытъ показалъ, что „кромѣ вреда отъ дурной нравственности рабочихъ и недостатка надзора она ничего не принесла“; поэтому, когда въ 1848 г. возникла вновь переписка объ открытіи въ Нижнеудинскомъ округѣ дорожной рабочей команды изъ ссыльныхъ, въ 254 человекъ, то, въ виду прежняго опыта, предположеніе это отвергнуто; тоже повторилось въ 1855 г.

²⁾ Въ Западной Сибири казенныхъ поселеній не устраивалось.

³⁾ Женщинъ среди ссыльныхъ менѣе 10%, да и тѣ мало пригодны, по своей преступности, къ насажденію семейнаго начала.

⁴⁾ По свѣдѣніямъ Тобольскаго приказа, нынѣ переведеннаго въ Тюмень, собственнаго движимаго имущества привозится ссыльными въ Сибирь среднимъ числомъ по 3 р. на человекъ.

путь, не может идти успешно; на мѣстахъ остается едва $\frac{1}{10}$ часть, остальные уходятъ или по билетамъ, или безъ всякихъ билетовъ, въ неизвѣстную отлучку, и въ категоріи послѣднихъ состоитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около половины всѣхъ ссыльныхъ, въ другихъ даже больше¹⁾; изъ оставшихся на мѣстахъ обзаводятся домашнимъ хозяйствомъ весьма немногіе, и, по интереснымъ свѣдѣніямъ Тобольской экспедиціи, въ этой губерніи приростъ обзаводящихся домашнимъ хозяйствомъ составляетъ лишь $\frac{1}{4}\%$ въ годъ (т. е. одно хозяйство на 400 ссыльныхъ²⁾). Въ то же время преступность ссыльныхъ весьма высока и совершаемыя ими преступления носятъ по преимуществу насильственный характеръ. Составляя постоянную угрозу для общественной безопасности Сибири, ссылка ложится на мѣстное населеніе значительными тягостями отъ вызываемой ею необходимости усиленныхъ расходовъ на содержаніе полиціи, суда и тюремъ; всѣмъ этимъ объясняется крайне отрицательное отношеніе мѣстнаго населенія къ ссыльнымъ, которыхъ тамъ называютъ унизительными кличками варнака и бродяги, и неохотно допускаютъ въ свои дома.

Передвиженіе ссыльныхъ въ Сибирь нынѣ совершается частью пѣше-этапнымъ способомъ, частью по желѣзнымъ дорогамъ, на баржахъ и на подводахъ. Главный пересыльный трактъ въ европейской Россіи идетъ на Москву, Нижній, Казань, Пермь, Екатеринбургъ, и Тюмень; до Нижняго ссыльные препровождаются въ особыхъ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, между Нижнимъ и Пермью на арестантскихъ баржахъ, буксируемыхъ пароходами, въ Перми снова сажаются въ вагоны желѣзной дороги до Екатеринбурга, откуда до Тюмени направляются на подводахъ; затѣмъ отъ Тюмени до Томска они слѣдуютъ на баркахъ, а отъ Томска идутъ пѣшимъ путемъ. Стоимость пересылки ссыльныхъ этимъ путемъ, считая съ издержками на продовольствіе и леченіе заболѣвшихъ въ пути, доходитъ до $1\frac{1}{4}$ милліона рублей въ годъ³⁾, которые должны быть разложены на 10.000 человѣкъ ссыльныхъ по суду

1) См. мою статью „Къ вопросу о ссылкѣ“, въ Ж. Гр. Уг. Пр. 1880 г. и работы г. Ядринцева о ссылкѣ въ Вѣст. Евр. 1880 г. и въ его сочиненіи „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“.

2) Указываютъ иногда въ защиту ссылки на примѣры обогащеній ссыльныхъ; но, съ одной стороны, такіе примѣры суть единичные случаи, теряющіеся въ массѣ противоположныхъ; съ другой—самое обогащеніе, по справедливому замѣчанію Гольцендорфа, нерѣдко говоритъ противъ ссылки, открывающей возможность получить богатство путями безнравственными, а порою и преступными, которые во всякомъ устроенномъ обществѣ были бы наказаны.

3) Отчетъ главн. тюр. управл. 1884 г., стр. 117.

и административныхъ (не считая добровольно слѣдующихъ женъ и дѣтей), такъ что для правительства пересылка одного человѣка среднимъ числомъ обходится въ 125 руб., не считая издержекъ на управленіе, на стражу и на пересыльные тюрьмы; кромѣ того, по Сибири обязанность препровожденія ссыльныхъ ложится на мѣстное населеніе, такъ что общая стоимость пересылки каждаго ссыльнаго доходитъ до 300 руб. При этомъ заболѣвають въ пути свыше 2.000 чел. (преимущественно дѣти), умирають около 200, убѣгаютъ болѣе 350. На Сахалинѣ передвиженіе совершается морскимъ путемъ изъ Одессы на пароходахъ общества добровольнаго флота; въ 1884 г. за провозъ и продовольствіе въ пути 1.101 каторжнаго со стражею было уплачено обществу свыше 250.000, т. е., среднимъ числомъ, около 225 руб. на человѣка, да, кромѣ того, болѣе 150.000 руб. за доставку на Сахалинѣ ржи, муки и другихъ предметовъ¹⁾.

Западная Сибирь съ 1859 г. освобождена отъ судебной уголовной ссылки; сюда направляются только ссылаемые на житѣе (до 200 чел. въ годъ) и ссылаемые по приговорамъ обществъ и распоряженіямъ администраціи (ежегодно около 6.000 чел., не считая добровольно слѣдующихъ за ними женъ и дѣтей, до 4.000 ежегодно). Ссылаемые на поселеніе направляются въ Восточную Сибирь, а ссылаемые въ каторгу (ежегодно до 1.700 чел.) распредѣляются нынѣ между Сахалиномъ (къ 1 января 1885 г. 3.004 мужч. и 388 жен.), Забайкальемъ и нѣкоторыми еще не закрытыми центральными каторжными тюрьмами; общее число ихъ въ 1884 г. доходило почти до 9.000 человѣкъ. Что же касается общей цифры поселенцевъ, то она не можетъ быть опредѣлена, а ежегодное поступленіе ихъ съ водворяемыми бродягами превышаетъ 4.000 человѣкъ.

Кромѣ судебной ссылки въ Сибирь, дѣйствующему законодательству извѣстны: 1) судебная ссылка на житѣе въ губерніи несибирскія, для лицъ привилегированныхъ состояній; о водвореніи ихъ нѣтъ и рѣчи, все время они содержатся на счетъ правительства; и 2) несудебная ссылка въ Сибирь, частью по приговорамъ обществъ, частью по распоряженіямъ администраціи; цифра ея доходитъ до 6 т. ежегодно.

Энергическими усиліями правительству въ послѣдніе годы удалось привести въ нѣкоторый порядокъ ссылку въ каторжныя работы. На Сахалинѣ ссыльные этой категоріи заняты частью работами въ каменноугольныхъ кояхъ (до 300 чел.), частью раскорчеваніемъ почвы, проведеніемъ дорогъ и работами по сель-

¹⁾ Отч. 1884 г., стр. 128—131.

скому хозяйству¹⁾; по мысли начальника главного тюремного управления М. Н. Галкина-Врасского, управление здѣсь устроено на болѣе правильныхъ основаніяхъ, по закону 15 мая 1884 г., который остроумно превратилъ начальниковъ каторжныхъ тюремъ въ начальниковъ округовъ. Приняты также разныя мѣры для возобновленія нерчинской каторги, послѣ достигнутого въ 1878 г. соглашенія съ кабинетомъ Его Императорскаго Величества, хотя въ финансовомъ отношеніи крайне тяжкія для государства, и принимаются мѣры къ устройству такихъ работъ на нѣкоторыхъ казенныхъ заводахъ Забайкалья; тутъ же, по примѣру сахалинской каторги, начинаются попытки поселенія каторжныхъ, отбывшихъ работы, при мѣстахъ работъ, съ отводомъ имъ для того земельныхъ участковъ, что, конечно, гораздо лучше существующей практики на-правленія ихъ для поселенія въ далекія отъ пунктовъ ихъ работъ мѣстности и съ призраннымъ лишь надзоромъ. Но, затѣмъ, по отношенію къ устройству ссыльно-поселенцевъ и ссылаемыхъ на житье правительство сознаетъ свое безсиліе, въ виду громадности числа ежегоднаго поступленія ихъ. Этимъ объясняется новая струя въ предположеніяхъ законодательной власти относительно ссылки: по мысли Высочайше утвержденной подъ предѣдательствомъ статс-секретаря Грота комисіи, Государственный Совѣтъ въ 1879 г. проектировалъ полную отмѣну ссылки на житье и оставленіе ссылки на поселеніе не какъ общаго, а только какъ особеннаго наказанія за нѣкоторыя преступныя дѣянія; на той же почвѣ стоитъ проектъ новаго уголовного уложенія, который, сохраняя ссылку въ каторгу какъ высшее за смертною казнью общее уголовное наказаніе, отводитъ ссылкѣ на поселеніе значеніе кары особенной, за немногія лишь дѣянія опредѣляемой, и возвращается къ системѣ водворенія ихъ мѣрами правительства.

§ V. Оцѣнка ссылки.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что идея ссылки въ высшей степени богата по содержанію. Она встрѣчаетъ защитниковъ и какъ наказаніе, и какъ мѣра внутренней и даже внѣшней политики. Защитники ссылки какъ наказанія замѣчаютъ, что ссылка: 1) уstra-

¹⁾ Сахалинъ сталъ штрафнымъ островомъ; здѣсь только около ста свободныхъ жителей, остальные каторжные; сужденія о немъ разнорѣчивы: по одному мнѣнію, онъ представляетъ всѣ условія для колонизаціи, другое — диаметрально противоположное; правительство пока придерживается перваго мнѣнія, но само оно вынуждено продовольствовать сахалинцевъ рожью, мукою и иными продуктами, посылаемыми изъ Одессы.

шительна и примѣрна, отрывая наказаннаго отъ роднаго общества и всѣхъ прежнихъ связей; если же одинъ фактъ удаленія потеряетъ такое значеніе, то его можно усилить разными прибавками и, въ частности, присоединеніемъ къ ссылкѣ тюремнаго, даже одиночнаго заключенія въ метрополи или въ колоніи; 2) что ссылка въ высокой степени обезпечиваетъ безопасность метрополи, какъ непосредственно, избавляя ее отъ будущихъ преступленій опаснаго преступника, такъ и посредственно, устраняя представляемый имъ дурной соблазнъ и развращеніе другихъ, устрашая массы и понижая цифру преступленій; 3) что потому ссылка есть мѣра, въ высшей степени драгоцѣнная въ наши дни, когда примѣненіе смертной казни болѣе и болѣе сокращается, а примѣненіе пожизненнаго тюремнаго заключенія оказывается въ такой высокой степени нарушающимъ требованія гуманности и весь строй новѣйшей пенитенціарной системы. Доставляя государству безопасность почти въ той же степени, какъ смертная казнь, ссылка—говорятъ ея защитники—есть единственное пожизненное наказаніе, съ которымъ мирится чувство справедливости современнаго человѣка, такъ какъ оно несравненно легче допускаетъ возможность перехода къ свободной жизни, чѣмъ тюрьма. Указывали, далѣе, 4) что ссылка, удаляя изъ государства законрѣбныхъ и неисправимыхъ преступниковъ, повышаетъ нравственный уровень мѣстъ заключенія и облегчаетъ осуществленіе тюремной реформы; 5) что государствамъ, въ которыхъ укоренились преступныя шайки (напр. въ Италіи), ссылка дала бы возможность окончателно ихъ уничтожить, между тѣмъ какъ при отеутствіи ея шайки эти будутъ всегда существовать, благодаря возвращенію въ нихъ прежнихъ членовъ по освобожденіи изъ тюремъ; 6) что при системѣ ссылки, въ виду настоятельной потребности молодыхъ колоній въ рабочихъ рукахъ, правительство гораздо легче можетъ найти занятія для ссыльныхъ, какъ при отбытіи ими наказанія, такъ и по освобожденіи; что, притомъ, большинство этихъ работъ при ссылкѣ можетъ быть производимо на открытомъ воздухѣ, и складъ жизни ссыльныхъ можетъ быть болѣе приближенъ къ естественному складу жизни свободной; наконецъ, 7) замѣчали, что при ссылкѣ исправительныя вліянія могутъ дѣйствовать съ наибольшимъ успѣхомъ, какъ потому, что наказываемый удаляется отъ своихъ прежнихъ товарищей и подозрительно относящагося къ нему общества, такъ и потому, что по освобожденіи ему открывается возможность, путемъ честнаго труда, въ которомъ колонія нуждается, гораздо легче достигнуть благосостоянія и сравнительнаго довольства, чѣмъ въ своемъ отечествѣ.

Доводы второй группы состоятъ въ томъ: 1) что ссылка,

доставляя людей и рабочія силы колоніямъ, въ нихъ нуждающимся, служить мѣрою ихъ развитія и упроченія въ нихъ власти государственной; 2) что она избавляетъ свободныхъ рабочихъ метрополи отъ конкуренціи труда тюремнаго; 3) что она открываетъ возможность прочнаго водворенія преступниковъ, къ величайшему благу цѣлаго государства.

Противники ссылки обыкновенно грѣшатъ тѣмъ, что огульно отвергаютъ всѣ эти стороны; между тѣмъ, ссылка до такой степени богата по содержанію и къ ней могутъ быть присоединены мѣры столь разнообразныя (обязательный трудъ, тюремное заключеніе, лишеніе правъ), что возможно отвлеченное построеніе системы ссылки, отвѣчающее всѣмъ задачамъ, на нее возлагаемымъ: задачѣ карательной, задачѣ безопасности, задачѣ исправленія и даже задачѣ колонизаціонной¹⁾.

Но спускаясь съ высотъ отвлеченнаго понятія ссылки и вступая въ область практической примѣнимости этой мѣры, приходится придти къ отрицательному о ней заключенію. На пути ея встрѣчаются такія огромныя затрудненія, какъ выборъ пригодной для того мѣстности, соглашеніе ея интересовъ съ интересами метрополи, надлежащее устройство передвиженія въ мѣсто ссылки, организація въ немъ труда ссыльныхъ и, всего болѣе, водвореніе ихъ на новомъ мѣстѣ.

При выборѣ мѣстности прежде всего приходится устранить населенныя области государства. Направленіе въ нихъ ссылки означаетъ принесеніе въ жертву разнообразныхъ культурныхъ интересовъ жителей ихъ карательнымъ интересамъ государства. Такая форма ссылки есть наказаніе несправедливое, неравномѣрное и не исправительное, ибо свободное населеніе относится къ ссыльнымъ отрицательно. Она возможна тогда лишь, если само свободное населеніе ходатайствуетъ о ссылкѣ, что, какъ показываетъ опытъ, если и бываетъ, то ненадолго.

Остаются затѣмъ мѣстности ненаселенныя; но отыскать изъ нихъ такія, которыя пригодны для ссылки въ отношеніяхъ климатическомъ и экономическомъ, весьма трудно, а для нѣкоторыхъ государствъ и совершенно невозможно; уже этимъ объясняется, что ссылка не можетъ быть примѣняема всѣми законодательствами. Но положимъ, такая мѣстность найдена; опытъ показываетъ, что, если она дѣйствительно пригодна для колонизаціи, вскорѣ послѣ подготовки ея трудомъ принудительнымъ въ нее направляется эмиграція, ссылка мало-по-малу теряетъ свое устрашительное значе-

¹⁾ См. мое сочиненіе „Ссылка на Западъ“, стр. 319 и сл.

ніе, а затѣмъ наступаетъ моментъ, когда свободное населеніе совершенно отказывается принимать ссыльныхъ, такъ что правительству приходится обращаться къ инымъ мѣрамъ. Притомъ, отысканіемъ мѣстности еще далеко не разрѣшается вопросъ ссылки. Необходимо устроить передвиженіе ссыльныхъ, а опытъ показываетъ, что выполненіе этой задачи обходилось всюду для государственнаго бюджета весьма дорого и не могло быть нигдѣ сдѣлано удовлетворительно; если даже удавалось смягчить физическія трудности путешествія, смѣною пѣшаго хожденія перевозкою и нѣкоторыми улучшеніями въ перевозочныхъ средствахъ, все же пересыльные помѣщались совмѣстно, мѣръ воспитательно-нравственнаго воздѣйствія по отношенію къ нимъ въ пути не примѣнялось, и между ними происходили безконтрольныя сношенія, въ результатъ которыхъ оказывались частью взаимное развращеніе, частью даже переменна именъ (широко практикующаяся при нашей пересылкѣ), ссоры и беспорядки. Необходимо, далѣе, устроить мѣста заключенія въ ссылкѣ, пребываніе въ которыхъ составляетъ или часть наказанія ссылкой, или мѣру взысканія за новыя преступленія ссыльныхъ; но устройство тюремъ вдали отъ метрополіи, слѣдовательно вдали отъ контроля общественнаго мнѣнія и центрального правительства страны, представляетъ столько опасностей, что надѣяться на благопріятный исходъ этаго дѣла совершенно невозможно; независимо отъ болѣшей вѣроятности злоупотребленій, перенесеніе тюремъ на большое разстояніе ведетъ къ трудности надлежащаго замѣщенія ихъ административнаго и воспитательнаго персонала, и весьма часто вынуждаетъ довольствоваться составомъ его, весьма слабымъ не только въ отношеніи количественномъ, но и по своему нравственному уровню; между тѣмъ, расходы на управленіе и на содержаніе мѣстъ заключенія въ ссылкѣ обыкновенно выше, чѣмъ въ метрополіи. Защитники ссылки подчеркиваютъ, что она облегчаетъ доставленіе занятій наказываемымъ; для оцѣнки этого указанія слѣдуетъ припомнить: 1) что во всѣхъ западныхъ государствахъ новаго времени, практиковавшихъ ссылку, для нея тщательно выбирались только люди вполне здоровые и цвѣтущаго возраста, и въ этомъ уже заключалось признаніе, подтвержденное опытомъ сибирской ссылки, въ невозможности доставить занятія людямъ, менѣе способнымъ къ труду по своему физическому состоянію; 2) людей такъ называемыхъ благородныхъ профессій обезпечить надлежащими занятіями въ ссылкѣ оказывалось невозможнымъ; 3) сосредоточеніе работъ въ странѣ ссылки вездѣ приводитъ къ тому, что, по мѣрѣ увеличенія числа ссыльныхъ, они не находятъ себѣ занятій, которыя приходится создавать искусственнымъ путемъ, обходящимся весьма дорого; между тѣмъ, если

государство не стѣсняетъ себя мѣстомъ работъ, то пріискать по-слѣднія оказывается гораздо легче. Но центральный вопросъ ссылки—водвореніе ссыльныхъ въ новой странѣ; а между тѣмъ повсемѣстный опытъ съ очевидностью доказалъ его недостижимость, потому 1) что оказывалось невозможнымъ создать въ ссылкѣ семью, по недостаточности и непригодности для этого поступающихъ сюда женщинъ; дѣлались самыя разнообразныя попытки обезпечить для ссыльныхъ женскій элементъ, но всё онѣ, какъ мы видѣли, разбивались передъ дѣйствительностью; 2) колонизаціонныя задачи ссылки вступаютъ и не могутъ не вступать въ столкновеніе съ карательными задачами ея, необходимость достиженія которыхъ требуетъ наложенія на ссыльныхъ извѣстныхъ лишеній, въ свою очередь препятствующихъ успѣхамъ водворенія; 3) вопреки розовымъ мечтамъ, свободное населеніе колоніи относится къ ссыльнымъ отрицательно и не только не содѣйствуетъ, а даже противо-дѣйствуетъ развитію ихъ благосостоянія; попытки же водворенія ссыльныхъ однѣми лишь мѣрами правительства, съ устраненіемъ, по возможности, свободного населенія изъ мѣста ссылки, обходятся весьма дорого и остаются безъ ожидаемыхъ результатовъ; при этой системѣ, какъ показываетъ опытъ Франціи, жизнь ссыльныхъ устраивается по режиму жизни тюремной и на государство ложится бремя содержанія ссыльныхъ до самой ихъ смерти. Постановка задачи водворенія ссыльныхъ въ высшей степени привлекательна и заслуживаетъ полного сочувствія; ею ссылка колонизаціонная отличается отъ ссылки, преслѣдовавшей исключительно цѣли безопасности и незаботившейся о судьбѣ ссыльныхъ, какова была ссылка римская; но эта высокая задача оказывается недостижимой, и опытъ подтвердилъ справедливость замѣчанія Бентама о невозможности создать общество изъ такихъ противообщественныхъ элементовъ, какъ преступники. А между тѣмъ, для достиженія этой недостижимой задачи ссылка вездѣ имѣла тенденцію къ пожизненности и потому къ примѣненію въ обширномъ объемѣ лишенія правъ, смягчавшагося только въ колоніи; отсюда происходило: 1) то, что ссылка, становясь наказаніемъ пожизненнымъ, теряла свое главное достоинство гибкости, дѣлимости; 2) что она назначалась лишь за преступленія тягчайшія и не освобождала государство отъ заботъ объ устройствѣ мѣсть заключенія; но при этомъ управленіе по-слѣднихъ, имѣя въ перспективѣ ссылку, не примѣняло съ надле-жащею энергіею мѣръ воспитательныхъ; 3) поддерживая институтъ лишенія правъ, ссылка закрѣпляетъ существованіе въ государствѣ особаго класса безправныхъ людей; ссылка американская вполнѣ превратилась въ работорговлю; элементъ невольничества, штраф-

наго батрачества передъ государствомъ или даже передъ частными лицами, существовалъ и во всѣхъ иныхъ мѣстахъ ссылки въ болѣе или менѣе явной степени; 4) какъ наказаніе пожизненное, съ ясно выраженною тенденціею оставаться таковымъ, въ интересахъ колонизаціи, даже при несомнѣнномъ исправленіи осужденнаго, ссылка оказывается мѣрою, стоящею въ разрѣзъ съ исправительными задачами кары.

Весьма важень и трудень при системѣ ссылки вопросъ: къ какимъ лицамъ наказаніе это можетъ быть примѣняемо? Присущая ей тенденція къ пожизненности дѣлаетъ ее возможною, какъ замѣчено, лишь за преступленія наибольшей важности. Если при этомъ преслѣдуются задачи безопасности метрополи, то ссылку слѣдовало бы примѣнять, главнымъ образомъ, къ преступникамъ привычки, т. е. по преимуществу за посягательства корыстныя; но люди этой категоріи наименѣе пригодны для цѣлей колонизаціи. Надежды на пригодность ссылки для преступленій политическихъ также разбиваются опытомъ французской депортаціи. Для преступниковъ же случая и исправимыхъ ссылка, благодаря ея тенденціи къ пожизненности, представляется мѣрою нецѣлесообразною.

Повсемѣстный опытъ доказываетъ, что система ссылки ложится на государственный бюджетъ очень тяжелымъ бременемъ; ссылка мало мальски организованная несравненно дороже тюрьмы. Въ то же время она отвзывается въ высшей степени неблагопріятно на нравственномъ уровнѣ той страны, въ которую направляется, и задерживаетъ развитіе въ ней гражданственности: штрафной режимъ кладетъ свой отпечатокъ на административную практику, и законные интересы населенія не пользуются должнымъ обезпеченіемъ. Наиболѣе вредно отвзывается на колоніи ссылка безъ надзора за ссыльными, а устроить этотъ надзоръ надлежащимъ образомъ не могла ни одна страна въ мірѣ.

И такъ, изъ мѣры, близкой къ идеалу наказанія, какою ссылка представляется въ ея отвлеченномъ понятіи, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью она оказывается мѣрою, негодною какъ кара, противорѣчащею задачамъ исправленія, не дающею обѣщанной безопасности метрополи съ полнымъ разрушеніемъ ея въ колоніи, и въ высшей степени дорого стоющею. Для колонизаціи у современныхъ государствъ есть иная мѣра, эмиграція, и только при ней человекъ вноситъ въ новую страну личный починъ и личную энергію, которыя при системѣ ссылки смѣняются правительственною опекою.

Есть, однако, моменты въ исторіи государствъ, обладающихъ отдаленными колоніями, когда ссылка представляется необходимою.

Весьма важныя соображенія внѣшней политики могутъ потребовать быстрое занятіе далекой мѣстности, въ которую нѣтъ надежды направить немедленно свободную эмиграцію; тогда, конечно, приходится довольствоваться ссыльными, но при этомъ нужно помнить, что такой способъ заселенія создаетъ необходимость весьма значительныхъ денежныхъ пожертвованій и крайней осторожности въ выборѣ ссыльныхъ; что, притомъ, онъ имѣетъ лишь временный характеръ, подготавливая колонію для свободной эмиграціи. Съ другой стороны, ссылка полезна для тѣхъ государствъ, которыя еще не успѣли устроить у себя мѣстъ заключенія, давая время на устройство ихъ съ надлежащимъ вниманіемъ; дурна ссылка, какъ не разрѣшающая задачъ наказанія, но еще хуже дурная тюрьма, составляя злоупотребленіе наказаніемъ. Какъ бы то ни было, рассчитывать на значеніе постоянной карательной мѣры ссылка не можетъ.

ГЛАВА VII.

Тюремное заключеніе ¹⁾.

§ I. Понятіе, исторія, свойства и задачи тюремнаго заключенія.

Понятіе. Тюремное заключеніе значитъ принудительное помѣщеніе человѣка, въ наказаніе за учиненное имъ преступное дѣяніе, въ государственное сооруженіе, ограничивающее свободу передвиженія

¹⁾ Обширная литература тюремовѣдѣнія можетъ быть распредѣлена по слѣдующимъ группамъ.

А. Систематическія изложенія теорій тюремовѣдѣнія. Число относящихся къ этой группѣ сочиненій не велико; важнѣйшія изъ нихъ: Holtzendorff und Jagemann, Handbuch des Gefängniswesens, I, 1888 (неокончено); Julius, Vorlesungen über die Gefängnissskunde, 1828; Eberty, das Gefängniswesen, 1858; Ch. Lucas, du systeme penitentiaire en Europe et aux Etats-Unis, 1828; его-же, de la réforme des prisons ou de la théorie de l'emprisonement, 1836; Beaumont et Toqueville, Systeme pénitentiaire aux Etats-Unis, 1836; Ducpectiaux, des progres et de l'état actuel de la réforme pénitentiaire, 1837; Prince Oscar de Suède, Des peines et des prisons, 1842; Alauzet, Essai sur les peines et les systèmes penitentiaires, 1842; Robin, question penitentiaire.

В. Описанія отдѣльных мѣстъ заключенія съ критикою ихъ и предложеніемъ улучшеній. Во главѣ обширной литературы этой группы стоитъ знаменитое сочиненіе. Howard, State of the prisons and lazarets, 1782; для старыхъ германскихъ тюремъ — Wagnitz Historische Nachrichten und Bemerkungen über die merkwürdigsten Zuchthäuser in Deutschland, 1792; для американскихъ тюремъ — отчеты Росселя и Кравфорда, Демеца и Блуэ, также указ. с. Токвиля; для русскихъ тюремъ — „Матеріалы по тюремному вопросу“ 1865, изд. Минист. внутр. дѣлъ.

его опредѣленнымъ пространствомъ. Отъ него слѣдуетъ отличать, съ одной стороны, добровольное самоограниченіе свободы передвиженія, напр. при поступленіи въ монастырь; съ другой—заключеніе не въ наказаніе, а или по дѣламъ гражданскимъ (гражданскій арестъ), или по дѣламъ уголовнымъ, но до наказанія (подслѣдственный арестъ). Мѣсто заключенія въ видѣ наказанія носить родовое названіе тюрьмы¹⁾, carcer, prison, Gefängnisz; но этимъ названіемъ означается также и одинъ изъ видовъ карательнаго заключенія, стоящій по нашему законодательству между арестомъ и исправительными отдѣленіями.

Исторія. Тюрьма упоминается со временъ отдаленнѣйшихъ.

С. Изложенія отдѣльныхъ тюремныхъ системъ; главнѣйшія сочиненія: Röder, Besserungsstrafe, 1864; Mittermaier, die Gefängniszverbesserung, 1858; Aubanel, memoire sur le systeme penitentiaire, 1837; Van der Brughen, Systeme penitentiaire irlandaise, 1870; Holtzendorff, das irische Gefängnisssystem, 1859; сюда же принадлежатъ враждебныя тюремной системѣ сочиненія Desprez, de l'abolition de l'emprisonnement, и Mittelstädt, gegen die Freiheitsstrafen.

Д. Отчеты тюремныхъ конгрессовъ международныхъ и мѣстныхъ; сокращенное изложеніе первыхъ—ук. с. Robin, а также Desportes et Lefebure, la science penitentiaire au congrès international de Stokholm, 1880; Таганцевъ, въ Ж. Гр. Уг. Пр. 1880; о римскомъ конгрессѣ Фойницкій, въ Вѣст. Евр. 1886, № 4.

Е. Статистическіе официальные отчеты о мѣстахъ заключенія издаются нынѣ во всѣхъ важнѣйшихъ государствахъ, въ Россіи съ 1882 г. (Отчеты Главнаго Тюр. Управленія).

Ф. Периодическія изданія по тюремовѣдѣнію: Bulletin de la Société générale des prisons; Blätter für Gefängniszkunde, изд. Эккерта; и Rivista di discipline carceraria, изд. Бельтрани-Скаліа.

Г. Сочиненія объ отдѣльныхъ мѣрахъ тюремной дѣятельности, какъ-то: о тюремной работѣ (Bruun), о тюремной гигиенѣ (Ваег и др.).

Н. Обширная литература о тюремной реформѣ и о состояніи тюремнаго вопроса въ отдѣльныхъ странахъ; сюда принадлежатъ Krohne, über den gegenwärtigen Stand der Gefängniswissenschaft (въ Zeitschrift Lиста, I, 58 и сл.); Beltrani-Scalia, sul governo e sulla riforma delle carceri in Italia, 1868; его же, il sistema penitenziaria d'Inghilterra e d'Irlanda, 1874; его же, la riforma penitenziaria in Italia, 1879; Starke, das belgische Gefängniswesen; Aschrott, Strafsysteme und Gefängniswesen in England, 1887.

Наконецъ I. Сочиненія, посвященныя изложенію отдѣльныхъ видовъ заключенія по уголовному законодательству и практикѣ; выдающееся между ними мѣсто занимаетъ обширная литература объ учрежденіяхъ для несовершеннолѣтнихъ, приводимая ниже.

¹⁾ Очевидно, отъ нѣмецкаго слова Thurm, башня; римское carcer и нѣмецкое Gefängnisz содержать въ себѣ намекъ на задержаніе животныхъ. Національно русскія названія тюрьмы—острогъ, порубъ, погребъ—указываютъ лишь на родъ сооруженія, безразлично отъ цѣлей, которымъ оно служило.

Она примѣнялась въ Китаѣ уже за 2600 л. до Р. Х., въ древнемъ Вавилонѣ, у евреевъ, у египтянъ и въ государствахъ классическихъ. Но свои современные очертанія тюрьма получаетъ только въ новѣйшее время, послѣ длиннаго ряда измѣненій, пройденныхъ ею въ историческомъ развитіи.

Тюрьма древнѣйшая была лишь мѣрою физическаго захвата личности, примѣнявшеюся обыкновенно не для наказанія, а до наказанія. Примѣняясь какъ наказаніе, тюрьма означала мучительное тѣлесное страданіе, сопровождалась наложеніемъ оковъ, кандаловъ, приковываніемъ къ стѣнѣ и отбывалась въ помѣщеніяхъ, наименѣе удобныхъ для жизни, въ сырыхъ подвалахъ, погребахъ и т. под. О заботахъ санитарныхъ не было и рѣчи, тюремные сидѣльцы бросались въ лучшемъ случаѣ на солому, которая оставалась до полнаго гніенія; для больныхъ не было особыхъ помѣщеній, они тутъ-же умирали и трупы ихъ продолжали лежать неубранными долгое время; изрѣдка государство давало тюремнымъ сидѣльцамъ продовольствіе, весьма скудное, которое приходилось пополнять собственными средствами и подаваніями частной благотворительности; при этихъ условіяхъ, тюрьмы были разсадникомъ эпидемическихъ болѣзней, порою переходившихъ за ограды ихъ въ среду свободнаго населенія; посѣщая тюрьмы, Гауардъ долженъ былъ прибѣгать къ сильнымъ дезинфекціоннымъ средствамъ, которые, однако, не спасли его: онъ умеръ отъ зараженія въ Херсонѣ. По характерному выраженію одного изъ германскихъ памятниковъ XVI ст., въ тюрьмахъ узники „лежали“ (liegen); тѣснота въ нихъ дѣйствительно была огромная. Въ то же время, всякій заключаемый ставился въ зависимость отъ своихъ товарищей по заключенію, которые иногда взимали съ него разные сборы (напр. у насъ влазное). Но и за это положеніе, полное лишеній, тюремные сидѣльцы во многихъ странахъ вынуждены были уплачивать тюремщику; послѣдній при высокихъ платежахъ доставлялъ иногда нѣсколько больше удобствъ—отдѣльную комнату, постель, лучшую пищу, — но это обходилось очень дорого; вымогательствамъ же его былъ открытъ широкій просторъ. Словомъ, на воротахъ такихъ тюремъ можно было начертать дантовскія слова отчаянія: *lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*.

Въ этомъ безотрадномъ положеніи, тюрьмы западной Европы, за немногими исключеніями, находились еще при посѣщеніи ихъ Гауардомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Выходъ изъ него опредѣлился четырьмя послѣдовательными вліяніями: экономическимъ, полицейскимъ, филантропическимъ и уголовно-политическимъ.

Экономическое вліяніе начало сказываться на осужденныхъ къ

заключенію съ того времени, когда, по соображеніямъ фискальнымъ, ихъ направляютъ на разныя работы; послѣднія, правда, были въ большинствѣ работами наружными, публичными, производились въ цѣляхъ и подъ постоянною угрозою бича надсмотрщиковъ, но все же выведение на свѣжій воздухъ изъ душныхъ казематовъ и доставленіе продовольствія были значительнымъ облегченіемъ для заключенныхъ. Однако, случаи занятія осужденныхъ даже наружными работами до XVII стол. въ западной Европѣ были исключительными и режимъ заключенія оставался всецѣло принудительнымъ, рассчитаннымъ на предупрежденіе побѣга и на извлеченіе изъ рабочихъ силъ преступника нѣкоторой выгоды лишь во время заключенія; не ставилось еще никакихъ задачъ для будущаго, не было и мысли о заботахъ помочь наказанному по освобожденіи возвратиться въ среду честнаго свободнаго общества.

Полицейское вліяніе проявляется прежде всего по отношенію не къ преступникамъ, а къ лицамъ, представлявшимъ опасность для общественнаго спокойствія своею праздною и бродячею жизнью. Общественный складъ, основывавшійся на круговыхъ порукахъ, прежде удерживалъ каждаго на своемъ мѣстѣ и создавалъ опредѣленное соціальное положеніе, съ точными обязанностями. Постепенное распаденіе его привело къ тому, что въ XVII стол. въ западной Европѣ появляются огромныя массы людей, не имѣвшихъ занятій и пристанища, перекочевывавшихъ съ мѣста на мѣсто, соединявшихся въ бродячія шайки, въ высшей степени опасныя для тогдашней гражданственности. Естественно было явиться мысли обратить ихъ на пользу общественную, приучивъ къ работамъ. Во Франціи, гдѣ правительство нуждалось въ рабочихъ рукахъ для гребнаго флота, оно направляетъ ихъ на галеры и относится къ нимъ всецѣло со стороны фискальной. Но въ другихъ странахъ Запада, въ Англии, Германіи, Голландіи и Италіи, для нихъ учреждаются съ XVII ст. рабочіе дома (bridewells, Arbeitshäuser, Zuchthäuser, Spinnhäuser), ставящіе задачею своею исправленіе ихъ въ цѣляхъ полицейскихъ и мѣрами исключительно физическаго воздѣйствія. Въ ряду ихъ наиболѣе замѣчательны: домъ св. Михаила въ Римѣ, устроенный папою Клементомъ XI съ 1703 по 1735 г. для исправленія несовершеннолѣтнихъ, частью поступавшихъ по просьбѣ родителей (они помѣщались въ одиночныхъ кельяхъ), частью по суду (по системѣ ночнаго разъединенія съ обязательными работами); и Гентскій Maison de correction, устроенный Виленомъ XIV въ 1771 г.¹⁾, и притомъ уже не только

¹⁾ Memoire sur les moyens de corriger les malfaiteurs et fainéans à leur propre avantage et de les rendre utiles à l'Etat, proposé par le Vi-

для праздноватающихся, но и для осужденныхъ преступниковъ, съ особымъ для нихъ отдѣленіемъ. Эти, впоследствии забытыя учрежденія, были провозвѣстниками тюремной реформы въ западной Европѣ; они опередили американскія тюрьмы, принявъ уже въ то время, одно—начало ночнаго разъединенія, обязательныхъ работъ съ обученіемъ мастерствамъ и молчанія, хотя въ смягченной формѣ, а другое—даже начало полнаго разъединенія съ попытками религіозно-исправительнаго воздѣйствія¹⁾. Въ прочихъ рабочихъ домахъ западной Европы заключенные содержались въ общихъ помѣщеніяхъ и не обязывались къ молчанію. По мѣрѣ расширенія въ уголовныхъ кодексахъ примѣненія наказанія лишеніемъ свободы устанавливается практика, что виновные въ менѣ тяжкихъ преступленіяхъ, вмѣсто смертной казни, помѣщаются въ рабочіе дома, и уже Пеннъ въ кодексѣ 1682 г. для созданнаго имъ штата Пенсильванія провозгласилъ, что всѣ тюрьмы должны быть рабочими домами; нерѣдко осужденные содержались здѣсь вмѣстѣ съ административно-задержанными и даже не отдѣлялись по поламъ и по возрасту; бывало (напр. въ Бруксальѣ въ 1750 г.), что подъ одною и тою же крышею содержались преступники, праздноватающіеся, сироты, душевно-больные, страдавшіе заразными болѣзнями, — и только въ XVIII ст. появляется стремленіе къ раздѣленію столь различныхъ категорій лицъ.

Филантропическія вліянія въ области тюремнаго заключенія носятъ двоякій характеръ. Однѣ опредѣлялись религіозными побужденіями, опираясь на великія слова Спасителя о посѣщеніи узниковъ; уже Никейскій соборъ 325 г. возложилъ на *procuratores* *rauerum*, между прочимъ, обязанность заботиться объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго состоянія заключенныхъ; въ Италіи различныя благотворительныя братства, принимавшія на себя заботы о заключенныхъ, существуютъ съ отдаленныхъ временъ; во Франціи священникъ Клавдій Бернардъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Викентія Павла, захваченный морскими пиратами и претерпѣвшій отъ нихъ многія лишенія, по освобожденіи посвятилъ себя заботамъ о нравственномъ и матеріальномъ положеніи уни-

comte Vilain XIII au mois de janvier 1775,—изданіе въ высшей степени рѣдкое и поучительное, посвященное описанію Гентскаго исправительнаго дома. См. также Vischers, Notice sur la construction de la maison de force de Gand, 1872.

¹⁾ Домъ св. Михаила имѣлъ девизомъ: „*parum est coercere improbos roena, nisi probos efficias disciplina*“, — и устроенъ по мысли французскаго бенедиктинскаго священника Мабильона, находившаго, что наилучшими мѣрами для провинившихся духовныхъ должны быть признаны уединеніе, молитва, работа и молчаніе, и предлагавшаго заключать ихъ въ кельи. Гентскій домъ имѣлъ девизомъ: *qui noluerit operari non manducet*.

ковъ. Другія вліянія филантропическаго направленія, не отчуждаясь отъ завѣтовъ христіанской, религіи утвердились на болѣе широкомъ фундаментѣ любви и уваженія къ человѣческой личности вообще. Къ жизни ихъ вызвали идеи школы естественнаго права, и виднѣйшимъ представителемъ ихъ былъ Джонъ Гауардъ, для тюремвѣдѣнія имѣющій тоже значеніе, какъ другой послѣдователь той же школы, Беккарія, имѣеть для уголовного законодательства. При одной изъ своихъ поѣздокъ на континентъ, бедфордскій шерифъ Джонъ Гауардъ попался въ плѣнъ къ французамъ, по обычаю того времени былъ подвергнутъ тюремному заключенію, и осмотрѣлся при этомъ такихъ картинъ униженія человѣческой личности, которыя заставили его измѣнить всю свою прежнюю жизнь. Его огромная энергія поразительна: одинъ этотъ человѣкъ достигъ того, что вопросъ, до него совершенно заброшенный и даже можно сказать несуществовавшій, становится предметомъ заботливаго вниманія общественнаго мнѣнія и правительствъ. Гауардъ былъ не только начинателемъ тюремной реформы, но и популизаторомъ ея. Вопли несчастныхъ узниковъ онъ довелъ до всеобщаго свѣдѣнія и потребовалъ признанія за узниками естественныхъ правъ, принадлежащихъ каждому человѣку.

Но Гауардъ въ области тюремнаго вопроса былъ не только филантропомъ. Какъ ни благородны и достойны всякаго сочувствія указанія на необходимость человѣколюбія, ими тюремный вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ; по самой природѣ своей, тюрьма есть наказаніе, слѣдовательно, извѣстное лишеніе, страданіе для подвергаемаго ей; въ направленіи филантропическомъ, слѣдовательно, долженъ быть соблюденъ извѣстный предѣлъ, съ нарушеніемъ котораго тюрьма могла бы превратиться въ мѣру желательную для узника, ставъ для него освобожденіемъ отъ заботъ и лишеній свободной жизни. Съ другой стороны, одно человѣколюбіе не можетъ означить содержанія тюремной дѣятельности, которое опредѣляется только съ момента признанія цѣлей, долженствующихъ быть разрѣшенными тюрьмою. Болѣе и болѣе выясняется, что тюрьма, какъ институтъ общежитія, должна служить интересамъ этого общежитія, и филантропическое вліяніе привело къ плодотворной мысли, что интересы эти не отдѣлимы отъ интересовъ узника и всего лучше могутъ быть достигнуты при широкомъ признаніи ихъ. Съ признаніемъ этой идеи, тюрьма вступаетъ въ уголовно-политическій періодъ своего историческаго развитія, становясь институтомъ, способствующимъ гражданственности и благосостоянію народному, дополняя въ этомъ отношеніи систему общественныхъ институтовъ, которые, по какимъ-нибудь

причинамъ, не могли своевременно оказать своего благотворнаго дѣйствія. И вотъ, уже Гауардъ понялъ такое огромное уголовно-политическое значеніе тюрьмы. Онъ ставитъ уже вопросъ о системѣ размѣщенія заключенныхъ и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній между ночнымъ разбѣдиненіемъ съ классификаціею днемъ и одиночнымъ заключеніемъ, склоняется къ послѣднему, именно въ видахъ облегченія возможности возвратиться въ среду свободнаго общества; при непримѣнности одиночнаго заключенія, онъ рекомендуетъ систему постепенности, съ облегченіемъ участи заключеннаго при его исправленіи или съ переводомъ его въ болѣе строгіе классы при дурномъ поведеніи; у него встрѣчаются намеки даже на сокращеніе сроковъ судебного приговора, и обязательнымъ работамъ во время заключенія онъ придаетъ высокое значеніе. Гауардъ уже въ концѣ XVIII ст. имѣлъ послѣдователей, успѣвшихъ по рекомендованнымъ имъ началамъ устроить глочестерскій пенитенціарій. Въ то же время другой англійскій мыслитель, Бентамъ, хотя и нѣсколько иными путями, настаивалъ на возможности исправленія преступниковъ тюремнымъ заключеніемъ и даже брался быть поручителемъ по освобожденіи всѣхъ узниковъ, которые будутъ заключены въ тюрьму, устроенную по его плану; онъ опирался на обязательный трудъ, неуспынный надзоръ и возбужденіе воображенія заключенныхъ путемъ религіозныхъ обрядовъ.

Но новая эта идея, по самой новизнѣ ея, входила въ жизнь медленно, не давала сразу результатовъ, которыхъ отъ нея ждали, а между тѣмъ осуществленіе ея грозило значительными затратами на устройство и содержаніе мѣстъ заключенія. Рецидивъ увеличивался, тѣснота въ тюремныхъ помѣщеніяхъ становилась больше и больше. И вотъ, разнесся слухъ, что вопросъ, надъ которымъ задумывались общественные дѣятели Европы, уже разрѣшенъ въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ тюрьмами Пенсильваніи и Нью-Йорка. Европейскія правительства въ тридцатыхъ годахъ спѣшатъ послать туда своихъ делегатовъ, для изученія этого вопроса на мѣстѣ, и выборъ ихъ падаетъ на лицъ, блистательно выполнившихъ возложенную задачу. Изъ Англій посланы были Крауфордъ и Рэссель, изъ Франціи — Токвиль, Демецъ и Блуэ, изъ Пруссіи — Юліусъ. Всѣ они представили своимъ правительствамъ обстоятельные отчеты, съ важнѣйшими частями которыхъ познакомили публику въ популярныхъ изложеніяхъ. Литература по тюремовѣдѣнію разрастается, въ ней принимаютъ участіе виднѣйшіе публицисты сороковыхъ годовъ и даже принцы крови, всѣ правительства запада выдвигаютъ на очередь тюремную реформу и открывается первая

серія международных тюремных конгрессовъ въ Брюсселѣ (1848 г.) и во Франкфуртѣ на Майнѣ (1847 и 1850 г.).

Это движеніе, обнимавшее тридцатые и сороковые годы текущаго столѣтія, носило, однако, болѣе характеръ теоретическій, чѣмъ практическій. Своего, европейскаго, опыта по тюремному вопросу еще не было, и споръ происходилъ на почвѣ опыта американскаго, или, правильнѣе, на почвѣ указаній, сообщенныхъ посланцами туда европейскими делегатами. Увлеченіе одиночною системою было полное, и все сводилось къ сообразованію съ нею. Не сомнѣвались о пользѣ примѣненія ея даже къ несовершеннолѣтнимъ, и требовали ее какъ для краткосрочнаго, такъ и для долгосрочнаго заключенія.

Тѣмъ не менѣе, движеніе это было въ высшей степени плодотворно для тюремной реформы. Въ два послѣдующія десятилѣтія теоретическіе споры замѣтно слабѣютъ, но за то на почвѣ выработанныхъ положеній начинается практическая дѣятельность и собираются данныя собственнаго опыта. Разныя государства шли при этомъ неодинаковыми путями, но во всѣхъ государствахъ запада съ тридцатыхъ годовъ начинается рѣзкое измѣненіе тюремнаго вопроса какъ въ законодательной постановкѣ его, такъ и въ практическомъ приложеніи. Къ семидесятымъ годамъ матерьялъ успѣлъ накопиться, выяснились вопросы, для разрѣшенія которыхъ было желательно совмѣстное обсужденіе, и весьма кетати оказалась мысль созвать международный пенитенціарный конгрессъ, высказанная Уэнсомъ (Wines), гражданиномъ Сѣверо-американскаго союза, гдѣ въ свою очередь постановка тюремнаго дѣла подверглась крупнымъ измѣненіямъ. Начинается новая серія международныхъ тюремныхъ конгрессовъ, которыхъ пока было три: въ Лондонѣ въ 1871 г., въ Стокгольмѣ въ 1876 г., въ Римѣ въ 1885 г., и назначенъ четвертый въ Петербургѣ на 1890 г.; ими добытъ огромный матерьялъ по тюремному вопросу; онѣ не мало послужили и къ дальнѣйшему движенію его впередъ, къ тому, что тюремщикъ изъ должностнаго лица, близкаго къ палачу, какимъ онъ представлялся еще недавно, въ западной Европѣ сталъ уже однимъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, однимъ изъ передовыхъ представителей гуманности и общественнаго блага, заботящійся о людяхъ, болѣе благами міра обдѣленныхъ и обездоленныхъ. Но заботы эти примѣняются не во имя одной лишь филантропіи, а для достиженія пользы общественной, которая, какъ нынѣ поняли, не отдѣлима отъ пользы наказываемой личности и всего успѣшнѣе достигается путемъ обезпеченія послѣдней.

Съ постановкою тюремнаго вопроса на такую уголовно-поли-

тическую почву стало возможным и тюрьмовѣдѣніе (la science pénitentiaire, Gefängniszkunde, prison disciplin), какъ особая отрасль политико-юридическихъ наукъ, получающая все большее развитіе, основывающаяся на данныхъ опыта и стремящаяся къ философско-практическому (позитивному) разрѣшенію карательной проблеммы. Содержаніемъ своимъ она имѣетъ опредѣленіе институтовъ, способныхъ оказать въ полезную для общежитія сторону воздѣйствіе на преступный классъ, путемъ тщательнаго изученія особенностей преступнаго населенія и дѣйствительнаго вліянія на него практикуемыхъ мѣръ. Примыкая одною своею стороною къ уголовному праву, тюрьмовѣдѣніе близко соприкасается другими сторонами съ народнымъ воспитаніемъ и народнымъ призрѣніемъ. Тюремная дѣятельность стала вѣтвью дѣятельности по народному призрѣнію и народному воспитанію, получающей свои особенности изъ особенностей преступнаго класса, къ которому она примѣняется; и естественно поэтому, что успѣхъ ея обусловливается твердою постановкою дѣла народнаго образованія и общественнаго призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣняемый тюрьмовѣдѣніемъ опытный методъ оказываетъ вліяніе и на уголовное право; такой маститый криминалистъ, какъ Бернеръ, не задумался признать, что „плодотворная реформа науки уголовного права наступитъ тогда лишь, когда криминалисты стануть изучать не столько прежніе и современные законодательства, или же разныя философскія теоріи, сколько самыя мѣста заключенія и сочиненія дѣятелей тюремной практики“.

Исторія русской тюрьмы, представляя собою отраженіе общихъ міровыхъ законовъ развитія этого института, имѣетъ и нѣкоторыя особенности. Уже въ княжеской Руси мы встрѣчаемъ заключеніе въ порубы или погреба, но не въ качествѣ наказанія, а въ значеніи мѣры предварительнаго или гражданскаго заключенія (договоръ 1195 ст. 13, договоръ 1229 ст. 8 и 9). Въ XIV в. предварительное заключеніе сопровождалось заковываніемъ въ желѣза¹⁾. Не знаютъ заключенія въ качествѣ наказанія ни судныя грамоты псковская и новгородская, ни судебникъ 1497 г. Впервые въ этомъ качествѣ тюрьма упоминается судебникомъ 1550 г., который опредѣлялъ ее или какъ наказаніе самостоятельное²⁾, или какъ дополненіе къ торговой казни³⁾, или въ замѣнъ порукъ⁴⁾;

¹⁾ Уставная двинская гр. 1397 ст. 8; изъ договора съ нѣмцами 1229 г. видно, что заковываніе въ желѣза считалось легче заключенія въ погребу и у дыбу.

²⁾ Судеб. ст. 7, 13, 47, 52.

³⁾ Тамъ же, ст. 6, 8, 9, 10, 33, 34, 42, 53, 54.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 12, 55, 56, 58.

тюрьма назначалась или безсрочно, или пожизненно, или до представления порукъ, и въ важныхъ преступленіяхъ, каковы татьба людьми облюхованными, только при недостаткѣ доказательствъ, именно при отсутствіи собственнаго сознанія.

Въ XVII в. ¹⁾ расширяется примѣненіе тюрьмы какъ наказанія. Соборное уложеніе упоминаетъ ее болѣе чѣмъ въ 40 статьяхъ и, кромѣ заключенія безсрочнаго—до указу или до представления порукъ, знаетъ уже заключеніе срочное, причѣмъ сроки опредѣлялись съ безусловною точностью—на 3 и 4 дня, на 1 и 2 недѣли, на 1, 1½, 3 и 6 мѣсяцевъ, наконецъ на 1, 2, 3 и 4 года. Тюрьма назначалась или какъ наказаніе самостоятельное, или какъ наказаніе дополнительное, или въ замѣнъ порукъ; послѣдняя форма тюрьмы къ концу XVII ст. (ук. 1683 г.) вытѣсняется ссылкой. Для виновныхъ въ корыстныхъ имущественныхъ посягательствахъ тюремное заключеніе составляло среднее звѣно между торговою казнью и ссылкой, соединяясь съ обязательными издѣліями на государя, исполнявшимися наружу; прочіе тюремные сидѣльцы не были обязаны работами. Тюрьмы были постоянныя и временныя; по постройкѣ онѣ различались на каменные, земляныя и обыкновенныя (деревянные срубы съ тыномъ); устраивались онѣ при приказахъ, монастыряхъ или въ иныхъ мѣстахъ, даже въ частныхъ жилищахъ, и при постройкѣ принималась во вниманіе одна только цѣль предупрежденія побѣговъ; таже цѣль опредѣляла и систему управленія, и внутренній бытъ тюремъ: тюремные цѣловальники и сторожа должны были только держать арестантовъ въ заперти; тѣснота въ тюрьмахъ была большая ²⁾, правительство не заботилось ни объ одеждѣ, ни о пищѣ ³⁾ сидѣльцевъ, которые продовольствовались на счетъ общественной благотворительности, выходя партіями за подаваніемъ въ оковахъ. Внутри тюремъ они образовывали нѣчто въ родѣ общинъ, выработывавшихъ свой кодексъ жизни; съ новопривывающихъ они получали особый сборъ, называвшійся „власное“ и запрещенный только въ 1680 г., „чтобы бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было“. Въ тюрьмахъ царили нужда, голодъ и болѣзни, и побѣги изъ нихъ были не рѣдки. Сидѣльцы не распредѣлялись ни

¹⁾ Сергѣевскій, Наказаніе въ рускомъ правѣ XVII в., стр. 172 и слѣд.

²⁾ По расчету г. Сергѣевского (стр. 211), въ построенной въ 1654 г. устюжской тюрьмѣ на cadaго сидѣльца приходилось пространства немногимъ больше 3 квадратныхъ аршинъ, не включая даже печей.

³⁾ Указомъ 1662 г. введена выдача кормовыхъ денегъ по 2 алтына въ день на человѣка, но сборъ подаваній продолжался по незначительности этой суммы.

по возрасту, ни по роду преступлений, ни даже по полу: бывали случаи, что мужчина сковывался съ женщиной, чужой женой, и въ результатѣ происходила беременность. Впрочемъ, кажется, тюрьмы губныя (разбойныя и татинныя), гдѣ содержались преступники, отличались отъ тюремъ опальныхъ, по дѣламъ гражданскимъ, а въ московскомъ тюремномъ дворѣ было восемь отдѣльныхъ избъ: опальная, барышкина, заводная, холопья, сибиря, разбойная, татарка и женская. Арестанты подслѣдственные носили названіе колодниковъ и къ нимъ относились строже, чѣмъ къ рѣшеннымъ.

Тоже положеніе продолжалось на практикѣ и въ XVIII в. Продолжался сборъ подаяній арестантскими партіями, которые въ оковахъ „необычайно съ крикомъ поючи, пытаные и въ раздраженныхъ платьяхъ такихъ, что едва тѣла лоскутьями прикрыты, милостыни просятъ“, ходя по улицамъ ¹⁾. При Елисаветѣ Петровнѣ, изъ содержавшихся въ полковомъ полтавскомъ секвестрѣ колодниковъ одинъ съ приключившейся ему отъ голода пухлости умре, а прочимъ колодникамъ, болѣе 30, какъ говорило донесеніе, по недостатку пици тоже слѣдовать можетъ ²⁾. Вяземскій въ 1767 г. доносилъ о тюрьмахъ московскаго магистрата и розыскной экспедиціи, что въ нѣкоторыхъ казармахъ тѣснота превеликая, крыши ветхи и грозятъ обрушиться, и продовольствіе арестантовъ не обезпечено ³⁾. Тюремные сидѣльцы умирали безъ исповѣди и причастія, настоянія правительства передъ духовенствомъ о посѣщеніи ихъ оставались безъ послѣдствій, такъ какъ духовенство, поддерживаемое синодомъ, требовало жалованья, а дать его было не изъ чего ⁴⁾. Но въ XVIII в. появляются и начатки къ лучшему. Съ одной стороны, государственная потребность въ рабочихъ рукахъ обезпечивала для многихъ арестантовъ трудъ, хотя и наружный, а также соединенное съ этимъ улучшеніе ихъ матерьяльнаго положенія. Съ другой стороны, въ наше законодательство о тюрьмахъ Екатерина II, подъ вліяніемъ Беккариа и частью еще раньше выхода въ свѣтъ знаменитаго сочиненія Говарда, вноситъ новыя гуманитарныя начала, которыя, впрочемъ, въ большинствѣ остались не осуществившимися благопожеланіями. Въ наказѣ 1767 г. требуется снисходительное отношеніе къ подслѣдственнымъ и отдѣле-

¹⁾ Пол. Собр. Зак. №№ 7321, 9579, указы 1736 и 1749.

²⁾ 1 П. С. З. № 9647.

³⁾ 1 П. С. З. № 13040.

⁴⁾ 1 П. С. З. № 8351, любопытный указъ 18 марта 1741 г.; въ 1764 г. свящ. Аонасій взялся составить „книжицу“ для облегченія священникамъ увѣщать подслѣдственныхъ къ сознанію, но этого не исполнилъ; см. тамъ же №№ 11782 и 12312.

ніе ихъ отъ осужденныхъ. Появляются, хотя и не осуществляются, постановленія о различныхъ видахъ карательнаго заключенія, именно о домахъ смирительныхъ и рабочихъ¹⁾. Сознаніе необходимости занять тюремныхъ сидѣльцевъ работою и заботиться объ исправленіи ихъ укореняется болѣе и болѣе, а въ 1787 г. Екатерина II собственноручно написала проектъ устава о тюрьмахъ, предполагая учрежденіе разныхъ мѣстъ заключенія для различныхъ категорій заключенныхъ, подчиненіе всѣхъ тюремъ государственному надзирателю правосудія и введеніе обязательныхъ работъ частью по системѣ келейнаго и одиночнаго заключенія, частью съ сохраненіемъ общаго заключенія. Проектъ этотъ, однако, не былъ осуществленъ²⁾.

Царствованіе Александра I характеризуется вліяніемъ на наше тюремное законодательство библейскихъ обществъ и послѣдователей Говарда, братьевъ Вининговъ; мысль Вальтера Вининга—образовать въ Россіи пошечительное общество о тюрьмахъ—принята императоромъ съ большимъ сочувствіемъ, общество учреждено въ 1819 г. и получило участіе въ тюремномъ управленіи, и хотя оно допущено было въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ того требовалъ Винингъ, но все же повело къ двоевластію въ этой области. Другая мысль Вининга—перестроить всѣ тюрьмы, классифицировать заключенныхъ по нравственнымъ категоріямъ и занять ихъ обязательными работами, съ примѣненіемъ религіозно-нравственнаго воспитанія,—не была принята. Въ царствованіе Николая I кодифицированы уставы о содержащихся подъ стражею, въ которыхъ намѣчено начало исправленія при помощи обязательныхъ работъ и порядка содержанія, но вездѣ осталась общая система заключенія, а работы почти нигдѣ не вводились, за исключеніемъ наружныхъ работъ для арестантскихъ ротъ. Между тѣмъ, въ системѣ наказаній, лишеніе свободы въ формѣ заключенія заняло у насъ, съ уложенія 1845 г., выдающееся мѣсто.

Къ эпохѣ Императора Александра II, положеніе нашихъ тюремъ разныхъ наименованій—остроговъ, тюремныхъ замковъ, смирительныхъ домовъ и рабочихъ домовъ—было немногимъ лучше, чѣмъ въ XVIII в. Официальнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обнаружено весьма печальное состояніе ихъ³⁾: сырость и гнилой

¹⁾ См. выше стр. 270 и слѣд.

²⁾ М. А. Филипповъ, Исторія и соврем. состояніе карательн. учреждений въ Россіи и за границей, 1873, стр. 41 и сл.

³⁾ Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи. Изданы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ начальниковъ губерній. С.-Петербургъ, 1865.

воздухъ въ помѣщеніяхъ, при тѣснотѣ ихъ¹⁾, полнѣйшая праздность арестантовъ, совмѣстное содержаніе ихъ безъ раздѣленія по роду преступленій, а иногда и по возрасту, полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было заботъ о нравственной сторонѣ арестантовъ, которые предоставлялись развращающему примѣру и даже прямому вліянію своихъ товарищей по заключенію, неспособность тюремныхъ смотрителей примѣнять предположенія правительства въ видахъ исправленія арестантовъ, — вотъ что засвидѣтельствовано было изо всѣхъ почти мѣстъ; даже начальство называло тюрьмы „школами порока“, „академіями преступленій“, въ которыхъ „и хорошему человѣку достаточно пробыть три дня, чтобы окончательно испортиться“²⁾. Необходимость реформы была очевидна. Но у насъ, какъ и во Франціи правленія орлеанской династіи, къ ней стремились законодательнымъ путемъ, ставилась широкая задача насадить сразу и общимъ образомъ для всего государства улучшенную систему мѣстъ заключенія; въ результатѣ оказалось, что это сопряжено съ огромными практическими трудностями, и работы множества комиссій по этому предмету до сихъ поръ остаются безо всякихъ слѣдовъ: достигнуто лишь въ 1879 г. преобразование тюремнаго управленія. Къ той же безрезультатности пришла и Франція іюльской монархіи; но совершенно инымъ путемъ шли къ преобразованію своихъ мѣстъ заключенія государства, успѣвшія достигнуть уже высокаго въ этомъ отношеніи успѣха, каковы Бельгія, Англія, Голландія: они исподоволь строили мѣста заключенія по болѣе совершеннымъ системамъ, имѣя при дальнѣйшихъ постройкахъ опытъ прежнихъ и постепенно совершенствуя порядокъ тюремной жизни; вмѣсто централизаціи они придерживались децентрализаціи и открывали значительное участіе личной инициативѣ тюремныхъ дѣятелей. На тотъ же путь постепеннаго практическаго устройства своихъ мѣстъ заключенія встали Германія, Италія и Австрія, не безъ основанія уклоняясь отъ принятія въ законодательномъ порядкѣ общаго тюремнаго закона, который могъ бы существенно повредить дѣлу тюремной реформы.

Свойства тюремнаго заключенія. Какъ бы то ни было, и на западѣ, и у насъ, тюремное заключеніе въ небольшой сравнительно промежутокъ времени заняло выдающееся мѣсто въ карательной системѣ, ставъ центральной частью ея³⁾. Это объяс-

¹⁾ Въ то время тюремныя помѣщенія составляли только 21,5% на дѣйствительную потребность; многія пришли въ совершенную ветхость.

²⁾ Матеріалы, стр. 18 и слѣд., 51, 70, 154 и др.

³⁾ См. выше стр. 76 и слѣд.

няется свойствами его, благодаря которымъ оно имѣетъ высокія достоинства какъ наказаніе.

Тюремное заключеніе обладаетъ значительною гибкостью или дѣлимостью, какъ въ отношеніи экстензивномъ, по срокамъ, такъ и въ отношеніи интензивномъ, по содержанію и объему тѣхъ разнообразныхъ лишеній и мѣръ, которыя могутъ быть соединены съ нимъ, и по способамъ его примѣненія. Теоретически, ссылка еще болѣе дѣлима, но практически оказывается иное, такъ какъ ссылка имѣетъ тенденцію къ пожизненности или, по крайней мѣрѣ, къ значительной продолжительности, почему она возможна только для преступленій наибольшей тяжести. Гибкость тюремнаго заключенія сообщаетъ ему высокую способность индивидуализированія или приспособленія къ условіямъ и потребностямъ каждаго наказываемаго. Вопросъ о предѣлахъ такого индивидуализированія былъ предметомъ оживленныхъ дебатовъ на стокгольмскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ¹⁾. Здѣсь италіанскій делегатъ Канонико доказывалъ, что тюремное заключеніе почти во всѣхъ своихъ чертахъ должно быть опредѣляемо тюремнымъ начальствомъ, въ видахъ наилучшаго достиженія цѣлей его, невозможномъ безъ соображенія съ индивидуальными особенностями заключенныхъ, какъ невозможно безъ этаго и успѣшное леченіе больнаго. Противоположный взглядъ проводилъ бельгійскій делегатъ проф. Тониссенъ, обращавшій вниманіе на то, что тюремное заключеніе есть наказаніе и, какъ таковое, должно быть равно для всѣхъ и въ точности опредѣлено самимъ закономъ, причѣмъ уклоненія въ режимъ могутъ быть допускаемы только для больныхъ. Конгрессъ принялъ средній взглядъ, высказавъ, что закономъ должны быть опредѣляемы лишь существенныя стороны (*les points essentiels*) исполненія наказанія, опредѣленіе же подробностей его слѣдуетъ предоставить власти административной.

Второе крупное достоинство тюремнаго заключенія состоитъ въ томъ, что оно можетъ прибѣгать не только къ мѣрамъ матерьяльнаго или физическаго воздѣйствія на наказываемаго (*material forces*, по выраженію американскаго пенитенціариста Броквея), подобно наказаніямъ тѣлеснымъ и имущественнымъ, но, сверхъ того, и къ мѣрамъ духовнаго или психическаго на него воздѣйствія (*moral forces*). Примѣненіе послѣднихъ, какъ показываетъ опытъ, даетъ наиболѣе успѣшныя результаты, возбуждая въ самомъ наказанномъ соревнованіе къ достиженію цѣлей, преслѣдуемыхъ тюремю, и обезпечивая содѣйствіе его тюремной администраціи.

¹⁾ Congrès pénit. de Stokholm. t. I p. 110 и сл.

Опираясь на мѣры не только матерьяльнаго, но и духовнаго воздѣйствія, съ тенденціею большаго и большаго расширенія послѣднихъ, тюремное заключеніе представляется наказаніемъ, наиболѣе гуманнымъ и соответствующимъ современному культурному строю, основное требованіе котораго—достиженіе общественной пользы путемъ доставленія пользы личности и забота о ней. Какъ мѣра гуманная, тюремное заключеніе не ведетъ къ огрубѣнію нравовъ, подобно смертной казни и наказаніямъ тѣлеснымъ, а открываетъ даже возможность смягченія общественныхъ нравовъ путемъ рациональнаго воспитанія наименѣ дисциплинированныхъ элементовъ общежитія.

Въ тоже время, благодаря своей гибкости и разнообразію находящихся въ его распоряженіи средствъ, тюремное заключеніе пригодно для достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей наказанія. Оно можетъ доходить до высокой степени репрессивности, достигая цѣль устрашенія болѣе, чѣмъ всякое другое наказаніе. Имъ обезпечиваются цѣли безопасности во время заключенія, такъ какъ число успѣшныхъ побѣговъ, по свидѣтельству опыта, можетъ быть доведено до минимума. Сверхъ того, оно можетъ служить цѣлямъ безопасности и послѣ освобожденія наказаннаго, принимая во время заключенія рядъ мѣръ, направленныхъ къ воспитанію его въ духѣ общежитія. Современныя изслѣдованія обнаружили, что преступный классъ распадается на нѣсколько категорій, изъ которыхъ каждая требуетъ особаго ухода; возможность разнообразныхъ построеній тюремнаго заключенія дѣлаетъ его мѣрою, пригодною для всѣхъ этихъ категорій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тюремное заключеніе есть мѣра экономичная, какъ потому, что направляется на менѣ цѣнныя блага личности, чѣмъ ея жизнь и здоровье, такъ и потому, что при ней возможно утилизировать рабочія силы наказанныхъ, возмѣщая трудомъ ихъ значительную часть государственныхъ расходовъ на ихъ содержаніе.

Наконецъ, качествомъ возстановимости тюремное заключеніе обладаетъ болѣе всѣхъ иныхъ наказаній, кромѣ только взысканій имущественныхъ и пораженія правъ; но первыя возможны нынѣ лишь за незначительныя проступки, второе—пока только въ видѣ наказанія дополнительнаго.

Не смотря на эти высокія достоинства тюремнаго заключенія, противъ него раздаются и нѣкоторыя возраженія. Изъ нихъ одни коренятся въ недостаточномъ знакомствѣ съ успѣхами тюремной дѣятельности въ новѣйшее время и направляются собственно противъ тюрьмы устарѣвшей, отжившей уже свой вѣкъ; таковы, напр., указанія на взаимное развращеніе арестантовъ, на праздность ихъ, на высокую тюремную смертность и т. д., что въ государствахъ,

реформировавшихъ свои мѣста заключенія, уже отошло или отходить къ области прошлаго. Сюда же, въ частности, должно быть отнесено и указаніе, что тюрьма позоритъ человѣка и изъ дверей ея выходятъ люди, отверженные обществомъ, неохотно принимаемые имъ въ свою среду, составляющіе какъ бы общественныхъ паріевъ, и что такимъ образомъ тюрьма создаетъ безправіе и общественное неравенство. Любопытно, что этотъ доводъ приводится представителями ссылки¹⁾, которая именно и предполагаетъ пораженіе правъ, въ силу присущей ей тенденціи къ пожизненности. Разматриваемый же въ примѣненіи къ тюремному заключенію, онъ оказывается несостоятельнымъ: знакомство общества съ современною тюремною дѣятельностью, какъ свидѣлствуетъ опытъ, болѣе и болѣе уменьшаетъ ореолъ позора, окружавшій прежнюю тюрьму; институтъ патроната сдѣлалъ уже многое въ этомъ направленіи, и онъ имѣетъ еще широкую будущность.

Другая группа возраженій указываетъ, что порядокъ жизни, создаваемый тюрьмою, не естественный: она держитъ узника въ четырехъ стѣнахъ, заставляя его здѣсь-же и работать, отказывая ему въ семьѣ и подрывая семейныя связи, составляющія одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ государства²⁾. Это возраженіе приводится также приверженцами ссылки, указывающими, что ссылка предполагаетъ наружныя работы и допускаетъ семью; но 1) и тюрьма не исключаетъ возможность занятія арестантовъ работами на открытомъ воздухѣ, въ частности земледѣльческими; кромѣ типа ея съ закрытыми мастерскими, возможенъ и другой типъ тюрьмы — колоніи, уже примѣняемый относительно несовершеннолѣтнихъ и обѣщающій развиться въ будущемъ для взрослыхъ; 2) опытъ показываетъ, что семья невозможна и въ ссылкѣ, гдѣ женскій вопросъ всегда былъ и будетъ самымъ труднымъ для разрѣшенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, идея тюрьмы не противорѣчитъ допущенію связей съ семьей, напр. освобожденію на время, свободное отъ занятій (что и нынѣ дозволяется у насъ по положенію объ арестныхъ домахъ).

Къ третьей группѣ принадлежатъ возраженія не противъ тюремнаго заключенія въ его идеѣ, а противъ исключительнаго господства его въ лѣстницѣ наказаній. Замѣчаютъ, что для нѣкоторыхъ преступныхъ дѣланій умѣстнѣе иныя кары, и въ частности возражаютъ противъ краткосрочнаго заключенія на одинъ или нѣсколько дней, которое, не имѣя достаточно времени для примѣненія мѣръ тюремной дѣятельности, приучаетъ лишь человѣка къ наказанію,

¹⁾ Сергѣевскій, Русское угол. право, стр. 192.

²⁾ Desprez, de l'abolition de l'emprisonnement. См. мое сочиненіе Ссылка на западѣ, стр. 253 и слѣд.

уменьшаетъ возбуждаемый имъ страхъ и ведетъ его по пути преступленій. Эти замѣчанія во многомъ представляются вѣрными; мы видѣли уже¹⁾, что карательную систему не политично сводить къ какому нибудь одному наказанію, отказываясь отъ всѣхъ прочихъ мѣръ, находящихся въ распоряженіи государства. Важно лишь при избраніи послѣднихъ обращать вниманіе на то, чтобъ онѣ не стояли въ противорѣчій съ карательною системою вообще и не затрудняли успѣхъ ея.

Наконецъ, встрѣчается рядъ возраженій, обращающихъ вниманіе на крайнюю трудность тюремной реформы,—ея дороговизну, высокія личныя качества, требуемыя ею отъ тюремнаго персонала. Но трудности эти преодолимы; и такъ какъ въ концѣ концовъ оказывается, что хорошая тюрьма стоитъ государству дешевле и дурной тюрьмы, и тѣмъ болѣе ссылки; такъ какъ хорошій персоналъ тюремнаго управленія, при доброй волѣ, подготовить можно и онъ существенно необходимъ для правильнаго осуществленія карательной дѣятельности; то временныя затрудненія не могутъ имѣть серьезнаго значенія при оцѣнкѣ тюремнаго заключенія.

Обладая высокими карательными свойствами, тюремное заключеніе есть прежде всего наказаніе. Оно должно быть репрессивно, и весьма важно избѣгать той ложной филантропіи, которая желала во что бы то ни стало улучшить участь узниковъ, забывая, что при этомъ тюрьма могла бы стать наградой вмѣсто кары. Потому же тюрьма не должна превращаться ни въ общественную школу, гдѣ ученикъ остается до выдержанія экзамена, ни въ общественную больницу, гдѣ больной остается до выздоровленія²⁾. Но, примѣняясь какъ наказаніе, тюрьма имѣетъ въ своемъ распоряженіи извѣстный запасъ времени, которымъ и пользуется для достиженія разныхъ цѣлей, выдвигаемыхъ жизненными потребностями. Высокая и весьма реальная опасность рецидива³⁾ обязываетъ ее по преимуществу обратить вниманіе на предупрежденіе со стороны заключенныхъ преступныхъ дѣяній какъ во время заключенія,— что достигается главнымъ образомъ мѣрами безопасности, такъ и послѣ заключенія,— что необходимо предполагаетъ примѣненіе мѣръ воспитательныхъ, съ участіемъ тѣхъ духовныхъ факторовъ, которые тюрьма можетъ призвать себѣ на помощь. По успѣху такого предупрежденія судятъ и о достоинствахъ того или

¹⁾ См. выше ст. 69, 70.

²⁾ Desportes et Lefebure, La science penitentiaire au Congres de Stockholm, 1880, 72—80.

³⁾ См. выше стр. 44, 45, 59—62.

инаго мѣста заключенія¹⁾; такъ, учрежденія для несовершеннолѣтнихъ въ весьма короткое время успѣли замѣтно понизить цифры дѣтской преступности.

Намъ предстоитъ рассмотреть, при какихъ условіяхъ, какими способами и мѣрами тюрьма стремится къ разрѣшенію разнообразныхъ задачъ, на ней лежащихъ. Здѣсь намъ представляются слѣдующіе вопросы:

- 1) о тюремныхъ системахъ;
- 2) о мѣрахъ тюремной дѣятельности и объ органахъ тюремнаго управленія;
- 3) о видахъ мѣстъ заключенія; и
- 4) о мѣрахъ, сопровождающихъ карательное заключеніе, предшествова ему или слѣдующа за нимъ.

§ 2. Тюремныя системы.

Подъ тюремною системою въ обширномъ смыслѣ разумѣютъ совокупность всѣхъ мѣропріятій, практикуемыхъ тюрьмою въ видахъ кары и исправленія заключенныхъ; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ тюремная система означаетъ способъ размѣщенія заключенныхъ въ стѣнахъ тюрьмы, какъ факторъ наказанія, но безотносительно къ прочимъ тюремнымъ мѣропріятіямъ. Въ настоящемъ § выраженіе „тюремная система“ употребляется въ этомъ послѣднемъ значеніи.

Въ тюрьмахъ прежняго времени всѣ заключенные содержались совместно; иногда въ однихъ камерахъ помѣщались взрослые и несовершеннолѣтніе, мужчины и женщины, подсѣдственные и осужденные. Неудобства этого порядка вещей очевидны; болѣе испорченные оказываютъ вліяніе на менѣ испорченныхъ, съ огромною арестантскою толпою тюремной администраціи дѣйствовать весьма трудно, интересы дисциплины подвергаются опасности, не говоря уже о требованіяхъ нравственности и объ интересахъ воспитательныхъ. Отсюда стремленіе раздѣлить арестантовъ или на группы, или даже на отдѣльныя единицы; сообразно различіямъ въ способахъ и объемѣ такого раздѣленія получаютъ различныя системы, а именно: классификаціи, ночнаго разъединенія, молчанія и механическаго разъединенія. При послѣдовательномъ примѣненіи нѣ-

¹⁾ Инаго мѣнія англійскій пенитенціаристъ Du-Cane; утверждая, что каждое общество должно выполнить опредѣленный бюджетъ преступленій, онъ находитъ, что для общества выгоднѣе, если преступленія эти будутъ совершаться людьми одного и того же класса, повторяющими ихъ, чѣмъ если они будутъ захватывать каждый годъ новые кадры лицъ. Здѣсь не вѣрна основная послылка о неизмѣнности „бюджета преступленій“.

скольких системъ получаются смѣшанныя системы; таковы система Обанеля (женевская) и частью Крафтона (ирландская).

I. Системы классификаціи. Всякая тюрьма, претендующая на успѣхъ въ борьбѣ съ преступностью, должна помѣщать отдѣльно мужчинъ отъ женщинъ, несовершеннолѣтнихъ отъ взрослыхъ, подслѣдственныхъ отъ осужденныхъ. До выполнения этого условия, не можетъ быть и рѣчи о рациональномъ заключеніи: по поламъ—такъ какъ совмѣстное заключеніе лицъ различныхъ половъ покровительствуетъ разврату; по возрастамъ—потому что въ противномъ случаѣ тюрьма становится школою преступленія, гдѣ малолѣтніе арестанты получаютъ компетентныя указанія отъ лицъ, закаленныхъ въ борьбѣ съ правомъ и закономъ; по основаніямъ заключенія, — потому что арестанты подслѣдственные и осужденные, гражданскіе и уголовные представляютъ элементы совершенно различные съ точки зрѣнія тѣхъ мѣропріятій, которыя въ правѣ принимать относительно ихъ тюремное начальство.

Съ этого, такимъ образомъ, должна начинать, и дѣйствительно начинаетъ, всякая тюремная реформа. Но одинъ этотъ шагъ вскорѣ оказывается недостаточнымъ: между лицами одной и той же категоріи встрѣчаются такія громадныя различія въ чертахъ характера, такія рѣзкія особенности въ степени преступности, что, оставляя ихъ самими себѣ, тюрьма позволяетъ однимъ оказывать вредное вліяніе на другихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, надзоръ за большими массами неудобенъ для тюремнаго начальства, вспышка нѣсколькихъ можетъ разростись въ тюремный бунтъ. Въ этихъ именно идеяхъ находятъ свое объясненіе различныя классификаціи тюремнаго населенія, распадающіяся на классификаціи по внутреннимъ признакамъ и чисто формальныя.

A. Классификаціи по внутреннимъ признакамъ. Для нихъ ближайшее основаніе даетъ самъ уголовный и тюремный законъ. Нерѣдко законодательству извѣстно множество различныхъ видовъ лишенія свободы, между тѣмъ какъ отдѣльныхъ мѣстъ заключенія для каждаго изъ нихъ вовсе не имѣется, или имѣется въ недостаточномъ количествѣ. Такъ напримѣръ, въ земскихъ тюрьмахъ Англии и Уэльса отбываются простое тюремное заключеніе и заключеніе съ тяжкою работою; такъ, въ тюрьмахъ французскихъ (*maisons centrales*) отбывается нѣсколько видовъ лишенія свободы, начиная съ *emprisonnement*, переходя къ *détention*, *reclusion* и кончая *travaux forcés* (для женщинъ); такъ нашъ законъ, при отсутствіи по близости мѣстъ заключенія того вида, который назначенъ судомъ, позволяетъ помѣщать арестанта въ мѣста другаго вида заключенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возможно представить,

что арестанты каждаго вида заключенія содержатся особо, и тогда мы получимъ классификацію арестантовъ по наказаніямъ и тяжести преступленія.

Иногда, кромѣ того, какъ, напримѣръ, въ Германіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, законъ предоставлялъ суду опредѣлить ближе моральное состояніе осужденнаго, и сообразно этому приговорить его къ болѣе или менѣе строгому заключенію, не измѣняя вида его, а лишь порядокъ содержанія. Но тамъ классификація по этому основанію уже отброшена, такъ какъ опытъ показалъ, что судья, имѣющій передъ глазами преступника лишь самое короткое время, не можетъ составить точнаго представленія о его моральной сторонѣ.

Наконецъ, распредѣленіе арестантовъ по группамъ, на основаніи сходства или различія моральныхъ сторонъ ихъ характера, предоставляется иногда тюремному начальству. Последнее заботится о томъ, чтобы соединить въ однѣ группы лицъ сходныхъ характеровъ, арестантовъ одинаково испорченныхъ, для нравственности которыхъ взаимное вліяніе не представлялось-бы опаснымъ.

Такова исходная точка этого направленія. Несомнѣнно, что распредѣленіе арестантовъ по такимъ внѣшнимъ и случайнымъ признакамъ, какъ родъ совершеннаго преступленія или строгость наказанія, еще не предупреждаетъ опасности взаимнаго развращенія ихъ; этимъ и объясняются попытки классификаціи по моральнымъ признакамъ каждаго лица. Но установить моральныя категоріи между арестантами весьма трудно, еще труднѣе распознать, къ какой изъ нихъ принадлежитъ данный человѣкъ. Сужденіе объ этомъ внутреннемъ состояніи можетъ быть основано или на неуловимыхъ по своимъ основаніямъ догадкахъ, или на внѣшнихъ актахъ человѣка, далеко не всегда воспроизводящихъ его нравственную физіономію. Въ бельгійскихъ тюрьмахъ, въ эпоху господства этой системы, по свидѣтельству Моро Кристофа ¹⁾, многими министерскими циркулярами тюремному начальству было рекомендовано дѣлить арестантовъ каждаго тюрьмы на хорошихъ, порядочныхъ и дурныхъ, беря за основаніе: 1) родъ совершеннаго ими проступка, 2) тяжесть назначеннаго судомъ наказанія и 3) моральность его. Но на практикѣ классификація была дѣломъ чистаго произвола; по свидѣтельству Discretiaux, въ

¹⁾ Moreau-Christoph, Rapport à M. le compte de Montaliver sur les prisons de l'Angleterre, de l'Ecosse, de la Hollande, de la Belgique et de la Suisse. Paris, 1839, стр. 126.

нѣкоторыхъ тюрьмахъ Бельгіи всѣ арестанты дѣлились на два класса, въ другихъ на пять (Гентъ), въ нѣкоторыхъ же число классовъ доходило до 14; даже не смотря на большое число ихъ, администрація нашла нужнымъ прибѣгнуть къ почному разьединенію. Тогда-же въ тюрьмахъ голландскихъ, по свидѣтельству Моро-Кристофа¹⁾, арестанты каждой карательной тюрьмы, для облегченія надзора и предупрежденія вредныхъ вліяній болѣе испорченныхъ на менѣе испорченныхъ, дѣлились на три класса — дурныхъ, подозрительныхъ и хорошихъ; но здѣсь эти классы не были неподвижны, напротивъ, при исправленіи допускался переходъ изъ одного въ другой съ разными льготами для высшихъ классовъ, такъ что въ этомъ дѣленіи встрѣчаются черты начала постепенности. Въ тюрьмахъ Пруссіи сороковыхъ годовъ, по свидѣтельству Галле-Кляпареда²⁾, совершеннѣйшіе арестанты дѣлились на двѣ категоріи по роду совершеннаго ими преступленія: одни — виновные въ корыстныхъ имущественныхъ нарушеніяхъ, другіе — въ остальныхъ преступленіяхъ; но это дѣленіе не проводилось строго. Еще старѣе классификація арестантовъ по моральнымъ признакамъ въ Швейцаріи. Въ Бернѣ она установлена еще въ 1788 г., имѣла три ступени — хорошихъ, посредственныхъ и дурныхъ, — притомъ отдѣльно для каждой категоріи арестантовъ, по роду совершеннаго ими преступленія; но и тамъ, не смотря на долговѣчность существованія, тюремные дѣятели не могли отыскать никакихъ прочныхъ признаковъ для проведенія ея. То-же явленіе мы замѣчаемъ въ Англіи и Уэльсѣ, гдѣ эта система имѣла силу въ эпоху Крауфорда и Росселя; тогдашняя тюремная администрація жаловалась на отсутствіе какихъ бы то ни было точныхъ признаковъ, которые позволяли бы распредѣлить арестантовъ на группы по сходству моральной ихъ физіономіи.

Таково одно неудобство этой системы, дѣлающее ее неудобно-исполнимой. Другое лежитъ въ самомъ существѣ ея: нѣтъ двухъ лицъ, нравственная физіономія которыхъ была бы совершенно одинакова. Ведя послѣдовательно начало моральной классификаціи, пришлось бы создать почти столько категорій, сколько заключенныхъ въ тюрьмѣ. Прибавивъ сюда трудность констатированія нравственныхъ признаковъ, мы поймемъ, почему Моро-Кристофъ называетъ старанія правильно классифицировать арестантовъ по нравственности ихъ и надежду исправить ихъ этимъ путемъ пенитен-

¹⁾ Moreau-Christophe, *ibid.*, стр. 105.

²⁾ Hallez-Claparède, *Rapport sur les prisons de la Prusse*. Paris, 1843, стр. 10 и слѣд.

ціарной алхіміей¹⁾. Арестантъ, кажущійся тюремному начальству найбільше нравственнымъ, часто лишь найбільше ловокъ и лучшій ханжа, чѣмъ его товарищи.

Третье неудобство. Допуская распредѣленіе арестантовъ по нравственности, тюремное начальство ставитъ себя въ необходимость дѣлать частые переводы изъ одной категоріи въ другую, такъ какъ его прежнія предположенія могли не сбыться или арестантъ могъ исправиться. Это, съ одной стороны, прибавляетъ лишній и весьма кропотливый трудъ къ обязанностямъ тюремнаго начальства; съ другой — поддерживаетъ постоянное общеніе между арестантами.

Затѣмъ, предположеніе, что общеніе лицъ, одинаково испорченныхъ, не можетъ ихъ испортить больше, оказалось далеко невѣрнымъ; „дурные — замѣчаютъ Моро-Кристофъ — дѣлаются худшими потому именно, что находятся между собою въ постоянномъ общеніи; сомнительные становятся дурными потому именно, что отдѣлены отъ хорошихъ; даже хорошіе портятся потому именно, что изъ нихъ создаютъ особый, привилегированный классъ“.

Такимъ образомъ, системы класификаціи по нравственнымъ признакамъ не отвѣчаютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя на нихъ возлагали; трудность распредѣленія всѣхъ арестантовъ по соответствующимъ классамъ была такъ велика, что даже тамъ, гдѣ оставалась вѣра въ силу класификаціи, нашли необходимымъ ограничиться выдѣленіемъ изъ общаго тюремнаго населенія арестантовъ, найбільше уклоняющихся отъ средняго уровня или по своей испорченности или по своей неиспорченности. Первые выдѣлялись въ особый классъ испытуемыхъ для предупрежденія вреда съ ихъ стороны, какъ, напр., въ женевской системѣ, творцомъ которой былъ Обавель; мы еще будемъ имѣть случай познакомиться съ нею. Вторые выдѣлялись въ особый классъ исправляющихся, для предупрежденія развращенія ихъ болѣе испорченными арестантами; такой именно характеръ представляютъ *quartiers de préservation et d'amendement*, учрежденіе которыхъ въ центральныхъ домахъ Франціи восходитъ къ концу 1865 г.: французская тюремная администрація, какъ видно изъ ея отчетовъ, смотрѣла еще недавно на учрежденіе этихъ кварталовъ, какъ на дѣло весьма серьезной важности²⁾.

¹⁾ Moreau-Christophe, въ приложеніяхъ къ сочиненію Suringar'a, *Considerations sur la reclusion individuelle des detenus*, Paris, 1843, стр. 76: „Il est, en effet, de bonnes gens qui, parce qu'ils appellent moralités toutes ces immoralités de prison, s'imaginent qu'en les divisant par catégories de bons, de douteux, de mauvais, ils parviendront à les rendre à la vie honnête. Mais tout cela est de l'alchimie pénitentiaire“.

²⁾ См. *statistique des prisons et établissements pénitentiaires pour l'année 1868*. Paris 1870, стр. LXXXV и слѣд.

„Заключеніе одиночное, не смотря на другія его неудобства и главнымъ образомъ на его дороговизну, — замѣчаетъ тюремная администрація Франціи, — имѣетъ однако то важное преимущество, что имъ предупреждаются опасныя сношенія и гибельные совѣты. Поэтому администрація приняла мѣры, чтобы приблизить общее заключеніе къ такому типу. Средствомъ, наиболѣе рациональнымъ для достиженія его, по внимательномъ обсужденіи, было признано распредѣленіе арестантовъ на группы, по характеру и степени испорченности ихъ, полное разьединеніе этихъ группъ и предупрежденіе какихъ бы то ни было сношеній между членами различныхъ группъ“. По этимъ то основаніямъ, въ домахъ центральныхъ предположено раздѣлить всѣхъ арестантовъ на слѣдующіе классы: 1) арестанты наименѣе испорченные, впашіе въ преступленіе подъ вліяніемъ преходящимъ; 2) арестанты, совершающіе преступленія въ видѣ промысла, глубоко испорченные и постоянно ведущіе борьбу съ закономъ; затѣмъ 3) арестанты, по природѣ своей пассивные, лѣнтяи, неспособные къ великимъ преступленіямъ, неимѣющіе вліянія на окружающихъ товарищей; въ общей массѣ тюремнаго населенія они выступаютъ съ наиболѣе крупными цифрами. Члены первой категоріи, по мнѣнію французской администраціи, подвергаются серьезной опасности отъ соединенія съ другими; ихъ слѣдуетъ предохранить и, по возможности, исправить. Вторая категорія возбуждаетъ въ тюрьмѣ серьезныя опасности; для нея годится лишь одиночное заключеніе и самая строгая дисциплина. Въ третьей слѣдуетъ лишь стараться о соблюденіи порядка. Вниманія, прежде всего, по мнѣнію французской администраціи, заслуживаетъ первая, болѣе надежная категорія. Была даже мысль помѣщать членовъ ея въ особыхъ мѣстахъ заключенія, но отъ нея отказались, чтобы не подорвать силы судебныхъ рѣшеній, и остановились на помѣщеніи ихъ въ особыя отдѣленія центральныхъ домовъ, получившими названіе предохранительныхъ. Дисциплина здѣсь та же, какъ и для другихъ заключенныхъ: то же общее заключеніе, тѣ же работы и пр. Но съ другими арестантами помѣщенные въ этихъ отдѣленіяхъ не приходятъ въ сношенія и рекомендуются особой заботливости тюремнаго начальства. Въ общемъ составѣ тюремнаго населенія они составляютъ съ небольшимъ 6%.

Таковы мотивы, побудившіе французское правительство прибѣгнуть къ выдѣленію этого класса заключенныхъ. Они ярко обозначаютъ всѣ недостатки, сопровождающіе общую систему заключенія центральныхъ домовъ: бороться съ нею тюремное начальство оказалось не въ силахъ, хватаясь лишь за наиболѣе надежныхъ, еще неиспорченныхъ тюрьмою, а другихъ предоставляя всѣмъ соблазнамъ

совмѣстнаго заключенія и рецидиву. Успѣхъ этой мѣры весьма сомнителенъ, какъ потому, что въ „предохранительныхъ отдѣленіяхъ“ содержатся совмѣстно лица, совершившія самыя разнообразныя преступленія, начиная отъ истребленія чужаго имущества, недозволенаго леченія, мелкихъ проступковъ противъ казеннаго имущества, и кончая осужденными за бродяжничество, кражу, изнасилованіе, убійство,—такъ и потому, что опытъ другихъ государствъ, прибѣгавшихъ къ ней, показалъ лишь ея преимущество предъ общимъ заключеніемъ безъ всякихъ категорій, а не успѣхъ ея въ борьбѣ съ рецидивомъ. Большая часть государствъ, введшихъ классификацію арестантовъ въ свои тюрьмы, вынуждена была прибавить къ этому обязанность молчанія, т. е. поставить стѣну даже между тѣми арестантами, которые принадлежали къ однимъ и тѣмъ же категоріямъ.

Б. Классификаціи внѣшнія. Гораздо легче осуществима классификація по внѣшнимъ признакамъ, стоящимъ отдѣльно отъ закоренѣлости въ преступленіи или нравственной испорченности. Было замѣчено, что содержаніе арестантовъ слишкомъ большими массами мѣшаетъ правильному дѣйствію тюремнаго надзора и не позволяетъ тюремному начальству ознакомиться съ каждымъ арестантомъ; замѣтили также, что классификацію по нравственнымъ признакамъ чрезвычайно трудно поддержать въ тюрьмѣ, въ виду практическихъ соображеній: такъ, арестантъ принадлежавшій къ одной категоріи, могъ быть прекраснымъ мастеромъ работъ, производимыхъ другою категоріею, и потому классификація, существовавшая въ дортуарахъ, не поддерживалась въ мастерскихъ. Для устраненія этого, предположено группировать арестантовъ по роду работъ, производимыхъ ими, по спальнымъ и т. под. На практикѣ этотъ взглядъ проводился, съ одной стороны, Обермайеромъ въ мюнхенской тюрьмѣ, съ другой —Мозеромъ и Кюне, въ тюрьмѣ Св. Якова, въ Сень-Галленѣ; въ послѣдней, впрочемъ, она соединяется съ ночнымъ разведеніемъ.

а) Обермайеръ выходилъ изъ мысли, что вопросъ о тюремной системѣ есть вопросъ праздный, ибо успѣхъ тюремной дѣятельности зависитъ всецѣло отъ личности начальника тюрьмы. Онъ долженъ занимать въ ней такое же мѣсто, какъ отецъ семейства, и относиться къ каждому по его заслугамъ, помимо всякой центральной регламентаціи; арестанты занимаются работами группами по 20—30 человекъ, гуляютъ группами не больше чѣмъ по сто человекъ и спятъ на отдѣльныхъ постеляхъ въ дортуарахъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 3 до 13 человекъ. Своимъ личнымъ вліяніемъ талантливый Обермайеръ успѣлъ обратить всеобщее вниманіе

на мюнхенскую тюрьму, но какъ только оно прекратилось, невыгоды общаго заключенія возвратились со всею силою ¹⁾.

б) О тюрьмѣ С. Галленской, гдѣ арестанты работаютъ въ небольшихъ мастерскихъ и спятъ каждый въ отдѣльной комнатѣ, я скажу далѣе.

II. Ночное разъединеніе арестантовъ. Въ тюрьмахъ общаго заключенія наиболѣе сильныя возраженія всегда вызывали совмѣстныя спальни. Порядокъ нарѣ оказался вреднымъ для здоровья и развивающимъ такіе пороки, какъ тюремные браки; постепенно замѣнивъ его, порядокъ отдѣльныхъ кроватей далеко не устранилъ всѣхъ его неудобствъ. Оставаясь вмѣстѣ, арестанты употребляли ночное время на оргіи и игры, на мести товарищамъ, провинившимся противъ арестантскаго товарищества, и „тюремные браки“ не прекратились. Устранивъ важнѣйшія изъ этихъ злоупотребленій, даже усиленный тюремный надзоръ не могъ парализовать другихъ неудобствъ общихъ спаленъ, которые состояли: 1) въ томъ, что при самомъ бдительномъ надзорѣ арестанты имѣли возможность разговаривать ночью между собою, обсуждая въ это время проекты заговоровъ противъ начальства, побѣговъ и т. под.; 2) общія спальни разрушали въ нихъ домовитость и любовь къ порядку въ своемъ углу.

Уже Виленъ XIII настаивалъ на разъединеніи арестантовъ ночью, и устроенный по его мысли, въ 1782 г., *maison de force* въ Гентѣ содержалъ отдѣльныя комнаты для каждого арестанта, куда онъ заключался на ночь. Днемъ арестанты работали въ общихъ мастерскихъ. Проектированная для пріученія къ честной трудовой жизни лицъ, бездѣлье которыхъ ложится тяжкимъ гнетомъ на общественныя финансы и даже вызываетъ преступленія, гентская тюрьма была рассчитана, главнымъ образомъ, для содержанія нищихъ, бродягъ и т. под.; но особое отдѣленіе было отведено въ ней и для преступниковъ, содержаніе которыхъ основано на порядкѣ общихъ работъ и ночнаго разъединенія. Тюрьма устроена восьмигранникомъ (octogon) по системѣ двойныхъ флигелей: одни расходятся изъ центра, другіе соединяютъ края ихъ; центральной башни, какъ въ новой лучистой системѣ, здѣсь еще нѣтъ, флигеля не имѣютъ продольныхъ корридоровъ сверху до низу и входъ въ ночныя комнаты не изнутри, а снаружи, при помощи балконовъ на аркахъ; категоріи, предположенныя для заключенія въ этой тюрьмѣ, были совершенно раздѣлены между собою; число работающихъ въ каждой мастерской неограничено. Безусловная обязанность молчанія не входила въ ея систему, но начальству было

¹⁾ См. Pfeuffer, das Obermayer'sche Besserungssystem. Heidelberg. 1874.

поручено наблюдать, чтобы арестанты не проводили время въ праздныхъ разговорахъ. За дисциплинарныя проступки, независимо отъ немедленныхъ взысканій, срокъ заключенія продолжался ¹⁾.

Въ свое время, гентскій пенитенціарій обратилъ на себя всеобщее вниманіе: Говардъ посѣщаль его нѣсколько разъ и называль самую лучшую тюрьмою. Когда, влѣдствіе домогательствъ нѣсколькихъ промышленниковъ, боявшихся конкуренціи тюремной работы, арестанты гентской тюрьмы были лишены работы, Говардъ отнесся къ этому съ горячимъ сожалѣніемъ. Въ свой проектъ тюремнаго содержанія онъ вноситъ ночное разъединеніе арестантовъ ²⁾.

Оно принято было также многими другими тюрьмами, и повсемѣстный фактъ тотъ, что тюрьмы, введшія у себя ночное разъединеніе, не возвращались болѣе къ общимъ спальнямъ. Но замѣчая, что выгоды ночнаго разъединенія парализуются общимъ заключеніемъ днемъ, тюремные дѣятели направили усилія противъ опасностей послѣдняго, предложивъ, прежде всего, разобщеніе арестантовъ посредствомъ установленія обязанности молчанія.

Ш. Система молчанія. Крики, шумъ и черезъ-чуръ громкіе разговоры тюрьма старается предупредить уже для устраненія общественнаго соблазна и поддержанія порядка; въ этомъ смыслѣ они запрещаются и у насъ. Впослѣдствіи къ этимъ мотивамъ прибавляется новый — желаніе устранить вредныя послѣдствія совмѣстнаго заключенія, поставивъ между арестантами моральную стѣну, которая устраняла бы вліяніе одного на другаго. Попытки этого рода встрѣчаются уже въ концѣ XVIII ст. Бернскій смирительный домъ, по уставу 1788 г., предписываетъ своимъ арестантамъ молчаніе во время обѣда и работъ; въ другихъ же случаяхъ имъ дозволялось разговаривать между собою только вслухъ, а не шопотомъ. Въ уставѣ гентскаго *maison de force* 1782 г. введено постановленіе, чтобы во время работъ, въ церкви и школѣ арестанты не предавались разговорамъ, не только вслухъ, но и шопотомъ. Говардъ видѣлъ въ обязанности молчанія важную мѣру разобщенія арестантовъ и исправленія ихъ: „Уединеніе и молчаніе, говоритъ онъ, благопріят-

¹⁾ См. Vischers, Notice sur la construction de la maison de force de Gand. Bruxelles, 1872.

²⁾ Howard, On prisons, Warrington, 1784, стр. 27: „Я желалъ бы, чтобы въ тюрьмѣ имѣлось достаточное количество маленькихъ комнатъ для одиночнаго размѣщенія арестантовъ на ночь. Если днемъ трудно устранить ихъ совмѣстное заключеніе, во всякомъ случаѣ они должны быть разобщены ночью. Уединеніе и молчаніе, благопріятствуя размышленію, могутъ навести ихъ на раскаяніе и предупреждаютъ побѣги“.

ствуя размышленію, способны навести арестантовъ на путь раскаянія“. Но наибольшую извѣстность приобрѣло это начало съ тѣхъ поръ, когда дѣятели штата Нью-Йорка въ Сѣверной Америкѣ развили его въ строгую тюремную систему, получившую знаменитость подъ именемъ системы оборнской.

Исторія ея происхожденія слѣдующая. Квакеры штата Пенсильваніи, подъ вліяніемъ религіозныхъ ученій о любви къ ближнему и идей школы естественнаго права, успѣли добиться въ 1786 г. уничтоженія членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній и значительнаго сокращенія смертной казни. Лишеніе свободы стало главной мѣрой наказанія даже за самыя тяжкія преступленія; но его соединяли съ публичными работами въ цѣпяхъ, и результаты были чрезвычайно плачевныя. Для устраненія ихъ была учреждена тюрьма въ Walnut-Street, въ Филадельфіи; въ ней были устроены отдѣльныя комнаты и общіе дортуары и мастерскія; въ первыхъ содержались: а) лица, приговариваемыя судомъ къ одиночному заключенію, и б) арестанты общаго заключенія за проступки дисциплинарныя; во вторыхъ — все остальные. Арестанты одиночныя заключались въ свои комнаты какъ въ карцеръ и оставались тамъ безъ всякой работы. Арестанты же общаго заключенія, находясь всегда вмѣстѣ, обязаны были работать въ стѣнахъ тюрьмы; предписано было только отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ. Скоро почувствовался недостатокъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, такъ какъ суды приговаривали охотно къ этому наказанію; съ другой стороны, эта тюрьма, назначавшаяся прежде для военныхъ арестантовъ, была наскоро передѣлана для новой цѣли, такъ что въ ней замѣчались многія неудобства въ архитектурномъ отношеніи. Явилась необходимость построить новыя тюрьмы. Но тогда оказалось, что между общественными дѣятелями американскаго союза по вопросу о рациональномъ устройствѣ тюрьмы не было единодушія. Одни, пенсильванскіе квакеры, настаивали на одиночномъ заключеніи безъ работъ; другіе, практическіе янки штата Нью-Йоркъ, видѣли въ работѣ главное исправительное орудіе тюрьмы, и такъ какъ совмѣстное производство работъ обѣщало большія выгоды, то они остановились на общемъ заключеніи. Взглядъ послѣднихъ, какъ увидимъ, оказалъ вліяніе и на пенсильванское правительство, которое избрало средину между предложеніемъ квакеровъ и янки. Теперь же нужно познакомиться съ тюремною системою штата Нью-Йоркъ.

Уже въ 1797 г., послѣ смягченія уголовныхъ законовъ, въ одномъ изъ предмѣстій Нью-Йорка, Гринвичъ, была устроена тюрьма для всего штата, на которую возлагались самыя оживленныя надежды. При устройствѣ ея приняли за образецъ общія отдѣленія

тюрьмы Walnut Street. Арестанты содержались совместно и были заняты различными работами, рассчитанными на получение наибольшей прибыли; работы производились в стенах тюрьмы, мужчины отдѣлены отъ женщинъ. Но гринвичская тюрьма не оправдала ожиданій. Число осужденныхъ увеличивалось все болѣе и болѣе, потребовалось устроить новую такую тюрьму для западной части штата Нью-Йоркъ; мѣстомъ для этого былъ выбранъ Оборнъ; въ 1816 г. работы по сооружеию были кончены. Но первое время оборнская тюрьма не представляла ничего новаго; она была точнымъ снимкомъ съ гринвичской. Только въ 1820 году здѣсь построили отдѣльныя комнаты для заключенія арестантовъ на ночь, и тогдаже, по иниціативѣ капит. Линдса, введена обязанность молчанія.

Оборнскій пенитенціарій, по описанію Крауфорда, состоитъ изъ главнаго зданія съ двумя, съ обѣихъ его сторонъ подъ прямымъ угломъ идущими флигелями, содержащими въ себѣ общія мастерскія и спальныя одиночныя комнаты, числомъ 770. Эти комнаты имѣютъ каждая по семи футовъ въ длину и вышину и $3\frac{1}{2}$ въ ширину. Вентиляція и отопленіе въ нихъ удовлетворительны. Съ началомъ дня, комнаты эти отпираются и арестанты должны немедленно привести себя въ порядокъ, умыться въ комнатѣ, вычистить ее и вынести свои ночныя принадлежности. Послѣ этого они отправляются въ мастерскія и начинаютъ свою дневную работу. Въ опредѣленное время всѣ вмѣстѣ, но съ обязанностью соблюдать полное молчаніе, они отправляются завтракать въ столовую, гдѣ сидятъ такъ, что лица всѣхъ ихъ обращены въ одну и ту же сторону. По истеченіи около 20 минутъ, они снова идутъ на работу. Тотъ же порядокъ соблюдается и при приближеніи обѣденнаго времени. Съ наступленіемъ часа, назначеннаго на удаленіе въ спальныя комнаты, они моются; затѣмъ, по даваемому имъ знаку, строятся въ ряды сообразно № спальной кельи, идутъ изъ мастерскихъ на дворъ и, взявъ ночныя принадлежности, возвращаются въ спальни; проходя мимо кухни, каждый беретъ приготовленный ему ужинъ. Войдя въ спальную келью, онъ наполовину притворяетъ ея дверь, которая затѣмъ запирается сторожемъ. Ужинъ арестанты ѣдятъ въ спальныхъ кельяхъ; послѣ него священникъ читаетъ ночную молитву въ корридорѣ, такъ что каждый арестантъ можетъ слышать ее изъ своей комнаты и, по даваемому затѣмъ знаку, обязанъ ложиться въ постель. Ночью тюремные сторожа ходятъ тихо по корридору съ мокасинами на ногахъ. Каждый корридоръ имѣетъ особый надзоръ и завязъ отдѣльнымъ классомъ арестантовъ. Работы, производившіяся въ оборнскомъ пенитенціарѣ, по свидѣтельству Крауфорда, были многочисленны, а именно: разбиваніе камня, кузнечныя, слесарныя, портняжныя, токарныя, плотничныя, сапожническія и другія. Прежде сама тюрьма покупала сырые матеріалы; но, потерѣвъ значительный убытокъ, она прибѣгла къ посредничеству подрядчиковъ; въ послѣднее время снова склоняются къ хозяйственному производству. Подрядчикъ и его агенты могутъ присутствовать въ мастерскихъ, но обязаны не вмѣшиваться въ дѣйствія тюремнаго начальства и не разговаривать съ заключенными. За каждой мастерской наблюдаетъ особый надзиратель, который

даетъ требуемыя по мастерству разъясненія. Посредствомъ маленькихъ отверстій начальство можетъ въ любую минуту наблюдать арестантовъ, не возбуждая ихъ подозрѣній¹⁾). Дисциплина поддерживается здѣсь слѣдующимъ образомъ: арестантамъ строго запрещено говорить съ товарищами, онъ долженъ работать обращая глаза внизъ и стараясь не смотрѣть на другихъ; если надзиратель замѣтитъ, что онъ смотритъ по сторонамъ и старается завязать сношенія съ другими арестантами, онъ тутъ же, въ присутствіи товарищей, бьетъ его ременнымъ бичемъ (cat или cow-hide,—плеть, кнутъ). Надзиратель безапелляціонно можетъ дать столько ударовъ, сколько находитъ нужнымъ; существовавшіе прежде ограниченія (35 ударовъ въ одинъ разъ, безъ совѣщанія съ инспекторомъ) оказались вредными для поддержанія порядка, установленнаго въ тюрьмѣ, и потому были отменены: единственное, что требуется отъ надзирателя въ этомъ случаѣ—донести инспектору тюрьмы имя наказаннаго арестанта, какой онъ совершилъ поступокъ и сколько ударовъ получено имъ. За точностью этихъ отчетовъ нѣтъ никакого контроля, нѣтъ также никакой гарантіи противъ злоупотребленія этою громадною властью. Но доказано, что наказанія за нарушеніе обязанности молчанія примѣняются тамъ весьма часто, число ихъ превышаетъ вдвое число наказаній за всѣ остальные нарушенія. Религія прежде считалась въ этой тюрьмѣ антагонистомъ порядка, не было даже особаго тюремнаго священника; впослѣдствіи арестанты начали посѣщать по воскресеньямъ школу, чтобы занять этотъ свободный отъ работы день.

Оборнская тюрьма, съ ея чрезвычайно строгой дисциплиной, съ тишиною могилы, поражавшей преступниковъ самыхъ закоренѣлыхъ, имѣла успѣхъ въ общественномъ мнѣніи. Въ 1825 г. законодательное собраніе штата Нью-Йоркъ рѣшилось замѣнить пенитенціаріемъ такой же системы гринвичскую тюрьму. Съ этою цѣлю значительная партія оборнскихъ арестантовъ, подъ начальствомъ одного изъ тамошнихъ надзирателей, отправилась на берега рѣки Гудсонъ и начала строить себѣ новую тюрьму въ Сингъ-Сингъ, въ 32 англ. миляхъ отъ Нью-Йорка. Въ ней устроено 1.000 спальныхъ комнатъ и значительное число мастерскихъ; тюрьма эта не была прежде обнесена стѣною, такъ какъ строившіе ее полагали, что предупреденіе побѣговъ гораздо лучше достигается постояннымъ надзоромъ и системою колокольчиковъ, быстро передающихъ всѣ извѣстія и распоряженія въ любое мѣсто тюрьмы. Сингъ-Сингъ—мѣсто мраморныхъ ломокъ, на которыхъ желали занять арестантовъ. Дисциплина и порядокъ содержанія здѣсь тѣ же, какъ и въ Оборнѣ; разница состоитъ въ томъ, что общихъ столовыхъ вовсе нѣтъ и арестанты всякій разъ для ѣды идутъ въ свои комнаты; нѣкоторыя работы отправляются здѣсь при посредствѣ подрядчиковъ, другія—хозяйственнымъ образомъ; посто-

¹⁾ См. Crawford's Report of the Penitentiaries of the United States. London, 1835, стр. 16 и слѣд.

роніе въ эту тюрьму не имѣютъ доступа; надъ надсмотрщиками нѣтъ контроля и арестанты поставлены въ полную къ нимъ зависимость. Школа и церковь въ загонѣ, священникъ только по воскресеньямъ можетъ перебраться съ арестантами нѣсколькими словами ¹⁾).

Такова была картина тюремъ оборнской системы, когда государство Европы, убѣдившись въ необходимости радикальной тюремной реформы, послали своихъ делегатовъ въ Америку; большая часть ихъ поѣхала туда съ предубѣжденіемъ противъ одиночнаго заключенія, всѣ возвратились ея партизанами и явными противниками оборнской системы. Жестокость ея режима, произволъ самыхъ низшихъ тюремныхъ служителей, на которыхъ арестанту никому нельзя было жаловаться, — слишкомъ шокировали европейцевъ. На систему оборнскую и Токвиль, и Юліусъ, и Крауфордъ смотрять какъ на представительницу грубыхъ физическихъ силъ, въ Филадельфіи они нашли духовныя силы исправленія. Какъ бы то ни было, коренное начало оборнской системы — обязанность молчанія — стали вводить у себя и государства Европы, какъ мѣру временную, до постройки достаточнаго количества тюремъ, удовлетворяющихъ болѣе рациональнымъ требованіямъ. Нѣкоторые же даже видѣли въ оборнской системѣ вѣнецъ тюремнаго дѣла и рѣшились остановиться на ней окончательно, устранивъ лишь важнѣйшіе ея недостатки.

Явленіе перваго рода мы замѣчаемъ въ Англии и Франціи. Въ Англии комитетъ палаты лордовъ, учрежденный въ 1835 г. для изслѣдованія тюремнаго дѣла, выслушавшій множество свидѣтелей-экспертовъ, между ними Крауфорда и Росселя, главнымъ образомъ по совѣту послѣднихъ сталъ на сторону одиночнаго заключенія и высказался за обязанность молчанія, какъ за переходную ступень, пока не будетъ устроено достаточное количество тюремъ одиночной системы. Тамъ она существовала совмѣстно съ классификаціей арестантовъ. Еще раньше, въ 1833 г., послѣ отчета Бомона и Токвиля, вѣкфильдская тюрьма приняла для своихъ арестантовъ эту обязанность. Физиономія, получаемая тюрьмою при этомъ порядкѣ, говоритъ сама собою, что здѣсь мѣсто кары: громадная масса сильныхъ людей, работающихъ не проронивая ни одного слова, дѣйствуетъ въ высшей степени импозантно на посѣтителя и новаго пришельца. „Я, — говоритъ бывшій смотритель вѣкфильдской тюрьмы, Эдуардъ Шенгердъ, — я зналъ людей, наиболѣе жестокихъ, утверждавшихъ, что никакая власть въ мірѣ не въ состояніи заставить ихъ повиноваться и соблюдать порядокъ, — и этихъ же людей, дикую силу которыхъ до тѣхъ поръ ничто не въ состояніи было удержать, я имѣлъ случай наблюдать въ моментъ ихъ входа въ общую залу, гдѣ была масса арестантовъ, хранившихъ гробовое молчаніе: послѣднее побѣждало ихъ сразу. Оно давало имъ чувствовать, какъ велика

¹⁾ См. вышеприведенный отчетъ Крауфорда, стр. 17—20.

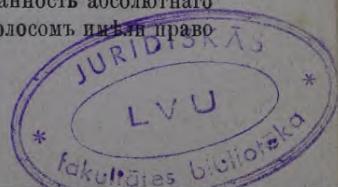
сила, которая въ состояніи сдерживать громадную массу ихъ товарищей въ такомъ положеніи, что ни одинъ глазъ не поднимался при входѣ ихъ. Они буквально падали на отведенное имъ мѣсто и дѣлались также послушны, какъ и другіе⁴⁾. Какъ бы то ни было, англичанамъ были ясны и неудобства этой системы: вмѣстѣ съ Крауфордомъ, они признавали, что эта система, не смотря на самыя тяжкія дисциплинарныя мѣры, предупреждаетъ лишь разговоры, а не сношенія вообще; указывали также, что при этой системѣ арестанту необходимо съ перваго же дня заключенія доставить работу, между тѣмъ какъ лишеніе работы должно бы составлять главную часть наказанія въ началѣ его исполненія. Производитъ низшихъ тюремныхъ сторожей, составляющій характеристическую черту оборнской системы, не былъ принятъ въ Англіи, и молчаніе, къ которому она обязывала своихъ арестантовъ, далеко не было такъ полно, какъ въ Обориѣ и Сингъ-Сингѣ.

Еще ограниченнѣе примѣненіе ея въ тюрьмахъ Франціи. Намекъ на обязанность молчанія встрѣчается впервые для осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, но эта обязанность налагается на нихъ только во время перевозки къ мѣсту наказанія въ такъ называемыхъ келейныхъ каретахъ. Затѣмъ, въ 1839 г. министерскимъ циркуляромъ она введена для арестантовъ центральныхъ исправительныхъ домовъ; это была эпоха обсужденія проекта новаго тюремнаго закона, и министерскій циркуляръ, вводя обязанность молчанія, даже въ глазахъ администраціи былъ мѣрою временною, переходною; на самомъ дѣлѣ случилось иначе, онъ дѣйствуетъ до сихъ поръ, а въ 1841 г., общимъ регламентомъ для департаментскихъ тюремъ, обязанность молчанія, хотя въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, введена и сюда: для арестантовъ ихъ молчаніе признано обязательнымъ лишь во время трапезы, работы и въ спальнѣ, на прогулкахъ-же имъ предоставлено право говорить между собою, но не очень громко, не кричать и не пѣть пѣсень. Поддержаніе обязанности безусловнаго молчанія во Франціи признано невозможнымъ и сторожа, наблюдающіе за арестантами, смотря на это сквозь пальцы; въ департаментскихъ-же тюрьмахъ Франціи, напр., въ Греноблѣ и Лионѣ, я не разъ замѣчалъ, что арестанты, по нѣскольку человѣкъ, работали въ запертыхъ мастерскихъ, безъ присутствія какого либо органа тюрьмы. Другой точки соприкосновенія съ оборнской системой, кромѣ самой слабой тѣни обязанности молчанія, французскія тюрьмы не представляютъ: здѣсь нѣтъ ни отдѣльныхъ спальныхъ комнатъ, ни классификаціи арестантовъ.

На началахъ оборнской системы, но съ устраненіемъ нѣкоторыхъ ея неудобствъ, построена система Женевская или Обанеля, одно время пользовавшаяся въ Европѣ большимъ почетомъ. Она представляетъ смѣсь началъ молчанія, разъединенія и отчасти даже одиначнаго заключенія безъ работы и съ работою, проникнутыхъ началомъ постепенности. Въ виду послѣдняго обстоятельства, она имѣетъ многія черты, сходныя съ англійской тюремнокаторжной системой, и оно-же дало ей многихъ послѣдователей, преимущественно въ Италіи. Женевскій пенитенціарій назначался какъ для уголовныхъ, такъ и для исправительныхъ арестантовъ; отъ постройки (1825 г.) до 1832 г., онъ находился въ періодѣ филантропичес-

⁴⁾ Edward Shepherd, On the reformation of offenders, въ Transactions for the promotion of social science, 1859, стр. 470 и слѣд.

комъ, злоупотребляя льготами, предоставленными арестантамъ. Только въ 1833 г. онъ получилъ то устройство, которое сдѣлало его представителемъ особой пенитенціарной системы. Изъ подслѣдственной тюрьмы арестанты приводились сюда пѣшкомъ, имена ихъ вписывались въ реестръ и они взвѣшивались, послѣ чего больничный сторожъ, завязавъ арестанту глаза, отводилъ его въ ванну; въ ванной арестантъ снималъ свое платье, которое мылось, просушивалось и хранилось въ особомъ магазинѣ, онъ же получалъ тюремную одежду; затѣмъ слѣдовала стрижка, и съ завязанными глазами онъ отводился въ отдѣльную комнату (келью); въ первые 24 часа пребыванія, его посѣщали докторъ и директоръ тюрьмы, который старался распознать, что за характеръ онъ имѣетъ передъ собой; потомъ его посѣщалъ священникъ. Такимъ образомъ онъ оставался одинъ на одинъ въ своей комнатѣ, безъ работы и никого не вида; время такого искуса—отъ 3 дней до 3 мѣсяцъ, смотря по роду приговора, но безъ работы онъ оставался въ своей кельѣ не болѣе, чѣмъ на 15 дней. Всѣ арестанты дѣлились на 4 класса: къ первому относились наиболѣе закоренѣлые рецидивисты, не моложе 16 лѣтъ; онъ же былъ первою, самую тяжкою ступеню для арестантовъ уголовныхъ; здѣсь господствовалъ режимъ одиночнаго заключенія днемъ и ночью, прерываемого лишь молчаливой прогулкой по двору; по истеченіи 15 дней, они получали работу, въ видѣ милости, но при этомъ избирались самыя простыя занятія. Трапезы для нихъ всегда должны быть въ ихъ отдѣльныхъ комнатахъ; годъ хорошаго поведенія давалъ имъ право на переводъ въ слѣдующій классъ, но въ случаѣ дурнаго поведенія они возвращались обратно. Второй классъ былъ подчиненъ болѣе мягкимъ мѣрамъ и, подъ названіемъ *second quartier criminel et d'exception*, содержалъ въ себѣ: а) осужденныхъ за первый рецидивъ, которыхъ, по мнѣнію администраціи, было излишне помѣщать въ первый классъ; б) осужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ за дурное поведеніе въ высшихъ классахъ или за пороки до заключенія, и в) лицъ, переведившихся сюда изъ перваго класса; работы производились ими совмѣстно, трапезы—въ общей столовой; заключенные должны были соблюдать абсолютное молчаніе и получали занятія болѣе привлекательныя, чѣмъ арестанты перваго класса; при хорошемъ поведеніи они могли перейти въ высшій классъ, но срока для этого не положено. Въ третій классъ, *quartier correctionnel et d'exception*, поступали: а) всѣ присужденные къ исправительному наказанію, которыхъ администрація тюрьмы сочла излишнимъ помѣщать въ первый или второй классъ; б) переведившіеся сюда изъ низшихъ классовъ; общій порядокъ здѣсь тотъ же, какъ и въ предыдущемъ,—предварительное одиночное заключеніе для вновь поступающихъ, совмѣстная работа, совмѣстныя трапезы; абсолютное молчаніе; но есть и нѣкоторыя льготы—болѣе легкія дисциплинарныя взысканія, право болѣе частыхъ визитовъ и корреспонденціи и т. под. Наконецъ, въ четвертый классъ, *quartier des jeunes gens et des ameliorés*, поступали: а) лица не достигшія еще 16-лѣтняго возраста въ моментъ осужденія; б) лица отъ 16 до 18 лѣтъ, которыхъ администрація находила возможнымъ помѣстить прямо въ это отдѣленіе; в) лица другихъ классовъ, переведенныя сюда за хорошее поведеніе; послѣдніе пользовались садикомъ и нѣкоторыми другими льготами. По вопросу о молчаніи, для содержащихся въ этомъ классѣ было сдѣлано маленькое отступленіе, которое состояло въ слѣдующемъ: 1) для исправившихся обязанность абсолютнаго молчанія оставалась, но во время работы они тихимъ голосомъ имѣли право

разговаривать между собою; предполагалось, что эти разговоры не пойдутъ дальше разъясненій, необходимыхъ по работѣ; 2) для несовершеннолѣтнихъ предписано абсолютное молчаніе между собою, но во время работы дано право разговаривать потихоньку со сторожемъ. Разговоры даже между органами этой тюрьмы происходятъ тихимъ голосомъ и распоряженія никогда не дѣлаются громко: это было введено, съ одной стороны, чтобы не дать арестантамъ повода критиковать каждое распоряженіе, съ другой—въ виду психологическаго закона, по которому человѣкъ, разговаривая тихо, не можетъ выйти изъ себя. Для достиженія этой цѣли, введена система звукопередаточныхъ трубъ: каждый служащій при тюрьмѣ, желая сказать что-либо другому, прикладываетъ свои губы къ трубѣ, даетъ знакъ, по которому тотъ прикладываетъ свое ухо къ металлическому уху трубы, и сообщеніе происходитъ совершенно тихо. Вотъ какъ Моро-Кристофъ описываетъ впечатлѣніе, производимое женевскимъ пенитенціаріемъ: „Находясь въ корридорѣ и, при шумѣ какъ бы сама собой отворяющейся двери, бросая на нее взглядъ; видя прежде всего ухо и ротъ молчаливаго снаряда; видя какъ директоръ прикладываетъ свой ротъ ко рту и свое ухо къ этому уху, и какъ тоже самое дѣлаетъ надзиратель въ мастерской; слыша обвиненія и дисциплинарныя мѣры, назначаемыя по нимъ въ виду вѣхъ, но не доходя ни до чьего уха, кромѣ одного, въ этомъ таинственномъ механизмѣ испытываешь невольно часть того томленія, которое испытывается арестантами, и въ глубинѣ себя чувствуешь, что это говорящее молчаніе глубоко карательно (*profondément pénitentiaire*)“. Однако польза этого изобрѣтенія совершенно утратилась отъ того, что надзиратель, прикладывая къ механизму свое ухо и свой ротъ, не можетъ уже обращать вниманіе на арестантовъ: этимъ-то временемъ они и пользовались для переговоровъ.

Къ оборнской же системѣ примыкаетъ тюрьма св. Якова въ С. Галленѣ въ Швейцаріи, находившаяся сперва подъ управленіемъ знаменитаго Мозера, перешедшая затѣмъ къ Кюне. Она построена на началѣ ночныхъ келій, классификаціи по роду работъ и обязанности молчанія; какъ и женевская, она обращаетъ серьезное вниманіе на интеллектуальное и религиозное обученіе арестантовъ: въ мастерскихъ арестанты работаютъ маленькими группами и могутъ говорить другъ съ другомъ въ случаѣ необходимости, когда нуженъ инструментъ и т. под. Описаніе этой тюрьмы и ея отчетъ за тридцатилѣтній періодъ дѣятельности можно найти у Мозера, *Description du pénitencier de St. Jaques, à St. Gallen* и Кюне, *Rückblick auf die Wirksamkeit und Erfahrungen der Strafanstalt St. Jakob bei St. Gallen, 1866 г.*

Бросая общій взглядъ на обязанность молчанія какъ на мѣру, разобщающую арестантовъ безъ каменныхъ стѣнъ, нельзя не признать, что лишенію свободы она сообщаетъ значительную репрессивность, облегчаетъ надзоръ и составляетъ лишеніе лишь для самыхъ испорченныхъ арестантовъ, привыкшихъ къ тюремнымъ бесѣдамъ, для другихъ же есть истинное благодѣяніе. Фактическое доказательство послѣдняго положенія даютъ интересныя данныя, добытыя комиссіей палаты лордовъ, которой въ 1831 и 1835 гг. было поручено изслѣдовать ея достоинства и недостатки; тогда сомнѣвались, главнымъ образомъ, умѣстно ли примѣнять это начало

къ подслѣдственнымъ арестантамъ, содержащимся въ земскихъ тюрьмахъ вмѣстѣ съ осужденными; Россель настаивалъ на обязанности молчанія для всѣхъ арестантовъ: „подслѣдственныхъ, говоритъ онъ, я бы обязалъ молчаніемъ, какъ мѣрою безопасности для государства и для нихъ самихъ; осужденныхъ, какъ мѣрою наказанія; если бы оказалось возможнымъ помѣщать каждого подслѣдственного въ отдѣльную комнату, то не представилось бы никакихъ препятствій предоставить ему разговаривать сколько угодно, — но съ друзьями, а не съ другими арестантами“. Когда ему замѣтили, что молчаніе есть кара, неумѣстная для подслѣдственныхъ, онъ возразилъ: „А развѣ не кара — заключать его вмѣстѣ съ несомнѣнными преступниками? Развѣ, отрывая человѣка отъ дома и заключая его въ общую тюрьму, вы думаете, что не наказываете его? Обязанность быть вмѣстѣ съ самыми испорченными, постоянно слышать ихъ разговоры, ихъ хвалы преступленіямъ и порокамъ — самое тяжкое наказаніе для непогрязшаго окончательно въ пучину преступления“. Этотъ взглядъ подтвердился допросомъ арестантовъ: одинъ изъ членовъ парламентскаго комитета снялъ показанія съ 64-хъ подслѣдственныхъ арестантовъ, содержащихся въ вѣкфильдской тюрьмѣ, и всѣ они, за исключеніемъ 8-ми, высказались въ пользу молчанія. Одни мотивировали это тѣмъ, что „я не люблю слышать проклятій, къ этому я не привыкъ дома“, или „для меня, старика, это гораздо лучше, я могу читать библію“, или „люди миролюбивые, при обязанности молчанія, могутъ оставаться внѣ ссоръ и дракъ“, или „это спокойнѣе для всѣхъ“. Противъ молчанія высказалось всего 8, изъ нихъ 5 закоренѣлыхъ рецидивистовъ, предпочитавшихъ прежнюю систему потому, что она давала табакъ и веселые разговоры; одинъ новичекъ высказалъ, что онъ лучше любитъ разговаривать, чѣмъ молчать, но о разговорахъ тюремныхъ онъ ничего не знаетъ; другой, осужденный за кражу, отвѣтилъ: „мнѣ кажется, я уже достаточно выросъ, чтобы заботиться о себѣ“; третій привелъ такой мотивъ противъ молчанія: „теперь человѣкъ не знаетъ, поступаетъ ли онъ хорошо, или дурно: прежде было лучше, можно было говорить“.

Но рядомъ съ несомнѣнными достоинствами, ставящими систему молчанія выше безконтрольнаго совмѣстнаго заключенія, у нея есть и крупныя недостатки. Прежде всего, если проводить ее во всей послѣдовательности, необходимо переполнить тюрьму безконечными дисциплинарными взыскаіями: такъ, въ эпоху господства этой системы въ лондонскомъ исправительномъ домѣ Coldbath Fields, на населеніе въ 9.750 человѣкъ было примѣнено 13.812 случаевъ дисциплинарныхъ взыскаіей; въ вѣкфильдской тюрьмѣ на общее

населеніе въ 3.438 человекъ, перебивавшихъ тутъ въ теченіе года, было 12.445 случаевъ взысканій, между тѣмъ какъ въ тюрьмахъ, гдѣ нѣтъ этой обязанности, число дисциплинарныхъ взысканій гораздо меньше.

Другое возраженіе: арестантъ, находясь въ постоянномъ раздраженіи противъ суровыхъ мѣръ, запрещающихъ ему пользоваться его естественною способностью, дѣлается менѣе доступнымъ исправленію.

Третье — она дѣлаетъ необходимымъ произволь низшихъ тюремныхъ служителей.

Четвертое замѣчаніе примѣняется спеціально къ женскимъ тюрьмамъ: необходимо, чтобы и надзирательницы не нарушали обязанности молчанія; но отыскать женщинъ, имѣющихъ на столько энергіи, чтобы наложить добровольно ограниченіе на даръ слова, на свой языкъ, было положительно невозможно.

Пятое — обязанность молчанія не можетъ предупредить возстаній, заговоровъ и побѣговъ.

Шестое — не смотря на нее, арестанты узнаютъ другихъ и по освобожденіи могутъ употреблять свое знаніе ко вреду ихъ.

Седьмое — эта система сперва возбуждаетъ къ разговорамъ, свода арестантовъ въ общества, а затѣмъ прибѣгаетъ къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ дѣятельности, почву которой сама положила: лучше предупредить эту возможность.

Восьмое — она никогда не была въ состояніи предупредить сношеній между арестантами посредствомъ знаковъ и т. п., предупреждая лишь громкіе разговоры.

IV. Одиночная система¹⁾. Замѣтивъ, что молчаніе оставляетъ арестантамъ возможность имѣть между собою взаимныя сношенія и считая разобщеніе между ними непремѣннымъ условіемъ успѣха тюремной дѣятельности, пенитенціаристы прибѣгли къ механическимъ мѣрамъ для достиженія его. „Устроить столько тюремъ, сколько арестантовъ, создать отдѣльную тюрьму для каждаго арестанта“ — вотъ задача одиночныхъ системъ заключенія. Смотря по тому, имѣютъ ли они въ виду уединить заключенныхъ отъ другихъ товарищей и затюремнаго міра, или только отъ товарищей, они распадаются на системы келейнаго и индивидуальнаго или

¹⁾ Füsslin, die Einzelhaft, 1865; Röder, Verbesserung des Gefängniswesens, 1864; Mittermaier, Gefängnisverbesserung; Ducpectiaux, Mémoire à l'appui de loix sur les prisons; Ortloff, das Zellengefängnisz zu Moabit in Berlin, 1861; Schröder, die hundertjährige Geschichte der Einzelhaft, 1877. См. также названныя выше сочиненія Крауфорда, Токвиля, Бельтрани-Скаліа, Bruun'a, Ваег'a, Гольцендорфа и Ягемана.

одиначнаго заключенія въ тѣсномъ смыслѣ. Переходную ступень между ними образуетъ система филадельфійская.

А. Келейное заключеніе старается изолировать арестанта отъ всего міра, лишить его возможности сношеній съ кѣмъ бы то ни было. Въ исторіи тюрьмы эта идея примѣнялась послѣдовательно съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: какъ мѣра безопасности противъ даннаго лица и какъ мѣра его религіознаго исправленія.

а) Какъ мѣра безопасности, келейная система, или система полнаго изолированія арестанта, не нова. Она практиковалась, главнымъ образомъ, относительно политическихъ преступниковъ. Арестантъ заключался такъ, что о мѣстѣ нахожденія его не зналъ никто, ему запрещали входить въ сношенія съ кѣмъ бы то ни было; всѣ заботы были направлены къ тому, чтобы сдѣлать изъ тюрьмы могилу для живаго человѣка и держать его по возможности до смерти. Ни санитарныя, ни воспитательныя задачи не находили тутъ себѣ мѣста: какъ можно меньше свѣта, какъ можно больше запоровъ и стражи — вотъ девизъ этого порядка. Обстоятельный разсказъ о немъ во Франціи представленъ въ анонимномъ сочиненіи Мирабо: *Lettres de cachet et les prisons d'Etat* ¹⁾. На основаніи такихъ распоряженій, человѣкъ задерживался и отправлялся въ мѣсто заключенія по возможности тайно. Въ этихъ мѣстахъ господствовали произволъ смотрителя; доступъ постороннимъ лицамъ строго воспрещался, употребленіе бумаги дозволялось съ самыми большими ограниченіями; нѣкоторыя изъ нихъ устроены были по общему заключенію, такъ что арестанты могли сходитья и даже имѣли своихъ лакеевъ; другія, напротивъ, были темными подвалами какого-либо монастыря, въ которыхъ заключенный всегда оставался одинъ. Такъ, Дефоржъ, написавшій въ 1749 г. восемь ѳдкіе для правительства стихи по поводу ареста въ предѣлахъ Франціи претендента англійской короны, былъ отведенъ въ *Mont-Saint-Michel*, помѣщенъ въ „кѣтку“ (*sage*), т. е. въ пещеру, пространствомъ въ 8 квадр. футовъ, куда дневной свѣтъ проникалъ лишь черезъ темное окно, вдѣланное въ церковномъ полу; тутъ онъ оставался 3 года и когда правительство, по ходатайству аббата этого монастыря, согласилось перевести его въ болѣе удобныя помѣщенія при аббатствѣ, то потребовалось множество предосторожностей, чтобы отъ быстрого перехода къ свѣту узникъ не лишился зрѣнія ²⁾.

¹⁾ Кардиналъ Флери хвалился, что выдалъ болѣе 40,000 *lettres ce cachets*; не только королевскія любовницы, но любовницы и лакеи сколько-нибудь высокопоставленныхъ лицъ получали ихъ свободно.

²⁾ *Peignot, Dictionnaire des livres condamnés au feu*, подъ словомъ *Deforges*.

Подобныя же помѣщенія составляли непремѣнную принадлежность всякаго феодальнаго владѣльца въ Германіи, куда они заключали своихъ враговъ; хорошо сохранившійся образчикъ ихъ до сихъ поръ можно видѣть въ Вартбургскомъ замкѣ, близъ Эйзенаха, гдѣ скрывался Лютеръ. Центральная миланская тюрьма до сихъ поръ имѣетъ въ подвальномъ этажѣ нѣсколько полутемныхъ подваловъ, гдѣ прежде содержались по одному политическіе арестанты; теперь еще къ нимъ прибѣгаютъ какъ къ наказанію дисциплинарному.

Въ эпоху первой революціи во Франціи, когда пересматривалось все тюремное законодательство, сдѣлана была попытка примѣнить идею изолированнаго заключенія въ болѣе широкомъ масштабѣ. Декретъ 16—29 сентября 1791 г., между другими мѣстами заключенія, упоминаетъ *maisons de gêne* (дома пытки или лишенія), для арестантовъ которыхъ проектированы слѣдующія правила: каждый изъ нихъ заключаетъ отдѣльно отъ другихъ, безъ оковъ и цѣпей, въ свѣтлую комнату; во все время заключенія, онъ не можетъ имѣть никакихъ сношеній ни съ товарищами по заключенію, ни съ затюреннымъ міромъ; отъ тюрьмы онъ получаетъ только хлѣбъ и воду, остальное долженъ заработать своимъ трудомъ; для этого тюремное начальство заботится о доставленіи ему занятій, сообразныхъ съ уставомъ тюрьмы; $\frac{1}{3}$ его заработка идетъ въ пользу тюрьмы, $\frac{1}{3}$ — на немедленное улучшеніе его содержанія, остальное выдается ему на руки при освобожденіи. Впрочемъ, эти постановленія никогда не получили практическаго осуществленія, и *maisons de gêne* извѣстны Франціи только на бумагѣ.

Но важный матеріалъ для опытной оцѣнки такой кельи предлагаетъ одинъ эпизодъ изъ исторіи оборнскаго системы. Какъ извѣстно, система ея построена на началахъ ночнаго разъединенія, общихъ работъ, съ обязанностью молчанія и классификаціи. Рядомъ съ этимъ общимъ правиломъ, въ 1822 г. тамъ сдѣлана была попытка примѣненія келейнаго заключенія къ наиболѣе порочнымъ арестантамъ. Восемьдесятъ человекъ были заключены въ кельи, правда, мало удовлетворительныя въ санитарномъ отношеніи; имъ запрещено было покидать стѣны своей кельи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, даже для естественныхъ нуждъ, и циркуляція воздуха не могла совершаться въ нихъ правильно; никакихъ заботъ объ образованіи и воспитаніи ихъ не было, и все время они должны были оставаться безъ работы. Послѣдствія были самыя грустныя: здоровье арестантовъ сильно потерпѣло, нѣсколько человекъ сошло съ ума, и правительство должно было прибѣгнуть къ помилованію и переводу одиночныхъ въ общее заключеніе, чтобы спасти ихъ отъ смерти, самоубійства и помѣшательства. Съ той поры одиночное

заключеніе безъ работы и нравственныхъ заботъ объ арестантѣ никогда не находило себя адентовъ въ Америкѣ.

б) Починъ примѣненія келейнаго заключенія, какъ мѣры религіознаго исправленія преступниковъ, принадлежитъ французскому священнику Мабильону, ордена бенедиктинцевъ, жившему въ XVII ст. Эту мысль онъ высказалъ только относительно духовныхъ лицъ, впавшихъ въ проступки; мѣрами исправленія ихъ онъ считаетъ уединеніе, работу, молчаніе и молитву. „Провинившихся, говоритъ онъ, слѣдуетъ заключать въ маленькія кельи, на подобіе келій шартрскаго братства, съ мастерскою, гдѣ они могутъ быть заняты какою-либо работою. Можно также каждой кельѣ отвести небольшой садикъ, въ которомъ бы они работали и пользовались воздухомъ въ опредѣленные часы дня. При богослуженіи они будутъ присутствовать, находясь въ одиночныхъ помѣщеніяхъ; ихъ содержаніе будетъ самое скудное, поститься они должны часто. Имъ должно дѣлать почаще внушенія, и начальникъ, или его агентъ, обязанъ посѣщать ихъ отъ времени до времени для утѣшенія и укрѣпленія въ добрыхъ намѣреніяхъ. Когда этотъ порядокъ разъ установится, я увѣренъ, онъ не представится такимъ жестокимъ, какимъ кажется съ перваго взгляда, и при помощи его, я думаю, всѣ тюрьмы можно сдѣлать гораздо болѣе сносными и полезными, чѣмъ теперешнія“.

Взглядъ Мабильона рѣшился осуществить въ Римѣ папа Климентъ XI; въ этихъ видахъ заложенъ былъ исправительный домъ св. Михаила, строившійся съ 1703 по 1735 г. Онъ назначался для несовершеннолѣтнихъ, часть которыхъ (поступавшіе по просьбѣ родителей) подвергается была строгому одиночному заключенію въ своихъ кельяхъ, а другая часть (приговоренные судомъ) подвергнуты порядку ночнаго разъединенія и общихъ работъ днемъ съ обязанностию молчанія. Гауардъ засталъ ее еще съ этимъ населеніемъ, но когда ее посѣщалъ Serfberr, командированный французскимъ правительствомъ въ 1839 г., она была занята проститутками.

Б. Филадельфійская система. Идея религіознаго исправленія путемъ келейнаго заключенія, но съ работами, какъ мѣра социальнаго исправленія, встрѣтила сочувствіе въ Пенсильваніи. Въ виду неудовлетворительныхъ результатовъ общаго заключенія, законодательное собраніе этого штата рѣшилось въ 1817 г. построить одиночную тюрьму въ Питсбургѣ, для западной части, а затѣмъ въ 1821 г., на Черри-Гиллѣ, для восточной части штата. Питсбургская тюрьма была построена по циркулярному плану, Черри-Гилльская— по лучистому. Вотъ описаніе послѣдней, даваемое Крауфордъ и Ричардъ Во. Она находится на разстояніи одной мили отъ Фи-

ладельфи, построена изъ камня и окружена высокою стѣною. Въ центрѣ помѣщается наблюдательный постъ, отъ котораго, въ видѣ лучей, расходятся корридоры во всю вышину флигелей. Съ каждой стороны ихъ расположены кельи, хорошо вентилируемыя и отопляемыя, имѣющія въ дверяхъ маленькія отверстія для незамѣтнаго наблюденія арестантовъ со стороны тюремнаго начальства. Величина каждой кельи—11 футовъ 9 дюймовъ въ длину, 7 футовъ 6 дюймовъ въ ширину и 16 футовъ отъ полу до верхней части потолка, устроеннаго аркою, съ окномъ вверху. Впослѣдствіи было пристроено еще нѣсколько новыхъ келій 12 фут. въ длину, 8 въ ширину, 12 въ высоту¹⁾. При поступленіи, арестантъ немедленно помѣщается въ пріемную келью, причемъ черезъ дворъ проводится съ завязанными глазами, для того, чтобы не могъ ориентироваться въ тюремной топографіи (мѣра предупрежденія побѣговъ). Затѣмъ онъ получаетъ ванну, тюремную одежду и отводится въ келью, гдѣ долженъ оставаться до конца заключенія; номеръ кельи замѣняетъ на это время его названіе. Первые дни арестантъ въ кельѣ не получаетъ работы и никакой книги, даже Библии; въ это время его съ особенною внимательностью изучаетъ директоръ тюрьмы. Скоро арестантъ начинаетъ самъ просить работу, какъ благодѣаніе, отъ скуки, но она доставляется ему не раньше, какъ черезъ недѣлю по поступленіи; тогда же онъ получаетъ Библию. Идея, руководившая этимъ постановленіемъ, имѣетъ въ виду, что арестантъ, предоставленный собственнымъ думамъ, предастся размышленіямъ о своемъ прошломъ и будетъ имѣть время отнестись къ нему критически; его думы заставятъ его искать утѣшенія въ религіи и поселять въ немъ желаніе исправиться. Все время заключенія въ кельѣ, арестантъ нигде не выходитъ и ни съ кѣмъ не видится, какъ изъ своихъ товарищей по заключенію, такъ и съ затюреннымъ міромъ; въ этомъ отношеніи филадельфійская система сходна съ келейною, рекомендованною Мабильономъ. Но она возлагаетъ на тюремное начальство обязанность по возможности часто посѣщать его и, кромѣ того, даетъ это право членамъ благотворительнаго общества, учредившагося въ Филадельфіи „для устраненія тюремныхъ бѣдствій“. Еще болѣе крупное отличіе ея отъ келейной системы состоитъ въ томъ, что она вводитъ работы для заключенныхъ и заботится объ образованіи арестантовъ путемъ уроковъ, даваемыхъ въ кельѣ, и тюремной бібліотеки. По свѣдѣніямъ за 1871 г.,

¹⁾ См. Richard Vaux, Sketch of the origine and history of the State Penitentiary. Philadelphia, 1872.

сообщаемымъ Ричардомъ Во, каждому арестанту въ теченіе года было выдано болѣе 64 книгъ. Кромѣ того, нѣсколько человѣкъ занимаются въ небольшихъ общихъ мастерскихъ такими работами, которыя не могутъ быть выполнены въ кельѣ, какъ-то: кузнечными, плотничными, прачешными и т. п.; но даже работающіе вмѣстѣ не могутъ видѣть другъ друга, благодаря обязательнымъ маскамъ, постоянно ими носимымъ. Противъ злоупотребленій низшихъ тюремныхъ служителей приняты разныя мѣры.

Такова система, возбудившая общее сочувствіе европейскихъ делегатовъ, посланныхъ въ Америку для изученія тюремнаго вопроса. Они видѣли въ ней слѣдующія выгоды:

При одиночномъ заключеніи, тюрьма становится наказаніемъ,

а) достаточно строгимъ даже для тяжкихъ преступниковъ.

б) Оно предупреждаетъ побѣги лучше всякой другой системы заключенія. Такъ, изъ Черри-Гилльской тюрьмы, съ момента открытія ея въ 1829 до 1871 г., было всего 9 побѣговъ, изъ нихъ 6 были снова возвращены.

в) Дѣлая невозможнымъ заведеніе знакомствъ, оно гарантируетъ тюремное начальство отъ арестантскихъ заговоровъ и безпорядковъ, арестантовъ—отъ опасности быть узванными, по освобожденіи ихъ, товарищами по заключенію, все общество—отъ составленія прочной преступной корпораціи въ стѣнахъ тюрьмы.

г) Предоставленный самому себѣ, арестантъ начинаетъ размышлять о своемъ прежнемъ поведеніи и, такимъ образомъ, видя, что оно не привело его къ добру, постарается объ исправленіи его. Во всякомъ случаѣ, огражденный отъ постороннихъ вліяній развратнаго тюремнаго населенія, онъ не выйдетъ изъ тюрьмы хуже, чѣмъ какимъ поступилъ въ нее.

Но противъ этой системы возразили, что она идетъ дальше своихъ задачъ. Стремясь отдѣлить арестанта отъ товарищей по заключенію, она изолируетъ его не только отъ нихъ, но и отъ затюремнаго міра; предупреждая вредныя вліянія, она за однимъ разомъ предупреждаетъ и хорошія вліянія со всѣхъ сторонъ, кромѣ тѣхъ немногихъ официальныхъ органовъ, которымъ поручено навѣщать арестантовъ. Келья, такимъ образомъ, превращается въ живую могилу, арестантъ совершенно отвыкаетъ отъ тѣхъ ощущеній, которыми живутъ свободные члены общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это полное изолированіе, совершенно излишнее, оказываетъ вредное вліяніе на его здоровье, преимущественно на его умственные способности; хотя статистическія цифры не даютъ возможности утверждать, что случаи помѣшательства въ филадельфійской системѣ чаще, чѣмъ въ общемъ заключеніи, все же она дѣлаетъ

интеллектуальныя способности пассивными. Вотъ почему явились попытки создать такую систему заключенія, которая, вмѣщая въ себѣ выгоды филадельфійской, избѣгала бы ея крайностей, оказывающихся не только бесполезными, но даже наносящими вредъ ея основной задачѣ. Совокупность ихъ извѣстна подъ именемъ системы индивидуальнаго или одиночнаго заключенія въ тѣсномъ смыслѣ.

В. Индивидуальное заключеніе. Возможно большее разединеніе арестанта съ его товарищами, но за то по возможности самое широкое допущеніе сношеній арестанта съ затюреннымъ міромъ, какое можетъ быть примирено съ задачами тюрьмы—вотъ идеалъ этой формы заключенія. Наказывая человѣка лишеніемъ свободы, она желаетъ, чтобы тюрьма не развращала арестанта и чтобы послѣдній все время сознавалъ себя, какъ членъ общества; вмѣсто опаснаго товарищества, она даетъ ему товарищество, которое можетъ быть ему полезно; вмѣсто арестантовъ, его общество составляютъ свободные граждане, отъ которыхъ онъ не можетъ почерпнуть порочныхъ наставленій, но которые облегчаютъ ему тягость одиночества. Общество его образуютъ, съ одной стороны, органы тюремнаго начальства, которымъ вмѣнено въ обязанность какъ можно чаще навѣщать арестанта въ его уединеніи; съ другой—члены обществъ попечительныхъ, родные арестанта и знакомые, за которыми нѣтъ преступныхъ прецедентовъ. Въ такомъ видѣ одиночное заключеніе рекомендовалось Моро-Кристофомъ во Франціи, Дюкпексьо—въ Бельгіи, Сюрингаромъ—въ Нидерландахъ, Росселемъ—въ Англіи. Соображенія, приводившіяся въ его пользу, лучше всего сгруппированы у Дюкпексьо, въ его работахъ: *Mémoire à l'appui du projet de loi sur les prisons*, Bruxelles 1845 г., и *Système cellulaire*, Bruxelles 1865 г.

Выгоды его Дюкпексьо дѣлитъ на двѣ группы: отрицательныя и положительныя.

Отрицательныя выгоды суть: 1) исключая всякія сношенія между арестантами, оно предупреждаетъ беспорядки и заговоры противъ начальства, столь частыя въ тюрьмахъ, построенныхъ на вивыхъ началахъ; 2) оно дѣлаетъ невозможнымъ взаимное развращеніе арестантовъ; 3) предупреждая заведеніе знакомствъ въ тюрьмѣ, оно тѣмъ самымъ предупреждаетъ преступныя товарищества по освобожденіи и тѣмъ гарантируетъ общество отъ солидарности преступниковъ; 4) если имъ не во всѣхъ случаяхъ достигается исправленіе арестанта, то по крайней мѣрѣ оно не развращаетъ его болѣе, чѣмъ онъ былъ въ моментъ заключенія; 5) освобожденныхъ оно предохраняетъ отъ опасности быть узванными ихъ тюремными товарищами, чѣмъ устраняется одна изъ весьма частыхъ причинъ рецидива.

Положительныя выгоды: 1) одиночное заключеніе всего лучше отвѣчаетъ различнымъ цѣлямъ наказанія: устрашенію, испуленію вины страда-

нiемъ, предупрежденiю преступленiй и исправленiю; 2) оно позволяет изучать индивидуально каждаго арестанта и примѣнять мѣры тюремной дѣятельности сообразно индивидуальнымъ условiямъ и особенностямъ каждаго. Медикъ, лечащiй всѣхъ своихъ паціентовъ одинаковыми средствами, зовется шарлатаномъ; но то же нужно сказать о леченiи нравственныхъ болѣзней, какимъ представляется состоянiе преступности; 3) одиночное заключенiе болѣе или менѣе быстро укрощаетъ самыя строптивыя характеры, успокоиваетъ возбужденныя и, ставя арестанта въ невозможность дѣлать зло, расчищаетъ ему путь къ добру; 4) при этой системѣ, арестантъ сохраняетъ свое человѣческое достоинство, чувство чести и индивидуальной отвѣтственности, неминуемо погибающее въ тюрьмѣ общаго заключенiя. Поставленный внѣ опасности порочныхъ совѣтовъ и безнравственныхъ примѣровъ, онъ избавленъ отъ насмѣшекъ и угрозъ, свободенъ отъ того чувства ложнаго стыда, которое въ порядкѣ совмѣстнаго заключенiя нейтрализуетъ самыя лучшія намѣренiя. Если онъ не испорченъ безповоротво, благотворныя вліянія находятъ къ нему доступъ и размышленіе, пробуждая въ немъ раскаяніе, подготовляетъ его нравственное возрожденіе; 5) келья облегчаетъ, благоприятствуетъ и упрочиваетъ моральное вліяніе работы, образованiя, религіозныхъ обрядовъ, чтенiя, визитовъ и т. п.; 6) по мѣрѣ исправленiя арестанта, заключенiе въ келью становится для него все болѣе и болѣе своснымъ, такъ что арестантъ, уже испытавшiй на себѣ ея благотвельное вліяніе, увидитъ въ переводѣ его въ общую тюрьму самую невыносимую пытку; 7) прежде во многихъ тюрьмахъ были особыя комнаты, за которыя арестанты платили, если не желали жить вмѣстѣ съ другими преступниками (pistole). Одиночная система, доставляя эту льготу всѣмъ арестантамъ, дѣлаетъ исключенiе правиломъ и, такимъ образомъ, есть мудрая демократическая мѣра; 8) возлагая на служащихъ при тюрьмѣ высокую задачу морализированiя арестантовъ, она поднимаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и вознаграждаетъ ихъ старанiя увѣренностью, что они дѣлаютъ доброе дѣло; 9) одиночное заключенiе, дѣлая лишенiе свободы болѣе репрессивнымъ и исправительнымъ, позволяетъ уменьшить сроки его и, такимъ образомъ, уменьшаетъ государственныя издержки на содержанiе арестантовъ; 10) уменьшая сроки лишенiя свободы, оно по возможности поддерживаетъ тѣ связи, которыя неминуемо разрушаются долговременнымъ заключенiемъ, и предупреждаетъ разрывъ и гибель семействъ, возвращая имъ безъ излишней задержки ихъ естественныя опоры; 11) оно подготовляетъ дѣятельность патронажа, всюду гибнувшаго при системахъ совмѣстнаго заключенiя, облегчаетъ возвращенiе арестанта въ общество, устраняя то предубѣжденiе, которое чувствуется къ человѣку, долго имѣвшему своими товарищами закоренѣлыхъ преступниковъ, и открывалъ имъ двери мастерскихъ, безусловно закрытыя для арестантовъ общаго заключенiя; 12) уменьшая число рецидивистовъ, оно уменьшаетъ социальную вѣроятность преступленiй и такимъ образомъ гарантируетъ общество отъ опасностей, которыя неизбѣжно создаетъ ему преступное товарищество арестантовъ.

Къ этимъ выгодамъ Сюрингаръ прибавляетъ слѣдующія¹⁾: одиночное заключенiе освобождаетъ тюремное начальство отъ грустной необходимости ѣздить къ помощи шпионства, необходимой ему при всякой системѣ совмѣстнаго заключенiя и деморализующей арестантовъ. Оно устраняетъ

¹⁾ Suringar, Considérations sur la réclusion individuelle. 1843, стр. 15 и слѣд.

почву для нареканій на тюремное начальство за мнимую несправедливость, такъ какъ распоряженія его относительно каждаго арестанта остаются неизвѣстны другимъ. Наконецъ, оно облегчаетъ дѣятельность тюремнаго начальства, такъ какъ одиночная система практикуется сама собой, своей внутренней идеей и требуетъ отъ органовъ начальства гораздо меньше заботы, чѣмъ общее заключеніе.

Европейцамъ первой половины текущаго столѣтія приходилось оцѣнивать одиночную систему по отвлеченной логической мѣркѣ, и они отнеслись къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Международный тюремный конгрессъ, собравшійся во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1846 г., считавшій въ числѣ своихъ членовъ Крауфорда и Росселя, Юліуса, Деметца и Дюкпексъ, высказался за эту систему заключенія для всѣхъ арестантовъ. Брюссельскій международный конгрессъ 1847 г. остался на той же почвѣ и только для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ допустилъ нѣкоторыя отступленія. Франкфуртскій (на Майнѣ) международный конгрессъ благотворительности, собиравшійся въ 1857 г. и включившій въ свою программу анализъ тюремнаго дѣла, имѣвшій уже предъ глазами попытки практическаго осуществленія одиночной системы, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли въ своихъ окончательныхъ постановленіяхъ: „Опытомъ доказано, что система келейнаго или одиночнаго заключенія не производитъ тѣхъ опасностей или вредныхъ результатовъ, которые приписываются ей ея противниками, а напротивъ, вполне соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости и интересамъ органическаго, духовнаго и нравственнаго благосостоянія заключенныхъ“. Поэтому, онъ становится на сторону одиночнаго заключенія, но съ сокращеніемъ сроковъ лишенія свободы, и допускаетъ общее заключеніе только для слѣдующихъ категорій лицъ: а) для стариковъ свыше 65 лѣтъ и арестантовъ болѣзненныхъ, которые не могутъ переносить тѣхъ стѣнъ кельи; ихъ рекомендовано содержать въ земледѣльческихъ колоніяхъ; б) для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ одиночное заключеніе должно служить лишь кратковременною подготовительною ступенью къ общему заключенію; в) для военныхъ арестантовъ конгрессъ рекомендуетъ примѣнять такую форму лишенія свободы, „которая наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ военной дисциплины“, не вдаваясь въ болѣе точное опредѣленіе ея; наконецъ, г) для арестантовъ политическихъ и вообще совершившихъ проступки, не налагающіе клейма безчестія, конгрессъ также допускаетъ общее заключеніе ¹⁾.

На практикѣ индивидуальное заключеніе скоро распалось на

¹⁾ См. Congrès international de bienfaisance de Francfort-sur-le Main. Session de 1857 г. T. I, стр. 372—375.

двѣ вѣтви: полное и смягченное. Полное или абсолютное одиночное заключеніе строго проводить идею механическаго разъединенія арестантовъ во все время, назначенное имъ по судебному приговору, заботясь, чтобы арестанты не только не переговаривались между собою, но даже не видѣли другъ друга (для предупрежденія знакомствъ); съ этою цѣлью вызвана къ жизни особая архитектура тюремной церкви, такъ что арестанты или слушаютъ богослуженіе изъ своихъ келій, немного приотворяя двери ихъ, или ведутся въ часовню, гдѣ каждый помѣщается въ особомъ отдѣленіи (какъ въ военно-морской тюрьмѣ въ Спб.); преподаваніе также не производится совмѣстно, а или учитель приходитъ въ комнату, или особая школьная комната устроена по той же системѣ, какъ часовня; начало изолированія проводится такъ строго, что арестантъ, выходя изъ своей кельи, обязанъ одѣвать капюшонъ, закрывающій его лицо. Смягченное одиночное заключеніе отбрасываетъ эти прибавки, сразу или постепенно сводя арестанта съ его товарищами въ церкви и школѣ и не требуя капюшоновъ; этимъ она старается нѣсколько уменьшить тяжесть одиночнаго заключенія и въ льготахъ, представляемыхъ арестантамъ, видитъ, съ одной стороны, средство возбужденія въ арестантахъ соревнованія въ школѣ и мастерской, съ другой — мѣры совершенно безвредныя, такъ какъ онѣ, не давая арестантамъ возможности завести близкое знакомство, оставляютъ въ рукахъ тюремнаго начальства полный контроль за арестантами. Главнѣйшими защитниками абсолютнаго одиночнаго заключенія въ литературѣ, кромѣ Крауфорда, Токвиля, Юліуса и Деметца, были Миттермайеръ, Родеръ и Дюкпексъ; на практикѣ оно проводится теперь исключительно бельгійскими тюрьмами и моабитскимъ пенитенціаріемъ близъ Берлина; смягченное одиночное заключеніе защищали Джеббъ въ Англіи, Викъ и Эккертъ въ Германіи; на практикѣ оно всего цѣльнѣе поддерживается бруксальской тюрьмой.

Во Франціи, послѣ отчетовъ Токвиля, Бомона и Деметца, общественное мнѣніе и правительство склонились къ одиночному заключенію; февральская монархія явно стала на его сторону и изготовила въ 1844 году проектъ закона, которымъ предполагалось ввести „индивидуальное заключеніе“ для всѣхъ, какъ подсѣдственныхъ, такъ и осужденныхъ, исключая слѣдующія категоріи осужденныхъ:

1) несовершеннолѣтнихъ, заключаемыхъ по просьбѣ родителей или по опредѣленію суда, признавшаго ихъ дѣйствовавшими безъ разумія;

2) лицъ, присужденныхъ къ лишенію свободы за политическія преступленія и за преступленія печати;

3) стариковъ свыше 60 лѣтъ отъ роду;

4) лицъ, осужденныхъ къ заключенію въ крѣпости;

5) осужденныхъ за полицейскіе проступки (contraventions) къ простому аресту.

Для арестантовъ уголовныхъ индивидуальное заключеніе должно было составлять подготовительную ступень къ ссылкѣ и продолжалось въ теченіе 10-ти лѣтъ, но этотъ срокъ могъ быть пониженъ до 5-ти лѣтъ; для исправительныхъ арестантовъ индивидуальное заключеніе назначалось на весь срокъ наказанія.

Арестанты должны были быть разъединены другъ отъ друга днемъ и ночью, обязаны были работать, заниматься въ школахъ и могли пользоваться тюремной библиотекой. На тюремное начальство возлагалась обязанность посѣщенія ихъ въ кельяхъ; кромѣ того, визиты дозволялись ихъ роднымъ, членамъ попечительныхъ обществъ, признанныхъ правительствомъ, агентамъ по работамъ и всѣмъ другимъ лицамъ по спеціальному разрѣшенію директора.

Однако, задуманная въ громаднхъ размѣрахъ, одиночная система скоро пала, какъ по недостатку финансовъ, такъ и по предубѣжденію, которое появилось во французскомъ обществѣ къ „живой могилѣ, ломающей всѣ естественныя склонности человѣка къ общежитію“. Единственнымъ результатомъ была тюрьма Mazas для подслѣдственныхъ арестантовъ и prison de la petite-Roquette для несовершеннолѣтнихъ, отдаваемыхъ родителями, или провинившихся въ обыкновенныхъ колоніяхъ. Кое-гдѣ въ департаментахъ встрѣчаются келейныя отдѣленія въ тюрьмахъ, но только для подслѣдственныхъ арестантовъ, какъ, напр., въ лонской тюрьмѣ, или въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, существующаго во всѣхъ центральныхъ исправительныхъ тюрьмахъ.

Наконецъ, въ 1875 г. состоялся законъ, которымъ введено одиночное заключеніе во всѣхъ департаментскихъ тюрьмахъ Франціи, т. е. краткорочныхъ.

Въ Англіи одиночное заключеніе начало практиковаться уже съ 1785 г., когда была построена глочестерскій пенитенціарій, по плану Гауарда и Блекстона¹⁾. Тюрьма эта была построена на 72 арестанта, осужденныхъ къ тяжкой работѣ или ссылкѣ; въ послѣднемъ случаѣ она была лишь подготовительною ступенію. Каждому арестанту отведено 2 кельи—одна спальная, другая—мастерская. Начало разъединенія нарушалось, однако, какъ во время молитвъ, такъ и во время прогулокъ, когда имъ запрещались только игры и ссоры, но не благопристойные разговоры. Кромѣ того, эта тюрьма приняла начало постепенности: всѣ арестанты дѣлились на 3 класса и, съ переходомъ въ высшіе, ихъ льготы, а также ихъ право переговариваться другъ съ другомъ, увеличивались; высшій классъ былъ вполнѣ построенъ на началѣ совѣстнаго заключенія, но скоро его нашли нужнымъ уничтожить. Сэръ Джорджъ Поль, давшій этой тюрьмѣ окончательныя контуры, въ 1811 г. писалъ въ своемъ отчетѣ, что прекрасные результаты, добытые ею, превзошли его ожиданія; но въ 1819 г., вслѣдствіе чрезвычайнаго увеличенія заключенныхъ, въ глочестерскій пенитенціарій пришлось помѣстить въ 3 раза больше арестантовъ, чѣмъ было помѣщений, такъ что отъ одиночнаго заключенія пришлось на время отказаться; съ этимъ вмѣстѣ начались въ тюрьмѣ беспорядки. Между тѣмъ, три года по окончаніи его постройки, Геремія Бентамъ вошелъ къ англійскому правительству съ предложеніемъ заключить съ нимъ подрядъ о содержаніи 1,000 каторжниковъ, вмѣсто отправки ихъ въ ссылку, противъ которой Бентамъ сильно ратовалъ; онъ

¹⁾ Подробнѣе о немъ см. The prison Chaplain. A memoir of the rev. John Clay. 1861.

назначилъ чрезвычайно выгодныя для правительства условія, именно на 25% дешевле прежней системы, выходя изъ мысли, что арестанты могутъ окупить издержки своими работами; и потому актомъ 1794 г. правительство приняло его предложеніе. Паноптиконъ Бентама — такъ онъ назвалъ предлагаемую имъ тюрьму — предполагалось устроить по циркулярному плану, причемъ въ зданіяхъ окружности слѣдовало расположить кельи и мастерскія, въ нѣсколько этажей, а въ центрѣ — наблюдательный постъ для надзора за арестантами въ любую минуту; кельи для этого должны были имѣть по двѣ двери, одни рѣшетчатыя, другія сплошныя; днемъ сплошныя отворялись; изъ центрального же зданія можно было говорить съ каждымъ арестантомъ въ его кельѣ при помощи особыхъ снарядовъ, на подобіе тѣхъ, которые проектировались въ женевской системѣ (Обанель позимствовалъ это отъ Бентама). Арестанты соединялись въ небольшія рабочія артели для взаимнаго обученія, а отчасти даже для самоуправленія. Священникъ назначался для религіозныхъ требъ, и по воскресеньямъ „центральная жога отворяется, въ нее пускается публика, служеніе припоровлено къ характеру учрежденія — и торжественная музыка усиливаетъ впечатлѣніе, возбуждаемое религіозными актами“. При тюрьмѣ состоитъ вспомогательное учрежденіе, въ которомъ освобожденные каторжники должны были выдерживать переходную ступень менѣе строгой дисциплины до момента окончательнаго освобожденія, — идея, 50 лѣтъ спустя сдѣлавшая знаменитымъ имя Вальтера Крофтона. Бентамъ до того былъ убѣжденъ въ непогрѣшимости своей системы, что соглашался быть поручителемъ за хорошее поведеніе всѣхъ освобожденныхъ изъ его паноптикона. Получивъ согласіе правительства, Бентамъ приступилъ къ осуществленію своей мысли; но тогда встрѣтились финансовыя затрудненія, издержки на первоначальное устройство потребовались большія, чѣмъ онъ предполагалъ. Парламентъ готовъ былъ назначить ему нужныя средства, но въ это время сэръ Ромильи, работавшій по улучшенію общей системы уголовного законодательства¹⁾, замѣтивъ связь этого вопроса съ тюремной реформой, обратился къ палатѣ общинъ съ предложеніемъ полнаго и всесторонняго пересмотра тюремной системы. Состоявшійся съ этою цѣлью комитетъ пригласилъ въ 1811 г. въ

¹⁾ Уголовное законодательство Англіи до реформы Ромильи управлялось взглядомъ Палея, согласно которому строгость наказанія должна опредѣляться не тяжестью нарушенія, а легкостью произведенія его и трудностью задержанія, такъ какъ послѣднія обстоятельства считались за указаніе на особую опасность дѣйствія для общества; поэтому, напр., кража куска полотна, положеннаго для бѣленія, наказывалась смертною казнью; тѣмъ же вызвана смертная казнь за подлогъ. Но судьи, свидѣтели, обвинители и присяжные вступили какъ-бы въ заговоръ противъ этой системы, и „уголовные преступники“ всегда могли рассчитывать на ихъ снисхожденіе. Ромильи сталъ на сторону противоположныхъ началъ — Бэккари и Блэкстона, доказывая, что черезъ-чуръ строгіе законы вызываютъ, а не предупреждаютъ преступленія, и что послѣднее достигается не строгостью кары, а неизбежностью ея. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно осторожно и въ 1808 г. потребовалъ лишь отміянія акта, который наказывалъ смертью кражу предмета дороже 1 шиллинга; затѣмъ онъ внесъ предложеніе объ отміяніи другихъ актовъ, натолкнулся было на неудачу и даже на обвиненія въ „революціонныхъ принципахъ“ за предложеніе отміянить смертную казнь при кражѣ изъ обитаемаго зданія; но въ 1811 г. его взгляды встрѣтили больше сочувствія и парламентъ назначилъ комиссію для анализа тюремныхъ системъ.

свое застѣпаніе, съ одной стороны Бентама, какъ представителя паноптикона, а съ другой—сэра Джорджа Поля, какъ защитника пенитенціарной системы. Послѣдній одержалъ перевѣсъ, и ему было поручено построить близъ Лондона „Столичный пенитенціарій“, извѣстный затѣмъ подъ именемъ Мильбанской тюрьмы. Восмиугольная стѣна окружала рядъ зданій, состоявшихъ изъ 6 сходящихся къ центру пятиугольниковъ; въ центральной башнѣ помѣщена часовня. Часть зданія была открыта для приѣма арестантовъ въ 1816 г., окончено-же было оно въ 1821 г. Но тотчасъ оказалось, что выборъ мѣста для него былъ въ высшей степени неудаченъ, по своей крайней сырости. Суровая зима 1823 г. и скудная пища, въ связи съ болотными миазмами, имѣли въ своемъ результатѣ страшную эпидемію; общество встревожилось, арестанты немедленно были переведены въ плавучія тюрьмы и въ больницы, а тюрьму начали старательно выкуривать хлориномъ и лучшіе архитекторы приглашены, чтобы устроить въ ней хорошую вентиляцію. Путемъ множества усилій, тюрьма эта стала сносною для жизни, но всѣ эпидеміи, посѣщавшія Лондонъ, съ особенною силою свирѣпствовали въ ней. Поэтому пришлось отказаться отъ мысли практиковать ее, какъ „общій пенитенціарій“ для Англіи, и ограничивать, по возможности, срокъ содержанія въ ней. Первоначально она примѣнялось въ качествѣ исправительнаго учрежденія, куда арестанты заключались вмѣсто ссылки на сроки отъ 5 до 10 лѣтъ; послѣ одиночнаго заключенія они поступали на общія работы, мало по малу арестанты раздѣлились на два класса, и только члены перваго были разъединены между собою; но въ 1832 г. общія работы были отмѣнены. Наконецъ, въ 1843 г. тюрьма эта была совершенно преобразована; подъ именемъ „Мильбанской“, она почти исключительно стала мѣстомъ временнаго заключенія арестантовъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, до отправки ихъ по назначенію. Среднее число заключенныхъ колеблется между 1000 и 1300 человекъ. Они содержатся сперва въ одиночныхъ комнатахъ, но, по дурнымъ санитарнымъ условіямъ тюрьмы, не болѣе, чѣмъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ; затѣмъ переводятся на общія работы съ молчаніемъ.

Но мало по малу неудобства этого порядка выяснились, и отчетъ Крауфорда объ американскихъ тюрьмахъ привлекъ вниманіе англійскаго общества къ одиночной системѣ. Рѣшено было построить образцовую тюрьму по ея требованіямъ, и мѣстомъ для этого былъ выбранъ Пентонвиль, одна изъ частей Лондона. Пентонвильскій пенитенціарій, подъ руководствомъ Крауфорда, Росселя и Джебба, заложенъ былъ въ 1840 г., окончень постройки въ 1842 г. Его рѣшено было примѣнить къ дѣлу, какъ первую или пробную ступень въ наказаніи ссылкой, въ надеждѣ исправить, если возможно, еще въ предѣлахъ Англіи ссыльное населеніе. Съ этою цѣлью изъ приговоренныхъ къ ссылкѣ выбирались самые крѣпкіе и молодые, отсылались на 18 мѣсяцевъ въ Пентонвиль, гдѣ содержались въ одиночномъ заключеніи и должны были обучиться какимъ-либо мастерствамъ. Имъ внушалось, что ихъ дальнѣйшая участь зависитъ отъ ихъ поведенія въ тюрьмѣ. Впослѣдствіи срокъ одиночнаго заключенія пониженъ до 9 мѣсяцевъ, вслѣдствіе опасеній за здоровье арестантовъ и того, что долгое одиночное содержаніе дѣлало ихъ пассивными, менѣе способными къ трудностямъ общихъ работъ. Гораздо важнѣе было значеніе Пентонвильской тюрьмы какъ образцовой, съ которой должны были брать примѣръ при постройкѣ другихъ подобныхъ учрежденій. Множество земскихъ тюремъ устроены теперь по этой системѣ, причѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ

держатъ арестанта въ уединеніи днемъ и ночью, доставляя ему работы въ келью; другія позволяютъ ему работать совмѣстно съ небольшимъ числомъ товарищей по заключенію. По отчету 1871 г., въ земскихъ тюрьмахъ Англіи и Уэльса было 26.677 спальныхъ келій, 22.467 келій для заключенія днемъ и ночью и 582 карательныхъ кельи, а нынѣ это число возросло еще болѣе.

Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ по одиночной системѣ построена тюрьма бруксальская: арестанты первые 6 лѣтъ заключенія обязательно содержатся въ отдѣльныхъ кельяхъ, а по истеченіи этого времени имѣютъ право просить о переводѣ ихъ въ общее заключеніе; такая просьба поступаетъ очень рѣдко. Они работаютъ по 10 часовъ, въ школѣ пользуются преподаваніемъ совмѣстно, безъ механическаго разъединенія, точно также, какъ и въ часовнѣ (существовавшіе перегородки теперь уничтожены). Работа исполняется очень успѣшно. Смертность не велика.

Въ Швейцаріи одиночное заключеніе примѣняется иногда лишь какъ первая стадія тюремнаго заключенія, именно въ пенитенціаріяхъ цюрихскомъ, лендбургскомъ и въ Невшателѣ.

Въ Пруссію перенесеніе одиночнаго заключенія начато Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, которому очень понравилась пентонвилльская тюрьма; по распоряженію его отъ 26-го марта 1842 года, приступили къ устройству такъ называемой Моабитской образцовой тюрьмы, въ Берлинѣ. Здѣсь примѣняется полное одиночное заключеніе, съ масками и перегородками въ церкви. Работы прерываются прогулками въ одиночныхъ дворахъ, занятіями въ школѣ и религиознымъ обученіемъ въ церкви (на каждаго еженедѣльно приходится отъ 4 до 6 часовъ такихъ занятій). Встаютъ арестанты въ 5 или въ 5½ часовъ утра, ложатся въ 7 или 6 часовъ вечера. Нынѣ въ Пруссіи устроены и другія одиночныя тюрьмы; число одиночныхъ келій доходитъ здѣсь до 4.500¹⁾.

Въ Италіи закономъ 1850 г. предположено было ввести одиночное заключеніе въ Сардиніи; римскіе же священники объявили его несогласнымъ съ духомъ католической религіи, такъ какъ эта система требуетъ разъединенія арестантовъ даже въ церкви. Въ настоящее время въ Италіи дѣйствуютъ самыя разнообразныя системы, но преимущественно ирландская.

Но самыя большіе успѣхи одиночная система сдѣлала въ Голландіи и Бельгіи. Въ послѣдней странѣ всѣ рѣшительно тюрьмы рѣшено перестроить по этой системѣ, и большая часть этой задачи уже приведена въ исполненіе. Арестанты все время разъединены другъ отъ друга, слушаютъ церковное служеніе изъ своихъ келій, въ школѣ сидятъ отгороженными другъ отъ друга. Здоровье ихъ оказывается въ удовлетворительномъ состояніи и работа, которою бельгійское правительство никакъ не могло занять своихъ арестантовъ при существованіи общаго заключенія, теперь идетъ весьма успѣшно.

Какъ бы то ни было, только Бельгія до послѣдняго времени продолжаетъ оставаться вѣрной началамъ безусловнаго одиночнаго заключенія для всѣхъ сроковъ наказанія; другія же страны, даже Голландія, дѣлаютъ болѣе или менѣ замѣтныя отъ нея уклоненія. Онѣ или прибѣгаютъ къ формѣ смягченнаго уединенія, которое

¹⁾ См. рѣчь Вирта въ *Blätter für Gefängniszkunde* 1884, т. 19, стр. 3 и сл.

опускаетъ одну изъ существенныхъ задачъ индивидуальнаго заключенія—предупрежденіе опасности быть узаннымъ по освобожденіи, предупрежденіе знакомствъ въ тюрьмѣ,—или допускаютъ индивидуальное заключеніе на сроки короткіе, дозволяя примѣненіе его свыше этихъ сроковъ не иначе, какъ съ согласія арестанта (Герм. Угол. кодексъ 1870 г.,—3 года). Для объясненія причинъ такого отношенія къ одиночному заключенію, необходимо взглянуть, каково его значеніе въ карательной экономіи.

Оцѣнка одиночной системы. Заключеніе въ келью есть наказаніе весьма тяжкое, какъ въ глазахъ наказываемаго, такъ и въ глазахъ общества. Проведенное послѣдовательно, оно лучше всѣхъ другихъ формъ заключенія предупреждаетъ тюремныя знакомства, безпорядки и заговоры.

Много было рѣчи о вредномъ вліяніи одиночнаго заключенія на здоровье, но опытъ не подтверждаетъ этихъ указаній. Только при дурномъ устройствѣ келій, физическое и умственное здоровье арестантовъ разстраивалось, при хорошемъ же и при частыхъ визитахъ, оно было гораздо удовлетворительнѣе здоровья арестантовъ общаго заключенія. Такъ, во французскихъ *maisons centrales* смертность колеблется между 4 и 6⁰/₁₀; въ одиночныхъ пенитенціаріяхъ Бельгіи, не исключая долгосрочнаго Лувенскаго, она въ рѣдкіе годы выше 2⁰/₁₀, часто же не превышаетъ 0,75⁰/₁₀. Въ Мюнхенѣ на одномъ и томъ же дворѣ построены тюрьма общаго и одиночнаго заключенія; въ первой смертность гораздо выше, чѣмъ во второй. То же нужно сказать относительно разстройства умственныхъ способностей и самоубійства. Тамъ, гдѣ одиночное заключеніе сопровождалось работами и частыми визитами, процентъ ихъ не былъ больше, чѣмъ въ общемъ заключеніи. Въ Лувенскомъ пенитенціаріѣ замѣчено, что самоубійства, весьма рѣдкія, происходили главнымъ образомъ по воскресеньямъ, когда время арестантовъ не было достаточно занято; притомъ, къ нему прибѣгали по преимуществу арестанты военные, подвергавшіеся черезчуръ строгимъ наказаніямъ за сравнительно мелкіе проступки противъ военной дисциплины, такъ что объясненіе самоубійствъ должно искать скорѣе въ недостаткахъ военно-уголовнаго кодекса, чѣмъ в одиночной системы.

Но затѣмъ остаются стороны одиночнаго заключенія, говоряція далеко не въ его пользу. Такъ, продолжаясь долгое время, оно дѣлаетъ узника пассивнымъ, не поддерживая въ немъ постоянного соревнованія, возможнаго только при общеніи и занятіяхъ человѣка совмѣстно съ другими. Любопытныя наблюденія по этому вопросу были сдѣланы относительно арестантовъ, освобожденныхъ

изъ одиночной тюрьмы въ Вриделезельбилѣ, въ Голландіи; изъ нихъ открылось, что чѣмъ больше времени проведено арестантомъ въ кельѣ, тѣмъ вѣроятнѣе его нравственное и умственное усиленіе, такъ что оно явственно замѣчено ¹⁾ у

20 ⁰ / ₀	бывшихъ въ кельѣ свыше 3-хъ лѣтъ				
14 ⁰ / ₀	„ „ „	отъ 2 ¹ / ₂	до 3-хъ лѣтъ		
7 ⁰ / ₀	„ „ „	„ 2	„ 2 ¹ / ₂	„	
5 ⁰ / ₀	„ „ „	„ 1	„ 2	„	

Директоры тѣхъ одиночныхъ тюремъ, напр. бруксальской, уставъ которыхъ допускаетъ продолженіе одиночнаго заключенія съ согласія арестанта, приводятъ въ пользу этой системы, что весьма значительный процентъ арестантовъ добровольно соглашается на продолженіе его. Но объясненіе этого факта лежитъ въ пассивности, сообщенной арестанту кельей: арестантъ привыкаетъ къ одиночеству, келья перестаетъ быть для него наказаніемъ, и дальнѣйшее исправленіе не мыслимо. Однако, сами представители одиночной системы сознаютъ эту ея опасность и потому употребляютъ всѣ усилія противъ слишкомъ долгихъ сроковъ заключенія; они прибѣгаютъ обыкновенно къ помилованіямъ, процентъ которыхъ для арестантовъ одиночнаго заключенія всюду весьма значителенъ.

Защитники кельи видятъ въ ней самой исправительное средство; они утверждаютъ, что уединеніе возбуждаетъ въ арестантѣ размышленіе, которое приводитъ его къ добрымъ намѣреніямъ. Трудно представить себѣ что-либо ошибочнѣе этого взгляда. Долгое уединеніе, приучая человѣка жить самимъ собою и въ себѣ, парализируя въ немъ сознаніе принадлежности къ обществу, способно возбуждать лишь одностороннюю сосредоточенность. Преступныя мысли не покидаютъ келейнаго, если ограничиться только кельею; свидѣтель — генераль Лафайетъ: заключенный за возстаніе, онъ, по собственному признанію, во все время одиночнаго заключенія строилъ планы новыхъ возстаній.

Весьма серьезное неудобство одиночной системы состоитъ также въ томъ, что она черезъ-чуръ порывисто переноситъ человѣка изъ состоянія крайней несвободы въ состояніе полной свободы. Живя въ кельѣ, арестантъ ведетъ себя хорошо, потому что онъ поставленъ въ физическую невозможность вести себя дурно; это далеко не свидѣтельствуетъ объ исправленіи, потому что послѣднее предполагаетъ борьбу съ искушеніями и побѣду надъ нами. Поставленный въ кельѣ внѣ всякихъ искушеній, человѣкъ, переходя

¹⁾ См. Bruun, Ueber die Vollziehung der Strafarbeit, перев. Ельверса. Heidelberg, 1870 г., стр. 103.

быстро въ свободное общество, гдѣ на каждомъ шагѣ царить искушеніе, оказывается лишеннымъ силъ противодѣйствія имъ и дѣлается ихъ рабомъ; любопытныя данныя предлагаетъ сравнительная статистика освобожденныхъ изъ Вриделзельиля (одиночное заключеніе) и Горденса (общее заключеніе) въ Голландіи; первые оказывались гораздо менѣ стойкими и быстрѣ впадали въ рецидивъ, чѣмъ вторые, а именно:

совершили новое преступленіе въ теченіи:

1 года	по освоб.	изъ Вридел.	51,2 ⁰ / ₀	—изъ Горденса	13,2 ⁰ / ₀
2 лѣтъ	"	"	36 ⁰ / ₀	"	37 ⁰ / ₀
3 "	"	"	8 ⁰ / ₀	"	25 ⁰ / ₀
4 "	"	"	4,6 ⁰ / ₀	"	12 ⁰ / ₀
5 "	"	"	0	"	4,4 ⁰ / ₀
10 "	"	"	0	"	8,4 ⁰ / ₀

Приверженцы безусловнаго одиночнаго заключенія ничего не хотятъ знать объ общемъ заключеніи, какъ о переходной ступени къ свободной жизни; обязанность эту они возлагаютъ на частныя попечительныя общества, требуя (напр. Радеръ), чтобы они постепенно ввели освобожденныхъ въ свободную жизнь. Но возлагать часть карательной задачи на частную дѣятельность, не всегда имѣющуюся въ наличности, вовсе для арестанта необязательную, и видѣть въ ней необходимое исправленіе дурныхъ сторонъ наказанія—совершенно неумѣстно. Если она необходима, то государство, — по справедливому замѣчанію проф. Иона, — должно взять ее на себя, а не возлагать на частныхъ лицъ заботы объ устройствѣ карантинныхъ, ограждающихъ общество противъ эпидемій, создаваемыхъ тюрьмою.

Замѣчено также, что примѣненіе къ нѣкоторымъ лицамъ одиночнаго заключенія совершенно невозможно, обѣщая дать только печальные результаты. Таковы, съ одной стороны, несовершеннолѣтніе, съ другой—больные и дряхлые.

Опытъ показалъ, что высказывавшіяся въ сороковыхъ годахъ надежды на пользу одиночнаго заключенія для долгосрочныхъ арестантовъ были преувеличены. Но тотъ же опытъ болѣе и болѣе свидѣтельствуетъ о громадной пользѣ его какъ для краткосрочныхъ на весь срокъ наказанія, такъ и для среднесрочныхъ и долгосрочныхъ на часть срока, именно въ началѣ наказанія. Этимъ путемъ и идутъ новѣйшія законодательства Европы.

IV. Система прогрессивности ¹⁾. Изложенныя системы за-

¹⁾ Van der Brughen, Système pénitentiaire irlandaise, 1870; Aschrott, Strafsysteme und Gefängniswesen in England, 1887.

ключенія могутъ быть соединяемы между собою, и тогда получаются смѣшанныя формы; примѣры ихъ мы видѣли на женеvской системѣ Обанеля и Сенъ-Галленской Мозера.

Отъ такихъ смѣшанныхъ системъ должна быть отличаема система прогрессивности. Хотя она складывается изъ нѣсколькихъ порядковъ заключенія, но проникаетъ ихъ самобытною руководящею идеею, сообщаящею ей полную самостоятельность. Идея эта заимствуется изъ сферы психологии и покоится на мысли, что успѣхъ тюремной дѣятельности наиболѣе обезпеченъ, если къ споспѣшествованію ему привлечены сами заключенные. А для такого привлеченія недостаточно одного принужденія хорошо и даже необходимо развитіе и поддержаніе въ нихъ сознанія, что это полезно для нихъ самихъ. Лучшею для этою мѣрою представляется такое устройство наказанія, при которомъ участь каждаго заключеннаго ставится въ зависимость отъ него самого, отъ его поведенія и прилежанія. И такъ какъ сознаніе объ этомъ должно быть поддерживаемо постоянно, то заключеніе слѣдуетъ распредѣлить на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, отъ болѣе строгихъ къ болѣе льготнымъ, постепенно переводя заключеннаго съ низшихъ на высшія по мѣрѣ его заслугъ. При построеніи этихъ ступеней принимаются во вниманіе и системы распредѣленія заключенныхъ, причемъ одиночная система рекомендуется для ступени начальной болѣе строгой.

На этой мысли покоятся системы англійскихъ и ирландскихъ convict prisons; о нихъ мы скажемъ подробнѣе при изложеніи тюремнаго воспитанія.

V. Отношеніе законодательствъ къ тюремнымъ системамъ. Дѣйствующія уголовныя законодательства по вопросу о тюремныхъ системахъ представляютъ значительное разнообразіе, которое, однако, мало по малу сглаживается, благодаря международнымъ пенитенціарнымъ конгрессамъ.

Во Франціи, въ центральныхъ домахъ введена система молчанія при общемъ заключеніи съ попытками классификаціи, еще на основаніи декрета 1839 г., и она держится тамъ до сихъ поръ, но не выполняется строго. Центральные дома находятся въ заброшенномъ положеніи и служатъ образцами того, чѣмъ не должна быть тюрьма. Въ департаментскихъ тюрьмахъ, на основаніи закона 1875 г., введено одиночное заключеніе для всѣхъ срочно-заключенныхъ, приговоренныхъ къ заключенію на срокъ до одного года. Приговоренный къ болѣе продолжительному сроку можетъ оставаться и болѣе продолжительное время въ одиночномъ заключеніи, если онъ на это согласенъ. При замѣнѣ общаго заключенія одиночнымъ, срокъ понижается на $\frac{1}{4}$.

Германское уголовное уложение (§ 22) позволяет отбывать наказаніе какъ тюрьмою, такъ и Zuchthaus'омъ, въ одиночномъ заключеніи, въ теченіи всего или части опредѣленнаго судомъ срока наказанія; безъ согласія заключеннаго одиночное заключеніе не можетъ продолжаться болѣе трехъ лѣтъ. При отбываніи наказанія въ одиночномъ заключеніи, срокъ лишенія свободы, установленный судебнымъ приговоромъ, не сокращается. При обсужденіи германскаго уложенія, большинство высказалось въ пользу системы прогрессивности, почему законъ и постановилъ, что „наказанія цухтгаузомъ и тюрьмою могутъ быть въ теченіи всего или части опредѣленнаго судомъ срока наказанія отбываемы... въ одиночномъ заключеніи“.

Страны, которыя наиболѣе увлеклись одиночнымъ заключеніемъ, суть Бельгія и Голландія. Въ Бельгіи какъ краткосрочное заключеніе, такъ и долгосрочное, отбываются по одиночной системѣ, которая опредѣляется здѣсь по правиламъ общаго уголовного законодательства. Одиночное заключеніе здѣсь можетъ быть продолжаемо на значительное число лѣтъ. Голландское уголовное уложение знаетъ 2 вида лишенія свободы: тюрьму, назначаемую на срокъ отъ одного дня до 20 лѣтъ, и арестъ—отъ одного дня до двухъ лѣтъ. Что касается тюрьмы, то приговоренные къ ней должны отбывать свое наказаніе въ теченіи 5 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, такъ что приговоренные на срокъ, меньшій 5 лѣтъ, отбываютъ все время наказанія въ одиночномъ заключеніи. Если же тюремное заключеніе назначается на болѣе продолжительный срокъ, то по истеченіи 5 лѣтъ арестантъ можетъ, по своему желанію и съ разрѣшенія министерства юстиціи, и долѣе оставаться въ кельѣ; иначе онъ переводится въ общее заключеніе, гдѣ арестанты дѣлятся на нѣсколько классовъ. Нѣкоторыя категоріи лицъ не подвергаются одиночному заключенію, именно: несовершеннолѣтніе до 14-лѣтняго возраста, старики, имѣющіе болѣе 60 лѣтъ, и тѣ, которые по состоянію своего здоровья не могутъ переносить одиночнаго заключенія.

Въ Италіи мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя системы размѣщенія—общее заключеніе, оборнское, одиночное и смѣшанное. Въ Австріи закономъ 1 апрѣля 1872 г. одиночное заключеніе на весь срокъ установлено для приговоренныхъ не болѣе чѣмъ на 18 мѣсяцевъ; долгосрочные арестанты могутъ быть содержимы въ одиночномъ заключеніи до 3 лѣтъ; исключеніе сдѣлано для лицъ болѣзненныхъ и несовершеннолѣтнихъ; по истеченіи 3 мѣсяцевъ, кажныя два дня одиночнаго заключенія считаются за 3 общаго; ежедневно каждый одиночный арестантъ пользуется по меньшей мѣрѣ 2 визитами и получаетъ работу.

Что касается Россіи, то у насъ еще въ XVIII ст. существовало полное смѣшеніе арестантовъ, съ режимомъ цѣпей и бритья половины головы; мужчины нерѣдко сковывались за ногу съ чужими женами. Мало по малу начало вводиться раздѣленіе половъ, но другія классификаціи еще не проникли общимъ образомъ въ наши тюрьмы: законъ требуетъ, чтобы подслѣдственные арестанты содержались отдѣльно отъ осужденныхъ, взрослые—отъ несовершеннолѣтнихъ, осужденные къ одиночному роду заключенія отъ осужденныхъ къ другому¹⁾,—но эти постановленія далеко не всегда соблюдаются, главнымъ образомъ по недостатку помѣщеній. XVI т. Св. Зак. знаетъ одну систему размѣщенія для всѣхъ арестантовъ—общее заключеніе днемъ и ночью. По свидѣтельству русскаго делегата, на брусельскомъ международномъ конгрессѣ, надв. совѣтн. Цеэ²⁾, у насъ предполагалось въ сороковыхъ годахъ ввести одиночную систему; посѣтивъ Англію, Николай Павловичъ, какъ и король прусскій, былъ восхищенъ пентонвильскимъ пеницентіаріемъ и созвалъ комиссію, которой было поручено заняться дѣломъ тюремной реформы и устройствомъ образцовой тюрьмы на подобіе пентонвильской. Комиссія эта положила устроить въ Петербургѣ одиночную тюрьму на 520 человѣкъ; но такъ какъ, въ общемъ мнѣніи Россіи,—говоритъ Цеэ,—одиночное заключеніе представляется черезъ-чуръ строгимъ наказаніемъ, то его рѣшено было примѣнять въ слѣдующемъ видѣ: первую ступень, непродолжительную, составляло одиночное заключеніе безъ работы; вторую—одиночное заключеніе съ работой; третью—ночное разъединеніе и общія работы съ обязанностью молчанія; четвертую—ночное разъединеніе и общія работы съ правомъ разговаривать. Ее предполагалось примѣнять къ мужчинамъ отъ 20 до 50 лѣтъ и къ женщинамъ отъ 18 до 40 лѣтъ; прочіе же должны были подвергаться общему заключенію.

Но работы этой комиссіи остались безъ всякаго послѣдствія, и начала прежняго режима не были поколеблены до самаго послѣдняго времени. Починъ тюремной реформы въ Россіи дало военное министерство³⁾, проектъ котораго о военно-исправительныхъ ротяхъ, замѣнившихъ прежнія арестантскія роты инженернаго вѣдомства, получилъ 16-го мая 1867 года силу закона; арестанты сперва поступаютъ въ разрядъ испытуемыхъ; за хорошее поведе-

¹⁾ См. уст. о содерж. подъ стражею изд. 1886 г. ст. 122, 163—174, 245, 274.

²⁾ Débats du Congrès pénitentiaire de Bruxelles, session 1846 г. стр. 38, 39.

³⁾ Никитинъ, Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ, Сиб. 1873 г.

ніе они могутъ быть переведены въ разрядъ исправляющихся, который даетъ право на сокращеніе на $\frac{1}{3}$ срока, назначеннаго судебнымъ приговоромъ. Испытуемые въ теченіи половины срока заключенія въ этомъ разрядѣ содержатся въ одиночномъ заключеніи, затѣмъ переходятъ на порядокъ ночнаго разъединенія съ общими работами; право разговаривать съ товарищами, весьма тѣсное въ началѣ, мало по малу расширяется. Тѣже начала проводятся и въ военно-исправительныхъ тюрьмахъ и, въ частности, въ С.-Петербургской исправительной тюрьмѣ морскаго вѣдомства.

Для арестантовъ гражданскихъ начало реформы положено устройствомъ Выборгской срочной тюрьмы, которая затѣмъ переименована въ исправительную и, кромѣ приговоренныхъ мировыми судьями къ тюремному заключенію, стала принимать къ себѣ осужденныхъ къ смирительному, рабочему дому и даже арестантскимъ ротамъ. За общую передѣлку системы „Устава о содержащихся подъ стражею“ взялась коммисія, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ графъ Соллогубъ и которая предположила установить одиночное заключеніе для краткосрочныхъ арестантовъ на все время приговора, для среднесрочныхъ—какъ предварительную ступень къ порядку ночнаго разъединенія съ общими работами, и наконецъ, для долгосрочныхъ—общее заключеніе. Начала эти приняты и проектомъ уголовного уложенія, усвоившимъ для ареста и заточенія общее заключеніе, для тюрьмы—одиночное, для исправительнаго дома—смѣшанное, начинающееся съ одиночнаго содержанія и заканчивающееся общими работами, съ ночнымъ разъединеніемъ; наконецъ, для каторги сохраняется общее заключеніе.

Часть этихъ предположеній уже осуществилась. 15 іюня 1887 г. состоялся законъ ¹⁾, предоставляющій администраціи подвергать приговоренныхъ къ тюремному заключенію одиночному содержанію до $1\frac{1}{2}$ года, съ сокращеніемъ сроковъ судебного приговора на $\frac{1}{4}$, если одиночное содержаніе опредѣляется до одного года, и на $\frac{1}{3}$ при назначеніи его свыше этого срока.

§ 3. Мѣры и органы тюремной дѣятельности.

Система распредѣленія заключенныхъ, безспорно, имѣетъ большое значеніе для успѣховъ тюремной дѣятельности. Но ошибочно было бы, какъ думали еще въ сороковыхъ годахъ, сводить къ вопросу о ней всю тюремную политику; это превращало бы тюремовѣдѣніе въ алхимическое исканіе философскаго камня или вол-

¹⁾ Собраніе узакон. 1887 г. № 681.

шебнаго элексира. Система распредѣленія заключенныхъ облегчаетъ тюремную дѣятельность, но не замѣняетъ ее. Она является однимъ изъ условий, хотя весьма крупныхъ, для правильного примѣненія тюремныхъ мѣропріятій, но отнюдь не устраняетъ необходимости послѣднихъ. Мало того, въ нихъ именно лежитъ центральная часть тюремной политики, и достоинство той или иной системы распредѣленія заключенныхъ опредѣляется большею или меньшею способностью ея содѣйствовать успѣшному примѣненію такихъ мѣропріятій.

Сюда принадлежатъ: тюремная работа; тюремное образованіе; тюремная дисциплина; тюремное воспитаніе; тюремная гигиена; тюремная архитектура. Примѣненіе этихъ мѣръ предполагаетъ, въ свою очередь, опредѣленную систему тюремнаго управленія.

1. Тюремная работа ¹⁾.

А. Понятіе и необходимость ея; возраженія. Уже издавна явилась у государства мысль получать доходъ съ преступниковъ, какъ съ рабочей силы, не имѣющей права распоряжаться собою. Знаменитая китайская стѣна построена трудами рукъ осужденныхъ. Римскіе водопроводы сдѣланы ими же. Наши галеры и каторги введены какъ работа на Государя.

Затѣмъ, къ этому фискальному взгляду на тюремную работу присоединился карательный, устрашительный, и тюремная работа стала наказаніемъ тѣлеснымъ: для арестантовъ выбирались самыя тяжелыя и самыя непріятныя работы; законодатель старался, чтобы самый родъ назначаемой работы представлялъ для нихъ лишеніе. Такой характеръ имѣютъ французскіе галеры, англійскія ступальныя мельницы, современная русская каторжная работа, въ самомъ понятіи которыхъ лежитъ непріятное, тяжелое страданіе.

Мало по малу къ работѣ начали прибѣгать, какъ къ мѣрѣ исправительной, способной уничтожить праздныя привычки и дать арестанту возможность честнымъ образомъ зарабатывать кусокъ хлѣба по освобожденіи. Первоначально въ этомъ значеніи обязательная работа назначалась для лицъ, не совершившихъ никакого преступленія, а ведшихъ только праздную жизнь, каковы нищіе, бродяги или обви-

¹⁾ Литература о тюремной работѣ весьма богата; главнѣйшія сочиненія: Wichern, Ueber die Erziehung zur Arbeit.

Bruun, Ueber die Volziehung der Strafarbeit. Heidelberg, 1870 г.

Report of the State commission on Prison Labour. Albany, 1871 г.

Множество мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ Transactions of the national Association for the promotion of social science и въ Blätter Эккерта.

ненные въ легкихъ полицейскихъ нарушеніяхъ. Первый примѣръ примѣненія ея былъ въ средѣ церкви, именно въ одномъ изъ постановленій папы Бонифація VIII; въ XVI только столѣтіи учреждены первые смирительные дома (Zuchthäuser), именно: въ 1552 г. въ Лондонѣ „для приученія лѣнтяевъ къ работѣ и добрымъ привычкамъ“, въ 1595 г. въ Амстердамѣ. Сознательно идея исправленія путемъ тюремной работы и другихъ тюремныхъ мѣръ поставлена впервые папою Клементомъ IX, заложившимъ въ 1735 г. тюрьму св. Михаила въ Римѣ, для исправленія испорченныхъ мальчиковъ; они содержались частью въ 64 кельяхъ, частью работали въ общихъ залахъ съ обязанностью молчанія. Въ XVII ст. въ Германіи, Даніи и Голландіи начали учреждать во множествѣ Zucht- und Manufacturhaus'ы, прядильные дома, ткацкіе дома, и т. п.; Вилень XIII далъ мысль устроить въ Гентѣ домъ, приучающій лѣнтяевъ къ работѣ къ выгодѣ всего общества. Мало-по-малу учрежденія этого рода распространялись на осужденныхъ за легкіе проступки, а потомъ и за тяжкіе преступленія, такъ что исправительныя задачи тюремной работы уцѣли уже отодвинуть на задній планъ фискальныя и устрашительныя.

Таковы важнѣйшія историческія формы, пройденныя тюремною работой. Здѣсь, однако, повторился общій законъ: давая мѣсто новой, старая форма уничтожалась не сразу, а лишь постепенно, долго существуя рядомъ съ новой. Работа, какъ мѣра тюремнаго исправленія, заручилась уже многими защитниками, но еще прочны остатки работы, какъ мѣры устрашенія, какъ наказанія. Эта двойственность замѣчается весьма ясно на видахъ тюремной работы въ современныхъ тюрьмахъ. Для оцѣнки каждаго изъ нихъ, необходимо прежде всего установить исходную точку, съ которой должно смотрѣть на тюремную работу. Въ пользу необходимости ея говорить уже то соображеніе, бывшее краеугольнымъ камнемъ всей теоріи Вилена XIII и разныхъ рабочихъ домовъ XVIII ст., что каждый самъ долженъ заботиться о средствахъ жизни, если имѣеть необходимыя для того силы; заключеніе въ тюрьму не снимаетъ съ человѣка этой обязанности, съ тѣмъ лишь, чтобы государство доставило возможность работать. Это соображеніе должно служить главнымъ практическимъ фундаментомъ тюремной работы. Но рядомъ съ нимъ есть еще другія основанія, говоряція въ пользу необходимости и обязательности тюремной работы; забывая ихъ и стоя исключительно на первомъ, многіе защитники тюремной работы принуждены были ограничить ее тѣми арестантами, которые не въ состояніи были оплачивать своего содержанія въ тюрьмѣ. Эти спеціальныя основанія суть: а) карательное осно-

ваніе. Тюрьма, какъ мѣра наказанія, не можетъ ограничиться содержаніемъ арестанта безъ всякаго дѣла; это совершенно достаточно для тюрьмы подслѣдственной, но не для карательной. Последней необходимо позаботиться, чтобы тюрьма не была жилищемъ болѣе комфортабельнымъ, чѣмъ хижина свободнаго рабочаго. Цѣль эта всего моральнѣе достигается введеніемъ обязательной работы; б) исправительное основаніе. Принявъ арестанта, тюрьма принимаетъ на себя передъ обществомъ обязанность выпустить его съ большими или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми же сидами для борьбы съ преступностью, какими онъ обладалъ при поступленіи въ нее. Бездѣлье развращаетъ арестантовъ и дѣлаетъ весьма труднымъ надзоръ за ними, безъ котораго невозможно никакое исправительное вліяніе тюремныхъ мѣръ. Тюремному начальству гораздо легче управлять арестантами занятыми, чѣмъ праздными. Выборъ работы, распредѣленіе ея и всѣ другіе вопросы, связанные съ тюремной работой, должны опредѣляться приведенными основаніями. А для этого необходимо: 1) чтобы тюремная работа создала, или, по крайней мѣрѣ, удержала въ арестантѣ привычку честнаго и систематическаго труда; 2) чтобы она создала въ немъ, если необходимо, капиталъ механическихъ силъ и практическихъ знаній, весьма важный ему по освобожденіи, какъ непремѣнное условіе возможности честнаго существованія. Потому же родъ работы, избираемой тюрьмою, не долженъ заключать въ себѣ ничего отталкивающаго отъ труда, унижающаго его, чтобы арестантъ не бросилъ его при первомъ соблазнѣ бездѣльемъ.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что тюремныя работы, по роду ихъ, должны приближаться наиболѣе къ занятіямъ свободнаго рабочаго, и карательная сторона этой мѣры лежитъ не въ родѣ занятій, а въ обязанности ихъ; стремленіе установить въ тюрьмахъ работы, по самому роду своему карательныя или тяжкія (*hard labour*), привело въ Англіи къ ступальнымъ и ручнымъ мельницамъ, которыя мололи воздухъ; но оно по существу неправо, ибо трудъ, источникъ благосостоянія и добра, не можетъ быть превращаемъ въ наказаніе. Для тюремъ умѣстны лишь обыкновенныя производительныя занятія, при устройствѣ которыхъ весьма важно поставить дѣло такъ, чтобы самъ арестантъ желалъ работы и видѣлъ въ ней не наказаніе, а награду; это достигается тѣмъ, что на первое время арестанту не назначаютъ никакой работы, и только мало по малу открываютъ ему возможность заниматься трудомъ.

Но прежде, чѣмъ разсматривать эти существенные вопросы тюремной работы, мы должны найти отвѣтъ на общія возраженія

противъ производительныхъ тюремныхъ работъ. Одно изъ нихъ относится ко всѣмъ тюрьмамъ и возстаетъ противъ тюремной работы, какъ излишней и вредной конкуренціи со свободнымъ трудомъ; другое ограничивается тюрьмами краткосрочными, отрицающая практическую возможность занятія краткосрочныхъ арестантовъ производительными работами.

Возраженіе противъ тюремной работы, какъ опаснаго средства конкуренціи съ работою свободной, весьма распространено: еще недавно германскіе рабочіе подали въ парламентъ петицію объ уничтоженіи во всѣхъ тюрьмахъ производительныхъ работъ, утверждая, что онѣ отнимаютъ возможность заработка у лицъ свободныхъ и такимъ образомъ вынуждаютъ ихъ совершать преступленія. Тоже убѣжденіе было весьма распространено во Франціи въ эпоху революціи 1848 г., и государственные дѣятели того времени такъ глубоко были проникнуты имъ, что правительство нашлось вынужденнымъ издать 24 марта 1848 года декретъ объ уничтоженіи тюремной работы. Однако, сила его продолжалась недолго: законъ 9 января 1850 г. сдѣлалъ рѣзкій поворотный шагъ, предписывая возстановить тюремную работу. Весьма любопытны соображенія, высказанныя французскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ его годовичномъ отчетѣ о тюрьмахъ за 1852 годъ (стр. XV, XVI): „особенное вниманіе администраціи обращено было на возстановленіе тюремной работы, этого элемента внутренней дисциплины, физическаго и моральнаго возрожденія, который облегчаетъ положеніе осужденнаго во время заключенія, обезпечиваетъ ему средства существованія по освобожденіи, гарантируетъ общество противъ рецидива и уменьшаетъ государственныя издержки на содержаніе тюремъ. Уничтожая работу въ тюрьмѣ, декретъ 24-го марта 1848 г. глубоко измѣнилъ законныя и моральныя условія кары, а конкуренція свободной работѣ, уничтожить которую онъ имѣлъ въ виду, на самомъ дѣлѣ не существовала. Въ самомъ дѣлѣ, предположивъ, что всѣ 18,000 арестантовъ, содержавшихся тогда въ центральныхъ домахъ, были заняты работою, т. е. не обращая вниманія ни на болѣзни, ни на случаи дисциплинарныхъ наказаній, останавливавшіе работу и т. под., этотъ контингентъ, на $\frac{2}{3}$ принадлежащій сельскому населенію, не приученный къ занятіямъ, производящимся въ тюрьмахъ, могъ производить лишь $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{1}{2}$ того, что производилось въ среднемъ тѣмъ же числомъ свободныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, ежедневная работа всѣхъ тюремъ едва-едва представляетъ 6,000 рабочихъ дней въ громадной массѣ общаго производства“. Тѣже соображенія приводятся англійскими дѣятелями. Одинъ изъ нихъ,

Джонъ Баурингъ, на бристольтскомъ съѣздѣ общества распространения соціальныхъ наукъ высказалъ слѣдующее: „Возраженіе, чаще другихъ приводимое противъ тюремной работы, конкуренція ея со свободной работой. Но если мы вспомнимъ, что тотъ же арестантъ сдѣлалъ бы гораздо больше, если бы онъ работалъ на свободѣ, и что содержаніе арестантовъ обходится обществу гораздо дороже, чѣмъ содержаніе свободного рабочаго самому себѣ, то для насъ оказывается совершенно очевиднымъ, что свободный рабочій вступаетъ на поле конкуренціи съ весьма значительными преимуществами предъ арестантомъ“. Въ слѣдующемъ году (1870), въ отвѣтъ на бумагу Оджера, возстававшего противъ тюремной работы, какъ тяжкой мѣры конкуренціи для работы свободной, Баурингъ съ новою силою повторилъ свои соображенія объ отсутствіи дѣйствительной конкуренціи тюремной работы съ свободною и засвидѣтельствовалъ, что арестанты массачузетской тюрьмы, исправленные работой, присылали по освобожденіи самыя искреннія благодарственныя письма¹⁾. Весьма часто факты, на которыхъ основывались противники тюремной работы, видѣвшіе въ ней опасное средство конкуренціи съ работою свободной, оказывались совершенно невѣрными. Такъ, въ 1871 г. полковникъ Бересфордъ, членъ англійской палаты общинъ, протестовалъ въ самой палатѣ противъ производительной тюремной работы, ссылаясь на то, что вслѣдствіе нея близъ вѣффилдской тюрьмы, отличающейся широкимъ производствомъ, многія свободныя мастерскія должны были закрыться; но по справкамъ, собраннымъ смотрителемъ этой тюрьмы, Робинзономъ, оказалось, что съ момента введенія работы въ вѣффилдскую тюрьму не только не закрылась ни одна мастерская, но даже не послѣдовало никакого пониженія рабочей платы. Такимъ образомъ, возраженія противниковъ тюремной работы, основанныя на опасности, будто бы представляемой конкуренціею ея работѣ свободной, не выдерживаютъ критики: на самомъ дѣлѣ оказывается, что сумма производства, предлагаемая тюремною работою, по незначительности своей, совершенно теряется въ массѣ общаго производства и, кромѣ того, трудъ свободного рабочаго поставленъ въ гораздо болѣе благоприятныя условія для одержанія на рынкѣ побѣды, чѣмъ трудъ заключеннаго; пенитенціаристы всѣхъ странъ единодушно свидѣтельствуютъ, что заключенный производитъ едва половину и даже $\frac{1}{3}$ того, что производитъ освобожденный, а освобожденный изъ тюремнаго заключенія, въ

¹⁾ См. Transactions of the national Association for the promotion of social science, 1870, стр. 270.

видѣ общаго правила, не производить болѣе $\frac{2}{3}$ работы свободнаго рабочаго, никогда не содержащагося въ тюрьмѣ. Но если бы даже разсматриваемое возраженіе имѣло на своей сторонѣ фактическую опору; если бы даже было вѣрно, что тюремная работа можетъ подрывать работу свободную, — изъ этого бы еще не вытекала необходимость уничтоженія производительной работы. При развивающейся конкуренціи, разумные производители стараются распространить предѣлы рынка, или обратить свои силы на такіе виды производства, гдѣ конкуренція еще не велика, и до сихъ поръ въ рациональной системѣ хозяйства не было еще примѣра противодѣйствія конкуренціи сокращеніемъ производительныхъ силъ. Тюремная работа до такой степени важна для цѣлаго общества, какъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ карательно-исправительныхъ элементовъ тюремной дѣятельности, что относиться къ ней пренебрежительно было бы не только бесполезно, но даже вредно; и если окажется, что интересы свободной работы дѣйствительно страдаютъ отъ тюремнаго производства, то выходъ изъ этихъ затрудненій слѣдуетъ искать въ расширеніи рынка сбыта, или въ измѣненіи рода тюремной работы, а отнюдь не въ уничтоженіи ея.

Другое возраженіе основано на томъ, что тюрьмы краткосрочныя не въ состояніи занять арестантовъ, какъ слѣдуетъ, работами производительными, потому что въ нихъ поступаютъ лица самыхъ разнообразныхъ занятій, требующихъ особые матеріалы и инструменты, часто совсѣмъ недоступные тюрьмѣ, ибо обзаводиться ими пришлось бы на самое короткое время. Въ этомъ замѣчаніи есть доля правды; занять производительными работами арестантовъ краткосрочныхъ, пріискать для всѣхъ ихъ соотвѣтствующія занятія, гораздо труднѣе, чѣмъ для арестантовъ долгосрочныхъ. Но эта трудность не доходитъ до невозможности; лучшимъ доказательствомъ служить исторія тюремнаго опыта. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія славилась гласговская тюрьма, начальство которой умѣло занять работами всѣхъ арестантовъ, не смотря на ничтожные сроки заключенія, и содержало всю тюрьму доходомъ съ арестантской работы. Броквей, поступивъ начальникомъ краткосрочной, до него вовсе непроизводительной тюрьмы, въ одномъ изъ государствъ Сѣверо-Американскаго Союза, сумѣлъ сдѣлать ее производительной, такъ что теперь она даже приноситъ чистый доходъ.

Разсмотрѣвъ эти возраженія, перейдемъ теперь къ анализу

*) Transactions, Leeds, 1871, стр. 281.

условія тюремной работы, необходимыхъ ей для достиженія различныхъ задачъ тюремной дѣятельности.

Б. Родъ тюремныхъ занятій. Выборъ тюремныхъ занятій необходимо опредѣлять: а) задачами тюрьмы, какъ мѣры борьбы съ преступностью, и б) устраненіемъ вредныхъ послѣдствій конкуренціи тюремной работы для свободнаго производства. Эти, повидимому, совершенно противоположныя задачи, легко примиряются между собою.

Въ тюрьмахъ замѣчаются рѣдко двѣ противоположныя крайности: или полное отсутствіе производительныхъ работъ, или превращеніе тюрьмы въ обширную мастерскую какого-либо одного производства. Послѣднее явленіе представляетъ, напр., знаменитая экфильдская тюрьма, гдѣ всѣ арестанты—мужчины заняты приготовленіемъ половинокъ. Но такое положеніе въ высшей степени вредно для свободной работы, потому что тюрьма, занятая исключительно однимъ производствомъ, можетъ убить его въ сосѣднихъ мѣстахъ, какъ напр. гренобльская тюрьма убила въ окрестностяхъ плетеніе корзины, забравъ его въ свои руки; вредно и для успѣшной борьбы съ условіями преступности, потому что арестантъ, при выходѣ изъ такой тюрьмы, не можетъ примѣнить пріобрѣтенныя свѣдѣнія за тюремными стѣнами и, если желаетъ производить ту же работу, долженъ совершить новое преступленіе. Особенно вредно такое положеніе въ мѣстностяхъ, рѣдко населенныхъ и не имѣющихъ обширнаго рынка для сбыта своихъ произведеній.

Отсюда уже видно, что чѣмъ разнообразнѣе работы, допускаемая тюрьмою, тѣмъ лучше и для исправительныхъ задачъ тюрьмы, и для ослабленія невыгодныхъ послѣдствій конкуренціи тюремной работы со свободною. Къ этому именно положенію стремятся болѣе и болѣе современныя тюрьмы. Такъ въ 1852 г. въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи практиковалось 38 родовъ работы, въ 1865 г. это число поднялось до 62, а въ 1869 г. оно возросло еще болѣе — до 85; разсматривая отдѣльные центральные дома, мы встрѣчаемъ въ нихъ иногда въ послѣднее время до 120 различныхъ видовъ работъ, кромѣ тюремъ женскихъ, гдѣ это число всегда значительно меньше. Новые пенитенціаріи Швейцаріи также славятся обиліемъ и разнообразіемъ работъ, предлагаемыхъ ими арестантамъ; наиболѣе памятенъ для меня пенитенціарій невшательскій, гдѣ я встрѣтилъ, между прочимъ, бондарное, слесарное, типографское, литографское, плотничье и кузнечное производство во всѣхъ ихъ видахъ, рядомъ съ огородническими и садовыми работами въ предѣлахъ тюремныхъ стѣнъ.

Исправительныя задачи тюрьмы требуютъ доставленія арестанту

такихъ родовъ занятій, которыя, не разстраивая его здоровья, поддерживали бы въ надлежащей гармоніи систему его органическихъ силъ и доставляли бы ему средства независимой честной жизни по освобожденіи. Тюремное заключеніе, уменьшая сумму мускульныхъ движеній заключеннаго, грозитъ само по себѣ ослабленіемъ его физическихъ силъ, и выходъ изъ этой опасности можетъ быть доставленъ только тюремной работой. Поэтому долговременное занятіе въ тюрьмѣ такими работами, какъ щипаніе канатовъ и плетеніе корзинъ, не приводящихъ въ движеніе мускульной системы арестанта, не можетъ быть рекомендуемо, тѣмъ болѣе въ виду явленія, замѣченнаго на основаніи опыта тюремной дѣятельности, что „работа, занимающая арестанта не только механически, но и умственно, обыкновенно смягчаетъ его сердце и такимъ образомъ значительно содѣйствуетъ тюремному священнику и тюремному начальству въ достиженіи исправительныхъ задачъ“¹⁾.

В. Системы пріисканія тюремной работы. Сначала выборъ ея предоставлялся частнымъ лицамъ, которыя снимали на подрядъ доставку работы для всѣхъ арестантовъ; только мало по малу выборъ и доставка тюремной работы переходить въ руки тюремнаго начальства. Согласно этому, выработались слѣдующія системы пріисканія тюремной работы.

І. Подрядная. Она состоитъ въ томъ, что всѣ арестанты относительно работы сдаются на подрядъ частнымъ лицамъ, которыя и занимаются пріисканіемъ и доставленіемъ имъ работъ. Подрядная или контрактная система распадается на два вида: французскую подрядную систему и американскую.

1) Французская система состоитъ въ томъ, что одинъ подрядчикъ принимаетъ на себя всѣ предметы тюремнаго хозяйства, какъ то: пищу, одежду, работы. То удобство этой системы, что тюрьма имѣетъ дѣло съ однимъ подрядчикомъ, ступшевывается предъ серьезными неудобствами. Прежде всего, подрядчикъ старается возмѣстить убытки или проигрышъ въ какой-либо одной статьѣ подряда доходами съ другой. Съ другой стороны, эта система ставитъ всю тюрьму въ зависимость отъ частнаго лица и тѣмъ самымъ препятствуетъ выполненію задачъ тюремной дѣятельности.

2) Иной характеръ представляетъ американская система; согласно ей, предметы хозяйства, сдаваемые тюрьмой, передаются по контракту не одному лицу, а нѣсколькимъ, — одинъ подрядчикъ беретъ на себя доставку одежды, другой — пищи и т. п.; при

¹⁾ Положенія полковника Ратклифа, въ Transactions, Bristol, 1870 стр. 273.

этомъ всё работы специализируются: каждый родъ работы сдается специально одному подрядчику. Очевидно, что эта система представляетъ замѣтный шагъ впередъ, но и по отношенію къ ней въ послѣднее время въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ выслушано было много возраженій; учреждена была для обсужденія этой системы особая коммисія, которая работала подъ предсѣдательствомъ д-ра Уэнса и признала за ней слѣдующіе недостатки:

а) она невыгодна для государства, такъ какъ тюрьмы, гдѣ введены работы по рациональной хозяйственной системѣ, даже краткосрочныя, даютъ гораздо большій доходъ;

б) доказано, что подрядчики выдавали арестантамъ деньги отъ себя, не въ счетъ контрактныхъ, для гарантірованія своихъ выгодъ;

в) подрядчикъ вводитъ въ тюрьму много своихъ агентовъ, въ качествѣ надсмотрщиковъ и надзирателей за выполненіемъ работъ, которые дѣйствуютъ противно требованіямъ тюремной дисциплины и уставовъ, пронося вино и другіе запрещенные для арестантовъ предметы потребленія; словомъ—эта система не представляетъ никакихъ гарантій, что агенты подрядчика не будутъ имѣть развращающаго вліянія на арестантовъ. Таковы соображенія, по которымъ коммисія, работавшая подъ предсѣдательствомъ д-ра Уэнса, высказалась противъ контрактной американской системы.

II. Хозяйственная. Она подраздѣляется на три вида, а именно:

1) Система отдѣльныхъ заказовъ, которая состоитъ въ томъ, что арестанты занимаютъ въ данный моментъ работами, на которыя имѣются заказы, принимаемыя тюремною администраціею. Эта система представляетъ то неудобство, что не можетъ занять работами всѣхъ арестантовъ, такъ какъ заказовъ не всегда можетъ быть достаточно въ данный моментъ; поэтому она или вовсе не примѣняется, или же существуетъ рядомъ съ другими системами.

2) Система производства за счетъ и по инициативѣ самаго тюремнаго начальства, или хозяйственная въ тѣсномъ смыслѣ. Эта система, предоставляя тюремному начальству право рѣшительнаго голоса въ выборѣ занятій для арестантовъ, имѣетъ то удобство, что при распредѣленіи работъ есть возможность обратить вниманіе на индивидуальныя силы каждаго арестанта, такъ что она представляетъ несомнѣнное преимущество предъ системою отдѣльныхъ заказовъ. Но тюремное начальство, не располагая свободными капиталами, мало знакомое съ различными отраслями промышленнаго производства, не въ состояніи быть хорошимъ производителемъ.

3) Система производства тюрьмами работъ по заказамъ пра-

вительства, напр., для военнаго вѣдомства, какъ показываетъ опытъ, оказывается наилучшею; она доставляетъ арестантамъ постоянное занятіе, обезпечиваетъ доброкачественность и дешевизну производства и, вѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ наименьшую опасность конкуренціи арестантскаго труда со свободнымъ. Система эта усвоена въ Бельгіи, въ каторжныхъ тюрьмахъ Англіи и во многихъ тюрьмахъ Германіи; она съ успѣхомъ примѣнялась и въ русскихъ тюрьмахъ. Выгода ея и та, что она не требуетъ отъ тюрьмы обширныхъ оборотныхъ капиталовъ.

Г. Распредѣленіе работы между арестантами. 1) Что касается количества работы, то оно должно сообразоваться съ силами и способностями каждаго арестанта: назначеніе одного и того же количества работы для всѣхъ арестантовъ было бы несправедливо, такъ какъ, что одному по силамъ, то для другаго можетъ оказаться изнуреніемъ, вредно дѣйствующимъ на здоровье.

2) При выборѣ самыхъ занятій должны быть разрѣшены слѣдующіе вопросы: такъ какъ между арестантами попадаютъ люди, знающіе извѣстную отрасль работы, но еще больше не знающихъ никакой работы, то является вопросъ, какъ занять арестантовъ, не знающихъ никакой работы, и какъ занять умѣющихъ что-либо производить?

а) Первое зависитъ въ весьма значительной степени отъ срока лишенія свободы. При незначительности его, тюремному начальству приходится занимать арестантовъ какими-либо домашними работами, не требующими особыхъ знаній. Но, какъ скоро время судебнаго приговора дозволяетъ обученіе арестанта какому-либо занятію, требующему техническихъ знаній, то на тюрьмѣ, въ виду общественныхъ интересовъ, лежитъ обязанность выучить его какому-либо мастерству, которое могло бы доставить ему средства жизни по освобожденіи. Выборъ мастерства долженъ опредѣляться индивидуальными силами арестанта и мѣстными потребностями. Въ литературѣ высказывалось требованіе, по которому „обученіе арестанта должно обнимать нѣсколько отраслей промышленности, чтобы онъ повсюду, гдѣ будетъ, имѣлъ обезпеченный кусокъ хлѣба“. Нельзя, конечно, не сознаться, что такое положеніе даетъ освобожденному больше обезпеченности и, слѣдовательно, больше шансовъ на честную жизнь. Однако, требовать его въ видѣ общаго правила невозможно потому, что обученіе нѣсколькимъ производствамъ не всегда по силамъ для тюрьмы.

б) Арестанты, знающіе работу, должны быть занимаемы ею, но если та работа, которую они знаютъ, и безъ того производится въ обширныхъ размѣрахъ, между тѣмъ для тюрьмы нужна другая,

то тюремное начальство можетъ распорядиться выучить ихъ и этой. Черезъ-чуръ дробное дѣленіе труда весьма невыгодно; напротивъ, нужно, по возможности, стараться, чтобы арестантъ, хотя не сразу, а послѣдовательно, занимался всѣми частями извѣстнаго производства. Распредѣленіе работы опредѣляется индивидуальностями каждаго арестанта; такъ, для женщинъ должна быть иная работа, чѣмъ для мужчинъ и т. п. Въѣстѣ съ тѣмъ должно быть обращено вниманіе на прежнія занятія арестанта и на вѣроятное положеніе его въ обществѣ по освобожденіи.

3) Тюремная работа должна быть обязательна для всѣхъ арестантовъ. Но есть преступленія, для наказанія которыхъ совершенно достаточно лишенія свободы, безъ всякихъ прибавокъ; таковы, напр., личныя обиды, мелкіе полицейскіе проступки и т. п. Здѣсь работа можетъ быть назначаема только въ такомъ случаѣ, если осужденный не можетъ покрыть издержекъ содержанія, слѣдовательно, не изъ карательныхъ, а исключительно изъ финансовыхъ соображеній. Конечно, болѣзнь для всѣхъ арестантовъ приостанавливаетъ работу, и попеченіе о больныхъ лежитъ на обязанности тюрьмы, съ тѣмъ, что издержки леченія слѣдовало-бы покрывать затѣмъ работой.

4) Что касается, наконецъ, продолжительности тюремной работы въ теченіи дня, то она въ различныхъ странахъ и въ различныхъ тюрьмахъ различна. Это зависитъ отъ того, въ какомъ положеніи находится свободная работа. Если послѣдняя обременена слишкомъ большимъ количествомъ часовъ, то всѣ попытки тюремнаго начальства сократить число рабочихъ часовъ въ тюрьмѣ будутъ встрѣчать противодѣйствіе со стороны мѣстнаго свободного населенія, которое всегда будетъ говорить, что положеніе свободного человѣка, свободного рабочаго не должно быть хуже, чѣмъ положеніе совершившаго преступленіе, что арестантъ не долженъ пользоваться привилегіями въ работѣ сравнительно съ свободнымъ рабочимъ и т. д. Тюремный опытъ доказалъ, что назначеніе арестантской работы свыше 10 — 12 часовъ въ сутки чрезвычайно вредить успѣхамъ тюремной дѣятельности, потому что другія занятія, напр. тюремное образованіе и т. п., которыя также требуютъ времени, не могутъ идти успѣшнымъ образомъ. Поэтому распредѣленіе рабочаго дня представляется весьма важнымъ элементомъ тюремной дисциплины. Продолжительность работы въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ опредѣляется количествомъ часовъ, а въ другихъ — уроками. Преимущество надо отдать урочной системѣ, такъ какъ при ней въ арестантъ болѣе поддерживается энергія, онъ старается скорѣе окончить урочную работу, — особенно если часть заработка идетъ

въ его пользу, — чтобы приняты, по окончаніи ея, за другое занятіе; кромѣ того, урочная работа имѣетъ и то преимущество предъ часовой, что она болѣе возбуждаетъ между арестантами соревнованіе въ трудѣ.

Д. Вознагражденіе за трудѣ. Характеристическая черта свободной работы состоитъ въ томъ, что она оплачивается работнику. Это начало въ примѣненіи къ тюремной работѣ требуетъ ограниченій. Хотя арестантская работа должна быть оцѣнена по своей производительности, но въ началѣ заключенія, пропорціонально сроку приговора, арестантъ не долженъ получать никакого вознагражденія. Затѣмъ, во второй періодъ, пока онъ еще состоитъ на часовой работѣ, для возбужденія въ немъ соревнованія можно назначить ему небольшую часть заработной платы, которая потомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Когда арестантъ перешелъ на урочную работу, то работа, сдѣланная сверхъ урочной, должна оплачиваться вполнѣ. Сумма, заработанная въ тюрьмѣ, должна выдаватьсѣ арестанту лишь небольшою частью въ стѣнахъ тюрьмы, для поощренія его, большую же часть ея предпочтительнѣе выдавать по освобожденіи, на приобрѣтеніе матеріаловъ для работы и первоначальнаго обзаведеніе его; для этой цѣли весьма желательно образованіе частныхъ обществъ, которымъ тюрьма выдавала бы арестантскіе заработки, съ обязанностью со стороны ихъ позаботиться о судьбѣ освобожденнаго.

Отсюда весьма понятно, что тотъ принципъ, по которому арестантъ долженъ работать только на государство, не долженъ имѣть мѣста. Этотъ взглядъ удержался въ тюрьмахъ американскихъ и англійскихъ. Въ тюрьмахъ американскихъ весь заработокъ арестанта поступаетъ въ пользу тюрьмы. Въ Англии это положеніе смягчается законодательствомъ, согласно которому арестантъ по освобожденіи можетъ получить отъ начальства тюрьмы небольшое пособіе, которое, впрочемъ, не составляетъ обязанности тюремнаго начальства, такъ что выдача пособія зависитъ отъ его усмотрѣнія. Другой взглядъ проводится въ тюрьмахъ Франціи и другихъ государствъ; согласно ему, арестантъ долженъ получать плату за свою работу, но въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ свободный человѣкъ. Эта плата опредѣляется количествомъ и качествомъ работы и преступленіемъ; чѣмъ тяжелѣе преступленіе, тѣмъ меньше заработная плата, и наоборотъ. Относительно количества, которое должно оставаться въ пользу арестанта изъ заработанной имъ платы, примѣняется начало постепенности. Согласно ему, количество платы, поступающее арестанту въ первое время по поступленіи въ тюрьму, невелико, но затѣмъ оно постепенно увеличивается, причѣмъ это увеличеніе

зависитъ отъ поведенія арестанта въ тюрьмѣ и отъ исполненія работы.

Наше законодательство до 6-го января 1886 г. содержало правила относительно арестантскихъ работъ, но они были мертвою буквою. Законъ 6-го января 1886 г. стремится положить конецъ такому порядку. Онъ дѣлитъ работы на обязательныя и необязательныя, сообразно съ мѣстомъ заключенія; въ мѣстахъ заключенія болѣе тяжкихъ работы обязательны, въ мѣстахъ заключенія менѣе тяжкихъ работы необязательны; но и въ послѣднихъ должны быть доставлены работы арестантамъ, если они того пожелаютъ. Выборъ обязательныхъ работы предоставляется или арестантамъ, или тюремной администраціи. Второе начало имѣетъ мѣсто по отношенію къ каторжнымъ и отбывающимъ наказаніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, первое — для тюрьмы. Если арестантъ выбираетъ занятіе, котораго нѣтъ въ тюрьмѣ, или которое не соотвѣтствуетъ тюремному режиму, то онъ тогда долженъ работать по назначенію тюремнаго начальства. Вознагражденіе выдается по урочному положенію въ слѣдующей постепенности: 0,6; 0,4; 0,3; 0,1. Чѣмъ тяжелѣе наказаніе, тѣмъ меньше размѣръ вознагражденія.

II. Тюремное образованіе.

Работа поддерживаетъ гармонію физическихъ силъ арестанта; образованіе беретъ на себя ту же задачу относительно его интеллектуальныхъ и духовныхъ силъ. Согласно этому, подъ тюремнымъ образованіемъ разумѣется совокупность мѣръ тюремной дѣятельности, просвѣщающихъ умъ арестанта, сообщающихъ упругость его мысли, расширяющихъ его умственный кругозоръ, знакомящихъ его съ нравственными идеалами, восполняющихъ сумму его практическихъ свѣдѣній.

Отсюда открываются слѣдующіе виды его: а) образованіе интеллектуальное; б) образованіе нравственное и религіозное; и в) образованіе практическое, или техническое обученіе.

Болѣе другихъ въ тюрьмахъ настоящаго времени успѣло пустить корни образованіе религіозное; съ этою цѣлю при всѣхъ мѣстахъ заключенія заботятся о наличности тюремнаго священника, и посѣщеніе церкви разсматривается какъ непремѣнная обязанность арестантовъ. Образованіе же интеллектуальное считается или вовсе лишнимъ, или, по большей мѣрѣ, необходимымъ настолько, насколько успѣхъ религіозныхъ факторовъ зависитъ отъ просвѣщенія ума. Исходная точка зрѣнія этого направленія совершенно понятна: видя въ арестантѣ чловѣка нравственно-испорченнаго и сводя его пре-

ступность къ безнравственности, обусловливаемой исключительно волею, оно примѣняло и мѣры, дѣйствіе которыхъ было рассчитано непосредственно на волю. Дайте заключенному библію, предоставьте его своимъ мыслямъ и религіознымъ наставленіямъ лицъ, принимающихъ на себя эту заботу,—и вы, говорятъ защитники этого направления, удержите его отъ дальнѣйшихъ преступленій, дадите ему твердость бороться съ злыми побужденіями своего духа при самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ навзгодахъ. Развитіе интеллекта для этого вовсе не необходимо, и о немъ нужно заботиться лишь настолько, насколько безъ него невозможно вліяніе религіозныхъ факторовъ. Взглядъ этотъ, проникшій собою весь филантропическій періодъ исторіи тюрьмы, представители котораго заботились о спасеніи души арестантовъ отъ загробныхъ мукъ, весьма ясно выражены въ постановленіяхъ англійскаго тюремнаго акта 1865 г., защищающаго принципъ обязательности посѣщенія церкви рядомъ съ принципомъ добровольности тюремной школы, и до сихъ поръ находитъ себѣ защитниковъ въ литературѣ, преимущественно въ средѣ сѣвероамериканскихъ пенитенціаристовъ. Такъ, еще на цинциннатскомъ конгрессѣ 1870 г. Футъ¹⁾, священникъ исправительнаго дома въ Детруа, въ штатѣ Мичиганъ, защищалъ положеніе о второстепенномъ значеніи интеллектуальнаго образованія для успѣховъ исправительныхъ задачъ тюремной дѣятельности, настаивая на томъ, что успѣшное достиженіе ихъ можетъ быть произведено только путемъ образованія религіознаго. „Поучительныя чтенія, библіотеки и школы суть вспомогательныя средства, правда, весьма важныя, но все-таки вспомогательныя для образованія религіознаго“. Господствомъ этого взгляда, заявленнаго и на лондонскомъ международномъ конгрессѣ 1872 г., объясняется грустный и повсемѣстный фактъ, что интеллектуальное образованіе въ современныхъ тюрьмахъ еще не стало на ту ступень, которая по праву принадлежитъ ему. Такъ, по свидѣтельству д-ра Уэнса, въ тюрьмахъ американскихъ оно еще оставляетъ желать очень многого. То же положеніе существуетъ въ Англии и Уэльсѣ. На митингѣ общества распространенія соціальныхъ наукъ, происходившемъ въ Лидсѣ въ 1871 г., священникъ Осборнъ замѣтилъ, что хотя тюремный актъ 1865 г., уполномочиваетъ визирующихъ тюрьмы органовъ мировой юстиціи предпринимать необходимыя мѣры для введенія элементарнаго свѣтскаго образованія въ тюрьмахъ, но это постановленіе закона или совершенно игнорируется, или вызываетъ мѣры, которыя нельзя на-

¹⁾ Foote. The importance and power of Religious Forces in Prisons, въ Transactions of the national Congress on penitentiary and Prison Discipline, 1870, стр. 185 и слѣд.

звать иначе, какъ фарсъ и обходъ закона. Положеніе тюремъ французскихъ также неудовлетворительно: въ bagnes образовательныя средства вовсе не существовали; въ maisons centrales образованіе составляетъ привилегію немногихъ и имѣетъ весьма ограниченныя размѣры; департаментскія тюрьмы, по краткосрочности заключенія, стоятъ еще ниже. Центральное правительство Франціи составило длинный списокъ книгъ, которыя могутъ быть допущены въ тюремную бібліотеку (см. Code des Prisons Моро-Кристофа). Но, съ одной стороны, ни одна французская тюрьма не имѣетъ и не можетъ имѣть всѣхъ означенныхъ тамъ книгъ, съ другой — сюда вошли по преимуществу книги религіознаго содержанія, подборъ же другихъ сдѣланъ въ высшей степени неудачно. Тюрьмы германскія, въ видѣ общаго правила, также забросили интеллектуальное образованіе. По свѣдѣніямъ, представленнымъ прусскимъ правительствомъ на лондонскій международный конгрессъ¹⁾, оказывается, что въ 1869 г. число арестантовъ, обучавшихся въ тюремныхъ школахъ, составляло лишь 15% общаго числа заключенныхъ, а валовое число томовъ во всѣхъ тюремныхъ бібліотекахъ Пруссіи въ 1869 г. было 144,418; изъ нихъ 42,210 — книги для чтенія свѣтскаго, 23,745 — школьные учебники, остальные же посвящены предметамъ религіознымъ. Кругъ школьнаго преподаванія весьма узокъ, ограничиваясь чтеніемъ, письмомъ, началами ариеметики, священнои исторіи, — занимающей первое мѣсто и преподаваемой даже для неграмотныхъ, — цѣнія, а иногда и рисованія. Гораздо лучше поставлено дѣло интеллектуальнаго образованія въ пенитенціаріяхъ Бельгіи, Даніи, Голландіи и Швейцаріи. Въ Россіи законодательство дѣлаетъ намекъ лишь объ интеллектуальномъ образованіи несовершеннолѣтнихъ арестантовъ, не предлагая никакихъ постановленій относительно взрослыхъ; бібліотеки въ русскихъ тюрьмахъ, можно сказать, вовсе не существуютъ.

Если сравнить съ этимъ заброшеннымъ состояніемъ интеллектуальнаго образованія то положеніе, которое успѣло получить въ теперешнихъ тюрьмахъ образованіе религіозное, то оно представляетъ другую картину. За рѣдкими исключеніями, школьное образованіе вовсе не существуетъ или составляетъ привилегію немногихъ; посѣщеніе церкви обязательно для всѣхъ. Едва-ли при одной тюрьмѣ изъ пятидесяти найдется тюремный учитель, — тюремнаго же священника вы найдете почти во всякой тюрьмѣ. Для меня было исключеніемъ встрѣтить тюрьму, снабженную специальнымъ помѣще-

¹⁾ Etat actuel des prisons en Prusse, Berlin, 1872; сообщенныя здѣсь данныя перепечатаны въ сборникѣ лондонскаго конгресса, но съ сокращеніями.

ніемъ для школьныхъ занятій арестантовъ; напротивъ, во всѣхъ мало мальски значительныхъ тюрьмахъ меня приглашали посѣтить капеллу и даже нѣсколько, для различныхъ исповѣданій. Далека отъ меня мысль лишать арестантовъ утѣшенія, быть можетъ, для многихъ единственнаго, которое способна доставлять имъ религія; еще меньше я согласенъ принять на себя упрекъ въ стремленіи ослабить силу религіозныхъ факторовъ, нерѣдко оказывающихъ поразительное вліяніе на натуры, отъ которыхъ отступалась школа и всѣ воспитательные элементы свѣтскаго характера. Но я не могу не обратить вниманія на то, что, не смотря на громадныя заботы, съ давнихъ уже поръ направленные на дѣло религіознаго образованія арестантовъ, успѣхъ ихъ оказывается сомнительнымъ. Громадныя цифры рецидива, которыя предлагаются тюрьмами, ясно доказываютъ, что дѣло тюремнаго образованія поставлено не совсѣмъ вѣрно, что существуютъ какія то обстоятельства, которыя препятствуютъ религіознымъ факторамъ пожинать возможные плоды дѣйствительнаго исправленія.

Всматриваясь въ дѣло тюремнаго образованія въ его современной обрисовкѣ, не трудно замѣтить, что причина неуспѣха его лежитъ въ крайнемъ субъективизмѣ. Тюремная дѣятельность, видя въ злой волѣ человѣка единственную причину его преступленій, полагаетъ, что для борьбы съ преступностью слѣдуетъ дѣйствовать на волю непосредственно. Поэтому то она и прибѣгаетъ къ помощи религіозныхъ силъ. На самомъ дѣлѣ оказывается, однако, что та таинственная сумма элементовъ индивидуальнаго самоопредѣленія, которая извѣстна подъ именемъ воли, есть результатъ совокупнаго дѣйствія многообразныхъ условій, безъ измѣненія которыхъ невозможно убаюкивать себя надеждою измѣнить направленіе воли. Элементы эти суть физическіе, общественные и личные. Во главѣ послѣднихъ стоитъ интеллектъ, разумъ, управляющій всѣми другими. Безъ надлежащаго развитія его, невозможно думать о вліяніи религіозныхъ силъ на волю человѣка, такъ какъ дѣйствию ихъ онъ поддается, лишь сознавая ихъ превосходство надъ другими силами. Сознаніе же это предполагаетъ интеллектуальное образованіе. Въ томъ дивномъ микрокосмѣ, который носитъ названіе человѣка, до такой степени тѣсно и систематически связаны всѣ разнообразныя двигатели, что вліяніе на одни возможно лишь при подготовкѣ ихъ къ воспріятію посредствомъ предшествующаго вліянія на другія, и если эта подготовка заброшена, самыя лучшія мѣры непосредственныхъ вліяній пропадутъ напрасно, доставляя лишь отчаяніе примѣнителямъ ихъ. Поэтому то и тюремное образованіе не можетъ ограничиваться какимъ-либо однимъ видомъ культивированія человѣческихъ способ-

ностей, и оно вынуждено удѣлять соотвѣтствующее мѣсто каждому изъ нихъ.

А. Интеллектуальное образованіе. Эта мысль начинаетъ уже дѣлаться достояніемъ пенитенціаристовъ. Капитанъ Мэнончи и Вальтеръ Крафтонъ могутъ быть приведены, какъ важнѣйшіе ея адвокаты. Ирландская тюремная система построена на интеллектуальномъ образованіи арестантовъ, какъ на одномъ изъ краеугольныхъ своихъ основъ. Также и тюрьмы континентальной Европы стремятся къ усвоенію ея. Въ мѣстахъ заключенія для несовершеннолѣтнихъ необходимость интеллектуальнаго образованія уже успѣла стать аксіомой.

Однако, мѣстами еще до сихъ поръ слышатся возраженія противъ этого рода тюремнаго образованія. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія.

1) Образованіе для челоуѣка есть привилегія, весьма для него выгодная. Но заслуживаетъ ли ее арестантъ за то только, что онъ совершилъ преступленіе? „Я въ ужасѣ остаиваюсь, говоритъ лордъ Денманъ, предъ послѣдствіями, могущими произойти отъ доставленія благодѣній и привилегій лицамъ, которыя бы никогда ихъ не получили иными путями, кромѣ совершенія преступленія. Сознаюсь, я чрезвычайно ревнивъ къ молодому преступнику, получающему бесплатное образованіе только потому, что онъ преступникъ“¹⁾. Соображеніе это не разъ находило себѣ доступъ между членами англійской палаты общинъ; не разъ, когда заходила рѣчь о введеніи школьнаго образованія въ тюрьмахъ, ораторы палаты общинъ упоминали о французской матери, которая, не имѣя средствъ отдать своего сына въ школу, жалѣла, что онъ не совершилъ кражи или другаго подобнаго дѣйствія, которое дало бы ему право поступить въ воспитательную колонію несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Однако, это возраженіе, какъ ни кажется оно вѣскимъ, падаетъ при ближайшемъ разсмотрѣніи. Съ личной точки зрѣнія арестанта, образованіе для него полезно и составляетъ привилегію; но съ точки зрѣнія общественнаго интереса, особенно для такихъ лицъ, которыя уже выказали неуваженіе къ закону, образованіе необходимо. Лордъ Денманъ предлагаетъ для защиты интересовъ другихъ лицъ, не заарестованныхъ, изгнать образованіе изъ тюрьмы; но не правильнѣе ли позаботиться объ облегченіи полученія образованія для свободныхъ гражданъ, введя его также и въ тюрьмѣ?

¹⁾ Jebb's Report on the discipline and management of the convict prisons for 1851. London, 1852, p. 52. У насъ ср. *Сергиевскій*, русское угол. право, стр 193; *его-же*, наказаніе въ XVII в.; стр. 40 и слѣд.

2) Отнимая время отъ механическихъ занятій, школьное образование, говорятъ, составляетъ для арестанта роскошь, вслѣдствіе которой онъ, по освобожденіи, неуспѣшно принимается за тяжелый трудъ и даетъ своему хозяину поводъ къ частымъ жалобамъ. Возраженіе это привелъ, между прочимъ, мистеръ Джосюа Джэббъ въ примѣненіи къ Parkhurst Prison, когда она составляла мѣстопробываніе малолѣтнихъ арестантовъ предъ высылкою ихъ изъ колоніи: тамъ въ 1851 г. найдено было необходимымъ уменьшить часы школьныхъ занятій, увеличить время работы; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ и по содержанію и по объему оно не имѣло общаго значенія. Будь оно такимъ, противъ него можно было бы представить: а) что школьное занятіе отнимаетъ у работы время только при неумѣнн распрѣлнить тюремный день. Одинъ часъ занятій въ школѣ можно и должно назначить, независимо отъ 10 часовъ работы, или по окончаніи ея, или въ срединѣ, или же предъ началомъ ея. б) Будь справедливы другія основанія, изъ нихъ слѣдовало бы, что государство должно стараться запретить школу для всего рабочаго населенія, чего мы, однако, не видимъ въ цивилизованныхъ государствахъ.

3) Иногда замѣчаютъ, что взрослые въ школѣ учатся плохо, хуже дѣтей, и потому образованіе въ тюрьмахъ для взрослыхъ ведетъ лишь къ бесполезной тратѣ времени и денегъ. Но это замѣчаніе опровергается лучшими тюремными учителями; при посѣщеніи мною вѣкфильдской West-riding Prison, тамошній тюремный учитель, занимавшійся прежде съ дѣтьми, засвидѣтельствовалъ мнѣ, что взрослые успѣваютъ быстрѣе малолѣтнихъ и удерживаютъ пріобрѣтенныя знанія гораздо прочнѣе; къ тому же выводу пришелъ и м-гъ Tarbell, учитель въ the Detroit House of Correction¹⁾.

4) Гораздо серьезнѣе другое возраженіе, основанное на томъ будто бы статистическомъ законѣ, что необразованность не составляетъ причины преступленій. Представители этого взгляда замѣчаютъ, что въ тюремномъ населеніи имѣется только около $\frac{1}{2}$ необразованныхъ, остальные $\frac{2}{3}$ получили образованіе; что причины преступленія скорѣе должно видѣть въ недостаткѣ религіознаго образованія²⁾; или въ густотѣ населенія съ его грустными послѣдствіями, каковы: пьянство, эксплуатація бѣднаго класса различными мошенниками, проституція и различные танцевальныя залы

¹⁾ Transactions of Cincinnati Congress 1870, стр. 193 и слѣд.

²⁾ Thomas Carter, Chaplain of the Liverpool Borough-gaol—on the crime of Liverpool, въ Transactions of the Society for the promotion of social science 1858 г. стр. 349 и сл.

и casinos¹⁾; или въ дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ²⁾ и т. д. Я нисколько не думаю отрицать, что эти причины также оказываютъ вліяніе на уголовно-статистическія таблицы. Однако, въ значительной части случаевъ онѣ могутъ быть объяснены недостаткомъ образованія. Человѣкъ, въ которомъ образованіе возбудило „желаніе лучшей жизни“, не такъ легко направить свои шаги въ кабакъ, танцевальныя залы или домъ терпимости, какъ человѣкъ необразованный; онъ скорѣе устроитъ себѣ семейный очагъ еще и потому, что образованіе даетъ ему больше шансовъ бороться съ бѣдностью. Нужно замѣтить, что ссылка защитниковъ оспариваемаго взгляда на статистическія таблицы, показывающія будто-бы на развитіе образованности въ средѣ преступнаго населенія, совершенно голословна. Въ видѣ общаго правила, какъ свидѣлствуетъ М-г Tarbell объ американскихъ арестантахъ, они невѣжественны и необразованны. $\frac{1}{2}$ тюремнаго населенія Англіи и Уэльса составляютъ лица, не умѣющія вовсе ни читать, ни писать; но кромѣ нихъ, въ тюрьмахъ этихъ странъ насчитываютъ до 34%, умѣющихъ плохо читать и писать, т. е. не могущихъ сдѣлать никакого употребленія изъ этихъ полузнаній: ясно, что этотъ классъ скорѣе нужно отнести къ необразованнымъ; въ такомъ случаѣ, вмѣсто предлагаемой $\frac{1}{3}$, мы получаемъ гораздо болѣе крупную цифру— $\frac{17}{20}$, впавшихъ въ преступленіе по необразованности.

Другія возраженія, приводимыя противъ тюремнаго образованія, основаны или на недостаткѣ въ странѣ учителей, или на дороговизнѣ образованія; первые свидѣлствуютъ о плохомъ состояніи народнаго образованія въ странѣ, измѣнить которое нужно стараться всѣми силами; второе—не больше, какъ отговорка: тюремное образованіе совершенно недорого, и можетъ быть легко окупается самой тюрьмой при правильной постановкѣ въ ней рабочаго вопроса.

Разсмотрѣвъ эти возраженія, мы можемъ теперь перейти къ анализу существа интеллектуальнаго тюремнаго образованія. Здѣсь нашему вниманію представляются слѣдующіе вопросы: какимъ арестантамъ оно должно быть доставляемо? каковъ его объемъ? каковъ его планъ и мѣры, путемъ которыхъ оно доставляется?

По вопросу объ объемѣ лицъ, получающихъ образованіе, большинство тюремныхъ положеній запада различаютъ лицъ преклонныхъ лѣтъ, болѣзненныхъ и получившихъ образованіе выше

1) Jelinger Symons, on crime and density of population, въ Transactions 1858 г. стр. 265 и сл.

2) Нидерландская статистика Mayer'a.

того, которое доставляется тюрьмою, — отъ всѣхъ другихъ арестантовъ. Первые три категоріи обыкновенно не пользуются школьнымъ тюремнымъ образованіемъ. Крайнимъ возрастомъ, выше котораго образованіе въ школѣ не имѣетъ мѣста, по законодательству французскому признается 60 лѣтъ; по англійскому — 40 лѣтъ; въ Бельгіи, для заключенныхъ въ одиночномъ лувенскомъ пенитенціарѣ, школа обязательна безъ различія возрастовъ; для приговоренныхъ къ *reclusion*, не достигшихъ 30 л., она обязательна; перешагнувшіе этотъ возрастъ могутъ, если желаютъ, посѣщать школу, но освобожденіе возможно только съ дозволенія тюремнаго начальства; необязательна также школа для лицъ, заключенныхъ на сроки менѣе 6 мѣсяцевъ. Въ тюрьмахъ Австріи посѣщеніе школы обязательно для лицъ до 35-ти-лѣтняго возраста, не получившихъ надлежащаго образованія въ народныхъ училищахъ. Въ Даніи изъ осужденныхъ къ каторжной работѣ школьное образованіе, отъ 2—3 часовъ въ недѣлю, получаютъ всѣ, не достигшіе 40 лѣтняго возраста; въ другихъ тюрьмахъ только по воскресеньямъ. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ обязательность посѣщенія школы для мужчинъ продолжается до 35-ти лѣтняго возраста, для женщинъ — до 30-ти лѣтняго; болѣе взрослые, по своему желанію, также допускаются къ школѣ, если для нихъ можно ожидать отъ нея пользы и если есть помѣщеніе. Въ Баваріи школа обязательна до 35-ти лѣтняго возраста, добровольна — по достиженіи его; смотритель тюрьмы можетъ освободить отъ посѣщенія школы лицъ, достаточно образованныхъ или не подающихъ надежды на успѣхъ. Въ Пруссіи образованіе получаютъ всѣ безъ исключенія арестанты одиночнаго заключенія; изъ арестантовъ же общаго заключенія преимущество отдается молодымъ предъ стариками и болѣе нуждающимся въ образованіи предъ менѣе нуждающимся въ немъ. Въ Виртенбергѣ посѣщеніе школы обязательно до 30-ти лѣтняго возраста. Въ Италіи никакой возрастъ не опредѣленъ закономъ въ этомъ смыслѣ, но практика отдаетъ предпочтеніе молодымъ предъ стариками. Въ Нидерландахъ, гдѣ школы существуютъ во всѣхъ тюрьмахъ, кромѣ самыхъ мелкихъ полицейскихъ и кантональных мѣстъ заключенія, школьное образованіе обязательно для всѣхъ арестантовъ моложе 40 лѣтъ, не знающихъ читать и писать. Въ Швеціи опредѣленнаго возрастнаго максимума не ставится, требуется лишь, чтобы арестантъ, желающій воспользоваться школьнымъ образованіемъ, не былъ слишкомъ старъ. Въ пенитенціаріяхъ Швейцаріи школьное образованіе ограничивается лицами, не достигшими 45, иногда 50 лѣтъ.

Если мы, затѣмъ, ограничимся арестантами, которые не при-

надлежать ни къ одному изъ исключительныхъ состояній, приведенныхъ выше, и не освобождаются отъ школы, ни по возрасту, ни по медицинскимъ причинамъ, ни по достаточному образованію, полученному ими до поступленія въ тюрьму, ни, наконецъ, по краткосрочности заключенія, то встрѣтимъ въ различныхъ тюрьмахъ слѣдующія три системы. Согласно первой, французской, образованіе есть привилегія немногихъ арестантовъ, даваемая имъ въ видѣ награды за хорошее поведеніе и ревностное исполненіе тюремной работы. Только относительно несовершеннолѣтнихъ школьное образованіе признается общеобязательнымъ. Въ 60-хъ годахъ, въ центральныхъ тюрьмахъ начали образовываться во Франціи особые *quartiers de correction*, куда помѣщаются лица, подающія наибольшія надежды относительно исправленія, и на нихъ тюремная школа обращаетъ особенное вниманіе. Противъ этого взгляда нельзя не замѣтить, что образованіе можетъ быть разсматриваемо, какъ привилегія, только глядя на него съ точки зрѣнія самого арестанта; съ социальной же точки зрѣнія, оно представляетъ необходимую мѣру тюремной дѣятельности, примѣненіе которой тѣмъ необходимо, настоятельно, чѣмъ болѣе представляется испорченнымъ арестантъ. Другая система вводитъ образованіе для всѣхъ арестантовъ, но не какъ обязательную, а какъ добровольную для нихъ мѣру. Она принадлежитъ англо-американскому воззрѣнію и спорить съ третьимъ взглядомъ, продуктомъ германской національности, согласно которому введенное въ тюрьмѣ образованіе должно быть обязательно для всѣхъ арестантовъ; къ нему примкнула ирландская тюремная система, ея же раздѣляютъ многіе пенитенціаріи швейцарскіе. Матеріалы для рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону нужно искать въ болѣе широкомъ полѣ общихъ преній между принципами обязательнаго и добровольнаго народнаго образованія. Замѣчу только, что, кромѣ общихъ соображеній, въ пользу обязательности школьнаго тюремнаго образованія можно привести слѣдующія основанія: а) въ тюрьмѣ государство имѣетъ дѣло съ лицами, уже вступившими на путь преступности и потому представляющими для него большую опасность, чѣмъ члены свободнаго населенія; къ нимъ государство имѣетъ еще большее право примѣнить начала обязательнаго образованія, чѣмъ къ лицамъ послѣдней категоріи; б) въ интересахъ тюремной дисциплины желательно, по возможности, одинаковое распредѣленіе тюремнаго времени для всѣхъ арестантовъ, а добровольность школьныхъ занятій представляетъ для этого весьма важное препятствіе.

Изъ лицъ, составляющихъ тюремное населеніе, по вопросу о школьномъ образованіи высказывается обыкновенно пессимистическій взглядъ

относительно арестантовъ женскаго пола. Замѣчаютъ, что и въ средѣ свободнаго населенія образованіе для женщинъ требуется гораздо меньше чѣмъ для мужчинъ, и потому или совершенно обходятъ его въ тюрьмахъ, или ставятъ его въ чрезвычайно тѣсныя предѣлы сообщаемыхъ званій. Трудно представить себѣ заблужденіе, болѣе грустное своими послѣдствіями. Уголовная статистика показываетъ, что между женщинами рецидивъ распространенъ весьма сильно, нерѣдко сильнѣе мужчинъ, такъ что, напр., въ Англии съ Уэльсомъ, въ Саксоніи, въ Пруссіи женщина представляетъ гораздо большую вѣроятность совершенія новаго преступленія и гораздо чаще впадаетъ въ повтореніе его, чѣмъ мужчина. Очевидно, эта усиленная опасность требуетъ и болѣе энергическаго примѣненія мѣръ тюремной дѣятельности, направленныхъ къ исправленію; весьма замѣтное мѣсто между ними занимаетъ интеллектуальное образованіе.

Затѣмъ, встрѣчаются дѣйствительно категоріи арестантовъ, примѣненіе къ которымъ школьнаго образованія было бы бесполезною тратой времени и силъ. Сюда относятся: а) арестанты краткосрочные; каковъ наименьшій срокъ, при которомъ возможенъ успѣхъ школы, еще не рѣшено; тюремные дѣятели свидѣтельствуютъ, однако, что къ приговореннымъ на 4 мѣсяца и болѣе школьное образованіе можетъ быть примѣняемо съ пользою; б) арестанты, страдающіе болѣзнями, которыя, по заявленію экспертовъ медицины, затрудняютъ усвоеніе сообщаемаго въ школѣ; в) арестанты, получившіе уже ту степень образованія, которая предлагается школою; для нихъ можетъ быть полезна бібліотека и бесѣды, но не школа. Наконецъ, существующія ограниченія по возрасту уже указаны мною.

По объему, школьное образованіе въ современныхъ тюрьмахъ обыкновенно ограничивается чтеніемъ, письмомъ, первыми началами ариеметики, иногда начатками священной исторіи и пѣніемъ. Ясное дѣло, однако, что эти скудныя свѣдѣнія еще не отвѣчаютъ задачамъ тюремной школы, которая, по прекраснымъ словамъ Тарбелля, призвана „дать заключеннымъ высшія мысли и желаніе лучшей жизни“¹⁾. Пенитенціаріи швейцарскіе, каковы Невшательскій и Севъ-Галленская тюрьма Св. Якова, вносятъ въ кругъ школьнаго образованія исторію великихъ людей, знакомя заключенныхъ съ тѣми путями, посредствомъ которыхъ они достигли величія, и тѣми истинами, которымъ они служили. Весьма важно, чтобы сами арестанты сознавали пользу ученія, такъ какъ замѣчено, что въ началѣ принципъ утилитаризма легче всего управляетъ дѣятельностью лицъ,

¹⁾ Tarbell, The prison school, въ цинцинатскихъ Transactions, стр. 194.

входящихъ въ составъ тюремнаго населенія. Тюремныя школы тѣхъ государствъ, которыя, влѣдствіе густаго населенія, желаютъ создать добровольную эмиграцію элементовъ, побывавшихъ въ тюрьмѣ, признали въ послѣднее время необходимымъ сообщать своимъ арестантамъ точныя географическія свѣдѣнія относительно странъ, куда наиболѣе приливаетъ эмиграція; такъ, въ швейцарскихъ пенитенціаріяхъ и ирландскихъ каторжныхъ тюрьмахъ арестанты подробно знакомятся съ географіею Сѣверо-американскаго Союза и условіями, въ которыя поставлена тамошняя жизнь. Еще менѣе эту сторону могутъ игнорировать тюремныя школы тѣхъ государствъ, которыя, подобно Россіи, знаютъ обязательную ссылку: географія и бытоописаніе мѣстностей ссылки въ высшей степени необходимы для арестантовъ.

Планъ школьнаго образованія въ тюрьмахъ, разумѣется, стоитъ въ весьма тѣсной связи съ планомъ свободныхъ школъ.

Взрослые по лѣтамъ арестанты, по замѣчанію Тарбелля, во многомъ напоминаютъ дѣтей, по крупнымъ пробѣламъ въ области знаній, по непривычкѣ къ систематическому мышленію и всякой интеллектуальной работѣ, по своему безразличію къ знанію, характеризующему всѣхъ, у кого не хватаетъ пониманія собственныхъ интеллектуальныхъ потребностей. Но дѣтская любознательность и быстрота памяти успѣли отлетѣть отъ нихъ съ лѣтами, и потому взрослыхъ арестантовъ еще менѣе, чѣмъ дѣтей, цѣлесообразно занимать такими методами преподаванія, которыя сводятъ всю заботу ученика къ запоминанію фактовъ. Особенность ихъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что ихъ мысль не привыкла работать надъ книгою въ томъ направленіи, которое характеризуетъ чловѣка образованнаго. Грамотные люди того класса, къ которымъ принадлежитъ масса арестантскаго населенія, нерѣдко читаютъ очень много, и тюремный бібліотекарь постоянно заваленъ ихъ требованіями; но все со стороны арестанта ограничивается механическимъ процессомъ чтенія, его мысль не работаетъ, потому что она не была дисциплинирована образованіемъ. Отъ того то грамотность пропадаетъ для него почти совсѣмъ бесплодно. Этотъ то пробѣлъ и должно восполнить тюремное образованіе, приучая арестантовъ къ систематическому мышленію и умственной работѣ, дисциплинируя его интеллектъ и дѣлая его способнымъ пользоваться тѣми средствами, которыя предлагаетъ грамотность. Разговорный методъ сообщенія знаній, какъ доказалъ опытъ тюремной школы, оказывается для этого наиболѣе подходящимъ. Школьный учебникъ, принаровленный для этой цѣли и постепенно приводящій къ возможности разумно пользоваться тюремною бібліоте-

кою—дѣло первой важности. Прекрасные образцы я встрѣтилъ въ ирландскихъ каторжныхъ тюрьмахъ.

Душа всей школы, всего тюремнаго образованія—тюремный учитель. Съ обширными знаніями, необходимыми арестантамъ по освобожденіи, или, по крайней мѣрѣ, съ возможностью указать источники пріобрѣтенія ихъ и навести арестанта на мысль о необходимости записаться ими, онъ долженъ соединять способность заглянуть въ cadaго арестанта, найти тѣ психологическія пружины, которыя управляютъ дѣятельностью cadaго изъ нихъ. Гуртовое примѣненіе обученія различныхъ предметовъ ко всеѣмъ арестантамъ было бы весьма крупною ошибкою. Вотъ почему необходимо, чтобы арестанты видѣли въ учителѣ своего друга, а не надсмотрщика; никакое пятно общественнаго порицанія не должно тяготѣть надъ нимъ, и отсюда понятна ошибочность прежняго пріема поручать учительство въ тюремной школѣ грамотнымъ арестантамъ; на этой именно ступени стоятъ русскія тюрьмы военнаго министерства. Получая знанія отъ арестованнаго, заключеннаго, прежде всего, приходитъ къ мысли, что образованіе не спасаетъ отъ тюрьмы; зависимое положеніе учителя, примѣненіе къ нему мѣрѣ тюремной дисциплины, не можетъ не унижать его въ глазахъ арестантовъ. Кромѣ того, арестантъ-учитель, заключенный на опредѣленный срокъ, справедливо считаетъ свое пребываніе въ тюрьмѣ временнымъ и потому не можетъ ознакомиться съ требованіями тюремнаго образованія въ такой степени, какъ свободный человѣкъ, посвящающій себя этому занятію. Наступленіе срока освобожденія его сразу оставляетъ арестантовъ безъ учителя и вынуждаетъ тюремное начальство производить частыя замѣны однихъ учителей другими. Немаловажно также, что учитель-арестантъ не въ состояніи энергически настоять на послѣдовательномъ проведеніи мѣрѣ тюремнаго образованія, ежеминутно встрѣчая непреодолимую преграду въ лицѣ тюремнаго начальства. Образованіе, переставая быть свободнымъ, дѣлается скучнымъ механическимъ занятіемъ, отбываемымъ по формѣ, разъ напередъ установленной.

В. Нравственное и религіозное образованіе. Образованіе интеллектуальное даетъ арестанту необходимое количество знаній, расширяющихъ его умственный кругозоръ и способность къ систематическому мышленію. Но запасшись знаніями и этою снарядкою, онъ можетъ употреблять ихъ ко вреду для общества, можетъ сдѣлаться для него еще болѣе опаснымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ до поступленія въ тюрьму. Задачу противодействовать этому беретъ на себя нравственное образованіе, т. е. обогащеніе арестанта суммою основныхъ нравственныхъ принциповъ, которыми руково-

дителя общество и частное лицо въ своей дѣятельности. Заботясь только объ ознакомленіи его съ такими началами, оно существенно отличается отъ нравственнаго воспитанія, которое стремится къ тому, чтобы арестантъ опредѣлялъ свою дѣятельность началами, данными ему нравственнымъ образованіемъ.

Необходимость ревностныхъ заботъ о нравственномъ образованіи лицъ, заключенныхъ въ тюрьмы, стоитъ внѣ сомнѣнія. Обыкновенно такъ называемые привычные арестанты или не имѣютъ никакихъ понятій о нравственныхъ принципахъ свободнаго общества, о добрѣ и злѣ, правѣ и неправѣ, или же видятъ въ нихъ совершенно произвольныя положенія, созданныя господствующими классами общества исключительно въ свою пользу и въ виду своихъ интересовъ; для слабыхъ же, какъ не участвовавшихъ въ ихъ созиданіи, они ихъ считаютъ необязательными. Эта увѣренность, препятствующая признать за нравственными началами силу объективной истины, заставляющая видѣть въ нихъ только эгоистическое проявленіе взглядовъ господствующихъ классовъ, составляетъ характеристическую черту тюремнаго населенія.

„По недостатку-ли воспитанія, или отъ нетрезвой жизни, или влѣдствіе другихъ причинъ, распознать которыя теперь невозможно,—замѣчаетъ Джонъ Баурингъ,—интеллектуальныя качества преступныхъ классовъ, способность ясно отличать добро отъ зла и взвѣшивать выгоды и рискъ, представляемые преступленіемъ, гораздо ниже обыкновеннаго уровня. Занимаемое ими положеніе должно было имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ, что среди ихъ уваженіе къ личности и имуществу богатыхъ гораздо слабѣе, а окружающая ихъ атмосфера гораздо мрачнѣе, чѣмъ у стоящихъ счастливою волею рока выше ихъ на общественной лѣстницѣ. Ихъ знамена—не наши, а чувства блага и добра, изощренныя у хорошо образованныхъ, у нихъ или вовсе не существуютъ, или существуютъ въ извращенномъ видѣ“¹⁾. Это печальное положеніе вещей вырвало у Вальтера Крафта восторженную, но справедливую тираду: „мы должны познакомить ихъ съ міромъ чести, о которомъ они знаютъ лишь очень и очень немного. Путемъ систематическаго и принаровленнаго для этой цѣли преподаванія, мы должны объяснить имъ все, необходимое для правильнаго хода свободной жизни, указывая не только на справедливость, но и на силу закона, не только на низость, но и на невыгоду преступнаго образа жизни для самого преступника въ

¹⁾ John Bowring, Prison Labour and Discipline, въ Transactions of the society for the promotion of social science 1869 г., стр. 255.

странъ съ организованной полиціей и тюремной системой, рассчитанной на достиженіе тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуются полиціей“¹⁾.

Это послѣднее, повидимому эгоистическое направленіе, рекомендуемое Крафтономъ, какъ ни кажется оно неблаговиднымъ съ перваго взгляда, на самомъ дѣлѣ представляетъ существенное условіе успѣха нравственнаго образованія для заключенныхъ. Общіе нравственные принципы, если они имъ извѣстны, отталкиваются ими потому, что они считаютъ ихъ для себя невыгодными; кража, мошенничество, подлогъ кажутся ими путями, гораздо вѣрнѣе ведущими къ наживѣ, чѣмъ честный трудъ въ потѣ лица. Разбить это убѣжденіе точными данными, доказать, что преступный образъ дѣятельности невыгоденъ для самого преступника, значить сдѣлать добрую половину дѣла въ пропагандѣ истинныхъ нравственныхъ началъ. Сознавъ невыгодность тѣхъ началъ, которыми онъ жилъ до заключенія, арестантъ съ большою охотою постарается ознакомиться съ началами противоположными, ведущими къ благосостоянію. Дженнингъ, бывшій воръ, дававшій потомъ банкетъ своимъ бывшимъ товарищамъ, — лондонскимъ ворами, — засвидѣтельствовалъ годность этого приѣма какъ нельзя больше: въ простой рѣчи, которую онъ держалъ, онъ ограничился сопоставленіемъ того бѣдственнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ, живя кражами, съ тѣмъ обеспеченнымъ и полнымъ довольства положеніемъ себя и всей своей семьи, которое онъ приобрѣлъ путемъ честной дѣятельности, честнаго труда.

Нравственное образованіе въ обширномъ смыслѣ распадается на нравственное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ и образованіе религиозное. Первое знакомитъ арестанта съ общими началами соціальной и индивидуальной нравственности, давая ему точныя понятія о добрѣ и злѣ, о запрещенномъ и незапрещенномъ уголовными законами. Второе примыкаетъ нравственность къ религиознымъ вѣрованіямъ. Обыкновенно то и другое соединяются въ тюрьмахъ въ одинъ видъ, такъ что подъ образованіемъ нравственнымъ разумѣется только религиозное; но есть масса нравственныхъ началъ, раздѣляемыхъ членами самыхъ разнообразныхъ религій и даже такими лицами, которыя не принадлежатъ ни къ одной изъ нихъ. Поэтому то теперь кладется починъ раздѣленія этихъ видовъ, и лувенскій пенитенціарій въ Бельгіи, рядомъ съ религиознымъ, ввелъ у себя нравственное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ. Намекъ на то

¹⁾ W. Crafton, An intermediary Prison materially aid in solving the difficulties of Convict question, въ Transactions 1857 г., стр. 376.

же начало мы встрѣчаемъ въ положеніи о нашихъ военно-исправительныхъ ротахъ, гдѣ постановляется, что, независимо отъ посѣщенія церковной службы и уроковъ по религіи, арестанты выслушиваютъ военно-уголовные законы.

В. Техническое обученіе. Техническое обученіе тоже въ высшей степени необходимо для достиженія различныхъ задачъ тюремной дѣятельности. Сообщая арестанту практическія свѣдѣнія, которыя онъ можетъ примѣнить по освобожденіи, оно готовитъ ему возможность честной жизни по освобожденіи. Мастерства, составляющія предметъ обученія, могутъ быть весьма разнообразны; при выборѣ ихъ необходимо обращать вниманіе какъ на силы и способности арестанта, такъ и на положеніе, которое онъ займетъ въ обществѣ по освобожденіи, и на срокъ заключенія. Кромѣ различныхъ мастерствъ, производимыхъ въ закрытыхъ мастерскихъ, тюремнымъ учрежденіямъ Запада извѣстны плавучія школы для малолѣтнихъ, гдѣ они обучаются матросскимъ занятіямъ, земледѣльческія колоніи для взрослыхъ, дающія имъ разнообразныя свѣдѣнія по огородничеству, садоводству, лѣсному хозяйству и т. п. Наличный спросъ, существующій въ обществѣ, тоже составляетъ весьма важный опредѣлитель при выборѣ того или другаго мастерства. Арестанты, заключенные на короткіе сроки, могутъ быть обучаемы, конечно, только тѣмъ видамъ мастерства, которые требуютъ меньше времени.

Г. Воскресныя бесѣды. Въ заключеніе вопроса о тюремномъ образованіи нужно сказать, что весьма полезною мѣрою служитъ введеніе воскресныхъ занятій и бесѣдъ. Опытъ показываетъ, что воскресные и праздничные дни для тюремъ — самое тяжелое время, влѣдствіе вынужденной праздности заключенныхъ. Въ тюрьмахъ общаго заключенія въ эти дни наиболѣе часты ссоры, драки и иные безпорядки, въ тюрьмахъ одиночныхъ — самоубійства. Поэтому то огромную важность имѣетъ предложеніе доны Ареналь, принятое римскимъ международнымъ конгрессомъ. Ареналь рекомендовала утилизировать праздничные дни для облагороженія вкуса и упражненія воли заключенныхъ. Въ видахъ первой изъ этихъ цѣлей, ею рекомендуются такія занятія, которыя возвышаютъ духъ человѣка, какъ-то: религіозныя бесѣды, строгая музыка, научныя бесѣды, чтеніе книгъ, добрыя дѣла разнаго рода, поддерживающіе въ арестантѣ сознаніе связей съ затюреннымъ обществомъ; въ видахъ второй цѣли, ни одно изъ этихъ занятій не должно быть обязательно, заключенный воленъ обратиться къ любому изъ нихъ, или оставаться въ праздности.

III. Тюремная дисциплина.

Подъ тюремною дисциплиной разумѣется совокупность мѣропріятій, имѣющихъ задачею поддержаніе порядка и спокойствія въ стѣнахъ тюрьмы¹⁾. Существеннымъ условіемъ этого необходимаго элемента тюремной дѣятельности является возможность постоянного и бдительнаго надзора за арестантами со стороны тюремнаго начальства, такъ какъ мѣры тюремной дѣятельности примѣняются имъ.

А. Органы и способы надзора. Тюремный надзоръ состоитъ въ наблюденіи за поведеніемъ и работою арестантовъ. Дѣйствительнымъ онъ остается только въ томъ случаѣ, когда можетъ быть производимъ такъ, что арестантъ вовсе и не подозрѣваетъ надзора; если сами арестанты будутъ убѣждены, что надзоръ производится за ними незамѣтно для нихъ самихъ, то дѣло тюремнаго начальства значительно облегчается. Бентамъ былъ такъ глубоко проникнутъ этою идеей, что считалъ совершенно выполненною значительную часть тюремной дѣятельности, если надзоръ будетъ поставленъ рационально. На него-то онъ и обратилъ преимущественно вниманіе въ своихъ работахъ по тюремному вопросу и создалъ особую тюремную архитектуру, назвавъ свой пенитенціарій паноптикономъ, всевидящимъ: помѣщенные въ мастерскихъ арестанты расположены такъ, что они не видятъ начальниковъ, между тѣмъ какъ главный надсмотрщикъ, помѣщенный въ центрѣ, можетъ ежеминутно наблюдать каждаго арестанта, оставаясь для него невидимымъ. Своему труду Бентамъ предпосылаетъ замѣчаніе, что простою идеею надлежащаго архитектурнаго устройства тюрьмы можетъ быть достигнуто нравственное исправленіе, уменьшены подати, идущія на тюрьмы, гарантировано здоровье арестантовъ и осуществлены другія задачи тюремной дѣятельности.

Успѣхъ тюремнаго надзора предполагаетъ также іерархическую подчиненность органовъ тюремнаго вѣдомства и постоянную отчетность низшихъ предъ высшими.

Тюремная отчетность, служащая основою тюремной статистикѣ, весьма влажна. Получая ежедневные отчеты о числѣ арестантовъ разныхъ отдѣленій, о работахъ, о заболѣвшихъ, выбывшихъ и наказанныхъ, объ отпущенной пищѣ, одеждѣ и т. п., директоръ тюрьмы сводитъ ихъ къ концу опредѣленнаго срока времени и представляетъ центральнымъ тюремнымъ органамъ мѣсячные, трет-

¹⁾ Выраженіе „тюремная дисциплина“ въ англійской литературѣ имѣетъ другой, болѣе широкій смыслъ, обвиняая совокупность всѣхъ мѣръ карательнаго исправленія: въ этомъ смыслѣ я употребляю другое выраженіе, болѣе соответствующее русскому языку—тюремное воспитаніе.

ные, полугодовые и годовые отчеты о своей тюрьмѣ. Англійскій тюремный актъ 1865 г. возлагаетъ на тюремное начальство обязанность вести слѣдующія книги, изъ которыхъ выбирается матеріалъ при составленіи періодическихъ отчетовъ: 1) реестръ арестантовъ по вѣроисповѣданіямъ; 2) именной реестръ всѣхъ арестантовъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ; 3) книгу наказаній; 4) книгу посѣтителей; 5) реестръ вещей, взятыхъ отъ арестантовъ; 6) реестръ арестантскихъ работъ; 7) списокъ книгъ и документовъ, находящихся въ тюрьмѣ; 8) отчетъ о тюремныхъ доходахъ и расходахъ. Положеніе бруксальской тюрьмы, кромѣ этихъ отчетовъ, возлагаетъ на тюремнаго директора обязанность вести дневникъ, въ который, кромѣ вопросовъ финансовыхъ, онъ вноситъ и другія свѣдѣнія, кажушіяся ему достойными вниманія; по истеченіи каждаго 3-хъ мѣсяцевъ, дневникъ этотъ представляется въ м-во юстиціи. Французское законодательство, рассчитанное на большія тюрьмы, рекомендуетъ начальникамъ ихъ говорить съ арестантами не иначе, какъ справляясь съ отмѣтками о ихъ нравственности и основаніяхъ заключенія, которые ставятся низшими органами.

Въ видахъ облегченія надзора, арестантамъ запрещается вносить съ собою въ тюрьму вещи, которыя могутъ быть употреблены ко вреду тюремнаго порядка. Съ этою цѣлью каждый арестантъ, кромѣ подвергающихся самымъ слабымъ видамъ заключенія, тщательнѣе обыскивается; всѣ инструменты, могущіе служить къ побѣгу или насильственному нападенію, и даже деньги и всѣ его вещи, которыми онъ можетъ подкупить низшихъ органовъ, отбираются и хранятся въ тюрьмѣ до освобожденія его. Съ этою-же цѣлью посѣтителямъ запрещается приносить къ нему подобныя вещи.

Заключенный въ тюрьмѣ арестантъ подпадаетъ дѣятельности тюремнаго начальства; только съ его согласія допускаются сношенія его съ внѣшнимъ міромъ; письма, отправляемыя имъ, не должны быть запечатаны, а полученные распечатываются тюремнымъ начальствомъ. Впрочемъ, этотъ принципъ временнаго разобщенія проводится иногда съ неумѣтной крайностью. Во многихъ тюрьмахъ посѣтительскія комнаты устроены такъ, что посѣтитель отдѣляется отъ арестанта двумя проволочными перегородками, между которыми ходитъ часовая или тюремный сторожъ; дѣлается это въ видахъ предупрежденія опасныхъ переговоровъ и передачи опасныхъ инструментовъ, но мѣра эта идетъ дальше своей цѣли, и потому оказывается чрезвычайно тягостной: выказывая постоянное недовѣріе къ арестанту, она ослабляетъ въ немъ желаніе исправиться и нерѣдко составляетъ для него самое тяжкое мученіе, лишая его возможности поговорить по душѣ съ своимъ близкимъ родственни-

комъ. Швейцарскіе пенитенціаріи, напр., Сень-Галленскій и Невшательскій, считаютъ излишними эти перегородки и въ случаяхъ важныхъ, въ видѣ особаго довѣрія къ арестанту, допускаютъ даже свиданія безъ присутствія членовъ тюремной организаціи въ обыкновенной комнатѣ. Всюду визиты допускаются въ опредѣленные дни, обыкновенно въ праздничные и въ одинъ изъ среднихъ дней недѣли; исключеніе составляетъ англійское законодательство, которое не допускаетъ свиданій въ воскресные дни. Частота свиданій для каждаго арестанта ограниченная, завися отъ рода и тяжести того заключенія, которому онъ подвергнутъ; только подвергаемые простому аресту могутъ принимать визиты ежедневно или, какъ въ Англии и Германіи, 2—3 раза въ недѣлю; арестанты же болѣе тяжкіе имѣютъ право принимать визиты черезъ 1, 2, 3 мѣсяца или даже по истеченіи болѣе продолжительныхъ сроковъ времени. Визиты допускаются лишь днемъ; на ночь въ тюрьмѣ не можетъ оставаться ни одно постороннее лицо: правило это категорически выражено въ англійскомъ законодательствѣ. Въ свою очередь, органы тюремнаго надзора обязаны жить при тюрьмѣ, исключая тѣхъ, дѣятельность которыхъ ограничивается дневными занятіями, каковы: тюремный священникъ, учитель, надсмотрщики за работами и т. д. Законодательство французское и англійское обязываютъ тюремнаго директора и нѣкоторыхъ другихъ лицъ жить непремѣнно въ тюрьмѣ, въ особомъ помѣщеніи, устраиваемомъ для того; въ Германіи это правило не всюду соблюдается съ такимъ педантизмомъ, такъ что, напр., директоръ бруксальской тюрьмы живетъ въ частномъ домѣ, расположенномъ у самой тюрьмы.

Озаботившись о предупрежденіи вреда внѣшнихъ сношеній, тюремное начальство сталкивается затѣмъ съ необходимостью принять мѣры обезпеченія надзора противъ неблагопріятныхъ элементовъ, которые могутъ создаться внутри тюремныхъ стѣнъ. Съ этою цѣлію оно заботится о предупрежденіи вреднаго вліянія однихъ арестантовъ на другихъ, что достигается занятіемъ арестантовъ образованіемъ и работою, которое не оставляетъ времени ихъ близкому знакомству, и системами размѣщенія арестантовъ. Съ ними мы уже знакомы по предыдущему изложенію; здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что и одиночная система, и различныя системы классификаціи арестантовъ, имѣютъ одну и ту же общую имъ цѣль — предупредить вредныя вліянія между арестантами, уничтожить арестантское товарищество, скрѣпляющее людей во имя преступленія, дающее каждому члену новыя силы для совершенія нарушеній по выходѣ изъ тюрьмы и для борьбы съ тюремнымъ порядкомъ во время заключенія. Предупредить ее — первое дѣло тюремной дѣя-

тельности, и такія тюрьмы, гдѣ арестанты безпрепятственно могутъ убивать другъ друга и составлять заговоры для нападенія на тюремное начальство, какъ наши, отнюдь не могутъ претендовать на разрѣшеніе тюремныхъ задачъ. Коммисія, работавшая подѣ предсѣдательствомъ графа Соллогуба, увлекшись національнымъ институтомъ артели, существующимъ у насъ среди свободнаго населенія, и поставивъ себѣ задачею перенести его въ тюремныя стѣны, существенно грѣшитъ противъ этого начала. По мысли коммисіи, арестанты исправительныхъ домовъ и каторжныхъ тюремъ составляютъ изъ себя потребительно-производительныя артели, члены которыхъ связаны взаимною солидарностью и выбираютъ каждая своего представителя. Коммисія употребила все усилія, чтобы связать артельщиковъ возможно прочнѣе: при побѣгѣ одного изъ нихъ отвѣчаютъ все, награды также даются всей артели, вообще тюремное начальство сталкивается въ тюрьмѣ только съ артелями, а не съ отдѣльными ихъ членами. Въ нашей литературѣ эта мысль поддерживается также г. Ядринцевымъ въ прекрасномъ сочиненіи его „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“. Указывая, что уже теперь арестанты тюремъ и ссылки успѣли образовать изъ себя прочную корпорацію, которая вступаетъ въ коллизіи съ тюремнымъ начальствомъ, принимаетъ на себя отвѣтственность за каждаго члена и хлопочетъ о льготахъ для нихъ, г. Ядринцевъ рекомендуетъ упрочить ея внутреннюю организацію и признать за арестантскою общиною значеніе элемента, объединяющаго арестантовъ. Теперь, по сознанію самого г. Ядринцева, община производитъ въ тюрьмѣ лишь весьма невыгодныя для тюремныхъ задачъ послѣдствія, закрывая собою арестантовъ и выступая коллективною силою противъ распоряженій и мѣръ начальства; она сдаетъ на откупъ тюремные майданы, покровительствуетъ бродягамъ самымъ испорченнымъ, подкупаетъ сторожей для проноса водки, принимаетъ все мѣры для сокрытія арестантскаго разгула отъ тюремнаго начальства и даже энергически содѣйствуетъ побѣгамъ тѣхъ изъ арестантовъ, которые, по ея мнѣнію, заслуживаютъ свободы. Но если, замѣчаетъ Ядринцевъ, злоупотребленія тюремной дѣятельности будутъ уничтожены, если будетъ поставлено тюремное начальство, уважающее законъ, и введены серьезныя занятія для арестантовъ, наполняющія ихъ время, то и злоупотребленія арестантской общины падутъ сами собой. Это, однако, весьма сомнительно. До сихъ поръ арестантская община привела только къ злоупотребленіямъ, и существованіе ея въ нашихъ тюрьмахъ объясняется лишь слабостью тюремнаго начальства, которое, будучи лишено рациональныхъ мѣръ тюремной дѣятельности, дало арестантамъ возможность

сплотиться. Артельное начало въ стѣнахъ тюрьмы создаетъ солидарность между арестантами и тѣ предѣлы, которые желаетъ поставить ей законодательство, никогда не могли быть поддержаны; солидарность по распредѣленію работы, по наградамъ и наказаніямъ, необходимо вызоветъ солидарность вкусовъ и развлеченій, необходимо сблизитъ самымъ тѣснымъ образомъ всѣхъ арестантовъ между собою. Требуя отъ артели выбора артельного старосты, сама коммисія Соллогуба даетъ членамъ ея всѣ мѣры для сближенія, такъ какъ выбирать можно того только, на кого можно надѣяться, кто хорошо извѣстенъ съ опредѣленной стороны. Коммисія полагаетъ, что, въ виду собственныхъ интересовъ, сама артель будетъ предупреждать нарушенія тюремной дисциплины со стороны своихъ членовъ; если это и вѣрно, то никакъ не болѣе какъ относительно явныхъ нарушеній, на примѣръ, побѣговъ, нарушенія же, выгодныя для артели и которыя она можетъ сдѣлать негласными, этимъ порядкомъ вещей отнюдь предупреждены быть не могутъ: артель создала майданы, ей невыгодно уничтожить ихъ. Имѣя же постоянную возможность негласно проводить тюремное начальство, члены артели будутъ подчиняться ему только внѣшнимъ образомъ, и мѣры тюремной дѣятельности осуждаются на полное безсиліе. При этомъ порядкѣ вещей, для арестанта существуетъ два начальства, съ разными запросами, съ различными задачами: начальство тюремное и начальство артельное—община. Подчиняясь первому наружнымъ образомъ, онъ долженъ всецѣло принадлежать второму, не противорѣчить его вкусамъ и желаніямъ, не выдавать его интересы и предположенія, нерѣдко направленные на разгулъ и новыя преступленія по освобожденіи. Въ артели онъ запасается товарищами, испытанными въ тюрьмѣ, и съ помощью ихъ смѣлѣе можетъ броситься въ преступный образъ жизни, какъ только двери тюрьмы для него откроются. Словомъ, артельное начало, желательное среди свободнаго населенія, имѣетъ массу такихъ сторонъ, которыя заставляють отрицательно отнестись къ допущенію его за тюремныя стѣны.

Чтобы не возвращаться болѣе къ артельному началу, приведу еще одно соображеніе, говорящее противъ него. Задача тюремной дѣятельности состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы приучить арестанта дѣйствовать самостоятельно, стоя какъ можно болѣе независимо относительно вліяній, которыхъ не одобряетъ его нравственный голосъ. По освобожденіи, арестантъ обыкновенно не можетъ поступить сразу въ среду свободнаго общества, не можетъ имѣть около себя кружокъ людей честныхъ: ему придется или жить нѣкоторое время изолированно, или вступить въ кружокъ преступниковъ. Я уже замѣтилъ, что артель приводитъ къ послѣднему. Но предположимъ счастливое совпаденіе обстоятельствъ, въ виду котораго

арестантъ выбралъ и остановился на первомъ. И тутъ тюремная артель успѣла подготовить массу условій, дѣлающихъ невозможнымъ для арестанта держаться этого пути. Какъ извѣстно, въ артели человѣкъ привыкаетъ дѣйствовать совмѣстно; его индивидуальный починъ ничтоженъ, его способность прокладывать себѣ дорогу своими собственными силами значительно ослабѣла. Долго держаться онъ не въ силахъ, предъ нимъ скоро открывается перспектива новаго преступленія, а затѣмъ — и острога.

Такимъ образомъ, предупрежденіе какихъ бы то ни было вліяній одного арестанта на другаго составляетъ непремѣнное условіе тюремной дисциплины. Но и при этомъ со стороны отдѣльныхъ арестантовъ могутъ встрѣтиться нарушенія тюремнаго спокойствія и отступленіе отъ правилъ, установленныхъ для тюрьмы; предупреждается это ознакомленіемъ арестантовъ съ тюремными правилами, а для противодѣйствія нарушенію ихъ, въ руки тюремнаго начальства вручается власть примѣненія дисциплинарныхъ взысканій и наградъ къ заключеннымъ.

Во всѣхъ тюрьмахъ, хорошо организованныхъ, въ помѣщеніяхъ для арестантовъ выставлены извлеченія изъ тюремныхъ правилъ, содержація въ себѣ главнѣйшія указанія о правахъ и обязанностяхъ арестантовъ. Это признано необходимымъ для того, чтобы каждый арестантъ могъ сообразовать съ ними свои поступки и не отговаривался бы невѣдніемъ при нарушеніи ихъ. Обязанности, указываемыя тюремными правилами, были въ прежнее время весьма мелочны и всякое нарушеніе ихъ подвергалось тяжкимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ; строгость послѣднихъ теперь значительно пала.

В. Дисциплинарныя проступки и наказанія. Проступки, совершенныя арестантами, относятся или къ области общихъ преступленій, предусматриваемыхъ уголовнымъ кодексомъ, или къ особымъ нарушеніямъ тюремной дисциплины, совершенно безразличнымъ или имѣющимъ иной характеръ въ глазахъ общаго кодекса. Эта то послѣдняя рубрика и страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, противъ котораго ратовалъ еще капитанъ Мэконочи: излишнею регламентаціей, ведущею къ тому, что теряется почти всякое различіе между проступками, которыми нарушаются начала нравственности, и тѣми, которые чисто условны. Число послѣднихъ обыкновенно очень велико и важность ихъ преувеличена. Усиленнымъ преслѣдованіемъ ихъ изнуряется духъ арестантовъ, истощается ихъ повиновеніе. Важно поэтому избѣгать такой ошибки и запрещать подъ угрозой взысканій лишь то, что дѣйствительно подлежитъ запрету.

Дисциплинарныя взысканія за эти проступки, практикуемыя тюрьмами нашего времени, весьма различны. Тѣмъ не менѣе, однако, можно указать нѣсколько прочныхъ общихъ началъ, къ осу-

щественію которыхъ пришли или стремятся тюрьмы, сознавшія свои задачи борьбы съ преступностью.

Первое начало, стоящее во главѣ всей системы дисциплинарныхъ взысканій, составляющее узелъ, изъ котораго вытекають остальные принципы ихъ, можно формулировать такимъ образомъ: мѣры тюремныхъ взысканій должны быть согласны съ воспитательными задачами тюремной дѣятельности и отнюдь не противорѣчить имъ. Ниже, говоря о тюремномъ воспитаніи, мы будемъ имѣть случай подробнѣе ознакомиться съ задачами этого рода; теперь же о нихъ достаточно будетъ сказать слѣдующее. Тюремное образованіе стремится къ развитію интеллекта, расширяя сумму научныхъ, нравственныхъ и техническихъ познаній арестанта; тюремное воспитаніе беретъ на себя развитіе характера арестантовъ, стараясь сообщить ему энергію, необходимую для примѣненія послѣ освобожденія тѣхъ нравственныхъ началъ, которые усвоены путемъ образованія. Отсюда ясно, что мѣры взысканія, безчестящія арестанта въ глазахъ его товарищей и такимъ образомъ ослабляющія его энергію; мѣры, возбуждающія въ немъ отвращеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыя необходимы для успѣшнаго движенія по пути честной дѣятельности; мѣры, уничтожающія въ арестантахъ соревнованіе тюремному начальству въ его дѣятельности, направленной къ борьбѣ съ личнымъ состояніемъ преступности, — отнюдь не могутъ быть одобрены. Тамъ, гдѣ успѣхъ тюремныхъ мѣръ зависитъ исключительно отъ добровольнаго служенія имъ со стороны арестанта, всякія принудительныя мѣры дисциплины окажутся неумѣстными; странно было бы, напр., наказывать арестантовъ за дурные успѣхи въ школѣ или за слабую религіозность. Равнымъ образомъ было бы совершенно неумѣстно наказывать арестантовъ посылкою ихъ въ школу, и въ такой же степени неумѣстно видѣть въ родѣ или продолжительности работы одно изъ карательныхъ средствъ. Отбывая работу въ видѣ наказанія, арестантъ привыкаетъ видѣть въ ней удѣлъ обиженныхъ судьбою, и въ результатѣ окажется стремленіе всѣми силами избѣгать такой работы.

Другое начало экономического свойства. Многія преступленія, рядомъ съ вредомъ общественнымъ, въ виду котораго они вызываютъ личныя кары, причиняють вредъ частный, оцѣнимый на деньги. Не говоря уже о соображеніяхъ гражданскихъ, весьма важныя уголовнополитическія соображенія побуждаютъ государство озаботиться, чтобы виновный вознаградилъ и этотъ вредъ. Многія преступленія разсматриваются виновными ихъ, какъ средства наживы, какъ болѣе легкое средство обогащенія, чѣмъ честный трудъ. Противодѣйствовать этому мнѣнію, значитъ устранять одинъ изъ

сильных импульсов преступности. Вот почему в тюрьмах Северо-Американского Союза обращают весьма серьезное внимание на вопрос гражданского вознаграждения и там строго обязывают арестанта отработать ту сумму, которая составляет ущерб, нанесенный его преступлением: задѣльная плата идетъ частью въ пользу тюрьмы, частью въ пользу потерпѣвшаго. Потому же тѣ проступки арестантовъ, которые состоятъ въ поврежденіи тюремнаго имущества, уполномочиваютъ тюремное начальство дѣлать вычеты изъ арестантскихъ средствъ; начало это высказано французской тюремной инструкціей 30 октября 1841 г. и подтверждено циркуляромъ 20 марта 1869 г.¹⁾ На томъ же основаніи мѣры дисциплинарныхъ взысканій, назначаемаы тюрьмою, кромѣ крайнихъ случаевъ, не должны мѣшать осуществленію этой обязанности вознаграждать потерпѣвшаго, лежащей на арестантѣ.

Третье начало касается опредѣленія дисциплинарныхъ взысканій. Угнетенные обществомъ, нерѣдко обиженные судьбою, арестанты весьма чувствительны къ несправедливости. Желая укоренить въ нихъ мысль, что только путемъ справедливости можно достигнуть благосостоянія, что тѣ лишенія, которымъ они временно подвергаются, диктуются исключительно началами справедливости, тюремное начальство обязано заботиться о томъ, чтобы взысканія налагались какъ можно безпристрастнѣе.

Разсмотрѣвъ эти общія начала, перейдемъ теперь къ указанію дисциплинарныхъ взысканій въ разныхъ государствахъ.

Дисциплинарныя кары, употребляемыя въ мѣстныхъ (local prisons) тюрьмахъ Англій и Уэльса по непосредственному распоряженію смотрителя тюрьмы, суть: заключеніе въ темной комнатѣ до 3-хъ дней на хлѣбъ и на воду, простое заключеніе въ келью безъ этой прибавки, лишеніе работы и другія болѣе слабыя мѣры, какія онъ признаетъ необходимыми; по распоряженію визирующихъ судей и инспекціи, заключеніе въ темной кельѣ на хлѣбъ и на воду можетъ быть назначено на срокъ до 1 мѣсяца. Тѣлесное наказаніе можетъ быть примѣняемо только относительно тѣхъ арестантовъ, которые присуждены къ тяжелой работѣ или къ каторжному заключенію. Въ тюрьмахъ каторжныхъ (convict pr.) самое тяжкое наказаніе—cat, бичеваніе до 30-ти ударовъ кошкою (ременная 3-хъ конечная плеть), при чемъ осужденный привязывается къ особому снаряду, устраивающемуся различно и отнимающему у него возможность движенія; кромѣ этого наказанія, въ каторжныхъ тюрьмахъ, по непосредственному распоряженію смотрителя, могутъ быть назначаемы заключеніе въ темной комнатѣ до 1 мѣсяца и другія болѣе слабыя взысканія, какъ-то: заключеніе въ свѣтлой комнатѣ безъ работы и съ уменьшенной порціей, лишеніе права корреспонденціи и визитовъ, выговоры и проч.; по распоряженію инспекторовъ, визирующихъ тюрьмы, заключеніе въ темной комнатѣ на хлѣбъ и на воду можетъ быть продолжено до 3-хъ и даже, въ крайнихъ случаяхъ, до 6-ти мѣсяцевъ. Въ

¹⁾ Code de prisons, т. IV, стр. 442.

пріютахъ для несовершеннолѣтнихъ допускаются тѣлесныя наказанія розгамъ въ видѣ отеческаго наставленія.

Во Франціи, по уст. угол. судопр. (ст. 614), допускается заключеніе арестанта одиночно и наложеніе цѣпей, какъ мѣра противъ буйства и насилій съ его стороны противъ лицъ, находящихся въ тюрьмѣ; высшая тюремная администрація весьма часто вооружается противъ тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства: *frapper un homme, c'est l'avilir sans le corriger*, говоритъ инструкція о внутреннемъ тюремномъ порядкѣ 22 марта 1816 г.; она рекомендуетъ уединеніе арестанта на хлѣбъ и на воду, болѣе или менѣе продолжительное, смотря по роду вины. Путемъ правительственныхъ распоряженій, тамъ установилась слѣдующая система взысканій для департаментскихъ тюремъ, покоящаяся главнымъ образомъ на регламентѣ 30 октября 1841 года: заключеніе на хлѣбъ и на воду; заключеніе въ тюремную келью, *sachot*, съ тѣмъ однако, чтобы она не помѣщалась въ подвальныхъ этажахъ и не представлялась опасною для здоровья; лишеніе права прогулокъ, права посѣщенія школы, принятія визитовъ, корреспонденціи, принятія вспоможеній извнѣ и части или всей задѣльной платы; лишеніе права пользоваться тюремнымъ буфетомъ (*capitine*) и другія болѣе слабыя мѣры тюремныхъ взысканій, какъ-то: выговоры, замѣчанія и пр. Въ домахъ центральныхъ, назначаемыхъ для арестантовъ на сроки свыше 1 года, кромѣ каторги (женщины, осуждаемыя на каторгу, поступаютъ въ дома центральные), циркуляръ 10 мая 1839 года устанавливаетъ слѣдующія дисциплинарныя взысканія: запрещеніе прогулки на дворѣ; запрещеніе пользоваться тюремнымъ буфетомъ; запрещеніе свиданій съ родными; одиночное заключеніе съ работой или безъ работы; заключеніе въ цѣпи, въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 614 Уст. Уг. Судопр. Такимъ образомъ, система дисциплинарныхъ взысканій тамъ и здѣсь одинакова, развитыя только порядкомъ назначенія ихъ: въ тюрьмахъ департаментскихъ они назначаются смотрителемъ, въ домахъ центральныхъ—префекторскимъ засѣданіемъ, судящимъ подъ предѣтельствомъ директора тюрьмы и состоящимъ изъ вице-директора, инспектора, учителя (и духовника, если онъ присутствуетъ) и нѣкоторыхъ другихъ тюремныхъ органовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Что касается затѣмъ тюремъ каторжныхъ, то здѣсь существуютъ: заключеніе въ темный карцеръ, тѣлесное наказаніе и сковываніе въ кандалы по двое. Наконецъ, въ учрежденіяхъ для несовершеннолѣтнихъ, вопреки англо-уэльской практикѣ, французское правительство запрещаетъ тѣлесныя наказанія, допуская, согласно регламенту 10 апрѣля 1869 года слѣдующія мѣры (ст. 97): лишеніе рекреаций, свиданій и корреспонденціи; ношеніе дисциплинарнаго платья, ставленіе на колѣни, отправка на черную работу; лишеніе заслуженныхъ отличій, галуновъ, вѣрительныхъ должностей; выговоры наединѣ и публично, изолированіе во время трапезы, вычеркиваніе имени съ похвальной доски и заключеніе въ карцеръ. Затѣмъ, всѣ остальные наказанія строго запрещены.

Въ Россіи мѣры дисциплинарныхъ взысканій различны, смотря по мѣсту заключенія; такъ, при простомъ арестѣ, согласно Высоч. утвержд. мнѣнію Государствен. Совѣта 1866 г. (ст. 22), назначаются выговоры, денежныя взысканія до 50 р. и комната безъ свѣта до 1 дня, въ болѣе тяжкихъ случаяхъ—наказанія по судебному приговору. Для арестантовъ тюрьмы допускаются: уменьшеніе пищи; запрещеніе говорить; званіе чиновныхъ од-

нимъ только именемъ, при крещеніи даннѣмъ, а не по отчеству; заключеніе въ свѣтлую комнату уединенія на срокъ отъ 1 сутокъ до 1 недѣли; заключеніе въ темную комнату уединенія на срокъ отъ 1 до 3 дней (250 уст. о сод. подъ стр.); тѣлесныя наказанія розгами нынѣ для арестантовъ тюремнаго заключенія не допускаются. Содержащіеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ за маловажные проступки подвергаются выговору, аресту въ темномъ карцерѣ до 2-хъ дней, лишенію горячей пищи до 14 дней, а за болѣе важныя—наказанію розгами до 30 и даже до 100 ударовъ, бритью половины головы и заковыванію на время въ кандалы (ст. 303, 304 уст.). Прежняя, весьма строгая дисциплинарная система отвѣтственности сыльно-поселенцевъ и сыльно-каторжныхъ, которые при извѣстныхъ условіяхъ могли быть подвергаемы наказанію шпицрутенами до 6.000 ударовъ, значительно смягчена указомъ 28-го октября 1871 года, уравнившимъ мужчинъ съ женщинами, такъ что теперь шпицрутены уступили свое мѣсто плетямъ до 100 ударовъ; кромѣ этой мѣры, для нихъ существуютъ продолженіе срока заключенія, приковываніе къ тачкѣ и другія, болѣе слабыя взысканія.

Такова картина дисциплинарныхъ взысканій въ разсмотрѣнныхъ нами странахъ. Остается взглянуть на каждое изъ нихъ и опредѣлить, соотвѣствуютъ-ли они тѣмъ началамъ, осуществленію которыхъ призваны служить мѣры дисциплинарныхъ взысканій.

Заключеніе въ цѣпи во Франціи допускается для тюремъ Уставомъ угол. судопр., ст. 614 котораго постановляетъ: „Если арестантъ оказывается виновнымъ въ угрозахъ, оскорбленіи и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ тюремныхъ сторожей, ихъ начальниковъ или другихъ заключенныхъ, то строгость заключенія увеличивается, онъ можетъ быть заключенъ опшочно, на него могутъ быть даже наложены цѣпи въ случаяхъ бѣшенства и тяжелыхъ насилій, независимо отъ другихъ наказаній, которымъ можетъ дать мѣсто его проступокъ“. Здѣсь цѣпи назначаются какъ мѣра безопасности. Согласно общему тюремному регламенту 30 октября 1841 г., заключеніе въ цѣпи примѣняется ко всѣмъ арестантамъ, осужденнымъ къ каторжной работѣ, а къ арестантамъ другихъ категорій только въ случаяхъ, обозначенныхъ ст. 614 Уст. Угол. Судопр. На практикѣ ножныя цѣпи на ночь снимаются, руки заковываются свади только въ крайнихъ случаяхъ. Циркуляръ 20 марта 1869 года рекомендуетъ самое осторожное примѣненіе этой мѣры: предварительно должны быть испытаны другія, менѣе тяжкія, и только, если онѣ оказываются неэффективными, тюремное начальство можетъ прибѣгать къ цѣпямъ. Въ Англіи цѣпи примѣняются только для арестантовъ каторжныхъ тюремъ, въ случаѣ покушенія на побѣгъ и насильственныхъ дѣйствій. Въ Германіи цѣпи вышли изъ употребленія. Австрія знаетъ ихъ до сихъ поръ только относительно тяжелыхъ арестантовъ, какъ мѣру дисциплинарныхъ взысканій. Еще шире объемъ примѣненія ихъ въ Россіи: у насъ, какъ во Франціи, цѣпи примѣняются ко всѣмъ арестантамъ каторжныхъ работъ; точныхъ постановленій о примѣненіи ихъ къ другимъ арестантамъ у насъ не имѣется.

Тѣлесныя наказанія среди свободнаго населенія болѣе и болѣе вымираютъ; но однородныя соображенія, имѣютъ полную силу и въ стѣнахъ тюрьмы. *Frapper un homme c'est l'avilir sans le corriger*, замѣчаетъ одинъ изъ циркуляровъ Воблана, французскаго министра внутреннихъ дѣлъ далеко не либеральныхъ временъ первой реставраціи. Унизая арестанта,

они противодействуют въ немъ духу соревнованія, ожесточаютъ его противъ тюремнаго начальства и мѣшаютъ его нравственному исправленію. Коммисія, работавшая подъ предсѣдательствомъ гр. Соллогуба, изгоняетъ ихъ изъ краткосрочныхъ и среднесрочныхъ мѣстъ заключенія, удерживая только для долгосрочныхъ.

Продолженіе срока заключенія, какъ мѣра дисциплинарнаго взыскапія, тоже далеко не можетъ быть одобрена. Мѣра лишеній опредѣляется судебнымъ приговоромъ, и переходитъ за предѣлы ея, — значитъ вводить административную расправу, подрывающую силу общей юстиціи. Назначеніе этого взыскапія при участіи суда предлагается нѣкоторыми лицами (фанъ-Гаммель), но этотъ вопросъ еще не дозрѣлъ.

Уменьшеніе пищи также встрѣчаетъ много противниковъ; выходя изъ того взгляда, что арестантъ получаетъ лишь необходимое для существованія количество пищи, они замѣчаютъ, что спекулировать на пищу значило бы спекулировать на здоровье арестантовъ. Замѣчаніе это не лишено вѣса; строить систему дисциплинарныхъ взыскапіи на уменьшеніи пищи, какъ мѣрѣ самостоятельной, весьма вредно и неполитично, такъ какъ при тюрьмѣ состоятъ лица, интересъ которыхъ въ томъ, чтобы арестанты меньше ѣли; сталкиваясь съ этимъ мотивомъ, тюремнаго начальство имѣетъ значительный соблазнъ какъ можно чаще сокращать арестантскую порцію, а при постоянномъ повтореніи, это легко можетъ отразиться весьма вредно на арестантскомъ здоровьи. Однако, мѣра эта до сихъ поръ остается во всѣхъ лучшихъ тюрьмахъ, потерявъ лишь характеръ самостоятельнаго взыскапія, и причина этого весьма ясна. Нормальная арестантская порція рассчитана на работающаго арестанта, на человѣка, занятаго физическимъ трудомъ и требующаго значительную сумму питательныхъ средствъ для обновленія силъ; арестантъ, подвергающійся наказанію, которое состоитъ въ отнятій работы или имѣетъ ее своимъ послѣдствіемъ, безъ вреда для здоровья можетъ быть временно посаженъ на умѣренную порцію. Сохранить эту мѣру въ такомъ видѣ неопасно и потому, что лица, интересъ которыхъ состоятъ въ возможно меньшемъ потребленіи пищи арестантами, заинтересованы, съ другой стороны, тѣмъ, чтобы арестанты отправляли свои работы.

Еще менѣе умѣстны такія позорящія наказанія, какъ бритье головы, допускаемое нашимъ законодательствомъ.

Заключеніе въ одиночную келью на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, съ лишеніемъ работы или оставленіемъ ея, есть главная дисциплинарная мѣра, которою начинаютъ ограничиваться тюрьмы нашего времени; лишеніе свѣта допускается настолько, насколько оно не грозитъ вредными санитарными послѣдствіями. Кромѣ того, въ тюрьмахъ Швейцаріи и Ирландіи съ успѣхомъ примѣняется запрещеніе корреспонденціи, свиданія и другія болѣе слабыя мѣры. Лишеніе доступа въ школу, практикуемое съ этимъ значеніемъ во Франціи, не рекомендуется, потому что, чѣмъ испорченнѣе арестантъ, тѣмъ нужнѣе для него школа съ точки зрѣнія общественной пользы.

На стокгольмскомъ конгрессѣ вопросъ о дисциплинарныхъ взыскапіяхъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что взыскапія, соединенныя съ тѣлесными наказаніями, признаны неумѣстными; они унижаютъ въ глазахъ арестантовъ какъ самого арестанта, наказывае-

маго, такъ и тюремное начальство, прибѣгающее къ такимъ мѣрамъ. На вопросъ же, какая система взысканій даетъ возможность обходиться безъ нихъ, конгрессъ рекомендовалъ слѣдующія мѣры: 1) выговоръ и 2) лишенія: льготъ (чтенія и проч.), работъ, мебели, переводъ въ особую келью (темную или свѣтлую) съ постелью, или безъ постели¹⁾. Причемъ было высказано, что лишеніе пищи неудобно, такъ какъ такая мѣра можетъ невыгодно отозваться на здоровьи арестанта; также неудобно и запрещеніе пользоваться буфетомъ (cantine), впрочемъ и самое существованіе буфета не желательно.

Чѣмъ рѣже примѣняются дисциплинарныя взысканія, тѣмъ лучше для интересовъ тюремной дѣятельности: всякое наказаніе отнимаетъ время отъ тюремной работы или отъ тюремной школы; примѣняя наказаніе, тюремное начальство часто рискуетъ ошибиться, наказать менѣе виновнаго, оставивъ безъ взысканія болѣе виновнаго, а этимъ между преступниками возбуждается неудовольствіе и неприязнь къ тюремному начальству. Вотъ почему тюремная система, требующая частое примѣненіе дисциплинарныхъ наказаній, сводящая значительную часть времени тюремнаго начальства на разбирательство арестантскихъ проступковъ и назначеніе за нихъ наказаній, по справедливости, считается системою весьма слабою. Благодаря этому именно соображенію, у оборнской системы такъ много враговъ, потому что обязанность молчанія, вводимая ею при общности арестантовъ, нарушается весьма часто и требуетъ, чтобы всѣ тюремныя взысканія были постоянно наготовѣ. „Обыкновенные тюремщики, замѣчаетъ капитанъ Мэночи, довѣряютъ исключительно силѣ. Они воображаютъ, что можно ломать людей какъ прутья, или какъ тѣсто забивать ихъ въ каменные формы. Высшимъ началамъ человѣческой природы они позволяютъ дремать въ своихъ тюрьмахъ; они не даютъ почвы для ихъ дѣятельности, не обращаются ни къ чему, кромѣ непосредственнаго повиновенія“. Понятно, такимъ путемъ кое какъ можно еще сдѣлать хорошихъ, пока послушныхъ, арестантовъ, но отнюдь мы не добьемся изъ нихъ хорошихъ людей.

Необходимое восполненіе дисциплинарныхъ взысканій составляютъ награды, даваемыя арестантамъ за заслуги ихъ въ дѣлѣ тюремной работы, образованія и поведенія.

III. Тюремное воспитаніе.

Строго говоря, вся совокупность мѣръ тюремной дѣятельности, обнимающая тюремную работу, тюремное образованіе и тюремную

¹⁾ Salle de discipline.

дисциплину, направлена къ воспитанію арестантовъ въ началахъ, требуемыхъ цѣлями общезжитія. Но, составляя ихъ конечную цѣль, являясь ихъ заключительнымъ результатомъ, тюремное воспитаніе можетъ быть разсматриваемо и какъ понятіе совершенно самостоятельное.

Образованіе ума, обогащеніе его суммою научныхъ, нравственныхъ и техническихъ познаній, необходимыхъ для арестанта на случай освобожденія, поддержаніе въ немъ запаса рабочихъ силъ и рабочихъ привычекъ, — вотъ ближайшая цѣль тѣхъ мѣръ тюремной дѣятельности, которыя разсмотрѣны нами. Тюремное воспитаніе, стоя на этой почвѣ, стремится образовать характеръ арестанта; не довольствуясь расширеніемъ его умственного капитала, оно стремится къ тому, чтобы арестантъ умѣлъ пользоваться имъ по освобожденіи, пользоваться притомъ съ соблюденіемъ своихъ и общественныхъ интересовъ; не ограничиваясь сообщеніемъ ему рабочихъ свѣдѣній, оно стремится къ тому, чтобы арестантъ получилъ желаніе примѣнять ихъ къ дѣлу и стать на путь честной жизни.

Ясно, силою, наказаніями этого результата достигъ нельзя. Обращаясь съ арестантомъ, какъ съ автоматомъ, и сдѣлавъ все возможное для ослабленія въ немъ человѣческаго достоинства, нечего затѣмъ удивляться его нравственной испорченности. Только въ такомъ случаѣ, когда въ арестантѣ будетъ развито свободное соревнованіе (соорегation) задачамъ исправленія, возможна надежда достигъ его на самомъ дѣлѣ. А для этого мѣры тюремной дѣятельности должны не столько подавлять арестанта, сколько приобрести надъ нимъ духовное вліяніе. Соревнованіе является тогда, когда человѣкъ видитъ выходъ изъ печальнаго положенія къ болѣе радостному; имѣя передъ глазами послѣднее и тѣ препятствія, которыя представляются ему, человѣкъ, по присущему ему чувству эгоизма, постарается преодолѣть, побороть ихъ, а борьба съ препятствіями и есть лучшая школа исправленія.

Эти то мысли легли въ основу практической дѣятельности капитана Мэконочи, когда онъ получилъ начальство надъ колонією о-ва Норфолькъ, состоявшею, повидимому, изъ самыхъ ненадежныхъ элементовъ.

„Я пріѣхалъ на островъ Норфолькъ, говоритъ Мэконочи, 10 марта 1840 года и нашелъ положеніе вещей далеко не въ лучшемъ, а во многихъ отношеніяхъ еще въ худшемъ видѣ, нежели ожидалъ. 1400 дважды рецидивистовъ-каторжниковъ, отрѣбѣ двухъ карательныхъ колоній (потому что худшіе каторжники, за новыя преступленія, ссылаются сюда изъ Ванъ-Дименовой земли и изъ Новаго Южнаго Уэльса) были жестоко муштровемы цѣлый день ¹⁾, а на ночь загоняемы въ бараки, которые не могли

¹⁾ До сихъ поръ муштрованіе удерживается въ нашихъ тюрьмахъ: при появленіи начальства, арестанты ежeminутно отвлекаются отъ своихъ занятій и должны

сколько-нибудь удобно вмѣщать въ себѣ и половину ихъ числа. Всѣми возможными средствами ихъ чувства постоянно предавались поруганію и ихъ самоуваженіе разрушалось. Въ теченіи 7-ми лѣтъ туда не прислали даже священника. Не было школъ, не было книгъ, и лица каторжниковъ съ ужасающею вѣрностью отражали эту обстановку. Болѣе дьявольскаго собранія нельзя себѣ представить, и едва ли когда можно видѣть что-нибудь ужаснѣе того моря лицъ, обращенныхъ ко мнѣ, когда я въ первый разъ заговорилъ съ ними. Невозможно изложить здѣсь всѣ мѣры, которыя употреблены были мною для перерожденія этихъ людей. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что я старался всячески возбудить въ нихъ самоуваженіе, склонить ихъ собственную волю къ исправленію, строго наказывать настоящіе проступки, сокращая число проступковъ условныхъ. Каждому человѣку я далъ по маленькому садiku, что было великимъ благодѣяніемъ для прилежныхъ, но никакъ не для лѣнтяевъ; поселеннымъ въ лѣсу я помогалъ разводить свиней и домашнюю птицу. Этимъ улучшалась ихъ пища и, что гораздо важнѣе, черезъ обладаніе собственностью, къ этому институту возбуждалось уваженіе, до крайности полезное. Полицію свою, состоявшую изъ каторжниковъ, я заинтересовалъ въ сохраненіи порядка, потому что отъ успѣшности дѣйствій моихъ полицейскихъ чиновъ зависѣло сохраненіе ими мѣсть, которыхъ они жадно добивались. Я роздалъ артелямъ ножи, вилки, кухонную посуду, жестяные котелки и т. п. Я позволилъ надзирателямъ, полиціи и другимъ отличившимся арестантамъ носить синія куртки и другія части одежды, не положенныя для каторжниковъ; и ничто лучше этого не содѣйствовало поднятію ихъ духа, оживленію ихъ самоуваженія и утвержденію ихъ въ добрыхъ наміреніяхъ.

„Говорили, будто весь секретъ моего управленія заключается въ снисходительности, слабости, распущенности и что арестанты хорошо вели себя со мною только потому, что дѣлали, что хотѣли. Кто говорить это, тотъ мало знаетъ каторжниковъ. При помощи одной слабости, никогда еще никто не былъ въ состояніи управлять такими людьми. Они хорошо вели себя со мною и при мнѣ потому, что я обращался съ ними не грубо; потому что они видѣли, какъ я стараюсь ихъ поднять, а не втоптать въ грязь; потому что имъ было выгодно хорошее поведеніе и потому, что они знали, что въ случаѣ дурнаго поведенія ихъ, кромѣ осужденія товарищей, ожидаетъ строгое наказаніе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно въ случаяхъ серьезныхъ преступленій, я взыскивалъ даже еще строже моихъ предшественниковъ и, благодаря хорошему направленію, какое удалось мнѣ вдохнуть въ каторжниковъ, я получалъ показанія въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ они обыкновенно прикрывали товарищей. Говорили, будто я сдерживалъ злыя страсти порученныхъ мнѣ людей только личнымъ моимъ влияніемъ. Я охотно соглашаюсь, что оно было велико; но все же оно не было вѣчнымъ, такъ какъ наши личныя сношенія прекращались, когда люди, за истеченіемъ своихъ сроковъ, выпускались съ острова. Въ 4 года я выпустилъ обратно въ Сидней 920 дважды приговоренныхъ людей, и изъ нихъ обратно попало на островъ только 20, или 2^о/_о; а изъ 580 отосланныхъ обратно на Ванъ-Дименову землю, на островъ возвратилось 15,

становиться на вытяжку, руки по швамъ. Убивая въ арестантѣ послѣднія искры самостоятельности и человѣческаго достоинства, мѣра эта дѣйствуетъ раздражительно, а не исправительно.

или менѣе 3⁰/. Хорошо, если бы вездѣ было такъ мало рецидивистовъ: во Франціи, Бельгіи, Англіи 35⁰/о рецидивистовъ считается очень благопріятною, или по крайней мѣрѣ обычною пропорціею“. Въ своихъ мѣрахъ капитанъ Мэконочи выходилъ изъ того убѣжденія, что для исправленія надо поставить человѣка въ борьбу съ препятствіями. „Старая система, говоритъ онъ, не даетъ арестантамъ никакихъ случаевъ для борьбы, не даетъ возможности пріобрѣсти энергію и независимость характера. Тюремщикъ заставляетъ ихъ дѣйствовать и даже существовать по приказу, а потомъ, когда они впадаютъ въ просупки вслѣдствіе искусственно привитой имъ слабости, кричатъ, что исправленіе невозможно. Предлагаемая мною система избѣгаетъ всѣхъ этихъ ошибокъ. Она можетъ быть исправлена въ подробностяхъ, но едва-ли начала ея могутъ быть съ выгодною отмѣнены. Она не ведетъ къ слабости или безмысленной потачкѣ; она старается дѣйствовать столько же на душу, сколько на тѣло, не столько подавлять, сколько пріобрѣсти вліяніе. Она наказываетъ преступниковъ, ставитъ ихъ въ самое горемычное положеніе, но въ тоже время она даетъ имъ возможность выпутаться изъ этого положенія ихъ же собственными усиліями и соревнованіемъ; она не старается сдѣлать это положеніе еще худшимъ посредствомъ презрѣнія, ненависти, пренебреженія; напротивъ, она уважаетъ нашу общую природу, хотя временно и павшую. По прошествіи 3 лѣтъ моего управленія, колонія острова Норфолька приняла совершенно иной видъ: наступила полная безопасность для лицъ и для собственности. Офицеры, женщины, дѣти ходили по дѣсу въ полнѣйшей безопасности; хижины, сады, кладовыя, жатва на корню, зрѣлые плоды, иногда очень со-блзнительныя, разбѣяны были повсюду, и никто къ нимъ не прикасался. Признаюсь, вполнѣдствіи я самъ съ удивленіемъ вспоминалъ о томъ, что было достигнуто, какъ мнѣ ни было это привычно.

„Моя задача была не такъ трудна, какъ можетъ показаться съ пер-ваго взгляда. Я дѣйствовалъ за одно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ заведено въ другихъ тюремныхъ системахъ. Я старался дѣлать, направлять и регулировать то стремленіе къ улучшенію своего положенія, которое замѣчается въ каждомъ человѣкѣ, а въ преступникѣ можетъ быть сильнѣе, нежели во всякомъ другомъ. Подъ вліяніемъ правильныхъ началъ, они вмѣстѣ со мною стремились къ порядку и труду, тогда какъ подъ вліяніемъ одного принужденія они нерѣдко доходили до взрывовъ... Въ рядѣ принимаемыхъ мѣръ, я не пренебрегалъ наказаніемъ, но я предпочиталъ оставаться въ предѣлахъ, обусловленныхъ духомъ и буквою закона, а не заходить дадыше. Важнѣе всего — устроить такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, насколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ, чтобы онъ могъ своими усиліями улучшить свое положеніе. При обыкновенной тюремной дисциплинѣ существуетъ весьма важное заблужденіе, въ силу котораго отъ арестанта требуется только покорность. Въ виду невозможности улучшить свое положеніе, онъ дѣлается неподвижнымъ, по извѣстному свойству человѣческой природы, приспособляется къ своему положенію и впадаетъ въ апалію. Напротивъ, если бы ему было предоставлено право улучшить свое положеніе, то онъ чувствовалъ бы возлагаемая на него лишенія съ гораздо большею силою и тѣмъ охотнѣе предавался бы труду, ведущему къ улучшенію. Только при такомъ условіи тюрьма можетъ сдѣлаться на самомъ дѣлѣ исправляющимъ учрежденіемъ. Если же къ возможности улучшенія быта прибавить воз-

возможность сокращения срока каторжной работы, именно, если, кромѣ двухъ прибавочныхъ балловъ въ день, арестантъ тремя днями чрезвычайной работы зарабатываетъ себѣ четвертый, уже день свободы, то онъ поневолѣ привыкнетъ къ предусмотрительности: за нѣсколько лѣтъ впередъ онъ уже будетъ разсчитывать на наслажденіе плодами сегодняшней работы“. Было бы впрочемъ, совершенно невѣрно представлять себѣ Мэконочи какъ слишкомъ мечтательнаго филантропа: „неподобающая снисходительность въ тюремныхъ порядкахъ,—говоритъ онъ,—также вредна, какъ и ненужная строгость. Всего вѣрнѣе поставить арестанта въ положеніе крайней нужды, изъ которой онъ могъ бы выбраться только собственнымъ трудомъ и постояннымъ курсомъ сознательнаго самообладанія и самоотреченія“. Онъ требуетъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы нормальнымъ продовольствіемъ арестантовъ были хлѣбъ и вода, а все, что сверхъ того, арестантъ долженъ заслужить хорошими отмытками, т. е. стараніемъ въ работѣ и хорошимъ поведеніемъ. Построенная на индивидуальномъ анализѣ каждаго арестанта, система Мэконочи постепенно вела арестанта къ большому и большому пользованію свободой, такъ что въ послѣдній періодъ пребыванія на островѣ лучшіе арестанты выбирались начальниками, присяжными и для отправленія другихъ должностей, связанныхъ съ властью и почетомъ. Она практически приучала ихъ къ пользованію тою свободой, которая имъ предстояла по освобожденіи¹⁾.

Соревнованіе, желательное со стороны арестантовъ, такимъ образомъ, Мэконочи достигалъ путемъ поставленія судьбы арестанта въ его собственныя руки; примѣнительно къ тюремному содержанію, это значило учрежденіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ ступеней, начиная отъ строжайшихъ и переходя къ болѣе слабымъ, ближе напоминающимъ свободную жизнь. Переходъ съ одной на другую, а слѣдовательно, и пользованіе ея льготами, поставленъ былъ въ зависимость отъ дѣйствій самого арестанта, причѣмъ каждый арестантъ напередъ зналъ, какія именно дѣйствія будутъ имѣть въ результатъ замедленіе перехода и что требуется для ускоренія его. Это начало прогрессивности или послѣдовательности въ лишеніи свободы, какъ самый прочный фундаментъ тюремнаго воспитанія, получаетъ большее и большее право гражданства въ тюремовѣдѣніи. Оно крѣпко привилось не только въ Великобританіи, но и за предѣлами ея. Среди дѣятелей Сѣверо-Американскаго союза, оно находитъ защитниковъ, выступающихъ за него въ литературѣ и на практикѣ. Гэббель, бывшій главный надзиратель тюрьмы Sing-Sing, у Нью-Йорка, прямо становится на сторону его, замѣчая: „Я твердо убѣжденъ, что настоящая исправительная дисциплина должна обнимать по крайней мѣрѣ три раздѣльныя ступени: карательную ступень въ строгомъ смыслѣ, болѣе

¹⁾ См. International congress on the prevention and repression of crime, Washington, 1872, стр. 176 и сл. Анненковъ, Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы, Спб. 1873 г.

или менѣе продолжительную и отбываемую въ одиночномъ заключеніи; исправительную ступень, изъ всѣхъ трехъ самую продолжительную, отбываемую днемъ на общихъ работахъ, а ночью въ одиночныхъ кельяхъ; и пробную, предназначенную для испытанія искренности исправленія арестанта, съ порядкомъ жизни, болѣе приближающимся къ свободному, и ограничивающуюся почти исключительно духовными силами. Идея этой системы состоитъ въ томъ, что судьба каждаго арестанта предоставляется въ его собственныя руки; увеличеніе свободы и льготъ, которыми пользуются тюремные обитатели, зависитъ отъ него самого; и такимъ образомъ надежда — факторъ дѣятельности гораздо болѣе сильный, чѣмъ страхъ — будетъ постоянно наличною и опредѣляющею силою его ума¹⁾. Эта же мысль защищается и Гольцендорфомъ; „къ тюремному наказанію и къ средствамъ его примѣняется правило, начертанное уже исторіей: посредствомъ угнетенія нельзя готовить къ свободѣ ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлыя народы“²⁾.

Идея послѣдовательности родилась въ ссылочной системѣ Англіи. Уже за долго до Мэкончи, для арестантовъ уголовныхъ колоній Англіи, расположенныхъ въ Австраліи, существовала такая практика. По осужденіи и приговорѣ арестанта къ ссылкѣ, онъ сперва заключался въ плавучія тюрьмы, hulks, задача которыхъ, по мысли законодателя, состояла въ томъ, чтобы подготовить арестанта къ ссылочной жизни, но которыя на самомъ дѣлѣ объ этомъ вовсе не заботились и допускали полный развратъ между арестантами, съ самую строгою системою дисциплинарныхъ взысканій за условныя проступки. Затѣмъ они отправлялись въ новый южный Уэльсъ и употреблялись на тяжкія общественныя работы, каковы: постройка дорогъ, очистка лѣсовъ и т. под.; лучшіе изъ арестантовъ, подававшіе надежду на исправленіе, въ скоромъ времени освобождались отъ нихъ и были закупаемы частнымъ лицамъ въ услуженіе на извѣстные сроки, по достиженіи которыхъ снабжались отпускными билетами, tickets of leave, срочными или безсрочными. Билеты эти могли быть отобраны отъ нихъ при новой винѣ, и они снова начинали съ общественныхъ работъ. Эта система батрачества (assignment system) существовала по 1838 г. Неудобства ея, о которыхъ мы сказали, говоря о ссылкѣ, заставили смѣнить ее системою испытанія (probation system), которая существовала по 1853 г. Она состояла въ томъ, что при ней наказаніе

¹⁾ Gaylord Hubbell, Reformatory Discipline as applied to Adult Criminals, въ Cincinnati Transactions, Albany, 1872 г., стр. 172.

²⁾ Гольцендорфъ, Ирландская тюремная система, перев. Ламанскаго, Спб., 1864 г.

сылкою распалось на нѣсколько послѣдовательныхъ мѣръ, начиная отъ одиночнаго заключенія въ Пентонвилѣ¹⁾, причемъ предполагалось первоначально оставлять ихъ здѣсь на $1\frac{1}{2}$ года, а затѣмъ этотъ срокъ пониженъ до 9 мѣсяцевъ. Вторую ступень образовали каторжныя работы, отбываемыя въ Англии, въ государственныхъ каторжныхъ тюрьмахъ, и, наконецъ, ссылка являлась заключительнымъ звѣномъ наказанія. Здѣсь, такимъ образомъ, уже проводится начало послѣдовательности, но для приготовления не къ свободной жизни, а къ жизни ссылочной. Съ 1853 г. ссылка въ Англию отмѣнена, остались двѣ стадіи: одиночное заключеніе въ Пентонвилѣ или Мильбанкѣ и общія работы съ ночными кельями въ каторжныхъ тюрьмахъ. Благодаря почину Мэконочи, здѣсь примѣняется начало послѣдовательности, ставящее судьбу арестанта въ его руки и рассчитанное на приготовленіе его къ жизни свободной; отъ того-то англійская тюремная система каторжныхъ мѣстъ заключенія носить названіе прогрессивной или послѣдовательной системы.

Англійская система. Выбираетъ она своими мѣрами, имѣющими въ виду достигнуть соревнованіе со стороны арестантовъ: а) систему отмѣтокъ; по полученіи опредѣленнаго числа ихъ, арестантъ получаетъ право на досрочное освобожденіе. Въ англійскихъ каторжныхъ тюрьмахъ арестантъ долженъ заслужить въ каждый день усердной и исправной работы 6 балловъ, не менѣе. Отъ лѣности, нерадѣнія, дурнаго поведенія эта отмѣтка уменьшается, и тогда арестантъ подвергается наказанію; за особенно усиленную работу отмѣтка можетъ быть увеличена, но не болѣе, какъ на 2 балла въ день. Эти особые, сверхъ-урочные баллы и составляютъ запасъ досрочной свободы, къ заработку ихъ стремятся всѣ помыслы арестантовъ. Для мужчинъ выработкою хорошихъ отмѣтокъ срокъ содержанія можетъ быть сокращенъ на $\frac{1}{4}$, для женщинъ—на $\frac{1}{3}$ всего времени, назначеннаго судебнымъ приговоромъ. Отмѣтки въ англійскихъ тюрьмахъ выдаются только за работу. Въ теченіи 9-ти мѣсячнаго одиночнаго заключенія отмѣтокъ не полагается. б) Другое поощреніе заключается въ томъ, что арестантамъ отчисляется часть заработной платы, если окажется, что они ее заслуживаютъ. Здѣсь также учреждена строгая постепенность, такъ что въ тюрьмѣ одиночной за свой трудъ арестанты ничего не получаютъ; право на заработокъ не признается за ними и въ общемъ заключеніи; но если въ общемъ классѣ испытуемыхъ, куда онъ поступаетъ на 3 мѣсяца, по выходѣ изъ одиночнаго заключенія, арестантъ работаетъ отлично и успѣтъ заработать не менѣе 720 балловъ (въ 90 дней, если по 8 балловъ въ день), то онъ переводится въ слѣдующій классъ, гдѣ обязанъ пробыть не менѣе 1 года и заработать не менѣе 2920 балловъ (по 8 балловъ въ день на 8 мѣсяцевъ). За отличную работу въ этомъ классѣ, въ его пользу записывается за каж-

¹⁾ Съ 1886 г. пентанвилльская тюрьма обращена въ мѣстную (local prison), для простаго тюремнаго заключенія, и первая ступень уголовного рабства отбывается въ новой одиночной тюрьмѣ Wormwood Scrubs, близъ Лондона.

дай мѣсяць въ 240 балловъ по одному шиллингу: такимъ образомъ онъ можетъ заработать до 12 шиллинговъ (около 4 р.). Потомъ онъ переводится на годъ во второй классъ, гдѣ также долженъ заработать 2,920 балловъ, и тогда получается по 1½ шиллинга въ мѣсяць; здѣсь весь его заработокъ можетъ дойти до 18 шилл. (6 р. 50 к.). Усердною работою онъ заслуживаетъ переходъ въ первый, высшій классъ, гдѣ получаетъ за каждые 240 мѣсячныхъ балловъ по 2½ шилл. Тутъ онъ остается столько времени, сколько приходится отсидѣть въ тюрьмѣ, за исключеніемъ послѣдняго года, на который, за отличное поведеніе, онъ перечисляется въ разрядъ спеціальный, гдѣ, кромѣ заработка перваго класса, онъ можетъ еще заслужить прибавочныхъ денегъ до 3 фунтовъ (около 22 р.). Въ случаѣ дурнаго поведенія, онъ возвращается въ нисшіе классы, даже до пробнаго въ одиночномъ заключеніи, но хорошее поведеніе, въ видѣ общаго правила, не даетъ ему никакихъ особыхъ льготъ. По мнѣнію руководителей англійской системы преступникъ въ тюрьмѣ не можетъ вести на столько хорошо, чтобы поведеніе, уполномочивало его на какія нибудь льготы, такъ какъ у него отнято множество путей вести себя дурно. Что-же касается до выраженія своего раскаянія передъ начальствомъ или передъ духовными лицами, которыя обязаны дѣлать преступникамъ поученія, то англійская система имъ не довѣряетъ. Случаи притворнаго раскаянія, тѣмъ болѣе легкаго, чѣмъ болѣе закоренѣль преступникъ во лжи и порокахъ, вполне подорвали къ нимъ вѣру¹⁾. в) Прочія льготы, получаемыя арестантами англійскихъ каторжныхъ тюремъ, по мѣрѣ перехода изъ низшихъ классовъ въ высшіе, состоятъ въ расширеніи права корреспонденціи и визитовъ. До 3-го класса арестантъ не имѣетъ права видѣться съ родными, писать и получать отъ нихъ письма, за исключеніемъ экстраординарныхъ случаевъ, ихъ тяжелой болѣзни и т. под. Арестанты 3-го класса получаютъ право на одинъ визитъ въ 6 мѣсяцевъ, въ теченіи 20 минутъ, и на одно письмо въ тотъ же срокъ времени. Арестанты 2-го класса имѣютъ право на визитъ и письмо каждые 4 мѣсяца, 1-го — каждые 3 мѣсяца, и продолжительность визита поднимается до получаса. Арестанты спеціальнаго класса носятъ особую одежду, болѣе приближающуюся къ свободной. Превжнія льготы, дававшія арестантамъ высшихъ классовъ право на улучшенную пищу, признаны неумѣстными и уничтожены въ 1864 г. на томъ основаніи, во 1-хъ, что онѣ развивали высшіе инстинкты, объ устраниеніи которыхъ должно заботиться разумное воспитаніе, и во 2-хъ, вслѣдствіе неудовольствія, возбуждавшагося въ средѣ свободнаго населенія при видѣ арестантовъ, кормящихся лучше рабочихъ. Потому то діетныя листы расчитаны лишь на необходимыя потребности и сообразованы съ родомъ арестантскихъ занятій, такъ что имѣющіе болѣе тяжелый трудъ получаютъ большее количество пищи. Однако, и въ видѣ льготъ дѣлаются нѣкоторыя измѣненія въ пищу, а именно арестанты высшихъ классовъ могутъ получать чай вмѣстѣ какао, бѣлый хлѣбъ вмѣсто каши, жареную говядину вмѣсто вареной. Наконецъ, въ видѣ льготы, имъ дается лишняя прогулка по двору.

Такимъ образомъ, англійская каторжная система представляетъ слѣдующія ступени:

1) Пробную или испытательную ступень, изъ которой 9 мѣсяцевъ проводятся въ одиночномъ заключеніи, и 3 мѣсяца — на общихъ работахъ. Здѣсь по преимуществу выбираются мѣры устрашительныя.

¹⁾ См. Анненковъ, в. пр. брошюра, стр. 25, 26.

2) Третій, второй и первый классы общихъ работъ; по мѣрѣ перехода изъ низшаго въ высшій, положеніе арестанта болѣе и болѣе облегчается. Еще замѣтнѣе разница въ участи арестантовъ спеціального класса, содержаніе въ которомъ также отбывается въ общемъ мѣстѣ каторжныхъ работъ.

Арестанты, достигшіе спеціального класса до истеченія срока судебного приговора и имѣющіе число марокъ, соответствующихъ ему, могутъ воспользоваться досрочнымъ освобожденіемъ.

Въ тюрьмахъ женскихъ въ Англіи есть еще одна ступень, которой мы не находимъ въ ея мужскихъ тюрьмахъ и которая заимствована изъ ирландской системы, потерявъ лишь легкую перемѣну: 6 мѣсяцевъ, непосредственно предшествующихъ ихъ освобожденію, лучшія изъ нихъ имѣютъ право провести не въ тюрьмѣ, а въ частныхъ благотворительныхъ пріютахъ, refuges, которымъ помогаетъ правительство. Здѣсь онѣ пользуются гораздо болѣе свободою, ведутъ жизнь, ближе стоящую къ затюренной, такъ какъ пріюты ставятъ себѣ цѣлью по возможности болѣе напоминать дома, home, а не тюрьму. Тутъ-же съ ихъ прилежаніемъ и успѣхами въ работѣ могутъ знакомиться свободные граждане. Въ Англіи такихъ пріютовъ для женскихъ каторжныхъ тюремъ было первоначально три: Carlisle Memorial Refuge въ Винчестерѣ; the Eagle House Refuge въ Гаммерсмитѣ — для римско-католическаго исповѣданія, — и Westminster Memorial Refuge, учрежденный въ Стритгэмѣ. Изъ 275 женщинъ, освобожденныхъ въ 1871 г. изъ всѣхъ каторжныхъ тюремъ, 117 побывали въ пріютахъ. Въ нынѣшнее время число учрежденій этого рода значительно увеличилось⁴⁾.

Ирландская система. Еще полнѣе соблюдено начало послѣдовательности въ ирландской тюремно-каторжной системѣ, основанной на англійской и не разъ служившей въ новѣйшее время образцомъ для измѣненія послѣдней²⁾. Положеніе ирландскихъ тюремъ въ половинѣ текущаго столѣтія было весьма печально; во всѣхъ мѣстахъ ссылки ирландскіе арестанты извѣстны были, какъ самые неудобные, дерзкіе, грубые, такъ что западная Австралія просила настоятельно, чтобы англійское правительство доставляло въ нее англичанъ, но никакъ не ирландцевъ. Въ 1854 г. была учреждена особая дирекція ирландскихъ тюремъ, отдѣльная отъ англійской. Предсѣдателемъ ея назначенъ Вальтеръ Крофтонъ, который, стоя на началахъ Мэконочи, блистательно разрѣшилъ трудную задачу, возложенную на него. Онъ руководствовался при этомъ слѣдующими началами. Не дѣлая арестантамъ никакихъ послабленій и не пріучая ихъ къ роскоши, индивидуализировать по возможности наказаніе; признаками исправленія считать не пассивное подчиненіе тюремному регламенту, но активные успѣхи въ трудолюбіи, знаніи и поведеніи; развивать въ арестантахъ силу характера и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучать ихъ постепенно къ свободѣ; наконецъ, даже и послѣ отпуска изъ тюрьмы, до извѣстнаго срока наблюдать за ихъ поведеніемъ, для повѣрки, сталь-ли полезнымъ членомъ общества выпущенный на волю преступникъ. Какъ и въ англійской системѣ, кара

¹⁾ См. Du Cane, an Account of the manner in which sentences of penal servitude are carried out in England, London. 1872 г.

²⁾ См. о ней: Гольцендорфъ, Ирландская тюремная система, переводъ (очень плохой) Ламанскаго, Спб. 1864. Спасовичъ, въ его учебникѣ. Mary Carpetenter Our Convicts 2, и Jrisch system of prison discipline 1872 г. Aschrott, Strafsysteme und Gefängniszwesen in England.

начинается здѣсь съ одиночнаго заключенія, въ Монроэ, близъ Дублина. Первое время арестанты вовсе не получаютъ работы, что при полномъ уединеніи признается весьма строгимъ наказаніемъ и побуждаетъ арестанта просить работу, какъ благо. Мало по малу они получаютъ занятія механическія, каковы—щипаніе канатовъ и пр., а затѣмъ тюремное начальство переходитъ и къ болѣе сложнымъ работамъ, которыя арестантъ, соскучившись бездѣйствіемъ, принимаетъ обыкновенно съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Въ видѣ общаго правила, арестанты мужчины подвергаются одиночному заключенію въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ, а женщины — 4-хъ мѣсяцевъ; но, по особымъ обстоятельствамъ конкретнаго случая, тюремное начальство можетъ нѣсколько увеличить или сократить эти сроки, а при наличности медицинскіхъ опасеній за здоровье арестантовъ, одиночное заключеніе вовсе не примѣняется.

Затѣмъ, для арестантовъ-мужчинъ слѣдуетъ заключеніе на островъ Спайкъ, близъ Корка, гдѣ арестанты производятъ общія работы по военноморскому вѣдомству. Арестанты здѣсь дѣлятся на 5 классовъ: пробный или классъ испытанія, третій, второй, первый и высшій классъ. Въ классъ испытываемыхъ поступаютъ только тѣ арестанты, которые не содержались въ одиночномъ заключеніи или выпущены изъ него съ дурными отмѣтками поведенія и работы. До тѣхъ поръ, пока поведеніе ихъ не сдѣлается удовлетворительнымъ, они не могутъ перейти въ слѣдующій классъ. Арестанты 3 класса переводятся во второй по истеченіи болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ, смотря по поведенію ихъ въ одиночномъ заключеніи, именно чрезъ 2, 3, 4 и 6 мѣсяцевъ. Мѣсяцы эти считаются не числомъ дней, а количествомъ заслуженныхъ арестантами отмѣтокъ, въ системѣ которыхъ есть весьма значительная разница съ англійскою. Тутъ онѣ выставляются не ежедневно, а ежемѣсячно. Въ мѣсячной книгѣ для каждаго арестанта выставляются три отмѣтки: одна за поведеніе вообще (дисциплина), другая—за поведеніе въ школѣ, третья—за поведеніе на работѣ; самая лучшая отмѣтка 3, такъ что всего въ мѣсяцъ можетъ быть приобрѣтено 9 отмѣтокъ. Не успѣвшій приобрѣсти ихъ въ одинъ мѣсяцъ заслуживаетъ ихъ въ слѣдующій и по этимъ отмѣткамъ идетъ счетъ мѣсяцевъ для перехода изъ класса въ классъ: если, наприм., правила требуютъ пребыванія въ данномъ классѣ 4 мѣсяца, значить—арестантъ долженъ заработать 36 отмѣтокъ, если 5—45 и т. д., и только съ послѣдней отмѣткой установленный мѣсяцъ признается истекшимъ. Англійскія каторжныя тюрьмы избѣгаютъ основывать свои рѣшенія на поведеніи арестантовъ, боясь притворства съ ихъ стороны. На практикѣ, однако, и въ англійскихъ тюрьмахъ отмѣтки выдаются надзирателями не столько за результаты исполненія работы, сколько за поведеніе, но такъ какъ имъ приходится это дѣлать негласно,—потому что уставъ запрещаетъ измѣнять величину отмѣтокъ по поведенію,—то въ Англии встрѣчается гораздо больше злоупотребленій и несправедливостей въ раздачѣ отмѣтокъ, чѣмъ въ Ирландіи. Въ доказательство сошлусь на свидѣтельство гауэрдовскаго (лондонскаго) общества, которое говоритъ: „на практикѣ марочная система въ англійскихъ каторжныхъ тюрьмахъ проводится весьма неправильно и произвольно“ ¹⁾ и приводитъ выдержку изъ письма одного освобожден-

¹⁾ См. его изданіе: Defects in the criminal administration and penal Legislation of Great Britain and Ireland. London. 1872, стр. 87 и сл.

наго каторжника къ своему секретарю, Таллаку, гдѣ онъ свидѣтельству-
етъ, что надзиратели не только не ограничиваются ревностью къ работѣ
при выдачѣ отмѣтокъ, но даже отдають предпочтеніе арестантамъ испор-
ченнымъ и постоянно озорничающимъ, боясь раздражить ихъ противъ себя
дурною отмѣткою; напротивъ, арестанты болѣе скромные получаютъ обык-
новенно слабыя отмѣтки, хотя и работаютъ усердно. вмѣстѣ съ тѣмъ,
иногда человекъ не можетъ работать ревностно, совершенно независимо
отъ своей вины, напримѣръ, при легкой болѣзни и т. п. Такимъ обра-
зомъ, гораздо лучше прямо установить отмѣтки за поведеніе, чѣмъ от-
крывать запрещенную дверь неизбежному внесенію этого элемента въ
арестантскія отмѣтки.

Арестанты 2-го класса, при „весьма хорошемъ поведеніи“, т. е. при
полученіи въ мѣсяцъ по 9 марокъ, переходятъ въ первый классъ черезъ 6
мѣсяцевъ, а въ противномъ случаѣ дослуживаютъ время, оставшееся до
заработка 64 марокъ. Арестанты 1-го класса переходятъ въ высшій черезъ
12 мѣсяцевъ, причѣмъ соблюдается тоже правило. Классы различаются
между собою одеждою, количествомъ суммы, получаемой въ вознагражде-
ніе за трудъ, и близостью момента освобожденія. Арестанты класса испы-
туемыхъ не получаютъ никакого вознагражденія; арестанты 3-го класса
за свой обыкновенный трудъ получаютъ въ недѣлю 1 пенни (около 3 к.),
2-го—2 пенса, 1-го—въ первые 6 мѣсяцевъ по 3 пенса, а въ остальные—4,
высшаго класса по 7 пенсовъ; кромѣ того, за сверхъ-урочныя работы, съ
дозволенія тюремнаго начальства, они могутъ воспользоваться платою по
2 пенса въ недѣлю. Близость освобожденія зависитъ отъ тяжести того
наказанія, къ которому приговоренъ арестантъ; приговоренные къ заклю-
ченію на 5 лѣтъ, получая каждый мѣсяцъ полныя баллы, могутъ выйти
на свободу 13 мѣсяцами раньше, приговоренные на 15 лѣтъ—5 годами.
Затѣмъ, арестанты высшихъ классовъ пользуются нѣкоторыми льготами
относительно визитовъ, корреспонденціи и пищи, какъ и въ англійскихъ
каторжныхъ тюрьмахъ; начальство и тутъ, какъ тамъ, имѣетъ право,
въ случаѣ дурнаго поведенія, не только уменьшить число марокъ, но да-
же перевести въ низшій классъ. Всѣ эти постановленія одинаковы для
Англіи и Ирландіи.

Но въ ирландской каторжной системѣ есть особенность, которой во-
все не представляютъ англійскія мужскія тюрьмы и которая значительно
восполняетъ ту послѣдовательность ступеней, путемъ которой арестантъ
все болѣе и болѣе вводится въ область свободной жизни, а именно такъ
называемыя переходныя тюрьмы, *intermediate prisons*. Сюда по-
ступаютъ тѣ арестанты, которые подають надежду на исправленіе и мо-
гутъ воспользоваться досрочнымъ освобожденіемъ. Задачи ихъ весьма мно-
гообразны: 1) тюремно-воспитательная, имѣющая въ виду соблюденіе посте-
пенность перехода отъ тюремной жизни къ свободной и такимъ образомъ
лучше подготовить арестанта къ послѣдней. Въ Англіи, гдѣ арестантъ
прямо вступаетъ изъ тюрьмы въ общество, этотъ переходъ оказывается
для него слишкомъ рѣзкимъ и критическимъ, особенно при досрочномъ
освобожденіи: основано оно на предположеніи, что арестантъ исправился,
но измѣненіе тюремнаго поведенія еще не свидѣтельствуесть объ исправ-
леніи, и для того, чтобы лучше убѣдиться въ послѣднемъ, необходимо
окружить арестанта условіями, по возможности ближе напоминающимъ
условія свободы, и слѣдить, каковъ будетъ образъ дѣйствій арестанта.

2) Другую группу образуют задачи попечительныя, имѣющія въ виду облегчить для арестанта вступленіе въ свободное и честное общество. Покидая тюрьму, онъ сталкивается съ обществомъ, которое знаетъ его только какъ бывшаго каторжника; удостовѣренію тюремнаго начальства о хорошемъ поведеніи обыкновенно не даютъ значенія, какъ потому, что хорошее поведеніе въ тюрьмѣ и на свободѣ—двѣ вещи различныя, такъ и потому, что общество незнакомо съ основаніями, на которыхъ опирается тюремное начальство, дѣйствующее за высокими стѣнами и крѣпкими запорами. Въ результатѣ положеніе освобожденнаго оказывается чрезвычайно труднымъ: никто его не знаетъ, никто не вѣритъ его техническимъ свѣдѣніямъ и тѣмъ менѣе честности. Устранить это положеніе вещей и имѣютъ въ виду переходныя учрежденія. По виду, они мало напоминаютъ тюрьму, нѣтъ не только обыкновенной стѣны, но даже тюремной стражи почти не видно; обращеніе съ арестантами самое гуманное, они не подвергаются тутъ никакимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, а за провинности могутъ быть только отправлены обратно въ одну изъ тѣхъ тюремъ, изъ которой поступили. Для лицъ свободныхъ доступъ въ эти учрежденія не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ что они легко могутъ видѣть арестанта на работѣ, собственными глазами убѣдиться въ его знаніяхъ и трудолюбіи. Арестанту оказываютъ всевозможное довѣріе и не подвергаютъ нарочно разнымъ искушеніямъ, направленнымъ единственно къ тому, чтобы онъ самъ въ себѣ выработалъ, при относительной свободѣ дѣйствій, силу характера для свободной жизни. Испушенія состоятъ, напримѣръ, въ томъ, что арестанта посылаютъ въ городъ за покупками, давая ему довольно крупныя суммы, позволяють свободно ходить въ церковь. Однако, не смотря на это, попытки бѣгства здѣсь очень рѣдки. Въ переходной тюрьмѣ работа перемежается съ ученіемъ по разговорному методу, содержаніе арестантовъ крайне скудное и за свои работы они получаютъ самое незначительное вознагражденіе. Прежде такихъ переходныхъ тюремъ было нѣсколько: одна въ Смитфилдѣ, близъ Дублина, для слабыхъ и дряхлыхъ, и двѣ въ общинѣ Люскъ. Теперь, съ уменьшеніемъ числа каторжныхъ арестантовъ въ Ирландіи, осталась всего одна такая тюрьма въ Люскѣ; арестанты ея занимаются земледѣльческими работами и нѣкоторыми другими занятіями, какъ-то: плотничествомъ, портняжествомъ и проч.; число ихъ весьма не велико; такъ напр., въ 1869 г. среднее ежедневное число заключенныхъ здѣсь давало скромную цифру въ 61 человекъ.

Таково положеніе мужчинъ въ ирландскихъ каторжныхъ тюрьмахъ; что касается женщинъ, то первыя двѣ ступени заключенія (одиночную и общія работы) онѣ проводятъ въ особомъ отдѣленіи монройской тюрьмы, а третью, переходную—въ частномъ пріютѣ; такихъ пріютовъ прежде было три: одинъ—для женщинъ римско-католическаго исповѣданія у Golden Bridge, близъ Дублина, и два—для женщинъ протестантскаго исповѣданія, въ Heitesbury-street и Shelter въ Adelaide-Street; теперь, за незначительностью числа освобождаемыхъ, остался только послѣдній; изъ пріютовъ, по присканіи приличнаго занятія, онѣ отпускаются на свободу. Весьма важныя особенности ирландская тюремно-каторжная система дѣлаетъ для арестантовъ, осужденныхъ за тяжкія преступленія и къ пожизненному заключенію: система марокъ къ нимъ не примѣняется и они могутъ воспользоваться досрочнымъ освобожденіемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда тюремное начальство вполне убѣдится въ томъ, что они этого заслуживаютъ.

Успѣхи ирландской тюремно-каторжной системы были весьма велики; нравственная физіономія арестантовъ совершенно измѣнилась, и адвокаты ея приписываютъ ей даже заслугу пониженія тяжкихъ преступленій въ Ирландіи. Такъ, въ 1854 г. въ Ирландіи было осуждено къ каторжному заключенію 710 челозъ, затѣмъ это число значительно понизилось, составляя въ 1864 г. 407, а въ 1869 г. — 191.—Нельзя не замѣтить, однако, что было-бы черезъ-чуръ поспѣшно объяснять это уменьшеніе исключительно дѣятельностью тюрьмы, такъ какъ послѣдняя можетъ до нѣкоторой степени предупредить рецидивъ со стороны бывшихъ арестантовъ, оказывая весьма слабое вліяніе на свободное населеніе. Причины, по своему характеру гораздо болѣе общія, управляютъ этими цифрами, и самый характеръ ихъ достаточно свидѣтельствуешь объ этомъ. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что предлагаемое ими паденіе далеко не представляетъ строгой постепенности. Былъ даже періодъ въ эпоху полного дѣйствія ирландской тюремно-каторжной системы, когда цифры эти начали возвышаться, значить — въ ней исключительно далеко нельзя видѣть фактора, управляющаго величиною тюремнаго населенія. Такъ:

въ 1854 г. въ Ирландіи къ каторжн. тюрьмамъ приговорено	710
„ 1855 „ „ „ „ „ „ „	518
„ 1856 „ „ „ „ „ „ „	389
„ 1857 „ „ „ „ „ „ „	426
„ 1858 „ „ „ „ „ „ „	358
„ 1859 „ „ „ „ „ „ „	322
„ 1860 „ „ „ „ „ „ „	331
„ 1861 „ „ „ „ „ „ „	368
„ 1862 „ „ „ „ „ „ „	592
„ 1863 „ „ „ „ „ „ „	511
„ 1864 „ „ „ „ „ „ „	407
„ 1865 „ „ „ „ „ „ „	299
„ 1866 „ „ „ „ „ „ „	265
„ 1867 „ „ „ „ „ „ „	296
„ 1868 „ „ „ „ „ „ „	246
„ 1869 „ „ „ „ „ „ „	191
„ 1870 „ „ „ „ „ „ „	202

Какъ-бы то ни было, ирландская тюремно-каторжная система обратила на себя всеобщее вниманіе незначительностью рецидива и полнотою тюремно-воспитательныхъ мѣръ, такъ что въ настоящее время ея начала находятъ болѣе или менѣе широкое осуществленіе во всѣхъ странахъ Европы, включая въ то число и Россію. Въ Германіи пропаганду ея взялъ на себя проф. Гольцендорфъ; въ Италіи — главный начальникъ итальянскихъ тюремъ Бельтрани-Скаліа; въ Швейцаріи — пенитенціаріи цюрихскій и невшателскій стараются примѣнить ее въ стѣнахъ одной тюрьмы, хотя не совсѣмъ удачно, такъ какъ переходныя учрежденія, генерически отличающаясь отъ одиночнаго заключенія и общихъ работъ, требуютъ для себя особое помѣщеніе; то-же явленіе мы встрѣчаемъ въ нашихъ военно-исправительныхъ тюрьмахъ. Даже Англія воспользовалась многими ея указаціями и, въ частности, заботится теперь объ образованіи убѣжищъ, которыя должны составить переходную ступень отъ тюремной жизни къ свободной. Но взгляды ея на эти учрежденія совершенно иной: по мнѣнію

англійскихъ тюремныхъ дѣятелей, стоящихъ въ настоящее время во главѣ тюремнаго управленія, они должны быть учрежденіями частными, которыми государство должно содѣйствовать экономически, но которыя не должны примыкать къ тюрьмамъ, какъ составная ихъ часть. Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы переходныя учрежденія ограничивались исключительно задачами попечительными; но въ такомъ случаѣ, идя послѣдовательно, слѣдовало бы помѣщать въ нихъ бывшихъ арестантовъ съ ихъ согласіемъ, такъ какъ благодѣяніе, покровительство не можетъ быть навязываемо силой. Такой именно характеръ представляетъ попечительное учрежденіе пастора Робэна, устроенное близъ Ліона. Англійское тюремное начальство, обязывая арестантовъ поступать въ эти убѣжища, входитъ въ коллизію съ существующими началами попечительства и возлагаетъ на него обязанности, которыя могутъ принадлежать только органамъ тюрьмы. Къ этому отступленію англичанъ вынудилъ ихъ практической тактѣ, который совершенно вѣрно подсказалъ имъ, что, рядомъ съ попечительными задачами, переходныя учрежденія составляютъ весьма важную тюремно-воспитательную мѣру; а если такъ, то они должны составлять одну изъ составныхъ частей тюремнаго заключенія и практиковаться органами тюрьмы, а не органами попечительства.

Внося общій взглядъ на изложенныя системы, мы замѣчаемъ, что характеристическія ихъ черты суть: а) постепенность въ строгости наказанія, находящаяся въ зависимости отъ самаго арестанта; б) вводимая для этого система отмѣтокъ и другія мѣры, имѣющія въ виду облегчить для арестанта расчитать свое поведеніе, и в) досрочное освобожденіе, составляющее высшую награду за хорошее поведеніе въ тюрьмѣ. Идея, диктовавшая эти мѣры, далеко не нова: она такъ тѣсно срослась съ тюремнымъ воспитаніемъ, что мы встрѣчаемъ ее вездѣ, куда успѣло проникнуть сознаніе, что на тюрьмѣ лежатъ воспитательныя задачи; съ этой точки зрѣнія системы англійскихъ и ирландскихъ каторжныхъ тюремъ представляютъ лишь общее выраженіе идеи тюремнаго воспитанія, умѣстное и даже необходимое во всякой тюремной системѣ (одиночной, общей или смѣшанной), и только разсматриваемыя въ частностяхъ, въ той обрисовкѣ, которую каждая изъ нихъ сообщаетъ этимъ мѣрамъ, онѣ представляются особыми системами тюремнаго содержанія.

Начало постепенности знакомо тюремнымъ уставамъ уже издавна. Между прочимъ, и наше тюремное законодательство, въ уст. о содержащихся подъ стражею и въ уст. о ссыльныхъ, пишетъ многія постановленія подъ его диктовку. Арестанты каторжныхъ работъ первоначально поступаютъ въ отрядъ испытуемыхъ, срокъ заключенія въ которомъ опредѣляется строгостью судебного приговора (отъ 6 мѣс. до 8 л.); подавшіе въ теченіе этого срока надежду на исправленіе „доказательствами покорности начальству, воздержности, опрятности и трудолюбія...“, перечисляются въ отрядъ исправляющихся (ст. 569, 570 уст. о ссыльн.): арестанты послѣдняго, по закону, содержатся безъ оковъ и, въ случаѣ возможности, помѣ-

щаются и употребляются на работы отдѣльно отъ испытуемыхъ; въ нѣкоторые праздники они освобождаются отъ работъ, а лучшимъ изъ нихъ по поведенію можетъ быть поручаемъ надзоръ за ихъ товарищами. По истеченіи нѣкотораго времени пребыванія въ отрядѣ исправляющихся (отъ 1 до 3 л.), зависящаго отъ строгости судебного приговора, они могутъ получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатахъ заводскихъ мастерскихъ, или построить себѣ домъ на землѣ, принадлежащей къ заводу, и вступать въ бракъ; нуждающіеся получаютъ для этого вспомошествованія отъ государства. Такая постепенность извѣстна и уставу исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій; весь персоналъ ихъ дѣлится на два разряда: къ первому относятся преступники, осужденные судомъ, бродяги и бѣглецы, не помнящіе родства; ко второму — поступившіе въ отдѣленіе за неплатежъ повинностей, или по приговорамъ обществъ для исправленія и, наконецъ, бѣглецы, отсылаемые сюда до собранія о нихъ точныхъ справокъ. Арестанты 1-го разряда, по истеченіи 2-хъ лѣтъ, а 2-го — 1 года, отличившіеся хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ или успѣхами въ изученіи мастерства, перечисляются въ особый отрядъ исправляющихся, гдѣ они пользуются нѣкоторыми льготами: они работаютъ отдѣльно отъ испытуемыхъ, подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ не иначе, какъ по разрѣшенію высшаго тюремнаго начальства, изъ ихъ заработка $\frac{1}{3}$ отсылается въ сберегательныя кассы или приказы общественного призванія съ поименнымъ спискомъ и выдается арестанту при освобожденіи его; если-же за проступки, совершенные имъ, онъ будетъ признанъ недостойнымъ находиться въ отрядѣ исправляющихся, то отосланная въ сберегательную кассу сумма возвращается въ пользу отдѣленія, онъ переводится въ отрядъ испытуемыхъ и не можетъ быть снова переведенъ въ отрядъ исправляющихся раньше, чѣмъ черезъ 3 года.—То-же начало постепенности мы встрѣчаемъ въ уставѣ о рабочихъ домахъ, населеніе которыхъ дѣлилось на мужскую и женскую половины, каждая съ тремя отдѣленіями по возрасту; каждое отдѣленіе, въ свою очередь, раздѣлялось на низшій и высшій разряды; въ 1-й поступали тѣ, которые уже прежде подвергались лишенію свободы, т. е. рецидивисты и люди порочные, такъ какъ, по мысли закона, имѣющей свои историческіе корни еще въ законодательствѣ Екатерины II, рабочіе дома предназначены были специально для борьбы съ рецидивомъ; прямо въ высшій разрядъ поступали тѣ, которые заключались въ рабочій домъ въ замѣнъ другаго, болѣе мягкаго вида лишенія свободы, и тѣ, которые не подвергались прежде лишенію свободы, если, по собраніямъ о ихъ нравственности свидѣніямъ, не оказывалось нужнымъ помѣстить ихъ въ низшій разрядъ. Своими заслугами арестантъ могъ достигнуть перемѣщенія изъ низшаго разряда въ высшій, но не раньше, какъ по истеченіи 4 мѣс. со дня поступленія его въ рабочій домъ. Рѣшеніе этого вопроса представлено было попечителю дома, который объявлялъ о перемѣщеніи въ одинъ изъ праздничныхъ дней, въ присутствіи другихъ арестантовъ низшаго разряда. Арестанты высшаго разряда назначались на менѣе тяжкія работы, имѣли право чаще видѣться съ родственниками и, при освобожденіи, получали $\frac{1}{3}$ своего заработка. Наконецъ, это-же начало поддерживалось уставомъ смирительныхъ домовъ, арестанты которыхъ дѣлились на два класса: испытуемыхъ и исправляющихся; льготы послѣднихъ аналогичны съ тѣми, которыя въ рабочихъ домахъ арестанты низшаго разряда имѣли передъ арестантами высшаго; особенность та, что право на заработокъ

признавалось за тѣми и другими: только исправляющіеся могли частью его расплагать и во время заключенія, что не было предоставлено испытуемымъ.

Такимъ образомъ, и наше законодательство прибѣгаетъ къ возбужденію въ арестантѣ надежды на лучшую будущность, какъ къ одному изъ важныхъ орудій тюремнаго воспитанія; но, на самомъ дѣлѣ, его постановленія оставались мертвою буквою, такъ какъ рѣшеніе вопроса, заслуживаетъ-ли арестантъ перевода въ высшій классъ или нѣтъ, ставилось въ полную зависимость отъ усмотрѣнія тюремнаго начальства. Показывая ему одною рукою возможность воспользоваться разными льготами, другою законодатель предостерегалъ его, что въ этихъ льготахъ властенъ не онъ, а начальство. Послѣднему, въ свою очередь, онъ давалъ лишь самую общія указанія, а нерѣдко впадалъ въ противоположную крайность, предписывая ему переводъ арестантовъ изъ одного разряда въ другой, по истеченіи разъ напередъ опредѣленныхъ сроковъ времени, каково-бы ни было поведеніе арестанта, каковы-бы ни были его старанія, направленные къ исправленію себя. Въ результатѣ получался или односторонній формализмъ, или полный произволь, оба одинаково сильно калечившіе все начало постепенности.

Для устраненія этого-то порядка вещей и учреждена система постоянныхъ, текущихъ отмѣтокъ; она не только развиваетъ въ арестантѣ сознаніе, что его участь находится въ его рукахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему постоянный критерій для опредѣленія, что онъ долженъ дѣлать, а тюремному начальству — объективную мѣрку для распоряженій о переводѣ изъ класса въ классъ. Весьма важное воспитательное значеніе ея состоитъ также въ томъ, что она каждый мѣсяцъ и даже каждый день напоминаетъ арестанту о зависимости его судьбы отъ него самого и даетъ ему возможность рассчитывать каждый свой шагъ. Дѣлая его предусмотрительнымъ, она поддерживаетъ въ немъ и энергію воли, такъ какъ уже въ тюрьмѣ арестантъ испытываетъ результаты своего поведенія, видя день свободы болѣе или менѣе близкимъ. Потому-то дѣятели англійской и ирландской тюремно-каторжныхъ системъ ревностно аботятся о томъ, чтобы познакомить каждаго арестанта съ значеніемъ и силою отмѣтокъ, съ дѣйствіями, которыми онъ можетъ ихъ заслужить или потерять; не только на стѣнахъ своей кельи онъ читаетъ о томъ тюремныя правила, не только онъ выслушиваетъ разъясненіе органовъ тюремнаго начальства объ отмѣткахъ, но даже, какъ въ ирландской каторжной системѣ, на рукавѣ своего верхняго платья постоянно носить бляху, носящую ту изъ отмѣтокъ, которую ему слѣдуетъ заслужить для перехода въ слѣдующій классъ.

Начало постепенности, какъ доказалъ опытъ, никогда не можетъ быть признано полнымъ, если оно ограничивается льготами, касающимися тюремной жизни арестанта. Какъ ни желательно послѣднему улучшеніе ея, но лишь настолько, насколько облегченное положеніе приближается къ свободному, которое и составляетъ предметъ завѣтной мечты арестанта; дать ему возможность приблизить срокъ освобожденія, значить — призвать къ дѣятельности всѣ его силы, могущія доставить ему эту важную льготу. Вотъ почему институтъ досрочнаго освобожденія составляетъ заключительное звѣно англо-ирландской тюремно-каторжной системы, за-

имствованный ею изъ прежней ссылочной системы, а въ послѣднее время начинаетъ примѣняться и другими государствами ¹⁾. Введеніе его оказываетъ сразу важное вліяніе на поведеніе арестантовъ; пенитенціаріи цюрихскій и невшательскій, въ Швейцаріи, обязаны ему многими успѣхами. Но едва ли не самый поразительный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ люцернская тюрьма. Основанная на старинномъ порядкѣ содержанія, знающая въ своихъ стѣнахъ цѣпи и тѣлесныя наказанія, она постоянно доставляла много хлопотъ своему начальству: послѣднее съ трудомъ поддерживало въ ней порядокъ. Но вотъ, законъ 1869 г. вводитъ здѣсь досрочное освобожденіе и даетъ тюремному начальству право сокращать срокъ заключенія для тѣхъ арестантовъ, которые будутъ признаны достойными того: болѣе быструю переменъ въ поведеніи арестантовъ и обращеніи его съ начальствомъ трудно себѣ представить; я просматривалъ тамошнія тюремныя книги и убѣдился, что въ годы, слѣдующіе за этимъ закономъ, дисциплинарныя наказанія назначались въ 3—4 раза рѣже, чѣмъ до него. Мѣра, способная произвести эти результаты, заслуживаютъ самаго полнаго вниманія.

Противъ нея до сихъ поръ приводится одно соображеніе, чрезвычайно важное, будь оно вѣрно. Говорятъ, предоставленіе тюремному начальству права измѣнять наказаніе противорѣчитъ его функціямъ, какъ органа исполнительнаго, и подрываетъ силу судебного приговора, независимость судебной власти. Съ этимъ, однако, согласиться нельзя. Уголовное правосудіе не есть то математическое воздаяніе за нарушеніе, черты котораго мы встрѣчаемъ въ правосудіи гражданскомъ. Мѣры его, вызываемыя отдѣльнымъ правонарушительнымъ дѣйствіемъ, рассчитаны на все личное состояніе преступности; степенью побѣды надъ нимъ опредѣляется и его успѣхъ, такъ что если окажется, что для полной его побѣды достаточны мѣры менѣе продолжительныя, чѣмъ назначенныя судомъ, было бы совершенно несогласно съ идеею этой отрасли государственной дѣятельности настаивать на полномъ ихъ примѣненіи. Притомъ, 1) досрочное освобожденіе, даваемое тюрьмою, обыкновенно имѣетъ характеръ условнаго и отнимается тотчасъ, какъ только освобожденный окажется недостойнымъ его, и 2) возможно предоставить и судебной власти участіе въ досрочномъ освобожденіи, по представленію тюремнаго начальства.

Тюремной практикѣ извѣстны два вида досрочнаго освобожденія: условное и безусловное; первое обыкновенно практикуется

¹⁾ Holtzendorff, Kürzungsfähigkeit der Freiheitsstrafen.

тюремнымъ начальствомъ, второе — высшимъ правительствомъ страны; только первое имѣетъ значеніе тюремно-воспитательной мѣры, второе же есть видъ помилованія.

Условное досрочное освобожденіе началось въ англійской ссылочной системѣ, когда арестанты отправлялись въ Австралію: въ случаѣ хорошаго поведенія и ревностной работы, сперва подъ надзоромъ правительства, затѣмъ — у частныхъ лицъ, они могли получить себѣ участокъ земли для обработыванія его самостоятельно; но мѣра свободы такихъ лицъ увеличивалась только въ колоніи, за черту ея имъ выходить запрещалось. То же мы встрѣчаемъ и въ испытательной ссылочной системѣ, но уже здѣсь кладется первый камень досрочному освобожденію, въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно теперь понимается: лучшіе арестанты, вмѣсто ссылки, могли быть выпущены изъ общихъ каторжныхъ работъ прямо на свободу, въ самой Англии. Съ отмѣною ссылки, институтъ досрочнаго освобожденія значительно расширился въ примѣненіи; вмѣстѣ съ тѣмъ было обозначено, что не только совершеніе новаго преступленія, но даже подозрительный образъ жизни, какъ-то: лѣнивая и беспорядочная жизнь, вступленіе въ связь съ лихими людьми, отсутствіе средствъ существованія и т. под., уполномочиваютъ тюремное начальство отнять досрочное освобожденіе. Въ англійской практикѣ; однако, министерство вовсе не пользовалось этимъ правомъ, такъ что *de facto* лишеніе отпуска производилось только при новомъ преступленіи; вмѣстѣ съ тѣмъ отпуска выдавались чрезвычайно невнимательно, и все это заключилось весьма грустными результатами: быстрымъ увеличеніемъ преступленій со стороны досрочно освобожденныхъ и чрезвычайно замѣтнымъ увеличеніемъ бюджета на уголовное преслѣдованіе ихъ. На эту-то сторону дѣла обратилъ затѣмъ свое вниманіе Вальтеръ Крофтонъ; съ одной стороны, онъ вполне сознавалъ необходимость удержанія института досрочнаго освобожденія; но съ другой, онъ видѣлъ также невозможность оставить его въ прежнемъ видѣ, извѣстномъ англійской тюремно-каторжной системѣ. Условіе, подъ которымъ дозволялось пользованіе свободой, нужно было сдѣлать осязательнымъ, а не мертвою буквою. Для этого онъ привлекаетъ къ дѣятельности полицейскія органы и устанавливаетъ слѣдующія правила пользованія досрочной свободой. Каждый освобожденный каторжникъ, немедленно по прибытіи на мѣсто жительства, долженъ явиться въ мѣстную полицію, представить свой отпускъ, и затѣмъ являться сюда 1-го числа каждаго мѣсяца; неисполненіе этого предписанія даетъ предположеніе, что онъ ведетъ беспорядочную жизнь, и онъ лишается своего отпуска; отпускъ можетъ быть отнять у него

и при вступленіи въ связь съ подозрительными людьми, при лѣнливой беспорядочной жизни, а также если онъ не успѣетъ указать средствъ существованія. Лишеніе отпуска имѣетъ своимъ послѣдствіемъ возвращеніе въ тюрьму на тотъ срокъ времени, который выигранъ досрочнымъ освобожденіемъ. Дѣатели ирландской системы употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы сдѣлать эти правила дѣйствительными, а не мертвою буквою. Въ такомъ же видѣ условное досрочное освобожденіе начинаетъ практиковаться въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и въ Италіи. Германскій уголовный кодексъ 1870 г. предоставляетъ министерству юстиціи каждаго союзно-германскаго государства, по выслушаніи замѣчаній тюремнаго начальства, давать условное досрочное освобожденіе лицамъ, приговореннымъ къ продолжительному заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ, за хорошее поведеніе въ теченіе $\frac{3}{4}$ срока, назначеннаго судомъ; но въ случаѣ дурнаго поведенія на свободѣ, этотъ отпускъ отбирается и время, пробытое на свободѣ, не зачисляется въ наказаніе; когда же назначенный судомъ окончательный срокъ наказанія наступилъ во время отпуска, наказаніе признается исполненнымъ. Русское законодательство знаетъ условный досрочный отпускъ только для несовершеннолѣтнихъ, содержащихся въ воспитательныхъ колоніяхъ и пріютахъ.

Безусловное досрочное освобожденіе есть видъ помилованія; мѣрою тюремнаго воспитанія оно становится, когда, переставая быть исключеніемъ для отдѣльныхъ случаевъ, начинаетъ практиковаться правильно и основывается на указаніяхъ тюремнаго начальства. Въ такомъ именно видѣ оно извѣстно тюрьмамъ Франціи. Въ императорскую эпоху, не задолго передъ днемъ рожденія главы государства или его супруги, тюремнымъ начальствамъ ежегодно посылался запросъ о лицахъ, достойныхъ помилованія; отъ 7 до 8⁰/₁₀ всѣхъ освобожденныхъ составляли досрочно освобожденные по помилованію. Въ одиночныхъ тюрьмахъ Америки помилованіе также практикуется весьма правильно и основано на докладахъ тюремнаго начальства; тоже явленіе мы встрѣчаемъ и въ Лувенскомъ пенитенціаріѣ, гдѣ помилованіе составляютъ 22⁰/₁₀ освобожденныхъ, и въ бруксальскомъ, гдѣ отношеніе ихъ къ общему числу освобожденныхъ колеблется между 21 и 33⁰/₁₀; въ Бруксальѣ каждый арестантъ, по истеченіи половины времени, на которое ограничена его свобода, имѣетъ право обращаться съ просьбою о помилованіи.

V. Тюремная гигиена.

Степень карательныхъ лишеній опредѣляется судебнымъ приговоромъ; назначая лишеніе свободы, судъ тѣмъ самымъ постановляетъ, что всякое другое лишеніе, болѣе тяжкое, не должно имѣть мѣста; поэтому тюрьма, устроенная такъ, что заключеніе въ ней разстраиваетъ здоровье арестанта и даже убиваетъ его, совершенно не легальна. Отсюда открывается необходимость примѣненія тюрьмою такихъ мѣръ, которыя бы предупреждали наступленіе вреда здоровью, не имѣвшагося въ виду при постановкѣ судебного приговора; совокупность ихъ образуетъ понятіе тюремной гигиены.

Указать напередъ всѣ частныя контуры мѣропріятій, необходимыхъ для этой цѣли, нѣтъ возможности; онѣ зависятъ какъ отъ мѣстныхъ условій, такъ и отъ органическаго состоянія каждаго арестанта. Тѣмъ не менѣе, однако, тюремная практика даетъ средства намѣтить ихъ въ общихъ чертахъ.

Такъ, выборъ мѣстности для тюрьмы имѣетъ, прежде всего, весьма важное вліяніе на ея санитарныя условія. Всѣ усилія архитектуры и содержанія арестантовъ останутся тщетными, если тюрьма построена въ мѣстности болотистой, богатой міазмами. Любопытный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ мильбанскій пенитенціарій въ Лондонѣ: громадныя затраты, положенныя на него, остались напрасными, благодаря исключительно дурному мѣсту для его постройки, и изъ общаго пенитенціарія для Англии и Уэльса, какимъ онъ предназначался, силою вещей эта тюрьма превратилась во временное депо арестантовъ¹⁾. Новая Гвіана, выбранная французскимъ правительствомъ, какъ мѣсто ссылки, оказалась чрезвычайно вредною для здоровья блага населенія и потребовала отъ Франціи громадныхъ затратъ, не увѣнчавшихся, однако, достодолжнымъ успѣхомъ, исключительно для ослабленія послѣдствій ошибки, сдѣланной при выборѣ мѣстности²⁾. Уже Гуардъ сознавалъ важное значеніе выбора хорошей мѣстности для тюрьмы и совѣтовалъ строить ее на открытомъ мѣстѣ, по возможности близъ рѣки, которая, освѣжая воздухъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ тюрьмѣ легкую возможность пользоваться водою.

Соблюденіе чистоты въ тюрьмахъ необходимо какъ въ санитарныхъ, такъ и въ воспитательныхъ интересахъ тюрьмы: практи-

¹⁾ Clay, The prison Chaplain, стр. 76 и слѣд.

²⁾ Notice sur la transportation à la Guyanne française et à la Nouvelle Calédonie 1867 и 1869.

куемая надлежащимъ образомъ, она, по замѣчанію д-ра Юліуса¹⁾, представляетъ для арестантовъ прекрасную школу опрятности, уроки которой могутъ оказаться весьма полезны имъ по освобожденіи. Посѣщая хорошо устроенныя тюрьмы и замѣчая въ нихъ чистоту, которую рѣдко встрѣтить даже въ жилищахъ свободного населенія, многіе склонны ставить ее въ упрекъ тюрьмѣ; они разсуждаютъ такъ: свободные граждане не пользуются такой чистотой въ своихъ жилищахъ, какъ арестанты въ тюрьмахъ, слѣдовательно, тюрьма не отталкиваетъ, а даже привлекаетъ къ себѣ, не только не убиваетъ преступные импульсы, а даже манитъ къ совершенію новыхъ преступленій обѣщаніемъ уютнаго жилища, какого человѣкъ ни за что не приобрѣтетъ путемъ честнаго труда. Но это разсужденіе несостоятельно. Оно выходитъ изъ мысли, будто чистота желательна и для арестантовъ, между тѣмъ какъ самыя закоренѣлыя изъ нихъ съ удовольствіемъ предпочли бы грязь своихъ прежнихъ помѣщеній обязанности ежедневно убирать свой покой и свое тѣло. Чѣмъ болѣе закоренѣлъ человѣкъ въ преступныхъ привычкахъ, тѣмъ менѣе онъ симпатизируетъ правиламъ чистоты, и наоборотъ, чѣмъ моложе лицо въ преступной дѣятельности, тѣмъ тяжеле для него тюремная грязь; слѣдовательно, порядокъ чистоты пріятенъ для лучшихъ, тяжелъ для худшихъ, порядокъ же нечистоты наоборотъ.

Въ интересахъ тюремной чистоты принимаются, между прочимъ, слѣдующія мѣры: 1) при поступленіи въ тюрьму, арестантъ не сразу помѣщается въ тѣ покои, которые предназначаются для постоянного его содержанія, а заключается предварительно въ приемные покои. Здѣсь его осматриваетъ докторъ, отсюда же онъ, 2) отводится въ баню или ванну, послѣ которой получаетъ 3) тюремную одежду: его же одежда просушивается и хранится въ особомъ складѣ до освобожденія его, а при полной негодности истребляется; 4) въ интересахъ чистоты, имѣетъ значеніе и способъ освѣщенія, вводимый въ тюрьмахъ; рѣшительное преобладаніе надъ другими беретъ газовое освѣщеніе, а скоро его, вѣроятно, смѣнитъ электричество; 5) въ интересахъ чистоты важно также, чтобы арестанты получали періодически ванны; Говардъ, посѣщавшій русскія тюрьмы, съ сочувствіемъ отзывается о русскомъ устройствѣ бань, говоря, что онъ у насъ были презривативомъ противъ тюремной нечистоты; наконецъ, 6) надлежащее устройство отхожихъ мѣсть также относится къ области предметовъ тюремной гигиены.

Арестантская пища играетъ не менѣе важную роль въ тюремной гигиенѣ. Прежде государство не только не заботилось о доставленіи арестантамъ какой-бы то ни было пищи, но даже взимало съ нихъ различныя пошлины (напр. въ Англии) при поступленіи и за содержаніе въ тюрьмѣ, а по примѣру начальства,

¹⁾ Julius, Vorlesungen über die Gefängniszkunde, Berlin, 1828, стр. 101.

и товарищи взимали съ каждаго новопривывшаго болѣе или менѣе крупную сумму ¹⁾. Въ Россіи до XVIII ст. не встрѣчается слѣда о какихъ-бы то ни было заботахъ для доставленія пищи арестантамъ: такъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣ изъ арестантовъ, которые не имѣли собственныхъ средствъ, содержались добродетельными приношеніями и милостыней, для собиранія которой отправлялись подъ стражею наиболѣе надежные арестанты; нерѣдко просьба милостыни переходила въ вымогательство, а еще чаще милостыни не хватало, и арестанты слезно умоляли царя ²⁾: „Милосердный Государь, пожалуй меня, сироту твоего, вели Государь по тому дѣлу свой Великаго Государя милостивый указъ учинить, и меня сироту своего изъ-за рѣшетки свободить, чтобы сидя мнѣ сиротѣ твоему за рѣшеткою, голодною смертію не умереть“. Впрочемъ, вскорѣ послѣ Уложенія 1649 г. начинаются указы кормить арестантовъ на счетъ тѣхъ, кто ихъ привелъ въ тюрьму или ихъ хозяевъ (ук. 1676 г. ноября 15, 1722 г. Апрѣля 6), а затѣмъ и государство (съ 1662 г.) признаетъ за собою обязанность продовольствія заключенныхъ. Но оно въ теченіи всего XVIII в. было скудное. Въ 1803 г., по докладу малороссійскаго генераль-губернатора Куракина, повелѣно было отпустить на арестантовъ во всѣхъ мѣстахъ государства по 3 в. въ день, а пожертвованія и часть доходовъ отъ ихъ работъ шли на улучшеніе ихъ быта. Это положеніе дѣйствуетъ въ общемъ до настоящаго времени, исключая тюремъ столичныхъ, на которыя отпускается нѣсколько больше. Такимъ образомъ, у насъ содержаніе для арестантовъ ассигнуется опредѣленными суммами; эта система имѣетъ свое неудобство, такъ какъ цѣны на предметы потребленія подлежатъ частымъ колебаніямъ, и потому многіе тюремовѣды, въ ряду которыхъ стоитъ д-ръ Юліусъ, предлагаютъ замѣнить ее системою опредѣленныхъ количествъ пищи, независимо отъ ихъ цѣны.

Вопросъ о пищѣ заключенныхъ подробно дебатировался на римскомъ международномъ конгрессѣ, принявшемъ для разрѣшенія его основанія пенитенціарныя и гигиеническія. Въ виду пенитенціарныхъ основаній, тюремная пища должна быть, во 1-хъ, по возможности скромною, сурою, чтобы не представляла соблазна для свободныхъ рабочихъ; во 2-хъ, настолько удовлетворитель-

¹⁾ У насъ влазное отмѣнено указомъ 13 Ноября 1680 г., гдѣ мы читаемъ: „и впредь тюремнымъ сидѣльцамъ влазнаго съ новоприведенныхъ людей, которые посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку, имать не велѣно, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тягоства и мучительства не было“.

²⁾ Линовскій, изслѣд. началъ угол. пр. стр. 106.

ною, чтобы арестанты не разстраивали себя здоровья и не выходили бы на свободу разслабленными. Гигиеническія или физиологическія основанія сводятся къ опредѣленію того качества и количества пищи, которое необходимо для поддержанія нормальнаго организма. На римскомъ конгрессѣ выяснилось: 1) что размѣръ арестантскаго пайка долженъ опредѣляться не стоимостью его, а количествомъ питательныхъ веществъ, которыя въ него входятъ; 2) что для поддержанія организма въ нормальномъ состояніи, арестантскій паекъ долженъ быть питательнѣе пайка свободнаго человѣка, потому что человѣкъ въ заключеніи теряетъ въ тѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ человѣкъ на свободѣ, въ виду недостатка воздуха, недостаточно быстрого обмѣна веществъ и т. п.; и 3) что кромѣ количества пищи необходимо обращать вниманіе и на качество ея, такъ, чтобы питательныя вещества содержались въ ней въ извѣстной пропорціи; мясо и жировыя вещества составляютъ необходимый элементъ ея, безъ котораго здоровью арестанта угрожаетъ опасность; введеніе въ организмъ картофеля, чернаго хлѣба, а также водяныхъ веществъ въ большомъ количествѣ признано вреднымъ. Даже самый способъ приготовленія арестантской пищи долженъ удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, именно требованіямъ вкусовъ населенія данной мѣстности, дающаго наибольшій контингентъ заключенныхъ. Вопросъ о томъ, должна-ли быть выдаваема пища всѣмъ арестантамъ въ одинаковомъ количествѣ, разрѣшается въ положительныхъ законодательствахъ различно. Въ Англіи всѣмъ выдается одинаковый паекъ; при этомъ выходятъ изъ того соображенія, что такъ какъ всѣ арестанты подвергаются одинаковому наказанію, то и всѣ элементы этого наказанія должны быть одинаковы. Горячимъ защитникомъ такого положенія выступилъ Дюкенъ, въ своемъ сочиненіи о предупрежденіи и наказаніи преступленій. На римскомъ конгрессѣ, однако, всѣ гигиенисты единогласно высказались за необходимость индивидуализированія пищи согласно органическимъ условіямъ заключенныхъ, ихъ полу, возрасту и тяжести работы; но способы такого индивидуализированія, ими указываемые, не одинаковы. Одни рекомендовали установленіе различныхъ пайковъ для здоровыхъ и для больныхъ (Доброславинъ), съ правомъ переводить на больничный паекъ арестантовъ хотя и не заболѣвшихъ, но нуждающихся въ лучшемъ питаніи. Но это неправильно, потому что организмъ, уклонившійся отъ нормальнаго состоянія, не можетъ быть названъ больнымъ организмомъ. Болѣе правильною представляется германская система средняго пайка (Mittelkost), рассчитаннаго на нормальное здоровье, но съ тѣмъ, что въ случаѣ нужды къ этому пайку прибавляются добавочныя предметы, для чего арестантъ перево-

дится на дополнительный паекъ. Такой переводъ практикуется въ Германіи весьма часто, такъ что четвертая часть всёхъ заключенныхъ находится на дополнительномъ пайкѣ. Наименѣе удобною представляется французская система тюремныхъ буфетовъ (cantine), гдѣ заключенные могутъ по усмотрѣнію прикупать себѣ недостающіе предметы продовольствія. Противъ этой системы высказались всё делегаты-гигиенисты на римскомъ конгрессѣ.

Одежда арестантовъ, какъ дневная, такъ и ночная, также лежитъ на обязанности тюрьмы. Обыкновенно лица того класса, который наполняетъ кадры тюремнаго населенія, ходятъ въ рубищахъ, оставить которыя на ихъ плечахъ было-бы опасно какъ для другихъ арестантовъ и тюремнаго начальства, такъ и для свободнаго населенія: ихъ міазмы могли бы сдѣлать изъ тюрьмы разсадникъ эпидемій. Исключеніе составляютъ только лица, приговариваемые къ простому аресту, которымъ обыкновенно позволяется оставаться въ ихъ собственной одеждѣ, если она не представляетъ опасностей въ санитарномъ отношеніи. Какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ, тюрьмѣ необходимо соблюдать умѣренность: давая арестантамъ хорошую въ санитарномъ отношеніи, но не изящную одежду, она должна быть школою умѣренности и воздержанія.

Системы постелей различны: а) система наръ практикуется до сихъ поръ большинствомъ русскихъ и итальянскихъ тюремъ; она признана неудобною въ санитарномъ отношеніи и затрудняющею надзоръ за арестантами; б) система стоячихъ кроватей, желѣзныхъ или деревянныхъ, не такъ хороша въ отношеніи чистоты и дешевизны, какъ в) система висячихъ постелей или гамаковъ, не требующихъ особаго тюфяка, въ которомъ могутъ заводиться нечистоты.

Арестанты, постоянно заключенные въ 4-хъ стѣнахъ, особенно если они заняты работами сидячими, не требующими общаго мускульнаго напряженія, нуждаются въ движеніи. Съ этою цѣлю въ тюрьмахъ вводятся такъ называемыя арестантскія прогулки на дворѣ, обязательныя для каждаго узника. Архитекторъ Блуэ для одиночныхъ тюремъ предложилъ маленькіе дворики, устроенные на общемъ тюремномъ дворѣ, окруженные рѣшеткою, въ центрѣ которой находится наблюдательный постъ и изъ которой, въ видѣ радіусовъ, расходятся каменные стѣны. Система эта достигаетъ вполне своей цѣли — разъединенія арестантовъ даже на время прогулокъ, и практикуется въ бельгійскихъ и другихъ пенитенціаріяхъ, но къ нашему климату и нашимъ мятелямъ она непримѣнима. Въ земскихъ тюрьмахъ Англіи арестанты прогуливаются на

общемъ дворѣ, по одному другъ за другомъ, съ промежуткомъ около полусажени между каждымъ. Во Франціи въ хорошую погоду непрерывною массою они гуляютъ на общихъ открытыхъ дворахъ, а въ дождь и непогоду—подъ особо устроенными для того навѣсами.

То-же значеніе, какъ и прогулка, имѣть пѣніе арестантовъ въ опредѣленные моменты времени, напр. передъ обѣдомъ: оно противодѣйствуетъ вредному влиянію молчанія на грудь.

Въ санитарныхъ-же интересахъ весьма важно, чтобы мысль арестантовъ непрерывно была чѣмъ-либо занята, такъ какъ праздность при утомительномъ однообразіи тюремной жизни или наталкиваетъ ихъ на меланхолическія думы, или-же создаетъ между арестантами нежелательную солидарность. Первое замѣчается особенно въ тюрьмахъ одиночныхъ; такъ, относительно дувенскаго пенитенціарія въ Бельгіи замѣчено, что самый крупный процентъ самоубійствъ и помѣшательствъ приходится на воскресенье, какъ на день, наименѣе занятый.

На случай заболѣванія арестантовъ, тюрьмѣ необходима больница, зданіе которой всего лучше помѣщать отдѣльно отъ всѣхъ другихъ тюремныхъ строеній. На больницу ассигнуются обыкновенно особая сумма, и время пребыванія въ ней зачисляется въ общій срокъ, назначенный судебнымъ приговоромъ; только притворныя болѣзни вызываютъ противъ себя репрессивныя мѣры. Больницы устраиваются или по системѣ общихъ покоевъ, или по системѣ одиночныхъ комнатъ; послѣдняя вводится для предупрежденія притворныхъ болѣзней, такъ какъ для дѣйствительно больныхъ все равно, будутъ-ли ихъ окружать товарищи по заключенію, или нѣтъ. Вентиляція и отопленіе имѣютъ для больницъ особенную важность.

Степень удовлетворительности санитарныхъ условій тюрьмы опредѣляется тюремною смертностью. Въ свободномъ населеніи смертность колеблется отъ 1% (Норвегія) до 2% (Австрія), но для опредѣленія сравнительной силы тюремной смертности нужно имѣть въ виду не эту цифру, а цифру смертности лицъ выше опредѣленнаго возраста. Тюремная смертность опредѣляется по среднему населенію тюрьмы за опредѣленный періодъ времени. Произведенныя по этому вопросу изслѣдованія доказали, что въ тюрьмахъ смертность значительно крупнѣе, чѣмъ между соотвѣтствующими возрастными свободнаго населенія; это зависитъ, конечно отъ беспорядочной жизни, которой предается громадный процентъ лицъ, находящихъ себѣ мѣсто въ тюрьмѣ, и отъ психическихъ волненій, весьма понятныхъ со стороны человѣка, надъ которымъ виситъ

уголовное обвиненіе или уголовный приговоръ. Но, кромѣ того, въ весьма значительной степени сама тюрьма, ея устройство и порядокъ содержанія, опредѣляетъ процентъ смертности. Во Франціи смертность на каторгахъ была больше, чѣмъ смертность въ департаментскихъ тюрьмахъ, а въ послѣднихъ больше, чѣмъ въ центральныхъ домахъ. По даннымъ французской тюремной статистики, за четыре періода времени представляется слѣдующая смертность между арестантами:

		1855 г.	1860 г.	1865 г.	1882 г.
Департ. тюр.	мущ.	7 ⁰ / ₀	8,64 ⁰ / ₀	11,92 ⁰ / ₀ ¹⁾	3,48
	женщ.				
	средн.				
Центр. дома.	мущ.	6,50 ⁰ / ₀	5,80	5,11	3,25
	женщ.		6,33	5,05	2,85
	средн.		5,90	5,10	3,05

Такимъ образомъ, цифра смертности во французскихъ тюрьмахъ постепенно уменьшается, хотя до сихъ поръ она все таки остается весьма крупною: въ ленцбургскомъ пенитенціаріѣ, въ Швейцаріи, смертность составляетъ всего 2⁰/₀; та же цифра дается данными о лувенскомъ одиночномъ пенитенціардѣ въ Бельгіи, а общая цифра для вѣсѣхъ тюремъ Бельгіи составляетъ 1,77⁰/₀; въ Италиі для мужскаго населенія смертность составляетъ около 2¹/₂⁰/₀, для женскаго менѣе 2⁰/₀; въ Швеціи для арестантовъ общаго заключенія и присужденныхъ къ публичнымъ работамъ смертность равна 3⁰/₀, для арестантовъ одиночнаго заключенія 2⁰/₀. Относительно Россіи мы еще не имѣемъ точныхъ данныхъ.

VI. Тюремная архитектура.

Она должна удовлетворять интересамъ безопасности, надзора, гигиены и тюремнаго воспитанія. Интересы безопасности распадаются на безопасность внѣшнюю и внутреннюю; первая требуетъ устройство стѣнъ и затворовъ, которые предупреждали-бы побѣги и переговоры арестантовъ съ членами затюремнаго міра; вторая выставляетъ требованіе, чтобы арестанты не имѣли подъ рукою орудій

¹⁾ Эти цифры относятся только къ департаментскимъ тюрьмамъ Сенскаго департамента. Для департ. тюремъ Франціи вообще, въ 1865 г. смертность составляла всего 2,35⁰/₀.

для буйства, чтобы они не могли вступать между собою въ запрещенныя сношенія и т. под. Требованіе надзора состоитъ въ такомъ устройствѣ тюрьмы, которое позволяло бы тюремному начальству наблюдать за арестантами постоянно и, по возможности, незамѣтно для нихъ. Интересы гигиены требуютъ достаточный просторъ помѣщеній, не меньше $2\frac{1}{2}$ куб. саж. воздуха на человѣка при отдѣльныхъ мастерскихъ, или $3\frac{1}{2}$, если спальня помѣщается вмѣстѣ съ мастерской; ими же обуславливается способъ вентиляціи, отопленія (паровое признано неудобнымъ, такъ какъ оно задерживаетъ вентиляцію) и устройства отхожихъ мѣсть съ устраненіемъ всякаго зловонія. Наконецъ, воспитательныя задачи обязываютъ позаботиться о помѣщеніяхъ для школы и церкви.

Эти разнообразныя задачи тюремная архитектура разрѣшаетъ различно при системахъ общаго и одиночнаго заключенія. Тюрьмы общаго заключенія устраиваются обыкновенно въ видѣ флигелей, расположенныхъ между собою или подъ прямыми углами, или паралеллограмомъ, или въ видѣ радіусовъ, расходящихся къ тюремной оградѣ. Для каждой обще-тюремной потребности устраивается особое помѣщеніе—школа, мастерскія, церкви, бани, больница, и отдѣльно зданіе для тюремнаго начальства. Дортуары отдѣляются отъ мастерскихъ и вентилируются днемъ. Что касается системы одиночной, то для нея предложены были слѣдующіе тюремныя планы:

1) Прямое зданіе со сплошнымъ корридормъ, по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщаются кельи; корридоръ оканчивается алтаремъ, открываемымъ при богослуженіи, и арестанты могутъ присутствовать при немъ, полуотворяя дверь на засовъ, по особо устроенной системѣ. Этотъ планъ рекомендуется для мелкихъ тюремъ, до 100 человѣкъ заключенныхъ.

2) Планъ архитектора Гару-Ромена, составляющій передѣлку паноптикона Бентама. Зданіе тюрьмы круглое, въ центрѣ находится наблюдательный постъ; кельи помѣщаются по обѣимъ сторонамъ окружности. Неудобство его состоитъ въ томъ, что надзоръ возможенъ только за арестантами, помѣщенными во внутренней сторонѣ окружности, обращенной къ наблюдательному посту; кромѣ того, примѣнить эту систему къ большому количеству узниковъ невозможно: окружность пришлось бы начертить такимъ большимъ радіусомъ, что надзоръ былъ бы въ высшей степени затрудненъ.

3) Раскинутый планъ, или вѣерообразный, состоитъ въ слѣдующемъ: въ центрѣ тюремнаго двора помѣщается наблюдательный постъ; изъ него радіусами различной величины проводится нѣсколько рядовъ одноэтажныхъ зданій, въ которыхъ расположены кельи; каждый рядъ отдѣляется отъ другого садикомъ, стѣною и проходною дорожкой;

нѣсколько просѣкъ расходится отъ наблюдательнаго поста къ стѣнѣ, какъ радіусы къ окружности. Но этотъ планъ требуетъ чрезвычайно много мѣста и денегъ; надзоръ при немъ неудобенъ, и для общетюремныхъ потребностей, каковы образованіе и богослуженіе, приходится строить особыя церкви и школу; кромѣ того, онъ требуетъ многочисленную фалангу тюремныхъ сторожей для распредѣленія пищи, вынесенія нечистотъ и т. п., а низенькія зданія съ частыми садами не гарантируютъ тюрьму отъ сырости.

4) Предпочтеніе передъ другими планами получилъ лучистый планъ, принятый впервые сѣверо-американскими пенитенціаріями, затѣмъ улучшенный французскимъ архитекторомъ Блуэ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ центрѣ тюремнаго двора особою башнею устраивается наблюдательный постъ; изъ него, въ видѣ радіусовъ, расходятся флигеля съ корридорами снизу до верху; по обѣимъ сторонамъ ихъ устраиваются кельи. Въ подвальномъ этажѣ центральнаго зданія помѣщается кухня, изъ которой поднимаютъ особымъ снарядомъ кушанья во все этажи; въ первомъ этажѣ устроено наблюдательный постъ, а алтарь помѣщается или вверху его, или въ особой церкви. Въ первомъ случаѣ арестанты могутъ слушать богослуженіе, пріотворяя нѣсколько дверь; во второмъ для каждаго изъ нихъ устроено въ церкви особое помѣщеніе, такъ что они присутствуютъ при богослуженіи подъ постояннымъ надзоромъ тюремнаго начальства, не видя ни одного своего товарища. По той же системѣ устраивается помѣщеніе для школы. Этотъ планъ практикуется въ Бельгіи, въ Пентонвилѣ близъ Лондона, во многихъ земскихъ тюрьмахъ Англій и онъ же принятъ на континентѣ большинствомъ одиночныхъ тюремъ. Упрощеніе его представляетъ С.-Петербургская одиночная тюрьма на Внборгской сторонѣ, гдѣ центральная башня образована стѣнами радіальныхъ флигелей, что значительно удешевило постройку.

VII. Тюремное управленіе.

Весьма важнымъ условіемъ надлежащей дѣятельности тюрьмы представляется удовлетворительная организація тюремнаго персонала, стоящаго лицомъ къ лицу съ арестантами. Вопросъ о лицахъ, руководящихъ тюремною дѣятельностью, есть коренной вопросъ тюремной политики. „При самомъ хорошемъ тюремномъ уставѣ вы не достигнете, говорилъ Канонико, никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ, имѣя дурнаго директора. При хорошемъ директорѣ вы можете достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ даже въ дурной тюрьмѣ“. Справедливость этой мысли основывается на томъ, что арестантъ есть живой человѣкъ, а не машина; что поэтому каждая система, каждая мѣра тюремнаго воспитанія должна быть примѣняема,

сообразуясь съ его личностью. А между тѣмъ, пріисканіе хорошихъ тюремныхъ дѣятелей — дѣло крайне трудное: это сфера скромнаго, невиднаго труда, требующаго много любви къ человѣку, самоотверженія и прочаго сознанія долга. Каждую минуту тюремный дѣятель долженъ контролировать себя, для того, чтобы не испортить общаго хода тюремной дѣятельности.

Вопросъ тюремнаго персонала разбивается на два отдѣльныхъ вопроса: 1) о центральномъ управленіи тюремъ и 2) о мѣстномъ управленіи тюремъ.

I. При разрѣшеніи вопроса о центральномъ управленіи тюремъ, важнѣйшее вниманіе обращаетъ на себя интересъ единства тюремныхъ установленій. Всѣ тюрьмы государства суть мѣста исполненія наказанія, назначаемаго по общему правилу закона; необходимо, чтобы во всѣхъ пунктахъ государства законъ исполнялся по возможности одинаково. Это создаетъ необходимость единообразнаго устройства и общей государственной инспекціи мѣстъ заключенія.

Идея общей государственной инспекціи всѣхъ существующихъ въ государствѣ мѣстъ заключенія становится общепризнаннымъ достояніемъ нашего времени; за нее высказался и стокгольмскій конгрессъ. Еще раньше на сторону ея склонилось большинство отдѣльныхъ государствъ, картина постановленій которыхъ по вопросу о центральномъ управленіи слѣдующая.

Въ Швеціи, во главѣ всей тюремной администраціи стоитъ директоръ тюремъ съ двумя помощниками; эта дирекція организована въ составѣ министерства юстиціи, но пользуется значительною самостоятельностью и правомъ непосредственныхъ докладовъ монарху по вопросамъ помилованія и проч.; она имѣетъ особый бюджетъ; директоръ назначается королемъ.

Въ Англіи единство инспекціи введено только биллемъ 12 іюля 1877 г.; до тѣхъ поръ тюрьмы мѣстныя или земскія отъ государства не зависѣли (съ 1863 г., впрочемъ, установлена уже была косвенная зависимость, поддерживаемая субсидіями отъ государства); по биллю 1877 г., государству предоставлено назначеніе персонала всѣхъ земскихъ тюремъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ еще замѣтно отсутствіе единства. Во Франціи мѣста заключенія находятся въ вѣдѣніи частью министерства юстиціи, частью министерства внутреннихъ дѣлъ, а нѣкоторыя, именно въ колоніяхъ ссылки, даже въ вѣдѣніи морскаго министерства.

Въ Россіи до 1879 г. во главѣ тюремнаго управленія стояло министерство внутреннихъ дѣлъ и Высочайше учрежденное попечительное о тюрьмахъ общество, создавшееся въ 1819 г. подъ вліяніемъ

филантропическихъ идей Гауарда. Въ 1879 году въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образовалось главное тюремное управление, состоящее изъ совѣта и управляющаго тюрьмами. Совѣтъ имѣеть значеніе частью законодательнаго, частью совѣщательнаго учрежденія; въ компетенцію совѣта входятъ также всѣ мѣры административнаго свойства по вопросамъ текущаго управления; управляющему принадлежитъ непосредственное управление и надзору за всѣми мѣстами заключенія чрезъ тюремныхъ инспекторовъ; задача послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобы объѣзжать всѣ мѣста заключенія имперіи и представлять о нихъ отчеты, на основаніи которыхъ и принимаются соотвѣтствующія мѣропріятія. Управляющему, кромѣ того, подчинены помощникъ и канцелярія.

II. Мѣстное управление состоитъ изъ директора тюрьмы и органовъ вспомогательныхъ, двоякаго рода, именно административныхъ и совѣщательныхъ. Въ прежнее время стремились, по возможности, связать дѣятельность директора, подчинить его общей мѣстной администраціи. Съ теченіемъ времени болѣе и болѣе укореняется мысль, что для того, чтобы имѣть отвѣтственнаго директора тюрьмы, необходимо создать ему самостоятельное положеніе. Безъ такого положенія, въ директора не пойдутъ лица, которыя могли бы быть наиболѣе полезны. Независимость отъ общей мѣстной администраціи необходима директорамъ и въ видахъ единства тюремнаго управления. Вспомогательными органами тюремной администраціи являются помощники, надзиратели и стража. На практикѣ этотъ административный вспомогательный персоналъ имѣеть огромное значеніе, а между тѣмъ найти для него достаточное количество лицъ достойныхъ весьма трудно. Существуютъ различные способы ихъ рекрутированія. Въ нѣкоторыхъ государствахъ ихъ набираютъ изъ лицъ монашествующихъ, какъ во Франціи, особенно въ женскихъ тюрьмахъ. Нельзя отрицать, что во Франціи монашескія братства принесли тюремному дѣлу не мало пользы, но вообще рассчитывать на этотъ элементъ трудно: онъ способенъ увлекаться аскетизмомъ, требованіемъ благочестія и т. п., а это всегда ведетъ къ лицемѣрію. Самымъ распространеннымъ элементомъ для рекрутированія тюремнаго персонала служатъ отставные военные чины. Въ пользу обращенія къ этому элементу приводятъ то соображеніе, что военные наиболѣе приучены къ точности, отчетливости, дисциплинѣ, и потому не будутъ входить въ противозаконныя сношенія съ заключенными. Однако опытъ показалъ неудобство этого элемента, именно оказывается, что лица, прошедшія школу военной жизни, склонны къ слишкомъ формальному исполненію распоряженій начальства и менѣе способны къ оцѣнкѣ деталей, часто имѣющихъ важное практическое значеніе; притомъ, образовательный уровень ихъ недо-

статоченъ; такъ что, слѣдовательно, военный элементъ далеко не можетъ считаться надежнымъ для осуществленія всѣхъ цѣлей тюремной дѣятельности.

Вотъ почему неоднократно ставился вопросъ о созданіи особой школы или особаго института для подготовленія лицъ, желающихъ посвятить себя тюремной дѣятельности. Вопросъ этотъ возбуждался еще въ концѣ XVIII в.; впервые его поднялъ Вагницъ, затѣмъ его поддерживалъ Демецъ, и о подготовительной школѣ для тюремныхъ органовъ разсуждали на конгрессахъ франкфуртскомъ и стокгольмскомъ. Были даже попытки осуществленія этой мысли въ Римѣ и Германіи (гдѣ проводителемъ ея выступилъ извѣстный Иллингъ). Въ послѣднее время увлеченіе этой мыслью о специальной школѣ тюремщиковъ разсѣялось. Уже стокгольмскій конгрессъ высказался противъ нея, указывая на то, что лучшею школою служить практическая подготовка въ мѣстахъ заключенія, которую не можетъ замѣнить подготовка теоретическая. Но для этого необходимо, чтобы тюрьма могла обращаться къ лицамъ, получившимъ достаточное общее образование, что возможно лишь въ странѣ съ извѣстнымъ уровнемъ общаго образованія, и чтобы сама тюрьма стояла на значительной высотѣ.

Россія представляетъ картину отсутствія самостоятельности мѣстнаго тюремнаго управленія и крайней неопредѣленности положеній о немъ. Директоръ тюрьмы (смотритель) — незначительное лицо, на каждомъ шагѣ контролируемое многочисленными учрежденіями и зависящее отъ нихъ. Частью органы общей администраціи, частью состоящіе при мѣстахъ заключенія совѣты и комитеты общества попечительнаго о тюрьмахъ, совершенно лишаютъ смотрителя самостоятельности и устраняютъ его отвѣтственность за ходъ тюремнаго дѣла. Это положеніе нуждается въ серьезномъ измѣненіи. Столь же неудовлетворительно и положеніе младшихъ тюремныхъ органовъ — надзирателей, ихъ помощниковъ и сторожей. Набираются они изъ полицейскаго персонала или отставныхъ военныхъ, безъ всякой предварительной подготовки, не имѣя никакого представленія о задачахъ, на тюрьмѣ лежащихъ. Вопросъ образованія ихъ у насъ для тюремъ имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ на организацію тюремнаго персонала путемъ практической подготовки въ нашихъ тюрьмахъ нечего надѣяться. Стража, прежде отбывавшаяся войсками, и у насъ нынѣ стала общеадминистративною тюремною функціею.

Отдѣльно отъ тюремной администраціи могутъ стоять различныя вспомогательныя учрежденія, какъ-то: наблюдательныя тюремныя совѣты, комиссіи и т. п. Вопросъ объ этихъ учрежденіяхъ ставился на стокгольмскомъ и на римскомъ конгрессахъ и разрѣшенъ послѣднимъ

въ утвердительномъ смыслѣ. По этому вопросу римскій конгрессъ принялъ предложеніе Ардуэна (Hardouin), признавъ желательнымъ, чтобы при каждой тюрьмѣ былъ такой наблюдательный совѣтъ, въ смыслѣ учрежденія, совершенно отдѣльнаго отъ тюремной администраціи, занимающаго средину между нею и стоящими при мѣстахъ заключенія учреждениями благотворительными, съ характеромъ послѣднихъ по организаціи и дѣятельности. Такой совѣтъ, или „комитетъ пенитенціарнаго содѣйствія“ (comité de vigilance et d'assistance pénitentiaire) долженъ состоять изъ лицъ безупречной нравственности; дѣйствовать подъ наблюденіемъ высшаго тюремнаго управленія, причемъ компетенція его не должна порождать двоевластія въ тюрьмѣ; тюремная дисциплина и тюремная служба должны быть всецѣло оставлены на отвѣтственности дирекціи; въ кругъ дѣятельности комитета должно входить: участіе въ заботахъ о тюремной работѣ и образованіи нравственномъ и религіозномъ; предложеніе высшей администраціи реформъ, полезныхъ для тюрьмы; подача письменно мнѣнія по всякому предложенію о помилованіи, смягченіи наказанія, досрочномъ освобожденіи; подготовленіе къ жизни на свободѣ и заботы о присканіи для освобождаемыхъ работъ, помѣщенія и т. п.

§ 4. Виды мѣстъ заключенія.

Мѣста заключенія распадаются на общія и особенныя. Первыя имѣютъ въ виду преступленія и лицъ, наиболѣе подходящихъ къ обыкновенному уровню, подпадающему репрессивныхъ мѣрамъ; вторыя вызываются уклоненіями отъ него, лежащими или въ преступномъ дѣйствіи, или въ личности преступника.

1. Общія мѣста заключенія.

Назначаясь за выраженія преступности, которыя признаны нормальными, общія мѣста заключенія, разумѣется, должны стоять подъ господствомъ тѣхъ началъ, которыя указаны для тюрьмы вообще. Но такъ какъ обыкновенныя преступленія, влекущія примѣненіе ихъ, различны по своей тяжести, въ виду чего также различается компетентность органовъ примѣненія ихъ и продолжительность назначаемаго за нихъ лишенія свободы, то различія эти создаютъ и нѣкоторыя особенности между отдѣльными видами общихъ мѣстъ заключенія.

По подвѣдомственности, они обыкновенно распадаются на земскія и государственныя. Дѣленіе это извѣстно Германіи и Швейцаріи, такъ что во всѣхъ названныхъ государствахъ тюрьмы меньшей важности возлагаются на заботы земства; государство же беретъ на себя: а) непосредственныя заботы о тюрьмахъ тяжелыхъ,

ваторжныхъ, и б) контроль за тюрьмами земскими. Нивелирующая централизація Франціи сгладила это различіе, признавъ всё мѣста заключенія государственными; вредъ такого порядка проявился какъ въ томъ, что, убивая интересъ мѣстности къ тюрьмамъ, онъ устранялъ одну изъ важныхъ силъ, могущихъ быть имъ полезными, такъ и въ томъ, что центральная администрація не могла отнестись къ мелкимъ тюрьмамъ съ такою внимательностью, какъ мѣстное самоуправленіе. Выборъ мѣстности для тюрьмы обыкновенно оказывался неудовлетворительнымъ, дѣятельность непосредственнаго начальства—пассивною. Земскимъ участіемъ Токвилъ въ значительной мѣрѣ объясняетъ успѣхъ американскихъ тюремъ, такъ какъ самостоятельность различныхъ земствъ вызвала различіе во взглядахъ, старанія поддержать свои мнѣнія и дѣятельное участіе въ тюремной реформѣ. По законодательству русскому, земству также предоставлено, хотя и ограниченное участіе въ дѣлѣ тюремъ, именно, ему поручены арестные дома для заключаемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей; мѣста же, служащія для тюремнаго заключенія, исправительныя арестантскія отдѣленія и другіе болѣе тяжкіе виды лишенія свободы, признаны учрежденіями государственными.

По продолжительности лишенія свободы, общія мѣста заключенія распадаются на краткосрочныя, среднесрочныя и долгосрочныя. Замѣчательно, что необходимость этого дѣленія выяснилась, не смотря на отсутствіе малѣйшихъ въ этомъ духѣ постановленій въ законодательствѣ уголовномъ; напротивъ, карательные кодексы выходили изъ другой мысли, связывая родъ и названіе заключенія съ родомъ совершеннаго преступленія, позволяя низшимъ родамъ заключенія имѣть максимумы, значительно превышающіе минимумы слѣдующихъ за ними высшихъ родовъ; такъ, по законодательству русскому, заключеніе въ смирительномъ домѣ могло быть назначено на срокъ до 2 л., а въ рабочемъ—отъ 2 мѣс., такъ что высшій срокъ низшаго вида заключенія былъ значительно болѣе низшаго срока высшаго вида заключенія. При этомъ выходили изъ мысли, что степень лишенія не столько опредѣляется срокомъ заключенія, сколько родомъ его, и что каждому преступленію, по возможности, должно отвѣчать свойственное ему наказаніе. Въ жизни оказалось, однако, что срокъ заключенія разсматривался арестантами за наиболѣе реальную мѣру строгости наказанія и ни одинъ не счелъ бы для себя благомъ перемѣнить 2-хъ-мѣсячное заключеніе въ рабочемъ домѣ на 2-хъ-лѣтнее въ смирительномъ домѣ. Выяснилось также, что и мѣры тюремной дѣятельности стоятъ въ зависимости отъ количества времени, предоставленнаго тюремному начальству. Поэтому тюремное законодательство Франціи, совершенно игнорируя постановленія уголовного ко-

декса, разбило мѣста заключенія на 3 группы: департаментскія тюрьмы, гдѣ содержатся лица, приговоренныя къ заключенію до 1 года; центральные исправительные дома — для арестантовъ, приговоренныхъ къ заключенію на срокъ болѣе 1 г.; и *travaux forcés* со ссылкой — для долгосрочныхъ арестантовъ.

Въ высшей степени важно установить правильное соотношеніе между послѣдовательными ступенями общаго заключенія. Сумма лишеній, представляемая низшими ступенями, должна быть меньше суммы лишеній, предлагаемыхъ высшими по тяжести. Это — одна изъ коренныхъ аксіомъ карательной политики, и игнорированіе ея можетъ сопровождаться весьма грустными послѣдствіями: если высшее по роду наказаніе мягче нисшаго суммою своихъ лишеній, то арестанты нисшихъ родовъ будутъ находиться въ постоянномъ искушеніи совершить новыя преступленія, чтобы наказаніе ихъ *de facto* смягчилось. Такую именно картину представляло отношеніе центральныхъ исправительныхъ домовъ къ *bagnes* во Франціи; арестанты первыхъ, подчиненные строгой дисциплинѣ, работавшіе въ закрытыхъ мастерскихъ, нарочно совершали тяжкія преступленія, чтобы быть переведенными въ *bagnes*, гдѣ они могли работать на открытомъ воздухѣ и были свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ.

Краткосрочное заключеніе можетъ быть примѣняемо лишь къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ не имѣлъ мѣста законъ привычки, какъ дѣятельный факторъ при совершеніи преступленій. Лица этой категоріи, признаваемые закономъ преступниками менѣе важными, нуждаются только въ предостереженіи. По тяжести ихъ дѣйствій, назначаемое для нихъ заключеніе распадается на простой арестъ и краткосрочное тюремное заключеніе. Арестъ есть простое лишеніе свободы на самый непродолжительный срокъ времени; онъ назначается за мелкія нарушенія полицейскихъ правилъ, нерѣдко взамѣнъ денежнаго взысканія, и предполагаетъ лицъ, обыкновенно ведущихъ законный образъ жизни; ихъ вина есть дѣло небрежнаго отношенія къ закону, имъ нужно только легкое предостереженіе; поэтому, для нихъ можетъ быть удержано общее заключеніе, работы для нихъ не обязательны, но государство имѣетъ право требовать съ нихъ уплаты издержекъ, понесенныхъ на ихъ заключеніе. Краткосрочное тюремное заключеніе имѣетъ нѣсколько иной характеръ; оно предполагаетъ лицъ, совершившихъ правонарушеніе, а не только нарушеніе полицейскихъ распоряженій; пойдя дальше по намѣченному пути, они рискуютъ стать тяжкими преступниками, и свойство ихъ преступленій таково, что онѣ могутъ обратиться въ привычку. Предупредить ее и беретъ на себя краткосрочное тюремное заключеніе; съ этой точки зрѣнія, оно также является предостереженіемъ для наказываемаго.

оставляющимъ ему полную возможность воротиться въ общество. Но, назначаясь за вину матеріальную, оно прибѣгаетъ къ большей суммѣ лишеній, чѣмъ простой арестъ, назначаемый за вину формальную. Противодѣйствуя зарожденію преступныхъ привычекъ, оно должно всѣми силами заботиться, чтобы арестантъ не былъ развращенъ вреднымъ вліяніемъ другихъ, болѣе испорченныхъ узниковъ и образомъ тюремной жизни. Помня, наконецъ, что заключаемый въ большей части случаевъ есть естественная поддержка семьи, оно должно выбрать такія формы, которыя были бы достаточною карою при незначительности времени заключенія. По всѣмъ этимъ причинамъ, для разсматриваемой ступени лишенія свободы всего лучше строгое одиночное заключеніе съ работами.

Насколько краткосрочное заключеніе представляетъ собою полезную соціальную мѣру борьбы съ преступностью въ указанныхъ случаяхъ, настолько же оно можетъ быть мѣрою вредною для лицъ, уже ставшихъ на преступный путь, какъ на привычную дорогу. Ложная филантропія, побуждающая судей приговаривать рецидивистовъ въ кражѣ, мошенничествѣ и т. под. преступленіяхъ къ незначительнымъ срокамъ заключенія, оказывается гибельною какъ для цѣлаго общества, такъ и для узниковъ. Этотъ порядокъ вещей постепенно втягиваетъ ихъ въ тюремную жизнь, въ тюремные порядки, осваиваетъ ихъ съ ними и въ концѣ концовъ дѣлаетъ для нихъ тюрьму вовсе нестрашною, а нормальнымъ мѣстомъ успокоенія отъ оргій преступной жизни. Короткіе сроки лишаютъ тюремное начальство возможности примѣнять къ нимъ сколько нибудь успѣшно мѣры перевоспитанія и дать имъ новыя силы для противодѣйствія преступнымъ импульсамъ. Вотъ почему лица, ставшія уже на путь преступленія, какъ на привычный, заявляющія на своей сторонѣ такія привычки, которыя нуждаются въ измѣненіи, отсутствіе такихъ силъ, которыя необходимы для честной жизни, — должны быть подвергаемы среднесрочному заключенію. Первый періодъ его всего раціональнѣе проводить въ одиночномъ заключеніи, которое, какъ увеличительное стекло, даетъ тюремному начальству возможность ближе разглядѣть каждаго арестанта, его интеллектуальный и нравственный уровень, его вкусы, потребности и силы. Затѣмъ наступаетъ ночное разъединеніе съ общими работами, обученіе мастерству, если это оказывается нужнымъ, и заботы объ интеллектуальномъ развитіи арестанта, имѣющія цѣлью убѣдить его, что только путемъ честной жизни онъ можетъ достигнуть прочнаго благосостоянія. Срокъ его отъ 2 до 5 лѣтъ.

Наконецъ, долгосрочное заключеніе примѣняется относительно лицъ, совершившихъ тяжкія преступленія. И здѣсь не слѣдуетъ

забывать, что послѣ кары узникъ дѣлается членомъ общества, слѣдовательно, и долгосрочное заключеніе должно преслѣдовать исправительныя задачи; статистика тюремнаго населенія показываетъ даже, что провинившіеся въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ личности обыкновенно гораздо доступнѣе исправленію, чѣмъ арестанты, содержащіеся за преступленія противъ имущества и привыкшіе къ безпорядочной жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжительность заключенія дѣлаетъ для нихъ лишенія тюрьмы гораздо ощутительнѣе, чѣмъ для лицъ, приговоренныхъ на незначительные сроки; этимъ объясняется фактъ, непонятный съ перваго взгляда, что тяжкіе преступники обыкновенно подвергаются болѣе легкому тюремному режиму, чѣмъ арестанты менѣе тяжкіе.

Изложивъ теоретическія начала классификаціи общихъ мѣстъ заключенія, взглянемъ теперь на картину ихъ въ современныхъ государствахъ.

Въ Англіи всѣ тюрьмы дѣлятся на мѣстныя или земскія (local prisons) и государственныя или каторжныя (convict prisons). Земскія тюрьмы, существующія подъ разнообразными названіями county-town, liberty-, borough- prisons, на основаніи закона 1877 года, изымаютъ изъ вѣдѣнія мѣстныхъ органовъ, и высшее завѣдываніе ими сосредоточено въ рукахъ центральной власти. Сюда заключаются лица, приговариваемыя къ лишенію свободы мировыми судьями и соотвѣствующими имъ органами юстиціи; сроки заключенія различны, обыкновенно не болѣе 2 лѣтъ (хотя иногда встрѣчаются здѣсь лица, осужденныя на 5 лѣтъ), но большею частью контингентъ этихъ тюремъ представляетъ собою арестантовъ краткосрочныхъ, пребываніе которыхъ считается днями и недѣлями. Они дѣлятся на двѣ группы: 1) приговариваемые къ простому заключенію и 2) къ заключенію съ тяжелой работой. Нерѣдко въ этихъ-же тюрьмахъ встрѣчаются и арестанты, осужденные къ уголовному рабству: правительство въ такомъ случаѣ уплачиваетъ за нихъ земству по разсчету. Земскія тюрьмы большею частью вмѣщаютъ въ однихъ и тѣхъ-же стѣнахъ какъ подслѣдственныхъ, такъ и осужденныхъ арестантовъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ; по найму, онѣ содержатъ иногда также военныхъ арестантовъ. Вторую группу образуютъ каторжныя тюрьмы въ ихъ послѣдовательныхъ стадіяхъ; для женщинъ существуютъ отдѣльныя тюрьмы этого рода; каторжные арестанты содержатся не только въ самой Англіи, но и въ колоніяхъ, напр., въ гибралтарской крѣпости. Всѣ онѣ состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ м-ва внутр. дѣлъ (Home Department), которое назначаетъ сюда директоровъ и визирующихъ инспекторовъ, обязанныхъ ежегодными отчетами.

Во Франціи мѣста лишенія свободы распадаются на 1) департаментскія тюрьмы для арестантовъ подслѣдственныхъ и осужденныхъ на сроки до 1 года включительно; въ нихъ помѣщаются мужчины и женщины, совершеннолѣтніе и несовершеннолѣтніе, съ особыми для послѣднихъ отдѣленіями, и онѣ состоятъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ общаго административнаго начальства даннаго департамента; 2) центральные исправительные дома (maisons centrales de force et de correction), въ которыхъ отбываются всѣ легальные виды лишенія свободы на сроки выше 1 года, кромѣ каторжной работы; для женщинъ существуетъ особый центральный домъ, въ Мон-

целье; лица, подающія надежду на исправленіе, помѣщаются въ особыя отдѣленія; всѣ центральныя дома состоятъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ м-ва внутр. дѣлъ, которое управляетъ ими черезъ тюремное бюро и черезъ мѣстное департаментское начальство; наконецъ, 3) арестанты, приговоренныя къ каторжной работѣ, содержатся въ Гвіанѣ и Новой Каледоніи, а до отправки туда—въ bagnes Тулона.

Тюрьмы Бельгіи распадаются на дома исправленія отъ 8 дней до 5 лѣтъ; дома заточенія отъ 5 до 10 л.; и дома тяжкаго заключенія отъ 10 до 20 лѣтъ и пожизненно.

Въ Германіи общія мѣста заключенія распадаются на 1) тюрьмы, Gefängnisse, въ которыхъ содержатся лица, приговоренныя къ простому аресту и къ тюремному заключенію, и 2) смирительныя дома, Zuchthäuser, для арестантовъ среднесрочныхъ и долгосрочныхъ. Первые управляются земскими органами, вторые — правительственными; кромѣ того, есть множество смѣшанныхъ мѣстъ заключенія, гдѣ одновременно отбываются всѣ виды лишенія свободы.

Система общихъ мѣстъ заключенія въ Россіи весьма сложна, хотя съ отмѣною смирительныхъ и рабочихъ домовъ значительно упростилась. Дѣйствующее законодательство (уст. о суд. подѣл. подѣл. 1886 ст. 2) знаетъ слѣдующія мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства: 1) помѣщенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей, организованныя закономъ 4-го іюля 1866 г.; 2) исправительныя пріюты для несовершеннолѣтнихъ, введшіе начало съ закона 5-го декабря 1866 г.; 3) арестантскія помѣщенія при полиціи; 4) тюрьмы; этимъ названіемъ обнимаются губернскіе, областныя и уѣздныя тюремныя замки, с.-петербургская тюрьма и московская исправительная тюрьма; 5) исправительныя арестантскія отдѣленія, переименованныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, появившіяся у насъ съ начала царствованія Николая I; 6) тюрьмы для содержанія приреченныхъ къ каторжнымъ работамъ. Въ виду упадка каторжнаго производства въ Сибири и отказа военнаго вѣдомства отъ работъ каторжныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ, рѣшено было въ 1869 г. временно помѣщать ходостыхъ арестантовъ этой категоріи въ тюрьмахъ, долженствовавшихъ быть устроенными въ Европейской Россіи подѣ названіемъ центральныхъ каторжныхъ, отправляя семейныхъ въ Сибирь и на Сахалинъ. Открыто было нѣсколько такихъ центральныхъ тюремъ (виленская, новобѣлгородская, новоборисоглѣбская и др.), но въ нихъ не могли организовать никакихъ работъ, арестанты находились въ постоянной праздности подѣ замкомъ и смертность между ними достигла поразительно высокой цифры, мѣстами приближавшейся къ смерти ости въ гвіанской ссылкѣ. Нынѣ почти всѣ онѣ закрыты и тюрьмами каторжными называются тѣ, которыя устроены при мѣстахъ каторжнаго труда. Наконецъ 7) послѣднюю категорію мѣстъ заключенія по нашему законодательству составляютъ пересыльныя тюрьмы. Отдѣльно отъ нихъ стоятъ особыя мѣста заключенія, частью при военномъ вѣдомствѣ (гауптвахты, крѣпости, военныя тюрьмы), частью при духовномъ (монастыри).

Всѣ эти мѣста заключенія распадаются:

1. По назначенію на а) мѣста исправленія и наказанія; къ нимъ принадлежатъ дома арестные, тюрьмы, исправительныя арестантскія отдѣленія, крѣпости, военныя тюрьмы разнаго рода, монастыри и учрежденія для несовершеннолѣтнихъ; б) мѣста подслѣдственнаго заключенія, отбы-

ваемаго въ арестантскихъ помѣщеніяхъ при полиціи и въ тюрьмахъ, а въ Петербургѣ—и въ домѣ предварительнаго заключенія; в) мѣста заключенія пересыльныхъ и г) неисправныхъ должниковъ;

2. по подвѣдомственности ихъ на мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства и вѣдомства военнаго;

3. по управленію на а) мѣста заключенія общаго устройства и б) мѣста заключенія, управляемые на основаніи особыхъ о нихъ положеній; къ послѣднимъ принадлежатъ арестные дома, крѣпости, монастыри, учрежденія для несовершеннолѣтнихъ.

II. Особенныя мѣста заключенія.

Прежнему времени сословныхъ различій, когда каждый чело-вѣкъ цѣнился исключительно по положенію, занимаемому на общественной лѣстницѣ, необходимо было учредить особыя тюрьмы для лицъ благородныхъ или за такія преступленія, которыя совершались исключительно членами привилегированныхъ сословій (дуэль). Эта идея теперь оставлена; для юстиціи уголовной нѣтъ сословныхъ различій; кража остается кражей, будетъ ли она совершена дворяниномъ или простолюдиномъ; преступленіе уравниваетъ всѣхъ.

Однако, взаимныя особенностей сословныхъ, выяснились особенно-сти по свойству совершеннаго дѣянія и по личнымъ условіямъ преступника, дѣлающія необходимыми особенныя мѣста заключенія, такъ какъ общія мѣста не отвѣчаютъ тѣмъ уклоненіемъ отъ средняго уровня личныхъ условій преступности, которыя представляются случаями этого рода. Всѣ такія особенныя тюрьмы распадаются на двѣ большія группы: 1) мѣста заключенія для совершеннолѣтнихъ и 2) учрежденія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

А. Особенныя мѣста для взрослыхъ. Къ первой группѣ принадлежатъ: а) мѣста заключенія для лицъ, заслуживающихъ тяжкое, но не безчестящее наказаніе, какимъ является обыкновенная тюрьма въ мнѣніи общества, каковы, напримѣръ, тюрьмы политическія, крѣпости и т. п.; б) военныя тюрьмы; в) мѣста заключенія лицъ увѣчныхъ, престарѣлыхъ и больныхъ; г) женскія тюрьмы, и д) тюрьмы для лицъ сельскаго состоянія.

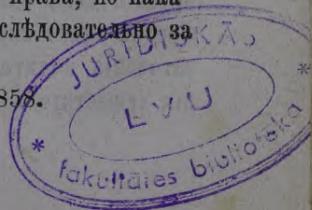
а) Тюрьмы политическія, крѣпости. Заключение въ обыкновенную тюрьму, по взлядамъ, господствующимъ въ обществѣ, ложится пятномъ безчестія на узникѣ. Но есть случаи, въ которыхъ уголовная политика настоятельно рекомендуетъ избѣгать этого, такъ какъ преступленіе, за которое назначается лишеніе свободы, вовсе не свидѣтельствуетъ о безчестномъ состояніи личности. Виновики ихъ несли вредъ государству, вредъ иногда очень тяжелый, и потому подлежатъ карѣ; но въ ихъ дѣйствиіи не было безчестныхъ побужденій, а потому и кара не должна представлять въ себѣ этого момента. Та-

бовы, напимѣрь, преступленія политическія, печати, дуэль и нѣкоторыя отдѣльныя случаи другихъ дѣяній, не представляющіе безчестности побужденія. вмѣсто тюремъ общихъ, къ нимъ гораздо рациональнѣе примѣнять особыя мѣста заключенія, напимѣрь крѣпость. Этотъ именно путь избралъ германскій уголовный кодексъ 1870 г., который позволяетъ суду, вмѣсто смиреннаго дома, назначать заключеніе въ крѣпости, если будетъ признано, что виновникъ не руководился безчестными побужденіями.

б) Военныя тюрьмы. Аналогичныя соображенія дѣлаютъ необходимымъ устройство особыхъ мѣстъ для заключенія лицъ, провинившихся противъ военной дисциплины. Преступленія лицъ военнаго сословія распадутся главнымъ образомъ на двѣ группы: общія и особенныя. Это дѣленіе отражается и на мѣстахъ заключенія, за нихъ положенныхъ. Одни, назначаясь за дѣйствія, которыя по закону объявлены преступными совершенно независимо отъ того, будутъ ли онѣ совершены лицами общегражданскаго или военнаго состоянія, въ главныхъ чертахъ сходны съ общими мѣстами заключенія: онѣ преслѣдуютъ тѣ же самыя задачи кары, справедливости и исправленія. Разница состоитъ лишь въ обрисовкѣ частныхъ контуръ тюремнаго содержанія. Тюрьмы общія принаравляютъ свои исправительныя мѣры къ условіямъ свободной жизни въ гражданскомъ обществѣ, въ среду которой долженъ вступить арестантъ по истеченіи срока заключенія. Напротивъ, для арестантовъ военнаго званія пребываніе въ тюрьмѣ за общее преступленіе не всегда сопровождается исключеніемъ его изъ военной службы: нерѣдко онъ снова изъ тюрьмы возвращается къ своему посту. Ясное дѣло, что въ случаяхъ этого рода мѣры тюремнаго содержанія должны быть рассчитаны именно на военную службу, и задачи ихъ — поддерживать, развить, даже воспитать въ немъ тѣ стороны, которыя необходимы не только для гражданина, но и для солдата. Въ рядъ арестантскихъ занятій необходимо включить воинскія упражненія; предметы школьнаго образованія должны обнимать свѣдѣнія изъ области воинскаго искусства, воспитаніе должно быть направлено на упражненіе въ арестантѣ воинской дисциплины и чувства воинской чести. Эти разнообразныя требованія привели къ необходимости удержанія для военныхъ арестантовъ разсматриваемой группы общаго заключенія, которое представляется для нихъ самою лучшею формою тюремнаго содержанія ¹⁾.

Другую группу военныхъ арестантовъ составляютъ осужденные за дѣйствія безразличныя съ точки зрѣнія общаго права, но наказуемыя въ виду соображеній воинской дисциплины, слѣдовательно за

¹⁾ См. Vidal, Tableau des prisons militaires, Paris 1858.

проступки условные, съ которыми общественное мнѣніе не соединяетъ безчестящаго элемента. Этотъ характеръ ихъ обязываетъ законодателя установить соотвѣтствующія особенности и въ характерѣ наказанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно окажется несоотвѣтствующимъ винѣ, встрѣтитъ отпоръ въ общественномъ мнѣніи, т. е. будетъ имѣть въ стороны наказанія несправедливаго и нечѣлвосообразнаго. Взысканіе, назначаемое за дисциплинарныя воинскія проступки, должно быть строго, но не позорно. Смѣшеніе арестантовъ этой категоріи съ общими преступниками отражается въ высшей степени тяжело на ихъ душевномъ состояніи; такъ, данныя лувенскаго пенитенціарія въ Бельгіи свидѣтельствуютъ, что самоубійство и помѣшательство всего болѣе распространены тамъ именно между военными арестантами. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, устройство особыхъ мѣстъ заключенія для разсматриваемой категоріи лицъ представляется совершенно необходимымъ.

Въ Россіи существуютъ два особыя военно-тюремныя вѣдомства, состоящія при морскомъ и военномъ министерствахъ; имъ подлежатъ слѣдующія категоріи тюремъ: 1) военно-каторжныя отдѣленія; 2) военно-исправительныя роты; 3) военныя и морскія тюрьмы; 4) гауптвахты для простаго военнаго ареста, и 5) крѣпости для нѣкоторыхъ особыхъ проступковъ противъ военной дисциплины. Во 2-й и 3-й категоріяхъ введена оборонская система. Это богатство нельзя не признать совершенно излишнею роскошью, которая потеряла значеніе со введеніемъ общей воинской повинности. Для случаевъ, когда бывшему военному вслѣдствіе учиненнаго имъ преступленія нѣтъ возврата въ военную службу, никакой надобности въ особыхъ мѣстахъ заключенія не имѣется.

в) Тюрьмы для увѣчныхъ, дряхлыхъ и больныхъ арестантовъ. Помѣщеніе арестантовъ этой категоріи вмѣстѣ съ здоривыми вредитъ какъ правильному ходу тюремной дѣятельности, такъ и интересамъ этой категоріи заключенныхъ, потому что, занятое другими текущими вопросами, тюремное начальство обыкновенно совсѣмъ забрасываетъ ихъ и не обращаетъ на нихъ должнаго вниманія. Эти именно соображенія привели къ устройству особыхъ мѣстъ заключенія для лицъ дряхлыхъ и слабыхъ (*Invalidegefängnisse*), обращающія больше вниманія на санитарныя условія и принимающія на себя заботу отыскать такія занятія, которыя бы подходили къ арестантамъ разсматриваемой категоріи. Такое значеніе для Франціи имѣетъ бельгійскій домъ близъ Марселя, на одномъ изъ маленькихъ острововъ Средиземнаго моря, скала котораго служила до революціи мѣстомъ заточенія политическихъ арестантовъ; подобныя же мѣста заключенія существуетъ въ Англии и Италіи. Германія начинаетъ интере-

соеваться устройствомъ ихъ. Въ законодательствѣ русскомъ есть зародышъ мысли объ особыхъ помѣщеніяхъ для увѣчныхъ и дряхлыхъ, именно, съ одной стороны, въ Уставѣ о ссыльныхъ, ст. 251, 593 — 597 котораго постановляютъ, что каторжнне, оказывающіеся неспособными ни къ какой работѣ, помѣщаются въ сибирскихъ тюрьмахъ; съ другой — въ уставахъ о содержащихся подѣ стражею, которыми извѣстны мѣста заключенія, куда дряхлые и неспособные къ работамъ вовсе не принимаются, напримѣръ, исправительныя арестантскія отдѣленія.

Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ объ устройствѣ больницъ для арестантовъ. Западноевропейскій опытъ склоняется болѣе и болѣе къ тому, что если лечение невозможно въ обыкновенномъ помѣщеніи арестанта, то предпочтительнѣе помѣщать его въ больницу, устроенную внѣ тюремной ограды, совершенно отдѣльно отъ тюрьмы. Это рѣшеніе обусловливается гигиеническими соображеніями.

Спеціальную категорію въ ряду хронически больныхъ арестантовъ составляютъ душевнобольные ¹⁾, процентъ которыхъ въ средѣ тюремнаго населенія значительно выше, чѣмъ на свободѣ: нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ его доходящимъ до 5%. Болѣзненныя страданія ихъ или предшествовали преступленію (*criminal lunatic, verbrecherischer Irger*), или начались по учиненіи и судебномъ признаніи его (*insane convict, geisteskranker Sträfling*). Лица первой категоріи остаются совершенно чужды области кары, и только вторые соприкасаются съ нею. Но оставлять ихъ послѣ удостовѣренія болѣзни въ мѣстахъ заключенія съ прочими осужденными было бы и несправедливо, и крайне неудобно для правильнаго хода тюремной дѣятельности. Съ другой стороны, существуетъ масса сомнительныхъ случаевъ душевныхъ болѣзней, распознать которыя въ высшей степени трудно, потому что „нѣтъ рѣзкой грани между душевнымъ здоровьемъ и душевною болѣзнью“; важно предупредить опасность неосновательнаго избавленія ихъ отъ кары.

Системы помѣщенія душевнобольныхъ преступниковъ опредѣляются изложенными соображеніями. Таковы:

1) помѣщеніе ихъ въ общихъ домахъ умалишенныхъ. Эта система прежде была общепринятою и до нынѣ остается въ нѣкоторыхъ государствахъ. Но опытъ показываетъ, что душевнобольные преступники, люди съ дурными привычками и обычаями, составляютъ весьма неудобный элементъ для домовъ умалишенныхъ; для предупрежденія побѣга относительно ихъ нужно принимать особыя мѣры, не всегда возможныя въ общихъ больницахъ; для перевода изъ

¹⁾ Ribstein, въ Handbuch Гольпендорфа и Ягемана, II, 328 и сл.

тюрьмы требуется рядъ формальностей въ видахъ точнаго удостовѣренія болѣзни, что влечетъ за собою потерю времени, драгоцѣннаго для леченія. Если помѣщать ихъ въ особня отдѣленія такихъ больницъ, то первыя два неудобства могутъ быть смягчены, но послѣднее остается въ полной силѣ;

2) устройство для нихъ особыхъ центральныхъ пріютовъ, подобныхъ англійскому въ Брамдорѣ, гдѣ сосредоточиваются душевнобольные изъ всѣхъ тюремъ государства, притомъ какъ приговоренные къ наказанію, такъ и заболѣвшіе до учиненія преступленія. Но опытъ доказалъ огромную опасность скопленія въ значительныя массы такихъ лицъ и чрезвычайную дороговизну ихъ содержанія въ виду необходимости значительнаго персонала;

3) помѣщеніе ихъ въ особня отдѣленія тѣхъ тюремъ, гдѣ они содержались, съ соответствующими въ нихъ приспособленіями. При этой системѣ тюрьма скорѣе освобождается отъ душевнобольнаго и для леченія его теряется меньше времени, его можно начать и при легкихъ формахъ заболѣванія. Противъ нея приводятъ: трудность имѣнія въ такихъ незначительныхъ отдѣленіяхъ всѣхъ средствъ и условій, требуемыхъ наукою для успѣха леченія; зависимость врачебнаго персонала отъ тюремной администраціи; отраженіе на болыничной жизни режима тюрьмы, что вліяетъ невыгодно на ходъ леченія и чего не встрѣчается при первой системѣ;

наконецъ, 4) устройство особыхъ отдѣленій для душевнобольныхъ арестантовъ при помѣщеніяхъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ (*Invalidengefängnisse*), при чемъ предполагается обширность такихъ помѣщеній и предоставленіе значительной власти врачебному персоналу въ управленіи ихъ. Эта система, еще почти не испробованная, встрѣчаетъ со стороны врачей значительное сочувствіе.

г) Женскія тюрьмы. Помѣщеніе женщинъ отдѣльно отъ мужчинъ вызывается самыми настоятельными потребностями тюремнаго содержанія; совмѣстное пребываніе обоихъ половъ открываетъ дверь половой безнравственности. Поэтому то уже издавна тюремные уставы требуютъ, чтобы женщины-арестантки, содержащіяся въ однѣхъ тюрьмахъ съ мужчинами, помѣщались въ особня отдѣленія. Но и это требованіе все болѣе и болѣе оказывается недостаточнымъ; близкое присутствіе лицъ другаго пола поддерживаетъ въ постоянномъ возбужденіи половыя инстинкты арестантовъ и нерѣдко побуждаетъ ихъ на дѣйствія, стоящія въ явномъ противорѣчій съ интересами тюремной дисциплины. Вотъ почему теперь рекомендуется устройство, при малѣйшей практической возможности, отдѣльныхъ тюремъ для каждаго пола.

Въ Россіи еще въ XVIII ст. женщины содержались вмѣстѣ съ

мужчинами; любопытное свидѣтельство указа 1744 г. я уже приводилъ. Впервые Сенатъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и сепаратными указами, начинающимися съ 1744 г., нерѣдко предписывалъ содержать мужчинъ отдѣльно отъ женщинъ. Уставы о содержащихся подъ стражею признаютъ это начало однимъ изъ коренныхъ принциповъ тюремнаго содержанія. Даже болѣе — имъ знакомы нѣкоторыя категоріи тюремъ, куда могутъ быть помѣщаемы только лица одного пола, мужчины, съ полнымъ исключеніемъ женщинъ: таковы исправительныя арестантскія отдѣленія, а частью также крѣпости и каторга въ рудникахъ. Во всѣхъ же другихъ тюрьмахъ женщины хотя содержатся въ одной съ мужчинами оградѣ, но отдѣльно отъ нихъ; на практикѣ, для помѣщенія женщинъ обыкновенно устраивается особое зданіе. Но и это рѣшеніе вопроса оказывается болѣе и болѣе неудовлетворительнымъ; единственный выходъ изъ нихъ лежитъ въ устройствѣ особыхъ женскихъ тюремъ.

д) Мѣста заключенія съ работами на открытомъ воздухѣ. Обыкновенно тюрьмы устраиваются съ работами по типу закрытыхъ мастерскихъ. Но во многихъ случаяхъ представляется болѣе цѣлесообразнымъ и даже необходимымъ занятіе осужденныхъ на открытомъ воздухѣ, притомъ не только въ дополненіе работъ въ мастерскихъ, напримѣръ, на тюремномъ дворѣ или въ тюремныхъ огородахъ, но съ полнымъ ихъ устраниеніемъ. Это можетъ имѣть мѣсто:

1) для осужденныхъ сельскаго состоянія. Они представляютъ рѣзкія различія отъ городскихъ, какъ по образу жизни, такъ и по условіямъ преступности. Заключеніе въ закрытую мастерскую чловѣка полевыхъ занятій можетъ отозваться весьма вредно и на его здоровьи, и на его будущности: отъ прежнихъ занятій въ тюрьмѣ онъ отвыкнетъ, новыхъ не усвоитъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, насильственное пріученіе селянина къ сидячимъ мастерствамъ означаетъ побужденіе его перемѣнить жизнь сельскую на городскую, что по многимъ причинамъ нежелательно: города представляютъ массу искушеній, преодолѣть которыя выпущенному изъ тюрьмы гораздо труднѣе, чѣмъ при жизни сельской;

2) для страдающихъ такими физическими болѣзнями, которымъ грозитъ быстрое критическое развитіе при жизни въ заперти, но которыя, между тѣмъ, не дѣлаютъ ихъ неспособными въ полной мѣрѣ къ работамъ на открытомъ воздухѣ;

наконецъ 3) помимо субъективныхъ причинъ, могутъ встрѣчаться причины объективныя, заставляющія отдавать предпочтеніе занятію осужденныхъ на открытомъ воздухѣ, какъ-то: трудность пріисканія работъ для мастерскихъ, наличность и необходимость для государства въ работахъ наружныхъ, напримѣръ, въ устройствѣ значи-

тельныхъ сооружений, въ осушеніи болотъ, въ устройствѣ системы орошенія и т. п.

Причины послѣдняго рода играли значительную роль въ исторіи наказаній, вызывая обширныя наружныя работы силами осужденныхъ. Таковы французскія галеры, а также американскія и европейскія кандалныя партіи для производства различныхъ работъ этого рода. Съ ними въ прежнее время связывались два крупные недостатки: публичность, создававшая позоръ для наказываемаго, и чрезмѣрная тяжесть, благодаря частью тяжелымъ цѣнямъ, налагавшимся для предупрежденія побѣга, частью стремленію получить наибольшую выгоду изъ даровыхъ силъ осужденнаго. Но эти недостатки не лежатъ въ самой природѣ наружныхъ работъ, какъ, между прочимъ, доказываютъ работы для устройства портовъ, которыми заняты тяжкіе преступники Англии въ Портсмутѣ и Портлендѣ. Они избѣгаются устройствомъ временныхъ тюремъ и временныхъ оградъ, въ предѣлахъ которыхъ работаютъ осужденные и которыя, закрывая ихъ отъ глазъ публики, вмѣстѣ съ тѣмъ устраняютъ необходимость цѣней. Конечно, отыскать работы столь грандіозныя и рассчитанныя на столь долгое время въ другихъ мѣстахъ можетъ быть не такъ легко, а между тѣмъ представляются работы болѣе подвижныя, требующія много рукъ, напримѣръ, по устройству орошеній или по осушкѣ болотъ. Для приспособленія къ нимъ осужденныхъ можно бы продолжить идею временной тюрьмы, — и тогда мы получимъ тюрьмы передвижныя, осѣдающія на 2 на 3 мѣсяца и затѣмъ перекочевывающія на новыя мѣста, по минованіи надобности въ нихъ на прежнемъ мѣстѣ. Казалось бы, что для Россіи, съ ея огромными разстояніями и множествомъ необходимыхъ для общей пользы сооружений, за которыя при платномъ трудѣ нельзя и думать приниматься, эта мысль заслуживаетъ обсужденія.

Частный видъ работъ наружныхъ представляютъ работы сельскохозяйственныя, для постановки которыхъ мѣсто заключенія должно складываться по типу земледѣльческой фермы. Высочайше утвержденная при Государственномъ Совѣтѣ коммисія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, допустила у насъ для исправительныхъ домовъ этотъ типъ на ряду съ типомъ закрытыхъ мастерскихъ, что представляется въ высшей степени правильнымъ. Земледѣльческія занятія для заключенныхъ у насъ болѣе необходимы и полезны, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Сельское населеніе Россіи составляетъ около 80% общаго ея населенія; заключеніе въ закрытую мастерскую рѣзко расходится со всѣмъ строемъ жизни нашего селянина, а между тѣмъ кругъ свѣдѣній, необходимыхъ для его обыденной жизни и дѣятельности, весьма узокъ: сельское хозяй-

ство ведется имъ по традиціямъ, завѣщаннымъ дѣдами, въ садоводствѣ онъ обыкновенно не имѣетъ никакихъ познаній, въ огородничествѣ и скотоводствѣ весьма ограниченныя. Сообщение свѣдѣній этого рода и соответствующаго навыка, не говоря о большей легкости въ виду близости къ прежнимъ занятіямъ, было бы гораздо полезнѣе и для государства, и для самого осужденнаго, чѣмъ, напримѣръ, обученіе селянина сапожничеству, портняжничеству и т. п.

Предложенія о введеніи наружныхъ работъ для нѣкоторыхъ категорій осужденныхъ иногда дѣлались и на международныхъ конгрессахъ, но здѣсь они встрѣчаютъ сильнаго противника въ лицѣ представителей одиночной системы. Однако, нисколько не умаляя высшихъ сторонъ послѣдней, нельзя признать ее цѣлесообразной для всѣхъ лицъ и при всѣхъ отбѣнкахъ въ тяжести и родѣ наказаній. Заключение въ земледѣльческихъ фермахъ и иныхъ мѣстахъ наружныхъ работъ для взрослыхъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ примѣняться съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и заключеніе въ земледѣльческія колоніи несовершеннолѣтнихъ, не только не ослабляя, а даже укрѣпляя дѣйствіе одиночной системы въ случаяхъ, когда она представляется болѣе умѣстной.

Б. Заведенія принудительнаго воспитанія молодежи¹⁾.

І. Необходимость и природа такихъ заведеній. Уголовное право отъ возраста вмѣняемости отличаетъ нѣжный возрастъ безусловной невмѣняемости и между ними ставить промежуточный періодъ вмѣняемости условной, совершенно отпадающей, если судомъ отвергнута способность разумнія. Дѣти невмѣняемые не подлежатъ уголовной отвѣтственности за учиненное; но опытъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ они принадлежатъ къ категоріи бездомныхъ, безпріютныхъ или такихъ, которые имѣютъ родителей съ преступнымъ прошлымъ, такъ что оставленіе ихъ на произволъ судьбы значило бы поощреніе ихъ къ дальнѣйшей противупublicной дѣятельности. Это было бы и не гуманно, и не политично. Подъ влияніемъ такого убѣжденія, уже съ XVIII стол. въ западной Евро-

¹⁾ Богдановскій, Молодые преступники, Одесса, 1870. Таганцевъ, Исслѣдованія объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ, СПб. 1871; Тальбергъ, Населеніе исправительныхъ колоній, Юр. В. 1882; Кистяковскій, Молодые преступники, Кіевъ, 1878; Отчеты перваго и втораго сѣзда представителей исправительныхъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, изд. К. В. Руквишиниковымъ; Отчеты по Главному Тюремному Управленію за 1882—1886 гг. Hello, Des colonies pénitenciaires agricoles, Paris, 1865. Robin, des écoles industrielles et de la protection des enfants, 1879. Lallemand, des enfans abandonnés et délaissés, 1885. Föhring, въ Handbuch Гольцендорфа и Ягемана, II стр. 280 и сл.

пѣ помѣщаютъ безпріютныхъ въ трудовыя семьи земледѣльцевъ и ремесленниковъ, или даже учреждаютъ особыя для нихъ заведенія, которыя ставятъ себѣ задачею доставить имъ необходимое воспитаніе и, до извѣстной степени, замѣнить отсутствующую у нихъ семью. Такого рода воспитательныя заведенія не имѣютъ ничего общаго съ наказаніемъ и предназначаются для безпріютныхъ дѣтей вообще, среди которыхъ могутъ быть и дѣти съ преступнымъ прошлымъ. Послѣднее составляетъ лишь поводъ, а не причину примѣненія ихъ.

Но и съ наступленіемъ срока вмѣняемости, совпадающаго съ отрочествомъ, невозможно примѣненіе къ малолѣтнимъ тѣхъ мѣръ государственнаго взысканія за преступныя дѣянія, которыя установлены для взрослыхъ. „Несложившійся характеръ, зависимость отъ воли другихъ, отсутствіе жизненнаго опыта, способность поддаваться первому порыву“¹⁾, — все это ведетъ къ невозможности признавать въ отроческомъ возрастѣ полную вмѣняемость, даже со стороны дѣйствовавшихъ съ разумѣніемъ. По отношенію къ нимъ можетъ быть рѣчь только о смягченной вмѣняемости, которая приводитъ и къ необходимости смягченія наказанія. Малолѣтство и несовершеннолѣтіе нынѣ всюду признается обстоятельствомъ, смягчающимъ наказаніе силою самого закона.

Смягченіе это еще въ сравнительно недавнее время практиковалось въ размѣрахъ общихъ наказаній, установленныхъ для совершеннолѣтнихъ. Такъ, и по дѣйствующему праву, на основаніи ст. 11 уст. о нак., несовершеннолѣтнимъ отъ 10 до 17 лѣтъ назначаются общія наказанія, но въ половинномъ размѣрѣ, а по уложенію несовершеннолѣтніе отъ 14 до 17 лѣтъ за преступления уголовныя подлежатъ общимъ уголовнымъ же наказаніямъ, съ сокращеніемъ лишь срока каторжныхъ работъ на одну треть (139 улож.). Но мало-помалу и въ этомъ отношеніи оказывается нужнымъ ввести нѣкоторыя особенности.

Путемъ опыта постепенно выясняется, что примѣненіе къ нимъ обыкновенныхъ мѣръ взысканія, выработавшихся для взрослыхъ, въ большинствѣ случаевъ нежелательно. Заключение въ закрытое помѣщеніе оказывается весьма вреднымъ для здоровья лицъ нѣжнаго возраста, нуждающихся въ свѣжемъ воздухѣ. Близость къ природѣ оказываетъ на нихъ и благотѣльное воспитательное вліяніе. При системѣ общихъ наказаній, ихъ къ несовершеннолѣтнимъ пришлось бы примѣнять на небольшіе сроки, въ теченіи которыхъ они бы посте-

¹⁾ Объяснительная записка къ общей части проекта редакц. Комиссіи, изд. 2, стр. 336.

пенно приучались къ тюрьмѣ и готовили изъ себя преступный контингентъ, подпадая вліянію взрослыхъ арестантовъ; между тѣмъ тюрьма, именно въ виду краткосрочности заключенія, не въ силахъ была бы оказать на нихъ благотворнаго воспитательнаго вѣдѣнія. Наконецъ, оказывается неполитичнымъ искусственно притягивать судьбою обездоленныхъ къ городамъ, гдѣ больше всякихъ соблазновъ и искушеній, меньше нравственныхъ связей между отдѣльными членами населенія; гораздо правильнѣе, напротивъ, стараться объ оставленіи ихъ въ рядахъ того населенія, къ которому они принадлежатъ по рожденію, т. е. по преимуществу сельскаго, для чего необходима и соотвѣтственная подготовка.

Въ виду всѣхъ этихъ причинъ настойчиво ставился вопросъ, какъ быть съ молодыми преступниками, для которыхъ обыкновенная тюрьма непригодна? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились.

Согласно одному изъ нихъ, принадлежавшему партизанамъ одиночного заключенія, его слѣдовало примѣнить и къ молодымъ преступникамъ, какъ мѣру, ограждающую ихъ отъ дальнѣйшаго развращенія другими заключенными, составляющую лучшую узду противъ строптивыхъ и вообще наиболѣе содѣйствующую успѣхамъ образовательной и воспитательной дѣятельности по отношенію къ лицамъ этого класса. Эти мысли привели къ учрежденію въ 1703 г. одиночной для несовершеннолѣтнихъ тюрьмы св. Михаила въ Римѣ, затѣмъ въ XIX ст. были господствующими на брюссельскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ и получили практическое осуществленіе въ существующей до нынѣ парижской тюрьмѣ de la petite Roquette.

Нынѣ, однако, господствуетъ иной взглядъ, согласно которому въ дѣятельности по отношенію къ дѣтямъ преступнымъ должно преобладать не физическое принужденіе наказанія, а педагогическое вліяніе доброй привычки и добраго примѣра, и который рекомендуетъ не изолированіе ихъ и удаленіе отъ природы, а напротивъ помѣщеніе ихъ въ условія, наиболѣе соотвѣтствующія естественному складу жизни ребенка. Выяснилась польза распространенія на дѣтей-преступниковъ тѣхъ приемовъ воспитательныхъ, которые появились ранѣе для дѣтей безпріютныхъ и заброшенныхъ, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями. Совокупность ихъ образовала систему принудительнаго воспитанія молодежи (*Zwangserziehung*).

Подъ принудительнымъ воспитаніемъ, обнимающимъ дѣтей заброшенныхъ и преступныхъ, разумѣется опредѣляемое судебными или административными органами воспитаніе лицъ, находящихся въ соотвѣтствующемъ возрастѣ, съ изытіемъ ихъ изъ подъ родительской власти и съ принятіемъ на себя государствомъ правъ и обязанностей

родителей ¹⁾). Отдѣльныя лица и общества, въ ближайшемъ завѣдываніи которыхъ находится это воспитаніе, служатъ лишь органами государства. Поводомъ примѣненія его можетъ быть или отсутствіе у ребенка родителей и лицъ, несущихъ ихъ заботы, или же неспособность ихъ поставить ребенка на путь честной жизни, доказанная учиненіемъ имъ преступнаго дѣянія или подозрительнымъ образомъ жизни.

Такъ какъ принудительное воспитаніе примѣняется вслѣдствіе отсутствія или негодности родной семьи ребенка, то естественно было явиться мысли, что успѣхъ его всего болѣе можетъ быть обезпеченъ помѣщеніемъ ребенка въ чужую благонравную семью, которая изъявитъ согласіе принять его, какъ роднаго. И дѣйствительно, мѣра эта практиковалась въ XVIII ст. въ Швейцаріи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи; прусскій законъ 13 марта 1878 отдастъ ей предпочтеніе предъ всѣми другими, съ чѣмъ согласился и Стокгольмскій международный пенитенціарный конгрессъ, высказавшій, что лучшее воспитаніе дѣтей безпріютныхъ и преступныхъ обезпечивается помѣщеніемъ ихъ въ благонравную семью, и только при невозможности найти такую семью слѣдуетъ обращаться къ публичнымъ или частнымъ воспитательнымъ заведеніямъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, мысль эта оказывается на практикѣ неосуществимою. Найти семьи съ доброю волею и способностью принять и третировать отданнаго имъ ребенка какъ роднаго, въ высшей степени трудно, и это было бы случайностью столь рѣдкою, что ее нельзя имѣть въ виду при конструкціи институтовъ общегосударственныхъ. „Независимо отъ того, замѣчаетъ Фэрингъ ²⁾), что весьма неосторожно вводитъ дѣтей испорченныхъ и преступныхъ въ среду благонравныхъ, почему добросовѣстный отецъ весьма воздержится открывать имъ двери своей семьи, крайне рѣдко можно встрѣтить семейства, способныя къ воспитанію преступныхъ дѣтей, съ характеромъ, часто въ высшей степени испорченнымъ. Обыкновенно у отца семейства для обстоятельной педагогической дѣятельности съ питомцами нѣтъ достаточно времени, и еще чаще нѣтъ необходимаго для того дара. Создать же соотвѣствующія этой цѣли семьи, установивъ за ними педагогическій контроль и общее руководство особаго центрального учрежденія, какъ предлагалъ нейкирхенскій пасторъ Брэмъ, — задача крайне широкая и неосуществимая“. Прибавимъ, что опытъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ эта мѣра практиковалась, свидѣтельствуетъ объ эксплуататорскихъ наклонностяхъ такихъ семействъ, видѣвшихъ въ общемъ правилѣ въ

¹⁾ Föhring, въ руководствѣ Гольцендорфа и Ягемана, II, 280, 281.

²⁾ Föhring, ук. с. II, 302, 303.

отдаваемыхъ имъ питомцахъ своихъ батраковъ, лишенныхъ, притомъ, нормальныхъ средствъ судебной защиты. Относительно дѣтей преступныхъ, эту мѣрою исполненіе наказанія переносилось бы съ государства на частныхъ лицъ. Отдача въ семейства въ скольконибудь широкихъ размѣрахъ если и могла бы быть практикуема, то не на весь срокъ принудительнаго воспитанія, а только на окончаніе его, послѣ соответствующей воспитательной подготовки и въ видѣ преддверія досрочнаго освобожденія. Въ такой постановкѣ она примыкаетъ къ патронату и могла бы приносить значительную пользу, облегчая переходъ въ жизнь свободную и пріисканіе занятій.

Но затѣмъ для принудительнаго воспитанія преобладающею формою является помѣщеніе въ особыя заведенія, рассчитанныя на болѣе или менѣе значительную массу дѣтей и примѣняющія потребныя педагогическіе приемы. Они уже имѣютъ свою исторію.

II. Начатки заведеній принудительнаго воспитанія для молодежи на западѣ. Заботы о безпріютныхъ дѣтяхъ на западѣ встрѣчаются еще въ средніе вѣка, когда онѣ были проникнуты религіознымъ характеромъ и исходили по преимуществу отъ монашествующихъ орденовъ. Исторія Италіи представляетъ много примѣровъ этого рода. Но починъ организаціи ихъ на правильныхъ педагогическихъ началахъ сдѣланъ только въ концѣ XVIII в. въ Швейцаріи.

Различныя благотворительныя общества Швейцаріи еще въ XVIII в. практиковали помѣщеніе такихъ дѣтей въ семейства крестьянъ-землевладѣльцевъ, съ которыми они вступали въ соглашеніе по этому предмету. Но опытъ показалъ, что крестьяне заботились лишь о своихъ выгодахъ, а не объ обученіи и исправленіи отданныхъ имъ дѣтей; послѣднія были для нихъ батраками, не болѣе. Недостатки этой системы выяснилъ знаменитый педагогъ Иванъ Генрихъ Песталлоци, родившійся въ Цюрихѣ въ 1746 г. Несмотря на скудость своихъ средствъ онъ на свой счетъ устроилъ для бѣдныхъ дѣтей школу въ Нейгофѣ, близъерна, принимая ихъ на полное содержаніе, доставляя имъ элементарное обученіе и заботясь главнымъ образомъ о сообщеніи имъ познаній и навыка въ земледѣліи. Свои идеи онъ преслѣдовалъ ревностно, хотя подъ градомъ насмѣшекъ и злословія, и былъ застигнутъ смертью при служеніи имъ. И онъ не умерли. Въ самомъ концѣ XVIII ст., когда политической самостоятельности Швейцаріи грозила серьезная опасность, правящіе классы ея приходятъ къ сознанію о необходимости сблизиться съ народомъ и подать ему руку помощи для просвѣщенія его. Бернскій аристократъ Фелленбергъ открываетъ тогда въ Гофвилѣ, близъерна, обширное земледѣльческое учрежденіе, включавшее въ себя, между прочимъ, ученый земледѣльческій институтъ, реальную

школу и земледѣльческую школу для бѣдныхъ дѣтей. Въ послѣдней, подъ руководствомъ извѣстнаго въ педагогическомъ мѣрѣ друга дѣтей, Верли, дѣти бѣдныхъ родителей получали практическое земледѣльческое обученіе, которое чередовалось съ теоретическимъ, происходившимъ по наглядной системѣ, тутъ же на мѣстѣ полевыхъ работъ. Въ школѣ этой, рассчитанной на весьма небольшое число дѣтей, мальчики и дѣвочки не раздѣлялись, и, при отличной педагогической постановкѣ, такое соединеніе ихъ оказалось не только не вредно, а даже полезно, предупреждая преждевременное возбужденіе неправильныхъ половыхъ инстинктовъ. Гофвилъская школа не осталась безъ подражаній: по примѣру ея, въ Швейцаріи открылось множество другихъ ей подобныхъ, причѣмъ въ нѣкоторыхъ къ земледѣльческому обученію стали прибавлять обученіе мастерствамъ.

Въ Германіи благотворительныя учрежденія для бездомныхъ дѣтей появляются, подъ именемъ Rettungs-Anstalten, въ XVIII ст., а съ начала текущаго вѣка здѣсь уже замѣчаются попытки насажденія семейнаго начала. Первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Виртембергу, гдѣ, послѣ голодныхъ годовъ 1816 и 1817, появилось множество бездомныхъ дѣтей. Для облегченія ихъ участи было открыто нѣсколько такихъ спасательныхъ школъ, между которыми первое по времени мѣсто занимаетъ Paulinenpflege, открытая въ Штутгартѣ 27 сентября 1820 г. Сюда принимались дѣти безпріютныя (verwahrlose), но не преступныя, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ, въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ, оставаясь до достиженія 14 лѣтъ; во главѣ школы стоялъ „отецъ“ (Hausvater), обыкновенно женатый человѣкъ, супруга котораго исполняла роль матери въ импровизованномъ семействѣ. Дальнѣйшую попытку въ этомъ направленіи представляетъ исправительная школа, открытая въ 1832 г. д-ромъ Вихерномъ въ Горнѣ, близъ Гамбурга. Она составляла часть Суроваго Дома (Rauhen Haus), обнимавшаго, сверхъ того, полудуховный протестантскій орденъ „братьевъ и сестеръ“, ставившій себѣ задачей служеніе нравственно падшимъ, и типографію для печатанія книгъ, предназначавшихся для пропагандированія началъ братства. Вскорѣ по учрежденіи, братство суроваго дома получило вліяніе на прусскія тюрьмы, между прочимъ нашло доступъ въ пенитенціарій моабитскій; впрочемъ, тюремная дѣятельность этого братства носила мистико-религіозный характеръ, и въ арестантахъ развивала ханжество, которое привимали за признакъ исправленія. Сочувствіе возбудила только основанная имъ исправительная школа для дѣтей, послужившая образцомъ для меттрейской колоніи Демеца, а затѣмъ и для многихъ другихъ заведеній въ томъ же родѣ. Сюда принимались дѣти обоаго пола безъ преступнаго прошлаго, въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ.

Среднее число их колебалось между 150 и 200. Содержались они по семейному началу; директоръ школы носилъ названіе отца (Hausvater), жена его — матери (Hausmutter). Весь контингентъ дѣтей дѣлился на нѣсколько семей, человѣкъ по 12 въ каждой, состоявшихъ въ завѣдываніи братьевъ и сестеръ суроваго дома; семьи мальчиковъ отдѣлялись отъ семей дѣвочекъ. Обращено было тщательное вниманіе на практическое обученіе земледѣлію и ремесламъ, на обученіе школьное и религиозное; по каждому предмету были особые наставники; производство работъ также совершалось подъ руководствомъ особыхъ мастеровъ и мастерицъ. Церковь, школа и мастерскія были общія для всѣхъ семей. Политика братства направлялась въ тому, чтобы каждый питомецъ полюбилъ школу какъ свою дѣйствительную семью и сохранялъ съ нею связи даже по выходѣ; съ другой стороны, оно старалось сблизиться съ окрестнымъ населеніемъ, приглашая его на свои праздники и вообще знакомя съ воспитанниками для приисканія имъ свободныхъ у нихъ занятій. Дѣти остаются въ школѣ до конфирмаціи, или до помѣщенія ихъ у родителей или въ частное услуженіе, если это можетъ быть сдѣлано безопасно для нихъ. Хозяевъ братство старалось находить по близости, и помѣщенныхъ у нихъ питомцевъ братья и сестры дома посѣщали регулярно отъ 2 до 4 разъ въ мѣсяцъ. Въ праздники звонъ колокола созывалъ въ школу какъ наличныхъ воспитанниковъ, такъ и бывшихъ питомцевъ. Съ тѣми изъ нихъ, которые жили вдали, братство поддерживало сношенія обстоятельною корреспонденціею.

Этотъ семейный принципъ изъ Германіи перенесенъ во Францію, гдѣ онъ впервые примѣненъ къ дѣтямъ съ преступнымъ прошлымъ. Для дѣтей безпріютныхъ по семейному началу уже въ 1825 г. была открыта Крафтомъ колонія въ Нейгофѣ, близъ Страсбурга, и въ 1827 г. Беранже школа св. Николая въ Парижѣ. Въ 1839 г. открывается получившая затѣмъ міровую извѣстность меттрейская колонія, близъ Тура, учредитель которой Демецъ незадолго передъ тѣмъ посѣтилъ горнскую школу и остался въ восторгѣ отъ нея. Она предназначалась для дѣтей: а) отдаваемыхъ родителями въ видахъ исправленія; б) обвинявшихся въ уголовномъ порядкѣ, но признанныхъ судомъ дѣйствовавшими безъ разумія; и в) оказавшихся безпріютными бродягами. Въ порядкѣ содержанія приняты главныя начала школы суроваго дома: тоже раздѣленіе на семьи, тѣ-же старанія привязать къ себѣ своихъ питомцевъ гуманнымъ обращеніемъ во время заключенія и заботами о нихъ по освобожденіи, тѣ-же общія празднества колоніи, на которыхъ присутствуютъ и дѣти, помѣщенные въ частное услуженіе у сосѣднихъ жителей. Работы въ колоніи преимущественно земледѣльческія, которымъ учредители

отдавали предпочтеніе какъ въ видахъ гигиеническихъ, такъ и для того, чтобы отвлечь людей несостоятельныхъ отъ большихъ городовъ, центровъ соблазна; но, въ виду пренебрежительнаго отношенія парижскихъ дѣтей къ земледѣльческому труду, колоніи пришлось устроить у себя и нѣсколько мастерскихъ. Главныя отличія меттрейской колоніи отъ школы суроваго дома состояли въ слѣдующемъ: 1) колонія принимала только мальчиковъ; 2) контингентъ ея былъ значительно больше, доходя до 700 и болѣе дѣтей; 3) меттрейская колонія собираетъ дѣтей барабаннымъ боемъ, учить ихъ маршировать и вводить расчитанные на честолюбіе знаки отличія, какъ-то записываніе на похвальную доску, публичную раздачу наградъ и пр.; мистико-религіознаго направленія она совершенно чужда; наконецъ 4) колонія въ порядкѣ содержанія дѣлаетъ нѣкоторыя отличія по категоріямъ дѣтей. Отдаваемые для домашняго исправленія содержатся отдѣльно отъ прочихъ, и даже, по желанію родителей, въ одиночныхъ помѣщеніяхъ. Присланные судомъ содержатся до наступленія опредѣленнаго имъ срока, но колоніи предоставлено и раньше отдавать ихъ въ частное услуженіе; за проступки они подвергаются дисциплинарнымъ взысканіямъ, состоящимъ въ выговорахъ, заключеніи въ карцеръ свѣтлый (безъ обозначенія срока) и темный (до 3 дней), въ вычеркиваніи имени съ похвальной доски, а въ болѣе важныхъ случаяхъ помѣщаются въ общую тюрьму.

Колонія Меттре нашла себѣ послѣдователей какъ въ самой Франціи, такъ и за предѣлами ея. Въ 1852 г. стараніями Сюрингара основана на аналогичныхъ основаніяхъ земледѣльческая-же колонія въ Рійсельтъ, близъ Цуттена, за которой укрѣпилось названіе „Нидерландскаго Меттре“¹⁾. По принятымъ ею же началамъ, хотя не основана, но кореннымъ образомъ преобразована знаменитая редгилеккая колонія въ Англіи. Еще въ 1788 г. образовалось въ графствѣ Сэррей, утвержденное правительствомъ въ 1806 г. и донынѣ продолжающее свою полезную дѣятельность, филантропическое общество²⁾. Съ самаго начала существованія своего оно поставило задачу бороться съ причинами, наталкивающими столичную молодежь на преступленія. Въ этихъ видахъ, оно въ одномъ изъ предмѣстій Лондона, Гэкней, устроило нѣсколько домиковъ для содержанія малолѣтнихъ мальчиковъ-преступниковъ, размѣстило ихъ небольшими группами-семьями, человекъ по 12, и обучало ихъ здѣсь разными ремесламъ. Въ 1792 г., когда число поступавшихъ значи-

¹⁾ John de Liefde, Six months among the charities of Europe, London 1865.

²⁾ A sketch of the principles and working of the Philanthropic Society. London 1867.

тельно увеличилось, заведение это перенесено на другое мѣсто (георгиевскія поля), начало мелкихъ группъ-семей было брошено и всѣ мальчики раздѣлены на два послѣдовательные класса—испытуемыхъ и обнаружившихъ успѣхи, обучаясь разнымъ ремесламъ въ закрытыхъ мастерскихъ и подвергаясь извѣстному педагогическому уходу. Въ 1848 г. общество командировало особую комиссію для ознакомленія съ меттрейской колоніей. Комиссія эта рекомендовала удалить воспитанниковъ изъ Лондона въ деревню и ввести семейное начало въ порядокъ содержанія ихъ. Новымъ мѣстомъ былъ избранъ Редгилль, на югѣ отъ Лондона, и колонія существуетъ здѣсь понынѣ, представляя нѣсколько домовъ, въ которыхъ живутъ по семьѣ мальчиковъ, сходящихся въ общемъ домѣ въ церковь, въ школу и въ залу митинговъ. Подобныя заведенія стали появляться и въ другихъ мѣстахъ Англіи, которая нынѣ представляется странюю наиболѣе широкой дѣятельности ихъ; но здѣсь не замѣчается увлеченія исключительно земледѣльческимъ типомъ и между заведеніями для малолѣтнихъ есть много такихъ, которые посвящаются обученію разнымъ ремесламъ или даже подготовкѣ къ матросскому званію (напр. школа Акбаг, помѣщающаяся близъ Ливерпуля на кораблѣ). Равнымъ образомъ славится ими и Сѣверо-Американскій Союзъ, гдѣ также учрежденіе ихъ обязано частной инициативѣ. Тамъ еще въ 1824 г., по почину профессора Грискома, учреждено убѣжище (house of refuge), директорамъ котораго дано право принимать мальчиковъ и дѣвочекъ, осужденныхъ за маловажныя преступленія, задержанныхъ по обвиненію въ нихъ или административнымъ порядкомъ; между ними не дѣлалось никакого различія, по принципу, усвоенному въ штатахъ и однородному съ швейцарскимъ, согласно которому нѣтъ дѣтей преступныхъ, есть только дѣти несчастные; мальчики могли оставаться въ убѣжищѣ до достиженія 21 года, дѣвочки—18 лѣтъ. Подобныя же дома учреждены въ Филадельфій и иныхъ штатахъ¹⁾. Изъ нынѣ существующихъ большою славою пользуется ланкастерская исправительная земледѣльческая школа (Reform Farm School), въ штатѣ Огіо, учрежденная въ 1855 году, имѣющая средняго населенія около 400 мальчиковъ и занимающая ихъ, кромѣ работъ земледѣльческихъ, кузнечными и плотничными; дѣти дѣлятся на семьи, по 50 мальчиковъ въ каждой; во главѣ каждой семьи стоитъ „старшій братъ“, назначаемый дирекцію изъ лицъ свободныхъ, его помощникъ и учительница²⁾.

¹⁾ Crawford's Report of the Penitentiaries of the United States 1835 стр. 42 и слѣд.

²⁾ Reports of the Board of Commissioners for Reform School to the Governor of the State of Ohio. Columbus, 1856—1882.

Таковы начатки заведеній принудительнаго воспитанія на западѣ. Обязанныя частной иниціативѣ, онѣ получаютъ болѣе и болѣе значеніе общегосударственное и постепенно входятъ въ систему мѣръ народнаго благосостоянія. Законодатель не можетъ уже игнорировать ихъ, и подъ вліяніемъ ихъ произошли глубокія измѣненія въ положительныхъ законодательствахъ запада о значеніи молодаго возраста для уголовной отвѣтственности.

III. Западноевропейское право. Въ доктринѣ и законодательствахъ запада замѣчаются три главные системы опредѣленія вліянія возраста на уголовную отвѣтственность.

1. Система судебного усмотрѣнія, по которой законъ не долженъ опредѣлять цифры, разграничивающія человѣческой возрастъ, предоставляя суду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различать дѣтство, юность, отрочество и зрѣлый возрастъ. Система эта выходитъ изъ мысли, что дѣйствительное наступленіе каждаго изъ названныхъ періодовъ зависитъ, съ одной стороны, отъ организма человѣка, съ другой—отъ вліяній на него климата, условій жизни и среды, въ которой онъ находится, почему смѣна этихъ періодовъ для разныхъ лицъ происходитъ въ разные сроки. Но, при всей справедливости этой мысли, она мало пригодна со стороны практической, ибо при такой системѣ на судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возлагалась бы обязанность крайне сложныхъ изслѣдованій организма и окружающихъ его вліяній. Для устраненія такихъ изслѣдованій, сопряженныхъ съ значительною опасностью ошибки, цифры возрастныхъ періодовъ указываются обыкновенно самимъ закономъ. При опредѣленіи ихъ, въ свою очередь, примѣняются двѣ системы: климатическая и физиологическая.

2. Климатическая система выходитъ изъ предположенія, что организмъ человѣка черезъ каждые 7 лѣтъ совершенно измѣняется, и потому дѣлитъ возрастъ на семилѣтніе періоды. Она извѣстна была еще римскимъ юристамъ, въ новѣйшее время ее защищали Кабанисъ и Ортоланъ. Но основное положеніе ея произвольно и система эта, полагая возможнымъ дать мѣрку, годную для всѣхъ временъ и народовъ, упускаетъ изъ виду тѣ разнообразныя климатическія и общественныя условія, среди которыхъ складывается жизнь разныхъ людей.

3. Физиологическая система обращаетъ вниманіе на эти условія, рекомендуя законодателю на основаніи ихъ найдти среднія цифры развитія человѣка и принять ихъ для разграниченія возрастныхъ періодовъ.

Такими періодами, съ разными возрастными сроками для разныхъ мѣстностей, будутъ дѣтство, отрочество, юность и зрѣлый возрастъ. Для дѣтства уголовная вмѣняемость безусловно не допускается. Отро-

чество допускаетъ вмѣняемость при условіи достаточнаго развитія, но вызываетъ значительное смягченіе отвѣтственности съ измѣненіемъ самаго характера примѣняемыхъ мѣропріятій. Юность всегда вмѣняема, но и она вызываетъ смягченіе отвѣтственности, происходящее только для наименѣе пѣжныхъ періодовъ ея въ рамкахъ общихъ наказаній, а для болѣе пѣжныхъ періодовъ обуславливающее переходъ къ мѣрамъ особеннымъ, принятымъ для отрочества. Эти особыя мѣры входятъ въ систему принудительнаго воспитанія молодежи.

Выше мы видѣли, что задача послѣдняго не можетъ быть разрѣшена помѣщеніемъ въ семьи и для выполненія ея необходимо устройство особыхъ заведеній. Складъ послѣднихъ опредѣляется слѣдующими главными началами.

Онѣ имѣютъ не карательный, а воспитательный характеръ, хотя съ элементомъ принужденія. Это значитъ, что въ нихъ главная забота обращается на мѣры духовнаго воздѣйствія — образованіе, примѣры и добрыя привычки, сообщаемыя путемъ возможнаго развитія ребенка, а не угнетенія его. Въ основаніи ихъ лежатъ идеи человѣколюбія; но послѣднія должны быть контролируемы началами разумной политики, и нынѣ на западѣ уже общепризнано, что было бы жестокою гуманностью содержать въ нѣгѣ и холѣ дѣтей, имѣющихъ впереди жизнь труда и лишеній. Режимъ такихъ заведеній, соблюдая здоровье питомцевъ и обезпечивая развитіе крѣпости ихъ организма, долженъ приспособляться къ условіямъ среды, для которой они готовятся.

По роду занятій, разсматриваемыя заведенія распадаются на земледѣльческія и ремесленныя. Примѣръ горнской школы и меттрейской колоніи вызвалъ крайнее увлеченіе земледѣльческими занятіями, которыя однако въ своей исключительности нигдѣ не могли быть выдержаны и вызываютъ уже реакцію. Какъ ни опасно создавать искусственный приливъ обездоленной молодежи къ городамъ, но также не безопасно насильственно отрывать отъ городовъ ту молодежь, которая начала въ нихъ жизнь и, по всей вѣроятности, гдѣ она ее кончитъ. Чѣмъ ближе занятія, даваемыя разсматриваемыми заведеніями, къ складу жизни и наклонностей ихъ питомцевъ, тѣмъ болѣе вѣроятности, что они усвоятъ ихъ съ охотою и останутся имъ вѣрными. Достоинъ въ этомъ отношеніи примѣръ Англій, гдѣ занятія для питомцевъ чрезвычайно разнообразны, такъ что тамъ имѣются для нихъ даже матросскія школы, помѣщающіяся на корабляхъ.

Заведенія принудительнаго воспитанія устраиваются или по казарменному типу, или по типу школы, или по семейному началу. При такъ называемомъ казарменномъ типѣ, всѣ питомцы содержатся совмѣстно, безъ всякихъ раздѣленій, и въ порядкѣ жизни проскользываетъ воинскій режимъ, съ маршировкой, барабаннымъ боемъ и

т. п. Эта система затрудняет индивидуализированіе мѣръ воспитательной дѣятельности и создаетъ опасность вредныхъ вліяній однихъ питомцевъ на другихъ. Правильнѣе система классная, при которой дѣти дѣлятся на группы ¹⁾, поручаемыя отдѣльнымъ воспитателямъ, могущимъ ближе съ ними ознакомиться. Однако, полное уподобленіе заведенія принудительнаго воспитанія школѣ не можетъ выдержать критики, 1) потому что жизнь свободнаго ребенка не ограничивается и не можетъ ограничиваться жизнью школьною, и 2) потому что школы со своимъ режимомъ рассчитаны на дѣтей свободныхъ, а заведенія принудительнаго воспитанія предназначаются для дѣтей не свободныхъ. Мысль перенести идею семьи въ стѣны этихъ заведеній принадлежитъ къ благороднѣйшимъ попыткамъ человѣчества построить отношенія общества къ заброшенной молодежи на началѣ любви; но въ дѣйствительности она оказывается недостижимою, потому что между заведеніемъ принудительнаго воспитанія и естественною семьею лежитъ цѣлая пропасть. Фикція семьи здѣсь настолько урѣзывается, что на самомъ дѣлѣ отъ семьи ничего не остается: нѣтъ отца, представителя принципа авторитета; нѣтъ матери съ ея всепрощающею и обо всемъ заботящеюся любовью; заведенія для мальчиковъ не имѣютъ сестеръ, заведенія для дѣвочекъ — братьевъ; каждая группа слишкомъ велика для семьи: наименьшій размѣръ ея 12 питомцевъ, но иногда, по соображеніямъ практическимъ, эта цифра поднимается (въ нидерландскомъ Метрѣ, въ Мичиганѣ и Редгиллѣ) до 30, 36, 40 и даже 50 человѣкъ; притомъ всѣ они почти одинаковаго возраста. Поэтому совершенно правъ Фэрингъ, замѣчая, что вѣрнѣе видѣть въ отдѣленіяхъ этихъ заведеній не семьи, какъ онѣ себя величаютъ, а то лишь, что они суть и иначе быть не могутъ — простыя группы, общежитія. Не будучи ни военнымъ отрядомъ, ни школою, ни семьею или собраніемъ семей, заведеніе принудительнаго воспитанія есть институтъ особаго рода, преслѣдующій свои специфическія задачи, которыя и сообщаютъ ему свои очертанія. Въ нихъ есть элементъ школы, рассчитанный на образованіе питомцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они — мѣсто труда и подготовки къ труду, мѣсто усвоенія рабочихъ привычекъ и нравственныхъ правилъ, и, притомъ, мѣсто заключенія и даже порою мѣсто наказанія.

Разсматриваемыя заведенія начали появляться по частной инициативѣ, какъ удовлетвореніе высокой потребности благородныхъ людей удержатъ падающаго ребенка на пути чести и добра. Безкорыстная энергія, ими къ этому дѣлу приложенная, обезпечила ему успѣхъ,

¹⁾ Хотя и здѣсь при классификаціи встрѣчаются тѣ же трудности въ пріисканіи признаковъ ея, какъ и при классификаціи взрослыхъ арестантовъ.

твердую постановку и общее сочувствіе. Даже послѣ того, когда была признана общегосударственная важность этихъ заведеній, правительства наши полезнымъ удержать при нихъ частный починъ, придя ему на помощь субсидіями за питомцевъ и возложеніемъ на родителей обязанности вносить за нихъ извѣстную сумму. Этимъ объясняется и чрезвычайное разнообразіе разсматриваемыхъ заведеній по условіямъ пріема (полъ, возрастъ, вѣроисповѣданіе), содержанія и выпуска; всѣмъ частнымъ заведеніямъ этого рода, по существу вещей, должно принадлежать право отказываться отъ питомца, котораго они не желаютъ принять или котораго не находятъ болѣе возможнымъ продолжать оставлять у себя. Но для того, чтобы въ такихъ случаяхъ тюрьма не оказывалась единственнымъ возможнымъ мѣстомъ, представляется необходимымъ, кромѣ частныхъ, имѣть публичныя заведенія этого рода. Потребность въ нихъ обуславливается, кромѣ того, и недостаточностью помѣщеній, возможною въ частныхъ заведеніяхъ. Современнымъ государствомъ запада въ большинствѣ случаевъ уже извѣстны два эти рода заведеній: частныя и публичныя.

Римскимъ международнымъ пенитенціарнымъ конгрессомъ относительно молодыхъ преступниковъ приняты слѣдующія положенія: 1) суду должно быть дано право постановить, чтобы малолѣтній, признанный учинившимъ преступное дѣяніе безъ разумѣнія, былъ помѣщенъ въ воспитательное заведеніе или въ исправительную школу; продолжительность пребыванія опредѣляется судомъ, который властенъ прекратить его во всякій моментъ; опредѣленный судомъ срокъ, сверхъ того, можетъ быть сокращаемъ въ порядкѣ досрочнаго освобожденія, съ сохраненіемъ за дирекцію заведенія или школы надзора за освобожденнымъ; 2) суду должно принадлежать право постановить, чтобы наказаніе, опредѣленное имъ несовершеннолѣтнему, было отбыто послѣднимъ въ воспитательномъ заведеніи или въ исправительной школѣ, но эта власть суда ограничивается заведеніями и школами публичными, не распространяясь на частныя.

Обращаясь къ отдѣльнымъ положительнымъ законодательствамъ запада, мы встрѣчаемъ первый примѣръ сознанія публичнаго значенія заведеній принудительнаго воспитанія и законодательнаго ихъ регламентирования въ Бельгіи. Здѣсь уже закономъ 3 апрѣля 1848 г. усвоено, что „содержаніе малолѣтнихъ заключенныхъ должно носить по преимуществу педагогическій характеръ, но при этомъ принято во вниманіе, что оно во всѣхъ случаяхъ—будутъ ли то оправданные или осужденные—должно примѣняться къ лицамъ, уже выступившимъ на путь преступленія. Отъ такихъ малолѣтнихъ преступниковъ находили нужнымъ отличить дѣтей, задержанныхъ за прошевіе милостыни или бродяжество,—признакъ заброшенности ихъ родителями или воспитателями, или даже эксплуатированія ими,—съ опасностью пойти по преступному пути, хотя только въ будущемъ. Согласно этому, въ Бельгіи различаютъ дѣтей преступныхъ (*enfant coupable*)

отъ дѣтей заброшенныхъ (*enfance abandonnée*). Въ интересахъ всего гражданскаго общества признавали нужнымъ заботиться о воспитаніи обѣихъ категорій, и потому организовать необходимыя для того заведенія какъ публичныя, не предоставляя ихъ всецѣло частной инициативѣ или усмотрѣнію общины; организовать притомъ такъ, чтобы проведено было различіе между дѣтми преступными и заброшенными“¹⁾. Для дѣтей безпріютныхъ здѣсь учреждены воспитательныя школы (*écoles de réforme*) въ Рюиселледѣ и Бернемѣ, близъ Брюгге; для дѣтей же преступныхъ—дома пенитенціарныя (*maisons pénitentiaires*) въ S-t Hubert (съ 1847 г.) для мальчиковъ и въ Намюрѣ (съ 1864 г.) для дѣвочекъ. Тѣ и другія суть учрежденія публичныя, но первыя болѣе приближаются къ складу семейному.

Во Франціи, по Уложенію 1810 г. (art. 66—69) предѣльнымъ возрастомъ малолѣтства положенъ 16-ти-лѣтній срокъ, до достиженія котораго законъ требуетъ разрѣшенія судомъ вопроса, дѣйствовалъ ли обвиняемый съ разумѣніемъ (*avec discernement*) или безъ разумѣнія. Если разумѣніе отвергнуто, то обвиняемый освобождается отъ наказанія, но, по усмотрѣнію суда, можетъ быть отданъ подъ надзоръ родителей или родственниковъ, или отосланъ въ исправительное учрежденіе на срокъ, опредѣляемый судомъ, однако не болѣе, чѣмъ до достиженія имъ 20-лѣтняго возраста²⁾. Если же виновный признанъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, то по первоначальной редакціи 1810 г. при осужденіи за преступленіе (*crime*) вмѣсто наказаній, полагавшихся для взрослыхъ, назначалась тюрьма до 20 лѣтъ, отбываемая въ исправительныхъ учрежденіяхъ, а при осужденіи за проступокъ (*délit*) назначалось тоже наказаніе, что и для взрослыхъ, но въ половинномъ размѣрѣ. Законъ 5 августа 1850 г., вызванный блистательнымъ успѣхомъ Меттрейской земледѣльской колоніи, не касаясь опредѣленій уголовного кодекса объ условіяхъ вмѣняемости лицъ нѣжнаго возраста, устанавливаетъ новыя принципы воспитательной по отношенію къ нимъ дѣятельности³⁾. Изъ нихъ мальчиковъ онъ дѣлитъ на 4 категоріи: 1) обвиняемые и приговоренные къ тюремному заключенію на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ; ихъ предписывается содержать въ особыхъ отдѣленіяхъ арестныхъ домовъ для подслѣдственныхъ; 2) оправданные за отсутствіемъ разумѣнія; если они не были отданы родителямъ, то законъ 1850 г. предписываетъ направлять ихъ въ особыя пенитенціарныя колоніи для обученія ихъ совмѣстно и въ строгой дисциплинѣ и для употребленія ихъ на работы земледѣльскія или на примыкающія къ нимъ ремесленныя; 3) осужденныхъ къ тюремному заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ равнымъ образомъ предписано направлять въ пенитенціарныя колоніи, но съ тѣмъ, что въ теченіи первыхъ 3 мѣсяцевъ, до обращенія на работы земледѣльскія, ихъ указывалось занимать работами въ мастерскихъ (*travaux sédentaires*) и содержать въ особомъ отдѣленіи. Наконецъ 4) послѣдняя категорія несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ по закону 1850 г. составлялась изъ а) приговоренныхъ къ тюремному заключенію на срокъ свыше 2 лѣтъ, и б) тѣхъ воспитанниковъ пенитенціарныхъ колоній, которые удалены отсюда

¹⁾ Starke, das belgische Gefängniswesen, стр. 193 и сл.

²⁾ Въ 1832 г. министръ d'Argout предписалъ такихъ оправданныхъ отдавать въ семейства земледѣльцевъ и ремесленниковъ, направляя ихъ въ исправительныя учрежденія лишь при безуспѣшности этой мѣры.

³⁾ D'Haussenville, Les établissements pénitentiaires en France, стр. 285 и сл.

вслѣдствіе дурнаго поведенія. Для нихъ предположено было устройство особыхъ учрежденій — исправительныхъ колоній, colonies correctionnelles. Относительно мальчиковъ, отдаваемыхъ для исправленія родительскою властью на основаніи гражданскаго кодекса, законъ не содержалъ никакихъ постановленій. Что касается дѣвочекъ, то въ воспитательныя колоніи (colonies pénitentiaires) предназначались: 1) отдаваемая для исправленія родительскою властью; 2) дѣвочки моложе 16 лѣтъ, приговоренныя къ тюремному заключенію на любой срокъ времени; и 3) оправданныя по отсутствію разумія, но не переданныя родителямъ. Особыхъ исправительныхъ колоній для дѣвочекъ не предполагалось. Всѣ воспитанники колоній, за исключеніемъ отдаваемыхъ для исправленія родительскою властью, по освобожденіи изъ колоній, на три года постулають подъ покровительство учреждений общественнаго попечительства (sous le patronage de l'assistance publique) устройство и режимъ которыхъ предполагалось опредѣлить впоследствии. Въ заключеніе, законъ 1850 г. обращается къ частной инициативѣ съ призывомъ объ устройствѣ воспитательныхъ заведеній, общая имъ поддержка отъ государства и объявляя, что по истеченіи 5 лѣтъ, и лишь при недостаткѣ частныхъ заведеній этого рода, правительство приступитъ само къ образованію государственныхъ воспитательныхъ колоній.

Въ дѣйствительности, исправительныхъ колоній для несовершеннолѣтнихъ (colonies correctionnelles) во Франціи совершенно не появлялось¹⁾; взамѣнъ того, съ семидесятыхъ годовъ, при нѣкоторыхъ домахъ центральныхъ администраціи начала устраивать, уже извѣстныя намъ²⁾, особыя исправительныя отдѣленія (quartiers d'amendement), для помѣщенія здѣсь лучшихъ узниковъ независимо отъ ихъ возраста. Что касается затѣмъ воспитательныхъ колоній, то на практикѣ предположеннаго закономъ раздѣленія по категоріямъ несовершеннолѣтнихъ не существуетъ, большинство ихъ обязано существованіемъ частной инициативы³⁾ и на складъ ихъ оказала огромное вліяніе Меттрейская колонія.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе оживилось вниманіе французскаго общества къ вопросу объ обезпеченіи участи молодыхъ правонарушителей. Образовавшая въ 1873 г. парламентская коммисія проектировала установить, по подобію германскаго законодательства, періодъ безусловной невмѣняемости, простирающійся до 12-ти-лѣтняго возраста. Въ 1881 году, по предложенію сенатора Беренже, принять законъ о покровительствѣ молодежи, расширившій государственное вмѣшательство въ предѣлы отеческой власти, а образованное съ 1880 г., по почину судьи Bonjean'a, Société générale de protection pour l'Enfance abandonnée et coupable, успѣло распространить свою полезную дѣятельность на всю Францію.

По англійскому праву⁴⁾, уголовная отвѣтственность наступаетъ съ достиженія 21-лѣтняго возраста. Лица моложе этого признаются дѣтми (infant), но полная безотвѣтственность простирается только до 7 лѣтъ, по

¹⁾ Исключеніе составляетъ одна такая колонія въ Алжирѣ, M'Zera.

²⁾ См. выше стр. 327, 328.

³⁾ Такъ, въ 1873 г. всѣхъ заведеній этого рода во Франціи было 52, изъ нихъ 12 публичныхъ (9 для мальчиковъ и 3 для дѣвочекъ) и 40 частныхъ (20 для мальчиковъ и 20 для дѣвочекъ); см. Кистяковскій, ук. с. 50 и сл.

⁴⁾ Blackstone, Commentaries IV, 21 и сл. Russel, on crimes and misdemeanors, I, 6 и сл. Wharton, a treatise on crim. law of the United States, I, § 58 и сл.

praesumptio juris et de jure о ихъ невѣяемости. Въ періодъ же между 7 и 21 годами обращается вниманіе на тяжесть и свойство учиненнаго. За нарушенія (misdemeanors) и проступки (offences that are not capital) они не подлежатъ уголовнымъ наказаніямъ, исключая лишь случаи проступковъ, составляющихъ явное нарушеніе мира, каковы тяжкая драка и т. под., когда наказанія примѣняются съ достиженія 14-лѣтняго возраста. За тяжкія же преступленія (capital crimes) полная отвѣтственность наступаетъ съ 7 лѣтняго возраста, съ тѣмъ, однако, что для періода между 7 и 14 годами имѣетъ мѣсто предположеніе о невѣяемости, развѣ судъ признаетъ, что въ данномъ случаѣ malitia supplet aetatem. Такимъ образомъ, въ Англіи предѣлы уголовной безотвѣтственности для лицъ молодаго возраста весьма широки, и тамъ болѣе, чѣмъ въ какой нибудь странѣ континента, потребны мѣры для молодыхъ правонарушителей и для той части молодежи, которая стоитъ на рубежѣ преступности. Починъ ихъ носить филантропическую окраску, затѣмъ примѣръ Меттрейской колоніи оказалъ вліяніе и на Англію; по образцу ея, здѣсь въ 1848 г., какъ мы видѣли, преобразована въ Редгиллѣ школа-ферма для мальчиковъ. Съ 1854 г. начинаются законодательныя работы по этому вопросу, завершившіяся нынѣ дѣйствующимъ статутомъ 10 августа 1866 г. объ исправительныхъ и ремесленныхъ школахъ (reformatory and industrial schools).

Законъ этотъ, положенія котораго въ 1868 г. распространены и на Ирландію, различаетъ двѣ категоріи покровительствуемыхъ имъ дѣтей — преступныхъ и бездомныхъ, предназначая для первыхъ школы исправительныя (reformatory schools), для вторыхъ — школы ремесленныя или воспитательныя (industrial schools)¹⁾. Тѣ и другія, по предположеніямъ его, суть учрежденія частныя, но правительство помогаетъ имъ своими средствами и имѣетъ за ними общій надзоръ черезъ особыхъ инспекторовъ, наблюдающихъ за соблюденіемъ установленныхъ для нихъ правилъ и вообще за ихъ дѣятельностью.

Въ ремесленныя школы (industrial schools) поступаютъ, по опредѣленію суда, дѣти обоаго пола: 1) моложе 14 лѣтъ, задержанные за прошеніе милостыни, бездомные, бродяги, вращающіеся въ обществѣ воровъ, проживавшіе въ домахъ проституціи, и даже имѣющіе родителей, если послѣдніе докажутъ, что они не въ состояніи наблюдать за ними, или родители ихъ приговорены къ предварительному лишенію свободы, или относительно полезности заключенія которыхъ представлять совѣты училищный или о бѣдныхъ; 2) дѣти моложе 12 лѣтъ, учинившіе дѣянія, караемые тюрьмою или наказаніемъ болѣе легкимъ, если судъ найдетъ нужнымъ помѣстить ихъ въ эти заведенія. Всѣ такіе дѣти содержатся здѣсь до достиженія 16-лѣтняго возраста. Въ школы исправительныя (reformatory) поступаютъ дѣти моложе 16 лѣтъ, на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ, или по опредѣленію суда послѣ отбытія ими тюремнаго заключенія въ теченіи не менѣе 10 дней, или въ порядкѣ помплованія вмѣсто опредѣленнаго имъ карательнаго лишенія свободы; кромѣ того, исправительная школа служитъ мѣстомъ дисциплинарнаго взысканія для содержащихся въ ремесленныхъ школахъ. Благодаря широкой общественной иниціативѣ, нынѣ въ Англіи и Ирландіи существуетъ уже около 240 ремесленныхъ школъ, съ населеніемъ около

¹⁾ Третья указываемая проф. Кистяковскимъ категорія заведеній, пріюты (refuges), относится къ патронату.

17 т. мальчиковъ и 8 т. дѣвочекъ, и около 75 исправительныхъ школъ, съ населеніемъ въ 6½ т. мальчиковъ и около 2 т. дѣвочекъ.

Въ Италіи учрежденія для несовершеннолѣтнихъ рѣшаются на публичныя исправительныя пріюты — *Case di custodia*, и частныя благотворительныя пріюты — *Istituti pii pel ricovero forzato dei giovanetti*; первые стоятъ въ близкой связи съ мѣстами карательнаго заключенія, вторые предназначаются для молодежи безпріютной, или осужденной за менѣе важныя нарушенія.

Германское уголовное уложеніе 1871 г. признаетъ дѣтей до 12 лѣтъ невѣняемыми. О малолѣтнихъ отъ 12 до 18 лѣтъ требуется рѣшеніе судомъ вопроса о разумѣніи; при отрцаніи его уголовная отвѣтственность не имѣетъ мѣста, но суду дано право отдать малолѣтняго подъ надзоръ родителей, или помѣстить его въ воспитательное или исправительное заведеніе на срокъ, опредѣляемый начальствомъ послѣдняго, но во всякомъ случаѣ не позже достиженія 20-лѣтняго возраста; если же вопросъ о разумѣніи рѣшенъ утвердительно, то осужденный подлежитъ общему, но смягченному наказанію (вмѣсто смертной казни и пожизненнаго заключенія — тюрьмѣ отъ 3 до 15 лѣтъ; срочное заключеніе уменьшается приблизительно на половину; лишеніе правъ и полицейскій надзоръ не примѣняются; при проступкахъ и нарушеніяхъ судъ можетъ ограничиться выговоромъ), и притомъ заключеніе отбывается въ особыхъ учрежденіяхъ или помѣщеніяхъ, назначенныхъ для малолѣтнихъ. Новелю 1876 г. право помѣщенія въ эти учрежденія дано и относительно дѣтей моложе 12 лѣтъ. По почину Пруссіи, съ 1878 г. въ разныхъ германскихъ государствахъ состоялись законы о призрѣніи безпріютной молодежи, помѣщаемой судомъ или администраціею частью въ публичныя и частныя воспитательныя или исправительныя учрежденія, частью въ надежныя семьи ¹⁾. Число частныхъ учрежденій этого рода въ Германіи не приведено въ извѣстность, но оно должно быть значительно: по заявленію пастора Вихерна на гамбургскомъ тюремномъ конгрессѣ 1878 г., въ то время учрежденій этого рода, образцомъ своимъ имѣвшихъ горнскую школу, созданную его отцомъ, было 400 съ населеніемъ въ 12.000 дѣтей. Напротивъ, число публичныхъ (государственныхъ и провинціальныхъ) заведеній для молодежи въ Германіи незначительно, всего около 15 ²⁾.

Дѣйствующее австрійское уложеніе 1852 г. не знаетъ еще отдачи въ воспитательныя заведенія, предписывая: для малолѣтнихъ до 10 лѣтъ — отдачу для домашняго исправленія; для лицъ отъ 10 до 14 лѣтъ, осужденныхъ за проступки и нарушенія — ту же мѣру, а если они осуждены за преступленіе, то лишеніе свободы до 6 мѣсяцевъ; наконецъ, для несовершеннолѣтнихъ старѣе 14 лѣтъ, общія наказанія со смягченіемъ ихъ. Но въ новѣйшее время и въ Австріи вопросъ объ учрежденіяхъ для принудительнаго воспитанія молодежи уже подвергся законодательнымъ опредѣ-

¹⁾ Прусскій законъ 13 марта 1878 г. (*Bulletin de la société générale des prisons*, 4e année, стр. 393 и сл.) относится къ дѣтямъ отъ 6 до 12 лѣтъ, учинившимъ дѣянія наказуемыя. Инициаторъ его — д-ръ Иллингъ. О слѣдующихъ ему баденскомъ законѣ 4 мая 1886 и гамбургскомъ 6 апрѣля 1887 см. статью Dubois, въ *Bulletin* 1888 г. стр. 200 и сл.

²⁾ Föhning въ *Handbuch des Gefängniswesens* Гольцендорфа и Ягемана, II, 282—284.

лениямъ. Законы 1873 г. о невмѣющихъ занятій и 1885 г. о заключеніи въ работные дома и исправительные пріюты относительно несовершеннолѣтнихъ постановляютъ, что подлежащіе задержанію лица моложе 18 лѣтъ помѣщаются не въ работные дома, а въ исправительные пріюты, оставаясь здѣсь до достиженія 20 лѣтъ. Въ томъ же 1885 г. и уголовному суду дано право помѣщать въ эти пріюты несовершеннолѣтнихъ, осуждаемыхъ за нарушения. Въ Австріи, однако, до сихъ поръ еще нѣтъ публичныхъ заведеній этого рода, а лишь незначительное число частныхъ, съ небольшимъ контингентомъ ¹⁾.

IV. Русское законодательство объ уголовной отвѣтственности молодежи ²⁾. Первые указанія объ устраненіи и пониженіи кары для молодаго возраста встрѣчаются въ нашемъ правѣ съ конца XVII ст., подъ влияніемъ законовъ византійскихъ. Въ новополитическихъ статьяхъ 1669 г. возрастомъ невмѣяемости положены первыя 7 лѣтъ, въ указѣ 1742 г. — 12 лѣтъ; въ 1765 г. установлено дѣтей до 10 лѣтъ вмѣсто наказанія отдавать для исправленія родителямъ, отъ 10 до 15 л. за менѣе тяжкія преступленія наказывать розгами, отъ 15 до 17 л. — плетью, а за болѣе тяжкія преступленія представлять дѣла о нихъ на благоусмотрѣніе сената. Однако, эти законы не исполнялись и на практикѣ періоды невмѣяемости и смягченія кары нерѣдко принимались иные.

Сводъ законовъ принимаетъ систему 1765 г., которая была изменена закономъ 28 іюня 1833 г.: до 10 лѣтъ полная безотвѣтственность, съ 17 лѣтъ полная отвѣтственность; относительно же лицъ въ періодѣ отъ 10 до 17 лѣтъ судебному мѣсту предписывалось рѣшить вопросъ, съ разумніемъ ли совершено преступленіе или безъ разумія. Дѣйствовавшіе безъ разумія наказанію не подлежали; для дѣйствующихъ же съ разумніемъ смягчались общія наказанія, но все они освобождались отъ кнута и публичнаго наказанія плетью, а малолѣтніе отъ 10 до 14 л., сверхъ того, и отъ каторжныхъ работъ.

Система дѣйствующаго законодательства по этому предмету весьма сложна. Улож. о нак. примыкаетъ къ климатической теоріи 7-лѣтнихъ періодовъ, но не выдерживаетъ ее и періодъ безотвѣтственности собственно продолжаетъ не до 7 лѣтъ, какъ можно заключить изъ ст. 94, а до 10 лѣтъ (137 ч. 1): все лица моложе этого возраста признаются дѣтьми и вмѣсто наказанія отдаются родителямъ или родственникамъ „для вразумленія и наставленія ихъ впослѣдствіи“ (ст. 94), или, что сводится къ тому же „для домашняго ихъ исправленія“ (137 ч. 1). Полная отвѣтственность наступаетъ съ 21 года, а промежутокъ между 10 и 21 годами распадается на 3 періода: отъ 10

¹⁾ Тамъ же, стр. 285, 286.

²⁾ Таганцевъ, ук. с. стр. 19 и слѣд.

до 14 лѣтъ — малолѣтство, отъ 14 до 17 и отъ 17 до 21 года — несовершеннолѣтіе.

Относительно малолѣтнихъ судъ долженъ рѣшить вопросъ, дѣйствовали ли они съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ они уподобляются дѣтямъ, т. е. не подлежатъ наказанію и отдаются родителямъ или родственникамъ для домашняго исправленія. Въ случаѣ же признанія ихъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, законъ обращаетъ вниманіе на тяжесть учиненнаго, смягчая имъ наказанія въ слѣдующей постепенности: вмѣсто каторжной работы опредѣляется ссылка на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ; вмѣсто ссылки на поселеніе — заключеніе въ монастырь¹⁾ соответствующаго исповѣданія, а при отсутствіи монастыря въ данной мѣстности и для нехристіанъ заключеніе въ тюрьмѣ отдѣльно отъ прочихъ на срокъ отъ 3¹/₃ до 5¹/₃ лѣтъ; вмѣсто тяжелыхъ исправительныхъ наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ — заключеніе въ монастырь или въ тюрьму на тѣхъ же условіяхъ, на сроки отъ 40 дней до 8 мѣс.; наконецъ, вмѣсто прочихъ исправительныхъ наказаній — домашнее исправительное наказаніе по распоряженію родителей или опекуновъ (138 ул.).

Относительно несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 17 лѣтъ судъ обязанъ рѣшить вопросъ, дѣйствовали ли они съ полнымъ разумѣніемъ. При отрицаніи его, суду предоставляется выбрать для осужденнаго: или ту мѣру, которая слѣдовала бы, еслибъ осужденный былъ малолѣтній, признанный дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія; или заключеніе въ исправительный пріютъ, буде таковой существуетъ въ данной мѣстности; или же, при отсутствіи пріюта, заключеніе въ тюрьму отдѣльно отъ совершеннолѣтнихъ на срокъ не свыше 1¹/₃ года (137 ч. 2). Если же несовершеннолѣтній отъ 14 до 17 л. признанъ

¹⁾ Въ проектѣ уложенія 1844 г. полагалось заключать всѣхъ такихъ несовершеннолѣтнихъ въ смиренительный домъ; это предположеніе измѣнено учрежденною для разсмотрѣнія проекта въ составѣ Государственнаго Совѣта комиссіею, которая нашла, что „по недостатку тамъ (въ смир. домахъ) вообще средствъ къ неослабному и, такъ сказать, родительскому наблюденію, столь необходимому въ такомъ раннемъ возрастѣ, заключеніе это могло бы истребить въ нихъ всякое нравственное чувство, то наказаніе сіе для лицъ православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій, имѣющихъ монастыри, лучше замѣнить отдачею въ оныя, гдѣ и по способамъ надзора, и особенно по религіознымъ наставленіямъ, наказаніе прямо и благонадежно ведетъ къ исправленію; малолѣтнихъ же прочихъ исповѣданій, хотя и заключать въ смиренительные дома, но тамъ содержать ихъ совершенно отдѣльно, съ порученіемъ ближайшему попеченію начальства сихъ заведеній“ (Извлеченіе изъ краткаго обзорнія хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ, стр. 29).

дѣйствовавшимъ съ полнымъ разумѣніемъ, то онъ наказывается какъ несовершеннолѣтній отъ 17 до 21 года (139, 140 ул.).

Для такихъ несовершеннолѣтнихъ смягченіе наказанія по уложенію имѣетъ мѣсто въ рамкахъ общихъ наказаній, соотвѣтственно тяжести учиненнаго. Они подлежатъ и наказаніямъ уголовнымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ, но только вмѣсто безсрочной каторжной работы приговариваются къ работамъ на 20 лѣтъ, а продолжительность срочныхъ работъ сокращается одною третью. Вмѣсто двухъ высшихъ видовъ исправительныхъ наказаній они подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ, но безъ лишенія особенныхъ правъ и соединенныхъ съ этимъ послѣдствій (48, 49 ул.) и съ уменьшеніемъ слѣдуемыхъ сроковъ на 1 или 2 степени. Волѣ низкія исправительныя наказанія примѣняются къ нимъ безъ измѣненія, но съ уменьшеніемъ ихъ на 1 или 2 степени и также безъ придатка пораженія правъ и прочихъ послѣдствій. При этомъ несовершеннолѣтнихъ (145 ул.) законъ предписываетъ содержать въ тюрьмѣ и крѣпости отдѣльно отъ взрослыхъ.

Дальнѣйшее, усиленное смягченіе ответственности имѣетъ мѣсто въ двухъ случаяхъ: 1) если несовершеннолѣтній вовлеченъ въ преступленіе совершеннолѣтнимъ, то наказаніе ему можетъ быть уменьшено еще одною или двумя степенями (143 ул.). Это смягченіе возможно для несовершеннолѣтнихъ, признанныхъ дѣйствовавшими съ полнымъ разумѣніемъ, и для малолѣтнихъ, учинившихъ съ разумѣніемъ такое преступленіе, которое обложено уголовнымъ наказаніемъ (138 п. 1)¹⁾; оно непримѣнимо къ несовершеннолѣтнимъ, дѣйствовавшимъ безъ полного разумѣнія, — какъ потому, что вовлеченіе предполагаетъ соучастіе по предварительному уговору, не могущему имѣть мѣста при отсутствіи разумѣнія у одного изъ участниковъ, такъ и по невозможности пониженія въ степеняхъ мѣръ взысканія, указанныхъ п. 2—4 ст. 138 ул.; по послѣдней причинѣ оно не примѣнимо и къ малолѣтнимъ, учинившимъ преступленіе не уголовнонаказуемое. Вовлеченіе несовершеннолѣтняго несовершеннолѣтнимъ не обнимается ст. 143; она устанавливаетъ смягченіе факультативное, а не безусловно для суда обязательное; 2) за преступленія, учиненныя по неосторожности, несовершеннолѣтніе отъ 14 до 21 г. вмѣсто наказанія подвергаются домашнему исправительному взысканію, по распоряженію родителей или опекуновъ (144 ул.); для малолѣтнихъ, даже дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, тоже положеніе вытекаетъ изъ 4 п. 138 ст. Наоборотъ, уложеніе наше, еще подъ вліяніемъ закона 24 января 1838 г., знаетъ

¹⁾ Таганцевъ, ук. с. стр. 50, полагаетъ, что къ малолѣтнимъ ст. 143 вообще не примѣнима, но здѣсь выраженіемъ „несовершеннолѣтніе“ обнимаются всѣ недостижніе совершеннолѣтія.

одно обстоятельство, устранившее всю построенную имъ систему смягченія наказаній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, именно рецидивъ, хотя не всякій, а лишь свидѣтельствующій, по мнѣнію законодателя о преступной закоренѣлости несовершеннолѣтняго, именно учиненіе имъ послѣ наказанія новаго такого же преступления (т. е. однороднаго), или равнаго по тяжести, или болѣе тяжкаго по наказуемости; въ этихъ случаяхъ малолѣтніе и несовершеннолѣтніе подлежатъ за новое преступленіе наказаніямъ, одинаковымъ съ совершеннолѣтними (146 ул.), причемъ, однако, по толкованію практики, необходимымъ условіемъ для примѣненія этого суроваго и исключительнаго правила требуется признаніе виновнаго дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ какъ за новую, такъ и за прежнюю вину.

Уставъ о наказ. налаг. мир. судьями, подобно уложенію, признаетъ дѣтей до 10 лѣтъ не подлежащими уголовной отвѣтственности. Полная наказуемость согласно ему наступаетъ съ достиженія не 21 года, какъ по уложенію, а 17 лѣтъ; лицъ въ періодъ отъ 10 до 17 лѣтъ онъ называетъ несовершеннолѣтними, и дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: отъ 10 до 14 лѣтъ и отъ 14 до 17 лѣтъ. О тѣхъ и другихъ постановляется, что они подлежатъ въ случаѣ осужденія нормальнымъ наказаніямъ въ половинномъ размѣрѣ, но съ предоставленіемъ мировой юстиціи лицъ первой категоріи вмѣсто наказанія отсылать къ родителямъ, опекунамъ или родственникамъ для домашняго исправленія (ст. 11), причемъ вопроса о разумѣніи не ставится и принятіе этой мѣры зависитъ не отъ степени виновности осужденнаго, а отъ наличности благонадежныхъ родителей, родственниковъ или опекуновъ. Кромѣ того, уставъ ввелъ новое правило, заимствованное и уложеніемъ, но въ измѣненномъ видѣ: онъ даетъ мировой юстиціи право обращать всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію, въ исправительныя пріюты, гдѣ они учреждены, на точно опредѣляемый судомъ срокъ, но съ тѣмъ, чтобы не оставлять ихъ тамъ по достиженіи 18-ти лѣтняго возраста (6 уст.). Мысль о пріютахъ вызвана была заявленною при составленіи судебныхъ уставовъ трудностью „примѣнять къ малолѣтнимъ роды и виды наказаній, установленныхъ общимъ карательнымъ закономъ, ибо, по особымъ свойствамъ дѣтскаго возраста, тѣ мѣры въ примѣненіи къ дѣтямъ представляются или совершенно невозможными, или ведущими къ положительному вреду“. Блестящій опытъ другихъ странъ вызвалъ и у насъ желаніе привить систему дѣтскихъ исправительныхъ пріютовъ, съ которыми мы до тѣхъ поръ были совершенно незнакомы, причемъ имѣлись въ виду исключительно дѣти преступныя. Разрѣшить эту задачу взялись „правила объ исправительныхъ пріютахъ“ 5-го декабря 1866 года.

Ниже мы познакомимся съ этими правилами и примѣненіемъ ихъ на практикѣ. Обращаясь же теперь къ разсмотрѣнію изложенныхъ постановленій нашего уголовного законодательства о вліяніи возраста на уголовную отвѣтственность, мы видимъ, что, выходя изъ совершенно вѣрнаго дѣленія молодаго возраста на безотвѣтственное дѣтство, условно отвѣтственное отрочество и безусловно, но со смягченіемъ отвѣтственную юность, наше дѣйствующее право представляется, однако, въ высшей степени сложнымъ, и не выдерживающимъ послѣдовательно этихъ положеній. Причиною этого неудачная попытка провести климатическую систему и отраженіе имъ устарѣлага взгляда, по которому *malitia supplet aetatem*. Подъ вліяніемъ послѣдняго, уложеніе не только вводитъ крайне невѣрное правило ст. 146 о рецидивѣ, но при тяжкихъ преступленіяхъ подвергаетъ даже малолѣтнихъ вѣчному наказанію лишеніемъ всѣхъ правъ. Правила его о смягченіи наказаній страдаютъ казуистичностью и потому невыдержанны: для несовершеннолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ понижаются всѣ наказанія, относительно несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 21 г. имѣется пробѣлъ относительно ссылки на поселеніе, которая назначается имъ какъ и совершеннолѣтнимъ, безъ всякаго смягченія. Относительно тѣхъ и другихъ пропущена смертная казнь, и хотя по духу нашего законодательства и сопоставленію его съ законами военными слѣдовало бы заключить, что наказаніе это къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ не можетъ имѣть примѣненія, но молчаніе закона вызвало на практикѣ противоположное толкованіе. Сравниваемые между собою, правила уложенія и устава о наказ. оказываются несогласованными. Несовершеннолѣтіе, признаваемое уложеніемъ до 21 г., по уставу ограничивается 17 годами. Отдача для домашняго исправленія, по уложенію составляющая мѣру освобожденія отъ наказанія (94, 137, 138 п. 4), по уставу уподобляется наказанію (ст. 11). Тоже произошло и съ отдачею въ пріюты: по уложенію эта мѣра примѣняется только къ признаннымъ дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумія (137 ч. 2), по уставу она составляетъ мѣру замѣны тюремнаго заключенія, слѣдовательно предполагаетъ обвинительный приговоръ; притомъ, по уложенію она примѣняется только къ лицамъ отъ 14 до 17 лѣтъ, по уставу объемъ примѣненія ея шире, распространяясь на лицъ отъ 10 до 17 лѣтъ. Заключеніе въ монастырь какъ мѣра исправленія, уставу неизвѣстна.

Мѣры, установленныя ст. 138—140 улож., по природѣ своей суть смягченныя, частью особы взысканія для молодыхъ преступниковъ. Каждая изъ нихъ соответствуетъ показанному въ законѣ наказанію для совершеннолѣтнихъ, но онѣ не образуютъ особой лѣстницы, такъ что судъ не можетъ переходить отъ одной изъ нихъ къ другой, низшей или высшей. Назначеніе этихъ взысканій вмѣсто соответствующихъ имъ наказаній для совершеннолѣтнихъ входитъ въ юридическое понятіе смягченія наказанія, какъ видно и изъ заголовка, обнимающаго ст. 134—146 улож. Въ литературѣ нашей проф. Таганцевъ относитъ его къ институту замѣны наказанія, что не вѣрно, такъ какъ замѣна есть назначеніе взысканія, въ сравненіи съ положеннымъ въ законѣ инаго по роду, но одинаковаго по тяжести; для малолѣтнихъ же и несовершеннолѣтнихъ законодатель опредѣляетъ наказаніе, по самой тяжести своей иное, чѣмъ для совершеннолѣтнихъ. Видя во взысканіяхъ, положенныхъ для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, наказанія замѣняющія, г. Таганцевъ, оставаясь послѣдовательнымъ себѣ, высказываетъ слѣдующія положенія: 1) что „отдача въ исправитель-

ный пріютъ должна быть разсматриваема какъ наказаніе и влечь за собою всѣ послѣдствія, съ наказаніемъ соединенныя“ (ислѣдованія, стр. 66); 2) что срокъ заключенія въ исправительные пріюты долженъ быть опредѣляемъ судомъ въ minimum'ѣ сообразно тяжести замѣпяемаго наказанія (стр. 104); 3) что если этотъ срокъ истекаетъ ранѣе достиженія того возраста, до котораго допускается пребываніе въ пріютѣ, то несовершеннолѣтній долженъ быть переведенъ по достиженіи этого возраста въ общую тюрьму, до достиженія 21 года—въ ея отдѣленіе несовершеннолѣтнихъ, а послѣ 21 года—въ общія ея помѣщенія (стр. 106—109). Но эти положенія стоятъ въ существенномъ противорѣчій съ природою исправительныхъ пріютовъ и, принявъ послѣднее, пришлось бы варушать то коренное правило тюремнѣдвія, согласно которому, по мѣрѣ приближенія свободы, содержаніе заключеннаго должно облегчаться, а не отягчаться.

На практикѣ неоднократно возбуждался вопросъ, въ какомъ порядкѣ должно быть производимо смягченіе наказаній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ? Сенатъ въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Константинова (1871 № 169) и Малѣева (1875 № 408) принималъ, что судъ, опредѣливъ прежде всего нормальное наказаніе за учиненное, долженъ смягчить его по ст. 138—140 ул. и затѣмъ, если имѣются другія увеличивающія или уменьшающія обстоятельства, опредѣлить по нимъ конкретное наказаніе, исходя уже не изъ нормальнаго, а изъ того, которое выбрано по 138—140 ст. уложенія. Но согласиться съ этимъ взглядомъ невозможно, такъ какъ значительная часть мѣръ, указанныхъ въ ст. 138—140 ул., стоятъ внѣ дѣстности наказаній и не могутъ быть уменьшаемы или увеличиваемы по степенямъ. Болѣе правильнымъ, поэтому, нужно признать другой взглядъ сената, высказанный имъ въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Никифорова (1869 № 1093) и Розберга (1883 № 16), согласно которому судъ долженъ опредѣлить виновному конкретное наказаніе какъ совершеннолѣтнему, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, и уже затѣмъ поставить на мѣсто этого наказанія мѣру, соответствующую ему по ст. 138—140 улож.

Уставъ о пак. не ставитъ полагаемаго имъ смягченія кары въ зависимость отъ признанія судомъ способности разумнія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Напротивъ, уложеніе вводитъ двѣ формы такой способности—абсолютную и относительную, интересуясь наличностью способности разумнія вообще (у лицъ отъ 10 до 14 лѣтъ) и способности полнаго разумнія (у лицъ отъ 14 до 17 лѣтъ); но эти понятія и различіе между ними крайне не опредѣлены. По дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, вопросы о разумнїи подлежатъ ихъ разрѣшенію, въ прочихъ случаяхъ ихъ рѣшаетъ коронный судъ.

Проектъ редакціонной комиссіи полагаетъ возрастъ безусловной невмѣняемости до 10 лѣтъ, распространяя ее и на лицъ отъ 10 до 17 лѣтъ, не могшихъ понимать свойства и значеніе учиненнаго ими или руководить своими поступками; но они могутъ быть помѣщены въ воспитательное заведеніе или отданы подъ отвѣтственный надзоръ родителей, опекуна или лица, пожелавшаго принять ихъ на свое попеченіе (34 ст.). Малолѣтние отъ 10 до 17 лѣтъ, признанные вмѣняемыми, пользуются смягченіемъ наказаній, подлежа по различію возраста или отдачѣ въ исправительно-воспитательное заведеніе, или

завлюченію въ тюрьмѣ до 10 лѣтъ; а вмѣсто ареста и денежной пени—внушенію отъ суда съ правомъ перейти къ отдачѣ въ исправительно-воспитательное заведеніе, если поступокъ свидѣтельствуетъ о привычкѣ къ преступной дѣятельности; полицейскій надзоръ къ малолѣтнимъ не примѣняется (ст. 48). Такимъ образомъ, проектъ: 1) вводитъ два рода заведеній принудительнаго воспитанія молодежи, — заведенія воспитательныя и исправительно-воспитательныя; 2) отмѣняетъ существующее различіе признанія виновнаго дѣйствовавшимъ безъ разумія и безъ полнаго разумія.

V. Исправительныя пріюты въ Россіи. Существуютъ два крупныя различія между нашими учрежденіями для несовершеннолѣтнихъ и западно-европейскими. Во первыхъ, положеніе или правила 1866 г. о нашихъ пріютахъ появились ранѣе образованія хотя бы одного такого заведенія въ Россіи; законодатель, не имѣя подъ собою роднаго опыта, довольствовался желаніемъ насадить его и вынужденъ былъ руководствоваться исключительно соображеніями теоретическими. Во-вторыхъ, кругъ дѣтей, для которыхъ они предназначались, у насъ весьма узокъ; пріюты посвящаются исключительно для дѣтей преступныхъ, и только для нѣкоторыхъ категорій ихъ; мѣста для дѣтей заброшенныхъ, или хотя вступившихъ на преступный путь, но оправданныхъ, законодатель въ нихъ не отводитъ. Отсюда—въ высшей степени рѣзкая характеристическая черта нашихъ пріютовъ: они относятся всецѣло къ области карательной, не имѣя никакого соотношенія съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія.

Устройство пріютовъ принимаетъ на себя прежде всего правительство; но желая, чтобъ число ихъ соотвѣтствовало ощущаемой у насъ потребности въ такихъ заведеніяхъ, законодатель призываетъ къ тому же „земство, общества и духовныя установленія, равно какъ и частныя лица“. Правила 1866 г. имѣютъ собственно задачу опредѣлить важнѣйшія условія, которымъ должны удовлетворять такіе частныя пріюты, и порядокъ ихъ открытія. Въ дѣйствительности, мы не имѣемъ пока ни одного правительственнаго пріюта, а частныхъ нынѣ существуетъ 12¹⁾.

¹⁾ Таковы: 1) Городской Рукавишниковскій пріютъ въ Москвѣ, основанный въ 1864 г. обществомъ распространенія полезныхъ книгъ и поддержанный богатыми пожертвованіями и, еще болѣе, личнымъ участіемъ братьевъ Рукавишниковыхъ; сначала онъ учрежденъ былъ только на 10 мальчиковъ, но постепенно расширялся; къ 1885 году въ немъ оставалось 100 мальчиковъ, прибыло въ теченіи года 29, выбыло 28, осталось къ концу года 101; средства его къ 1886 г. составляли около 95^{1/2} т. р.; 2) Земледѣльческо-ремесленная колонія близъ С.-Петербурга, у пороховыхъ заводовъ, основанная въ 1871 г. спб. обществомъ исправительныхъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ; въ ней къ началу 1885 г. оставалось 107 мальч., прибыло въ теченіи года

По правиламъ 1866 г.; исправительные пріюты учреждаются для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ, отдаваемыхъ по судебнымъ приговорамъ, и состоятъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, именно съ 1879 г. образованнаго въ составъ его Главнаго Тюремнаго Управленія. Учреждаются они съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ, который, по соглашенію съ министромъ юстиціи, утверждаетъ и положеніе пріюта, долженствующее служить лишь развитіемъ правилъ 1866 г., не измѣняя ихъ. Однако, въ виду того, что правила 5 декабря составлены безъ почвы опыта, вышедшимъ положеніямъ пришлось внести въ нихъ существенныя измѣненія, допустивъ приемъ въ пріюты нѣкоторыхъ категорій дѣтей заброшенныхъ кромѣ преступныхъ и измѣнивъ возрастной срокъ, установленный для приема. Каждый пріютъ долженъ ежегодно представлять министру

42, выбыло 23, осталось къ 1886 г. 126; денежные средства ея къ 1886 г. — 35,044 р.; 3) Студзенецкая колонія для мальчиковъ, близъ Варшавы, утвержденная въ 1874 г.; въ ней къ 1885 г. оставалось 154, прибыло въ теченіи года 48, выбыло 59, осталось на 1886 г. 143; денежные средства къ 1886 году — 74.200 р.; 4) учебно-воспитательный пріютъ въ Саратовѣ, основанный въ 1873 г. саратовскимъ тюремнымъ комитетомъ для дѣтей обоего пола; въ немъ къ 1886 г. воспитанниковъ осталось 78, денежные средства — 17.600 р.; 5) ремесленно-исправительный пріютъ для дѣвицъ въ селѣ Большовѣ, Московгуб., открытъ въ 1874 г.; къ 1886 г. въ немъ осталось дѣвочекъ 48, денежные средства — около 20 т. р.; 6) воспитательно-исправительный ремесленный пріютъ въ Казани, открытый въ 1875 г.; къ 1886 г. въ немъ оставалось 28 мальчиковъ, денежные средства — около 20¹/₂ т. р.; 7) Киевская земледѣльческая колонія, открыта въ 1876 г. въ имѣніи Рубежовѣ, затѣмъ перенесена за 8 верстъ отъ Кіева; къ 1886 г. въ ней оставалось мальчиковъ 41, денежные средства — 25¹/₂ т. р.; 8) исправительный пріютъ въ Ярославлѣ, учрежденный въ 1878 г.; къ 1886 году въ немъ оставалось мальчиковъ 24, денежныхъ средствъ около 7 т. р.; 9) въ томъ же году открыта нижегородская колонія; въ ней къ 1886 г. оставалось мальчиковъ 30, денежныхъ средствъ съ небольшимъ 7 т. р.; 10) Сибирская исправительно-воспитательная колонія открыта въ 1880 г.; къ 1886 году въ ней оставалось мальчиковъ 46, денежныхъ средствъ около 2¹/₂ т. р.; 11) исправительный пріютъ въ с. Маревѣ близъ Харькова, открытъ въ 1881 г.; къ 1886 г. въ немъ оставалось мальчиковъ 38, денежныхъ средствъ около 16 т. р.; и 12) Вологодскій исправительный пріютъ открытъ въ 1885 г.; къ 1886 г. въ немъ оставалось мальчиковъ 18, денежныхъ средствъ — 13,000 р. Всѣми колоніями и пріютами издержано въ 1885 г. 202.257 р.; содержаніе одного воспитанника среднимъ числомъ обошлось въ 274 р. 42 к. (наименьшее въ Симбирской колоніи — 125 р. 61 к. и въ Большовскомъ пріютѣ — 141 р. 91 к., наибольшее въ Моск. Рукавишниковскомъ пріютѣ — 507 р., и въ Нижегородской колоніи — 433 р. 40 к.), а за вычетомъ расходовъ на орудія и матерьялы для мастерскихъ — ежегодно средн. числомъ 226 р. 47 к. на одного воспитанника. Кромѣ того, имѣется 10 пріютовъ для арестантскихъ дѣтей, и утверждены положенія пріютовъ Симферопольскаго, Рыбинскаго и Сумскаго, еще не открытыхъ.

внутр. дѣль и публиковать свой отчетъ; кромѣ того министру внутр. дѣль и начальникамъ губерній принадлежитъ право ревизіи ихъ во всякое время, лично или черезъ командированныхъ чиновниковъ; они могутъ требовать устранения замѣченныхъ недостатковъ, а въ важныхъ случаяхъ пріютъ можетъ быть закрытъ, съ разрѣшенія 1-го департ. сената, по представленію министра внутр. дѣль. Установляя такую подчиненность и отчетность частныхъ пріютовъ, правила 1866 г. обеспечиваютъ имъ источники существованія, состояція частью въ предписаніи мѣстнымъ попечительнымъ комитетамъ о тюрьмахъ выдавать за каждаго питомца стоимость содержанія арестанта и въ возложеніи на родителей обязанности покрывать расходы содержанія ихъ дѣтей, частью въ безденежномъ отводѣ для обработки земель государственныхъ имуществъ, въ предоставленія льготъ отъ податей и права на устройство публичныхъ концертовъ, спектаклей и пр.¹⁾

Условія приема въ пріюты по закону 1866 г. сводятся исключительно къ судебному приговору; впрочемъ, какъ замѣчено, въ этомъ отношеніи существуетъ разнорѣчіе между уложеніемъ и уставомъ о наказ. какъ по возрасту (по уставу отъ 10 до 17, по уложенію отъ 14 до 17 л.), такъ и по роду приговора (по уставу пріютъ замѣняетъ тюремное заключеніе, по уложенію онъ примѣняется только при отрицаніи полного разумія). Но, кромѣ того, положеніями отдѣльныхъ исправительныхъ пріютовъ приемъ въ нихъ предоставляется и комитету общества или пріюта, причемъ имѣются въ виду дѣти заброшенные безъ преступнаго прошлаго, а также дѣти оправданные судомъ. Однако, и затѣмъ остаются важные пробѣлы: положенія отдѣльныхъ пріютовъ, имѣя мѣстный характеръ, не въ силахъ измѣнить общія постановленія закона, предписывающія для молодежи въ извѣстныхъ случаяхъ мѣры или совершенно для этого возраста непригодныя, каковы общія наказанія и заключеніе въ монастырь, или крайне неопредѣленныя, каковы отдача для домашняго исправленія родителямъ, и не устанавлиющія категорической обязанности суда назначать въ извѣстныхъ случаяхъ заключеніе въ исправительный пріютъ. Проектъ уголовного уложенія редакціонной комиссіи устраняетъ эти недо-

¹⁾ Въ отчетѣ главнаго тюремнаго упр. за 1883 г. приведены свѣдѣнія о суммахъ поступившихъ, издержанныхъ и оставшихся у каждаго пріюта въ теченіи 3 лѣтъ; изъ нихъ видно, что по поступленіямъ наиболее богаты Московскій Рукавишниковскій пріютъ (36.450 р. въ 1881 г., 51.703 р. въ 1882 г., 51.033 р. въ 1883 г.) и С.-Петербургская колонія (53.740 р. въ 1881 г., 48.811 р. въ 1882 г., 38.818 р. въ 1883 г.), наиболее бѣденъ Ярославскій (отъ 3 т. до 4.650 р.); по остаткамъ самая богатая — Варшавская колонія (около 45 т.), затѣмъ Петербургская (около 31 т.) и Большовскій пріютъ для дѣвочекъ (около 26 т. въ 1884 году).

статки относительно дѣтей съ преступнымъ прошлымъ, предполагая для нихъ два особые института: воспитательныя заведенія — для дѣтей невмѣняемыхъ, и исправительно-воспитательныя заведенія для малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ, признанныхъ учинившими важныя преступленія при условіяхъ вмѣняемости; въ прочихъ случаяхъ они, а также несовершеннолѣтніе, должны будутъ подлежать заключенію въ тюрьмѣ въ общемъ помѣщеніи отдѣльно отъ совершеннолѣтнихъ, или внушеніямъ отъ суда (ст. 34, 47 проекта 2 редакціи).

Такимъ образомъ, низшій возрастъ для поступленія въ пріютъ — по уставу 10 лѣтъ, по уложенію 14 лѣтъ, высшій — 17 лѣтъ. Проф. Таганцевъ ¹⁾ возражалъ противъ 10 лѣтняго возраста, предлагая закрыть доступъ въ пріюты лицамъ моложе 12 лѣтъ; но этотъ вопросъ не тождествененъ съ вопросомъ о возрастномъ срокѣ вмѣняемости; предложенное рѣшеніе было бы вѣрно, еслибы у насъ существовали два раздѣльные типы пріютовъ — воспитательные и исправительные, причемъ не попавшіе въ исправительный пріютъ направлялись бы въ пріютъ воспитательный; нынѣ, имѣя одинъ лишь типъ ихъ, возвышать срокъ поступленія значить лишать благодѣяній воспитанія тѣхъ именно дѣтей, которые наиболѣе его заслуживаютъ и могутъ воспользоваться имъ съ наибольшимъ успѣхомъ.

Продолжительность пребыванія въ пріютѣ опредѣляется двояко: или на опредѣленный срокъ, или до достиженія 18 лѣтняго возраста; этотъ возрастъ является предѣльнымъ и при назначеніи пребыванія въ пріютѣ на срокъ ²⁾. Срокъ не опредѣляется нашимъ законодательствомъ въ минимумъ, и были случаи приговора судами несовершеннолѣтнихъ въ пріюты на очень короткое время, что очевидно нераціонально, ибо въ небольшой промежутокъ нѣтъ возможности сколько нибудь пополнить пробѣлы образованія и воспитанія; вотъ почему многіе изъ нашихъ пріютовъ не принимаютъ къ себѣ осужденныхъ на незначительные сроки. Въ Англіи для заключенія въ reformatories положенъ, какъ минимальный, 6-мѣсячный срокъ, во Франціи годичный; послѣдній предполагался и составителями закона 1866 г.; правильнѣе выходить изъ 2-годичнаго минимума, съ предоставленіемъ начальству пріюта права условнаго освобожденія ³⁾.

При составленіи правилъ 1866 г. дѣлалось предложеніе установить максимальный срокъ заключенія въ пріюты, „такъ какъ содержаніе въ пріютѣ соединено съ лишеніемъ свободы и потому составляетъ наказаніе, мѣра котораго должна соответствовать мѣрѣ вини“.

¹⁾ Таганцевъ, Исслѣдованія, стр. 94.

²⁾ Предложеніе повысить предѣльный возрастъ до 19 лѣтъ см. у Таганцева, Исслѣдованія, стр. 104 и сл.

³⁾ Таганцевъ, стр. 104.

Предполагалось именно опредѣлить, что въ пріютѣ несовершеннолѣтніе могутъ быть помѣщаемы на срокъ не менѣе 1 года и не болѣе 4 лѣтъ, при условіи, чтобы они не оставались въ пріютѣ по достиженіи 18-лѣтняго возраста. Но относительно предположенія о максимальномъ срокѣ было замѣчено, что оно

„могло бы быть допущено въ видахъ огражденія несовершеннолѣтнихъ, еслибы отдачу въ означенныя заведенія можно было признать преимущественно мѣрою наказанія. Но съ этимъ нельзя согласиться, ибо содержаніе въ исправительномъ пріютѣ есть прежде всего средство къ исправленію и, такъ сказать, къ перевоспитанію порочнаго ребенка. Поэтому, при опредѣленіи срока пребыванія въ заведеніи, невозможно было бы главнымъ образомъ руководиться мѣрою вини несовершеннолѣтняго по совершенію того собственно проступка, за который онъ привлеченъ былъ къ суду, и строгостью положеннаго за оный наказанія. Напротивъ того, тутъ слѣдуетъ особенно принимать во вниманіе возрастъ виновнаго, степень умственного его развитія и нравственной испорченности, а также степень благонадежности родителей его“.

Вмѣсто опредѣленія минимальнаго и максимальнаго сроковъ, Государств. Совѣтъ въ правилахъ объ исправительныхъ пріютахъ (ст. 10) предоставилъ начальству сокращать назначенный судомъ срокъ на $\frac{1}{3}$ въ формѣ условнаго досрочнаго освобожденія. Это — единственный пока извѣстный нашему законодательству случай условнаго освобожденія, допущенный для устраненія неудобствъ внезапнаго, крутаго перехода отъ жизни въ заключеніи къ полной свободѣ.

При заключеніи на опредѣленный срокъ можетъ случиться, что конецъ его истекаетъ послѣ достиженія питомцемъ 18 лѣтъ; является вопросъ: какъ быть въ этомъ случаѣ? Съ теоріею проф. Таганцева по этому вопросу, состоящую въ предложеніи помѣщать достигшаго предѣльнаго возраста до истеченія назначеннаго судомъ срока въ тюрьму, мы уже знакомы и видѣли ея несостоятельность¹⁾. При разрѣшеніи этого вопроса, нужно отличать судебную его сторону (*de lege lata*) отъ законодательной (*de lege ferenda*). Со стороны судебной собственно никакого вопроса нѣтъ, ибо разъ достигнуть юношею 18-лѣтній возрастъ, онъ долженъ быть освобожденъ изъ пріюта, и никуда болѣе законъ не даетъ права его заключать. Со стороны же законодательной необходимо помнить выработанное пенитенціаристами положеніе, по которому участь заключеннаго, по мѣрѣ приближенія свободы, должна не отягчаться, а облегчаться.

Составъ пріютовъ, независимо отъ возраста и основаній заключенія, опредѣляется поломъ: наше законодательство, проектируя пріюты для дѣтей преступныхъ, требуетъ, чтобы они учреждались не иначе, какъ „отдѣльно для несовершеннолѣтнихъ того или другаго

¹⁾ См. выше, стр. 464, 465.

пола“ (ст. 6 правилъ). Но затѣмъ различія по вѣроисповѣданіямъ не требуется, и опытъ нѣкоторыхъ пріютовъ, напр. казанскаго, свидѣтельствуешь, что отъ этого не происходитъ никакихъ неудобствъ; мальчики - магометане со стороны христіанъ встрѣчали тамъ полное радушіе.

Начальствующій и воспитательный персоналъ пріютовъ намѣчается правилами въ общихъ чертахъ: они требуютъ лишь, чтобы завѣдываніе пріютами ввѣрялось лицамъ неопороченной правды и имѣющимъ аттестатъ на право преподаванія (ст. 7). Въ уставахъ отдѣльныхъ пріютовъ, это положеніе значительно развивается. Съ одной стороны, образующія ихъ общества имѣютъ совѣты по завѣдыванію дѣлами всего общества и по высшему завѣдыванію и контролю учрежденныхъ ими пріютовъ. Съ другой стороны, независимо отъ лица, стоящаго во главѣ каждаго пріюта и непосредственно завѣдующаго имъ (обыкновенно оно носитъ у насъ названіе директора), въ подчиненіи у него находятся воспитатели, учителя, мастера, экономъ, низшіе служители; болѣе обширные пріюты имѣютъ комитеты, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ воспитателей и законоучителя, имѣющіе для пріюта значеніе высшей педагогической инстанціи и высшаго дисциплинарнаго мѣста. Одинъ изъ пріютовъ (саратовскій) подчиненъ мѣстному попечительному о тюрьмахъ комитету.

Мѣры дѣятельности пріютовъ и складъ ихъ. Правила 1866 г. постановляютъ:

Ст. 8. Въ исправительныхъ пріютахъ несовершеннолѣтніе обучаются:

1) Закону Божію по правиламъ того вѣроисповѣданія, къ которому каждый принадлежитъ;

2) чтенію, письму и арифметикѣ, при возможности же и другимъ элементарнымъ наукамъ;

3) работамъ, которыя могутъ быть, по усмотрѣнію учредителей, или земледѣльскія или ремесленныя, или же тѣ и другія вмѣстѣ.

Ст. 9. Въ случаѣ побѣга изъ пріюта, несовершеннолѣтніе снова въ оный возвращаются и содержатся тамъ, подъ особо строгимъ присмотромъ, отдѣльно отъ другихъ несовершеннолѣтнихъ, но сіе наказаніе не можетъ продолжаться свыше одного мѣсяца.

Ст. 10. Назначенный судебнымъ приговоромъ срокъ пребыванія въ пріютѣ можетъ, для тѣхъ изъ несовершеннолѣтнихъ, которые признаны будутъ исправившимися, быть сокращенъ на одну третью; если же кто изъ таковыхъ послѣ опять замѣченъ будетъ въ дурномъ поведеніи, то оный снова возвращается въ пріютъ до истеченія полного, назначеннаго ему срока.

Ст. 11. Выпущенные изъ пріюта несовершеннолѣтніе должны состоять, въ теченіи опредѣленнаго срока, подъ покровительствомъ пріюта, который обязанъ оказывать имъ возможное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ будущности.

Этими постановленіями съ полною ясностью указана задача прію-

товъ по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ, состоящая въ обученіи, содержаніи и покровительствѣ ихъ какъ во время заключенія, такъ и до извѣстнаго срока по освобожденіи.

Обученіе составляетъ важнѣйшую задачу пріютовъ, вызвавшую ихъ къ жизни. Законъ предписываетъ всѣ три вида его — интеллектуальное, религіозно-нравственное и техническое, опредѣляя только минимумъ его, „безъ воспрещенія, однако же, учредителямъ пріюта распространить нѣсколько кругъ обученія элементарнымъ наукамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда признаютъ это полезнымъ и возможнымъ“ (объясн. записка). Относительно интеллектуальнаго обученія первый (московскій) съѣздъ представителей исправительныхъ пріютовъ ходатайствовалъ передъ правительствомъ: 1) чтобы обязательные по закону 1866 г. предметы образованія преподавались въ пріютахъ въ размѣрѣ не ниже указаннаго въ программѣ сельскихъ училищъ, и выдержаніе экзамена изъ нихъ давало бы соотвѣтствующія льготы по воинской повинности; и 2) чтобы занимающимся преподаваніемъ въ школахъ пріютовъ были предоставлены права на полученіе пенсій, которыя принадлежатъ домашнимъ учителямъ. Правительство отклонило первое ходатайство, въ виду того, что размѣръ преподаванія въ пріютскихъ школахъ вполнѣ зависитъ отъ учреждений, непосредственно завѣдывающихъ исправительными заведеніями; при этомъ, однако, разъяснено, что воспитанники заведеній, съ разрѣшенія начальства ихъ и въ сопровожденіи своихъ учителей или воспитателей, имѣютъ право являться къ экзаменамъ на льготу по воинской повинности и получать, въ случаѣ выдержанія экзамена, установленныя закономъ свидѣтельства. Второе же ходатайство Совѣтъ Главнаго Тюремнаго Управленія встрѣтилъ сочувственно и вошелъ въ соотвѣтствующія сношенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія¹⁾.

Техническое обученіе распадается на обученіе работамъ земледѣльческимъ и ремесленнымъ. Отъ учредителей пріютовъ зависитъ избрать тѣ или другія, или оба вида вмѣстѣ, согласно чему исправительные пріюты дѣлятся на земледѣльческія колоніи и ремесленные пріюты; изъ 12 существующихъ у насъ заведеній этого рода, 7 устроены по типу ремесленныхъ и 5 по типу земледѣльческихъ. Законодатель, сознавая всю пользу занятій земледѣльческихъ для возстановленія силъ физически слабыхъ дѣтей и исправленія ихъ нравственности, находилъ, однако, что

„эту благоразумную мѣру не слѣдуетъ доводить до крайности. Исключительно земледѣльческое воспитаніе полезно лишь въ отношеніи къ дѣтямъ, родившимся и постоянно пребывающимъ въ деревнѣ, между тѣмъ, сколько извѣстно, въ числѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ ихъ весьма

¹⁾ Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1883 г., стр. 144—146.

немного, тогда какъ большинство подлежащихъ отдачѣ въ приюты суть дѣти бѣдныхъ городскихъ жителей, вовсе незнакомыхъ съ деревней. Едва ли слѣдуетъ обращать ихъ насильственно въ земледѣльцевъ: переломить природу человѣка, хотя бы даже ребенка, почти нельзя, а если это и удастся иногда при помощи неимоверныхъ усилій, то не приводитъ въ послѣдствіи къ желаемой полезной цѣли ¹⁾.

Работы для воспитанниковъ приютовъ законъ устанавливаетъ какъ предметъ обученія. Это значитъ, что при выборѣ и постановкѣ ихъ приюты должны стремиться не къ эксплуатаціи въ свою пользу нѣжныхъ физическихъ силъ дѣтей, а къ сообщенію имъ надлежащихъ для свободной жизни познаній и опытности вмѣстѣ съ привітіемъ рабочихъ привычекъ. Задача ихъ—дать питомцу возможность честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Понятно поэтому, что и о заработной платѣ питомцамъ за трудъ не можетъ быть рѣчи; вопросъ этотъ, поставленный практикою нѣсколькихъ нашихъ приютовъ, совершенно правильно рѣшенъ ими отрицательно.

Содержаніе питомцевъ предписывается правилами для приютовъ, но порядокъ его ими не опредѣляется. Здѣсь возникаютъ вопросы: 1) обязателенъ ли для каждаго приюта приемъ присылаемыхъ ему несовершеннолѣтнихъ; 2) составляетъ ли содержаніе въ приютѣ наказаніе и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ тюремному заключенію; 3) каковъ внутренній складъ приютской жизни; и 4) каковы примѣняемые ими приемы отношенія.

Ad 1. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ частныхъ приютовъ существуютъ правительственные, первые имѣютъ возможность дѣлать выборъ между питомцами, какъ при приемѣ, такъ и въ послѣдствіи, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые оказались для нихъ негодными. Право такого выбора лежитъ въ самомъ существѣ приютовъ этого рода, въ частномъ характерѣ ихъ. При наличности его легче образовать надлежащее зерно воспитанниковъ, что очень важно для успѣха дѣятельности приюта. У насъ, въ виду отсутствія правительственныхъ приютовъ, частные приюты признаютъ себя обязанными принимать всѣхъ присылаемыхъ имъ по суду, пока есть мѣсто, причѣмъ нѣкоторые дѣлаютъ исключеніе только для краткосрочныхъ; вопросъ о правѣ приютовъ удалить отъ себя воспитанниковъ разрѣшенъ вторымъ съѣздомъ представителей ихъ тоже въ отрицательномъ направленіи ²⁾.

Ad 2. По вопросу объ уголовноюридическомъ значеніи заключенія въ исправительные приюты законодательство наше, какъ замѣчено, содержитъ разнорѣчивыя постановленія: уставъ даетъ мировой юстиціи право опредѣлять его вмѣсто заключенія въ тюрьмѣ, какъ

¹⁾ Объяснительная записка П отдѣленія къ ст. 8 правилъ 1886 г., стр. 15.

²⁾ Отчетъ, стр. 156—162.

наказаніе; уложеніе сообщаетъ ему значеніе мѣры безопасности. Въ текстѣ и мотивахъ закона 1866 года проведена мысль, что заключеніе въ пріютъ не есть наказаніе и сроки его опредѣляются не тяжестью вины, а степенью необходимости перевоспитанія. Ту же мысль раздѣляетъ Сенатъ (въ рѣшеніи общ. собр. 1874 г. № 46), высказавшій, что отдача въ исправительные пріюты или для домашняго исправленія, имѣя не карательный, а воспитательный характеръ, не составляетъ наказанія и потому не можетъ идти въ счетъ рецидива при учиненіи тѣмъ же лицомъ новаго преступленія. Первый съѣздъ представителей пріютовъ вошелъ къ правительству съ ходатайствомъ объ изложеніи этого положенія съ полною ясностью, къ чему Главное Тюремное Управление съ своей стороны не встрѣтило препятствій.

Такимъ образомъ, заключеніе въ исправительные пріюты по дѣйствующему законодательству не составляетъ наказанія¹⁾. Содержащееся въ немъ лишеніе свободы составляетъ лишь элементъ принудительнаго воспитанія, примѣняемый не въ видахъ кары, а въ видахъ достиженія воспитательныхъ цѣлей, пріютами преслѣдуемыхъ. Поэтому, заключеніе въ пріютъ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ заключеніемъ въ тюрьмѣ: разъ поступившіе въ пріютъ не могутъ быть переводимы въ тюрьму, и наоборотъ.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ мѣропріятіяхъ относительно дѣтей преступныхъ долженъ, въ случаяхъ болѣе тяжкихъ, содержаться и элементъ кары, хотя бы по соображеніямъ воспитательнымъ ихъ не признавалось помѣщать въ тюрьмы. На этотъ запросъ отвѣчаетъ проектъ редакціонной комиссіи, устанавлиющій кромѣ воспитательныхъ заведеній, чуждыхъ карательнаго назначенія, приближающіяся къ системѣ наказаній заведенія исправительныя.

Ad 3. Правила 1866 г. ничего не говорятъ о семейномъ началѣ, но нѣкоторые изъ нашихъ пріютовъ сдѣлали попытки ввести его у себя. Пріютъ ярославскій представляетъ небольшой союзъ, живущій вмѣстѣ съ семьей своего руководителя г. Бабенко, члены которой принимаютъ близкое участіе въ каждомъ питомцѣ. Но это воспроизведеніе маленькихъ швейцарскихъ пріютовъ составляетъ у насъ исключительный случай; прочіе пріюты имѣютъ болѣе обширное населеніе, иногда превышающее сто человѣкъ. Тѣ изъ нихъ, которые вводятъ у себя семейное начало (петербургскій, нижегородскій), дѣлятъ питомцевъ на нѣсколько отдѣленій, которыя называютъ семьями, и стараются приблизить ихъ къ складу семейной жизни. Въ дѣйствительности же, и у насъ это оказывается недостижимой меч-

¹⁾ Потому же и побѣгъ изъ исправительнаго пріюта, не обнимаясь ст. 312 улож., предусматривается особо, ст. 10 правилъ 1866 г.

тою: называемыя семьями отдѣленія очень велики¹⁾, въ мужскихъ колоніяхъ женскаго элемента нѣтъ²⁾, и никакихъ твердыхъ признаковъ для размѣщенія по семьямъ еще не выработано³⁾. Такъ, на кievскомъ сѣздѣ представитель петербургской колоніи заявилъ: „мы испробовали всѣ способы распредѣленія воспитанниковъ по семьямъ, и практика показала, что ни одинъ изъ этихъ способовъ не соотвѣтствовалъ вполнѣ цѣли⁴⁾.“ Петербургская колонія въ дѣйствительности состоитъ изъ новиціата, гдѣ мальчикъ остается около года по поступленіи для ознакомленія съ нимъ; отсюда онъ помѣщается въ ту или другую семью, имѣющую каждая свой домикъ; подлежащіе выпуску въ предстоящемъ году переводятся въ выпускную семью; кромѣ того, есть еще удаленный домикъ, помѣщеніе въ которомъ имѣло значеніе дисциплинарной мѣры удаленія изъ семьи. Ясно, что здѣсь названіе „семья“ усваивается группѣ, ничего общаго съ семьею не имѣющей.

Гораздо искреннѣе, поэтому, поступаютъ пріюты (рукавишниковской, варшавская колонія и др.), которые вовсе не претендуютъ на проведеніе семейнаго начала. Изъ нихъ ни одинъ не придерживается у насъ порядка общаго совмѣстнаго содержанія (такъ называемаго казарменнаго), и всѣ стараются о раздѣленіи воспитанниковъ на возможно болѣе мелкія группы, числомъ не выше 25 человѣкъ, исходя или изъ возраста, или изъ степени умственнаго и нравственнаго развитія, или изъ рода занятій, и поручая каждую группу особому воспитателю⁵⁾. При этомъ сознается уже необходимость наименьшаго объема группы, для того, чтобы возможно было индивидуализированіе воспитательныхъ мѣръ и насажденіе во внутреннихъ ея отношеніяхъ той любви, которая оказываетъ такое огромное вліяніе на лицъ нѣжнаго возраста.

1) Въ Петербургской колоніи отъ 12 до 20 и даже до 24 человѣкъ въ „семьѣ“, въ харьковскомъ пріютѣ—около 15, въ нижегородскомъ около 20.

2) На Кіевскомъ сѣздѣ возбуждался вопросъ о пользѣ женатыхъ воспитателей; при обсужденіи его, одинъ изъ представителей пріютовъ, проф. Микляшевскій, замѣтилъ: „я вообще не полагаю, чтобы въ большихъ заведеніяхъ семьи воспитателей могли жить совмѣстно съ мальчиками. Этого мнѣ и въ голову не приходило, чтобы дѣвушки могли ходить по колоніи совершенно свободно. Онѣ должны быть устранены, это вѣд сомнѣнія“. (Отчетъ, стр. 152). Сѣздъ и по этому вопросу высказался скорѣе отрицательно (!? стр. 153).

3) Одни дѣлятъ по возрасту, на старшую и младшую семью, другіе—по мастерскимъ, третьи—по ступени развитія и т. д.

4) Отчетъ, стр. 116.

5) Вопросъ, предпочтительнѣе ли воспитатель женатый или холостой, интеллигентный или изъ той же среды какъ воспитанники, вызвалъ горячія пренія на кievскомъ сѣздѣ; его еще далеко нельзя считать разрѣшеннымъ.

Ad 4. Воспитательные приемы приютов руководятся началами, прекрасно выраженными в докладѣ рукавишниковскаго приюта кievскому съѣзду: „во-1-хъ, самой существенной частью системы перевоспитанія малолѣтнихъ считается порядокъ жизни приюта, который прежде всего долженъ быть приноровленъ къ тому, чтобы мальчикъ былъ здоровъ и чтобы онъ, путемъ простаго навыка, приобрѣталъ рядъ хорошихъ привычекъ и свойствъ; во-2-хъ, мѣры предупредительныя и надзоръ должны стоять на первомъ планѣ; при этомъ распределение дня должно быть составлено такъ, чтобы свободнаго времени оставалось возможно мало и чтобы оно основывалось на смѣнѣ занятій; въ-3-хъ, система воспитанія, сама по себѣ, не можетъ еще воспитать малолѣтняго, а необходимо вліяніе образованнаго, глубоко преданнаго дѣлу воспитателя“¹⁾.

Воспитательная дѣятельность приютовъ не исключаетъ взысканій и наградъ, что признано закономъ и практикою нашихъ приютовъ. Законъ называетъ высшее взысканіе — отдѣльное заключеніе за побѣгъ, и высшую награду — условное досрочное освобожденіе. Практика знаетъ и иныя взысканія и награды, система которыхъ, однако, еще не установилась²⁾. Тоже нужно сказать объ органахъ и порядкѣ ихъ назначенія; существовавшая въ нѣкоторыхъ приютахъ практика опредѣленія наказаній самими воспитанниками, напоминая артельное начало въ тюрьмахъ, едва ли совмѣстима съ правильными воспитательными началами.

Освобожденіе изъ приютовъ. Несовершеннолѣтніе освобождаются изъ приюта по наступленіи назначеннаго судомъ срока или по достиженіи ими опредѣленнаго закономъ возраста. Законъ, кромѣ того, даетъ начальству могущественную мѣру воспитанія — право условно освобождать воспитанниковъ исправившихся ранѣе этого срока на $\frac{1}{3}$. Къ сожалѣнію, на практикѣ мѣра эта поставлена такъ, что почти совсѣмъ утратила свое значеніе, а именно условное досрочное освобожденіе дается не иначе, какъ по Высочайшему разрѣшенію на основаніи всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи. При такой постановкѣ 1) для примѣненія ея требуется слишкомъ много времени на подготовительную дѣятельность, и 2) мѣра эта получаетъ черезчуръ устойчивый характеръ и можетъ быть измѣнена не иначе, какъ тѣмъ же путемъ, между тѣмъ какъ она должна быть по возможности подвижна и способна къ отмѣняемости, если надежды на исправленіе не оправдались. Изъ происходившихъ на кievскомъ съѣздѣ дебатовъ видно, что тутъ предположено такое измѣненіе: на Высочайшее воз-

¹⁾ Отчетъ кievскаго съѣзда, прилож. стр. 136.

²⁾ Значительныя сомнѣнія вызываютъ тѣлесныя наказанія, широко примѣняемыя варшавскою колонією.

зрѣніе будутъ представляться только доклады о безусловномъ освобожденіи, ходатайства же пріютовъ объ условномъ освобожденіи будутъ разрѣшаться властью Министра Юстиціи. Но и въ этомъ очертаніи разсматриваемая мѣра остается еще весьма медленною и неподвижною. Казалось бы болѣе правильнымъ и для интересовъ юстиціи совершенно безопаснымъ предоставить примѣненіе условнаго освобожденія власти самаго начальства пріютовъ или завѣдующихъ ими комитетовъ, съ правомъ ихъ и отмѣнять его, буде въ томъ представится надобность. При этой только постановкѣ условное освобожденіе могло бы съ успѣхомъ служить той цѣли, которую имѣлъ въ виду законодатель при введеніи ея — сглаживать рѣзкость перехода отъ заключенія къ полной свободѣ, — ибо при ней сталъ бы возможенъ дѣйствительный надзоръ за освобожденными хотя на первое время, достигнуть чего нынѣ оказывается столь труднымъ въ виду отсутствія у пріютовъ попечительной власти надъ освобожденными. Въ такой постановкѣ, условное освобожденіе облегчило бы присканіе воспитанникамъ занятій на свободѣ и могло бы даже уменьшить расходы пріютовъ, открывъ имъ возможность помѣщать въ благонадежныя семьи воспитанниковъ исправившихся.

Кромѣ освобожденія, пріютамъ разрѣшено давать своимъ воспитанникамъ временные отпуска къ родителямъ, на срокъ до 3 дней.

Патронатъ пріютовъ. Довершеніе воспитательной дѣятельности пріютовъ составляетъ возлагаемая на нихъ правилами 1866 г. обязанность оказывать выпущеннымъ воспитанникамъ, въ теченіи опредѣленнаго срока, „возможное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ будущности“ (ст. 11). Это покровительство пріюта выпущеннымъ, какъ видно изъ объяснительной записки II отдѣленія, предназначается для предупрежденія новаго уклоненія исправленныхъ въ пріютѣ дѣтей на тотъ порочный путь, съ котораго они уже удалены благодаря многолѣтнимъ попеченіямъ, и должно состоять, съ одной стороны, въ заботахъ о томъ, чтобы по выпускѣ ихъ изъ заведенія они съ самаго начала не были лишены способовъ жизни и могли бы находить себѣ средства пропитанія честнымъ трудомъ, съ другой — чтобы они и послѣ первоначальнаго ихъ устройства не оставались безъ всякаго надзора въ первое время самостоятельной своей жизни. „Иначе всѣ плоды долгихъ заботъ и попеченій о нихъ, всѣ произведенныя на нихъ затраты, могли бы оказаться напрасными. На первыхъ шагахъ самостоятельной дѣятельности, всякій нуждается въ совѣтахъ и нѣкоторомъ покровительствѣ, тѣмъ болѣе необходимы они несовершеннолѣтнему, не имѣющему въ большинствѣ случаевъ вполнѣ благонадежныхъ и нравственныхъ родителей, а притомъ имѣющему еще заглаздить въ глазахъ общества преж-

нюю вину, за которую онъ былъ помѣщенъ въ исправительное заведеніе“. Такимъ образомъ, законъ 1866 г. устанавливаетъ для пріютовъ обязанность патроната надъ освобожденными, распространяющагося на дѣтей имѣющихъ и не имѣющихъ родителей и состоящаго въ доставленіи помощи и въ надзорѣ.

Изъ изложеннаго видно, что возбуждавшійся у насъ вопросъ, существуетъ ли обязанность патроната и для пріютовъ, въ уставахъ которыхъ о ней не упоминается, подлежитъ утвердительному рѣшенію. Она устанавливается органическимъ для всѣхъ пріютовъ закономъ, который можетъ быть лишь развиваемъ, а не отмѣняемъ уставами отдѣльныхъ пріютовъ. Но дѣло въ томъ, что безъ такого развитія практическое значеніе этой мѣры ничтожно, потому что законъ 1866 г., устанавливая обязанность патроната, не даетъ пріютамъ соотвѣствующихъ для осуществленія ея правъ, какими могли бы быть только необходимыми ему права родительскія или попечительныя надъ выпущенными. Безъ нихъ начальство пріюта не можетъ заключить за выпущеннаго никакого обязательнаго для него договора и предоставляемое пріюту покровительство въ жизни на свободѣ не осуществимо. Нѣкоторые пріюты, встрѣтившись съ такимъ положеніемъ, озаботились доставленіемъ такого покровительства въ своихъ стѣнахъ, открывъ для выпущенныхъ, не имѣющихъ работы на свободѣ, собственныя мастерскія съ вознагражденіемъ за трудъ. Ясно, однако, что эта мѣра, при всей ея гуманности, далека отъ предполагаемаго закономъ патроната на свободѣ.

Наши пріюты представляютъ изъ себя еще учрежденія весьма молодыя и не всегда правильно поставленныя закономъ и административною практикою. Питомцевъ въ нихъ насчитывается (къ 1886 г.) пока около 750, въ томъ числѣ дѣвочекъ только около 50, а ежегодное поступленіе не превышаетъ 260 человекъ, между тѣмъ какъ только общими и мировыми установленіями Имперіи и Царства Польскаго осуждено (въ 1883 г.) лицъ до 18 лѣтняго возраста всего 8,627 человекъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что дѣло пріютовъ еще въ будущемъ. Но первые шаги, ими уже сдѣланные, несмотря на нѣкоторыя ошибки и увлеченія, даютъ основаніе ждать отъ нихъ добрыхъ плодовъ. Представители пріютовъ имѣли уже, по почину Рукавишникова, два съѣзда, въ Москвѣ (1881 г.) и Кіевѣ (1884 г.), значительно содѣйствовавшіе развитію ихъ самосознанія. Какъ мы видѣли, они представили правительству нѣсколько весьма полезныхъ ходатайствъ относительно устройства молодежи, требующей принудительнаго воспитанія. Въ дополненіе къ указаннымъ выше, отмѣтимъ, частью уже уваженныя правительствомъ, ходатайства московскаго съѣзда о предоставленіи начальству пріютовъ попечи-

тельной власти надъ освобожденными воспитанниками при неблагонадежности родителей ихъ и о невключеніи малолѣтнихъ для пересылки въ этапныя партіи взрослыхъ. Отдѣльные пріюты также представляютъ въ своей дѣятельности примѣры замѣчательныхъ усовершенствованій тѣхъ началъ, которые изложены въ органическомъ о нихъ законѣ 1866 г.; къ числу ихъ слѣдуетъ отнести устройство при московскомъ рукавишниковскомъ пріютѣ отдѣленія для подслѣдственныхъ дѣтей.

§ 5. Мѣры, сопровождающія заключеніе.

Мѣры тюремной дѣятельности примѣняются въ теченіи заключенія. Но для обезпеченія тѣхъ результатовъ, къ которымъ онѣ направляются, необходима еще правильная постановка мѣръ, предшествующихъ этому періоду и слѣдующихъ за нимъ. Въ противномъ случаѣ задача тюремнаго воспитанія становится болѣе трудною или достигнутые тюрьмою результаты быстро парализуются. Къ такимъ мѣрамъ предшествующимъ принадлежатъ пересылка арестантовъ и подслѣдственное заключеніе ихъ, а къ мѣрамъ послѣдующимъ — полицейскій надзоръ и патронажъ.

1. Пересылка заключенныхъ.

Необходимость въ пересылкѣ или передвиженіи заключенныхъ встрѣчается какъ при первоначальномъ помѣщеніи ихъ въ тюрьму, такъ и при перемѣнѣ одного предназначеннаго имъ мѣста на другое (напр. изъ подслѣдственнаго заключенія, въ больницу и т. под.). Правильная постановка его предполагаетъ: 1) сохраненіе здоровья арестантовъ; 2) безопасность отъ побѣговъ въ пути; 3) быстроту, предупреждающую непроизводительную затрату въ теченіи долгаго времени арестантскихъ силъ, что ложится лишнимъ бременемъ на тюремный бюджетъ; и 4) возможное соблюденіе въ пути тѣхъ условій, къ которымъ стремится тюремная дѣятельность, какъ то предупрежденіе безконтрольныхъ сношеній между арестантами, невыставленіе ихъ на общественный позоръ и т. под.

Въ прежнее время арестанты передвигались какъ вьючная сила, большими партіями на цѣпяхъ пѣшимъ путемъ, а гдѣ можно водою въ наскоро устроенныхъ судахъ. Эта форма передвиженія, ослабляя физическія силы арестантовъ, оставляя ихъ долгое время въ пути безъ всякаго дѣла, облегчая заведеніе знакомствъ между арестантами и ожесточая ихъ ненужными лишеніями, постепенно падала, уступая мѣсто болѣе совершеннымъ.

Между ними видное мѣсто занимаетъ французская система пере-

сылки. Здѣсь до революціи существовало пѣшее передвиженіе цѣпными партіями; со введеніемъ желѣзныхъ дорогъ, тюремная администрація начинаетъ пользоваться ими, но рядомъ съ этимъ, съ 1836 г., она вводитъ систему одиночныхъ дилижансовъ, для сообщеній частью въ мѣстностяхъ, лишенныхъ желѣзныхъ дорогъ, частью даже въ мѣстностяхъ, снабженныхъ ими, такъ какъ желѣзнодорожные вагоны не имѣютъ тамъ одиночныхъ помѣщеній. Арестантскіе одиночные дилижансы перевозятъ нынѣ во Франціи до 20 т. человекъ ежегодно, совершая правильные рейсы по опредѣленнымъ пунктамъ, гдѣ они забираютъ назначенныхъ къ перевозкѣ и гдѣ станціями для нихъ служатъ мѣста заключенія. Побѣги изъ нихъ ничтожны (1—2 человекъ въ годъ) и, въ виду достигаемаго ими разединенія въ пути и быстроты, имъ во Франціи отдаютъ рѣшительное предпочтеніе, особенно для перевозки несовершеннолѣтнихъ. Но въ нѣкоторыхъ странахъ дѣлаются уже попытки перевозки въ одиночныхъ желѣзнодорожныхъ вагонахъ; образецъ такого вагона былъ выставленъ Бельгіей на римскомъ конгрессѣ.

Въ Россіи, съ ея громадными пространствами, система одиночной перевозки на лошадахъ была бы непримѣнима; попытки ея по проекту, принадлежащему гр. Влудову, потерпѣли въ царствованіе Николая Павловича полное фіаско. Въ прежнее время, да въ значительной части и нынѣ, передвиженіе арестантовъ совершалось пѣшимъ путемъ, съ наложеніемъ на тяжкихъ преступниковъ оковъ ручныхъ, а иногда и ножныхъ, подъ стражею сельскою или этапныхъ командъ. Огромныя мученія, сопряженныя съ этимъ способомъ, составляли значительный придатокъ къ тяжести наказанія¹⁾. Въ послѣднюю четверть вѣка достигнуты по этому предмету значительныя улучшенія, но онѣ коснулись пока внѣшней, физической стороны передвиженія; оковы стали не столь тяжелыми, желѣзный пруть упраздненъ, пѣшее движеніе замѣнено пересылкою въ баржахъ, на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, частью на подводахъ. Что же касается внутренней стороны его, сопрягающейся съ исправительными задачами тюрьмы, то она осталась почти нетронутою: въ пути арестанты содержатся совмѣстно, безъ раздѣленія на какія бы то ни было категоріи; передвигаются они на глазахъ публики, въ особыхъ костюмахъ, съ знаменитыми тузами — черными, красными и желтыми, по роду преступленій; надзоръ за ними ограничивается предѣлами необходимости предупрежденія побѣговъ,

¹⁾ Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, I, стр. 11 и сл., 25 и сл., а также стр. 55 и 56, гдѣ указываются неудобства практиковавшагося до 1824 г. передвиженія на желѣзномъ пруту, къ которому приковывались арестанты. Интересныя свѣдѣнія о пересылкѣ сообщены Коммисіи гр. Соллогуба г. Вѣленченно.

и е примѣненіи къ нимъ въ теченіи времени пути, иногда продолжительнаго, какихъ бы то ни было воспитательныхъ мѣръ, нѣтъ рѣчи. Въ этомъ отношеніи сдѣлано пока слѣдующее. Въ нѣкоторыхъ городахъ для передвиженія подсѣдственныхъ устроены закрытые экипажи. По ходатайству московскаго съѣзда представителей исправительныхъ заведеній, несовершеннолѣтніе не включаются въ общія этапныя партіи и пересылаются отдѣльно отъ совершеннолѣтнихъ; неясно, однако, примѣняется ли это правило ко всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, или только къ предназначеннымъ для пріютовъ.

II. Подсѣдственное задержаніе.

Даже въ странахъ, гдѣ сознаніе необходимости тюремной реформы успѣло укорениться, долго еще не примѣняется никакихъ заботъ относительно арестантовъ подсѣдственныхъ. Ихъ продолжаютъ содержать въ весьма неудобныхъ помѣщеніяхъ мелкихъ мѣстныхъ тюремъ, или въ порядкѣ общаго заключенія, или въ кельяхъ — могилахъ, въ полномъ бездѣйствіи и безъ всякихъ заботъ о ихъ духовномъ состояніи. Такое положеніе въ высшей степени затрудняетъ успѣхи дальнѣйшей тюремной дѣятельности. Независимо отъ того, оно представляется неправильнымъ и по существу.

Подсѣдственное задержаніе глубоко отличается отъ заключенія карательнаго. Послѣднее примѣняется къ осужденному, вина котораго установлена, который обязанъ уплатить свой долгъ обществу. На этомъ основаніи онъ можетъ быть подвергнутъ различнымъ лишеніямъ, и государство по отношенію къ нему пріобрѣтаетъ различныя права: право на его трудъ, право на иныя стѣпенія его личности, признаваемые необходимыми въ видахъ общей пользы. Природа подсѣдственнаго задержанія совершенно иная. Примѣняя его, государство основывается лишь на процессуальной необходимости, въ виду чего оно одинаково можетъ постигнуть виновныхъ и невиновныхъ. Подсѣдственный имѣетъ противъ себя одно лишь подозрѣніе, нуждающееся въ провѣркѣ, и изъ теоріи процесса раскрывается, что личное задержаніе примѣняется къ нему единственно въ видахъ предупрежденія опасности побѣга. Естественнo, что и положеніе его во время задержанія устанавливается предѣлами этой опасности: государство можетъ стѣнить его свободу передвиженія¹⁾, но оно не имѣетъ права

¹⁾ И то при условіи идеальнаго и матерьяльнаго вознагражденія за эту жертву, требуемую отъ личности въ видахъ общихъ интересовъ правосудія; см. мою монографію о вознагражденіи къ суду уголовному привлекаемыхъ, СПб. 1884.

ни на его трудъ, ни на его достоинство и доброе имя, ни даже на право сношенія его съ вѣшнимъ міромъ, насколько это не сопровождается опасностью побѣга. Никакія лишенія не могутъ быть примѣняемы къ подслѣдственному, и если бы былъ поставленъ вопросъ о правѣ его имѣть при себѣ семью, то теоретически онъ долженъ получить утвердительное рѣшеніе.

Но если такъ, то какая же система заключенія представляется умѣстною для подслѣдственно задержанныхъ?

Съ перваго взгляда кажется, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу общаго заключенія какъ наиболѣе легкаго. Въ дѣйствительности оказывается противное. Эта система, помимо огромныхъ недостатковъ ея, указанныхъ для тюремъ карательныхъ, имѣетъ еще специфическіе недостатки относительно подслѣдственныхъ арестантовъ, такъ какъ между ними могутъ быть и невинные. Возлагать на послѣднихъ обязанность раздѣлять общество закоренѣлыхъ преступниковъ, значило бы подвергать ихъ безъ вины крайне тяжелому наказанію. Опасность же развращенія ихъ въ высшей степени несогласна съ интересами общественными.

Систему классификаціи сколько нибудь разумную въ домахъ подслѣдственнаго задержанія провести еще труднѣе, чѣмъ въ тюрьмахъ, потому что составъ населенія здѣсь еще болѣе разнообразенъ. О системѣ молчанія рѣчи не можетъ быть, такъ какъ она весьма тяжела для заключенныхъ и немыслима безъ примѣненія дисциплинарныхъ взысканій, которыя въ данномъ случаѣ были бы явно несправедливы.

Остается система одиночная, наиболѣе умѣстная въ интересахъ государства и въ собственныхъ интересахъ подслѣдственныхъ заключенныхъ. Послѣднее видно изъ того, что прежде, когда подслѣдственныхъ содержали въ общихъ помѣщеніяхъ, состоятельные изъ нихъ платили на западъ деньги, и довольно крупныя, за особыя комнаты. Но для нихъ эта система должна быть устроена съ возможными льготами, отнюдь не переходя въ келейную (какъ въ Спб. домѣ подслѣдственнаго задержанія) и ограничиваясь разведеніемъ заключенныхъ другъ отъ друга. Они не могутъ быть обязываемы работами, сохраняя право заниматься ими, могутъ пользоваться собственной пищею, одеждою и постелью, и сохраняютъ право на свиданія и на корреспонденцію, съ тѣми лишь изыятіями, которыя настоятельно требуются интересами предупрежденія опасности побѣга. Затѣмъ, конечно, по соображеніямъ медицинскимъ одиночное заключеніе должно уступать мѣсто другому, которое будетъ признано болѣе умѣстнымъ.

III. Полицейскій надзоръ ¹⁾.

По освобожденіи отъ заключенія, наказанный встрѣчается съ соблазнами свободной жизни и значительными трудностями приискать честный заработокъ вслѣдствіе предубѣжденія къ нему общества, утраты навыка къ свободному труду, недостатка орудій и т. п. Это вызываетъ примѣненіе мѣръ, слѣдующихъ за освобожденіемъ и необходимыхъ въ интересахъ общественныхъ. Исторіи наказанія и современному состоянію его извѣстны двѣ такіа мѣры: одна носитъ характеръ принудительный и рассчитана главнымъ образомъ на обезпеченіе общественной безопасности; таковъ полицейскій надзоръ; другая носитъ характеръ попечительный и рассчитана по преимуществу на оказаніе освобожденному поддержки въ борьбѣ его съ трудностями и соблазнами свободной жизни; таковъ патронатъ. Но онѣ сходятся въ своей конечной цѣли предупредить вѣроятное впаденіе освобожденнаго въ новое преступленіе, и потому новѣйшему времени принадлежитъ мысль объединенія ихъ въ одной мѣрѣ — попечительнаго надзора или предупредительнаго патроната ²⁾.

Полицейскій надзоръ есть рядъ ограниченій личности наказаннаго, устанавливаемыхъ въ видахъ обезпеченія полицейской власти наблюденія за его дѣятельностью и предупрежденія грозящей съ его стороны опасности для общества. По содержанию, онъ примыкаетъ къ институту пораженія правъ, а по своей юридической природѣ онъ составляетъ дополнительное наказаніе къ лишенію свободы, съ тенденціею сдѣлаться и наказаніемъ главнымъ для случаевъ маловажныхъ нарушеній, гдѣ краткосрочное заключеніе нежелательно.

Ограниченія, входящія въ полицейскій надзоръ, коренятся въ опасности рецидива со стороны освобожденнаго. У насъ въ XVII ст. существовало требованіе поручительства, до представленія котораго наказанный оставлялся въ тюрьмѣ. Это продолженіе заключенія относительно лицъ подозрительныхъ практиковалось и въ западной Европѣ ³⁾. Попытки возвращенія къ такому началу встрѣчаются въ

¹⁾ Holtzendorff, въ изданномъ имъ *Rechtslexikon*, слово *Polizeiaufsicht*; его же, въ *Transactions of the national association for the promotion of social science*, Leeds 1870. Объяснительная записка къ общей части проекта редакц. комисіи, 2-я редакція, стр. 253—277.

²⁾ Луккини, *Gli Instituti di polizia preventiva*, въ трудахъ съезда италянскихъ юристовъ 1880 г.

³⁾ Wagnitz, *historische Nachrichten über die merkwürdigen Zucht-häuser in Deutschland*, 1871, I стр. 199 и сл. Его же, *Ideen und Plane zur Verbesserung der Policey und Criminal Anstalten*. Halle 1801, стр. 32, 33.

нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствахъ: напр. по § 361 германскаго уложенія 1871 г. судъ, приговаривая къ аресту за бродяжество, нищенство, проституцію и пр., вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ прибавить отсылку виновнаго къ земской полиціи, которая по отбытіи наказанія помѣщаетъ его въ рабочій домъ или на общественныя работы; по голландскому уложенію 1881 г. вышедшіе изъ тюрьмы также при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть помѣщаемы въ работный домъ. Полицейскій надзоръ не имѣетъ этого придатка лишенія свободы, хотя и безъ него въ прежнее время онъ представлялся въ высшей степени суровымъ, будучи какъ бы продолженіемъ наказанія въ сферѣ свободной жизни. Опытъ показалъ, что такая суровость не достигала своей цѣли; стремясь быть исключительно принудительнымъ, налагающимъ рядъ стѣсненій на личность, полицейскій надзоръ стѣснялъ ее и въ честной дѣятельности, затрудняя для нея полученіе честнаго заработка и потому становясь самъ факторомъ новыхъ преступленій.

Въ современной постановкѣ этого института обращаютъ на себя вниманіе вопросы: 1) объ условіяхъ и органахъ назначенія полицейскаго надзора, 2) о цѣляхъ, имъ преслѣдуемыхъ, 3) о содержаніи ограниченій, изъ которыхъ онъ слагается, и 4) о продолжительности ихъ.

Ad 1. Полицейскій надзоръ можетъ быть послѣдствіемъ наказанія или преступленія, безусловно предписываемымъ закономъ или дозволяемымъ имъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ примѣненіе его предоставляется суду, администраціи, или совместно обѣимъ властямъ.

Наиболѣе распространенна, хотя наименѣе правильна, постановка полицейскаго надзора какъ послѣдствія наказанія данной тяжести. Невѣрною она должна быть признана потому, что одному и тому же наказанію могутъ подлежать различныя лица, какъ представляющія опасность рецидива, такъ и не представляющія его, и что одни и тѣ же наказанія назначаются за различныя преступленія. Поэтому, при такой системѣ полицейскій надзоръ можетъ быть расточаемъ въ случаяхъ совершенно ненужныхъ. Правильнѣе опредѣлять его по роду преступленій, при чемъ въ каждомъ случаѣ законодатель имѣетъ возможность взвѣсить степень его необходимости.

Однако, даже въ послѣднемъ случаѣ, при назначеніи въ законѣ полицейскаго надзора какъ мѣры безусловно обязательной она можетъ быть примѣнена къ лицамъ, никакой опасности для общества не представляющимъ. По этой причинѣ въ законодательствахъ новѣйшихъ мѣсто безусловнаго приказа полицейскаго надзора смѣняетъ приказъ

факультативный, позволяющій воздерживаться отъ этой мѣры тогда, когда она не требуется необходимостью.

Притомъ, наилучшимъ органомъ оцѣнки степени настоятельности ея представляется не судъ, располагающій для ознакомленія съ личностью весьма непродолжительнымъ временемъ, а администрація, главнымъ образомъ тюремная, которая имѣла возможность изучить его въ теченіи всего времени заключенія и знаетъ, требуются ли еще по отношенію къ нему мѣры общественной предосторожности, или нѣтъ. Но такъ какъ административная власть въ современномъ правовомъ государствѣ не признается органомъ, компетентнымъ къ наложенію по своему усмотрѣнію стѣсненій на личность, то къ дѣятельности по примѣненію полицейскаго надзора привлекаются обѣ власти: судебная, отъ которой зависитъ разрѣшить примѣненіе его, и административная, которой предоставляется воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ, или же, буде въ томъ она не усмотритъ нужды, отказаться отъ него.

Ad 2. Въ основаніе полицейскаго надзора приводятся: а) интересы самого наказаннаго, нерѣдко по выходѣ изъ заключенія нуждающагося въ помощи, и б) интересы общественнаго спокойствія и безопасности. Выше замѣчено, что оба эти интереса солидарны и удовлетвореніе одного изъ нихъ наиболѣе обезпечивается при удовлетвореніи другаго. Есть поэтому попытки возложить на полицейскій надзоръ не только предупредительную, но и попечительную дѣятельность, или же, наоборотъ, предлагаютъ устранять государственный полицейскій надзоръ относительно тѣхъ наказанныхъ, которыхъ берутъ подъ свое попечительство учрежденія патроната, принимая на себя относительно ихъ и дѣятельность предупредительную. Развитіе послѣдней мысли принадлежитъ еще будущему, обусловливаясь развитіемъ тюремнаго патроната. Что же касается первой мысли, именно перенесенія на полицейскій надзоръ задачъ попечительныхъ, то опытъ показываетъ ея неосуществимость. Полиція, органъ принужденія, не въ силахъ съ успѣхомъ выполнять функціи попеченія. Юридически неправильно было бы вводить послѣднее въ полицейскій надзоръ какъ его составную часть, ибо мѣра эта есть наказаніе. Попеченіе, составляя благодѣяніе, не можетъ быть обязательно для благодѣтельствуемаго, и для успѣха его необходимо довѣріе послѣдняго къ органамъ его и добровольное съ его стороны подчиненіе всѣмъ его условіямъ.

Ad 3. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что при построеніи полицейскаго надзора необходимо имѣть въ виду главнымъ образомъ интересы общественной безопасности, т. е. задачи предупредительныя. Полицейскій надзоръ долженъ вооружить общество мѣрами, необходимыми для продолженія наблюденія надъ наказанными и предупрежденія возможныхъ съ ихъ стороны опасностей для правопорядка. Но не

принимая на себя неосуществимой для него задачи попечительной, полицейской надзоръ во всякомъ случаѣ не долженъ вредить интересамъ освобожденныхъ, отягощать еще болѣе и безъ того трудное положеніе этихъ лицъ и тѣмъ затруднять имъ возможность честнаго существованія. Этими сторонами опредѣляется и содержаніе полицейскаго надзора. Переходя въ запрещеніе или лишеніе возможности какихъ бы то ни было честныхъ занятій, возлагая обязанности, несомнѣстимыя съ дѣятельностію свободнаго рабочаго и затрудняя дѣятельность патроната, полицейскій надзоръ утрачиваетъ свои разумныя основанія.

Ad 4. Условливаемый представляемою наказаннымъ опасностью для общества, съ устраненіемъ ея полицейскій надзоръ долженъ падать. Неумѣстенъ поэтому надзоръ пожизненный, а при срочномъ суду и администраціи необходимо дать право отмигнуть его при устраненіи въ немъ нужды.

Въ положительныхъ законодательствахъ замѣчаются двѣ системы полицейскаго надзора: французская и англійская, къ послѣдней примыкаетъ ново-германская постановка этого института. Полицейскій надзоръ за освобожденными изъ галеръ встрѣчается во Франціи съ XVII ст., а ординасъ полиціи 1704 г. содержалъ уже подробную регламентацію его. Имъ предписывалось жительствовать въ опредѣленныхъ полиціею мѣстахъ, нарушеніе чего, по простому удостовѣренію личности, наказывалось отправкою на галеры. Уголовные кодексы революціи молчали объ этой мѣрѣ, но она восстановлена декретами 1805 и 1806 г. относительно освобожденныхъ изъ каторжныхъ работъ. Первый предоставлялъ имъ избирать себѣ мѣсто жительства, за исключеніемъ окраинъ и крѣпостей, но предписывалъ имъ въ избранномъ для жительства мѣстѣ явиться къ префекту, который отправлялъ ихъ подъ надзоръ коммунальныхъ властей; второй далъ министру полиціи право назначать освобожденнымъ мѣсто жительства, воспретивъ имъ пребываніе въ столицахъ и значительныхъ городахъ; для перемѣны жительства требовалось особое разрѣшеніе префекта.

На этихъ отрывочныхъ указаніяхъ построена система уложенія 1810 г. Она расширяетъ примѣненіе надзора, сверхъ освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ, на освобожденныхъ отъ смирительнаго дома (*réclusion*) и приговоренныхъ къ изгнанію; кромѣ того, по законамъ специальнымъ, онъ примѣнялся къ нѣкоторымъ преступленіямъ корыстнымъ и политическимъ хотя обложеннымъ иными наказаніями. Надзоръ по уложенію (но не по специальнымъ законамъ) назначался судомъ пожизненно и состоялъ въ слѣдующемъ: 1) государство и лицо потерпѣвшее имѣли право требовать отъ освобождаемаго или его родителей и попечителей представленія, въ опредѣленной суммѣ, поручительства хорошаго поведенія; на случай ученія освобожденнымъ какого либо преступленія или проступка отвѣтствовало поручительство; 2) если поручительства представлено не было, то освобожденный оставался въ распоряженіи администраціи, которая могла указать ему для жительства опредѣленную мѣстность по своему усмотрѣнію; 3) при нарушеніи этого указанія, администрація могла задержать освобожденнаго и заключить его подъ стражу до истеченія срока надзора.

Крайнее усудоество этой системы состояло въ томъ, что она допускала чрезвычайно широкій произволъ администраціи. При этомъ она не обезпечивала и интересовъ общественной безопасности, ибо поручительство, цифра котораго опредѣлялась судомъ въ моментъ постановленія приговора, на практикѣ сводилось къ незначительнымъ суммамъ въ 100, 150 франковъ, которые могли доставить и худшіе изъ освобожденныхъ.

Законъ 1832 г. измѣнилъ эту систему. Къ подлежащимъ надзору онъ прибавилъ освобожденныхъ отъ заточенія (*détention*), отмѣнилъ поручительство и установилъ, что назначаемый, по прежнему судомъ, полицейскій надзоръ состоитъ: 1) въ запрещеніи освобожденному проживать въ опредѣленныхъ администраціею мѣстностяхъ; 2) въ обязанности его объявить передъ освобожденіемъ избираемое мѣсто жительства и слѣдовать въ него согласно выдаваемой ему подорожной; 3) въ обязанности его не отлучаться съ такого мѣста безъ предварительнаго заявленія о томъ мэру и полученія отъ него подорожной, съ тѣмъ, чтобы въ новомъ мѣстѣ явиться къ мэру въ теченіи сутокъ по прибытіи; 4) въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ, поднадзорный, по суду исправительной полиціи, подлежалъ тюрьмѣ на срокъ не свыше 5 лѣтъ.

Система закона 1832 г. держалась 18 лѣтъ, и слабость ея, особенно съ распространеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, обнаруживалась болѣе и болѣе. Не обезпечивая порядка, она въ тоже время крайне стѣсняла освобожденныхъ въ присканіи честнаго заработка. При орлеанской династіи предложено было множество проектовъ преобразованія полицейскаго надзора. Одни требовали полной отмѣны его; другіе желали сохранить его только для освобожденныхъ, дѣйствительно опасныхъ, предоставивъ по отношенію къ нимъ администраціи болѣе значительныя права, напримѣръ право назначать имъ для жительства опредѣленную мѣстность, задерживать ихъ безъ суда и т. под. Почти всѣ предложенія возставали противъ пожизненности этой мѣры.

Орлеанская династія не разрѣшила этого вопроса, какъ не разрѣшила она и вопроса тюремнаго. Декретъ 8 декабря 1851 г. воспретилъ поднадзорнымъ въѣздъ въ столицу и установилъ для нихъ за нарушеніе этого правила административную ссылку. Но въ 1870 г., декретомъ правительства національной обороны отъ 24 октября, декретъ 1851 г. отмѣняется и заявляется, что „содержаніе полицейскаго надзора будетъ опредѣлено впоследствии“.

Обѣщаніе это исполнено закономъ 24 января 1874. Полицейскій надзоръ становится мѣрою срочною, назначаемую судомъ на время не свыше 20 лѣтъ со дня освобожденія, причемъ администраціи предоставляется приостанавливать дѣйствіе его, или совершенно устранять его въ порядкѣ помилованія. Назначая его какъ необходимое послѣдствіе осужденія въ каторжныя работы, заточеніе, изгнаніе и заключеніе въ смирительный домъ (*réclusion*), законъ этотъ даетъ однако суду право постановлять въ своемъ приговорѣ, что въ данномъ случаѣ надзоръ не долженъ имѣть примѣненія. Дѣйствіе надзора состоитъ въ томъ, что освобождаемый обязанъ заблаговременно заявить, какое имъ мѣсто избирается для жительства, а при отсутствіи такого заявленія мѣсто это назначается администраціею; туда онъ слѣдуетъ по особой подорожной, обязанъ по прибытіи явиться къ мэру и не можетъ покинуть его до истеченія 6 мѣсяцевъ, за исключеніемъ случаевъ особаго разрѣшенія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ; въ

случаѣ перемѣны мѣста, сохраняется таже обязанность не покидать его раѣе 6 мѣсяцевъ. Пребываніе въ сенскомъ департаментѣ для поднадзорныхъ воспрещено.

Законъ 1874 упраздненъ новѣйшими законами 1885 г., 27 мая и 14 августа. Первымъ для рецидивистовъ опасныхъ установлена релегация, съ энергическимъ надзоромъ на мѣстѣ ¹⁾; второй даетъ администраціи право установить относительно условно освобожденныхъ мѣры надзора, рекомендуя ей привлекать къ этому дѣлу общества патроната. Полицейскій надзоръ, такимъ образомъ, вычеркнутъ изъ французскаго законодательства. При дѣйствіи его, примѣненіе наказаній за уклоненіе отъ надзора (*rapture de ban*) были очень часты, напримѣръ въ 1868 г. подвергнуто наказаніямъ 5 т. человекъ или около ^{2/10} всего числа поднадзорныхъ, а отношеніе всѣхъ наказанныхъ къ общему числу поднадзорныхъ составляло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи 70%.

Между тѣмъ какъ во Франціи замѣчалось уклоненіе поднадзорныхъ отъ надзора, въ Англіи, гдѣ эта мѣра имѣетъ иную постановку, наблюдается обратное явленіе, именно освобожденные тамъ нерѣдко ходатайствуютъ о примѣненіи къ нимъ надзора.

Англіискому обычному праву полицейскій надзоръ неизвѣстенъ, и въ этой странѣ онъ долго разсматривался какъ несомѣстимый съ гражданскою свободою. Впервые онъ вводится Крофтономъ въ Ирландіи для досрочно освобожденныхъ, принимается въ этомъ же значеніи Англіею, затѣмъ законъ 1869 г. допускаетъ его какъ дополнительное опредѣляемое по суду наказаніе для рецидивистовъ и при нѣкоторыхъ преступленіяхъ имущественныхъ ²⁾.

Полицейскій надзоръ для условно освобожденныхъ изъ каторжныхъ тюремъ (*penal servitude*) есть мѣра административная, въ которой судъ не принимаетъ участія и которая имѣетъ корни въ австралійской ссылкѣ. Онъ состоитъ: 1) въ обязанности получившаго условный отпускъ (*license*) въ теченіи 48 часовъ по прибытіи въ каждое избираемое имъ мѣсто жительства заявить полиціи, а при перемѣнѣ его извѣстить и полицію прежняго мѣста жительства, и ежемѣсячно въ одинъ изъ назначенныхъ полиціею дней являться въ бюро полиціи. Эти заявленія должны быть личными, но полиція можетъ предоставить ему присылать ихъ по почтѣ. Надзоръ можетъ быть переданъ полиціею или хозяину освобожденнаго, если онъ соглашается принять на себя обязанность периодически извѣщать полицію о поведеніи его и немедленно увѣдомить ее о разчетѣ, или обществу патроната, къ которому въ такомъ случаѣ освобожденный адресуетъ свои заявленія. Попечительное же общество принимаетъ на себя надзоръ при условіи врученія ему освобожденнымъ всего своего тюремнаго заработка, который поступаетъ въ пользу общества, если онъ будетъ лишень условной свободы. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ чины полиціи совѣтъ не посѣщаютъ освобожденнаго, что можетъ имѣть мѣсто въ первомъ случаѣ для наблюденія за нимъ, но съ запрещеніемъ имъ подъ угрозою наказанія обнаруживать передъ посторонними причину своего посѣщенія. Если освобожденный не выполняетъ обязанности дѣлать указанныя заявленія, то онъ можетъ быть немедленно задержанъ безъ формальнаго о томъ постанов-

¹⁾ См. выше стр. 243.

²⁾ Aschrott, ук. с., I § 10.

ленія и приведенъ къ суду, которой лишаетъ его условной свободы и возвращаетъ на весь недодержанный срокъ въ *penal servitude*, если же осталось менѣе года, то можетъ его отправить въ тюрьму съ тяжкими работами. 2) Независимо отъ того, на освобожденномъ лежатъ различныя спеціальныя обязанности, означенныя на выдаваемомъ ему освободительномъ свидѣтельствѣ, какъ-то: не учинять никакого преступнаго дѣянія, не входить въ сношенія съ лицами явно подозрительными, не вести самому подозрительной жизни съ отсутствіемъ честныхъ занятій, и всегда носить при себѣ увольнительное свидѣтельство, предъявляя его по первому требованію чиновъ полиціи или мировыхъ судей. За неисполненіе этихъ обязанностей также можетъ быть утрачена условная свобода, въ суммарномъ порядкѣ судебного разбора. По даннымъ статистики, въ Англіи подвергаются лишенію условной свободы отъ $7\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}\%$ всѣхъ пользовавшихся ею.

Полицейскій надзоръ какъ дополнительное наказаніе, опредѣляемое по судебному приговору, установленъ актомъ 1869 г. о преступникахъ привычки (*Habitual-Criminals Act*), съ нѣкоторыми измѣненіями его актами 1871 и 1876 годовъ. Онъ примѣняется, по усмотрѣнію суда, къ осужденнымъ за преступления имущественнаго свойства, на срокъ до 7 лѣтъ по отбытіи тюрьмы или уголовного рабства, и состоитъ изъ тѣхъ же ограниченій, которыя установлены для досрочно освобожденныхъ, съ правомъ суда подвергать провинившихся по суммарному разбору тюрьмѣ до 1 года. На практикѣ, ежегодно приговариваются къ такому надзору около 1.450 человекъ.

Одновременно со введеніемъ этого надзора, въ Англіи были установлены ограничительныя мѣры для рецидивистовъ, состоящія въ угрозахъ наказанія ихъ въ суммарномъ порядкѣ тюрьмою до 1 года за нѣкоторыя дѣянія, въ видѣ общаго правила не наказуемыя и обнаруживающія лишь вѣроятность обращенія ихъ на путь преступленія, если дѣянія эти учинены ими до истеченія 7 лѣтъ по отбытіи послѣдняго наказанія; напримѣръ за свисканіе себѣ пропитанія безчестными способами, за сокрытіе передъ судомъ имени или мѣста жительства при обвиненіи ихъ въ какомъ-либо проступкѣ, за нахожденіе безъ разрѣшенія и въ необычное время въ чужомъ жилищѣ помѣщеніи, въ чужой или около чужой лавки и т. под.

Англійская полиція помимо ограничительныхъ мѣръ нерѣдко прибѣгаетъ относительно поднадзорныхъ и къ мѣрамъ попечительнымъ, прискивая имъ занятія, оказывая денежное содѣйствіе и т. под.

По германскому уголовному уложенію, полицейскій надзоръ учреждается высшимъ полицейскимъ начальствомъ, по выслушаніи мнѣнія тюремной администраціи, если притомъ въ судебномъ приговорѣ означено, что онъ можетъ имѣть мѣсто; судъ же можетъ опредѣлить его какъ дополнительное наказаніе къ лишенію свободы лишь въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, на срокъ не свыше 5 лѣтъ со дня отбытія наказанія; слѣдовательно, въ Германіи надзоръ составляетъ послѣдствіе преступленія, а не наказанія, послѣдствіе срочное и факультативное какъ для суда, такъ и для полицейской власти, что даетъ возможность примѣнять его только къ лицамъ, дѣйствительно опаснымъ. Онъ состоитъ: 1) въ предоставленіи высшей полицейской власти права воспрепятствовать поднадзорному пребыванію въ опредѣленныхъ ею мѣстностяхъ; 2) въ предоставленіи ей изгонять изъ государства иностранцевъ, за которыми учрежденъ надзоръ; и 3) въ правѣ производства обысковъ у поднадзорныхъ, не стѣняясь общими формальными условіями. Что касается условно освобожденныхъ, то

они подвергаются мѣрамъ наблюденія, не признаваемымъ за полицейскій надзоръ, и при дурномъ поведеніи могутъ быть возвращаемы для продолженія отбытія кары.

Въ Россіи полицейскій надзоръ существуетъ издавна. По органамъ, онъ распадается на надзоръ полиціи и надзоръ общества, къ которому приписанъ виновный, съ правомъ общества отказаться отъ него, что имѣетъ послѣдствіемъ административную высылку его въ Сибирь на водвореніе. По продолжительности, онъ бываетъ пожизненный и срочный; надзору пожизненному подлежатъ ссыльные на житье, надзору срочному (отъ 1 до 4 лѣтъ) приговоренные къ арестантскимъ отдѣленіямъ, тюрьмѣ или крѣпости съ ограниченіемъ въ правахъ. Въ этихъ случаяхъ, надзоръ есть послѣдствіе наказанія, имѣющее характеръ наказанія дополнительнаго. Иногда онъ, въ качествѣ дополнительнаго же наказанія, назначается какъ послѣдствіе преступленія, безсрочно или на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ (193, 195, 245, 251, 1050, 1052 ул.), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опредѣляется какъ наказаніе самостоятельное (318—324 ул.). Состоитъ надзоръ полиціи въ воспрещеніи виновному перемѣнять мѣсто жительства и удаляться изъ него безъ особаго каждый разъ разрѣшенія полиціи или общества; для нѣкоторыхъ случаевъ онъ сопровождается запрещеніемъ жительства въ столицахъ и губернскихъ городахъ, причемъ поднадзорные отправляются въ назначенное для нихъ, или избранное ими самими, мѣсто жительства, съ увѣдомленіемъ о томъ мѣстныхъ губернатора и полиціи, подъ надзоръ которой поступаютъ. Если они не имѣютъ никакихъ средствъ существованія, то имъ дается пособіе отъ казны (972 уст. уг. с.).

Неудовлетворительность надзора обществъ уже признана и правительство предприняло его отміну. Надзоръ полиціи по нашему праву совершенно неопредѣлительнъ и потому практикуется разнообразно, сопровождаясь иногда значительными стѣсненіями; между тѣмъ, общественное спокійствіе имѣть не обезпечивается. Проектъ редакціонной комисіи, сохраняя этотъ институтъ, предполагаетъ однако значительно измѣнить его постановку и содержаніе. По проекту (2 редакція, ст. 29, 30), надзоръ есть послѣдствіе важнѣйшихъ и к а з а н і й, именно каторги, поселенія, исправительнаго дома, а въ нѣкоторыхъ, особо указанныхъ закономъ случаяхъ, и тюрьмы; онъ назначается по отбытіи наказанія на срокъ отъ 1 года до 5 лѣтъ, по опредѣленію главнаго тюремнаго управленія или мѣстнаго губернскаго начальства. Содержаніе его должно будетъ состоять въ воспрещеніи поднадзорному жительства и пребыванія въ мѣстахъ, которыя будутъ опредѣлены особымъ закономъ, съ правомъ поднадзорнаго избрать себѣ жительство во всѣхъ иныхъ мѣстахъ; въ случаѣ же неизбранія его, оно назначается мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ; перемѣнять избранное или назначенное мѣсто поднадзорному дозволяется только по увѣдомленіи о томъ полиціи (разрѣшенія ея не требуется), и притомъ не ранѣе истечения полугода со дня водворенія на прежнемъ мѣстѣ; но мѣстное губернское начальство имѣетъ власть понизить этотъ срокъ. Къ несовершеннолѣтнимъ полицейскій надзоръ не примѣняется.

Изъ послѣдняго положенія проекта вытекаетъ, что составители его видѣли въ немъ мѣру стѣснительную и сопряженную съ извѣстными неудобствами. Широкая постановка его оказалась необходимою только вслѣдствіе почти совершеннаго отсутствія у насъ патроната, который, конечно съ большимъ успѣхомъ могъ бы разрѣшить въ значительномъ числѣ случаевъ тѣ задачи, которыя возложены на полицейскій надзоръ.

IV. Патронатъ ¹⁾.

Понятіе патроната. Подобно полицейскому надзору, патронатъ объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія направляется къ воздержанію освобожденнаго отъ преступленій и облегченію ему перехода къ честной жизни. Но первый есть мѣра принудительная, второй — попечительная; первый имѣетъ своею непосредственною задачею общественную безопасность, второй — личное благо освобожденнаго; первый сосредоточивается въ рукахъ органовъ власти, второй осуществляется частными членами гражданского общества.

Патронатъ связанъ съ тюремною благотворительностью и имѣетъ корни въ отдаленной древности. Но въ своей первоначальной постановкѣ онъ руководился исключительно состраданіемъ къ узнику, давая ему все, что былъ въ силахъ, и не требуя отъ него ничего. Съ теченіемъ времени дѣло благотворительности организуется, въ основаніе его кладется мысль о достиженіи путемъ частнаго благодѣянія общей пользы, что въ свою очередь приводитъ къ сознанію необходимости извѣстныхъ условій, которыя должны быть выполнены освобожденнымъ для полученія благодѣяній, ему предлагаемыхъ.

Патронатъ и есть такая организованная благотворительность для освобожденныхъ, осуществляемая соединенными силами многихъ лицъ. Онъ слагается изъ ряда примѣняемыхъ по отношенію къ нимъ мѣръ матеріальной и духовной помощи, рассчитанныхъ на облегченіе имъ перехода изъ жизни тюремной въ среду свободнаго общества.

Оказаніе такой помощи весьма важно въ интересахъ всего государства, но, по справедливому замѣчанію виконта д'Оссонвиля, оно не можетъ быть признано обязательнымъ для государства, которое и по самой природѣ патроната не представляется органомъ, пригоднымъ для осуществленія его. „Если не право, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое основаніе ожидать такую помощь, говоритъ этотъ авторъ ²⁾, даетъ не фактъ освобожденія изъ тюрьмы, а фактъ раскаянія. Но раскаяніе не подлежитъ административной оцѣнкѣ, и если-бы государство взяло на себя дѣло патроната, то для надлежащаго примѣненія его оно было бы вынуждено обратиться къ посредству частныхъ благотворителей, которые приняли бы на себя предварительное ознакомленіе съ освобождаемымъ для опредѣленія того, заслуживаетъ ли онъ попеченія о себѣ или нѣтъ“. Патронатъ, такимъ образомъ,

¹⁾ La marque, des colonies pénitenciaires et du patronage des libérés, Paris 1873. Föhring, das Fürsorgewesen, 1880. Starke, belgis. Gefängniswesen, стран. 9 и слѣд. Fuchs, Schutzwesen въ Handbuch Gольцендорфа и Ягемана. II, 351 и слѣд.

²⁾ D'Haussonville, ук. с., стр. 499.

всегда былъ и долженъ оставаться дѣломъ частныхъ усилій. Но на сколько въ направленіи ихъ можетъ принимать участіе государственная власть?

По этому вопросу замѣчается разнорѣчіе. Одни, указывая на безсиліе частныхъ лицъ и случайныхъ сочетаній ихъ разрѣшить задачу столь крупную, каково оказаніе помощи всеѣмъ заслуживающимъ того освобожденнымъ, желаютъ, чтобы починъ и устройство этого дѣла взяла на себя высшая административная власть въ данной мѣстности, чтобы она привлекла къ нему какъ частныхъ благотворителей, такъ и мѣстную аристократію ума и положенія; во главѣ такихъ мѣстныхъ комитетовъ долженъ учредиться высшій офиціальный-же комитетъ, который бы принялъ на себя общее руководство патронатомъ во всемъ государствѣ. Другіе, напротивъ, опасаются, что при такой постановкѣ патронатъ станетъ учрежденіемъ мертвымъ, существуя лишь на бумагѣ и убивая энергію частной благотворительности: что потому патронатъ долженъ быть дѣломъ частныхъ обществъ, поставленныхъ отдѣльно и независимо отъ административныхъ властей, которымъ можетъ быть предоставлено лишь общее за ними наблюденіе, если государство выдаетъ обществамъ патроната денежныя субсидіи за попечительствоемыхъ или сообщаетъ имъ какія нибудь публичныя функціи, на примѣръ, надзоръ за освобождаемыми. Опытъ показываетъ, что въ странахъ, гдѣ патронатъ успѣлъ занять твердое положеніе, каковы Англія, Швейцарія, онъ шелъ послѣднимъ путемъ. Однако, какъ ни существенно указанное разнорѣчіе, какъ ни глубоко связано построеніе попечительной дѣятельности объ освобожденныхъ съ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса въ ту или иную сторону, во всякомъ случаѣ лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Различали патронатъ обязательный для освобожденныхъ и добровольный. Но, будучи вѣтвью благотворительности, патронатъ можетъ быть только добровольнымъ: благодѣянія не обязательны. Исключеніе могутъ составлять только случаи, когда онъ примѣняется къ несовершеннолѣтнимъ или инымъ лицамъ недѣеспособнымъ.

Примѣненіе патроната создаетъ извѣстныя отношенія между патронирующимъ и патронируемымъ. Передъ послѣднимъ учрежденіе патроната принимаетъ на себя извѣстныя обязанности. Но надлежащее выполненіе ихъ невозможно безъ соотвѣтствующихъ правъ, ему надъ патронируемымъ принадлежащихъ, и чѣмъ шире объемъ обязанностей патронирующаго, тѣмъ шире долженъ быть объемъ правъ его надъ патронируемымъ. Такъ, относительно несовершеннолѣтнихъ патронату сообщаются иногда права родительской власти въ полномъ ихъ объемѣ.

Условія успѣха патроната разнообразны. На первомъ мѣстѣ, конечно, здѣсь должны быть поставлены личная энергія и личныя способности патронирующихъ, проникновеніе ихъ истинною любовью къ освобожденному и состраданіемъ къ его положенію. Но независимо отъ такихъ личныхъ качествъ дѣятелей патроната, существуютъ и иныя условія успѣха, лежація въ самой постановкѣ его.

Необходима, прежде всего, извѣстная бережливость въ оказаніи попечительной дѣятельности, какъ потому, что въ достаточной мѣрѣ она не можетъ быть доставлена всѣмъ освобожденнымъ, такъ и потому, что было бы не тактично и даже несправедливо расточать ее лицамъ, ее недостойнымъ. Важно, чтобъ освобождаемые желали патроната и стремились къ нему, а отъ нихъ можно было бы потребовать, чтобъ они его заслужили.

Отсюда вытекаетъ уже необходимость ознакомленія дѣятелей патроната съ освобожденнымъ. Свѣдѣнія о немъ могутъ быть получены частью отъ тюремной администраціи, частью путемъ личныхъ съ нимъ свиданій, въ стѣнахъ самой тюрьмы. Предоставить такія свиданія членамъ патроната въ высшей степени желательно. При системѣ одиночной это могло бы прибавить заключенному лишній визитъ, которыми обыкновенно мѣста заключенія не богаты, что ведетъ къ извращенію одиночной системы въ келейную; при системѣ общаго заключенія, по категоріямъ или безъ категорій, такіе визиты могли бы освѣжать заключеннаго отъ постоянныхъ вліяній тюремной среды. Если тюремная администрація затрудняется допустить визиты членовъ патроната ко всѣмъ заключеннымъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы выдѣлить подлежащихъ освобожденію, допустивъ болѣе свободное посѣщеніе ихъ за нѣкоторое время до выхода¹⁾. Въ видахъ борьбы съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое въ средѣ свободнаго общества существуетъ къ выпущеннымъ изъ мѣстъ заключенія, было бы желательно допустить дѣятелей патроната къ участию въ нѣкоторыхъ сторонахъ дѣятельности тюремной администраціи; это пожеланіе высказано уже римскимъ конгрессомъ, принявшимъ предложеніе Ардуэна о комитетахъ вспоможенія²⁾.

Необходимо, далѣе, чтобы освобожденный представлялъ извѣстное обезпеченіе учрежденію патроната въ томъ, что оно можетъ съ увѣренностью принимать по отношенію къ нему вызываемыя обстоятельствами мѣры помощи (рекомендацію на мѣста, доставленіе занятій и т. п.), т. е., какъ замѣчено, чтобы патронату принадлежали извѣстныя

¹⁾ Мысль, высказанная въ только что полученной мною интересной брошюрѣ Prins, la loi sur la libération conditionnelle et les condamnations conditionnelles, Bruxelles 1888.

²⁾ См. выше стр. 429.

права надъ патронируемымъ. Такъ, многія общества патроната ставятъ условіемъ оказанія своей помощи передачу имъ со стороны освобожденнаго всего или части тюремнаго заработка, теряемаго имъ въ случаѣ неисполненія принятыхъ на себя обязанностей, и эта система, ведущая начало изъ Англіи, оказывается на практикѣ вполнѣ цѣлесообразною.

Помощь со стороны патроната предназначается для облегченія перехода къ свободной жизни и потому должна носить временной характеръ.

Наконецъ, въ отношеніи организаціонномъ представляется весьма важнымъ опредѣлительный уставъ общества патроната, единеніе возможно болѣе значительнаго числа такихъ обществъ и наличность у нихъ матерьяльныхъ средствъ, о доставленіи которыхъ начинаетъ теперь озабочиваться и государство.

Формы помощи при патронатѣ, опредѣляясь потребностями каждаго даннаго случая, весьма разнообразны; онѣ могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ, смотря потому, оказывается ли помощь моральная или матерьяльная, и въ послѣднемъ случаѣ носитъ ли она характеръ индивидуальный или коллективный.

Весьма нерѣдко для освобожденнаго достаточна моральная помощь патроната, состоящая въ добромъ совѣтѣ, указаніи, пріисканіи занятія, рекомендаціи работодателю и т. п. Она предполагаетъ близкое знаніе патронируемаго, знакомство съ его нуждами и личными качествами, и требуетъ значительной осторожности, ибо ничто такъ не дискредитируетъ дѣло патроната, какъ неудачные совѣты и неоправдывающіяся рекомендаціи. Для предупрежденія ихъ, обществу патроната весьма важно имѣть въ числѣ своихъ дѣятельныхъ членовъ опытныхъ людей изъ разныхъ практическихъ сферъ промышленности и торговли.

Матерьяльная помощь состоитъ въ доставленіи освобожденному матерьяльныхъ средствъ, въ видахъ облегченія ему перехода къ честной трудовой жизни на свободѣ. Она, какъ замѣчено, распадается на индивидуальную и коллективную.

Индивидуальная помощь оказывается освобожденнымъ порознь, безъ соединенія ихъ въ болѣе или менѣе крупныя общечитія. Нерѣдко самая скромная сумма, данная во время, способна оказать освобожденному существенную поддержку, напримѣръ на покупку билета желѣзной дороги для отъѣзда на родину, на приобрѣтеніе необходимыхъ для работы орудій, матерьяловъ, на исправленіе одежды и т. п. Значительнымъ подспорьемъ для удовлетворенія этихъ нуждъ освобожденнаго можетъ быть та сумма, которая получается изъ тюрьмы за работы; такъ въ Англіи, не признающей права арестантовъ земскихъ тюремъ на заработную плату, лучшіе изъ нихъ при выходѣ получаютъ

однако известное пособие (star money), соразмѣряющееся со степенью ихъ нуждъ, такимъ путемъ функція патроната ложится до нѣкоторой степени на органы тюремнаго управленія, или въ административномъ качествѣ ихъ, или же съ обязательнымъ привлеченіемъ ихъ въ составъ учрежденія патроната. Во всякомъ случаѣ, при оказаніи такой помощи необходимо соблюдать слѣдующія выработанныя опытомъ правила: а) вмѣсто выдачи на руки освобожденному денегъ предпочтительнѣе выдавать ему въ натурѣ предметы, въ которыхъ онъ нуждается; этимъ предупреждается нецѣлесообразное издержаніе денегъ; б) слѣдуетъ прежде всего заботиться объ удовлетвореніи нуждъ освобожденнаго изъ его собственныхъ источниковъ, лишь дополняя недостающее изъ суммъ патроната; в) весьма важно соблюдать бережливость какъ въ размѣрѣ этой помощи, покрывая только дѣйствительно необходимое для вступленія въ жизнь честнаго труда, такъ и въ выборѣ лицъ, которымъ она оказывается, выдавая ее достойнѣйшимъ, для того, чтобы надежда на полученіе ея была импульсомъ къ исправленію.

Коллективная помощь предполагаетъ соединеніе освобожденныхъ, которымъ она оказывается, въ болѣе или менѣе значительныя группы. Становится она необходимою въ тѣхъ случаяхъ, когда, не смотря на принятія патронатомъ и самимъ освобожденнымъ мѣры, оказалось невозможнымъ найти послѣдному пристанище и работы въ средѣ свободнаго общества. Патронатъ беретъ на себя устройство такого пристанища и доставленіе работъ, пока эта невозможность существуетъ или предполагается существующею. По существу своему, слѣдовательно, она должна быть временною, составляя лишь первую возможно короткую стадію внѣ — тюремной жизни освобожденнаго, облегчающую переходъ его въ сферу свободнаго общества, а по ближайшимъ задачамъ распадается на доставленіе пристанища и доставленіе работъ, т.е. на устройство для освобожденныхъ пріютовъ (убѣжищъ) и устройство рабочихъ домовъ. Первые предназначаются для доставленія освобожденнымъ помѣщенія, или только на ночь, или на все время, что можетъ быть необходимымъ для освобожденныхъ дряхлыхъ, болѣзненныхъ и по инымъ причинамъ неспособныхъ ни къ какимъ работамъ. Вторые доставляютъ имъ самыя занятія, организуемая за счетъ и рискъ патроната, съ вознагражденіемъ отъ послѣдняго, которое должно быть на столько скромно, чтобы поддерживать въ освобожденномъ желаніе искать себѣ занятія на свободѣ. Возможно и соединеніе этихъ формъ помощи, съ доставленіемъ выпущенникамъ и помѣщенія и работы. Во всякомъ случаѣ, пребываніе въ такихъ учрежденіяхъ патроната коллективной помощи должно быть рассчитано на самое короткое время.

Вопросъ о пользѣ заведеній коллективной помощи споренъ. Въ пользу ихъ приводятъ безпомощное положеніе освобождаемыхъ, при самомъ выходѣ изъ тюрьмы не имѣющихъ ни пристанища, свободнаго отъ сильныхъ соблазновъ къ новымъ преступленіямъ, ни какихъ бы то ни было честныхъ занятій. Аргументы противъ суть: 1) при коллективной помощи освобождаемые соединяются въ слабо контролируемые группы, въ которыхъ возможно заведеніе знакомствъ и упроченіе связей для новыхъ преступленій; это противорѣчитъ всѣмъ заботамъ тюремной дѣятельности о разьединеніи арестантовъ и создаетъ серьезную опасность для общественнаго порядка; 2) общество смотритъ на заведенія коллективной помощи какъ на отдѣленія тюрьмы, и относится къ нимъ съ тѣмъ же предубѣжденіемъ; 3) при наличности ихъ, положеніе выпущенныхъ изъ тюремъ льготнѣе и завиднѣе участи неопороченныхъ по суду рабочихъ, остающихся безъ работъ, и составляетъ для послѣднихъ предметъ зависти, что несправедливо и неполитично. Римскій пенитенціарный конгрессъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ, высказался противъ устройства особыхъ рабочихъ пріютовъ (refuges) для освобожденныхъ, а въ Германіи вмѣсто нихъ въ послѣднее время значительно двинуто впередъ устройство общихъ рабочихъ домовъ, предназначаемыхъ для всѣхъ лицъ, неимѣющихъ занятій, въ числѣ которыхъ могутъ быть и выпущенники изъ мѣстъ заключенія. Безспорно, эта послѣдняя мѣра имѣетъ значительныя преимущества, потому что на ней не лежитъ печати наказанія и вслѣдствіе большей близости ея къ свободной жизни; открывая двери всѣмъ нуждающимся, она уравниваетъ ихъ между собою и передъ обществомъ, проводя съ большею чистотою идею нужды какъ основаніе доставляемой помощи. Но, съ одной стороны, устройство такихъ общихъ рабочихъ домовъ въ потребныхъ размѣрахъ—дѣло огромной трудности, и лишь немногія государства могутъ похвалиться заложеніемъ начатковъ этого дѣла. Кромѣ того, указанныя выше опасности спеціальныхъ пріютовъ и рабочихъ домовъ для освобожденныхъ въ извѣстныхъ предѣлахъ могутъ быть предупреждаемы, именно при допущеніи въ нихъ лишь на самое короткое время, необходимое для пріисканія пристанища и занятій на свободѣ. Наконецъ, при обсужденіи этого вопроса необходимо обращать вниманіе на различія въ средѣ освобожденныхъ; для женщинъ, оставленіе которыхъ безъ надежнаго пристанища на самое короткое время сопряжено съ особенными опасностями, онъ рѣшается иначе чѣмъ для мужчинъ, для дѣтей иначе чѣмъ для взрослыхъ; и мы видимъ, что практика обращаетъ вниманіе на эти различія.

Начатки патроната и современное состояніе его. Первые попытки организаціи патроната принадлежатъ странамъ съ широкою об-

щественною инициативою — Северо-американским штатамъ, Англии, Швейцарии; затѣмъ и другія государства начинаютъ заботиться о немъ, и хотя полное удовлетвореніе этой общественной нужды принадлежитъ будущему, но нынѣ уже положены для того во многихъ мѣстахъ твердые устои.

Первое общество покровительства освобожденнымъ изъ мѣсть заключенія учреждено въ Филадельфій 7 февраля 1776 г. Ричардомъ Уистеромъ; въ числѣ учредителей его былъ и знаменитый Франклинъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями въ названіи и уставѣ, оно существуетъ до нынѣ и вызвало появленіе въ Северо-американскихъ штатахъ множества другихъ обществъ съ тѣми же цѣлями, частью мѣстныхъ, частью даже распространяющихъ свою дѣятельность на все государство. Особенныя заботы посвящаются несовершеннѣйшимъ.

Въ Англии еще въ 1816 г. образовалось общество улучшенія мѣсть заключенія (Society for the improvement of prison discipline), заботившееся о надлежащей постановкѣ ихъ внутренняго режима, но присоединявшее иногда къ этому и заботы объ освобожденныхъ, преимущественно о несовершеннѣйшихъ¹⁾. Энергіи членовъ его обязаны своимъ существованіемъ французское королевское общество попечительства о тюрьмахъ (1818—1854 г.), а также русское общество попечительное о тюрьмахъ (съ 1819 года), учрежденное старинными братьевъ Винниговъ. Но въ Англии общества, спеціально принимавшія на себя заботы объ освобожденныхъ, появляются значительно позднѣе²⁾, именно съ образованія въ 1857 г. лондонскаго попечительнаго общества, поставившаго себѣ цѣлью „оказывать покровительство тѣмъ изъ освобожденныхъ, которые будутъ избраны комитетомъ“; покровительство это выражается въ доставленіи имъ работы или средствъ для возвращенія на родину³⁾, въ присеканіи имъ соответствующаго помѣщенія⁴⁾, или въ оказаніи временной помощи тѣмъ изъ нихъ, которые въ ней нуждаются. Общество это въ своей попечительной дѣятельности руководится слѣдующими основными началами: 1) ни въ какомъ случаѣ не оказывать покровительства освобожденному, если съ его стороны нѣтъ достаточной гарантіи того, что покровительство принесетъ ему дѣйствительную пользу, и 2) въ дѣлѣ оказанія покровительства пользоваться только самыми простыми мѣрами, удобоисполнимыми и благодѣтельно вліяющими на нравственность покровительствуемыхъ. Гарантіи, требуемыя обществомъ, суть: а) рекомендація освобождаемаго директоромъ той тюрьмы, гдѣ онъ содержался; въ этой рекомендаціи должны заключаться полныя и точныя свѣ-

¹⁾ Reports of the Committee of the Society for the improvement of prison discipline and for the reformation of juvenile offenders, London 1818—1827.

²⁾ Aschrott, ук. с. стр. 268, замѣчаетъ, что первое такое общество появилось въ 1802 г.; мнѣ этотъ случай неизвестенъ.

³⁾ Впрочемъ, въ послѣднее время расходы путевыя ложатся частью на тюремную администрацію, на которую перешли и многія иныя заботы по устройству освобожденныхъ; если освобождаемый желаетъ поселиться очень далеко отъ мѣста, гдѣ былъ осужденъ, то тюрьма не обязана принимать на себя этихъ расходовъ. См. Aschrott, ук. с. стр. 264 и сл.

⁴⁾ Для мужчинъ присекаются комнаты или углы въ частныхъ квартирахъ, лежащихъ въ кварталахъ, отдаленныхъ отъ мѣста пребыванія лицъ подозрительныхъ; женщины или также размѣщаются по частнымъ квартирамъ, или временно поступаютъ въ содержимое обществомъ убижище.

дѣянія о прошедшей его жизни, о цифрѣ причитающагося ему отъ тюрьмы денежнаго вознагражденія за работы, объ его склонностяхъ, способностяхъ и родѣ занятій, которыя онъ предполагаетъ избрать по освобожденіи; б) обязанность желающаго воспользоваться покровительствомъ общества— явиться, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, въ агентство общества и передать секретарю его все скопленные въ тюрьмѣ сбереженія; онѣ служатъ обезпеченіемъ на случай причиненія вреда, и при поступленіи освобожденнаго на мѣсто передаются вполнѣ или въ части хозяину его, отъ котораго общество не скрываетъ прошлаго патронируемаго; наконецъ в) для подлежащихъ полицейскому надзору, послѣдній замѣняется надзоромъ общества, которому освобожденный обязанъ періодически дѣлать все требуемыя заявленія. Организація общества весьма простая. Активнымъ органомъ его является комитетъ изъ трехъ секретарей, изъ которыхъ два почетные, двухъ или трехъ коммиссіонеровъ и столькихъ же инспекторовъ. Коммиссіонеры пріискиваютъ мѣста и работы, и общество не скупится на расходы, потребныя на хорошаго коммиссіонера. Инспекторы обязаны посѣщать возможно чаще освобожденныхъ, помѣщенныхъ обществомъ у частныхъ хозяевъ, и о результатѣ представлять секретарю письменно рапортъ; содержаніе рапортовъ вносится въ общіе списки призрѣваемыхъ, такъ что о нихъ общество всегда имѣетъ полныя и точныя свѣдѣнія.

По образцу Лондонскаго, въ Англіи образовалось множество другихъ подобныхъ обществъ, причемъ особенно быстрое развитіе ихъ замѣчается въ послѣднее время: еще въ 1878 г. ихъ было 29, въ 1886 г. это число уже поднялось до 60, и нынѣ, по свидѣтельству Ашрота, нѣтъ въ Англіи ни одной тюрьмы, при которой не состояло бы общества патроната. Для освобожденныхъ изъ convict prisons имѣется наиболѣе могущественное discharged prisoners aid Society, а съ 1877 г. достигнуто объединеніе ихъ учрежденіемъ центральнаго комитета общества патроната для освобожденныхъ, который служить пунктомъ сосредоточенія свѣдѣній о всехъ такихъ обществахъ, а также сношеній ихъ между собою и взаимныхъ услугъ; благодаря ему учреждено много пріютовъ (homes for discharged prisoners) для освобожденныхъ и, въ случаѣ переѣзда освобожденнаго въ другой округъ, стала возможною передача патроната о немъ отъ одного общества къ другому. Въ 1885 г. на общее число 171.036 чел. освобожденныхъ изъ земскихъ тюремъ (local prisons), воспользовались покровительствъ обществъ 14.764 чел., а на 2.055 чел. освобожденныхъ изъ convict prisons покровительство ихъ было оказано 1.332 чел. Эти цифры оправдываютъ заявленіе комитета королевскаго общества патроната, согласно которому нынѣ въ Англіи „ни одинъ освобожденный изъ convict prisons, физически способный къ работамъ и желающій заниматься ими, не можетъ ничего привести въ свое оправданіе, впадая въ рецидивъ“.

Такимъ блистательнымъ и быстрымъ успѣхомъ англійскій патронатъ прежде и больше всего обязанъ частвой инициативѣ и личной энергій своихъ дѣятелей. Но не мало помогла ему и поддержка со стороны правительства, вызванная убѣжденіемъ въ огромной его пользѣ. Еще въ 1862 г. визитировавшимъ мѣстныя тюрьмы мировымъ судьямъ было предоставлено разрѣшать выдачу вознагражденія за трудъ въ размѣрѣ до 2 ф. стерл. тѣмъ освобождаемымъ, которые изъявляютъ желаніе поступить подъ покровительство общества патроната. Въ 1871 г. лордъ Марлей, при второмъ чтеніи въ палатѣ лордовъ била о предупрежденіи преступленій, отъ имени правитель-

ства заявили: „не могу покончить съ этою частью предмета, не воздавъ исполнѣ заслуженной похвалы обществамъ для пособія освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, приносящимъ громадную пользу. Справедливость требуетъ, чтобы добрыя дѣла этихъ по истинѣ благодѣтельныхъ учреждений были извѣстны всему свѣту“. Въ такомъ-же смыслѣ въ 1872 г. выразился лордъ Эбердинъ, тогда государственный секретарь, въ рѣчи, произнесенной на лондонскомъ международномъ конгрессѣ, а съ 1878 г. правительство рѣшило отпускать обществамъ патроната ежегодную субсидію въ 4 т. фунтовъ стерл.

Во Франціи до послѣдняго времени дѣло патроната находилось въ зародышевомъ состояніи. Послѣ упраздненія королевскаго попечительнаго общества, имѣвшаго черезъ-чуръ широкую программу, образовалось нѣсколько мѣстныхъ обществъ съ разными программами, и между ними приобрѣвшее извѣстность попечительное общество для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ Сенскаго департамента, учрежденное стараніями Беранже и Шарля Люка. Но первое специально-попечительное общество освобожденныхъ всѣхъ возрастовъ открыто только въ 1869 г., по почину пастора Робэна, которымъ близъ Ліона учрежденъ и работный домъ для нихъ на началахъ, близкихъ съ принятыми въ Англіи. Дальнѣйшая исторія французскаго патроната отличается тѣмъ отъ англійской, что во Франціи прежде, чѣмъ успѣли въ сколько нибудь значительномъ числѣ создаться и оживить мѣстныя учрежденія патроната, стараніями Л а м а р к а въ 1870 г. организовано генеральное общество, которое ставитъ своею задачею пропаганду идеи патроната, образованіе мѣстныхъ обществъ этого рода, оказаніе имъ содѣйствія и непосредственное осуществленіе попечительной дѣятельности на всемъ пространствѣ государства. 4 ноября 1875 г. общество это признано законодательною властью учрежденіемъ общепользымымъ и проявляетъ значительную энергію въ своей дѣятельности.

Изъ многочисленныхъ швейцарскихъ обществъ патроната болѣе ранними по времени были: сень-галленское, учрежденное въ 1839 г. на началахъ обязательнаго для всѣхъ освобождаемыхъ изъ мѣстной тюрьмы попечительства; и цюрихское, организованное въ 1855 г., по преимуществу для оказанія помощи несовершеннолѣтнимъ. Нынѣ существуютъ многія подобныя общества; важнѣйшія при пенитенціаріяхъ невшательскомъ и лепцбургскомъ, но въ попечительной дѣятельности объ освобожденныхъ изъ нихъ крупное участіе принимаетъ и администрація этихъ мѣстъ заключенія. Существовавшій ранѣе принципъ обязательнаго попечительства смѣнился въ Швейцаріи началомъ оказанія его съ выборомъ, только для достойнѣйшихъ.

Въ Германіи первые общества патроната появились сравнительно уже давно, именно въ 1826 г. дюссельдорфское, для освобождаемыхъ изъ тюремъ рейнской провинціи и Вестфалии, и въ 1828 г. берлинское, преслѣдовавшее болѣе широкую задачу улучшенія мѣстъ заключенія и борьбы съ рецидивомъ въ предѣлахъ восточной Пруссіи. Затѣмъ появились и нынѣ мѣстныя общества, но единенія ихъ еще не существуютъ.

Въ Россіи дѣятельности общественной на пользу освобожденныхъ до нынѣ почти не существуетъ. Учрежденное въ 1819 г. и продолжающееся до настоящаго времени общество попечительное о тюрьмахъ представляетъ сѣбъ полуправительственныхъ установленій, разбросанныхъ по всей имперіи, задавшихся цѣлями крайне широ-

кими¹⁾, вѣдающихъ хозяйственную и духовную сторону тюремной жизни; но всѣ мѣропріятія этого общества ограничиваются предѣлами тюремныхъ стѣнъ, не переходя въ заботы объ освобожденныхъ. Со стороны общества была только одна попытка этого рода, именно учрежденіе въ С.-Петербургѣ въ 1875 г. убѣжища для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, съ устройствомъ для нихъ и работъ въ стѣнахъ убѣжища. Только въ 1878 г., по почину статсъ-секретаря Грота и г-жи Вагановой, образовалось первое въ Россіи специальное общество помощи освобождаемымъ, существующее до нынѣ, но пока въ весьма скромныхъ предѣлахъ. Между тѣмъ, въ послѣднее время и въ правительственныхъ сферахъ окрѣпло сознаніе необходимости такой помощи въ видахъ успѣховъ самой тюремной дѣятельности. Учреждая новые органы завѣдыванія с.-петербургскими мѣстами заключенія, между прочимъ наблюдательныя за ними коммисіи, законъ 1884 г. поручилъ имъ не управленіе, а „надзоръ за всѣми сторонами управленія и хозяйства въ сихъ мѣстахъ заключенія“, прибавивъ къ обязательной программѣ ихъ занятій „сношенія съ комитетами и отдѣленіями общества попечительнаго о тюрьмахъ и частными обществами по предметамъ, относящимся до попеченія объ освобождаемыхъ изъ тюремъ и дѣтяхъ арестантовъ“²⁾. Этимъ положеніемъ, рѣзко и ясно призывающимъ государственную пользу помощи освобождаемымъ, въ русской исторіи ея должна открыться новая эра.

Да и давно пора. Если всѣ заботы современныхъ мѣстъ заключенія направляются къ возвращенію въ свободное общество полезнымъ членомъ его принятаго тюрьмою узника; если пребываніе въ тюрьмѣ вызываетъ недовѣріе и затрудняетъ пріисканіе честнаго труда на свободѣ, — то съ совершенною очевидностью представляется необходимости мѣры, которая была бы способна сгладить глубокую пропасть между жизнью тюремною и жизнью свободною. Только располагая ею, мы будемъ имѣть право сказать рецидивистамъ: вы имѣли полную возможность остановиться на пути честной жизни, но въ этого не сдѣлали и потому заслужили то строгое наказаніе, которымъ вамъ грозитъ законъ. Только тогда отпадетъ упрекъ, по которому само общество является какъ бы участникомъ совершаемыхъ въ средѣ его преступленій.

*

¹⁾ „Общество имѣетъ предметомъ занятій своихъ улучшеніе какъ нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ, такъ и мѣстъ заключенія“; ст. 56 уст. о сод. подъ страж. изд. 1886 г.

²⁾ Ст. 15 зак. 30 мая 1884 (уст. о содер. подъ стражею ст. 48 изд. 1886 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- А**болиція, 126.
 Абсолютная свобода воли, 29—32, 376.
 Абсолютныя теоріи, 53.
 Австралія, 205 и сл., 231 и сл.
 Администрація тюремная, 426 и сл.
 Американская ссылка, 202.
 Американскія тюрьмы, 75, 312, 322 и сл., 343 и сл.
 Амнистія, 126.
 Англійская система наказаній, 76.
 „ „ тюремная, 405 и сл.
 Антропологическая школа, 10, 11.
 Ареналь, 387.
 Арестантскія роты, 290.
 Архитектура тюремъ, 424 и сл.
- Б**аръ, 15.
 Багратчество, система, 212 и сл.
 Бауеръ, 57.
 Безопасность какъ цѣль наказанія, 63.
 Безправіе, 165.
 Везчестіе, 185.
 Бенгамъ, 58, 111, 304, 350, 388.
 Биндингъ, 10, 111.
 Блудовъ гр., 82, 286, 289, 291, 295.
 Блуа, 426.
 Больницы тюремныя, 423.
 „ для умалишенныхъ, 439.
 Бруксальская тюрьма, 353.
 Бусса, 72, 185.
 Bagnes, 240, 241.
 Bannissement, 188.
 Bowring, 385.
- В**анъ-Дименова земля, см. Тасманія.
 Велькеръ, 22.
 Верли, 448.
 Вилевъ XIV, 309, 330.
 Виннингъ, 317, 497.
 Водвореніе ссыльныхъ, 264, 273, 276, 280, 285, 286, 292 и сл.
 Возстановимость наказанія, 67.
 Возстановленіе правъ, 92.
 Военныя тюрьмы, 437.
 Воинская честь, 165.
 Воскресныя занятія, 387.
 Воспитаніе тюремное, 387 и сл.; принудительное для несовершеннолѣтнихъ, 443.
 Выговоръ, 164.
- Высылки штрафныя, 221.
 Высылка, 188, 195.
 Walnut-Street, тюрьма, 332.
- Г**алеры, 240.
 Гауардъ (Говардъ), 308, 311, 312, 331.
 Гвіана, 244 и сл.
 Гегель, 19, 20.
 Гельшнеръ, 21.
 Генке, 15.
 Гентскій домъ, 302, 330.
 Гербартъ, 15.
 Германская система наказаній, 74, 78.
 Гейнце, 23, 53.
 Глочестерская тюрьма, 350.
 Гринвичская тюрьма, 332.
 Грискомъ, 451.
 Голландское уложеніе, 78.
 Горнь, колонія, 448.
 Государственность наказанія, 24—27.
 Грольманъ, 57, 58.
 Гуго-Гроцій, 13.
- Д**авность, 109—124.
 Дашковъ, 289.
 Демець, 429, 449.
 Денежная пеня, 183, 184.
 Дисциплина тюремная, 388 и сл.
 Доброславинъ, 421.
 Deportatio, 190, 198—201.
 Deportation, 238, 239, 258 и сл.
 Ducpectiaux, 346.
- Ж**енскій вопросъ въ ссылкѣ, 261, 285, 304.
 Женскія тюрьмы, 440.
 Женевская система, 336.
- З**аключеніе, тюремное, 306 и сл.
 Замѣна наказаній, 103—107.
 Зачетъ наказаній, 132.
- И**згнаніе, 188—196.
 Имущественныя наказанія, 181—186.
 Инвалидныя тюрьмы, 438.
 Индивидуализированіе наказанія, 48, 319.
 Индивидуальное заключеніе, 346.
 Индивидуальныя условія преступности, 41, 42.
 Инспекція тюремная, 427.

Ирландская система, 407 и сл.
 Исправимость, 47.
 Исправительныя наказанія, 82.
 Исправительныя арест. отдѣленія, 81, 413.
 Исправленіе, теорія, 59—62.

Кавказъ, ссылка, 267, 291.
 Казенное хлѣбопашество, 273.
 Каледонія, новая, 235 и сл.
 Кантъ, 14.
 Каторжныя работы, 80, 82, 268, 412.
 Келейное заключеніе, 341.
 Кистяковскій, 3, 116.
 Классификація, система, 324 и сл., 454.
 Клейменіе, 154, 158, 161.
 Клементъ XI, папа, 343.
 Клутъ, 80, 82, 158, 160, 161.
 Колоніи для несовершеннолѣтнихъ, 443 и сл.
 Конгрессы тюремныя, 313.
 Конкуренція тюремныхъ работъ, 364—366.
 Конфискація, 182, 183.
 Космическія условия, 40.
 Кочубей князь, 284.
 Кошки, 159, 161.
 Крафтонъ, 385, 407 и сл.
 Крэпелинъ, 11.
 Кэгле, 33.

Ланкастерская колонія, 451.
 Лечение, школа, 36.
 Лавингстонъ, 58.
 Литтре, 18.
 Лишеніе: мира, 166.
 правъ, 165 и сл.
 свободы, 187 и сл.
 чести, 162 и сл.
 Ломброзо, 10, 37.
 Лохвицкій, 10, 122.
 Лытница наказаній, 69, 82 и сл.

Мабильонъ, 343.
 Макэри, 209 и сл.
 Меттре, колонія, 448.
 нидерландское, 449.
 Мильбанкъ, тюрьма, 204, 352.
 Миттельштедтъ, 55—57.
 Михаила св., домъ, 60, 309, 343.
 Моабитъ, тюрьма, 353.
 Молесворса коммисія, 223.
 Молчаніе, система, 331 и сл.
 Моро-Кристофъ, 95, 327.
 Мѣстоположеніе тюрьмы, 418.
 Мэконочи, 399, 400 и слѣд.

Надзоръ полицейскій, 172.
 Наказаніе, его субъектъ, 4;
 „ основы, 7.
 „ система, 69 и сл.
 Наказаніе, свойства, 24 и слѣд., 48 и слѣд., 66 и слѣд.

Наказаніе, цѣли, 52 и слѣд.
 Наружныя работы, 442.
 Наслѣдственность въ преступности, 33.
 Нейгофъ, колонія, 447.
 Неклюдовъ, 10, 118.
 Новый южный Уэльсъ, 206, 223, 224, 227.
 Норфолькъ, островъ, 221, 222, 400.

Обермайеръ, 329.
 Оборнская система, 332.
 Образованіе тюремное, 373.
 Общее заключеніе, 323.
 Общія мѣста заключенія, 430.
 Общественныя условия преступности, 41.
 Община тюремная, 391 и слѣд.
 Овенъ, 33.
 Одежда арестантовъ, 422, 482.
 Одиночная система, 340 и слѣд.
 Опрежденіе наказанія, 88—103.
 Опрежденіе наказанія при несовершеннолѣтн., 452 и сл.
 Опубликованіе въ газетахъ, 164.
 Органы тюремнаго управленія, 426 и слѣд.
 Остракизмъ, 189.
 Относительныя теоріи, 53—62.
 Отчаявія, школа, 36.

Паноптиконъ, 350, 351.
 Патронатъ, 491 и сл.
 Пеннъ, 310.
 Пенсильванская система, см. Филадельфійская.
 Пентонвилъ, тюрьма, 226, 405.
 Пересылка ссыльныхъ, 203, 208, 264, 279, 298, 303.
 Передвиженіе заключенныхъ, 479.
 Передвижныя тюрьмы, 442.
 Переходныя или промежуточныя тюрьмы, 403.
 Песталоцци, 447.
 Питсбургъ, тюрьма, 343.
 Пища заключенныхъ, 419—422; 482.
 „ уменьшеніе ея, 398.
 Пизагоръ, 18.
 Платовъ, 32.
 Плетн, 159, 161.
 Повинности, идея, 64, 79.
 Погашеніе наказанія, 107—133.
 Подрядная система, 368, 369.
 Подслѣдственное заключеніе, 481.
 Позоряція наказанія, 163, 164.
 Полезность въ наказаніи, 64.
 Полицейскій надзоръ, см. Надзоръ.
 Помилowanіе, 125 и слѣд.
 Порицаніе, 15, 16, 25.
 Портъ-Артуръ, 221.
 Поручительство, 186.
 Постели, 422.
 Постепенность въ наказаніи, 400, 404, 412.

Потокъ, 193 и слѣд.
 Потребности, вызывающія наказаніе, 8—24.
 Право наказанія, 1 и слѣд.
 Предостереженіе, 57.
 Предметъ наказанія, 27—51.
 Преступность, состояніе, 42 и слѣд.
 Привычка, 43, 95.
 Примиреніе, 128—133.
 Примѣненіе наказанія, 88—133.
 Принсъ, 36.
 Принужденіе какъ свойство наказанія, 2, 49.
 Принужденіе психическое, 58, 59.
 Пріюты, для несовершеннолѣтнихъ, 443.
 „ для освобожденныхъ, 495.
 Прогулки въ тюрьмахъ, 422.
 Проектъ редакціи, комиссіи, система наказаній, 87, 88.
 Прощеніе, испрошеніе его, 163.
 Пѣніе, 423.
 Paulinen-pflege, 448.

Работа тюремная, 361 и слѣд.
 Работы каторжныя, 80, 268 и слѣд.
 „ крѣпостныя, 290.
 „ наружныя, 309.
 Рабочіе дома, 270, 271, 413.
 Рабство уголовное, 76, 229, 237.
 Релегация римская, 197—201;
 „ французская, 243.
 Религіозное образованіе, 384.
 Рецидивъ, 44, 45.
 Редгиль, колонія, 450.
 Ромильи, 351.
 Роты арестантскія, 81, 290, 413.
 Русская система наказаній, 78.
 Rauben Haus, 448.
 Reprieu, 202.

Саблеръ, 118.
 Сакрація, 165, 166.
 Сахалинь, 296, 300.
 Сводъ законовъ, система наказаній, 80, 81.
 Свойства наказанія, 24—27, 48—51, 66—69.
 Семейное начало, 448, 453, 474.
 Сенека, 53.
 Сингъ-Сингъ, тюрьма, 334.
 Система наказаній, 69 и слѣд.
 Системы тюремныя, 323 и слѣд.
 Смертная казнь, 133 и слѣд.
 Смерть виновнаго, 108, 109.
 „ гражданская, 165, 166, 176.
 „ потерѣвшаго, 131.
 „ политическая, 176.
 Соревнованіе, 400—404.
 Смѣрительныя дома, 81, 270, 413.
 Сперанскій, гр., 142, 143, 177, 278 и слѣд., 288, 289.

Ссылка, 196 и слѣд.
 Субъектъ права наказанія, 4—8.
 Суровый долгъ, 448.
 Сюрингаръ, 346, 347, 450.

Таганцевъ, 8, 464.
 Тардь, 36.
 Тасманія, 207, 209, 219, 224, 227.
 Теорія наказанія, 9—24. 53—62.
 Томсонъ, 36.
 Тренделенбургъ, 20.
 Тюремное заключеніе, см. заключеніе.
 Тюремныя системы, см. системы.
 Тюремы фермы, 309.
 „ передвижныя, 442.
 „ промежуточныя, 220, 409.
 Тѣлесныя наказанія, 153—162.
 Тѣлесныя наказанія для заключенныхъ, 397.

Уголовное рабство, 229.
 Уголовныя наказанія, 82.
 Уложеніе о наказаніяхъ, 80.
 Умалшенныя, помѣщенія для нихъ, 439.
 Управленіе тюремъ, 426.
 „ ссылки, 274—276.
 Условное освобожденіе, 216, 414—417.
 Условное осужденіе, 186.
 Уставъ воинскій, 85.
 „ о наказаніяхъ, 84.
 „ о ссыльныхъ, 85.
 Устрашеніе, теорія, 54.
 „ цѣль наказанія, 66.

Фанъ-Гамель, 93, 99.
 Феербахъ, 58, 59.
 Фелленбергъ, 447.
 Фермы-тюрьмы для взрослыхъ, 442.
 Филадельфійская система, 75, 343.
 Французская система наказаній, 77.

Хозяйственная система работъ 369.

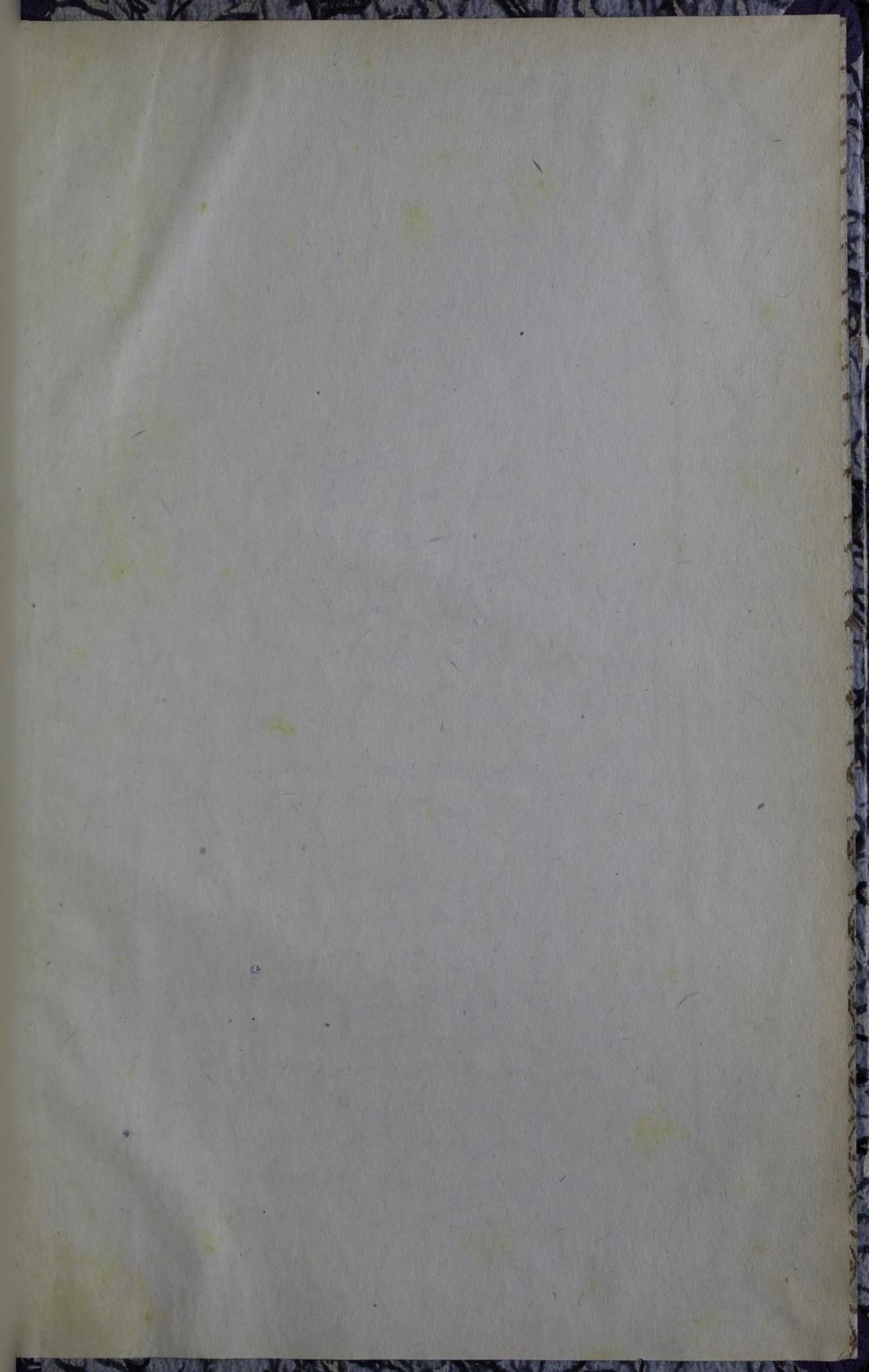
Цахаріэ, 15.
 Цицеронъ, 18.
 Цѣлесообразность наказанія, 62—67.
 Цѣли наказанія, 52—66.

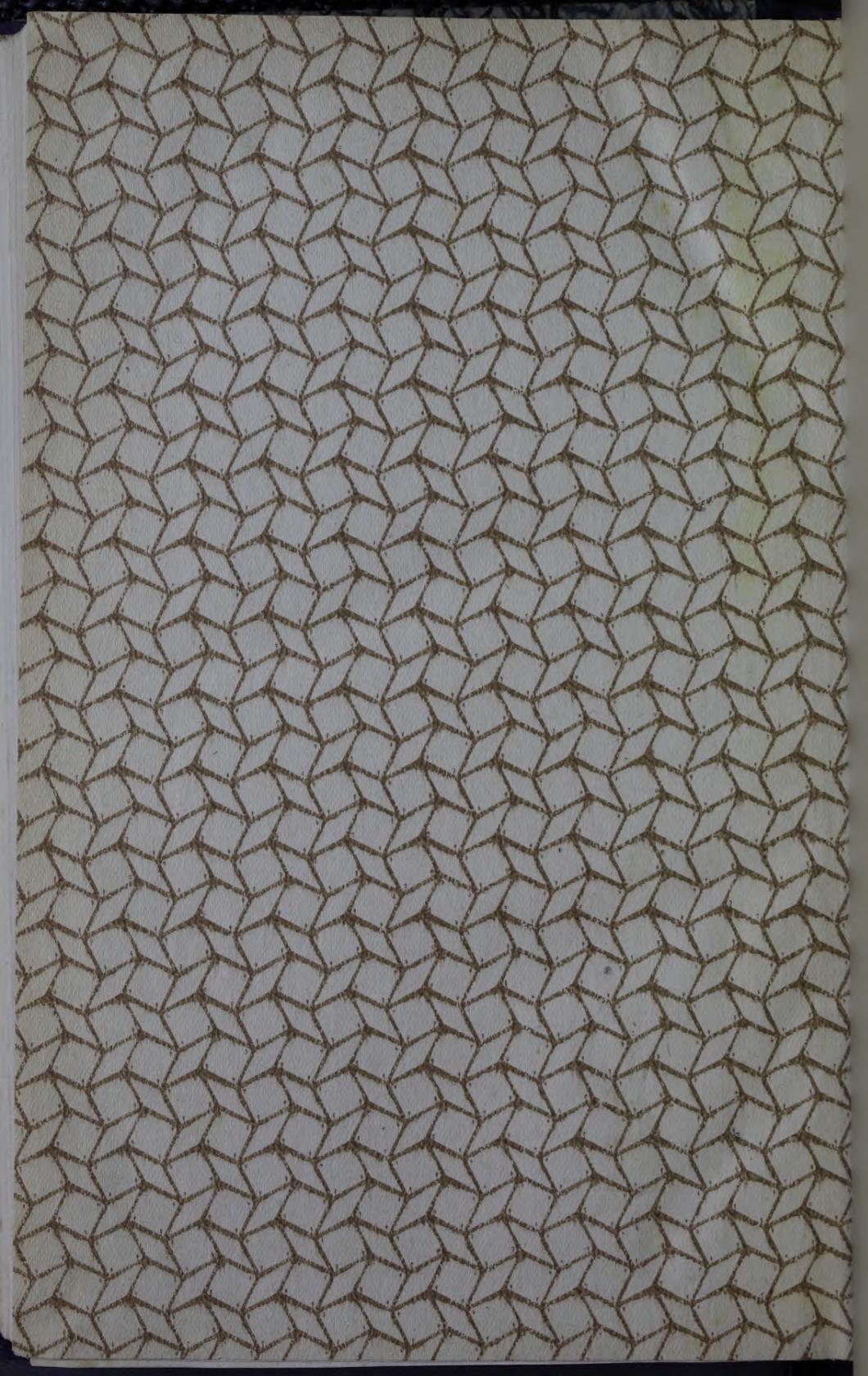
Черри-Гилль, тюрьма, 343—345.
 Честь, пораженіе ея, 162—165.
 Чистота въ тюрьмахъ, 418, 419.
 Чувствительность наказанія, 68.

Шельмованіе, 162, 175.
 Школы тюремныхъ надзирателей, 429.
 Шпидрутены, 159, 161.

Экономія наказаній, 27, 67, 305, 320.

Ядринцевъ, 391.

467.933

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0510002647